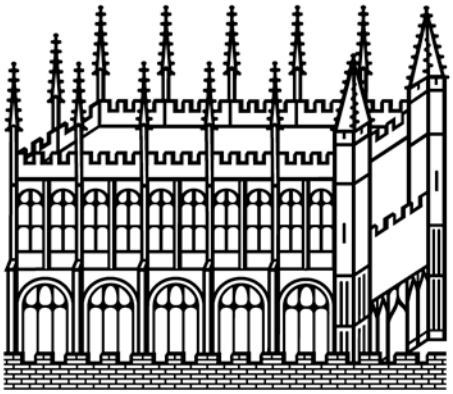

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

СБОРНИКЪ ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. БРЮСОВА
М. ГОРЬКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПАРУСЪ ПЕТРОГРАДЪ

Co 18/1-35.

1918

767

PH 1030. R9. S2 =
Repision. 874

Возврати книгу
не позднее указанного
здесь срока

1302 28 VII
337 5 V
10 12/VIII

8243–37

CONFINED TO
THE LIBRARY

Т Б
1918

СБОРНИКЪ ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— 1884 —

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. БРЮСОВА
М. ГОРЬКАГО

Центральная библиотека
ФОНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПАРУСЪ“ ПЕТРОГРАДЪ

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
2 APR 1970
OF OXFORD
LIBRARY

X
1:4.12
K 2369

Центральная Библиотека
ОДЕДОНД

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Сборникъ былъ составленъ и отданъ въ печать еще до революціи, — этимъ объясняется отчасти не вполнѣ свободный выборъ помѣщенныхъ въ немъ произведеній и, въ частности, содержаніе и тонъ вступительныхъ статей.

Революція внесла много новаго, какъ во внутреннюю жизнь Финляндіи, такъ и во взаимоотношенія ея съ Россіей. Но при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ одно осталось неизмѣненнымъ: это незнакомство насъ, русскихъ, съ культурными завоеваніями Финляндіи, съ ея бытомъ, литературою, искусствомъ. Поэтому мы полагаемъ, что нашъ сборникъ не только не утерялъ своей цѣли, но, наоборотъ, въ дни, когда національная рознь грозитъ вырыть пропасть между двумя сосѣдними демократіями — сборникъ, преслѣдующій цѣли культурнаго сближенія, нуженъ больше, чѣмъ когда-либо раньше.

Въ составленіи его, помимо редакторовъ, принимали участіе: д-ръ Кастренъ, д-ръ Неванлинна, В. М. Смирновъ, д-ръ Таркіайненъ, проф. О. Э. Тудеръ и др.

Всѣмъ участникамъ и сотрудникамъ сборника издательство приноситъ свою глубокую благодарность.

Петроградъ.
Іюль 1917 г.

Центральная Библиотека
ОДЕССА

ОБЗОРЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО, ОБЩЕСТВЕННАГО и ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ФИНЛЯНДІИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ СТА ЛѢТЪ*.

I.

Великое Княжество Финляндское сто слишкомъ лѣтъ находится въ политическомъ единеніи съ Россіей. Что же касается болѣе отдаленнаго прошлаго, которымъ опредѣляется характеръ финляндской культуры, то эта автономная область Русскаго государства примыкаетъ къ европейскому западу.

Въ XI вѣкѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, началось покореніе Финляндіи шведами, при чемъ, по обычаю того времени, языческія финскія племена были обращаемы въ христіанство. Такимъ образомъ Финляндія въ политическомъ отношеніи вошла въ составъ Шведскаго государства и въ религіозномъ подчинилась римско-католической церкви. Вслѣдствіе этого финны, не успѣвъ создать собственной культуры, потеряли свою самостоятельность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндія пріобщилась къ западно-европейской культурѣ. Поэтому та культура, которая мало-по-малу развивалась въ этой отдаленной и суровой странѣ въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, какъ въ политическомъ, такъ и въ общественномъ и духовномъ отношеніи составила часть общеевропейской цивилизаціи, и отпечатокъ этой послѣдней можно наблюдать на всѣхъ сторонахъ жизни финскаго народа.

Рѣшающее значеніе для будущаго развитія Финляндіи имѣло то обстоятельство, что она была присоединена къ Шведскому государству не какъ завоеванная страна. Населеніе Финляндіи получило тѣ же права, которыми пользовался шведскій народъ, и Финляндія, вмѣстѣ съ другими областями Швеціи, образовала единое политическое цѣлое. Повсюду въ Финляндіи былъ введенъ шведскій политическій и общественный строй. Онъ былъ основанъ на широкой и прочной народной свободѣ, а также на подчиненіи законамъ, участіе въ изданіи которыхъ, съ правомъ рѣшающей власти, на ряду съ королемъ, принадлежало и

* До начала настоящей войны.

народу, сначала непосредственно, а потомъ въ лицѣ его представителей на сеймѣ; народу принадлежало также и право самообложенія. Законъ обезпечивалъ народную свободу, и всякое порабощеніе, въ томъ числѣ и земельное, было здѣсь неизвѣстно и осталось таковымъ. Крестьянское сословіе, которому какъ въ Финляндіи, такъ и въ Швеціи принадлежала бо́льшая часть земли, являлось свободнымъ, самостоятельнымъ и, вмѣстѣ съ горожанами, духовенствомъ и дворянствомъ, входило въ составъ земскихъ чиновъ сейма.

Вмѣстѣ съ общественно-политическимъ строемъ въ Финляндію постепенно проникла и шведская культура. Какъ народъ менѣе многочисленный, а по общему развитію — болѣе отсталый сравнительно съ шведами, финны, какъ сказано, за все время шведскаго владычества не могли создать своей, т. е. національно-финской цивилизаціи. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ Финляндіи, въ судѣ употреблялся шведскій языкъ, котораго народъ не зналъ. Тѣ изъ финновъ, которые достигали высшаго образованія, усваивали шведскій языкъ, который нерѣдко становился ихъ роднымъ языкомъ. Въ числѣ должностныхъ лицъ были шведы, которые не всегда знали финскій языкъ. Однако, по большей части, и чиновники и особенно духовенство, на ряду съ официальнымъ шведскимъ языкомъ, знали и финскій, — благодаря этому они умѣли дѣлать свое дѣло такъ, что не были въ глазахъ народа совершенно чужими людьми.

Въ этомъ отношеніи важную роль сыграло духовенство. По примѣру Швеціи, Финляндія въ эпоху реформаціи отложилась отъ католической церкви, усвоивъ лютеранское ученіе и церковный строй. Однимъ изъ основныхъ принциповъ протестантизма было обученіе грамотѣ на родномъ языкѣ. Этотъ принципъ вызвалъ къ жизни финскую письменность. Начало ей, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и общей финской литературѣ, — положилъ епископъ Михаилъ Агрикола (родился въ 1508 году), сынъ рыбака изъ южной Финляндіи. Онъ составилъ букварь финскаго языка, перевелъ Новый Завѣтъ и написалъ нѣсколько незначительныхъ сочиненій духовнаго содержанія на языкѣ финновъ. Съ тѣхъ поръ и вплоть до XIX столѣтія почти все духовное развитіе Финляндіи ограничивалось церковной литературой и просвѣщеніемъ. Но эта культура, а также всеобщая грамотность спасли финновъ, даже во время шведскаго владычества, отъ состоянія паріевъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что со стороны Швеціи не дѣлалось никакихъ покушеній на денаціонализацію финскаго народа, и благодаря этому, сознаніе національной свободы крѣпко вросло въ его психику. Въ концѣ XVIII столѣтія среди нѣкоторыхъ финскихъ ученыхъ и патріотовъ, — изъ нихъ самымъ замѣчательнымъ былъ профессоръ основаннаго въ 1640 году университета Х. Г. Портанъ, — начинается сознательная, хотя и чисто теоретическая работа въ національномъ духѣ, плодомъ которой въ серединѣ XIX вѣка явилось движеніе, направленное къ созданію самобытной финской культуры.

II.

Шведское владычество въ Финляндіи могло возникнуть и сохраниться только при непрерывной борьбѣ съ Россіей, которая также стремилась распространить свою власть на страну финновъ. Начиная съ Петра Великаго, это стремленіе становится все болѣе сознательнымъ, указывая Россіи выходъ къ морю. И по мѣрѣ того, какъ Швеція теряетъ значеніе великой европейской державы, перевѣсъ въ борьбѣ за Финляндію переходитъ на сторону Россіи. Въ 1721 году Швеція вынуждена была уступить Россіи восточную часть Финляндіи, именно Выборгскую губернію съ городомъ Выборгомъ. Двадцать два года спустя Россія беретъ еще область къ западу отъ Выборга до рѣки Кюми. Въ связи съ великими европейскими войнами Наполеона, въ 1808 г. вспыхнула война между Россіей и Швеціей, которая кончилась тѣмъ что вся Финляндія была присоединена къ Россіи.

Обстоятельства, при которыхъ произошла эта коренная перемѣна въ политическомъ состояніи Финляндіи, имѣли рѣшающее значеніе для послѣдующаго ея развитія. Императоръ Александръ I присоединилъ Финляндію къ своему государству не какъ завоеванную область, но далъ ей широкую автономію. Еще ранѣе, чѣмъ подписанъ былъ миръ (17 сент. 1809 г. въ небольшомъ финляндскомъ городѣ Фридрихсгамѣ), по которому Швеція уступала Россіи Финляндію, императоръ Александръ I созвалъ въ г. Борго, въ южной Финляндіи, представителей финскаго народа и 29 марта того же года торжественно подтвердилъ религію и основные законы страны, послѣ чего собравшіеся на сеймъ представители сословій Финляндіи отъ лица народа присягнули императору и тѣмъ самымъ признали его верховную власть надъ страной.

Два дня спустя государь подписалъ удостовѣрительную грамоту, которой суждено было опредѣлить будущій политическій строй Финляндіи, и которую подтверждали, при вступленіи на престолъ, всѣ его преемники. Текстъ грамоты слѣдующій:

«Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая. Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндскаго, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по Конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили.

Александръ».

Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года.

Этой грамотой положеніе Финляндіи въ Русскомъ государствѣ было опредѣлено такимъ образомъ, что Великое Княжество Финляндское —

такъ официально называлась страна съ конца XVI в. — въ международномъ отношеніи сдѣлалось нераздѣльною частью Россійской Имперіи, но во внутреннемъ управленіи оно было автономною областью, со своей собственной конституціей. Послѣдняя была та, которая до тѣхъ поръ у Финляндіи была общей со Швеціей и которая состояла, главнымъ образомъ, изъ трехъ основныхъ законовъ: «Формы правленія» 1772 года, такъ наз. «Акта соединенія и безопасности» 1789 г. и «Сеймоваго устава» 1617 года. Благодаря этому, въ Финляндіи явилось свое, отдѣльное отъ русскаго, законодательство и правительство. По основнымъ законамъ, верховная власть принадлежала монарху, который осуществляетъ ее съ помощью финляндскихъ гражданъ, такъ же, какъ власть административную и судебную. Это означало, что члены правительства и должностныя лица въ Финляндіи избирались исключительно изъ финляндцевъ. Законодательная власть принадлежала монарху и народному представительству совмѣстно, такъ что для отмѣны старыхъ законовъ и изданія новыхъ требовалось единогласное рѣшеніе того и другого. Народное представительство состояло изъ упомянутыхъ выше четырехъ сословій.

Александръ I желалъ, какъ онъ неоднократно высказывался, «возвести финскій народъ въ чреду націй» и «дать Финляндіи бытіе политическое». Согласно этому, въ ближайшіе годы послѣ сейма въ Борго, учрежденъ былъ государственный строй Финляндіи. Финляндіи дано было собственное правительство, составленное изъ мѣстныхъ уроженцевъ, которое осенью 1809 года начало свою дѣятельность въ тогдашней столицѣ Финляндіи Або, подъ именемъ Императорскаго Правительствующаго Совѣта. Съ 1819 года резиденціей его сталъ Гельсингфорсъ, который за семь лѣтъ передъ тѣмъ былъ объявленъ столицею края. Съ 1816 года онъ сталъ именоваться Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ. Это наименованіе дано было ему Александромъ I въ знакъ того, что высшему учрежденію Финляндіи принадлежало равное положеніе съ соотвѣтствующими учрежденіями Имперіи и тогдашняго Царства польскаго. Во главѣ правительства былъ поставленъ генералъ-губернаторъ, на постъ котораго назначались русскіе уроженцы. Для представленія монарху тѣхъ финляндскихъ дѣлъ, которыя подлежали рѣшенію верховной власти, въ Петербургѣ была учреждена должность статсъ-секретаря, который потомъ получилъ официальный титулъ министра-статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго. Первыя нѣсколько лѣтъ эту должность занималъ извѣстный М. Сперанскій, но потомъ мы видимъ на этомъ посту финляндскихъ уроженцевъ. Что касается администраціи и суда, то они сохранили свой прежній видъ, такъ какъ шведскіе законы и постановленія оставались въ силѣ. Для сохраненія политическаго и національнаго единства финскаго народа было чрезвычайно важно, что въ концѣ 1811 г. къ княжеству была присоединена такъ наз. Старая Финляндія, т. е. та часть страны, которая еще раньше была завоевана Россіей.

Такимъ образомъ, согласно закону, форма правленія въ Финляндіи

съ тѣхъ поръ какъ страна была присоединена къ Русскому государству, и стала конституціонною. Но такъ какъ по шведскимъ основнымъ законамъ, которые заключали въ себѣ финляндскую конституцію, право созыва народныхъ представителей принадлежало верховной власти, то это повело къ тому, что въ первой половинѣ XIX вѣка сеймъ ни разу не былъ созванъ. Общія дѣла Финляндіи въ это время рѣшались исключительно государемъ, генералъ-губернаторомъ и мѣстными властями. Правительственная система такимъ образомъ получила характеръ бюрократическій и, соотвѣтственно господствовавшему тогда во всей Европѣ направленію, — реакціонный. Несмотря на это, сколько-нибудь крупныхъ бюрократическихъ злоупотребленій въ Финляндіи не могло быть, такъ какъ управленіе страной происходило на основаніи законовъ, которые — за исключеніемъ цензуры — не оставляли мѣста административному произволу. Правда, развитіе законодательства въ это время пріостановилось, но съ другой стороны, правительство и въ этомъ отношеніи руководствовалось конституціей и не посягало на законодательство. За все это долгое время можно указать только чрезвычайно рѣдкія исключенія, которыя съ своей стороны показываютъ, что основной принципъ оставался въ силѣ. Поэтому автономія страны, т. е. ея самостоятельность въ дѣлахъ управленія и законодательства, въ это время не была нарушена. Подтвердивъ съ своей стороны обѣщаніе своего предшественника о ненарушимости основныхъ законовъ Финляндіи, Императоръ Николай I, при всемъ своемъ нерасположеніи къ конституціонному строю, не допустилъ, однако, нарушенія финляндской автономіи.

Выше было замѣчено, что въ Финляндіи, въ моментъ ея отдѣленія отъ Швеціи, еще не было самобытной культуры. Не было національнаго самосознанія, а, стало быть, и вполнѣ сознательной національной жизни. Шведскій языкъ являлся языкомъ свѣтской культуры, и поэтому она была доступна лишь тѣмъ немногимъ представителямъ высшаго класса, которые знали шведскій языкъ. Главная масса народа, не знавшая этого языка, была почти совершенно чужда образованія и общественной жизни.

Но уже въ началѣ XIX вѣка начинаетъ проявляться сознаніе опасности такого положенія вещей. Въ 10-хъ и 20-хъ годахъ нѣкоторые изъ молодыхъ преподавателей Финляндскаго университета, находившагося тогда еще въ г. Або, но особенно даровитый и пылкій А. І. Арвидсонъ, стали энергично говорить въ печати о ненормальности того порядка вещей, въ силу котораго образованное общество Финляндіи не знаетъ народнаго языка, чуждается его, — и начали требовать соотвѣтствующихъ реформъ.

«Мы не шведы, мы не можемъ стать русскими, намъ нужно быть финнами», — таковъ былъ девизъ, провозглашенный Арвидсономъ. Финскій языкъ долженъ стать языкомъ просвѣщенія, правительства, школы и прочихъ учрежденій. Въ Финляндіи должна явиться финская культура, которую весь народъ могъ бы признать своею.

Вліяніе этихъ первыхъ проявленій финскаго національнаго движенія ограничивалось небольшимъ кругомъ ученыхъ и носило преимущественно литературный характеръ. Но такъ какъ въ нихъ все-таки чувствовался духъ либеральныхъ стремленій эпохи, то власти признали ихъ опасными и препятствовали ихъ распространенію. Въ слѣдующее десятилѣтіе движеніе исчезло почти безслѣдно, изъ чего видно, что въ народѣ еще не было необходимыхъ условій для осуществленія этой программы. Однако ясно, что если въ Финляндіи была самобытная жизненная сила, то подобное движеніе рано или поздно должно было начаться вновь.

Такъ вскорѣ и случилось. Въ ближайшемъ десятилѣтіи Эліасъ Лёнротъ собралъ и обнародовалъ сокровища финской народной поэзіи, прежде всего народный эпосъ «Калевала» (въ первый разъ появилась въ 1835 году). Это пробудило въ образованныхъ кругахъ общества интересъ и любовь къ находившемуся въ пренебреженіи финскому языку и финской народности. Величайшій поэтъ Финляндіи І. Л. Рунебергъ въ знаменитыхъ «Разсказахъ прапорщика Столя» прекрасными стихами воспѣваетъ послѣднюю борьбу финскихъ войскъ, ихъ мужественное самоотверженіе и безхитростную любовь къ отечеству, пробуждая въ своихъ современникахъ то чувство къ свой землѣ, которое онъ такъ дивно изобразилъ въ своемъ гимнѣ «Нашъ край». Наконецъ, въ это же время величайшій государственный дѣятель въ новой исторіи Финляндіи І. В. Снельманъ начинаетъ свое дѣло національнаго возрожденія.

Снельманъ (родился въ 1806 году) былъ философъ, который по окончаніи финляндскаго университета продолжалъ свое образованіе и свои научныя изслѣдованія въ Швеціи и Германіи. Подъ вліяніемъ духа времени и своего личнаго характера, онъ усвоилъ историко-философское ученіе Гегеля, которое какъ разъ въ это время завоевало всю Европу. Согласно этому ученію, національной идеѣ принадлежитъ огромное значеніе. Снельманъ, который былъ не только мыслителемъ, но человѣкомъ дѣла и желѣзной энергіи, возвратившись на родину, задумалъ пробудить къ жизни такъ долго дремавшее чувство національнаго самосознанія. Отстраненный консервативными властями отъ соисканія освободившейся каѳедры философіи въ Гельсингфорскомъ университетѣ, онъ поступилъ на скромную должность ректора гимназіи въ отдаленномъ городѣ Куопіо. Тамъ, рядомъ съ педагогической дѣятельностью, онъ сталъ (въ 1844 году) издавать двѣ газеты: одну для народа на финскомъ языкѣ, другую, подъ названіемъ «Сайма», на шведскомъ языкѣ, для интеллигенціи. Этой газетой Снельманъ началъ свою патріотически-національную дѣятельность съ силой, послѣдовательностью и талантомъ, какіе до сихъ поръ были незвѣстны финляндской печати. Программа его принципіально была та же самая, что и у Арвидсона и его друзей за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Такъ какъ финляндская интеллигенція говорила на шведскомъ языкѣ; такъ какъ масса финскаго народа должна была поэтому считать иноязычную интеллигенцію чуждою себѣ; такъ какъ культурный элементъ страны былъ

оторванъ отъ народа, — въ виду всего этого, въ Финляндіи не было ни національной, ни вообще сколько-нибудь живой культуры. Поэтому необходимо было сдѣлать финскій языкъ языкомъ всѣхъ слоевъ страны, — чтобы уничтожить пропасть между образованнымъ классомъ и народомъ, — сдѣлать его языкомъ школы, литературы и правительственныхъ органовъ.

Такова была собственно національная часть программы Снельмана. Она опиралась не только на факты финляндской дѣйствительности и требованія практической жизни, но и на тотъ принципъ гегеліанства, что языкъ и народность неразрывно связаны другъ съ другомъ, и что единство языка необходимо для культурнаго народа, образующаго политическое цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ Снельманъ не видѣлъ никакой необходимости въ финнизаціи того шведскаго населенія, которое съ давнихъ временъ занимало побережья Финскаго и Ботническаго заливовъ, составляя около $^1/_9$ всего населенія страны. Его національная программа вполнѣ реальна и умѣренна. Какъ видно изъ предыдущаго, онъ ясно понималъ, что для осуществленія этой программы прежде всего нужна положительная работа, направленная на созданіе финской культуры, и что осуществленіе ея тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ сферѣ правительственныхъ учрежденій, оно должно происходить по усмотрѣнію правящей власти, — возможно лишь постепенно и постольку, поскольку самъ народъ придетъ къ убѣжденію въ необходимости перемѣнъ.

Кромѣ этого, программа Снельмана призывала народъ къ пробужденію отъ той летаргіи, въ которую онъ впалъ вслѣдствіе недостатка національнаго самосознанія. На скромныхъ столбцахъ газеты «Сайма» обсуждались всѣ вопросы, связанные съ улучшеніемъ условій жизни Финляндіи и финскаго народа, отъ народнаго образованія и образованія женщинъ до поощренія земледѣлія и промышленности. Это было новостью для тогдашней Финляндіи, такъ какъ до тѣхъ поръ въ ней не существовало общественной жизни. Кое-какая повседневная печать была, конечно, въ Финляндіи и до появленія газеты «Сайма», но она носила характеръ скорѣе литературный, чѣмъ общественно-политическій. Такимъ образомъ Снельманъ своей публицистической дѣятельностью прокладывалъ новые пути.

Власти, среди которыхъ все еще господствовало общее реакціонное направленіе, боялись, что идеи Снельмана, при всей законности и лояльности его образа дѣйствій, могутъ быть опасны для того «мира», въ которомъ до тѣхъ поръ пребывала Финляндія, и черезъ три года газета «Сайма» была закрыта, несмотря на то, что она, подобно всѣмъ остальнымъ произведеніямъ печати въ Финляндіи и въ большинствѣ другихъ странъ Европы этого времени, подлежала предварительной цензурѣ.

Публицистическая дѣятельность Снельмана на нѣкоторое время прекратилась. Но его національная дѣятельность, для которой почва была подготовлена трудами Лёнрота и Рунеберга, успѣла оказать желанное вліяніе. Образованное общество стало просыпаться. Въ его средѣ пробудился интересъ къ жизни народа, къ потребностямъ страны,

родилась сознательная любовь къ родинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось пониманіе той опасности, которая заключалась въ разобщеніи между интеллигенціей и народной массой, говорившихъ на разныхъ языкахъ, и желаніе устранить эту историческую аномалію.

Правительство съ своей стороны считало дѣло пробужденія финской народности настолько опаснымъ въ политическомъ отношеніи, что въ 1850 г., когда въ Финляндскомъ университетѣ была открыта каѳедра финскаго языка и литературы, было запрещено печатать на финскомъ языкѣ всѣ сочиненія, кромѣ сочиненій духовнаго содержанія и по сельскому хозяйству. Эта драконовская мѣра примѣнялась только вначалѣ, вскорѣ она рухнула сама собой. Началась дѣятельная работа, направленная на развитіе и разработку народнаго языка, на созданіе финской литературы и просвѣщенія, на введеніе финскаго языка въ учебныя заведенія, правительственныя учрежденія и судъ, а также въ образованное общество.

Работа была не легкая и требовала отъ привилегированнаго класса такого самоотверженія и идеализма, какого нельзя было ожидать отъ огромнаго большинства его представителей. Многіе считали опаснымъ для самой культуры, какъ таковой, если главнымъ ея носителемъ станетъ грубый и неразработанный финскій языкъ. Это привело къ тому, что когда прошелъ первый пылъ, и отъ словъ нужно было переходить къ дѣлу, то лишь небольшая часть тогдашней финляндской интеллигенціи усвоила, какъ слѣдуетъ, національную программу Снельмана и взялась за ея осуществленіе. Другая часть осталась болѣе или менѣе равнодушною къ народному движенію; иные съ теченіемъ времени, подчасъ очень горячо, стали ему противодѣйствовать, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку цѣлью движенія ставилось завоеваніе финскому языку значенія языка правительственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ финское національное движеніе привело къ борьбѣ, и лишь довольно медленно въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій движеніе достаточно окрѣпло для достиженія своей цѣли. Въ общемъ, можно считать, что это произошло еще до конца столѣтія, хотя та единая по языку Финляндія, о которой мечталъ Снельманъ, еще не была осуществлена.

Въ настоящее время въ Финляндіи уже имѣется достаточно сильное общество, являющееся представителемъ и опорой высшей финской культуры. Правительство и частныя лица даютъ средства на содержаніе финскихъ учебныхъ заведеній, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Существуетъ національная и общечеловѣческая литература и наука на финскомъ языкѣ, повседневная пресса и разнаго рода печатныя произведенія. Финскій языкъ употреблялся въ правительственныхъ учрежденіяхъ и сеймѣ, въ администраціи и судѣ. Но въ Финляндіи попрежнему существуетъ и шведская интеллигенція, представители которой встрѣчаются даже въ мѣстностяхъ съ чисто финскимъ населеніемъ; какъ правительство, такъ и частныя лица поддерживаютъ шведскія учебныя заведенія, и въ единственномъ университетѣ страны шведскій языкъ все еще играетъ видную роль. Шведскій языкъ также попрежнему упо-

требляется въ административныхъ и другихъ учрежденіяхъ. въ общественной и культурной жизни.

III.

То національно-политическое пробужденіе, которое началось въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, породило въ сознательной части общества также и политическіе интересы. Въ Финляндіи, согласно утвержденной конституціи, была представительная форма правленія, которая предполагала участіе народа въ законодательствѣ, обложеніи и финансахъ. Вскорѣ общимъ желаніемъ страны стало, чтобы провозглашенная въ основныхъ законахъ конституціонная идея осуществилась на дѣлѣ. Однако, пока скипетръ находился въ рукахъ Николая I, это желаніе не могло быть исполнено. Когда же на престолъ вступилъ Александръ II, то для Финляндіи, какъ и для всей Имперіи, наступила въ политическомъ отношеніи новая эра.

Черезъ годъ послѣ восшествія на престолъ Александръ II, который, уже будучи наслѣдникомъ, состоялъ канцлеромъ Финляндскаго университета и вообще зналъ Финляндію и симпатизировалъ ей, вновь посѣтилъ столицу этой страны. Онъ присутствовалъ на засѣданіи сената и продиктовалъ программу будущей дѣятельности мѣстнаго правительства. Программа имѣла цѣлью поднятіе матеріальнаго и духовнаго состоянія страны различными мѣрами. Пробудившіеся въ Финляндіи политическіе интересы получили, благодаря этому, новую силу. Все болѣе и болѣе стали привлекать къ себѣ вниманіе тѣ недостатки, которые оказались въ законодательствѣ, оставшемся безъ всякаго движенія въ теченіе полстолѣтія, въ области какъ частнаго, такъ и публичнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало очевиднымъ, что безъ новыхъ денежныхъ источниковъ, т. е. безъ новыхъ налоговъ или займовъ, которые могли быть осуществлены только черезъ народное представительство, правительство не могло совершить тѣхъ нововведеній, которыхъ требовало развитіе страны и которыя отчасти были намѣчены самимъ правительствомъ. Въ виду этого мысль о необходимости созыва сейма проникала во все болѣе и болѣе широкіе круги общества. Но прошло еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ она осуществилась. Въ 1863 году императоръ Александръ II исполнилъ, наконецъ, это завѣтное желаніе финскаго народа, созвавъ народныхъ представителей на сеймъ въ Гельсингфорсѣ.

Это событіе было поворотнымъ пунктомъ въ развитіи Финляндіи. Открывая сеймъ, императоръ Александръ II объявилъ о своемъ желаніи «держаться тѣхъ конституціонно-монархическихъ принциповъ, которые опираются на убѣжденія финскаго народа и коренятся въ законахъ и учрежденіяхъ страны», а также о своемъ намѣреніи расширить права народнаго представительства, при чемъ онъ указалъ на свою готовность созывать народныхъ представителей на очередные сеймы.

Дѣйствительно, за этимъ первымъ сеймомъ четыре года спустя по-

слѣдовали новые, и съ тѣхъ поръ собранія народныхъ представителей сдѣлались періодическими — они происходили сначала черезъ каждые пять лѣтъ, а потомъ черезъ каждые три года. Такимъ образомъ Финляндія стала дѣйствительно конституціонной страною. На ряду съ этимъ началось быстрое развитіе правительственной и общественной дѣятельности. Устарѣвшее гражданское и уголовное право было преобразовано соотвѣтственно требованіямъ новаго времени, было введено городское и мѣстное самоуправленіе, основаны всеобщія народныя школы, открыты среднія учебныя заведенія въ различныхъ частяхъ страны; усовершенствованы пути сообщенія постройкой желѣзныхъ дорогъ, которыя соединили Финляндію съ Петербургомъ, а также различныя части страны со столицей и между собой; финансовое дѣло было поставлено на твердую и самостоятельную почву. Финскому языку мало-по-малу дано было мѣсто въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д. Намѣреніемъ правительства и желаніемъ общества было создать для Финляндіи новую кодифицированную конституцію, которая бы расширила права народнаго представительства, и для этого предприняты были необходимыя подготовительныя работы. Хотя проектъ и остался неосуществленнымъ, но результатомъ этихъ работъ явился новый уставъ финляндскаго сейма 1869 г. Онъ сохранилъ прежнее раздѣленіе сейма на четыре сословія, но сдѣлалъ сеймы періодическими, точнѣе опредѣлилъ составъ народнаго представительства и характеръ его работы, приведя ихъ въ бо́льшее соотвѣтствіе съ требованіями новаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый сеймовый уставъ содержалъ рядъ важныхъ матеріальныхъ постановленій, которыя подтверждали право народнаго представительства на участіе въ строеніи государственной жизни.

Это развитіе продолжалось безпрепятственно и въ царствованіе Александра III, когда народному представительству возвращено было принадлежавшее ему раньше, — впослѣдствіи отнятое, — право законодательной иниціативы. Въ члены правительства со временемъ все чаще стали приглашать выдающихся общественныхъ дѣятелей, какъ, напр., Л. Мехелинъ и Г. З. Ирье-Коскиненъ, изъ которыхъ первый былъ главнымъ представителемъ тогдашняго либерализма, второй — финскаго національнаго направленія.

Однако, въ концѣ царствованія Александра III начали обнаруживаться ясные признаки происходившаго въ русской политикѣ по отношенію къ Финляндіи важнаго принципіальнаго поворота. То теченіе въ русскомъ общественномъ мнѣніи, представителемъ котораго еще въ 60-хъ годахъ выступилъ М. Катковъ въ своей газетѣ «Московскія Вѣдомости», пріобрѣтало все бо́льшее вліяніе въ правительственныхъ кругахъ Россіи. Въ связи съ этимъ былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи финляндской автономіи. Прежде всего предположено было упраздненіе самостоятельныхъ вѣдомствъ — финансоваго, таможеннаго и почтоваго — и ихъ объединеніе съ соотвѣтствующими вѣдомствами Имперіи. Для этой цѣли въ началѣ 1890 года, по Высочайшему повелѣнію,

образованы были три русско-финляндскихъ комиссіи, которыя должны были составить проекты необходимыхъ распоряженій. Что касается почтоваго вѣдомства, то манифестомъ отъ 12 іюня 1890 г. оно было подчинено россійскому министру внутреннихъ дѣлъ. Эта мѣра была важною не столько по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, такъ какъ почтовое вѣдомство Финляндіи попрежнему оставалось фактически финскимъ учрежденіемъ, сколько въ принципіальномъ отношеніи, такъ какъ этимъ впервые нарушалось то положеніе финляндской конституціи, по которому въ Финляндіи только мѣстнымъ правительственнымъ органамъ принадлежитъ право осуществленія офиціальной власти, и этотъ порядокъ могъ быть измѣненъ только по общему рѣшенію народнаго представительства и верховной власти. Что касается финансоваго и таможеннаго вѣдомствъ, то преобразованіе ихъ было пока отложено въ виду тѣхъ существенныхъ затрудненій, съ какими связано было измѣненіе этихъ учрежденій, такъ глубоко затрогивающихъ хозяйственную жизнь страны.

Затѣмъ до конца 90-хъ годовъ государственная жизнь Финляндіи шла, въ общемъ, прежнимъ путемъ, хотя и подъ давленіемъ чувства неувѣренности. Рѣшительный поворотъ къ тому направленію, которое осталось господствующимъ до настоящаго времени, произошелъ только въ 1899 году.

IV.

Въ 1898 году на постъ генералъ-губернатора Финляндіи былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ. Въ рѣчи, съ которой онъ встрѣтилъ представителей мѣстной власти, новый начальникъ края изложилъ ту программу, какую высшее правительство предполагало осуществлять. Финляндія въ политическомъ отношеніи должна быть тѣснѣе соединена съ Имперіей; то особое положеніе, которое она занимаетъ въ государствѣ, должно быть въ существенныхъ отношеніяхъ уничтожено. Скоро явились распоряженія, направленныя къ этой цѣли. Начали съ финляндскихъ войскъ, которыя при Александрѣ II, по почину правительства, были организованы на основѣ всеобщей воинской повинности, по закону 1878 года. По этому закону, въ Финляндіи была своя армія, въ томъ смыслѣ, что финляндцы отбывали воинскую повинность въ своей странѣ и подъ командой своихъ начальниковъ. Она состояла изъ девяти стрѣлковыхъ батальоновъ, къ которымъ при Александрѣ III присоединенъ былъ драгунскій полкъ, и изъ резервовъ. У этихъ войскъ было также свое управленіе, которое въ хозяйственномъ отношеніи находилось въ вѣдѣніи сената и его милиціонной экспедиціи. Однако, въ военномъ отношеніи финляндскія войска были подчинены русскому военному министру, которому финляндскій чиновникъ докладывалъ ихъ дѣла. Въ военное время финляндскія войска, по повелѣнію верховной власти, могли быть командированы на службу за предѣлы страны, какъ это было, напр., въ русско-турецкую войну 1877—78 гг.

Теперь правительство нашло этотъ порядокъ несовмѣстимымъ съ принципомъ государственнаго единства. Въ русскомъ военномъ министерствѣ былъ составленъ проектъ полнаго его преобразованія въ томъ смыслѣ, что отдѣльная финская армія не должна существовать. Еще важнѣе было то, что правительство отказалось признать за финляндскимъ народнымъ представительствомъ право участія съ рѣшающимъ голосомъ въ законодательствѣ по этому вопросу. Правда, въ 1899 году народные представители были созваны на чрезвычайный сеймъ для обсужденія упомянутаго проекта новаго закона о воинской повинности, но отъ сейма потребовали только заключенія по этому вопросу, а не рѣшенія, хотя проектъ имѣлъ цѣлью отмѣну закона 1878 года, который былъ изданъ при участіи конституціоннаго народнаго представительства, по конституціи же всѣ подобные законы отмѣняются и издаются только съ согласія народнаго представительства.

Скоро произошло еще болѣе важное событіе. Прежде чѣмъ сеймъ успѣлъ обсудить правительственный проектъ, изданъ былъ 3/15 февраля 1899 г. Высочайшій манифестъ, въ силу коего дѣла, которыя считались имѣющими «общегосударственное значеніе», были изъяты изъ вѣдѣнія финляндскаго народнаго представительства и подлежали обсужденію въ порядкѣ, утвержденномъ въ такъ наз. основныхъ законахъ, изданныхъ вмѣстѣ съ манифестомъ — въ порядкѣ, который по существу ничѣмъ не отличался отъ общеимперскихъ установленій. Какія именно дѣла финляндскаго законодательства считались имѣющими общегосударственное значеніе, не было точно опредѣлено, верховная власть должна была рѣшать это сама въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Такимъ образомъ, помимо установленнаго въ основныхъ законахъ Финляндіи законодательнаго порядка, допущено было существенное измѣненіе въ финляндской конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное и совершенно неопредѣленное ограниченіе законодательной компетенціи народнаго представительства и автономіи страны. Объявленный въ февральскомъ манифестѣ законодательный порядокъ былъ примѣненъ на практикѣ только одинъ разъ, а именно въ 1900 году, когда былъ изданъ законъ, на основаніи котораго финляндскія войска были распущены. Примѣняя новый законъ, правительство въ то же время приступило ко многимъ другимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ, по большей части, помимо законодательнаго порядка, установленнаго конституціей страны. Главнымъ изъ нихъ было введеніе русскаго языка въ сенатъ и другія высшія административныя учрежденія. Въ Финляндіи началась борьба за конституцію и противъ программы Бобрикова, — борьба, которая наложила свой отпечатокъ на всю государственную жизнь страны въ теченіе пятилѣтія. Эта борьба обострялась еще тѣми репрессивными мѣрами, къ которымъ прибѣгало правительство, чтобы сломить сопротивленіе должностныхъ лицъ и народа. Кромѣ того, она осложнялась и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ средѣ финскаго общества существовало разногласіе по вопросу о томъ, какъ слѣдовало народу и его руководителямъ относиться къ политикѣ генерала Бобрикова.

Одна часть народа была того мнѣнія, что только путемъ безусловнаго противодѣйствія законамъ и постановленіямъ, изданнымъ въ порядкѣ, противорѣчащемъ конституціи, путемъ такъ наз. пассивнаго сопротивленія, невзирая на неизбѣжныя при этомъ невзгоды, можно съ теченіемъ времени обезпечить побѣду дѣлу автономіи. Другіе, наоборотъ, полагали, что такой образъ дѣйствій причинитъ странѣ новыя бѣдствія, и хотѣли попытаться отстоять финляндскую автономію и законный порядокъ въ странѣ, хотя бы цѣною временнаго подчиненія, путемъ переговоровъ и частичныхъ уступокъ. При осуществленіи своей программы, представители перваго мнѣнія или были уволены изъ состава сената и другихъ занимаемыхъ ими должностей, или сами покинули ихъ; сторонники же другого взгляда, считавшіе необходимымъ по возможности удержать правительственныя учрежденія и прочія должности въ финскихъ рукахъ, поступили на открывшіяся вакансіи, хотя черезъ это они неизбѣжно сами стали участниками примѣненія антиконституціонныхъ мѣропріятій. Разногласіе въ столь важныхъ для страны вопросахъ не могло не породить горечи и даже ненависти въ средѣ самихъ финляндцевъ.

Лѣтомъ 1904 г. генералъ-губернаторъ Бобриковъ былъ убитъ однимъ молодымъ финляндцемъ. Въ то же время вообще стало измѣняться отношеніе русскаго правительства къ финляндскому вопросу, и скоро въ немъ, какъ и вообще въ господствовавшей во всемъ государствѣ правительственной системѣ, произошелъ коренной, хотя и кратковременный поворотъ. Въ связи съ тѣми общеизвѣстными событіями, которыя послѣ Японской войны привели въ Россіи къ изданію манифеста 17 октября 1905 г. и учрежденію Государственной Думы, и въ Финляндіи въ концѣ октября того же года разразилась всеобщая забастовка, а 4 ноября изданъ былъ Высочайшій манифестъ, которымъ, согласно «великой петиціи», въ коей созванный въ концѣ 1904 года финляндскій сеймъ ходатайствовалъ о возстановленіи законнаго порядка, прежде изданные антиконституціонные законы и постановленія либо отмѣнялись, либо оставлялись безъ примѣненія до тѣхъ поръ, пока затрагиваемые ими вопросы не будутъ приведены въ окончательный порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была отмѣнена предварительная цензура, и финляндскому правительству было поручено составить проектъ новаго избирательнаго закона на основахъ всеобщей и равной подачи голосовъ, а также проекты законовъ о свободѣ печати, союзовъ и собраній.

Мѣстное правительство, во главѣ котораго былъ поставленъ бывшій сенаторъ Лео Мехелинъ, и администрація вновь стали относиться съ довѣріемъ къ финнамъ, и народъ во всѣхъ его слояхъ готовился къ энергичной работѣ внутренняго обновленія. Прежде всего была произведена реформа народнаго представительства въ видѣ новаго сеймоваго устава и соединеннаго съ нимъ избирательнаго закона, которые были изданы въ 1906 г. На основаніи ихъ Финляндія пріобрѣтала, какъ часто говорили, наиболѣе демократическое народное представительство во всемъ мірѣ. Оно не только составляется путемъ всеобщей и равной подачи голосовъ

но и представляетъ всего только одну палату; правомъ голоса пользуются одинаково и мужчины и женщины, какъ замужнія, такъ и незамужнія, при чемъ женщины, наравнѣ съ мужчинами, могутъ быть избираемы въ члены народнаго представительства. Было также издано основное законоположеніе, обезпечивающее за финляндскими гражданами вышеупомянутыя свободы (неприкосновенность личности была издавна объявлена въ основныхъ законахъ).

Однако, скоро оказалось, что финляндскій вопросъ не получилъ окончательнаго рѣшенія въ ноябрьскомъ манифестѣ 1905 г. Когда во главѣ русскаго правительства сталъ П. А. Столыпинъ, опять произошла полная перемѣна въ отношеніяхъ Имперіи и Финляндіи. Первою рѣшительною мѣрою, въ которой это обнаружилось, былъ изданный въ 1908 г. указъ, по которому всѣ финляндскія дѣла, требовавшія рѣшенія высшей власти, прежде доклада ихъ монарху черезъ министра-статсъ-секретаря Финляндіи, подлежали разсмотрѣнію въ Совѣтѣ министровъ, для выясненія того, не затрагиваютъ ли они такъ называемыхъ общегосударственныхъ интересовъ. На практикѣ это было осуществлено такимъ образомъ, что кабинетъ министровъ являлся промежуточной инстанціей между верховной властью и финляндскимъ правительствомъ и принималъ участіе въ разсмотрѣніи всѣхъ законодательныхъ и административныхъ дѣлъ Финляндіи, зависящихъ отъ верховной власти.

Скоро послѣдовали новыя мѣропріятія въ томъ же направленія. Вопросъ о воинской повинности въ 1909 г. былъ вновь пересмотрѣнъ и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что, взамѣнъ отбыванія воинской повинности, финляндская казна должна ежегодно вносить въ государственное казначейство опредѣленную денежную сумму впредь до введенія въ Финляндіи личной воинской повинности. Въ слѣдующемъ году издано было весьма важное распоряженіе. Послѣ подготовительныхъ работъ, къ участію въ которыхъ приглашены были и представители Финляндіи, но которыя не привели къ единогласному рѣшенію, русское правительство внесло въ третью Государственную Думу законопроектъ, имѣвшій цѣлью совершенно измѣнить то положеніе, которое Финляндія заняла по отношенію къ Россіи на основѣ государственныхъ актовъ 1809 г., когда шведскіе основные законы были признаны ея конституціею, и странѣ было дано право на собственное законодательство и правительство. Этотъ законъ, принятый большинствомъ Думы и Государственнаго Совѣта и, послѣ Высочайшаго утвержденія, опубликованный 17 (30) іюня 1910 г., вводитъ въ Финляндіи совершенно новую законодательную систему. Законодательныя дѣла Финляндіи дѣлятся здѣсь на двѣ группы: имѣющія «общегосударственное значеніе» и не имѣющія такового. Отнынѣ къ сферѣ финляндскаго законодательства (финляндскаго народнаго представительства) принадлежатъ только дѣла второй группы; дѣла первой группы подлежатъ вѣдѣнію законодательныхъ учрежденій Имперіи, въ которыя избираются и представители отъ Финляндіи (4 въ Государственную Думу и 2 въ Государственный Совѣтъ). Дѣла, которыя

считаются имѣющими общегосударственное значеніе и, стало быть, стоящими внѣ сферы финляндскаго законодательства, перечислены въ 19 пунктахъ; къ нимъ отнесены, кромѣ дѣлъ, касающихся военнаго вѣдомства, напримѣръ, вопросы: объ участіи Финляндіи въ государственныхъ расходахъ и о введеніи налоговъ для этой цѣли; о правахъ русскихъ подданныхъ въ Финляндіи; объ употребленіи русскаго языка въ Финляндіи; о правахъ имперскихъ властей и учрежденій въ Финляндіи; объ изъятіяхъ изъ финляндскихъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ законовъ, требуемыхъ общегосударственными интересами; о защитѣ тѣхъ же интересовъ путемъ опредѣленія учебныхъ программъ и наблюденія за преподаваніемъ; о законоположеніяхъ, касающихся публичныхъ собраній, союзовъ и печати; о таможенныхъ учрежденіяхъ и таможенныхъ тарифахъ; о денежной системѣ; о почтѣ, телефонѣ и отчасти о желѣзныхъ дорогахъ и другихъ путяхъ сообщенія. По усмотрѣнію правительства этотъ перечень можетъ быть увеличенъ, а также можетъ быть измѣнена вся система управленія въ Финляндіи въ такомъ же общегосударственномъ законодательномъ порядкѣ.

Въ этомъ порядкѣ изданы уже два закона для Финляндіи. Одинъ изъ нихъ предоставляетъ русскимъ подданымъ въ Финляндіи всѣ права, принадлежащія по закону финляндскимъ гражданамъ, между прочимъ, и право занимать государственныя должности и избирать членовъ народнаго представительства. Другимъ подтверждаются тѣ постановленія объ уплатѣ денежной суммы взамѣнъ личной воинской повинности, которыя изданы были ранѣе административнымъ путемъ. Кромѣ того, предположены новыя весьма обширныя преобразованія въ господствующей въ Финляндіи системѣ управленія, по программѣ, Высочайше утвержденной осенью 1914 года. Этими мѣропріятіями опредѣлилась государственная жизнь Финляндіи за послѣдніе годы, ими она опредѣляется и донынѣ.

Первымъ и наиболѣе важнымъ слѣдствіемъ ихъ было то, что мѣстное финляндское правительство, въ средѣ котораго, въ виду совершенно новыхъ условій, финляндцы не считали возможнымъ оставаться, измѣнило свой составъ: начиная съ осени 1909 г., оно образуется отчасти изъ русскихъ, отчасти изъ финляндскихъ уроженцевъ, но жившихъ въ Россіи и потому чуждыхъ Финляндіи. Многія должности, особенно въ сенатѣ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ, также предоставлены русскимъ, хотя большинство мѣстныхъ должностныхъ лицъ попрежнему финляндцы. На основаніи упомянутаго выше закона о равноправіи, многія должностныя лица, въ томъ числѣ весь составъ Императорскаго Выборгскаго Гофгерихта, были приговорены русскимъ судомъ къ отрѣшенію отъ должности и заключенію въ русской тюрьмѣ за то, что они не нашли возможнымъ примѣнять означенный законъ, противорѣчащій основнымъ законамъ страны. Финляндское народное представительство сдѣлало попытку удалить этотъ конфликтъ тѣмъ, что по своему почину приняло проектъ закона, который предоставлялъ русскимъ подданнымъ въ Финляндіи тѣ же права на занятіе промыслами и участіе

въ рѣшеніи дѣлъ мѣстнаго самоуправленія, какими пользуются финляндскіе граждане, но проектъ этотъ не получилъ утвержденія.

Этотъ политическій конфликтъ остановилъ почти всю законодательную работу даже въ тѣхъ областяхъ, которыхъ онъ прямо не касался. Новому демократическому финляндскому сейму пришлось поэтому съ самаго же начала работать въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ, и тѣ важныя законодательныя предположенія, къ осуществленію которыхъ Финляндія стала готовиться послѣ ноябрьскаго манифеста, дали лишь ничтожные практическіе результаты. Нормальный ходъ политической жизни страны нарушался тѣмъ, что въ связи съ крупнымъ государственнымъ конфликтомъ между народнымъ представительствомъ и правительствомъ возникъ также финансовый конфликтъ, формальнымъ поводомъ къ которому послужила исконная финансовая система Финляндіи, предоставляющая правительству, согласно «интересамъ страны», распоряженіе ординарными доходами и запасными суммами, а народному представительству указаніе дополнительныхъ налоговъ или другихъ суммъ, необходимыхъ для удовлетворенія тѣхъ общихъ потребностей, для которыхъ считаются недостаточными обыкновенные налоги.

V.

Въ дополненіе къ этому краткому обзору новѣйшей политической жизни Финляндіи, необходимо сказать нѣсколько словъ о мѣстной партійной жизни.

Самымъ крупнымъ вопросомъ того времени, когда въ Финляндіи началась политическая жизнь, былъ вопросъ, выдвинутый финскимъ національнымъ движеніемъ. Этотъ вопросъ — основа раздѣленія общества на политическія партіи. Выше мы указали различные взгляды, которые при этомъ возникли. Соотвѣтственно имъ, съ одной стороны сложилась финская партія, которую противники охотно называли «финноманскою». Ее образовала та небольшая часть шведскаго образованнаго класса, которая усвоила національные взгляды Снельмана и связанныя съ ними стремленія, а также сознательная или полусознательная часть финскаго народа, преимущественно классъ сельскихъ землевладѣльцевъ. Другую партію составила главная часть шведскаго высшаго класса. Ея руководители въ первое время послѣ пробужденія политической жизни въ Финляндіи были одушевлены, главнымъ образомъ, общеевропейскими либеральными стремленіями и идеалами того времени, и отношеніе ихъ къ финскому національному дѣлу было проявленіемъ скорѣе недостаточнаго пониманія и нѣкотораго равнодушія, чѣмъ сознательнаго антагонизма. Однако, съ теченіемъ времени, противодѣйствіе финскому движенію сдѣлалось господствующей чертой въ ея средѣ. Такимъ образомъ возникла шведская партія, т. е. партія, считавшая необходимымъ сохраненіе шведскаго языка въ политической и культурной жизни Финляндіи.

Съ этимъ антагонизмомъ финской и шведской партій были связаны и другія различія во взглядахъ и стремленіяхъ, отчасти политическаго, отчасти общественнаго и общекультурнаго характера. Представители финской партіи были болѣе демократическаго образа мыслей, чѣмъ представители шведской. Но первые въ нѣкоторыхъ вопросахъ—напримѣръ, въ церковномъ—были вообще болѣе консервативны; послѣдніе—болѣе либеральны. Финская партія стремилась ко всему тому, что, по ея мнѣнію, должно было улучшить и поднять положеніе преобладающаго финскаго народа; шведская партія по своимъ стремленіямъ была болѣе аристократическою и индивидуалистическою. Въ щекотливомъ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Россіи финская партія желала слѣдовать политикѣ умѣренной осторожности, тогда какъ шведская настаивала на неуклонномъ требованіи правъ.

Было ясно, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ развивалась жизнь страны и культура проникла въ болѣе широкіе слои финскаго народа, а борьба за языкъ теряла свою остроту, въ виду успѣховъ финскаго движенія, въ этой партіи должна была произойти диференціація. Первымъ замѣтнымъ признакомъ ея явилось возникновеніе въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ такъ называемой младофинской партіи. Какъ показываетъ самое названіе, эта партія, вначалѣ немногочисленная, но съ теченіемъ времени значительно возросшая, сформировалась вокругъ нѣсколькихъ молодыхъ представителей финскаго дѣла, по большей части литераторовъ. По ихъ мнѣнію, финское движеніе въ политическомъ отношеніи, въ сущности, уже достигло своей цѣли и поэтому не могло быть выраженіемъ важнѣйшихъ общихъ стремленій. Его мѣсто должна была занять реформаторская работа въ общемъ либеральномъ духѣ. Въ этомъ отношеніи «старыхъ» представителей финской партіи обвиняли въ излишнемъ консерватизмѣ (названіе *старый* съ этого времени начинаютъ употреблять, особенно въ противномъ лагерѣ, по отношенію къ той группѣ финской партіи, которая осталась вѣрною старымъ вождямъ и не симпатизировала младофиннамъ). Въ этомъ была точка соприкосновенія между младофиннами и шведами, и дѣйствительно, отношенія между этими партіями были менѣе натянутыми, чѣмъ между старофиннами и шведской партіей. Это особенно ясно сказалось во время борьбы за основные законы при генералѣ Бобриковѣ, когда шведская и младофинская партіи усвоили себѣ одну и ту же программу пассивнаго сопротивленія, о которой было упомянуто выше, тогда какъ старофинская партія осталась на своей умѣренной позиціи, о чемъ также было сказано выше. Окончательное отдѣленіе младофинновъ отъ прежней общей финской партіи произошло, въ сущности, только теперь, когда они вмѣстѣ со шведами образовали общую группу, называвшую себя «конституціоналистами». Къ младофиннамъ примкнули затѣмъ также нѣкоторые выдающіеся политическіе дѣятели изъ старофинновъ, не одобрявшіе вышеупомянутаго образа дѣйствій во время борьбы за конституцію, и можно сказать вообще, что младофинны только въ это время получили положеніе вліятельной политической

партіи, которая опиралась не только на интеллигентное общество, но и на большія массы народа.

И послѣ событій 1905 года отношенія между младофиннами и шведами оставались болѣе близкими, чѣмъ между этими послѣдними и старофиннами. Между прочимъ, то мѣстное финляндское правительство, которое было введено послѣ ноябрьскаго манифеста, составилось изъ представителей обѣихъ упомянутыхъ группъ; но каждая партія теперь сорганизовалась отдѣльно, такъ же, какъ старофинская партія попрежнему оставалась самостоятельной партіей. Какъ старофинны, такъ и младофинны сорганизовались, послѣ смѣны стараго народнаго представительства въ 1905 г. новымъ демократическимъ, на болѣе широкой демократической основѣ, усвоивъ себѣ широкія соціальныя программы. Большого различія между ними нѣтъ; нельзя сказать, напримѣръ, чтобы одна изъ нихъ была болѣе радикальною или консервативною, чѣмъ другая. Шведская партія сдѣлала своей спеціальной задачей политическую организацію и объединеніе шведскаго элемента страны для отстаиванія своихъ интересовъ въ правительствѣ и обществѣ. Въ соціальномъ отношеніи ея программа менѣе опредѣленна, чѣмъ программа финскихъ партій. Это объясняется тѣмъ, что на сторонѣ шведовъ богатый городской классъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ у старо- и младофинновъ.

На эти три партіи дѣлится буржуазное общество въ Финляндіи. Къ нимъ нужно присоединить еще возникшій въ 1906 году такъ называемый «аграрный союзъ», который ставитъ своей цѣлью защиту интересовъ и нуждъ сельскаго населенія, но который, въ сравненіи съ вышеупомянутыми партіями, еще не пріобрѣлъ большого политическаго значенія *.

Вмѣстѣ съ новымъ сеймовымъ уставомъ въ политическую жизнь Финляндіи вошелъ новый важный факторъ: возникло соціалъ-демократическое движеніе и съ нимъ вмѣстѣ соціалъ-демократическая политическая партія, которая съ самаго начала пріобрѣла очень многихъ сторонниковъ.

Рабочее движеніе въ Финляндіи началось не ранѣе конца 90-хъ годовъ. Небольшіе союзы рабочихъ, конечно, существовали и ранѣе въ нѣкоторыхъ городахъ, но ихъ руководители и большая часть членовъ принадлежали къ буржуазіи, и дѣятельность союзовъ, въ общемъ, была, такъ сказать, очень невиннаго свойства. Только въ 1899 году рабочій классъ въ Финляндіи составилъ въ собственномъ смыслѣ слова рабочую партію, усвоивъ себѣ уже тогда нѣмецкую соціалъ-демократическую программу. Однако, при старой системѣ народнаго представительства, въ которомъ у рабочихъ почти не было права голоса, партія не могла пріобрѣсти политическаго значенія. Положеніе сразу измѣнилось послѣ обновленія народнаго представительства. Рабочій классъ принималъ дѣятельное участіе въ предшествовавшей ему «великой забастовкѣ», и бли-

* Аграрный союзъ — демократическая крестьянская партія.

жайшимъ образомъ подъ его давленіемъ и другія партіи включили въ свою программу радикальное преобразованіе системы народнаго представительства на основѣ всеобщей и равной подачи голосовъ. Одержавъ эту рѣшительную побѣду, соціалъ-демократическая партія приступила къ энергичной агитаціи по всей странѣ, чтобы ввести въ новое народное представительство возможно большее число своихъ сторонниковъ. Ниже будетъ указано, что общественно-экономическія условія финляндской деревни представляли удобную почву для развитія пролетарскаго движенія въ духѣ марксистской классовой борьбы, хотя промышленный и городской рабочій классъ въ Финляндіи, странѣ скорѣе земледѣльческой, чѣмъ промышленной, очень немногочисленъ. Такимъ образомъ, при первыхъ же выборахъ въ 1907 году, соціалъ-демократическая партія вошла въ составъ новаго сейма, какъ самая крупная его группа. Изъ 200 человѣкъ народнаго представительства 80 были соціалъ-демократы, и на выборахъ, гдѣ 70 проц. избирателей пользовались правомъ подачи голоса, ихъ кандидаты получили 37 проц.

Финляндская соціалъ-демократія какъ по своей программѣ, такъ и по тактикѣ примыкаетъ къ строго ортодоксальной марксистской точкѣ зрѣнія. Если въ ней иногда и появлялись нѣкоторыя ревизіонистскія тенденціи, то онѣ скоро замирали. Партія не отрицаетъ безусловно соціалъ-реформаторской дѣятельности («мелкихъ улучшеній»), но все же ставитъ главной своей задачей принципіальную классовую борьбу. Въ этомъ отношеніи по своему радикализму и послѣдовательности она не уступаетъ соціализму никакой другой страны. Для избѣжанія смягченія классовыхъ границъ, партія не желаетъ имѣть ничего общаго съ «буржуазіей» ни въ народномъ представительствѣ, ни въ обществѣ. Во главѣ партіи стоятъ сравнительно молодые люди. Нѣкоторые изъ нихъ съ университетскимъ образованіемъ.

Изъ предыдущаго ясно, какую сильную поддержку встрѣтила соціалъ-демократическая партія при первыхъ же выборахъ въ новый сеймъ. О соотношеніи силъ прочихъ партій можно также судить по результатамъ выборовъ въ сеймъ. На упомянутыхъ выборахъ число ихъ представителей было слѣдующее: старофинны (офиціально: финская партія) 59, младофинны 26, шведы (офиціально: шведская народная партія) 24, крестьянскій союзъ 9, христіанскій рабочій союзъ 2.

Послѣ этого въ Финляндіи нѣсколько разъ происходили новые выборы, отчасти вслѣдствіе того, что избирательный періодъ здѣсь трехлѣтній, отчасти вслѣдствіе того, что новый демократическій сеймъ, такъ же, какъ и старый сословный, не одобрялъ охарактеризованной выше политики правительства за послѣднее время (въ этомъ отношеніи и народное представительство и общество Финляндіи были одного мнѣнія), и потому правительство распускало сеймъ, назначая новые выборы. Однако, по соглашенію между партіями, новые выборы давали въ результатѣ не очень крупныя измѣненія. Разница въ этомъ отношеніи сводилась къ тому, что соціалъ-демократы и крестьянскій союзъ пріоб-

рѣтали новыя мѣста, засчетъ буржуазныхъ партій. На основаніи выборовъ 1916 года, въ финляндскомъ сеймѣ насчитывается: соціалъ-демократовъ 103, т. е. абсолютное большинство, старофинновъ 33, младофинновъ 23, шведовъ 21, членовъ аграрнаго союза 19 и 1 представитель союза христіанскихъ рабочихъ. Число женщинъ въ сеймѣ, которое при первыхъ выборахъ было 19, колебалось между 14 и 25. Женщины не составляютъ особой группы въ сеймѣ, такъ же, какъ и вообще въ политической жизни, но распредѣляются по общимъ политическимъ партіямъ *.

Видное мѣсто въ партійной, какъ и въ общественной жизни Финляндіи, принадлежитъ прессѣ.

Всѣ газеты служатъ органами какой-нибудь политической партіи. Въ Гельсингфорсѣ каждая партія, кромѣ юнаго еще крестьянскаго союза, имѣетъ свой ежедневный органъ, а шведская даже два: «Huvudstadsbladet» («Столичная Газета») и «Dagens Press» («Пресса Дня»). Старофинская партія издаетъ въ Гельсинфорсѣ газету «Uusi Suometar» («Новая Suometar»), которая является старѣйшей финской газетой въ краѣ (основана еще въ 1847 году подъ именемъ «Suometar», т. е. «Дочь Финляндіи»). Главный органъ младофинновъ—«Helsingin Sanomat» («Гельсингфорскія Извѣстія»). У соціалъ-демократовъ широко распространенная въ рабочей средѣ газета «Työmies» («Рабочій»). Въ провинціальныхъ городахъ также существуетъ значительная пресса. Даже въ самыхъ мелкихъ городахъ, гдѣ число жителей часто не превышаетъ двухъ-трехъ тысячъ, имѣются политическія газетки, чаще всего двѣ или три, и въ этомъ случаѣ каждая служитъ органомъ своей партіи. Въ маленькихъ городахъ газеты выходятъ лишь три-четыре раза въ недѣлю, но въ большихъ городахъ (Або, Таммерфорсѣ, Выборгѣ)—ежедневно. Въ странѣ, все населеніе которой составляетъ съ небольшимъ три милліона человѣкъ, распространеніе отдѣльныхъ газетъ, конечно, не можетъ быть велико: тиражъ наиболѣе читаемыхъ финляндскихъ газетъ достигаетъ 30.000—50.000 экземпляровъ въ день. Всего политическихъ газетъ въ Финляндіи свыше двухсотъ. Изъ нихъ около $^4/_5$ на финскомъ языкѣ, около $^1/_5$ на шведскомъ. Кромѣ политической прессы, въ Финляндіи существуетъ богатая и разнообразная общеобразовательная и спеціальная періодическая печать.

VI.

Итакъ — каково же общественное развитіе и строй финскаго народа?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что финскій народъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень однороденъ, зато въ другихъ отношеніяхъ замѣтно разрозненъ.

Однороденъ онъ, прежде всего, въ религіозномъ отношеніи. Болѣе

* Сеймъ съ самаго начала войны не созывался.

98 проц. всего населенія края, которое въ настоящее время составляетъ немного болѣе 3.300.000 душъ, принадлежитъ къ евангелическо-лютеранской церкви, занимающей положеніе государственной церкви. Остальные 2 проц. — главнымъ образомъ православные карелы въ восточной Финляндіи, но и тѣ по языку и національности финны. Послѣ сказаннаго выше было бы, повидимому, странно говорить о томъ, что Финляндія по языку однородна, — и все-таки это почти такъ. Финскій элементъ составляетъ около 88 проц. всего населенія края; изъ остальныхъ 12 проц. болѣе $11^1/_2$ проц. приходится на долю населенія, говорящаго по-шведски и живущаго тремя довольно цѣльными группами въ средней части побережья Ботническаго залива, въ юго-западныхъ шхерахъ и въ южной части Нюландской губерніи (область, находящаяся вокругъ г. Гельсингфорса). Къ этому шведскому населенію слѣдуетъ присоединить часть интеллигенціи шведскаго языка, которая, однако, знаетъ и финскій языкъ, поскольку ей приходится жить въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ финскимъ языкомъ.

Болѣе или менѣе однородна Финляндія также въ экономическомъ отношеніи. Большія частныя богатства въ Финляндіи неизвѣстны, въ виду неплодородія земли и скудости природныхъ богатствъ. Здѣсь нѣтъ богатой и могущественной аристократіи, владѣющей землею или другими богатствами; большія частныя богатства въ промышленномъ и торговомъ мірѣ также рѣдки. Капиталъ въ милліонъ марокъ (375.000 р.) и ежегодный доходъ въ 30.000—40.000 марокъ (12.000—15.000 р.) считается въ Финляндіи уже богатствомъ и встрѣчается здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Поэтому въ демократическомъ финляндскомъ обществѣ рѣже, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, можно наблюдать рѣзкій контрастъ необычайнаго богатства и роскоши и крайней нищеты и лишеній.

Несмотря на все это, существуетъ много факторовъ, вносящихъ разъединеніе въ финляндское общество. Прежде всего раздѣленіе языковъ, это наслѣдіе историческаго развитія, которое, какъ мы видѣли, не только этнографическое, но отчасти и классовое. Время отъ времени борьба политическихъ партій рѣзко разобщала отдѣльныя части населенія, хотя въ настоящее время этого уже нельзя сказать. Зато порожденный міровымъ соціализмомъ классовый расколъ проникъ также въ Финляндію вмѣстѣ съ рабочимъ движеніемъ вслѣдъ за пробужденіемъ соціальнаго самосознанія неимущей части населенія.

Финскій народъ преимущественно земледѣльческій. Города немногочисленны и невелики; только населеніе столицы достигаетъ двухсотъ тысячъ человѣкъ. Лишь около 16 проц. всего населенія страны (немного болѣе $^1/_2$ милліона душъ) живутъ въ городахъ, 84 проц. — сельскіе жители. Земля въ Финляндіи, конечно, принадлежитъ вообще крестьянамъ. Несмотря на это, сельское населеніе Финляндіи дѣлится на три большихъ соціальныхъ группы: крестьяне-землевладѣльцы, мелкіе арендаторы (такъ называемые торпари) и сельскій рабочій классъ, среди котораго большую часть составляютъ земледѣльческіе рабочіе, меньшую —

промышленные. Земледѣльческое населеніе распредѣляется между этими группами такимъ образомъ, что первая группа (крестьяне-собственники) составляютъ около 23%, вторая (обрабатывающая чужую землю) 34% и третья (безземельные) 43%. Если принять въ расчетъ промышленныхъ рабочихъ, то послѣдняя группа населенія составитъ 47% всего сельскаго населенія.

Какъ видно изъ этихъ цифръ, три четверти населенія Финляндіи, живущаго отъ земли, не владѣютъ той землей, которую обрабатываютъ, и почти половина не имѣетъ даже арендованной земли. Только въ Великобританіи, гдѣ условія землевладѣнія, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительны, число землевладѣльцевъ сравнительно со всѣмъ земледѣльческимъ населеніемъ такъ же незначительно, какъ и въ Финляндіи (на 100 земледѣльцевъ тамъ только 13,1 собственниковъ). При этомъ въ Финляндіи не только не замѣчается увеличенія процента собственниковъ, но, наоборотъ, онъ уменьшается. Въ 1864 году здѣсь насчитывалось 41,4% землевладѣльцевъ изъ всего сельскаго населенія, между тѣмъ какъ полстолѣтія спустя ихъ оказалось, какъ сказано, только 23%. Этими соціальными условіями объясняется тотъ большой успѣхъ, какой имѣла агитація соціалъ-демократической рабочей партіи, лишь только новый сеймовый уставъ далъ право голоса и безземельному населенію. Въ виду этихъ условій, число голосовъ, поданныхъ при выборахъ въ сеймъ за соціалистовъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ количество безземельныхъ сравнительно съ землевладѣльцами достигаетъ максимума, достигло внушительной цифры 60% всего числа поданныхъ голосовъ и даже выше.

Пока въ безземельномъ сельскомъ населеніи не пробудилось самосознаніе, до тѣхъ поръ финляндское правительство, такъ же, какъ и общество, не обращало должнаго вниманія на неудовлетворительность условій сельскаго и землевладѣльческаго быта. Въ настоящее время ясно для всѣхъ, что въ этомъ отношеніи необходимы реформы: должно быть обезпечено правовое положеніе мелкихъ арендаторовъ, они должны стать собственниками обрабатываемой ими земли, должна быть пріобрѣтена земля для безземельныхъ. По первому пункту, иниціативой народнаго представительства, принята важная мѣра, а именно: въ 1909 году изданъ новый законъ объ арендѣ земли, который значительно улучшаетъ права мелкихъ арендаторовъ. Разрѣшеніе двухъ послѣднихъ соціальныхъ вопросовъ какъ-разъ поставлено на очередь.

Что касается другихъ общественныхъ классовъ Финляндіи, то значеніе дворянства, какъ отдѣльнаго сословія, всегда было сравнительно невелико. Крупнаго землевладѣнія здѣсь не было, и съ теченіемъ времени дворянское землевладѣніе все уменьшалось. Финляндское дворянство состояло и большею частью и теперь состоитъ изъ класса служащихъ и прочей интеллигенціи, политическое значеніе котораго кончилось послѣ того, какъ дворянство, въ видѣ особаго сословія, перестало входить въ составъ сейма.

Вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и торговли, которое нача-

лось въ теченіе послѣдняго столѣтія и особенно во второй его половинѣ, въ Финляндіи явился промышленный и торговый классъ, хотя еще немногочисленный и не очень вліятельный. Промышленный рабочій классъ составляетъ лишь около 13% всего населенія края, хотя его значеніе увеличивается соціалъ-демократическимъ рабочимъ движеніемъ, наиболѣе активной поддержкой котораго онъ, понятно, является.

По всей Финляндіи, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, среди промышленнаго и землевладѣльческаго рабочаго населенія, существуютъ соціалъ-демократическіе рабочіе союзы. Число ихъ въ настоящее время доходитъ до 1550 съ общимъ числомъ членовъ 51.000. Это лишь небольшая часть (около 16%) того населенія, которое при выборахъ въ сеймъ подаетъ свой голосъ за кандидатовъ соціалъ-демократической партіи, — явленіе, наблюдаемое и въ другихъ странахъ. Соціалъ-демократическій рабочій классъ имѣетъ профессіональную организацію для поддержанія своихъ интересовъ. Отдѣльныя отрасли труда имѣютъ свои мѣстныя и обнимающія весь край организаціи, которыя въ свою очередь образуютъ общую центральную организацію профессіональнаго рабочаго движенія. Всего къ этой организаціи въ настоящее время принадлежитъ около 31.000 рабочихъ, что составляетъ около 25% всего промышленнаго рабочаго населенія края.

За отсутствіемъ землевладѣльческаго дворянства и значительнаго торгово-промышленнаго класса, служащій классъ въ Финляндіи имѣлъ до послѣдняго времени особенно важное значеніе. Въ общемъ, онъ съ честью исполнялъ свое назначеніе. Изъ его среды на ряду съ противниками финскаго національнаго движенія вышли тѣ, которые несли также самоотверженную работу созданія финскаго просвѣщенія. И если вѣрно то, что со стороны бюрократіи исходило также наиболѣе упорное сопротивленіе финскому движенію, то все-таки надо сказать, что до самаго послѣдняго времени служащій классъ въ Финляндіи былъ главнымъ представителемъ и сторонникомъ почти всей патріотической культурной работы.

Отличительную черту современнаго финляндскаго общества составляетъ чрезвычайно большая подвижность сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ демократическій характеръ просвѣщенія страны. Съ появленіемъ средней финской школы для финскаго населенія, до тѣхъ поръ лишеннаго высшаго свѣтскаго образованія, открылась возможность, насколько это позволяли матеріальныя средства, давать своимъ дѣтямъ образованіе, необходимое для культурной дѣятельности, и народъ широко пользуется этой возможностью. Въ послѣднее время въ Финляндіи появились среднія учебныя заведенія, подготовляющія къ университету, не только въ небольшихъ городахъ, но даже и въ деревняхъ. Въ этомъ, между прочимъ, можно видѣть проявленіе тѣхъ высокихъ интеллектуальныхъ интересовъ, которые многіе иностранцы считаютъ отличительной чертой характера финскаго народа. Въ первое время интеллигентская среда могла безъ труда принимать въ себя этотъ притокъ новыхъ силъ, такъ какъ пробудившаяся народная жизнь нуждалась больше прежняго въ

интеллигентныхъ работникахъ. Только въ послѣднее время въ этомъ отношеніи стало замѣчаться нѣкоторое затрудненіе.

Часто говорятъ, и не безъ основанія, что характерной чертой финляндскаго быта является то высокое положеніе, которымъ пользуются въ этой странѣ женщины. Въ странѣ съ молодой культурой, какова Финляндія, женскому эмансипаціонному движенію не нужно было бороться съ упорными предразсудками, какъ это бывало въ очагахъ болѣе старой культуры; кромѣ того, успѣху этого движенія способствовалъ свойственный характеру сѣверныхъ народовъ раціонализмъ. Въ Финляндіи очень обыкновенно совмѣстное воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ вплоть до университета, такъ какъ совмѣстныя школы повсемѣстны, и если и не правительственныя, то пользуются казенной субсидіей. Много женщинъ учатся въ университетѣ; въ настоящее время онѣ составляютъ $^1/_4$ всего числа студентовъ. Много женщинъ-учительницъ, а также служащихъ въ низшихъ административныхъ должностяхъ, какъ, напр., въ почтовомъ и таможенномъ вѣдомствахъ, кромѣ того, въ торговыхъ конторахъ, банкахъ и т. д.

Къ общественной жизни Финляндіи относится также живая и многосторонняя дѣятельность различныхъ союзовъ и обществъ, которая могла безпрепятственно развиваться подъ защитой той широкой гражданской свободы, которая до послѣдняго времени господствовала въ странѣ. Вся Финляндія покрыта сѣтью разнообразныхъ союзовъ и обществъ: научныхъ, художественныхъ, литературныхъ, промышленныхъ, филантропическихъ и другихъ, преслѣдующихъ тѣ или иныя общественныя цѣли. Многія изъ нихъ получаютъ субсидію отъ правительства.

Весьма обширную дѣятельность проявляютъ общества трезвости. Въ значительной степени подъ ихъ вліяніемъ общественное мнѣніе Финляндіи отнеслось очень одобрительно къ широкимъ рестриктивнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ ограниченію торговли крѣпкими напитками. Производство хлѣбнаго вина до 1860 года составляло по закону право крестьянъ, и имъ пользовались въ широкихъ размѣрахъ. Однако, это «домашнее винокуреніе» было отмѣнено тотчасъ же по возстановленіи конституціоннаго законодательства, и послѣ этого законодательство по питейному вопросу становилось все болѣе строгимъ. Потребленіе крѣпкихъ напитковъ сильно сократилось, и въ настоящее время, по количеству потребляемаго хлѣбнаго вина на одного человѣка, Финляндія занимаетъ въ Европѣ послѣднее мѣсто. Происходитъ это, главнымъ образомъ, оттого, что продажа крѣпкихъ напитковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ Финляндіи, по практическимъ соображеніямъ, совершенно запрещена. Однако, въ городахъ пьянство еще сильно распространено, и оттуда оно отчасти проникаетъ и въ деревню. Ревнители трезвости, какъ и въ Швеціи и Норвегіи, настойчиво требуютъ изданія для Финляндіи закона, который бы абсолютно запрещалъ всякое иное изготовленіе алкоголя, кромѣ какъ для цѣлей медицинскихъ и техническихъ, а также его ввозъ и торговлю имъ. Послѣ «великой забастовки» это требованіе встрѣтило поддержку также со стороны финляндскихъ поли-

тическихъ партій (за исключеніемъ шведской партіи), и новое народное представительство на первомъ же сеймѣ въ 1907 г. приняло проектъ соотвѣтствующаго закона. Потомъ оно еще разъ возвращалось къ этой мѣрѣ, но проектъ не былъ одобренъ правительствомъ.

VII.

„Ступай, надменный чужевѣрь, ты звону злата радъ. Нашъ бѣдный край угрюмъ и сѣръ...» — говорилъ Рунебергъ про Финляндію. И нельзя отрицать, что по природнымъ условіямъ и естественнымъ произведеніямъ Финляндія, дѣйствительно, очень бѣдная страна. Скудная почва и холодный климатъ не благопріятствуютъ земледѣлію. Сѣютъ только болѣе грубые злаки, рожь, ячмень и овесъ (пшеницу въ небольшомъ количествѣ въ южной части страны). Цѣнныхъ минераловъ, такъ же, какъ и желѣза, въ Финляндіи почти что нѣтъ. Населеніе Финляндіи очень рѣдкое. Если принять въ расчетъ сѣверную часть страны, гдѣ на одинъ квадратный километръ поверхности приходится только 2,2 чел., то среднее число жителей на квадратный километръ въ Финляндіи составитъ лишь около 10 человѣкъ. Если исключить названную область, почти необитаемую, которая занимаетъ около 168.000 кв. кил. или почти половину всей территоріи Финляндіи, равняющейся 377.000 кв. кил., то въ Финляндіи, въ среднемъ, на каждый квадр. километръ приходится все же только 15 жителей. Въ Европейской Россіи это число равняется 23, во Франціи 74, въ Германіи 120. Только въ южной Финляндіи плотность населенія достигаетъ 20—35 человѣкъ на квадратный километръ. Земля въ Финляндіи также очень слабо разработана. Девять десятыхъ ея поверхности покрыты лѣсами, и лишь одна десятая болѣе или менѣе разработана, но изъ нея только половина находится подъ пашней. Въ Европейской Россіи количество обработанной земли (пашни и луга) составляетъ 40% всей поверхности, въ Германіи 59%. Если опять-таки не считать вышеупомянутую сѣверную область, почти сплошь покрытую лѣсами, то количество обработанной земли по отношенію ко всей поверхности будетъ немного больше, однако, все же не болѣе какъ 14%. Во всякомъ случаѣ, экономическое развитіе Финляндіи въ теченіе послѣдняго столѣтія было огромно. Ранѣе этого времени ему мѣшали прежде всего постоянныя войны между Россіей и Швеціей. Финляндія по своему географическому положенію больше всего страдала отъ нихъ. Въ соединеніи съ Россіей Финляндія полтораста лѣтъ наслаждалась почти полнымъ миромъ, въ продолженіе котораго народъ имѣлъ возможность развивать свои матеріальныя и духовныя силы. Восточная война 1850-хъ годовъ, правда, коснулась прибрежныхъ мѣстностей Финляндіи, при чемъ она лишилась всего своего коммерческаго флота, что было чувствительнымъ урономъ для ея тогда еще весьма слабаго хозяйства. Конецъ 50-хъ годовъ и слѣдующее за ними десятилѣтіе было для Финляндіи временемъ тяжелыхъ экономическихъ испытаній: жестокіе неурожаи постигали страну въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изъ которыхъ

самый ужасный былъ въ 1867 г., уменьшая ея благосостояніе и даже населеніе. Но съ тѣхъ поръ подобныя бѣдствія уже не задерживали экономическаго развитія Финляндіи, и оно безпрепятственно продолжалось до нашихъ дней.

Сельское хозяйство, т. е. земледѣліе и скотоводство, въ качествѣ побочнаго промысла, составляетъ главные виды промышленности въ Финляндіи: около 66% населенія существуютъ ими. Ясно, что земледѣліе въ теченіе истекшаго столѣтія сильно подвинулось впередъ какъ въ смыслѣ техники, такъ и въ смыслѣ доходности. Особенно это замѣтно въ скотоводствѣ, которое въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій все болѣе и болѣе развивалось. Развитію сельскаго хозяйства и поднятію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія земледѣльческаго класса, особенно класса мелкихъ земледѣльцевъ (составляющихъ большинство землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія), съ одной стороны, сильно способствовалъ ростъ народнаго образованія, съ другой стороны, развившееся въ послѣднее время кооперативное движеніе. Въ Финляндіи еще нѣтъ обязательнаго обученія. Правда, новое народное представительство приняло законъ о его введеніи; но проектъ пока еще не получилъ одобренія правительства, и эта важная соціальная реформа, подобно многимъ другимъ, не можетъ быть пока осуществлена. Однако, начиная съ 1866 года, въ Финляндіи были учреждены законодательнымъ путемъ народныя школы, содержимыя на средства сельскихъ общинъ и городовъ, но съ казенной субсидіею и подъ вѣдѣніемъ правительства; эти школы за истекшее полстолѣтіе сильно развились. Можно сказать, что въ настоящее время въ городахъ каждый ребенокъ прошелъ, по крайней мѣрѣ, народную школу. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ посѣщеніе школъ затрудняется дальностью разстояній, къ сожалѣнію, еще не достигнуто такихъ результатовъ. Но число народныхъ школъ и посѣщающихъ ихъ дѣтей съ каждымъ годомъ растетъ, поднимая образовательный уровень сельскаго населенія. Важнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи являются такъ наз. народные университеты, т. е. свободныя высшія школы общеобразовательнаго характера, для болѣе зрѣлой сельской молодежи, которыя въ теченіе послѣдней четверти вѣка стали вводиться въ Финляндіи, главнымъ образомъ, по примѣру Даніи. Содержатся они на частныя средства, но получаютъ субсидію отъ сельскихъ общинъ, а въ послѣднее время и отъ казны. Въ настоящее время въ различныхъ частяхъ Финляндіи имѣется 27 финскихъ народныхъ университетовъ и 14 шведскихъ.

Кооперативное дѣло въ Финляндіи стало расширяться послѣ 1899 г., главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности основаннаго тогда для развитія этого дѣла общества, подъ названіемъ «Пеллерво», которое особенно интересовалось сельскими кооперативами. Дѣло пошло очень успѣшно. Въ настоящее время вся сельская Финляндія покрыта густой сѣтью различныхъ сельскохозяйственныхъ и потребительскихъ обществъ. Въ 500 сельскихъ общинахъ Финляндіи имѣется около 400 кооперативныхъ молочныхъ фермъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится изгото-

вленіе и вывозъ большей части финляндскаго масла. Кромѣ того, въ сельскихъ мѣстностяхъ Финляндіи свыше 450 кооперативныхъ кассъ, или «сельскихъ банковъ», которыя выдаютъ своимъ членамъ ссуды изъ средствъ, получаемыхъ отъ особой центральной кассы въ Гельсингфорсѣ, субсидируемой правительствомъ. Къ этому надо прибавить множество болѣе мелкихъ сельскохозяйственныхъ производительныхъ товариществъ, каковы, напр., по продажѣ яицъ, производству торфа, моховой подстилки молотильныхъ машинъ и пр. Быстро развилось въ Финляндіи также дѣло торговыхъ кооперативовъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ средѣ городскихъ рабочихъ. Всего въ Финляндіи имѣется теперь около 300 потребительскихъ лавокъ, изъ которыхъ большая часть находится въ провинціи. Торговые и фермерскіе кооперативы, подобно кооперативнымъ кассамъ, располагаютъ весьма солидными теперь центральными учрежденіями; кромѣ того, имѣются два центральныхъ учрежденія (финское и шведское) для снабженія сельскихъ кооперативовъ и для сбыта ихъ произведеній.

Но хотя сельское хозяйство въ Финляндіи сильно подвинулось впередъ въ теченіе истекшаго столѣтія и особенно въ послѣднія его десятолѣтія, однако, въ виду того, что населеніе Финляндіи съ 1810 года увеличилось почти вчетверо, и потребности народа, съ ростомъ культуры, также сильно возросли, — производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ не могло поспѣвать за этимъ развитіемъ. Площадь обработанной земли и урожай зерна далеко не возросли въ той же мѣрѣ. Это привело къ тому, что Финляндія, которая сто лѣтъ тому назадъ обходилась своимъ хлѣбомъ, а часть его даже вывозила, — въ настоящее время должна ежегодно покупать хлѣбъ, главнымъ образомъ, въ Имперіи приблизительно на сумму 100.000.000 марокъ (37,5 милліоновъ рублей).

Развитіе матеріальнаго благосостоянія страны зависѣло не столько отъ сельскаго хозяйства, сколько отъ другихъ промысловъ. Главнымъ источникомъ были лѣса Финляндіи, которые вмѣстѣ съ новѣйшимъ экономическимъ развитіемъ получили небывалое доселѣ примѣненіе и цѣнность. Выше было сказано, какая значительная часть финляндской территоріи находится подъ лѣсомъ. Почти половина всѣхъ лѣсовъ принадлежитъ казнѣ и содержится ею, что имѣетъ большое государственное и экономическое значеніе, такъ какъ казна обезпечиваетъ охраненіе этого цѣннаго національнаго имущества. Начиная съ 70-хъ годовъ, Финляндія вывозила большое количество лѣса на міровые рынки и его цѣною оплачивала свой заграничный ввозъ.

На обработкѣ лѣса, главнымъ образомъ, основывается возникшая въ Финляндіи въ теченіе послѣдняго столѣтія промышленность. Важнѣйшія ея отрасли — лѣсопильное и писчебумажное дѣло. Къ этому надо прибавить ткацкое производство (бумажное и шерстяное), которое хотя и вынуждено пріобрѣтать сырой матеріалъ изъ за-границы, но все же получило значительное развитіе. Однако, оно не въ состояніи вполнѣ удовлетворять потребностямъ страны, какъ и металлическое производство, которому тоже приходится преимущественно пользоваться загра-

ничнымъ матеріаломъ. Менѣе развиты другія отрасли промышленности, какъ, напр., стеклянная и химическая.

Лучшей иллюстраціей промышленнаго развитія Финляндіи за послѣднее время служатъ цифры, показывающія движеніе внѣшней торговли края. Еще въ 1860 году весь финляндскій вывозъ составлялъ лишь 22,7 милліоновъ марокъ (около 8,5 милліоновъ рублей) и ввозъ — 28,1 милліоновъ марокъ (около 10.5 милліоновъ рублей). Въ 1913 году вывозъ достигъ цифры 404,8 м. м. (около 150 м. р.) и ввозъ 495,4 м. м. (свыше 185 м. р.). Во внѣшней торговлѣ Финляндіи главное мѣсто, какъ по вывозу, такъ и по ввозу, занимаетъ Россія. Не менѣе 28% всего ввоза и вывоза приходится на нее одну. Торговля между Финляндіей и Россіей, безъ сомнѣнія, могла бы быть гораздо обширнѣе, если бы тѣ условія, въ которыя поставила ее государственная власть, болѣе основывались на взаимности, чѣмъ это было съ самаго начала и продолжается до сихъ поръ. Теперь въ этомъ отношеніи установленъ такой принципъ, что ввозъ товаровъ изъ Россіи въ Финляндію, за немногими исключеніями, которыя, главнымъ образомъ, по финансовымъ соображеніямъ необходимы для финляндской казны, — свободенъ отъ пошлины, тогда какъ для финляндскаго вывоза въ Имперію эта льгота предоставлена лишь въ ограниченномъ размѣрѣ. Цѣль этой мѣры, конечно, предохраненіе русской промышленности отъ финляндской конкуренціи, но это привело къ тому, что торговыя сношенія между Россіей и Финляндіей не могутъ быть столь оживленными и многосторонними, какъ этого можно было бы ожидать.

Изъ иностранныхъ государствъ, главнымъ рынкомъ для вывоза въ Россію и Финляндію была до сихъ поръ Германія, Великобританія же — главнымъ ввознымъ рынкомъ для Финляндіи. Важнѣйшіе предметы финляндскаго вывоза въ Россію и другія страны — лѣсъ (227,3 милліоновъ марокъ или 56,6% всего вывоза), древесная масса и бумага (71,3 м. м.), а также молочные продукты, главнымъ образомъ, масло (43,6 м. м. или 10,9% всего вывоза). Важнѣйшіе предметы ввоза — хлѣбъ (99 м. м. или около 20% всего ввоза), колоніальные товары, кофе, сахаръ, табакъ (всего 55,3 м. м.), металлы и металлическія издѣлія (37,2 м. м.), машины (33 м. м.), минералы (29,5 м. м.), сырые матеріалы для ткацкой и прядильной промышленности (27,5 м. м.) и ткани (25,8 м. м.). На одного жителя приходится 126 марокъ финляндскаго вывоза и 150 марокъ ввоза. Въ Имперіи соотвѣтствующія цифры въ 1910 г. были слѣдующія: вывозъ 30 м. и ввозъ 20 м. Въ Финляндіи въ то же время эти цифры были: 93 и 124 м.

Финансовое дѣло въ Финляндіи за послѣднія 50 лѣтъ было въ удовлетворительномъ положеніи *. Во время шведскаго владычества въ Финляндіи были въ ходу шведскія деньги. Въ 1809 году официальной монетой сталъ русскій рубль. Но такъ какъ въ первое время

---

* Здѣсь, какъ и въ др. мѣстахъ, имѣется въ виду время, предшествовавшее войнѣ.

послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи торговыя сношенія между ними были незначительны, торговля же съ Швеціей, наоборотъ, была весьма оживленная, то шведская монета почти полстолѣтія фактически оставалась во всеобщемъ употребленіи. Въ 1860 году Финляндія получила, наконецъ, собственную монету, единицей которой стала марка, цѣнностью въ $^1/_4$ тогдашняго серебрянаго русскаго рубля (= 1 франку или 37,5 копеекъ на нынѣшнія русскія деньги). Основаніемъ монетной системы въ Финляндіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, было тогда еще серебро, но когда въ 70-хъ годахъ цѣнность серебра упала, то и въ Финляндіи перешли на золото. Въ 1877 г. изданъ былъ по этому предмету при участіи сейма законъ, опредѣляющій финансовое дѣло Финляндіи и до сихъ поръ. Право выпуска кредитныхъ билетовъ принадлежитъ Финляндскому банку, который былъ основанъ уже въ 1811 году и съ 1868 года составляетъ собственность народнаго представительства и находится подъ его управленіемъ, такъ же, какъ и Государственный банкъ въ Швеціи. Законнымъ платежнымъ средствомъ считается только золото въ неограниченномъ размѣрѣ, но и билеты Финляндскаго банка имѣютъ общее обращеніе. При всѣхъ расчетахъ съ казною и вообще по утвержденнымъ официальной властью таксамъ, наравнѣ съ финляндской монетой законнымъ платежнымъ средствомъ считается также и русскій рубль и билеты Государственнаго банка. Кромѣ правительственнаго банка, посредниками въ денежныхъ оборотахъ являются множество частныхъ торговыхъ банковъ, съ ихъ отдѣленіями по всей странѣ, и другія кредитныя учрежденія. Въ послѣднее время сильно развились также сберегательныя кассы какъ въ сельскихъ обществахъ, такъ и въ городахъ.

Казенные финансы находятся въ надежномъ положеніи. Податная система, еще болѣе чѣмъ въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ, основывается на косвенныхъ налогахъ, преимущественно на таможенныхъ пошлинахъ. Въ этомъ отношеніи въ Финляндіи наблюдается важное нарушеніе стараго принципа народнаго самообложенія, такъ какъ установленіе таможенныхъ пошлинъ, по наслѣдственному праву, составляетъ одну изъ прерогативъ верховной власти и потому не подлежитъ вѣдѣнію народнаго представительства. Самыя высокія пошлины установлены на сахаръ, кофе и табакъ. Общая сумма таможеннаго дохода въ Финляндіи достигала (до начала нынѣшней войны) 58 милліоновъ марокъ въ годъ, изъ которыхъ на ввозныя пошлины приходится свыше 55 милліоновъ, что составляетъ $^2/_3$ всѣхъ казенныхъ налоговъ. Далѣе идутъ налоги на водку и пиво (въ общей сложности около 14 мил. ліоновъ) и старые земельные налоги (около 3,7 мил.). Вообще, податная система въ Финляндіи устарѣла и нуждается въ преобразованіи, о чемъ уже ходатайствуетъ новое народное представительство.

Кромѣ дохода съ налоговъ, казна получаетъ также значительный доходъ съ лѣсовъ и другихъ земельныхъ имуществъ (около 18 милліоновъ ежегодно) и съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ 1913 г. валовой доходъ финляндской казны составлялъ

181,2 милліоновъ марокъ, въ томъ числѣ валовой доходъ съ желѣзныхъ дорогъ 58,6 м. м. Казенные расходы въ томъ же году были слѣдующіе: ординарные 158,8 м. м., въ томъ числѣ 40,9 м. на содержаніе желѣзныхъ дорогъ; чрезвычайные, главнымъ образомъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ, 25,3 м. м. Въ числѣ обыкновенныхъ расходовъ 16 м. м. составляютъ военный расходъ, каковая сумма вносится изъ финляндскихъ средствъ въ государственное казначейство (см. выше). Содержаніе правительства и гражданскаго управленія обходится приблизительно въ 24 м. м., судебнаго вѣдомства около 6 м. м., финансоваго управленія около 3,9 м. м. На больничное дѣло и на охраненіе народнаго здравія казна расходуетъ 5—6 м. м. Бюджетъ научныхъ и художественныхъ учрежденій и народнаго образованія составляетъ 19 м. м. (казна не оплачиваетъ содержанія лютеранскаго духовенства, которое содержится на средства приходовъ). Расходъ на земледѣліе составляетъ 7,3 м. м., на торговлю и промышленность 8,3 м. м. За послѣднее время расходы казны на просвѣтительныя учрежденія, какъ, напр., на народныя школы, больничное дѣло и пр., значительно уменьшились, такъ какъ правительство прежде всего желало обезпечить уплату такъ наз. «военныхъ милліоновъ» изъ ординарныхъ доходовъ и поэтому не отпускало средствъ на означенныя учрежденія въ прежнемъ размѣрѣ, но требовало отъ народнаго представительства содержанія ихъ путемъ назначенія чрезвычайныхъ налоговъ. Однако, народное представительство съ своей стороны, считая, что военный налогъ также подлежитъ его утвержденію, не нашло возможнымъ согласиться на это требованіе, такъ какъ опасалось, что это явится косвеннымъ одобреніемъ дѣйствій правительства.

Финляндская казна въ своей дѣятельности не могла, конечно, обойтись безъ государственнаго долга, хотя до сихъ поръ ей удавалось употреблять весь долгъ на продуктивныя предпріятія, а именно на сооруженіе желѣзнодорожной сѣти. Весь государственный долгъ Финляндіи, который цѣликомъ сдѣланъ за границей, такъ какъ въ самой странѣ, въ виду ея бѣдности, замѣчается отсутствіе капиталовъ, составляетъ около 174 м. м., а ежегодное погашеніе его около 8 м. м. Кредиторами Финляндіи въ первой половинѣ XIX столѣтія были Россія, затѣмъ Германія, а начиная съ 90-хъ годовъ — Франція, и подъ конецъ также Англія. Всѣ займы Финляндіи были сдѣланы по рѣшенію народнаго представительства и за его ручательствомъ.

Прочитавъ этотъ краткій обзоръ новѣйшаго политическаго, общественнаго и экономическаго развитія Финляндіи, русскій читатель, можетъ быть, пожелаетъ получить отвѣтъ на одинъ вопросъ, который, естественно, долженъ его интересовать, когда рѣчь идетъ о Финляндіи. Мы имѣемъ въ виду вопросъ объ отношеніи финскаго народа и общества къ Россіи.

Историческое развитіе Финляндіи до послѣдняго времени шло совершенно инымъ путемъ, чѣмъ развитіе Россіи. Финскій народъ по своему происхожденію, языку, религіи и культурѣ совершенно не похожъ на русскій. Правда, все время, пока Финляндія находится въ

соединеніи съ Россіей, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподается и русскій языкъ, и въ послѣднее время, соотвѣтственно нынѣшней правительственной системѣ, это преподаваніе значительно усилено. Однако, если принять во вниманіе все вышесказанное, нельзя удивляться тому, что финскій народъ, имѣя собственную культуру и собственное національно-политическое существованіе, чувствуетъ себя по отношенію къ Россіи отдѣльной индивидуальностью. Своей автономіи, которую Финляндія получила при соединеніи съ Россіей, финскій народъ, во всѣхъ своихъ слояхъ, преданъ всей душой. Онъ не можетъ представить себѣ какой бы то ни было достойной человѣка жизни безъ той, оберегаемой законами, гражданской свободы, которою онъ пользовался съ давняго времени, и страстную любовь къ которой финляндецъ, такъ сказать, всасываетъ съ молокомъ матери. Какъ народъ, обладающій политическимъ и гражданскимъ самосознаніемъ, онъ считаетъ право самоопредѣленія во всѣхъ своихъ дѣлахъ необходимымъ условіемъ земного благополучія. Отъ Россіи онъ ждетъ только сохраненія этого порядка. Онъ полагаетъ, что тѣмъ болѣе имѣетъ на это право, что, по его глубокому убѣжденію, финляндская автономія не наноситъ никакого ущерба дѣйствительнымъ интересамъ Русскаго государства.

Вслѣдствіе указанныхъ выше историческихъ причинъ, въ Финляндіи, можетъ быть, знаютъ Россію меньше, чѣмъ было бы желательно. Однако, русская литература и искусство извѣстны въ Финляндіи и имѣютъ тамъ горячихъ поклонниковъ, и никто въ Финляндіи не имѣетъ ничего противъ болѣе широкаго духовнаго общенія съ русской культурой. Но финскій народъ думаетъ, что для этого общенія возможенъ только одинъ путь — путь свободнаго обмѣна культурными цѣнностями.

Э. Неванлинна.

Пер. **О. Вальстремъ.**

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX и XX вв.

I.

Литература Финляндіи, по языку, распадается на: финскую и шведскую. Эта послѣдняя, въ силу историческихъ условій, до конца XIX столѣтія занимала господствующее положеніе; только въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка финская литература начинаетъ пріобрѣтать первенствующее значеніе во многихъ областяхъ культурной жизни, при чемъ, однако, шведская сохраняетъ за собой видное положеніе въ сферѣ науки и, отчасти, искусства. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ отраслей литературы, такимъ образомъ, сводилось къ тому, что шведская литература почти въ теченіе всего XIX столѣтія вліяла на финскую. и только въ самое послѣднее время можно было бы указать нѣкоторые признаки обратнаго вліянія. Однако, народная финская поэзія и раньше оказывала вліяніе на шведскихъ писателей Финляндіи. Въ обѣихъ этихъ литературахъ чувствуются отраженія тѣхъ теченій, которыя создали новыя направленія въ литературѣ великихъ культурныхъ странъ Европы за послѣднее столѣтіе.

Въ области собственно беллетристики — о которой, главнымъ образомъ, будетъ итти рѣчь въ настоящихъ очеркахъ — соотношеніе между обѣими литературами Финляндіи представляется въ такомъ видѣ: если въ началѣ XIX столѣтія едва можно было говорить о беллетристикѣ на финскомъ языкѣ, то сто лѣтъ спустя продуктивность ея, сравнительно съ шведскою, можетъ быть выражена отношеніемъ 4 : 1. Несмотря на то, что въ нынѣшнемъ населеніи Финляндіи число говорящихъ на финскомъ языкѣ въ девять разъ больше числа говорящихъ на шведскомъ языкѣ, все еще замѣчается значительный перевѣсъ на сторонѣ шведскаго элемента въ области литературы и вообще культурной жизни. Это странное, на первый взглядъ, явленіе исторически объясняется очень просто.

Положеніе, въ которомъ находилась Финляндія во время шведскаго владычества, длившагося слишкомъ 600 лѣтъ, никогда не было благопріятно для развитія самобытной финской культуры. Если шведское правительство прямо и не подавляло культурныхъ стремленій финновъ, то оно и не поощряло ихъ, а просто предоставляло самимъ себѣ. То не-

многое, что шведское правительство сдѣлало для культурнаго развитія финновъ, сводилось къ назначенію пасторовъ, которые проповѣдывали слово Божіе на финскомъ языкѣ и снабжали народъ важнѣйшими духовными книгами. Главнѣйшіе законы и постановленія были изданы также на языкѣ финновъ. Если изъ числа 2.000 печатныхъ произведеній, представлявшихъ всю совокупность финской литературы къ 1809 году, исключить произведенія духовныя и тексты законовъ, то останется лишь небольшое количество книгъ, относящихся къ области науки и беллетристики, да и тѣ, въ сущности, не представляютъ большой цѣнности. Въ странѣ не существовало ни одной финской школы. Чиновники и вообще интеллигенція — если не считать низшаго духовенства — были шведы. Финскій языкъ былъ языкомъ «черни», и соотвѣтственно этому шло литературное развитіе языка. Если реформація признала его достойнымъ для богослуженія, то шведская верховная власть считала его недостойнымъ для письменности даже въ самой низшей инстанціи по мірскимъ дѣламъ.

Насколько высока была культура шведскаго языка въ Финляндіи въ концѣ шведскаго владычества, видно изъ того, что Финляндія дала метрополіи такихъ поэтовъ, какъ Фресъ, Крейцъ и Францѣнъ. Каждый изъ нихъ стоялъ на уровнѣ высшаго развитія шведской литературы, и труды ихъ послужили къ ея обогащенію. Въ поэзіи двухъ первыхъ почти нѣтъ ничего національнаго финскаго. Зато въ юношескихъ стихотвореніяхъ Францѣна — тѣхъ, которыя написаны имъ до переселенія въ Швецію (до 1811 г.), — слышится шумъ дѣвственныхъ лѣсовъ Финляндіи и отзвуки тѣхъ безыскусственныхъ финскихъ народныхъ пѣсенъ, которыми мать убаюкивала его въ дѣтствѣ. Въ нихъ уже можно замѣтить зародыши чисто финскаго художественнаго склада, который могъ бы внести нѣчто новое въ самую шведскую литературу, если бы Францѣнъ былъ менѣе гибкой натурой и не находился во власти господствующихъ академическихъ теченій. Главное достоинство лирики Францѣна — искренность и глубина чувства, простота и ясность формы — достались въ наслѣдство позднѣйшимъ финскимъ поэтамъ и подъ перомъ Рунеберга развились въ могучую любовь къ отечеству и въ спокойный реализмъ. Но прежде чѣмъ это случилось, Финляндія попала въ совершенно новыя политическія и культурныя условія.

Хотя отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи и присоединеніе ея къ Россіи и было поворотнымъ пунктомъ въ разныхъ областяхъ культуры, но результаты такой перемѣны сказались далеко не сразу. Правда, императоръ Александръ I на сеймѣ въ Борго въ 1809 году возвелъ финскій народъ на степень націи; но прошло нѣсколько десятилѣтій, прежде чѣмъ этотъ народъ самъ своимъ трудомъ доказалъ, что онъ представляетъ самостоятельную единицу среди другихъ культурныхъ націй. Вначалѣ перемѣна едва была замѣтна. Унаслѣдованные отъ Швеціи законы и учрежденія остались нетронутыми. Многіе изъ прежнихъ чиновниковъ остались на своихъ мѣстахъ. Шведскій языкъ попрежнему

былъ языкомъ офиціальныхъ учрежденій и образованнаго общества, финскій — остался въ такомъ же пренебреженіи, какъ и раньше. Духовная жизнь продолжала развиваться подъ вліяніемъ шведской культуры. Около 1815 года произошло даже болѣе тѣсное сближеніе съ метрополіей въ этой области. Романтическое направленіе проникло въ Финляндію, главнымъ образомъ, черезъ Швецію. Группа студентовъ и преподавателей Абоскаго университета образовала общество «Аура», программа котораго была та же, что и у шведскихъ «фосфористовъ» *: проповѣдь свободы воображенія и чувства. Вліяніе этого общества на развитіе самобытной поэзіи, правда, было очень непродолжительно. Но оно все же давало толчокъ культурному росту всей Финляндіи. Центральною личностью въ этомъ обществѣ абоскихъ романтиковъ былъ молодой доцентъ университета *А. И. Арвидсонъ*. Въ издаваемыхъ имъ газетахъ онъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ провозгласилъ новое ученіе. Еще въ юности въ немъ загорѣлась идея національнаго возрожденія Финляндіи, и онъ требуетъ, чтобы всѣ личные интересы были принесены въ жертву этой идеѣ, которая должна поднять финскій языкъ и литературу до той высоты, на которой они должны явиться основой національной культуры. Онъ рѣшительно заявляетъ: «Мы — не шведы, мы не можемъ стать русскими, мы должны быть финнами». Но когда Арвидсонъ одновременно сталъ критиковать дѣйствія правительства, которыя препятствовали свободному развитію финскаго народа, ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ реакціонной бюрократіей. Его органъ былъ прекращенъ, самъ онъ уволенъ отъ службы и принужденъ переселиться въ Швецію въ 1823 году. Наслѣдіе Вѣнскаго конгресса — общеевропейская реакція распространилась и на Финляндію. Суровый бюрократизмъ, цензурныя стѣсненія, страхъ передъ всякими новшествами въ царствованіе Николая I парализовали всякую національно-культурную дѣятельность. «Однако, было бы несправедливо предполагать, что только бюрократизмъ служилъ причиной инертнаго состоянія финскаго общества въ эту пору», говоритъ одинъ финляндскій писатель. «Народъ спалъ и еще не просыпался», — продолжаетъ онъ.

Чтобы понять это, намъ слѣдуетъ помнить, насколько несовершенны были условія жизни нашей страны въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, сравнительно съ нынѣшними. Число жителей не составляло и половины нынѣшняго состава. Матеріальное благосостояніе народа было низко, а въ связи съ этимъ и внѣшнія условія жизни скудны. Народныхъ школъ и народныхъ университетовъ не существовало, и народное образованіе поэтому было недостаточно. Газеты были мелки и ничтожны по содержанію. Пути сообщенія плохи: желѣзныхъ дорогъ не было вовсе; лишь нѣсколько пароходовъ двигалось по нашимъ безчисленнымъ озерамъ. Почта ходила рѣдко и медленно. Такія обстоя-

---

* Литературное теченіе, возникшее подъ вліяніемъ нѣмецкихъ романтиковъ.

тельства, дѣйствительно, не могли быть благопріятнымъ условіемъ для быстраго и многосторонняго развитія.

Однако, романтическое движеніе 20-хъ годовъ все же успѣло намѣтить нѣкоторыя сферы для своей дѣятельности. Пробуждается интересъ къ родному языку, изученію отечественной исторіи и собиранію памятниковъ древней народной поэзіи. Иниціаторомъ этого дѣла былъ профессоръ Г. Г. Портанъ еще въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія. Въ наступившее теперь глухое время, которое продолжалось вплоть до 1860 года, все же въ нѣкоторыхъ кругахъ общества идетъ работа: строятся планы будущаго и накопляются духовныя сокровища, которыя во второй половинѣ столѣтія подготовили тотъ пышный расцвѣтъ Финляндіи, какого до тѣхъ поръ не знала эта скромная страна. Очагомъ этой мирной дѣятельности былъ единственный въ Финляндіи университетъ, основанный въ 1640 году и въ 1828 году переведенный въ Гельсингфорсъ. Знаменательное совпаденіе: въ томъ же 1822 году, когда двери университета закрылись передъ Арвидсономъ, въ него вступили трое юношей, изъ которыхъ каждый на своемъ поприщѣ явился вождемъ новаго, національнаго движенія. Это были: Рунебергъ, Ленротъ и Снельманъ.

Разсмотримъ ближе дѣятельность ихъ и ихъ современниковъ, такъ какъ она имѣла рѣшающее значеніе какъ для литературы, такъ и вообще для культурной жизни Финляндіи.

II.

Шведскій языкъ, какъ и раньше. все еще былъ носителемъ высшей культуры Финляндіи во всѣхъ сферахъ жизни. Представители новаго, національнаго направленія, ведущаго свое начало съ 1840-хъ годовъ, все еще пользовались этимъ языкомъ какъ въ поэзіи, такъ и вообще въ литературѣ. Но если въ прежнее время дѣти финновъ, желавшія посвятить себя наукѣ, невольно забывали свой родной языкъ и увеличивали собою ряды шведской интеллигенціи, то теперь образованный классъ, какъ бы въ оплату своего стараго долга передъ родиной, взялъ на себя дѣло народа и, хотя и на чужомъ языкѣ, но трудился въ пользу всей націи. Это національное движеніе было чисто идеалистическимъ и вначалѣ совершенно чуждо политической окраски по той простой причинѣ, что до 1840 года въ Финляндіи не существовало не только политической, но даже и общественной жизни. Въ это глухое время только въ частныхъ кружкахъ и можно было разсуждать о вопросахъ народной жизни; только въ поэзіи или въ академической рѣчи могли быть выражены публично мысли и чувства лучшихъ людей *.

---

* Весьма характерны для эпохи извѣстныя слова тогдашняго финляндскаго генералъ-губернатора Меншикова:
„О Финляндіи нельзя ничего говорить — ни хорошаго, ни дурного".

Въ новѣйшей исторіи финляндской культуры широкую извѣстность пріобрѣло общество, основанное въ 1830 году въ Гельсингфорсѣ кружкомъ университетской молодежи. Это такъ называемое «общество субботниковъ». Оно собиралось разъ въ недѣлю у кого-либо изъ членовъ, чтобы разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ и, въ частности, о литературѣ. Мало-по-малу оно расширилось настолько, что къ нему принадлежали почти всѣ близко стоящіе къ университету даровитые представители національнаго направленія. Въ его собраніяхъ принимали участіе — Рунебергъ, Нервандеръ, Сигнеусъ, Снельманъ, Нордстремъ, Рейнъ. Изрѣдка посѣщали его также Ленротъ и Кастрѣнъ. Въ этомъ обществѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалась вся умственная жизнь Финляндіи, и отсюда онъ яркимъ свѣтомъ отражалась въ народныя массы. Здѣсь возникла мысль объ основаніи Гельсингфорскаго лицея, перваго крупнаго частнаго учебнаго заведенія, въ которомъ осуществлялись новѣйшія педагогическія идеи; здѣсь положено основаніе газетѣ «Helsingfors Morgonblad», которая должна была служить органомъ изученія родины и выраженія національныхъ литературныхъ стремленій; здѣсь, наконецъ, родилась идея организація Финскаго литературнаго общества, сыгравшаго такую важную роль въ первой половинѣ XIX столѣтія въ дѣлѣ изданія произведеній народнаго творчества и вообще въ развитіи финской литературы. Если принять во вниманіе, что эта даровитая молодежь, находившаяся въ полномъ расцвѣтѣ духовныхъ силъ, имѣла возможность въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ обсуждать и всѣ остальные вопросы, касающіеся культуры Финляндіи, — то можно сказать безъ преувеличенія, что за какія-нибудь пять-шесть лѣтъ существованія этого общества заложены были сѣмена почти всего будущаго возрожденія Финляндіи.

Центральной фигурой въ кружкѣ «субботниковъ» былъ національный поэтъ Финляндіи *Іоганъ Людвигъ Рунебергъ* (1804—1877). По окончаніи университета, онъ нѣкоторое время работалъ въ газетѣ и былъ преподавателемъ въ Гельсингфорсѣ. Въ 1837 году онъ получилъ должность лектора лицея въ Борго, гдѣ и оставался до конца жизни.

Рунебергъ былъ счастливый наслѣдникъ, спокойно трудившійся надъ увеличеніемъ своего наслѣдства. Въ его поэзіи пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли благороднѣйшія идеи шведско-финской культуры на финской почвѣ. Это были идеи общественности, демократической свободы и личнаго мужества, воспѣтыя въ пламенныхъ стихахъ величайшими поэтами Швеціи до него и въ его время; но онъ провелъ въ сознаніе то, что предшественники его лишь смутно чувствовали. Онъ съ небывалой еще силой пропѣлъ гимнъ своему народу. Это была уже не туманная романтика, а ясное, смѣлое признаніе дремлющихъ въ народѣ силъ. И его поэзія сдѣлалась достояніемъ не только шведскаго, образованнаго класса, но, переложенная на финскій языкъ, она проникла въ широкія народныя массы, пробудила ихъ отъ вѣкового сна и заставила почувствовать себя полноправнымъ членомъ въ семьѣ другихъ народовъ. Она дѣйствовала возвышающимъ образомъ на душу.

выдвигая вездѣ положительныя качества человѣка. Въ этомъ сила Рунеберга и вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ его творчества.

Онъ великъ и правдивъ, онъ реалистъ, любитъ простоту и чистыя краски, но его никогда не привлекали тѣ сложныя явленія, гдѣ свѣтъ и тѣни, добро и зло сливаются въ одну причудливую смѣсь. Не былъ Рунебергъ и реформаторомъ. Онъ не внесъ въ поэзію ничего новаго, революціоннаго. Онъ только яснѣе, чѣмъ кто-либо изъ предшественниковъ, видѣлъ то хорошее, что таила въ себѣ дѣйствительность. Онъ, какъ золотоискатель, отбрасывалъ руду и бралъ только чистое золото. И ему легко было сдѣлать это, потому что въ душѣ его жила глубокая, ненасытная потребность красоты и добра, воплощеннаго въ дѣйствительность.

Художественное воспитаніе Рунеберга какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этому основному свойству его личности. Еще въ дѣтствѣ на него произвела сильное впечатлѣніе несложная поэзія Францѣна и Кореуса. Въ школьное время къ этому присоединяется вліяніе античной поэзіи, ближайшимъ образомъ — Гомера. Позже онъ болѣе всего восхищается народной поэзіей — сербскими и финскими народными пѣснями. Всѣ эти вліянія усугубили простоту его художественнаго созерцанія, охранивъ его душу отъ пестроты и туманностей романтики.

Для внутренняго развитія Рунеберга очень важны были годы 1823—1826, которые онъ молодымъ студентомъ провелъ, въ качествѣ домашняго учителя, въ глуши Суоми. Воспитанный въ прибрежной, шведской Финляндіи, онъ въ эти годы сдѣлался финномъ душою. Здѣсь раскрылись его глаза, и онъ увидѣлъ красоту финской природы, величественно-мрачной зимою, привѣтливо смѣющейся лѣтомъ. Онъ увидѣлъ душу этого простого и терпѣливаго народа, его вѣчную упорную борьбу съ голодомъ и нуждою. Къ этому надо еще прибавить воспоминанія о войнѣ, о которой такъ увлекательно разсказывали молодому студенту старые воины. Все это отпечатлѣвалось, какъ на воскѣ, въ его чуткой душѣ, и эти впечатлѣнія съ годами становились все отчетливѣе и ярче. Это дало его воображенію твердую національную почву, изъ которой онъ, какъ сказочный великанъ, почерпнулъ силы для своей творческой работы.

Подобно всѣмъ поэтамъ, Рунебергъ началъ съ лирики (1830 г.). Въ его юношескихъ стихотвореніяхъ мѣстами чувствуются явные признаки вліянія шведскаго романтизма, но проявляется уже живое пониманіе природы и бодрое героическое настроеніе. Яснымъ признакомъ того, въ какомъ направленіи будетъ итти дальнѣйшее развитіе поэта, можетъ служить помѣщенное въ этомъ первомъ сборникѣ чисто повѣствовательное произведеніе «Паво изъ Сариярви»; это простая картина изъ жизни финскаго народа. — народа, который безропотно борется со стужей и голодомъ, питаясь хлѣбомъ наполовину изъ сосновой коры, и все-таки надѣется, что «хотя Богъ и посылаетъ испытанія, но не оставитъ его». Сюжетъ стихотворенія «Могила въ Перхо» (1831) взятъ изъ прошлаго Финляндіи. Въ сильныхъ нерѣмованныхъ сти-

хахъ авторъ изображаетъ семью братьевъ, которые гибнутъ всѣ до одного, сражаясь противъ непріятеля, вторгшагося въ страну, гибнутъ такъ же дружно, какъ дружно жили. Первая крупная эпическая поэма Рунеберга — «Охотники на лосей» (1832) — написана по образцу античныхъ, гекзаметромъ. Въ ней описывается охота на лосей въ лѣсахъ внутренней Финляндіи и веселая помоловка по окончаніи охоты. Сюжетъ поэмы простой, будничный. Но на фонѣ шведской и вообще европейской поэзіи сразу бросается въ глаза ея оригинальность. Въ ней нѣтъ ничего дѣланнаго, никакого ложнаго пафоса. Крестьянскій бытъ изображенъ во всей своей будничной неприкрашенности. Мужики выходятъ изъ своихъ теплыхъ курныхъ избъ на морозъ и скользятъ на гибкихъ лыжахъ по блестящему насту, во главѣ съ помѣщикомъ, чтобы настичь звѣря. Зимняя природа Финляндіи и своеобразный характеръ народа впервые воспроизведены здѣсь полно и правдиво. Поэму «Охотники на лосей» слѣдуетъ признать самымъ раннимъ примѣромъ реалистическаго направленія въ финляндской литературѣ. Она дала толчокъ дальнѣйшему движенію въ указанномъ направленіи. Читатель по этой поэмѣ учился узнавать свой народъ и восхищаться его скромнымъ мужествомъ.

Другое настроеніе и другая среда изображены въ слѣдующей поэмѣ Рунеберга—«Ханна» (1836), написанной также гекзаметромъ. Это идиллическая картинка изъ жизни средняго класса. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ деревенскаго священника. Центръ поэмы — повѣсть первой, невинной любви; рамкою ей служитъ лѣтній пейзажъ — чудный тихій вечеръ наканунѣ Иванова дня, напоенный ароматомъ сирени и лѣсныхъ цвѣтовъ. Эту идиллію по формѣ и содержанію ставятъ въ связь съ «Luise» Фосса и «Германъ и Доротея» Гёте. Но на ней лежитъ совершенно оригинальный финскій отпечатокъ, и въ свое время она доставила Рунебергу многихъ восторженныхъ читателей и читательницъ въ средѣ образованнаго класса.

Суровая поэма Рунеберга «Сочельникъ» (1841 г.) является какъ бы прелюдіей къ «Разсказамъ прапорщика Столя» *. Но прежде чѣмъ поэтъ обратился къ этимъ роднымъ сюжетамъ, воображеніе его еще разъ унеслось въ другія, отдаленныя области поэзіи.

Въ поэмѣ «Надежда» (1841) Рунебергъ изображаетъ русскій бытъ по разсказу, слышанному имъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ, побывавшаго въ Россіи. На созданіе этого произведенія, по всей вѣроятности, повліялъ Шиллеръ, Байронъ и Альмквистъ. Братья-близнецы, князья Владиміръ и Димитрій, одинъ эгоистическій и страстный, другой чистый и благородный, соперничаютъ за обладаніе красавицей Надеждой, крѣпостной дѣвушкой. Между братьями возникаетъ сильная вражда, которую прекращаетъ великодушная государыня (Екатерина II), соединивъ дѣвушку съ любимымъ человѣкомъ. Этотъ самъ по себѣ романтическій сюжетъ разработанъ въ романтическомъ же духѣ. Довольно

* Есть русскій переводъ изд. Скирмунта „Трудъ".

блѣдно очерченныя лица и событія движутся «въ пустомъ пространствѣ отвлеченныхъ идей». Но живое, красочное изложеніе — Рунебергъ примѣняетъ здѣсь разнообразные размѣры романса — достигаетъ временами большой поэтической силы, которая выкупаетъ недочеты цѣлаго.

Гораздо удачнѣе разработанъ сюжетъ романтической поэмы «Король Фьяларъ» (1844), которую Рунебергъ называлъ «гимномъ въ честь боговъ». Въ нее онъ вложилъ весь глубокій опытъ своей жизни: безпомощность человѣческой воли передъ божественными силами и глубочайшую вѣру своего сердца — вѣру въ искупленіе. По стройности композиціи и величавости стиля это произведеніе не имѣетъ себѣ равнаго среди предыдущихъ поэмъ Рунеберга. Мрачными предсказаніями и идеей рока исторія короля Фьялара напоминаетъ античныя трагедіи; но боги, которые приводятъ къ покорности этого гордаго и самонадѣяннаго властителя, изображены кроткими и мудрыми существами. Больше всего на эту поэму повліяли пѣсни Оссіана. Часть дѣйствія происходитъ въ странѣ Оссіана Морвенѣ, другая — въ Скандинавіи древнихъ преданій.

Лирика Рунеберга не очень богата. Въ двухъ сборникахъ стихотвореній, изданныхъ имъ въ 1833 и 43 гг., большая часть цѣликомъ или наполовину эпическія; лучшія изъ нихъ — легенды. Зато всѣ его лирическія пьесы отличаются простотою и ясностью формы, напоминающими народную пѣсню, и свѣжестью чувства природы. Всѣ лучшія стороны его лирики и эпоса соединяются въ «Разсказахъ прапорщика Столя», первая половина которыхъ вышла въ свѣтъ въ 1848, а вторая въ 60 году. Большая часть этихъ стихотвореній—маленькіе шедѣвры. Въ нихъ изображаются событія послѣдней Финляндской войны (1808—9 гг.). Въ нихъ, какъ живая, встаетъ предъ читателемъ вся армія Финляндіи, отъ военачальника до послѣдняго рядового и обознаго солдата, то большими группами, въ пылу сраженій, то въ отдѣльныхъ типичныхъ образахъ. Характерныя черты финскаго народа особенно ярко выступаютъ въ такихъ несложныхъ натурахъ, какъ «Свенъ Дува» и «Мунтеръ».

Этотъ народъ —

„...неразлученъ съ горемъ,
Но умѣетъ переносить свой жребій;
Онъ готовъ все отдать въ жертву;
Его мужество молчаливо, его спокойствіе твердо,
Его вѣрность не боится смерти —
Таковъ народъ, который мы называемъ своимъ!“

При всей силѣ патріотическаго одушевленія, проникающаго это произведеніе, въ немъ нѣтъ ни тѣни шовинизма или ненависти къ врагу. Поступки людей поэтъ расцѣниваетъ съ точки зрѣнія высшей морали. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Рунебергъ открываетъ намъ тайну обаятельной силы, заключенной въ его «Разсказахъ»:

«Одно я знаю, это то, что я любилъ своихъ героевъ, честныхъ борцовъ за отечество, какое бы положеніе они ни занимали; я пѣлъ о нихъ изъ глубины души своей, такъ, какъ умѣлъ».

По своему характеру эти пѣсни очень разнообразны и отличаются удивительнымъ богатствомъ оттѣнковъ. Въ нихъ звучатъ различныя струны человѣческаго чувства, отъ горькой иронiи и глубокаго юмора до восторженнаго гимна. Въ этихъ пѣсняхъ поэтъ гармонически слилъ идеализмъ своей молодости съ трезвымъ реализмомъ зрѣлаго возраста. Онѣ сдѣлали Рунеберга національнымъ поэтомъ Финляндiи. Стихотвореніе «Нашъ край» — изъ первой части «Разсказовъ» — стало народнымъ гимномъ Финляндiи; «Бьернеборгскій маршъ», положенный на музыку, также проникъ въ народныя массы.

Рунебергъ не былъ рожденъ драматургомъ. Но онъ испробовалъ свои силы и въ этой области. Кромѣ нѣсколькихъ скромныхъ комедій, онъ написалъ большую трагедію изъ античнаго міра «Цари на Саламинѣ» (1863). Въ ней онъ, такъ же, какъ и въ «Королѣ Фьяларѣ», соединилъ античное представленіе о судьбѣ съ христіанской идеей искупленія. Характеры дѣйствующихъ лицъ трагедіи не отличаются силой и жизненностью; имъ недостаетъ глубины внутренняго развитія. Но въ пьесѣ есть глубокія мысли, какова, между прочимъ, мысль о правосудіи, которое «выше царей»; и эти мысли облечены въ тщательно обработанную форму.

Вліяніе поэзіи Рунеберга на современниковъ и особенно на молодое поколѣніе было огромно. Тѣ идеалы, которые онъ провозглашалъ, тѣ національныя задачи — чувство общительности, вѣра въ будущее, — на которыя онъ указывалъ, сдѣлались наслѣдіемъ послѣдующихъ дѣятелей культуры. Съ другой стороны, его строгій реализмъ сталъ обязательнымъ требованіемъ для многихъ писателей, изображавшихъ финскій народъ. Съ него, такимъ образомъ, начинается новый періодъ въ исторіи финляндской литературы.

Рунебергъ былъ самой крупной и центральной фигурой въ томъ литературномъ кружкѣ, членовъ котораго мы уже встрѣтили въ обществѣ «субботниковъ», и который поднялъ шведскую поэзію въ Финляндiи на высоту, какой она ни прежде, ни послѣ не достигала. Къ этой группѣ принадлежали, между прочимъ, *Іоганъ Якобъ Нерандеръ* (1805—1848), преждевременно скончавшійся талантливый натуралистъ, который въ юности интересовался поэзіей и написалъ рядъ стихотвореній, свидѣтельствующихъ о его тонкомъ умѣ и способности къ глубокому чувству; Фредрикъ Сигнеусъ (1807—1881) — поэтъ, ораторъ и эстетъ, который всѣмъ своимъ существомъ отдавался искусству; хотя его собственные стихи тяжелы по формѣ и малопонятны, но въ нихъ нерѣдко встрѣчается красота мысли и сила непосредственнаго чувства.

Гораздо менѣе даровитъ, въ сравненіи съ Рунебергомъ, но проникнутъ тѣмъ же настроеніемъ младшій современникъ и землякъ его *Ларсъ Стенбекъ* (1811—1870).

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ восторженнымъ пѣвцомъ свободы и братства, въ духѣ романтизма предшествующаго столѣтія. Въ юности онъ писалъ восторженныя и сильныя сту-

денческія пѣсни и перевелъ на шведскій языкъ нѣсколько балладъ Уланда. Но въ зрѣлые годы въ немъ произошелъ крутой нравственный переломъ: подъ вліяніемъ ученія секты такъ называемыхъ «пробужденныхъ» въ сѣверной Финляндіи онъ впалъ въ піетизмъ, отрицающій искусство и жизнь. Осуществляя на дѣлѣ теорію, которую впослѣдствіи Левъ Толстой изложилъ въ своей книгѣ «Что такое искусство», онъ пересталъ писать стихотворенія свѣтскаго содержанія и къ концу жизни принималъ участіе только въ составленіи новой шведской книги псалмовъ. Этотъ внутренній переломъ отразился и на внѣшнемъ складѣ его жизни. Онъ перешелъ на богословскій факультетъ, принялъ санъ священника и, прослуживъ нѣкоторое время учителемъ, переселился въ сѣверную Финляндію на должность старшаго приходскаго священника, посвятивъ себя исключительно дѣламъ церкви.

Творчество Стенбека настолько скудно, что всѣ его стихи вмѣщаются въ одной тоненькой книжкѣ, вышедшей въ свѣтъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ: 1840, 1850 и 1868 гг. При всемъ своемъ ничтожномъ объемѣ, книжка эта очень тяжеловѣсна по содержанію. Въ монотонномъ журчаніи стиховъ Стенбека отражается внутренняя борьба одинокой и гордой души, убѣжденіе въ необходимости смиренія и, какъ слѣдствіе этого, покой и примиреніе въ Богѣ. Взоръ поэта отворачивается отъ всего земного и обращенъ къ вѣчному идеалу. Дружбу онъ ставитъ выше любви; еще выше, по его мнѣнію, отечество и истина, и выше всего — вѣра въ Христа и искупленіе черезъ Него. Такимъ образомъ, на всей его поэзіи лежитъ отпечатокъ субъективности; ея религіозный характеръ, рядомъ съ трезвой объективностью Рунеберга и женственной нѣжностью Топеліуса, дѣйствуетъ съ своеобразной силой, хотя и не открываетъ широкихъ горизонтовъ.

При опредѣленіи характера творчества Рунеберга, самъ собой напрашивается эпитетъ «мужественный». Его муза мужественна въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Потому-то онъ и умѣетъ изображать благороднѣйшую изъ формъ проявленія мужества — геройство. Потому-то все творчество его представляетъ монументальную цѣльность; все въ немъ сосредоточено въ одной руководящей идеѣ — идеѣ величія. Поэзію же Топеліуса, младшаго современника Рунеберга, можно бы назвать «женственной», въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Закрисъ Топеліусъ (1818—1898) значительную часть своей жизни посвятилъ журнальной дѣятельности и университету, гдѣ онъ читалъ исторію Финляндіи и — съ 63 г. — исторію сѣверныхъ странъ. Въ 1878 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ свое имѣніе Бьёркудденъ, близъ Гельсингфорса, гдѣ безмятежно провелъ остатокъ своей жизни, усердно трудясь на поприщѣ литературы и поэзіи. Онъ былъ очень даровитъ и рано развился. Пятнадцати лѣтъ онъ уже студентъ, и къ этому времени относится его первое вышедшее въ свѣтъ стихотвореніе—«Жажда знанія», содержаніе котораго очень характерно для Топеліуса. Тоскующая душа юнаго поэта рвется отъ земли къ небу, отъ конечнаго къ безконечному. Та же мысль, въ

формѣ то религіозной, то поэтической мечты, нерѣдко повторяется у него и впослѣдствіи.

Топеліусъ началъ свое литературное поприще подъ знакомъ романтизма и на всю жизнь остался романтикомъ, хотя формы его произведеній были проще, чѣмъ у заядлыхъ романтиковъ, и сюжеты стояли ближе къ дѣйствительности. Еще въ юности ему открылся пестрый міръ сказокъ и преданій; въ студенческіе годы онъ съ жадностью читалъ преимущественно литературу романтиковъ.

Отъ общаго характера романтики того времени юношескія произведенія Топеліуса отличались только дѣтской чистотой мысли и народной простотой выраженія. Слѣды вліянія финской народной поэзіи легко прослѣдить на всемъ его творчествѣ этого періода. Но характерно, что присущій пѣснямъ «Кантелетаръ» * унылый тонъ проясняется и какъ бы улетучивается у Топеліуса.

Выступленіе на арену общественной жизни заставляетъ Топеліуса расширить кругъ своихъ сюжетовъ. Все чаще и все больше мѣста въ его произведеніяхъ занимаетъ народъ, его прошлое и настоящее, его страданія и надежды на будущее; здѣсь, отчасти, сказывается вліяніе его современниковъ—Рунеберга, Снельмана, Сигнеуса и Стенбека. Едва ли какой другой поэтъ воспѣвалъ природу Финляндіи такимъ звучнымъ и плавнымъ стихомъ, какъ Топеліусъ. Едва ли кто-либо другой внесъ столько свѣтлой поэзіи въ изображеніе ея сверкающихъ снѣговъ, синихъ озеръ и высокихъ холмовъ. Но это не простая лирика природы, — въ глубинѣ ея свѣтится искренняя любовь къ странѣ, къ бѣдному народу, сочувствіе его страданіямъ, радость его счастью. Въ изображеніе осени поэтъ вплетаетъ надежду на весну; въ побѣдоносномъ наступленіи весны и вскрытіи водъ онъ видитъ живой символъ пришествія духовной весны для Финляндіи; глядя зимой на Млечный Путь, онъ читаетъ на небѣ чудную сказку о вѣчной любви. Такимъ образомъ поэтъ имѣетъ возможность въ безобидной формѣ выразить свои завѣтныя мысли, нѣчто такое, что, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, было бы совершенно немыслимо сказать въ прозѣ: тревоги Финляндіи и ея надежды на будущее.

Особенной извѣстностью и наибольшимъ успѣхомъ пользовался сборникъ стихотвореній подъ названіемъ «Пѣсни Сильвіи», изъ которыхъ лучшія относятся къ 1853—55 гг. Здѣсь Топеліусъ собралъ жемчужины своей лирики, и мелодіи этихъ пѣсенъ глубоко проникли въ душу финскаго народа.

Поэзія Топеліуса не ограничивается только изображеніемъ Финляндіи; она затрагиваетъ также и жизнь другихъ странъ, поскольку въ ней отражались тѣ же стремленія къ свѣту и свободѣ, которыя были такъ дороги поэту. Въ теченіе десятилѣтій лира его воспѣвала великихъ геніевъ, борцовъ за идею и служителей искусства. Вообще, поэ-

---

* Пѣсни, исполняемыя подъ аккомпаниментъ народнаго струннаго инструмента — кантеле.

нѣйшее творчество Топеліуса было, по большей части, откликомъ на событія текущей жизни: хвалебныя и надгробныя пѣсни, марши, отзывы на жгучіе вопросы текущаго дня. Какъ талантливый импровизаторъ, онъ умѣлъ улавливать настроеніе минуты и выражать его въ поэтической формѣ. Но среди этихъ программныхъ произведеній встрѣчаются иногда, хотя съ годами все рѣже и рѣже, стихи личнаго, большей частью, религіознаго настроенія. Въ нихъ авторъ ставитъ вѣру выше знанія, покорность Провидѣнію — выше славы и почестей. Онъ провозглашаетъ, что личность сама по себѣ не болѣе, какъ волна, безслѣдно исчезающая въ океанѣ жизни; она имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку, побѣждая себя, она служитъ вѣчнымъ идеаламъ. Это та же самая мысль, которую мы находимъ и у другихъ поэтовъ.

Помимо поэзіи, Топеліусъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ (1841—1860) занимался также и публицистикой. Редактируемая имъ «Helsingfors Tidningar» («Гельсингфорская Газета») не имѣла большого политическаго значенія, что признавалъ и самъ писатель, отказавшійся отъ изданія этой газеты. Тѣмъ не менѣе, въ рукахъ Топеліуса эта газета значительно содѣйствовала пробужденію общества, и это достигалось не инымъ чѣмъ, какъ «невинными сказками», какъ онъ называлъ помѣщавшіяся въ ней свои историческія повѣсти. Онѣ были лучшимъ украшеніемъ газеты. Ихъ всѣ читали. «Во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ получалась эта газета»,—говоритъ одинъ современникъ,—«по прочтеніи ея старшими членами семьи, она переходила въ дѣтскую, а оттуда попадала на кухню. И всѣ сходились въ томъ, что такое интересное чтеніе у нихъ рѣдко бывало».

Въ этихъ простыхъ разсказахъ («Разсказы фельдшера», «Зимніе вечера» и др.) выражается духъ оппозиціи тѣмъ грубымъ формамъ реакціи, которыя царили тогда въ Финляндіи. Въ своихъ историческихъ картинахъ Топеліусъ воплощалъ свободныя демократическія идеи, которыя представлялись столь страшными политическому курсу того времени. Въ исторіи его больше всего занимали «запретныя права сердца». Онъ указывалъ, что прогрессъ осуществляется не только подвигами монарховъ, государственныхъ людей и военныхъ героевъ, но и неустанными усиліями «безымяннаго народа». Въ этомъ отношеніи Топеліусъ, подобно Рунебергу въ его «Разсказахъ прапорщика Столя», сталъ на демократическую точку зрѣнія.

Въ прозѣ, какъ и въ стихотвореніяхъ, онъ доказываетъ, что злѣйшій врагъ человѣка — эгоизмъ, и что только тотъ, кто поборолъ самого себя, заслуживаетъ названія героя. Этотъ чистый идеализмъ и живое участіе къ судьбѣ народа дѣйствовали животворно и возвышающе на читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ простое, наполовину сказочное, но живое изложеніе, увлекательность фабулы снискали этимъ разсказамъ расположеніе публики *.

---

* Въ „Разсказахъ фельдшера“ съ одинаковымъ мастерствомъ онъ описывалъ бурное время и кровавыя стычки Тридцатилѣтней войны, и

Отъ этихъ разсказовъ, которыми зачитывалась какъ финская, такъ и шведская молодежь, одинъ шагъ къ сказкамъ Топеліуса, гдѣ онъ обращается къ самому младшему поколѣнію. У него былъ врожденный талантъ сказочника. Въ одной изъ своихъ сказокъ онъ описалъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ каждый обладалъ чуднымъ даромъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ въ облакахъ красивую игру красокъ, другому вся природа представлялась хороводомъ духовъ, третьему—древесныхъ листьевъ и вѣтвей. Изъ перваго вышелъ художникъ, изъ второго — поэтъ, изъ третьяго — пѣвецъ зеленаго лѣса. У самого Топеліуса было нѣчто, свойственное каждому изъ нихъ. У него былъ глазъ художника, воображеніе поэта и присущее пѣвцу чувство гармоніи, сверхъ того — и это самое главное — младенчески чистая душа. Немудрено, что сборникъ сказокъ и дѣтскихъ стихотвореній Топеліуса, подъ названіемъ «Дѣтское чтеніе», сдѣлался любимой книгой финляндскихъ дѣтей.

Топеліусъ написалъ также нѣсколько пьесъ для взрослыхъ или, лучше сказать, драматизировалъ нѣкоторыя сцены изъ своихъ историческихъ разсказовъ, напр. «Регина фонъ Эммерицъ», сюжетъ, взятый изъ эпохи Тридцатилѣтней войны въ Германіи. Но хотя эти пьесы и имѣли большой успѣхъ, по нимъ все же видно, что Топеліусъ не былъ настоящимъ драматургомъ — онъ былъ, прежде всего, лирикъ.

Топеліусъ сталъ любимымъ писателемъ финляндской молодежи, милымъ «дядюшкой» Топеліусомъ каждаго ребенка. И по мѣрѣ того, какъ выростала эта молодежь, росла и поэтическая слава Топеліуса, и не только въ Финляндіи, но и въ Скандинавіи. Подъ вечеръ своей жизни онъ стоялъ во главѣ молодыхъ финляндскихъ писателей, всѣми любимый и уважаемый, какъ патріархъ. Онъ былъ представителемъ великихъ національныхъ идеаловъ и литературныхъ традицій 40-хъ годовъ вплоть до самаго конца столѣтія. Ему не суждено было увидѣть тѣ тяжелыя испытанія, которымъ подверглось дѣло національнаго объединенія Финляндіи вскорѣ послѣ его смерти.

III.

Для развитія финскаго языка и литературы, за которое съ такимъ рвеніемъ взялось молодое поколѣніе 20-хъ годовъ, недостаточно было однихъ словъ; дѣло это требовало усерднаго труда и напряженія. Литературный языкъ еще не установился, происходила борьба за господство между различными діалектами, писатели употребляли въ своихъ произ-

---

изящество и легкость нравовъ придворной жизни во времена короля Фридриха и Густава III. Эти разсказы внесли новое направленіе не только въ ежедневную прессу, но и во всю беллетристику. Они уже рано были переведены на финскій языкъ и породили историческую повѣствовательную литературу. И въ другихъ странахъ Европы они имѣли успѣхъ. Есть русскій переводъ: „Разсказы фельдшера“ изд. Девріена. „Сказки“ переводъ и изданіе Гранстремъ (см. „Библіографію“).

веденіяхъ мѣстныя нарѣчія. Литературный хаосъ грозилъ стать опаснымъ дѣлу національнаго развитія и объединенія.

Ленротъ первый установилъ финскій литературный языкъ. Въ основу его онъ положилъ правильныя грамматическія формы языка западной Финляндіи, обогативъ его многими словами и оборотами восточно-финскаго нарѣчія. Интересъ къ діалектологіи имѣлъ важное значеніе для развитія финской грамматики и вообще для языковѣдѣнія. Онъ содѣйствовалъ болѣе близкому ознакомленію съ различными нарѣчіями финскаго языка и далъ толчокъ изслѣдованію родственныхъ ему языковъ. Въ этомъ отношеніи особенно слѣдуетъ упомянуть А. Ю. Шёгрена († 1855 г., членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ) и М. А. Кастрѣна, который былъ первымъ профессоромъ по каѳедрѣ финскаго языка († 1852). Этотъ послѣдній совершилъ обширное путешествіе по сѣверной Россіи и Сибири, для изученія родственныхъ финнамъ племенъ, и опредѣлилъ границы угро-финской семьи языковъ.

Одновременно шла и другая работа по развитію финскаго языка, а именно—изданіе памятниковъ народнаго творчества и доступныхъ народу произведеній. Въ этой области особенно важное значеніе пріобрѣла дѣятельность Финскаго литературнаго общества, основаннаго въ 1831 году. Большая часть литературныхъ изданій, вышедшихъ на финскомъ языкѣ за время отъ 1830-го по 1860 годъ, обязаны своимъ появленіемъ именно этому обществу.

Важнѣйшимъ дѣятелемъ литературнаго общества и даже, можно сказать, всей финской литературы въ первой половинѣ столѣтія былъ *Эліасъ Ленротъ* (1802—1884), сынъ бѣднаго торпаря. Сдавъ сначала экзаменъ на званіе врача, онъ впослѣдствіи, послѣ смерти Кастрѣна, занялъ въ университетѣ каѳедру финскаго языка и въ теченіе своей долгой жизни издалъ рядъ разнообразныхъ литературныхъ трудовъ. Финскій народъ видѣлъ въ немъ воплощеніе своихъ лучшихъ качествъ: скромности, трудолюбія и добросовѣстности. О Ленротѣ говорили шутя, что онъ былъ «уменъ, какъ университетъ, и скроменъ, какъ деревенская церковь». Самую прочную славу онъ пріобрѣлъ себѣ, какъ собиратель произведеній народной поэзіи и составитель «Калевалы».

Онъ совершилъ много экспедицій въ страну нашихъ лучшихъ народныхъ пѣвцовъ, русскую Карелію, и нашелъ у живущихъ тамъ финновъ необыкновенно богатый запасъ эпическихъ пѣсенъ. У него, какъ онъ самъ говорилъ, явилось желаніе составить изъ нихъ единую эпопею, «которая соотвѣтствовала бы Иліадѣ Гомера, или исландской поэмѣ Эддѣ». Соединяя вмѣстѣ различные варіанты, группирующіеся около однихъ и тѣхъ же лицъ, и вплетая въ эпическія пѣсни богатый лирическій элементъ, между прочимъ заклинанія, онъ составилъ произведеніе, которому далъ названіе *Калевала*. Первая редакція ея вышла въ свѣтъ въ 1835 году. Но когда послѣ новыхъ экспедицій у него снова скопился значительный матеріалъ, Ленротъ включилъ его въ готовую уже въ общихъ чертахъ эпопею, и такимъ образомъ явилась новая редакція Калевалы въ 1849 году. Она состоитъ изъ 50 рунъ, заключающихъ въ

себѣ въ общей сложности свыше 22.000 стиховъ. Великое національное значеніе этого произведенія было очевидно для всѣхъ просвѣщенныхъ людей того времени. Предсѣдатель литературнаго общества профессоръ Линсѐнъ въ 1836 году выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «Эти эпическія пѣсни пробудили національное самосознаніе Финляндіи; обладая ими, страна научится понимать свое прошлое, а также и будущее духовное развитіе, и можетъ сказать себѣ: и у меня есть исторія!» А. Рунебергъ, восхищаясь ея поэтическими красотами, предсказывалъ, что Калевала будетъ успѣшно соперничать съ пѣснями Гомера. Вліяніе Калевалы на финскую литературу было очень значительно: она открыла предъ ней новые горизонты и дала ей возможность самобытнаго развитія.

До 1830 года финская поэзія почти что не существовала. Литература была чистымъ полотномъ, которое еще ожидало кисти художника. Среди немногочисленныхъ произведеній писателей изъ духовнаго званія предшествующаго времени едва ли можно отыскать хоть одно живое изображеніе природы Финляндіи, хоть какой-нибудь яркій очеркъ характера финскаго народа. Тѣ обрывки народной поэзіи, которые начали появляться со временъ Портана, заключали въ себѣ также лишь ничтожную долю дѣйствительнго богатства народнаго творчества. Легко понять поэтому, что появленіе Калевалы явилось откровеніемъ. Хотя о Калевалѣ писали много и у насъ, и за границей, однако очень трудно произнести абсолютно вѣрное сужденіе о ея поэзіи: настолько она своеобразна и, въ своемъ родѣ, единственна во всей всемірной литературѣ. Попробуемъ въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить ея отличительныя черты.

Калевала начинается изображеніемъ сотворенія міра и кончается разсказомъ о рожденіи Христа. Содержаніе, вложенное въ эти рамки, изображаетъ взаимныя отношенія двухъ народовъ во время войны и мира. Въ мирное время поводомъ къ сношеніямъ служатъ поѣздки въ гости и сватовство; враждебныя столкновенія происходятъ изъ-за обладанія мельницей Сампо, чудеснымъ орудіемъ, которое приноситъ людямъ счастье во дни мира, а въ эпохи взаимной борьбы разрушается, исчезаетъ въ морѣ, не доставшись ни тѣмъ, ни другимъ. Въ эту канву вплетено множество подробностей сказочнаго, легендарнаго и магическаго характера, благодаря чему поэма превратилась въ чрезвычайно пеструю цѣпь картинъ.

Многіе изслѣдователи указывали, что Калевала не героическій эпосъ, въ родѣ, напр., пѣсенъ Гомера, или великихъ эпопей западныхъ народовъ — пѣсни о Роландѣ, или саги о Нибелунгахъ; въ ней нѣтъ настоящихъ героическихъ типовъ и сценъ борьбы, гдѣ проявлялись бы личное мужество и сила героевъ. Герои Калевалы ведутъ борьбу скорѣе словами и силою пѣсни, чѣмъ мечами и копьями, и поэтому ее называли «эпосомъ заклинаній». Безспорно, что въ ней больше мѣста, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ народномъ эпосѣ, отведено заклинаніямъ и вообще лирическому элементу, и по типу своему она напоминаетъ «Пѣснь о Гайаватѣ» Лонгфелло—поэму, созданную американскимъ поэтомъ не безъ вліянія Калевалы. Герои Калевалы находятся въ интимномъ общеніи

съ природой и таящимися въ ней силами. Она отражаетъ болѣе примитивное состояніе народнаго духа и глубже проникаетъ въ ту эпоху духовной жизни народа, когда творились миѳы, — глубже, чѣмъ западный эпосъ, гдѣ отдѣльные герои являются болѣе обособленными и яркими личностями. Съ другой стороны, Калевала, изображая внутреннюю жизнь народа, отличается болѣе гуманнымъ характеромъ, чѣмъ, напр., «Пѣснь о Нибелунгахъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней больше сказочнаго элемента. Фантазія тѣшится здѣсь въ свободной и рѣзвой игрѣ. Для нея нѣтъ ничего невозможнаго: люди превращаются въ птицъ и летаютъ по воздуху, принимаютъ образъ змѣй; вырастаютъ чудесныя деревья, вершины которыхъ достигаютъ до неба, летаютъ чудесныя птицы, у которыхъ «одно крыло волочится по водѣ, а другое достигаетъ небесъ», и т. д. Но на ряду съ этими гиперболическими образами, свидѣтельствующими о свѣжести мысли и чисто дѣтской душевной воспріимчивости народнаго творчества, въ Калевалѣ встрѣчаются чрезвычайно живо и вѣрно схваченныя сцены изъ жизни природы и человѣка. Можно сказать, что всѣ наиболѣе типичныя черты финляндской природы, важнѣйшія породы растеній и животныхъ Финляндіи вполнѣ реально воспроизведены въ Калевалѣ; съ другой стороны, въ изображеніи людей можно узнать главныя черты финскаго характера, обычаевъ народа и его душевный строй.

Стиль Калевалы не обладаетъ строгой пластичностью пѣсенъ Гомера, — его скорѣе можно назвать импрессіонистскимъ. Онъ даетъ быстро мелькающіе отдѣльные черты, штрихи и краски. Создавая образъ, онъ не исчерпываетъ его, но лишь намѣчаетъ. Въ этой игрѣ красокъ, въ быстрой смѣнѣ образовъ, можетъ быть, и заключается своеобразная прелесть поэзіи Калевалы; по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ изъ произведеній западно-европейскаго народнаго эпоса лирическая поэзія не достигаетъ такого развитія, какъ здѣсь. Отчасти этому способствуетъ и форма изложенія, употребляемая въ финской народной пѣснѣ, а именно — пріемъ параллелизма, въ силу котораго новое представленіе связывается съ предыдущимъ въ каждомъ стихѣ, и этотъ непрерывный переходъ отъ одной черты къ другой, отъ одного явленія къ другому, нерѣдко приводя къ нагроможденію различныхъ элементовъ, которые не сливаются въ цѣльный образъ, въ большинствѣ случаевъ вызываетъ очарованіе истинной поэзіи.

Ленротъ смотритъ на Калевалу, главнымъ образомъ, какъ на историческій памятникъ «отъ древнѣйшихъ временъ жизни финскаго народа», и родиной этихъ пѣсенъ онъ представлялъ древнее Пермское царство на берегахъ Бѣлаго моря. Нынѣшніе изслѣдователи не раздѣляютъ этого взгляда. Они открыли въ Калевалѣ черты, указывающія на эпоху гораздо болѣе древнюю, чѣмъ эпоха письменныхъ источниковъ. Они открыли въ ней какъ слѣды древне германскихъ и скандинавскихъ вліяній, такъ и признаки тѣхъ формъ культуры, которыя господствовали въ средѣ финскаго племени до появленія христіанства. Но Калевала заключаетъ въ себѣ и черты гораздо болѣе позднихъ эпохъ и сто-

лѣтій, когда христіанская религія внесла въ фантазію народа совершенно новыя представленія. Этотъ процессъ историческаго наслоенія представленій продолжался до самаго момента появленія въ печати пѣсенъ Калевалы.

Значеніе Калевалы было понятно, и вліяніе ея сказалось не сразу. Вліяніе это не ограничилось одной Финляндіей, но перешло и за ея предѣлы; Калевала — единственное, пока, созданіе финскаго генія, принадлежащее всемірной литературѣ. У себя на родинѣ она давала сюжеты безчисленнымъ поэтамъ, композиторамъ и художникамъ. Она создала въ Финляндіи новую науку — сравнительное изслѣдованіе народной поэзіи, и возбудила вниманіе иностранныхъ ученыхъ и поэтовъ; между прочимъ, подъ ея вліяніемъ явился на свѣтъ эстонскій эпосъ «*Калеви-поэгъ*», и она же, какъ сказано, дала Лонгфелло мысль создать поэму «Гайавата». Калевала переведена цѣликомъ, по крайней мѣрѣ, на 10 различныхъ языковъ *.

Изданіе Ленротомъ произведеній народной поэзіи не ограничилось Калевалой. Онъ напечаталъ цѣлый рядъ другихъ произведеній народнаго творчества: лирическія пѣсни, баллады и легенды — подъ общимъ заглавіемъ «*Кантелетаръ*» (1840 г.), пословицы (1842 г.), загадки (1844 г.) и заговоры (1880 г.), а также обширный финско-шведскій словарь (1880 г.), содержащій въ себѣ слишкомъ 160.000 словъ. Всѣми этими изданіями онъ показалъ, какъ богата внутренняя жизнь бѣднаго финскаго народа, и какъ бережно сохранилъ онъ въ своихъ одинокихъ лачужкахъ среди дремучихъ лѣсовъ и разработалъ духовное наслѣдіе предковъ. Пѣсни «Кантелетаръ» возбудили особенно сильный и заслуженный восторгъ. Они съ непосредственной простотой отразили радость и горе, надежды и разочарованія народа. Грустныя ноты — соотвѣтственно характеру народа — все же звучатъ въ ней громче, чѣмъ пѣсни радости, и эпиграфомъ къ «Кантелетаръ» могли бы служить стихи ея первой пѣсни:

„Горе создало пѣсню,
печаль сложила ее."

Въ древне-финской народной поэзіи есть одна особенность, которая отличаетъ ее отъ народной поэзіи сосѣднихъ странъ. Если средневѣковая поэзія Скандинавіи была вполнѣ аристократическою, такъ какъ возникла въ дворянской средѣ и разрабатывала рыцарскіе сюжеты — походы викинговъ, подвиги Фритіофа, любовь и месть, — народная поэзія финновъ вся проникнута строго-демократическимъ духомъ: она не только сохранилась въ устахъ простого народа, но создана имъ, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части. Она отражаетъ первобытную эпоху, когда еще не существовало раздѣленія общества на классы, какъ это мы

* Русскій полный переводъ „Калевалы" Л. Бѣльскаго изданъ дважды: „Пантеономъ Литературы" въ 1888 г. и книгоиздательствомъ Сабашниковыхъ въ 1916 г.

видимъ въ скандинавской поэзіи; воспѣваетъ несложную, часто даже бѣдную жизнь простыхъ крестьянъ, обитателей лѣсовъ, — жизнь, еще не тронутую культурой, свободную и близкую къ природѣ. Въ виду этого финская народная поэзія, такъ сказать, гораздо натуральнѣе и свѣжѣе, чѣмъ скандинавская, и корни ея гораздо глубже проникаютъ въ примитивную душевную жизнь народа, чѣмъ рыцарская поэзія.

Съ другой стороны, надо замѣтить, что средневѣковая поэзія скандинавовъ была почти исключительно эпическою, она состояла, главнымъ образомъ, изъ балладъ и историческихъ пѣсенъ. Центръ тяжести ея — изображеніе дѣйствій, а не чувствъ; факты въ ней излагаются сухо, даже скупо, только въ припѣвахъ сохраняются слѣды лиризма. Въ финской народной поэзіи, наоборотъ, преобладаетъ лирическій элементъ. Пѣсни пѣлись въ старину при торжественныхъ случаяхъ: во время весеннихъ игрищъ, на свадьбахъ и т. д., пѣлись обыкновенно подъ аккомпаниментъ кантеле, и такъ онѣ переходили изъ устъ въ уста, изъ села въ село. Но создавались онѣ, по большей части, въ уединеніи и служили для выраженія непосредственнаго чувства. Мать напѣвала ихъ, укачивая ребенка; молодая дѣвушка пѣла, ожидая своего суженаго; старуха, поворачивая жерновъ; пастухъ, идя за стадомъ; охотникъ, гоняясь за дичью; парень, возвращаясь съ поля, — вотъ мотивы, наиболѣе часто повторяющіеся въ финской народной лирикѣ. Во всѣ эти пѣсни вплетены живыя черты окружающей дѣйствительности. Въ нихъ воспѣвается будничная жизнь одинокой лѣсной избушки, деревенскія игры на лужайкѣ, озеро и лѣсъ въ лѣтнюю пору. И вся эта обстановка окрашивается настроеніемъ пѣвца. Природа какъ бы превращается въ живое существо: у нея своя душа, мысль, языкъ. Пѣвецъ повѣряетъ ей, какъ другу, свои тревоги, онъ разсказываетъ о своемъ горѣ деревьямъ, ищетъ у нихъ утѣшенія; онъ заставляетъ куковать кукушку и получаетъ отъ нея отвѣтъ. Кажется, ни у одного народа это одухотвореніе природы не достигаетъ такой полноты, какъ въ финской народной лирикѣ.

Эпическая поэзія, вѣроятно, нерѣдко возникала на почвѣ самобытно сложившихся миѳическихъ представленій, изъ народныхъ сказокъ и т. д., хотя указать ихъ первоначальный сюжетъ чрезвычайно трудно, часто даже невозможно, такъ какъ въ теченіе многовѣкового существованія пѣсни основной нервъ ея скрывается подъ толстымъ слоемъ постепенныхъ отложеній. Съ другой стороны, научныя изслѣдованія установили, что нѣкоторые эпическіе сюжеты проникли въ финскую поэзію изъ Скандинавіи, а также изъ русской и латышской поэзіи. Древнѣйшіе изъ нихъ восходятъ къ языческой порѣ. Средніе вѣка внесли въ Финляндію кое-что изъ рыцарской поэзіи скандинавовъ.

На финской почвѣ возникло съ десятокъ историческихъ пѣсенъ, между прочимъ, легендарная пѣсня о первомъ просвѣтителѣ Финляндіи, св. Генрикѣ, и его убійцѣ Лалли («Убіеніе епископа Генрика»), а также полная драматизма баллада «Гибель Элины», въ которой разсказывается, какъ рыцарь Клаусъ Курки изъ чувства ревности сжигаетъ свою ни въ

чемъ не повинную молодую жену съ новорожденнымъ ребенкомъ. Подъ вліяніемъ библейскихъ сюжетовъ, внесенныхъ христіанствомъ, сложилась группа пѣсенъ подъ названіемъ «Стихъ о Творцѣ», въ которомъ изображается рожденіе Спасителя, Его смерть и вознесеніе на небо, въ духѣ народнаго творчества и въ финской обстановкѣ.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, такъ же, какъ и въ древнѣйшихъ лирическихъ пѣсняхъ, заклинаніяхъ, пословицахъ и загадкахъ, соблюдается первобытный размѣръ и стиль древне-финской поэзіи. Особенность его въ томъ, что въ немъ нѣтъ раздѣленія на строфы и чередованія ритма. Черезъ всю древне-финскую поэзію проходитъ одинъ и тотъ же трохеическій размѣръ, при чемъ широко примѣняется также аллитерація. Нельзя не признать, что это придаетъ ей нѣкоторую монотонность. Съ другой стороны, ея образный языкъ очень богатъ и соченъ. Онъ свободенъ отъ условной символики и постоянныхъ эпитетовъ, которые такъ часто употребляются въ рыцарской поэзіи скандинавовъ; фантазія поэта черпаетъ изъ неистощимаго источника природы все новые образы и сравненія, краски и оттѣнки. И высшая прелесть этой поэзіи, можетъ быть, въ ея безыскусственности. Самые тонкіе и нѣжные оттѣнки чувства пѣвецъ выражаетъ простыми средствами. Глубокая тоска и ожиданіе смерти уживаются въ этихъ пѣсняхъ рядомъ съ игривой рѣзвостью и могучей жаждой жизни.

Чтобы дать понятіе о древне-финской народной лирикѣ, приводимъ пять небольшихъ отрывковъ.

1*.

Баю, баюшки, баю,
Спи, дитя, усни, баю!
Я [illegible] дитятко пою,
В[illegible] санки сна его кладу.
Сонъ, приди, возьми его,
Сонъ, бери, клади его
Въ золотыя свои санки,
Во серебряныя санки!
Посади дитя во санки,
Въ свои праздничныя санки,
Мѣднымъ полемъ покати,
По свинцовому пути,
Дорогого повези,
Золотого проводи
На серебряную гору,
На вершину золотую,
Въ златолиственный ивнякъ,

---

* Переводы всѣхъ пѣсенъ исполнены *Валеріемъ Брюсовымъ*.

Въ златолистый березнякъ,
Гдѣ кукушки золотыя,
Гдѣ серебряныя птицы.

2.

Въ яму волка гонитъ голодъ,
А языкъ — хорька въ силокъ;
Дѣвицу желанье — замужъ,
А обычай — въ домъ чужой.
Дѣвица, мели желанья,
Дѣвица, мели, мели!
Мелютъ руки, мелютъ ноги,
Рукавица и чулокъ.
Мельница, верти свой жерновъ,
Замужъ дѣвицу мели!
Выйти замужъ — каждой любо,
Любо каждой молодицѣ.
Любо лодкѣ выйти въ рѣчку,
Въ море выйти — кораблю.
Дѣвицѣ желанно — замужъ,
А вѣдь замужъ — въ домъ чужой!
Участь дѣвицѣ такая:
Въ люлькѣ дѣвочкой лежитъ,
Изъ-дому выходитъ замужъ,
Изъ замужества — во гробъ!

3.

Коль пришелъ бы мой желанный,
Мой знакомый, долгожданный,
За версту пойду навстрѣчу,
Побѣгу и за двѣ встрѣчу,
Загородку отворить,
Новый мостикъ подложить,
Протяну ему я руку,
Хоть бы онъ держалъ гадюку,
Зацѣлую не въ чередъ,
Будь хоть въ волчьей крови ротъ,
Охвачу руками шею,
Хоть бы смерть была за нею,
Да и сяду съ нимъ рядкомъ,
Будь хоть все въ крови кругомъ!

4.

Ахъ, была, была я прежде —
Словно яблоньки цвѣточекъ!

Ягодкой, когда дремала,
Листикомъ, когда бѣжала.
Всѣхъ пригожей, коль сижу,
Всѣхъ милѣе, коль гляжу.
На меня жъ прохожій глянетъ, —
Оборачиваться станетъ!
А теперь лицо — другое,
Стало старое. худое,
Мои щеки потемнѣли,
Глаза стали словно щели,
Съ горя вся я стала хуже,
А лицо съ заботы — уже.
Конь отъ горести худѣетъ,
Въ горѣ женщина дурнѣетъ.

5.

Лучше было бъ, лучше было бъ,
Мнѣ бы много лучше было —
Не родиться. не расти,
Здѣсь на свѣтѣ не цвѣсти.
Для чего земля растила,
Грудь родимая кормила!
Мнѣ бъ трехночной умереть.
Въ люлькѣ мнѣ бъ окоченѣть!
Пядень платья износила бъ,
Локтя дерева хватило бъ,
Двухъ локтей земли подъ гробъ,
Слова три сказалъ бы попъ,
Полъ-молитвы прогнусавилъ.
Разикъ въ колоколъ ударилъ!

Собираніе произведеній финскаго народнаго творчества продолжается отъ начала XVIII столѣтія вплоть до нашихъ дней и дало замѣчательные результаты. Въ распоряженіи Финскаго литературнаго общества имѣется въ настоящее время до 350.000 названій произведеній народной поэзіи, въ томъ числѣ сказокъ свыше 27,000, пословицъ свыше 75,000, загадокъ около 25,000 и старинныхъ народныхъ пѣсенъ около милліона стиховъ. Напечатана изъ этого огромнаго запаса пока только небольшая часть сказокъ, пѣсенъ, заговоровъ и пословицъ.

Кромѣ огромнаго значенія, которое народная поэзія имѣетъ для этнографіи. она оказала еще сильное вліяніе на развитіе финскаго искусства, не только въ области литературы, но и въ живописи, пластикѣ и т. д.

IV.

Въ лицѣ Рунеберга финскій народъ вступилъ въ область поэзіи, въ лицѣ Ленрота онъ самъ засвидѣтельствовалъ, что обладаетъ такими сокровищами поэзіи, какія найдутся лишь у немногихъ народовъ земного шара. Но языкъ его еще въ первой половинѣ XIX столѣтія не пользовался полными правами гражданства. Народъ, говорящій на этомъ языкѣ, не имѣлъ никакого права голоса въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ. Онъ еще мирно спалъ, опекаемый чиновниками изъ чужого племени,—чиновниками, которые не разрѣшали ему даже самыхъ скромныхъ народныхъ школъ, полагая, что для него совершенно достаточно той духовной пищи, которую давали ему книжка псалмовъ, катехизисъ и церковная проповѣдь.

Въ 40-хъ годахъ въ Финляндіи можно было замѣтить зарожденіе своего рода кастоваго строя, который грозилъ раздѣлить народъ на два лагеря, рѣзко разобщенныхъ одинъ отъ другого: управляющіе и управляемые, образованные и необразованные, и гранью этого раздѣленія былъ языкъ. При такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ новый подъемъ національнаго духа, который, проводя въ жизнь патріотическія идеи Арвидсоновскаго времени, тѣснѣе соединивъ разныя группы языковъ, доставилъ бы финскому языку то положеніе, которое ему по праву принадлежало, какъ языку огромнаго большинства населенія. Иниціаторомъ этого движенія явился *I. V. Снельманъ* (1806—1881).

Здѣсь мы не будемъ говорить о всѣхъ сторонахъ его дѣятельности, какъ государственнаго человѣка, мыслителя и преподавателя университета; скажемъ только о томъ, что сдѣлано имъ для финскаго языка и литературы.

Пройдя основательно университетскій курсъ, во время котораго Снельманъ главное свое вниманіе обратилъ на философію, при чемъ онъ тѣсно примыкалъ къ ученію Гегеля, и совершивъ продолжительное (1839—1842) путешествіе по Швеціи, Даніи и Германіи, онъ въ 1844 году началъ свою патріотическую дѣятельность изданіемъ газетъ. При этомъ онъ обнаружилъ такую силу и основательность, какая еще неизвѣстна была въ Финляндіи,—потому вліяніе его такъ глубоко проникло въ духовную жизнь народа, что чувствуется еще и до сего дня. Понятіе Снельмана о національной идеѣ и сущности національнаго развитія основывается на философскомъ ученіи Гегеля. Онъ старался довести образованное общество до пониманія своихъ обязанностей по отношенію къ финскому народу и такимъ образомъ вызвать къ жизни духъ единенія, могучій народный духъ, который, по Гегелю, служитъ основой государства.

Снельманъ энергично ратовалъ за то, чтобы сдѣлать финскій языкъ предметомъ преподаванія въ школахъ и офиціальнымъ языкомъ. И, несмотря на сопротивленіе реакціонныхъ сферъ, его усилія имѣли такой успѣхъ, что Александръ II, при своемъ посѣщеніи Финляндіи въ 1863 году, издалъ манифестъ, въ которомъ указано, что черезъ 20 лѣтъ фин-

скій языкъ долженъ стать вполнѣ равноправнымъ шведскому во всѣхъ учрежденіяхъ и школахъ Финляндіи, хотя осуществленіе этого повелѣнія сильно запоздало, благодаря сопротивленію шведской партіи. Во всякомъ случаѣ, этотъ успѣхъ, который долженъ считаться заслугою Снельмана, имѣлъ рѣшающее значеніе для того могучаго подъема финской литературы и финскаго просвѣщенія, какой наблюдается съ 1860 г. «Борьба за языкъ», возникшая по этому поводу и продолжавшаяся до самаго конца столѣтія, была въ то же время культурною борьбою, гдѣ вопросъ шелъ не только объ основаніи финскихъ школъ, но и вообще о полныхъ гражданскихъ правахъ финскаго населенія.

Вліяніе Снельмана не ограничилось только этимъ. Онъ былъ человѣкъ практическаго склада и понималъ также значеніе матеріальныхъ интересовъ въ дѣлѣ національнаго развитія. Онъ защищалъ интересы финской промышленности, поощрялъ постройку желѣзныхъ дорогъ и вообще осуществленіе болѣе скорыхъ путей сообщенія какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Самой важной его заслугой въ практической области было то, что Финляндія въ 1865 году получила право чеканить свою монету, такъ же, какъ уже на сеймѣ въ Борго ей была обезпечена независимость экономическая.

Всею этою дѣятельностью Снельманъ прочно вписалъ свое имя въ культурную исторію Финляндіи. Онъ былъ крупной силой, борцомъ и изслѣдователемъ, который открылъ своему народу широкое поле дѣятельности для его духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Безъ него финская національность не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть, — своеобразной, хотя и очень молодой, формой культуры среди другихъ оригинальныхъ культуръ.

Что Снельманъ никогда не былъ мечтателемъ и не преувеличивалъ культурнаго и, тѣмъ болѣе, политическаго значенія финскаго народа, — это видно изъ всѣхъ его сочиненій, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: «Одно я хотѣлъ бы неизгладимо запечатлѣть въ умахъ моихъ соотечественниковъ, если бы могъ: *нація должна надѣяться только на самое себя.* Это значитъ, что нація должна требовать и добиваться только того, на достиженіе и сохраненіе чего достанетъ ея силъ».

V.

Прежде чѣмъ мысли Снельмана о будущности финскаго языка осуществились на дѣлѣ, финской литературѣ въ 50-хъ годахъ пришлось пережить тяжелое время полнаго застоя, о какомъ знаетъ литература лишь немногихъ странъ. Въ 1850 году былъ изданъ знаменитый указъ о цензурѣ, предписывавшій, что на финскомъ языкѣ могутъ печататься лишь книги, касающіяся религіи и хозяйства. Этотъ указъ, пріостановившій развитіе повседневной прессы и беллетристики, официально оставался въ силѣ до самаго 1860 года. Но въ дѣйствительности уже при началѣ Восточной войны стало невозможнымъ препятствовать газетамъ печатать извѣстія о политическихъ событіяхъ за предѣлами

Финляндіи, а по смерти Николая I и вступленіи на престолъ Александра II началась новая эра въ исторіи Финляндіи.

Обновленіе замѣчается во всѣхъ сферахъ жизни. Проектируются улучшенія въ путяхъ сообщенія: въ 1856 году былъ открытъ Саймскій каналъ, въ 1862 году стала функціонировать первая желѣзная дорога. Появились народныя школы въ провинціи; въ 1858 году въ Ювяскюля было основано первое среднее учебное заведеніе съ преподаваніемъ на финскомъ языкѣ. Въ томъ же году былъ изданъ указъ, которымъ финскій языкъ объявлялся офиціальнымъ въ приходскихъ собраніяхъ въ мѣстностяхъ съ финскимъ населеніемъ, и ему предоставлялись полныя права гражданства на университетскихъ диспутахъ. Въ 1860 году состоялся первый съѣздъ учителей финскихъ школъ. Въ 1862 году открылась такъ называемая «январьская комиссія» для подготовки дѣлъ къ предстоящему сейму, и наконецъ въ 1863 году, въ первый разъ послѣ сейма въ Борго, сословія были вновь созваны для рѣшенія общихъ дѣлъ страны.

То умственное пробужденіе, начало которому было положено Снельманомъ въ 40-хъ годахъ и которое первоначально касалось лишь небольшого круга образованныхъ людей, теперь становится все глубже и шире. Распространяясь по всей странѣ, оно захватываетъ всю массу финскаго населенія, и народъ начинаетъ сознавать значеніе своего національнаго бытія и необходимость образованія. И когда это просвѣтительное движеніе, идущее сверху, проникло въ провинцію, оно встрѣтилось тамъ съ другимъ движеніемъ, религіознымъ, которое, исходя изъ нѣдръ самого народа, успѣло окрѣпнуть и даже оказать вліяніе на образованные круги общества, стараясь по-своему объяснить смыслъ бытія и внушить мыслъ о необходимости просвѣщенія. Оба эти теченія, при всемъ кажущемся различіи направленія и конечныхъ цѣлей, сходятся въ одномъ: они оба стремятся къ пробужденію и просвѣщенію народа, они вызываютъ къ дѣйствію его духовныя силы и порождаютъ тотъ могучій подъемъ, который наблюдается около 1860 года. Они поддерживаютъ и дополняютъ другъ друга. Безъ этого религіознаго движенія, подготовившаго почву въ глубинѣ страны, просвѣтительное движеніе, навѣрное, не могло бы столь успѣшно распространяться въ крестьянской средѣ, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, безъ того національнаго пробужденія, которое Снельманъ вызвалъ въ образованномъ классѣ общества, этотъ классъ не былъ бы въ состояніи приблизиться къ народу съ тѣмъ пониманіемъ, съ какимъ онъ это сдѣлалъ. Одновременность и частичное совпаденіе этихъ двухъ теченій объясняютъ ту силу, которую пріобрѣла финская національность за время сравнительно столь короткое.

Возможность свободнаго развитія доселѣ дремавшихъ силъ оказала благотворное вліяніе на искусство, науку, литературу и экономическую жизнь, хотя развитію въ этой послѣдней области препятствовали жестокіе неурожаи середины 60-хъ годовъ.

На ряду съ продолжающимся развитіемъ шведской литературы на-

чинается небывалый доселѣ ростъ литературы на финскомъ языкѣ. Единственнымъ значительнымъ именемъ въ шведской литературѣ былъ *I. Ю. Векселль* (1838—1907), даровитый молодой поэтъ, чья вдохновенно настроенная лира, однако, преждевременно разбилась. На поэзіи Векселля лежитъ яркій отпечатокъ молодости, горячаго одушевленія и жажды дѣятельности, но въ глубинѣ ея слышится горе и разбитыя мечты юности. На 24 году жизни этотъ многообѣщающій талантъ заживо погибъ вслѣдствіе психическаго разстройства (1862). Основной характеръ поэзіи Векселля романтическій. Онъ воспитанникъ шведскаго и нѣмецкаго романтизма; кромѣ того, на него оказали вліяніе Шиллеръ, Шекспиръ и его предшественники въ шведской литературѣ. Хотя число его стихотвореній невелико, но среди нихъ есть настоящіе перлы шведской лирики. Таковы, напримѣръ, законченное по формѣ и сильное стихотвореніе «Месть карлика», широкая по перспективѣ пьеса «Птица» и звучная пѣсня «Алмазъ на мартовскомъ снѣгу». Тяжелая судьба поэта бросаетъ мрачную тѣнь на нѣкоторыя изъ послѣднихъ его лирическихъ произведеній. Съ огромнымъ напряженіемъ силъ ему удалось довести до конца единственное свое крупное произведеніе—драму «Даніилъ Юртъ». Это обширная по концепціи драма, сюжетъ которой взятъ изъ исторіи Финляндіи, и на созданіе которой оказалъ вліяніе «Гамлетъ» Шекспира.

Даніилъ Юртъ, молодой финскій студентъ, выступаетъ на защиту народа противъ его притѣснителей; для этого онъ жертвуетъ своею любовью къ дѣвушкѣ-дворянкѣ, но, не сладивъ со своимъ сердцемъ, въ концѣ концовъ погибаетъ въ абоской крѣпости въ 1599 году, въ разгарѣ борьбы, которую онъ самъ вызвалъ. Мы узнаемъ въ немъ застѣнчивую гордость Тассо и пессимизмъ Гамлета; но его оригинальную черту составляетъ демократическій духъ, который побуждаетъ его смѣло ратовать за угнетенныхъ и пасть героемъ. Эта пьеса, чрезвычайно стройная и цѣльная по своей конструкціи, представляетъ лучшее драматическое произведеніе во всей финляндской литературѣ. Появленіе ея совпадаетъ съ первымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи шведскаго театра въ 60-хъ годахъ.

Изъ финскихъ писателей 60-хъ годовъ заслуживаютъ вниманія: А. Оксаненъ, Суоніо, Ирье-Коскиненъ и А. Киви.

Въ дѣятельности первыхъ трехъ много общаго. Во-первыхъ, всѣ они были учеными, преподавателями университета, журналистами и поэтами, — словомъ, представителями общественной жизни своего времени. Съ ихъ именами связано воспоминаніе о борьбѣ за финскую національность, уже на финскомъ языкѣ, и ея первыхъ побѣдахъ въ общественной и литературной области. Вся ихъ дѣятельность проникнута національной идеей, которую они унаслѣдовали отъ старшаго поколѣнія, ближайшимъ образомъ отъ Снельмана. Ихъ литературные вкусы опредѣляются идеалистическимъ міросозерцаніемъ, унаслѣдованнымъ ими отъ великихъ финляндскихъ поэтовъ, писавшихъ на шведскомъ языкѣ.

Оксаненъ по своей мужественной натурѣ ближе всего примыкаетъ

къ Рунебергу, болѣе мягкій и женственный Суоніо — къ Топеліусу, а практическій Ирье-Коскиненъ, неутомимый борецъ за національную идею, — къ Снельману.

Въ сторонѣ отъ этихъ передовыхъ бойцовъ одиноко стоитъ поэтъ А. Киви. Онъ не былъ борцомъ, онъ просто художникъ. Послушный голосу своей собственной души, онъ во многихъ отношеніяхъ шелъ мимо литературныхъ направленій своего времени, въ сторонѣ отъ національнаго идеализма, создавая свой собственный міръ красоты, настолько чуждый вождямъ финскаго націонализма, что нѣкоторые изъ нихъ скорѣе негодовали на него, чѣмъ восхищались имъ, хотя для будущихъ поколѣній его поэзія стала ближе и дороже, чѣмъ скудная поэзія Оксанена и Суоніо.

А. Оксаненъ — псевдонимъ писателя А. Э. Альквиста (1826—1889) — происходилъ изъ бѣдной семьи. Въ 1863 г. онъ занялъ каѳедру финскаго языка послѣ Ленрота и оставался въ этой должности до 1888 года, при чемъ нѣкоторое время онъ былъ также ректоромъ университета. Финскій языкъ былъ его роднымъ, и ему онъ отдалъ всѣ свои силы, какъ ученый и поэтъ. Онъ совершилъ рядъ научныхъ экспедицій, между прочимъ, къ живущимъ въ средней Россіи и Сибири финскимъ племенамъ, результатомъ которыхъ были многочисленные труды по языковѣдѣнію, частью на шведскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ. Поэзіи, хотя и болѣе близкой его сердцу, онъ отдалъ довольно скромную дань. Его стихотворенія, преимущественно лирическія, составляютъ всего одинъ сборникъ, подъ названіемъ «Искры» (I серія 1860, II—1868 г.). Но, несмотря на такую бѣдность его творчества, оно имѣетъ важное значеніе въ финской художественной лирикѣ. Оно отражаетъ идеи своего времени и интересную личность автора, упрямаго, угловатаго, узкаго, но прямого и чрезвычайно энергичнаго человѣка. При всемъ своемъ самолюбіи и самомнѣніи, Оксаненъ, повидимому, чувствовалъ ограниченность своего поэтическаго дарованія. Онъ не считалъ себя настоящимъ поэтомъ, онъ говорилъ, что поэзія его была лишь пробой языка, попыткой усвоить финскому языку различныя поэтическія формы европейскихъ образцовъ. «При этомъ иногда случалось, — говорилъ онъ, — что муза ударитъ меня по затылку, и смотришь выйдетъ сносная вещь, въ родѣ, напримѣръ, «Невѣста кормчаго».

Какъ отраженіе времени, поэзія Оксанена служитъ яснымъ свидѣтельствомъ того, въ какомъ направленіи шла духовная жизнь финскаго народа, и какія идеи ее оживляли. Многія изъ лучшихъ его стихотвореній внушены ему любовью къ отечеству. Ихъ глубокій и сильный тонъ сливается съ тѣмъ общимъ могучимъ хоромъ, который составляютъ произведенія Рунеберга и Топеліуса. Въ нихъ звучитъ нота мужественнаго самоотверженія, желаніе пожертвовать всѣмъ для родины, этой «дорогой матери», «единственной дѣвы». Этотъ основной мотивъ варіируется въ различныхъ стихотвореніяхъ въ зависимости отъ того, какъ вліяли на душу поэта общія настроенія времени. Въ началѣ 1850 года тонъ ихъ тяжелый и унылый; въ 60-хъ годахъ онъ стано-

вится сильнѣе и яснѣе и наконецъ превращается въ возвышенный дивирамбъ въ стихотвореніи «Властъ Суоми», гдѣ Оксаненъ воспѣваетъ духовный ростъ своей страны и грядущую побѣду финскаго языка:

„Одна мысль, одинъ языкъ
сплотитъ финскій народъ".

Отечество для Оксанена не только Финляндія, какъ у Рунеберга, но Финляндія, говорящая на своемъ языкѣ. Это «одноязычіе» у него отнюдь не обозначаетъ того, что шведы должны исчезнуть изъ Финляндіи или слиться съ финнами, но только то, что финскій языкъ долженъ стать связующимъ звеномъ между всѣми слоями народа, языкомъ не только простонародья, но и тѣхъ классовъ общества, которымъ предстоитъ итти во главѣ народнаго развитія. Могучее чувство національнаго единства, обезпеченная законами свобода и стремленіе къ образованію оставались идеальной программой Оксанена до конца жизни.

Изъ эпическихъ стихотвореній Оксанена слѣдуетъ особенно отмѣтитъ «Невѣста кормчаго». Это красивая по формѣ и богатая настроеніемъ баллада, основу которой слѣдуетъ искать въ романтической поэзіи Западной Европы (ср. «Лорелей» Гейне. Сильное впечатлѣніе оставляетъ также стихотвореніе «Голодная зима», написанное стансами и изображающее безотрадную картину голоднаго года.

Ближайшій собратъ Оксанена по перу, *Суоніо,* былъ нѣмецкаго происхожденія (настоящее его имя Ю. Крунъ, 1836—1888 г.); но рожденный и воспитанный въ Финляндіи, онъ настолько овладѣлъ языкомъ этой страны, что послѣдній сдѣлался его роднымъ языкомъ. Эта многосторонняя, богатая иниціативой и дѣятельная личность была центромъ литературной жизни финскаго общества 1860—70-хъ годовъ. Въ редактируемыхъ имъ альманахахъ и журналахъ напечатана большая часть произведеній начинающихъ молодыхъ талантовъ. Какъ преподаватель университета, онъ указывалъ новые пути финской наукѣ въ области исторіи литературы и изслѣдованія народнаго творчества. Съ Круномъ случилось то же, что и съ Оксаненомъ: когда онъ отдалъ себя генію науки, — музы покинули его. Поэзія была для Суоніо, главнымъ образомъ, утѣхой юности. Въ 1865 г. вышло первое изданіе его стихотвореній, въ 1869 г. — второе. Въ позднѣйшіе годы мало что можно прибавить къ этимъ сборникамъ. — Поэтическая натура Суоніо, какъ выше было сказано, отличалась нѣжностью, почти женственностью. Она легко переносится изъ одной области въ другую: ей близка и поэзія интимной любви, и поэзія патріотизма, лирика природы и лирика религіознаго чувства, — правда, безъ особенно сильной личной окраски. Идейная поэзія Суоніо отличается христіански-покорнымъ характеромъ. Всего чище и прекраснѣе звучитъ его лира тамъ, гдѣ религіозное чувство сливается съ патріотическимъ. Такова, напр., «Молитва за родину», гдѣ поэтъ проситъ для своей страны не внѣшняго величія и блеска, а только силъ итти путемъ Господнимъ и творить дѣла Господни, т. е.

«просвѣщаться и просвѣщать». Стихъ Суоніо льется легко, непринужденно. Онъ импровизаторъ по призванію и для своего времени большой мастеръ формы, что видно также и по его «стихотвореніямъ въ прозѣ», которыя онъ собралъ въ одну группу подъ названіемъ «Сказки мѣсяца» (написаны въ 1858—63 гг.). Это первые образчики финской новеллы, возникшіе подъ вліяніемъ романтическихъ сказокъ датскаго писателя Андерсена. Мѣсяцъ разсказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ во время своихъ странствованій по свѣту. Въ большей части сказокъ изображаются картины изъ жизни Финляндіи, въ ея прошломъ и настоящемъ. Суоніо извѣстенъ также, какъ талантливый и плодовитый переводчикъ.

Ирье-Коскиненъ — настоящее имя Георгъ Закрисъ Форсманъ (1830—1903) — не принадлежитъ къ числу беллетристовъ, хотя и написалъ одну историческую новеллу, а также нѣсколько стихотвореній. Онъ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ историкъ и государственный дѣятель (онъ былъ профессоромъ университета по каѳедрѣ исторіи въ 1863—82 г., потомъ сенаторомъ съ 1882—1899 г.). Его роль въ культурной исторіи Финляндіи заключалась, главнымъ образомъ, въ практическомъ осуществленіи идей Снельмана, усвоенныхъ имъ еще въ молодости. Его энергичная борьба за финскій языкъ и національную школу привела къ тому, что финская молодежь на всѣхъ ступеняхъ обученія получила возможность пользоваться своимъ роднымъ языкомъ. Изъ литературныхъ произведеній Ирье-Коскинена наиболѣе достойна вниманія «Исторія финскаго народа», въ которой онъ изображаетъ судьбы Финляндіи съ національной точки зрѣнія.

Въ самый разгаръ идейной борьбы за свободу націи выступаетъ поэтъ, дѣятельность котораго составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи финляндской литературы, — *Алексисъ Киви* (1834—1872).

Едва ли можно себѣ представить болѣе тяжелыя условія жизни, чѣмъ у Киви. Сынъ деревенскаго портного, онъ среди голода и нужды сдаетъ экзаменъ на званіе студента и потомъ десять долгихъ лѣтъ посвящаетъ литературной работѣ въ провинціи, при чемъ все время преслѣдуютъ его нужда и болѣзнь; неизлѣчимое сумашествіе въ 1871 году совершенно его доконало, и черезъ годъ его унесла смерть. Но, несмотря на всѣ страданія, творчество Киви отличается свѣтлымъ настроеніемъ и богатствомъ содержанія. Въ основныхъ пунктахъ своего развитія Киви шелъ въ сторонѣ отъ Рунеберга и господствующихъ литературныхъ вкусовъ своего времени. Онъ ищетъ для себя образцовъ дальше, въ періодѣ ренессанса, въ сильной, свободной поэзіи Шекспира и Сервантеса. Воспитанный въ школѣ этой поэзіи, онъ, тѣмъ не менѣе, сознаетъ свой собственный идеальный міръ. Романтика и реализмъ идутъ у него всегда рука объ руку. Зоркость реалиста соединяется у него съ мечтательностью романтика, на почвѣ грубой дѣйствительности расцвѣтаютъ цвѣты самой бурной и свободной фантазіи, и чувство кипитъ во всей своей первобытной силѣ и полнотѣ. Это богатство духовныхъ силъ дѣлаетъ Киви рѣдкимъ явленіемъ въ ряду

родственныхъ ему типовъ не только финляндской, но и міровой литературы.

Первое его произведеніе — драма «Куллерво» (1864 г.), сюжетъ которой взятъ изъ Калевалы. Это трагедія титанической личности, которая рождена для великихъ подвиговъ, но силою обстоятельствъ обречена на рабство, и которая въ концѣ концовъ погибаетъ отъ своихъ собственныхъ противорѣчій. Въ цѣломъ это произведеніе невыдержано и незрѣло, но отдѣльныя мѣста отличаются потрясающимъ трагизмомъ. Однако, и среди глубокаго трагизма въ немъ замѣтны проблески юмора, сквозь сумракъ древняго сказанія пробиваются черты современной дѣйствительности.

Въ томъ же году Киви выступилъ на поприще реалистическаго изображенія деревенскаго быта въ пьесѣ «Сапожники изъ Нумми». Это первая вполнѣ оригинальная финская комедія. Въ ней авторъ выводитъ цѣлую галлерею яркихъ и оригинальныхъ типовъ и даетъ рядъ комическихъ сценъ, которыя мѣстами напоминаютъ пьесы датскаго драматурга Людвига Гольберга. Въ 1866 году вышла въ свѣтъ небольшая, но художественно цѣльная и живая комедія Киви «Помолвка», которая слегка напоминаетъ «Женитьбу» Гоголя. Въ то же, приблизительно, время появился небольшой сборникъ лирическихъ стихотвореній Киви, подъ названіемъ «Верескъ». Они далеко не совершенны по своей внѣшней формѣ, но въ нихъ проявляется сильное чувство природы и богатая фантазія. Выпустивъ въ свѣтъ еще нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ одноактная пьеса «Лія» — лирическая идиллія изъ жизни Палестины во времена Христа, Киви въ 1870 году окончилъ главное свое произведеніе, большой романъ, подъ заглавіемъ «Семь братьевъ». Въ этомъ романѣ всего лучше отражается богатое дарованіе писателя: глубина лиризма, драматическая живость и спокойная созерцательность эпическаго поэта. При разработкѣ фабулы авторъ, по всей вѣроятности, руководствовался до нѣкоторой степени романомъ Сервантеса «Донъ-Кихотъ». Но какая оригинальная и счастливая мысль — вывести, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, семерыхъ братьевъ, которые, спасаясь отъ трудовъ ученія, долго скитаются по лѣсамъ, переживая всевозможныя трагикомическія горести, пока наконецъ, пробродивъ девять лѣтъ, усталые отъ воображаемой свободы и счастья дикой жизни, они возвращаются въ среду людей, чтобы стать членами нормальнаго человѣческаго общества! Получается такое впечатлѣніе, какъ будто романтизмъ предшествующихъ поколѣній достигъ въ данномъ произведеніи своего крайняго предѣла и уступилъ мѣсто болѣе реалистическому міросозерцанію. Авторъ отдаетъ дань и тому и другому. Какъ бы въ видѣ отдыха отъ суровой дѣйствительности, онъ искусно вплетаетъ въ свою реалистическую повѣсть сказки и преданія, создаетъ волшебныя картины животнаго міра и величія дѣвственныхъ лѣсовъ, заставляетъ своихъ героевъ, при случаѣ, выказать всю дѣтскую наивность ихъ неразвитого ума и воображенія въ забавныхъ словахъ и поступкахъ. На фонѣ обширной и пестрой кар-

тины, какую представляетъ собою этотъ романъ, дѣйствующія лица его изображены въ комическихъ положеніяхъ. На ряду съ описаніями характеровъ заслуживаютъ вниманія превосходныя описанія природы. Здѣсь впервые въ нашей прозаической литературѣ является природа коренной Финляндіи, въ разнообразномъ освѣщеніи, смотря по временамъ года и часамъ дня, съ зимними сполохами и лѣтнимъ зноемъ, пурпурными рябинами и перелетными стаями журавлей. — Реализмъ и юморъ были настолько новымъ и небывалымъ явленіемъ въ финляндской литературѣ, что Киви не сразу былъ вѣрно понятъ и по достоинству оцѣненъ. Его спокойное и богатое творчество, опирающееся на дѣйствительность, но облагороженное фантазіей, стало образцомъ для позднѣйшихъ поколѣній писателей. Не только финская драма, настоящимъ родоначальникомъ которой онъ былъ, но и романъ ведутъ свое начало отъ него. Онъ является также первымъ мастеромъ прозаическаго стиля, который открылъ въ финскомъ языкѣ сокровища музыкальной, художественной рѣчи и придалъ ему неизвѣстную дотолѣ звучность, силу и выразительность. Шутка и правда, изящное и грубое сливаются въ стилѣ Киви, отражая, какъ въ зеркалѣ, живой родникъ человѣческихъ представленій и чувствъ. Въ юморѣ Киви нѣтъ ни капли горечи, онъ не моралистъ и не склоненъ къ сентиментальности. Главною его особенностью слѣдуетъ считать непосредственность, естественность, отсутствіе тенденціозности, а также лежащую въ глубинѣ его натуры чисто финскую угрюмость. Его радость — побѣжденная скорбь.

VI.

Семидесятые годы въ Финляндіи, по сравненію съ литературнымъ оживленіемъ предшествующаго десятилѣтія, были временемъ реакціи. Борьба за языкъ между шведской и финской партіями разгоралась, и хотя экономическая жизнь шла впередъ, а новыя либеральныя идеи изъ Западной Европы начали мало-по-малу проникать въ Финляндію, но ихъ вліяніе еще не коснулось беллетристики: она все еще жила старымъ капиталомъ, на средства, добытыя трудомъ предшествующихъ поколѣній. Патріотизмъ и религія оставались господствующими мотивами тѣхъ довольно блѣдныхъ историческихъ разсказовъ, идиллическихъ картинъ народной жизни и стихотвореній, которые процвѣтали въ литературѣ этого десятилѣтія. Живыя краски поблекли, чувство выдохлось; совершенствовалась только техника.

Изъ финскихъ поэтовъ этого времени, выступившихъ на литературное поприще въ альманахахъ или съ собственными изданіями, слѣдуетъ особенно упомянуть четырехъ: Крамсу, Каландера, Іеннеса и Эрко.

К. Крамсу (1855—1895), судьба котораго напоминаетъ судьбу Киви, — онъ также жилъ въ нуждѣ и незадолго до смерти сошелъ съ ума, — замѣчателенъ по прямотѣ, силѣ и мрачности чувства. Его творчество — рѣзкій протестъ противъ той безцвѣтной модной поэзіи, которая довольствовалась беззаботнымъ воспѣваніемъ лѣта, любви и

поцѣлуевъ на фонѣ цвѣтущихъ пригорковъ и благоухающихъ луговъ, оглашаемыхъ пѣніемъ птицъ. Такая поэзія вызываетъ съ его стороны насмѣшку, такъ какъ онъ видитъ насквозь всю ея условность и лживость. Его любимое время — осень, любимая картина — картина беззвѣзднаго неба. Крамсу преимущественно пѣвецъ трагической стороны жизни, самый мрачный поэтъ во всей финской литературѣ. Онъ никогда не жалуется, не предается самооплакиванію, но несетъ свой крестъ мужественно и гордо, какъ неизбѣжное зло. На этой почвѣ возникаютъ глубокіе и безнадежные мотивы его поэзіи, которые такъ больно хватаютъ за сердце. Сюда относятся стихотворенія: «Несчастный», «Первый жаворонокъ», «Искатель счастія». Картины прошлаго и будущаго Финляндіи представляются его воображенію мрачными. Въ его душу неизгладимыми чертами врѣзались тѣ безчисленныя страданія финскаго народа, особенно крестьянской массы, которыя пришлось вынести финну въ прошлые вѣка отъ своихъ господъ. Мужику всегда приходилось строить то, что разрушалъ баринъ. Народъ представляется Крамсу не сплоченнымъ цѣлымъ, какъ Рунебергу, но раздѣленнымъ на классы, интересы которыхъ рѣзко сталкиваются между собою. Крамсу воспѣваетъ не отвлеченное идеальное отечество; его отечество — финское крестьянство, которое еще не пробудилось отъ сна и не стряхнуло съ себя чужеземнаго ига. Патріотическая поэзія Крамсу отличается пессимизмомъ. Въ этомъ духѣ написана имъ превосходная баллада «Якко Илькка», мрачная картина крестьянскаго бунта въ концѣ XVI столѣтія, — такъ наз. «дубинная война», — въ которомъ крестьянская сила въ концѣ концовъ была сломлена. Крамсу не вѣритъ въ примиреніе и спокойное развитіе; онъ предсказываетъ наступленіе освѣжающей бури и неизбѣжнаго переворота.

П. Э. Каяндеръ (1846 – 1915), лекторъ финскаго языка при университетѣ и превосходный переводчикъ Шекспира, былъ добрымъ, миролюбивымъ поэтомъ. Онъ обладалъ рѣдкимъ стилистическимъ талантомъ, поэтическимъ жаромъ и глубокимъ чувствомъ. Многочисленныя его стихотворенія, разбросанныя по альманахамъ и журналамъ, были собраны вмѣстѣ и напечатаны лишь послѣ его смерти. Кромѣ стиховъ, у него есть много лирическихъ пьесъ. Изъ патріотическихъ его стихотвореній самыя замѣчательныя—«Освобожденная королева» и «Пѣвецъ», которыя оба создались подъ вліяніемъ нѣмецкихъ балладъ, ближайшимъ образомъ Уланда, а также вдохновенный гимнъ «Тостъ за отчизну». Изъ балладъ наиболѣе характерна «Лена», романтическая исторія обманутой невѣсты и ея смерти. Лучшія свойства поэзіи Каяндера—простота, ясность и искренность—нашли себѣ выраженіе въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ, напр., полная чувства элегія «Глушь».

А. Іеннесъ, настоящее имя котораго А. Генецъ (1848—1915), профессоръ финско-угорскихъ языковъ, а позднѣе — сенаторъ, въ молодости занимался поэзіей, увлеченный примѣромъ Оксанена, и въ 1889 г. издалъ собраніе своихъ стихотвореній, которому далъ заглавіе: «Воспоминанія и пожеланія моимъ друзьямъ къ Рождеству». Эта

книга содержитъ въ себѣ рядъ стихотвореній, изображающихъ семейную и домашнюю жизнь, а также патріотическія пѣсни; насыщенныя пламеннымъ чувствомъ, они, будучи положены на музыку, въ свое время возбуждали общій восторгъ. Сфера творчества Іеннеса невелика, но въ ней передъ читателемъ открывается особый міръ, не лишенный своеобразной красоты. Его поэзія проникнута горячимъ чувствомъ привязанности поэта къ своему родному дому въ Карелiи, старымъ преданнымъ слугамъ, фамильнымъ воспоминаніямъ, и т. д. Расширяясь, это чувство превращается въ областной патріотизмъ, обнимающій всю Карелію, съ ея историческими воспоминаніями, надеждами, и въ этой формѣ выливается въ великолѣпномъ стихотвореніи «Карелія». Еще шагъ впередъ — и оно переходитъ въ національное чувство, охватывающее уже всю финскую Финляндію. Выраженіемъ его служитъ стихотвореніе «Проснись, Суоми!», могучій патріотическій кличъ, который представляетъ собою какъ бы болѣе сильный варіантъ стихотворенія Оксанена «Властъ Суоми», и въ которомъ патріотическій паѳосъ Іеннеса достигаетъ своего высшаго напряженія. Усердный изслѣдователь финскихъ языковъ и народовъ, Іеннесъ не могъ не замѣтить, какъ эти народы, въ виду отсутствія у нихъ сильнаго племеннаго чувства, мало-по-малу разбрелись врозь, и какъ ихъ пути расходятся все дальше и дальше. Этотъ процессъ вызываетъ у Іеннеса чувство унынія, и подъ его вліяніемъ онъ создаетъ элегическую поэму «Дѣти Вяйнолы», въ которой выражаетъ свою скорбь о печальной разрозненности финскихъ племенъ.

І. Г. Эркко (1849—1906) много лѣтъ былъ школьнымъ учителемъ, а потомъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ. Онъ гораздо болѣе продуктивенъ и разностороненъ, чѣмъ всѣ остальные современные ему лирики, писавшіе по-фински. Отдавая дань патріотической поэзіи, онъ въ то же время воспѣвалъ—особенно въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ—прогрессъ, свободу и просвѣщеніе въ духѣ новаго времени, правда, безъ особенной глубины и огня. Но какъ ни велико было вниманіе современниковъ къ его идейнымъ стихотвореніямъ, все-таки не эта, а другая сторона творчества Эркко сохранитъ свою цѣнность въ глазахъ потомства на болѣе долгое время; мы говоримъ о его чистой лирикѣ: въ идиллическихъ картинахъ лѣтней финской природы, въ небольшихъ, живо схваченныхъ сценкахъ изъ быта и въ рядѣ стихотвореній, наподобіе гимновъ, въ которыхъ отразилась чистая и скромная душа поэта, онъ сумѣлъ передать въ красивыхъ мелодіяхъ вѣчную тоску и стремленіе духа къ свободѣ. Кромѣ стихотвореній, занимающихъ около десяти сборниковъ, Эркко написалъ нѣсколько разсказовъ, а также драматическихъ пьесъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны «Айно» и «Куллерво», навѣянныя Калевалой,—произведенія чисто лирическія по своему характеру.

Эркко представляетъ собою переходную ступень отъ старой идеально-патріотической поэзіи къ новой, болѣе разносторонней лирикѣ личнаго чувства.

VII.

Великая волна реализма, которая прошла по всей Европѣ, оплодотворяя литературныя нивы, въ 80-хъ годахъ докатилась и до Финляндіи и, соединившись здѣсь съ мѣстными зачатками реальнаго отношенія къ дѣйствительности, вызвала новый замѣчательный расцвѣтъ литературы. Она шла черезъ Скандинавію, главнымъ образомъ, черезъ Норвегію. Финляндія на нѣсколько лѣтъ сдѣлалась какъ бы литературной колоніей Норвегіи. Юная, полная силъ литература этой послѣдней нашла среди финновъ много горячихъ приверженцевъ. Произведенія Бьернсона, Ибсена, Кіелланда, Іонаса Ли и Гарборга вызвали всеобщій восторгъ; пьесы двухъ первыхъ ставились на сценѣ Гельсингфорскаго театра, а проблема брака, выдвинутая въ «Норѣ», сдѣлалась предметомъ обсужденія въ образованныхъ кругахъ финляндскаго общества. Къ этому присоединялись, хотя и въ меньшей мѣрѣ, вліянія Швеціи (Леффлеръ, Стриндбергъ), а позднѣе даже Франціи, съ тѣхъ поръ какъ молодые писатели начали совершать путешествія на эту родину натурализма. Нѣкоторое воздѣйствіе оказала и русская литература, въ лицѣ Л. Толстого и Тургенева.

Все это внесло въ финскую литературу небывалое оживленіе, направило ее на путь изображенія дѣйствительности и давало поводъ къ обсужденію жгучихъ вопросовъ текущей жизни. Но, несмотря на то, что плотина была прорвана и фарватеръ очистился, разливъ нигдѣ не достигъ особенной высоты. Причину этого слѣдуетъ искать, вѣроятно, въ окружающей общественной средѣ и осторожномъ характерѣ финскаго народа, который всегда относился къ новымъ идеямъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; отчасти же въ этомъ повинны сами писатели, которые, хотя и примкнули къ движенію, но, когда первый пылъ прошелъ, снова впали въ прежнюю рутину. Въ Финляндіи это движеніе не нашло ни одной такой пламенной души, какъ Стриндбергъ, который былъ и остался борцомъ на всю жизнь, ни одного такого неутомимаго искателя истины, какъ Ибсенъ, или такого изслѣдователя сердца человѣческаго, какъ Толстой, хотя, конечно, тамъ было нѣсколько писателей, надѣленныхъ большимъ лирическимъ талантомъ, каковы, напр., Тавастшерна и Ахо. При такихъ обстоятельствахъ боевая сторона натурализма отразилась въ финляндской литературѣ очень слабо, и идейныя его завоеванія, напр., въ области общественной и религіозной, были значительно меньше, чѣмъ тѣ чисто художественныя пріобрѣтенія, которыя сдѣланы имъ въ этотъ періодъ.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что вмѣстѣ съ этимъ литературнымъ движеніемъ и отчасти подъ его вліяніемъ въ Финляндію проникъ духъ новаго времени, въ видѣ женскаго, рабочаго и др. вопросовъ; онъ очистилъ атмосферу и проложилъ путь къ либеральнымъ реформамъ въ школьной жизни, законодательствѣ и вообще въ различныхъ сферахъ общественнаго быта. Возникаетъ союзъ финскихъ женщинъ, появляются новые типы учебныхъ заведеній (совмѣстныя школы и народные

университеты), образуются новыя политическія партіи, въ основѣ которыхъ лежатъ уже не только вопросы о языкахъ, но либеральные и соціально-демократическіе принципы. Изъ «старо-финской» или «суометаріанской» партіи выдѣляется такъ называемая «младо-финская» группа, которая выступаетъ на сеймахъ и въ повседневной печати со своей собственной программой, черпая свои лучшія силы именно изъ круга молодыхъ писателей реальной школы.

Передовыми борцами за реализмъ выступили: со стороны финскихъ писателей *Минна Кантъ* (1844—97), со стороны шведскихъ — *К. А. Тавастшерна* (1860—98); около нихъ группируется многочисленная плеяда другихъ литературныхъ талантовъ.

Минна Кантъ начала свое литературное поприще весьма незрѣлыми и неоригинальными разсказами и пьесами, въ которыхъ по старому шаблону, поверхностно и въ романтической окраскѣ изображается крестьянская жизнь. Но на сороковомъ году она вдругъ словно пробуждается отъ сна, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ норвежской литературы (Ибсенъ). Ея глаза открываются: язвы общественной жизни, плачевное положеніе женщинъ и рабочихъ представляются ей въ новомъ свѣтѣ, и она пишетъ рядъ драматическихъ пьесъ и разсказовъ, въ которыхъ старается обнажить эти язвы. Первая ея пьеса въ этомъ родѣ — «Жена рабочаго» (1885) — въ художественномъ отношеніи очень несовершенна и условна. Она изображаетъ все то убожество, среди котораго приходится жить рабочему классу, гдѣ безвинно страдаетъ особенно женщина. Такія же мрачныя картины изъ жизни пролетаріата изображаетъ писательница и въ слѣдующихъ своихъ произведеніяхъ. Въ большинствѣ изъ нихъ такъ сильно чувствуется тенденція, что это нарушаетъ цѣльность художественнаго впечатлѣнія. Но уже въ концѣ 80-хъ годовъ начинаетъ брать верхъ болѣе спокойное изображеніе жизни, и въ то же время углубляется міровоззрѣніе писательницы. Отъ изображенія внѣшней жизни она переходитъ къ изображенію внутренней, отъ внѣшняго драматизма—къ внутренней борьбѣ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить ея пьесу «Семья пастора» (1891). Въ ней изображается борьба стараго и новаго, отцовъ и дѣтей, въ семьѣ деревенскаго пастора,—борьба, которая оканчивается побѣдой молодого поколѣнія. Пьеса напоминаетъ одну изъ новеллъ Кіелланда, подъ названіемъ «Снѣгъ». Эта драма показываетъ большой художественный успѣхъ г-жи Кантъ, хотя все же страдаетъ недостаткомъ психологической глубины. Слѣдующая ея пьеса «Сильви» (1893) представляетъ интересный, хотя и не вполнѣ выдержанный, анализъ женскаго характера — нѣчто въ родѣ Норы Ибсена на финляндской почвѣ. Если въ этой драмѣ цѣльность впечатлѣнія нарушается нѣкоторой отрывочностью и тенденціозностью, то послѣднее драматическое произведеніе Минны Кантъ «Анна Лиза» (1896) совершенно свободно отъ этихъ недостатковъ. Это самая цѣльная и глубокая изъ ея пьесъ. Анна Лиза, дѣвушка, родила ребенка и умертвила его. Это преступленіе, о которомъ знаютъ только соблазнитель и его мать, она старается

искупить безукоризненной жизнью и надѣется обрѣсти душевный покой, выйдя замужъ за порядочнаго человѣка. Но тутъ вырастаетъ новое препятствіе. Является соблазнитель Анны Лизы и требуетъ ее къ себѣ; когда же она не соглашается на это, онъ грозитъ выдать ея тайну. Тогда Анна Лиза публично сознается въ своемъ преступленіи и спокойно отдается въ руки правосудія, уже выстрадавъ искупленіе душевной борьбой. Построеніе пьесы ясное и отчетливое, обрисовка характеровъ яркая и законченная. Эта ясность мысли, активность и энергія, которыя проявляются въ творчествѣ Минны Кантъ, а также постоянное стремленіе впередъ, свидѣтельствующее о глубинѣ ея натуры, ставятъ ее на видное мѣсто среди финляндскихъ писательницъ.

К. А. Тавастшерна — представитель того же перелома въ шведской группѣ писателей, какъ М. Кантъ — въ финской.

Сдавъ университетскій экзаменъ, онъ осенью 1883 года отправился въ Парижъ, чтобы закончить тамъ свое архитектурное образованіе; въ слѣдующую весну онъ возвратился оттуда поэтомъ. Его романъ «Друзья дѣтства», появившійся въ 1886 году, былъ первымъ романомъ въ шведской литературѣ Финляндіи. Главный герой романа — одна изъ тѣхъ добрыхъ, но слабыхъ натуръ, которымъ ни семья, ни школа не могли дать вѣрнаго направленія и которыя поэтому, выйдя въ жизнь, принуждены плыть по теченію, терпя одно несчастіе за другимъ. Многое въ романѣ основывается на собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ автора. Его изложеніе часто достигаетъ высокаго лиризма и непосредственности, которая плѣняетъ своей свѣжестью.

Послѣ «Друзей дѣтства» Тавастшерна написалъ рядъ небольшихъ новеллъ и искусно построенныхъ пьесъ, а также стихотвореній, подъ названіемъ «Въ ожиданіи». Въ 1891 году вышелъ въ свѣтъ второй романъ Тавастшерны — «Тяжелыя времена», въ которомъ изображается неурожай и голодъ въ средней Финляндіи 60-хъ годовъ. Впослѣдствіи авторъ драматизировалъ нѣкоторые трагическіе эпизоды этого романа.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ («Въ союзѣ со смертью») Тавастшерна углубляется въ изслѣдованіе вопросовъ жизни и смерти. Поэтъ какъ бы уже чувствуетъ въ себѣ зародышъ болѣзни и смерти. Лучшія изъ его послѣднихъ произведеній — сборники «Стихотворенія» (1896) и «Laureatus» (1897). Они даютъ яркую картину интимныхъ настроеній поэта во время развитія болѣзни. Въ нихъ слышится попеременно то упорство, то смиреніе и звучитъ тоскливая нота ожиданія смерти. Линіи расплываются, краски становятся блѣднѣе и воздушнѣе. Личное *я* ждетъ минуты освобожденія. Какой-то странный свѣтъ исходитъ отъ этихъ стихотвореній и болѣзненно отзывается въ душѣ читателя. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ они представляютъ лучшее, что создано Тавастшерной въ области лирики.

Въ томъ же 1897 году вышелъ небольшой разсказъ изъ дѣтской жизни—«Маленькій Карлъ»; въ этотъ разсказъ авторъ вплелъ свои соб-

ственныя дѣтскія и юношескія воспоминанія. Разсказъ, не отличаясь глубиною содержанія, дышитъ свѣжестью и полонъ юмора.

Тавастшерна былъ поэтъ съ натурой раздвоенной, полной противорѣчій. Реализмъ и романтизмъ, мысль и чувство ведутъ въ немъ вѣчную борьбу между собою. Чувства сталкиваются другъ съ другомъ, и вся жизнь разбивается какъ бы на рядъ моментальныхъ снимковъ на чувствительной пластинкѣ. Но все это дѣлаетъ изъ него современнаго человѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова. И по тѣмъ путямъ, которые онъ съ такимъ трудомъ прокладывалъ новой лирикѣ, роману, повѣсти и драмѣ, идетъ теперь болѣе счастливое и крѣпкое молодое поколѣніе, пользуясь плодами его трудовъ.

* * *

Изъ молодыхъ финскихъ писателей-реалистовъ многіе сгруппировались вокругъ гельсингфорской газеты «Päivälehti», которая въ годы 1890—1904 была и литературнымъ и политическимъ органомъ новаго направленія. Среди издателей и сотрудниковъ этой газеты встрѣчаются имена такихъ писателей, какъ Ю. Ахо, А. Ернефельтъ, С. Ивало и К. Лейно.

Центральное мѣсто въ этой группѣ принадлежало *Ю. Ахо* (I. Бруфельтъ, родился въ 1861 году).

Сдавъ экзаменъ на студента, Ахо выступилъ на литературное поприще. Первыя его произведенія обличаютъ въ немъ объективнаго художника-реалиста, который спокойно наноситъ на бумагу все то, что видитъ передъ собой. Онъ прошелъ школу норвежскаго реализма, — главнымъ образомъ, на него повліялъ Бьёрнсонъ. Повидимому, у него не было ничего субъективно цѣннаго — ни лирическаго жара, ни броженія мысли. У него была только зоркость наблюдателя да увлеченіе разсказчика, а также безпристрастное перо, которое равномѣрно распредѣляетъ свѣтъ и тѣни. Врожденный эпическій талантъ онъ выказалъ съ самаго начала, взявшись за сюжеты, хорошо знакомые ему, а именно — изображеніе крестьянской жизни въ Саво. Разсказъ «Когда отецъ купилъ лампу» (1883) можетъ служить образчикомъ этого повѣствовательнаго искусства. Высшей точкой перваго періода въ творчествѣ Ахо является разсказъ «Желѣзная дорога» (1884). Это своего рода Обломовка финскаго реалиста, сонъ наяву о счастливой странѣ, гдѣ люди, далекіе отъ житейской суеты, мирно прозябаютъ, довольные маленькими домашними дѣлами. Изложеніе богато деталями, языкъ необыкновенно соченъ. Этотъ разсказъ — настоящій перлъ ранняго финскаго реализма.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ струя европейскаго натурализма коснулась слегка и Ахо, — не настолько, чтобы онъ въ какомъ-либо отношеніи измѣнилъ самому себѣ, но все же она окрасила его міръ въ нѣсколько иной цвѣтъ. Писатель уже не только отдается процессу творчества, но и ставитъ вопросъ о цѣли его; у него является желаніе при-

поднять немного завѣсу и сказать читателю: «Вотъ какова жизнь, вотъ куда она насъ ведетъ». Это стремленіе показать главнымъ образомъ слабыя стороны жизни было у Ахо очень осторожнымъ, и странно, что оно у него часто соединялось съ самообличеніемъ. Часто онъ обличаетъ не только другихъ, но и себя самого — въ герояхъ своихъ произведеній. Такое скрытое самообличеніе находимъ мы, между прочимъ, въ его небольшомъ мастерскомъ разсказѣ «Одинокій», который онъ написалъ во время своего перваго путешествія въ Парижъ и который, при своемъ появленіи въ 1890 г., возбудилъ сильное негодованіе въ консервативныхъ кругахъ финляндскаго общества только потому, что Ахо рѣшился изобразить въ этомъ разсказѣ ночную жизнь Парижа, Moulin rouge и т. д.

Слѣдующая большая повѣсть Ахо—«Жена пастора» (1893)—принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній финляндской литературы, въ которыхъ трактуются проблемы брака и любви. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, Ахо разсматриваетъ эти вопросы съ точки зрѣнія скандинавскихъ писателей (Ли, Банга). Но онъ дѣлаетъ это по-своему. Разсказъ о несчастномъ супружествѣ жены пастора Элли, о мимолетномъ счастьѣ, которое принесъ съ собою заѣзжій лѣтній гость, и о тяжелой тоскѣ послѣ его утраты — искусно вставленъ въ рамку лѣтней природы и мѣстами проникнутъ глубокимъ лиризмомъ.

Около 1890 г. у Ахо, повидимому, пробуждается лирическій талантъ. Онъ не только описываетъ, но и творитъ; не только рисуетъ, но и раскрашиваетъ. Значительная доля субъективнаго чувства вливается въ объективное творчество реалиста. Это особенно замѣтно на его новеллахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Стружки», изъ которыхъ многія отличаются лирическимъ характеромъ. Въ этихъ нѣжныхъ и богатыхъ настроеніемъ картинахъ природы и жизни есть нѣчто такое, что напоминаетъ «Письма съ мельницы» Доде и «Записки охотника» Тургенева.

Лирическій періодъ творчества Ахо оставляетъ замѣтные слѣды и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, хотя онъ скоро отказывается отъ лиризма, чтобы взяться за большіе эпическіе сюжеты. Въ 1897 г. появился его романъ «Пану». Хотя въ этомъ произведеніи очень мало новаго въ психологическомъ отношеніи, зато въ смыслѣ техники онъ знаменуетъ поворотъ въ творчествѣ Ахо. Изъ области современной психологической новеллы писатель вступаетъ въ широкую сферу культурно-историческаго романа и даетъ романтическую картину той эпохи, когда только еще занималась заря просвѣщенія, и въ глухихъ лѣсахъ Финляндіи шла борьба между язычествомъ и христіанствомъ. Другой большой историческій романъ Ахо — «Весна и заморозки» (1905—1906) — широко задуманное, но довольно слабо исполненное изображеніе національнаго пробужденія Финляндіи въ началѣ 40-хъ годовъ.

Послѣ этихъ экскурсій въ историческое прошлое, благодаря которымъ онъ усвоилъ болѣе широкіе пріемы письма, Ахо опять вер-

вратился къ болѣе субъективнымъ сюжетамъ и современной эпохѣ. Послѣ пьесы «Судъ», ряда небольшихъ набросковъ, путевыхъ очерковъ и т. п. мелкихъ произведеній, Ахо въ 1911 году выпустилъ въ свѣтъ романъ «Юха», представляющій собой самое цѣльное и сильное изъ произведеній позднѣйшаго періода его творчества. Здѣсь Ахо вновь трактуетъ проблему брака въ томъ же направленіи, какъ и въ романѣ «Жена пастора», но уже не для того, чтобы вдаваться въ тонкій психологическій анализъ, но чтобы выставить болѣе глубокія и трагическія ея черты. Дѣйствіе сосредоточено на главныхъ, рѣшительныхъ моментахъ, характеры ярко освѣщены, за исключеніемъ, однако, соблазнителя Марьи, личность котораго и окружающая среда сильно романтизованы. Несмотря на строго реалистическіе пріемы, въ цѣломъ «Юха» производитъ впечатлѣніе романтическаго вымысла.

Послѣ этого Ахо написалъ одинъ только большой романъ—«Совѣсть» (1914) *. Это картина изъ жизни обитателей шхеръ, мѣстами юмористическая, но въ общемъ серьёзная. Здѣсь Ахо изображаетъ слабость человѣческой натуры, показывая, какимъ обманчивымъ и ненадежнымъ компасомъ оказывается совѣсть, къ которой обращается человѣкъ, попадая въ затруднительное положеніе.

Ахо — самый крупный представитель современнаго поколѣнія финскихъ писателей. Въ немъ есть нѣчто истинно-финское, что обнаруживается во всѣхъ его произведеніяхъ, къ какому бы періоду его литературнаго развитія они ни принадлежали. Это спокойная, уравновѣшенная поэтическая натура, совершенно не способная увлечься крайностями. Его поэзія проникнута печальнымъ настроеніемъ, которое сродни настроенію финскихъ народныхъ пѣсенъ. Ни у одного изъ финскихъ художественныхъ писателей, за исключеніемъ, можетъ быть, Киви, не было такого глубокаго пониманія взаимной связи природы и человѣка и той тихой замкнутой въ себѣ жизни чувства, которой окружающая природа научаетъ одинокаго обитателя. Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ природа занимаетъ почти такое же важное мѣсто, какъ и человѣкъ. Что касается изображенія характеровъ, то Ахо особенно привлекали такія натуры, въ которыхъ врожденная инертность представляетъ серьёзное препятствіе всякой дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы имъ недоставало силы, но у нихъ нѣтъ страсти, которая двигала бы ими; они не лишены и способности къ дѣятельности, но не имѣютъ вдохновляющей цѣли и жизнерадостности. Потому-то въ большей части его произведеній очень мало дѣйствія. Жизнь идетъ своимъ обычнымъ неторопливымъ ходомъ, только въ глубинѣ ея порой поднимется волна, упадетъ, вскипитъ и снова замретъ. Какъ стилистъ, Ахо имѣетъ большое значеніе. Послѣ Киви, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, потрудился надъ обработкой финскаго языка, придавъ ему точность, выразительность и гибкость въ передачѣ самыхъ разнообразныхъ

* Послѣ того, какъ была написана настоящая статья, вышла новая книга Ахо — „Отшельникъ мира“ (1916).

оттѣнковъ мысли. Въ свой слогъ онъ внесъ много сочныхъ и образныхъ оборотовъ изъ народной рѣчи, обогатилъ его и своимъ собственнымъ творчествомъ и придалъ бо́льшую эластичность и соразмѣрность самому строю фразы. Потому-то произведенія его часто теряютъ долю своего тонкаго аромата, при переводѣ на иностранные языки.

Ни на одномъ изъ финскихъ писателей такъ ярко не сказалось вліяніе русской литературы, какъ на А. Ернефельтѣ. Онъ ученикъ Л. Толстого и истолкователь его идей. Въ своей интересной исповѣди «Мое пробужденіе» (1894) онъ самъ разсказываетъ, какъ онъ сдѣлался «толстовцемъ». Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ процессѣ его духовнаго развитія.

Арвидъ Ернефельтъ (родился въ 1861 году) родомъ изъ Прибалтійскаго края и по матери происходитъ изъ извѣстной артистической семьи Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ; онъ старшій братъ художника Эро Ернефельта и композитора Армасъ Ернефельта. Онъ росъ, такъ сказать, въ атмосферѣ западно-европейскаго реализма, и изъ него вышелъ человѣкъ положительнаго и практическаго склада, который трезво смотрѣлъ на жизнь и намѣревался взять отъ нея все, что она въ состояніи дать. Онъ былъ почитателемъ европейской культуры, обладалъ солидными познаніями въ области права и соціальной критики, проявлялъ интересъ къ положительнымъ умѣреннымъ реформамъ и былъ примѣрнымъ патріотомъ. Ему стоило только протянуть руку, чтобы на правахъ человѣка привилегированнаго срывать золотые плоды цивилизаціи и наслаждаться ими съ безпечностью свѣтскаго человѣка, сознающаго свое превосходство. Но этого не случилось, и причиной тому было ученіе Толстого, которое въ корнѣ измѣнило его внутреннюю и даже отчасти внѣшнюю жизнь.

Осенью 1891 года произошло его «пробужденіе». Онъ увидѣлъ, по его словамъ, что все направленіе его жизни до сихъ поръ было ложно, эгоистично, что въ глубинѣ его существа дремлютъ силы, которыя не имѣютъ ничего общаго ни со службой и чинами, ни съ самолюбованіемъ и самообманомъ городской культуры, ни съ эстетическими и мелочно-прогрессивными интересами; единственно важный смыслъ жизни онъ усмотрѣлъ въ томъ, чтобы отречься отъ себя и стремиться исполнять волю Отца небеснаго, которая гласитъ: «не суди» и «люби ближняго своего, какъ самого себя». Проникнувшись идеями, выраженными въ произведеніи Толстого «Христіанское ученіе», онъ оставилъ службу, переселился изъ города въ деревню и началъ здѣсь заниматься обработкой небольшого земельнаго участка, садоводствомъ и разведеніемъ пчелъ. Въ то же время въ своихъ сочиненіяхъ онъ разъяснялъ то новое жизнепониманіе, которое усвоилъ. Дѣятельность Ернефельта возбудила всеобщее вниманіе, особенно когда онъ въ своихъ сочиненіяхъ вступалъ въ полемику съ духовенствомъ, отрицая право церкви стѣснять религіозныя убѣжденія личности и пропагандируя ученіе Толстого о человѣческой природѣ Христа, объ естественномъ Его рожденіи, о суевѣрномъ поклоненіи «видимому» Богу, о ненужности причастія и т. д.

Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу религіозно-общественнаго реформаторства, Ернефельтъ напечаталъ произведеніе, которое крѣпче, чѣмъ какое-либо другое изъ его произведеній, связано съ финляндской почвой и яснѣе, чѣмъ его позднѣйшіе труды, показываетъ умѣніе автора владѣть своимъ предметомъ. Это его романъ «Отечество» (1893), въ которомъ онъ даетъ картину финской культуры, по широтѣ и оригинальности превосходящую все, что создано до него. Романъ отчасти напоминаетъ романъ Тавастшерны «Друзья дѣтства» и еще больше книгу норвежскаго писателя А. Гарборга «Крестьянскіе студенты», но задуманъ гораздо шире и глубже. Кажется, какъ будто онъ возникъ изъ счастливаго сочетанія европеизма и толстовства. Яркое изображеніе дѣйствительности, въ духѣ европейскаго реализма, и критика различныхъ умственныхъ теченій проникнуты здѣсь широкимъ и теплымъ «толстовскимъ» настроеніемъ: мыслью о томъ, что всѣ люди — дѣти одного Отца, сознаніемъ слабости человѣка и необходимости самоотреченія. Здѣсь разсматриваются главныя направленія культурной жизни Финляндіи. Національное движеніе, столичное и провинціальное, идеальный патріотизмъ и религіозное пробужденіе, наслѣдіе 40-хъ годовъ,—нашли себѣ вѣрное освѣщеніе въ этомъ романѣ. Но, какъ ни велико было вліяніе этихъ теченій на развитіе главнаго героя романа, крестьянина-студента, не имъ и не бушевавшей кругомъ его политической борьбѣ, не царившему надъ умами матеріализму суждено было сыграть рѣшающую роль въ созданіи его міровоззрѣнія. Коренной переворотъ въ немъ, какъ и въ самомъ авторѣ, совершается подъ вліяніемъ сочиненій Толстого. Прямо объ этомъ въ романѣ не говорится, но внимательный читатель самъ догадывается, въ чемъ дѣло. Такимъ образомъ, сюжетъ, возникшій на національной почвѣ, въ концѣ концовъ вырастаетъ до образа, имѣющаго общечеловѣческій смыслъ. Герой романа принадлежитъ къ числу тѣхъ чуткихъ и мягкихъ, но умственно неустойчивыхъ и слабыхъ натуръ, которыя, подобно излюбленнымъ героямъ самого Толстого, не обладая сколько-нибудь твердой волей, бросаются отъ теоріи къ теоріи, изъ одной крайности въ другую, пока наконецъ не находятъ себѣ успокоенія въ идеѣ самоотреченія и любви къ ближнему.

Послѣдующіе романы и повѣсти Ернефельта только развиваютъ и освѣщаютъ то, что въ общихъ чертахъ намѣчено въ романѣ «Отечество». Съ большей или меньшей силой и послѣдовательностью изображаются въ нихъ ошибки и исканія человѣка въ его блужданіяхъ по жизненному пути. Общее въ нихъ то, что дѣйствующія лица уже не стоятъ на такой твердой культурно-исторической почвѣ, какъ въ романѣ «Отечество»; разсказъ сплошь да рядомъ прерывается лирическими отступленіями, въ которыхъ ясно звучитъ тенденція автора. Своимъ разсказомъ «Судьба человѣка» (1895) Ернефельтъ хочетъ сказать почти то же, что говоритъ Толстой въ разсказахъ «Три смерти» и «Смерть Ивана Ильича», съ той разницей, что—по Ернефельту—люди должны жить «въ настоящемъ», исполняя ежеминутно законъ любви:

кто строитъ свою жизнь на счетъ будущаго, тотъ строитъ на пескѣ. Въ пьесѣ «Самуель Кроель» (1899) показано, какъ человѣкъ находитъ успокоеніе, отказываясь воздавать зломъ за зло. Въ романѣ «Братья» (1900) Ернефельтъ изображаетъ судьбу четырехъ братьевъ, которые тяжелымъ путемъ самоотреченія и подавленія родового и національнаго эгоизма достигаютъ общечеловѣческой цѣли, любви къ ближнему. Въ слѣдующемъ романѣ—«Елена» (1902),—на ряду съ религіознымъ вопросомъ, Ернефельтъ впервые ставитъ и вопросъ соціальный. Героиня этого романа, богатая и знатная женщина, постепенно приходитъ къ убѣжденію, что улучшеніе общественнаго строя должно итти извнутри, отъ самого человѣка; оно не можетъ быть достигнуто внѣшними мѣрами, путемъ соціализма или законодательства. Елена и ея мужъ осуществляютъ это ученіе на дѣлѣ: они отдаютъ все свое большое имѣніе крестьянамъ и стараются незамѣтнымъ образомъ «слѣзть съ крестьянскихъ плечъ». Мысль о необходимости личнаго самоусовершенствованія и отреченія отъ власти Ернефельтъ проводитъ также въ пьесѣ изъ древне-римской жизни «Ученіе раба» (1902), которую онъ впослѣдствіи передѣлалъ въ драму, подъ названіемъ «Титъ» (1910). Повѣсть «Дѣти земли» (1905) освѣщаетъ отношенія между землевладѣльцами и безземельными крестьянами. Въ ней указывается нравственное значеніе страданій. Въ наиболѣе чистомъ видѣ изложены идеи Толстого, пожалуй, въ тѣхъ мелкихъ разсказахъ Ернефельта, которые вышли въ 1904 году въ сборникѣ подъ названіемъ «Житейское море». Ихъ можно назвать аллегоріями.

Всѣ прочія произведенія Ернефельта относятся скорѣе къ исторіи культуры, чѣмъ къ исторіи изящной словесности. Это не художественные образы, а филантропическіе порывы соціально-религіознаго реформатора. Какъ учитель, такъ и ученикъ (послѣ 1900 года), главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Генри Джорджа, обращаются къ изслѣдованію соціально-экономическихъ явленій, при чемъ, однако, основной религіозно-просвѣтительный характеръ ихъ міровоззрѣнія остается безъ измѣненія.

Въ состояніи финляндскаго землевладѣнія Ернефельтъ видитъ тѣ же дефекты, какіе Джорджъ въ американскомъ, а Толстой въ русскомъ, и провозглашаетъ: «Земля принадлежитъ всѣмъ». Въ быстро растущемъ соціализмѣ онъ видитъ до нѣкоторой степени ложное стремленіе рѣшать экономическіе вопросы внѣшними средствами. «Пассивное сопротивленіе» финскаго народа онъ считаетъ тѣмъ мирнымъ способомъ дѣйствія, который могъ бы служить примѣромъ «непротивленія злу насиліемъ».

Ернефельтъ высказалъ также и свой взглядъ на половую мораль, при чемъ вначалѣ онъ стоялъ на точкѣ абсолютнаго воздержанія («Идеалъ чистоты», 1897), но позже нѣсколько смягчилъ свои выводы.

Какъ ни много красоты въ соціально-реформаторскихъ стремленіяхъ и въ тихихъ религіозныхъ мечтаніяхъ Ернефельта, они далеко не

въ той степени интересуютъ современное финляндское общество, какъ его произведенія начала 90-хъ годовъ, въ которыхъ чувствуется гораздо больше силы и огня.

Сантери Ивало (Ингманъ; родился въ 1866 году), докторъ философіи и публицистъ, извѣстенъ какъ солидный разсказчикъ. Свою литературную дѣятельность онъ началъ небольшими разсказами изъ студенческой жизни; за ними слѣдовали незатѣйливыя сценки изъ провинціальнаго быта и большой соціальный романъ; позже онъ взялся за сюжеты изъ исторіи Финляндіи. Въ разсказахъ его не видно отпечатка глубокаго и богатаго таланта, но въ нихъ есть нѣкоторая эпическая картинность, встрѣчаются проблески юмора, и эти качества снискали Ивало расположеніе публики.

Ивало открываетъ новый періодъ въ развитіи историческаго романа въ финляндской литературѣ. Въ противоположность романтизму Топеліуса, съ его фантастикой и лиризмомъ, у него мы видимъ трезвый реализмъ и безпристрастіе. Его стиль не блещетъ богатствомъ красокъ, зато привлекаетъ своей простотой, безыскусственностью и ритмомъ. Излюбленная его эпоха — это XIV и XV вѣка. Онъ изображаетъ военныя событія этого времени, мирныя завоеванія культуры, религіозные перевороты и борьбу партій. Большіе романы: «Юхо Весайненъ», «Борьба въ пустынѣ», «Выборгскій взрывъ», «Петръ Сяркилахти» и др. — представляютъ собою лучшее, что дала финляндская литература за послѣднія десятилѣтія въ области исторической беллетристики; ими Ивало пріобрѣлъ многихъ послѣдователей среди молодыхъ финскихъ писателей.

Къ числу представителей реалистическаго направленія принадлежитъ также поэтъ и критикъ *Казимиръ Лейно* (докторъ философіи, родился въ 1866 году). Ни одинъ изъ тогдашнихъ финляндскихъ поэтовъ не излагалъ такъ ясно программу этого направленія, какъ Лейно, особенно въ собраніяхъ стихотвореній «На перекрестныхъ волнахъ» и «На просторѣ» (1893). Но вслѣдствіе именно этой программности, его произведенія оставляютъ впечатлѣніе нѣкоторой сухости и книжности. Лейно ненавидитъ ложь, ищетъ правды, и хотя ему извѣстно, что абсолютная истина не существуетъ, это не ввергаетъ его въ пессимизмъ и бездѣйствіе, — уже самое исканіе истины онъ считаетъ одною изъ крупнѣйшихъ цѣнностей жизни. На этомъ основывается идейная сторона его поэзіи. Въ природѣ Лейно любитъ борьбу, движеніе, жизнь: онъ любитъ не тихій заливъ, но открытое море; не сонное затишье, а бури; не осень съ готовыми плодами, а весну, которая обѣщаетъ и создаетъ новое. Онъ умѣетъ сказать своей странѣ ободряющее слово въ минуту испытаній; въ своихъ стихахъ онъ выражаетъ ту мысль, что духовная мощь Финляндіи — несокрушима, лишь бы борьба велась общими силами и въ полномъ единодушіи. Однако, иногда, въ минуты одиночества, въ душѣ его просыпается жажда личнаго счастья; но онъ отгоняетъ это чувство и рѣшается спокойно принять самые суровые вызовы жизни. Лишь впослѣдствіи, въ стихотвореніяхъ 1899 года,

Лейно явно отказывается отъ программы реализма: въ нихъ онъ признаетъ законность минутныхъ настроеній, онъ даже склоненъ къ романтическому служенію красотѣ, отдавая тѣмъ самымъ дань общему теченію эпохи. Но въ то же время сильно блѣднѣютъ жизненныя краски въ его поэзіи, которыя и раньше не были особенно ярки.

VIII.

Реализмъ породилъ въ Финляндіи много и другихъ молодыхъ писателей, изъ которыхъ особенно замѣчательна группа такъ называемыхъ «народныхъ писателей», состоявшая большей частью изъ писателей-«самоучекъ», вышедшихъ изъ народа. Самымъ старшимъ и извѣстнымъ изъ нихъ былъ *Петръ Пейверинта* (1827—1913). Слѣдомъ за нимъ и рядомъ съ нимъ появилось десятка два молодыхъ народныхъ писателей. Наиболѣе талантливымъ изъ нихъ былъ *Каупись-Хейкки* (настоящее его имя Хекки Каупиненъ, родился въ 1862 году). Начиная съ 1886 г., онъ написалъ рядъ мелкихъ разсказовъ и романовъ, представляющихъ большой интересъ. Чуткая, нѣжная и веселая натура писателя прекрасно отражается въ его разсказахъ. Въ свое время его особенно занимало изображеніе душевной жизни крестьянской женщины, ея страданій и лишеній. Интересны также мужскіе характеры, часто изображаемые имъ съ необыкновенной живостью и юморомъ. Иногда онъ затрагиваетъ болѣе глубокіе жизненные вопросы, и тогда его повѣствованіе, вообще направленное на узкій кругъ явленій и на изображеніе деталей, пріобрѣтаетъ задушевность и даже нѣкоторую широту (напр., въ романѣ «Піонеры», 1906).

Упомянемъ кстати еще нѣсколькихъ писателей, принадлежащихъ къ реалистической школѣ.

Старѣйшій по возрасту между ними — *Робертъ Кильяндеръ* (родился въ 1848 году), выступившій на литературное поприще лишь въ 1880 году и замѣчательный какъ авторъ чрезвычайно удачныхъ небольшихъ комическихъ пьесъ и хорошій знатокъ провинціальной жизни.

Теуво Паккала (Т. О. Фростерусъ, родился въ 1862 году) также одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей реализма. Его можно сравнить со скромнымъ мелкимъ земледѣльцемъ, который, трудясь надъ своей полоской, конечно, не можетъ ея расширить, но, перепахивая вновь и вновь и все глубже взрывая ее своимъ острымъ плугомъ, добивается того, что она съ каждымъ разомъ приноситъ ему все болѣе и болѣе обильный урожай. Въ 1886 году Паккала, вѣроятно, увлеченный примѣромъ Ахо («Желѣзная дорога»), написалъ небольшой юмористическій разсказъ изъ крестьянской жизни «На лодкахъ по Улео». Этотъ незатѣйливый разсказъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе прекрасными описаніями природы, яркостью типовъ и сочнымъ, чисто народнымъ языкомъ. Однако, наибольшую извѣстность пріобрѣлъ Паккала какъ изобразитель жизни бѣднѣйшаго населенія окраинъ Улеа-

борга и въ особенности дѣтей. Лучшее, что далъ писатель въ этомъ отношеніи, это небольшіе, полные чуткаго вниманія къ душѣ ребенка, очерки дѣтской жизни, которые мы находимъ въ сборникѣ «Дѣти». Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Паккала пробовалъ свои силы въ области болѣе тонкой женской психологіи, и какъ авторъ комедій, и какъ романистъ, но уже не могъ дать ничего лучшаго, чѣмъ эти разсказы. Его мысль не въ состояніи обнять широкаго горизонта, она прикована къ мелкому и родному, главнымъ образомъ—къ воспоминаніямъ дѣтства. Его любовь къ малымъ и слабымъ доводитъ его порой до сентиментальности или до раздраженія противъ болѣе счастливыхъ людей, но никогда онъ не возвышается до страстнаго обличенія общественныхъ недостатковъ.

Сильнымъ народнымъ реализмомъ отличаются также произведенія такихъ писателей, какъ *Калле Каяндеръ* (родился въ 1862 году), *Вяйне Катая* (1867—1914) и *Ильмари Кianто* (род. въ 1874 г.).

Совершенно особое положеніе занимаетъ писательница г-жа Талвіо, стоящая на рубежѣ ранняго реализма и идущаго отъ него новаго направленія.

У *Майлы Талвіо* (родилась въ 1871 году; настоящее ея имя М. Винтеръ) мы видимъ свойственное реалисту стремленіе къ правдивому изображенію окружающей среды, къ детальной обрисовкѣ внѣшней стороны жизни и къ обличенію противорѣчій общественнаго строя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она обладаетъ горячимъ лирическимъ темпераментомъ, всѣ явленія представляются ей въ сильной субъективной окраскѣ. Въ развитіи ея творчества можно замѣтить два періода. Особенность произведеній болѣе ранняго періода та, что въ нихъ авторъ ограничивается изображеніемъ судьбы и характера отдѣльныхъ личностей. Во второмъ періодѣ на первый планъ выступаютъ болѣе широкіе вопросы, личность изображается на фонѣ общественности, и такимъ образомъ освѣщаются условія и контрасты соціальной среды. Г-жа Талвіо начала свою литературную дѣятельность, подъ ближайшимъ вліяніемъ Юхани Ахо, съ небольшихъ разсказовъ изъ народнаго быта и путевыхъ очерковъ, въ которыхъ преобладаетъ отчасти идиллическое, отчасти элегическое настроеніе, но слегка затрагивается и трагическая сторона жизни («Качели въ Хаапаніеми», 1895, «Видѣнное и пережитое», 1896). Любовь изображается въ этихъ разсказахъ, какъ глубочайшая основа и главный двигатель судьбы человѣка. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является молодая обворожительная женщина, которая становится предметомъ желаній мужчинъ и, несмотря на всѣ превратности жизни, сохраняетъ обаятельность дѣвственности и цѣломудрія. То же самое видимъ мы и въ разсказахъ «Айли» (1897) и «Двѣ любви» (1898). Но около 1899—900 годовъ въ творчествѣ писательницы, повидимому, начинается поворотъ. Судьба родины въ эти тяжелые годы притѣсненій живо трогала ее, и она съ безпокойствомъ спрашивала себя — какъ перенесетъ это испытаніе финскій народъ? Она видѣла, какая глубокая пропасть отдѣляетъ образованное общество отъ народа, и хотѣла, чтобы другіе,

увидѣвъ пропасть, постарались ее уничтожить. Такимъ образомъ она посвятила свой талантъ на служеніе идеямъ. Первое художественное произведеніе г-жи Талвіо, въ которомъ сильно и ярко выражена ея общественная тенденція, — романъ «Гибель темной избы» (1901). Въ цѣломъ это довольно слабое и одностороннее, но въ частностяхъ сильное, живое изображеніе пагубнаго вліянія высшаго сословія на народъ.

Болѣе объективное впечатлѣніе производитъ романъ г-жи Талвіо «Юха Іоутсіа» (1903), рисующій картину упорной, но побѣдоносной борьбы честнаго труда и чистыхъ убѣжденій съ эгоистическими стремленіями окружающей среды. Сильная любовь писательницы къ природѣ и деревнѣ нашла себѣ наиболѣе яркое и поэтическое выраженіе въ разсказѣ «Лоухилинна» (1906). Это какъ бы гимнъ деревнѣ, въ которой писательница родилась и выросла. Въ повѣсти изображается то переходное время, когда старыя помѣстья начали приходить въ упадокъ и продавались изъ рукъ въ руки, какъ товаръ, и когда въ спокойной дотолѣ средѣ начинаютъ бродить соціалистическія идеи. Симпатіи автора на сторонѣ стараго, счастливаго времени. Въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ г-жа Талвіо разсматриваетъ стихійныя, отчасти болѣзненныя явленія въ сферѣ любви. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи сборникъ разсказовъ подъ названіемъ «Паукъ» (1912). Во всѣхъ разсказахъ этого сборника присутствуетъ мысль о смерти, и чувствуется какое-то тревожно-мистическое настроеніе. По конструкціи и стилю разсказы эти представляютъ лучшее изъ всего, что написано авторомъ. Что же касается ея лиризма, то, отличаясь вообще возвышенностью и теплотой, онъ подчасъ переходитъ у нея въ ложный пафосъ и ослабляетъ впечатлѣніе. Это часто бываетъ въ ея рѣчахъ беллетристическаго пошиба, — писательница извѣстна своими рѣчами въ защиту трезвости, — а также въ ея обширной общественной сатирѣ «Дѣти Ниневіи» (1915), въ которой осмѣиваются нѣкоторые финскіе кружки въ Гельсингфорсѣ и ихъ стремленія. Всѣ произведенія г-жи Талвіо свидѣтельствуютъ о ея живыхъ общественныхъ и культурныхъ интересахъ, а также о богатомъ художественномъ темпераментѣ автора и о многихъ прекрасныхъ его достиженіяхъ.

Въ шведской группѣ писателей, рядомъ съ Тавастшерной, было также нѣсколько представителей реалистическаго направленія, напр., *І. Я. Аренбергъ* (1847—1914), *М. Любекъ* (р. въ 1864 г.) и *І. В. Нюландеръ* (р. въ 1869 г.). Первый изъ нихъ, по спеціальности архитекторъ, извѣстенъ своими живо написанными путевыми очерками и мемуарами. Какъ беллетристъ, онъ возбудилъ наибольшее вниманіе разсказами изъ жизни восточной Финляндіи. Здѣсь происходитъ дѣйствіе большинства его разсказовъ, въ которыхъ обнаруживается живое воображеніе, литературный талантъ и патріотическое настроеніе автора.

М. Любекъ снискалъ себѣ славу, какъ стилистъ и художникъ формы; онъ одинаково хорошо владѣетъ какъ прозаической, такъ и стихотворной рѣчью; писалъ романы и драматическія пьесы. Его произведенія — плодъ развитаго ума: они нѣсколько блѣдны и сухи, но тща-

тельно обработаны и закончены, разсказы его отличаются рѣдкой цѣльностью конструкціи и сжатостью изложенія. Его пьесы, въ свою очередь, можно бы назвать «лирическими» трагедіями и комедіями: дѣйствіе въ нихъ основывается не на великихъ и бурныхъ чувствахъ, но на сдержанныхъ душевныхъ движеніяхъ, при чемъ чисто разсудочное развитіе сюжета легко переходитъ въ символизмъ. Иронія Любека остра, какъ булавочный уколъ; его пафосъ облекается въ самую скромную, будничную форму. Стихи его никогда не звучатъ свободно и открыто, — на нихъ постоянно лежитъ отпечатокъ мысли и рефлексіи. Онъ не даетъ простора воображенію и чувству, но зато достигаетъ замѣчательной ясности и сжатости стиля. Легко понять, что такой писатель, какъ Любекъ, съ его сдержанной и разсудочной натурой, не могъ имѣть власти надъ широкими кругами читателей, хотя онъ съ каждымъ годомъ достигалъ все большаго и большаго совершенства въ своей области. Свое литературное поприще онъ началъ около 1890 г., при чемъ выказалъ тонкую не по лѣтамъ наблюдательность и способность къ реалистическому анализу явленій. Позднѣе онъ все болѣе и болѣе стремился къ синтезу и широкимъ обобщеніямъ, допуская детали лишь постольку, поскольку онѣ служили интересамъ цѣлаго. Эту эволюцію легко можно прослѣдить прежде всего въ его лирикѣ на такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Усталыя деревья» и «Мои сыновья» (1903), которымъ племенное и родовое чувство придаетъ болѣе или менѣе широкій символическій смыслъ. Ее можно наблюдать также въ его романахъ, изъ которыхъ самый замѣчательный «Томасъ Индаль» (1911), и, наконецъ, въ драмѣ «Братъ и сестра» (1915).

I. B. Нюландеръ, первое собраніе разсказовъ котораго появилось лишь въ 1901 году, одинъ изъ самыхъ популярныхъ писателей. Онъ бывалъ на морѣ и умѣетъ очень живо и наглядно изображать жизнь моряковъ. Лучшіе изъ его разсказовъ составляютъ три сборника, подъ названіемъ «Моряки» (1901, 1906 и 1912), и свидѣтельствуютъ о тонкой наблюдательности автора, его живомъ воображеніи и изящномъ стилѣ. Его сравниваютъ съ англійскимъ писателемъ В. В. Джекобсомъ, также изображавшимъ морской бытъ.

IX.

Уже въ серединѣ 1890-хъ годовъ въ финляндской литературѣ начинается по всему фронту отреченіе отъ принциповъ реализма и тяготѣніе къ новому романтизму, какое происходило и въ остальной Европѣ. Признаками этого служатъ—«Анна Лиза» Минны Кантъ, исполненныя лиризма «Стружки» и народно-романтическій «Пану» Ахо, поворотъ въ лирикѣ Казимира Лейно, и т. д. Скоро появляется цѣлый рядъ писателей романтиковъ. Отъ изслѣдованія современной жизни они переходятъ въ область прошлаго и фантастическаго, отъ объективнаго анализа — къ широкому синтезу, отъ наблюденія — къ чувству, отъ исканія истины — къ поискамъ красоты.

TAYLOR OXFORD

Развитіе этого новаго направленія поддерживалось иностранными вліяніями. Со стороны Швеціи шло вліяніе такихъ писателей, какъ Густавъ Фрёдингъ, Оскаръ Левертинъ и Сельма Лагерлёвъ; изъ Норвегіи — Кнута Гамсуна, изъ Даніи — Хольгера Драхмана, изъ Германіи — Фридриха Ницше, изъ Россіи — Максима Горькаго и Андреева; новыя вѣянія приходили даже изъ болѣе отдаленныхъ странъ: изъ Франціи и, можетъ быть, даже изъ Италіи. Вначалѣ эти вліянія коснулись, конечно, отдѣльныхъ или небольшихъ литературныхъ круговъ. Но скоро сфера ихъ расширилась, такъ какъ они нашли для себя удобную почву. Условія политической жизни Финляндіи какъ нельзя болѣе располагали умы къ воспріятію новыхъ вѣяній, стремящихся отвлечь вниманіе отъ внѣшнихъ явленій, направить его къ внутренней жизни и создать свой міръ красоты, лежащій за предѣлами дѣйствительности. На долю финскаго народа выпалъ тридцатилѣтній (1860—1890) періодъ счастливаго мирнаго существованія, которымъ онъ воспользовался для энергичной и многосторонней культурной работы. Но около 1890 года политическій горизонтъ опять началъ омрачаться, и къ концу этого десятилѣтія онъ уже весь былъ покрытъ тучами: съ 1899 г. въ странѣ водворяется система политическаго гнета, которая не брезгала никакими средствами для подавленія свободы. Горькое чувство всеобщаго недовольства, возбужденное этой системой, привело къ такъ наз. «великой забастовкѣ» осенью 1905 года, которая вновь очистила политическій горизонтъ, — правда, лишь на короткое время. Новый уставъ финляндскаго сейма и новый избирательный законъ были наиболѣе важными результатами того освободительнаго движенія, которое прошло по всей странѣ въ 1905—1906 годахъ. Однако, начавшаяся тогда работа внутренняго обновленія и развитія впослѣдствіи встрѣтила опять большія препятствія.

Литература Финляндіи въ эти послѣдніе годы очень обогатилась и развилась во многихъ направленіяхъ. Здѣсь мы можемъ дать только общій очеркъ ея развитія, указать лишь самыхъ замѣчательныхъ писателей.

Прежде всего упомянемъ нѣсколькихъ беллетристовъ-прозаиковъ.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ того ново-романтическаго направленія, которое воцарилось въ концѣ столѣтія, слѣдуетъ считать *Вольтера Кильпи* (р. въ 1874 г.). Онъ былъ въ это время однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ ницшеанскаго индивидуализма и глубокимъ знатокомъ западнаго ново-романтизма и символизма. Самъ онъ написалъ три художественныхъ произведенія: «Вирсавія» (1900), «Парсифаль» (1902) и «Антиной» (1903). Они возбудили вниманіе романтическимъ сюжетомъ, взятымъ изъ далекой старины, а также своеобразнымъ стилемъ, который своей красочностью и картинностью долженъ былъ вызвать новыя эстетическія настроенія. Провозглашенный авторомъ культъ Ницше нашелъ себѣ еще нѣсколькихъ послѣдователей среди молодыхъ писателей, каковы, напримѣръ, *А. Коута и І. Лехтоненъ;* но впослѣдствіи вліяніе его ослабѣло.

Въ началѣ 1900-хъ годовъ, въ самое тяжелое въ политическомъ отношеніи для Финляндіи время, среди молодыхъ писателей выдѣлился одинъ, на котораго общество, при первомъ же его появленіи, возложило большія надежды, такъ какъ увидѣло въ немъ глашатая новыхъ идей и жизненныхъ цѣнностей и въ то же время почуяло продолжателя старыхъ національныхъ традицій. Это былъ *І. Линнанкоски* (настоящее имя Ю. В. Пелтоненъ; 1869—1913). Наполовину самоучка, воспитанникъ деревни, онъ искалъ опоры въ предшествующей литературѣ. Въ его этическомъ складѣ есть нѣчто общее съ Рунебергомъ, а его идейно-національный паѳосъ роднитъ его со Снельманомъ. Но ему былъ также знакомъ и разъѣдающій самоанализъ позднѣйшаго времени; лишь цѣною тяжелой внутренней борьбы удалось Линнанкоски достигнуть ясности въ мысляхъ и душевнаго покоя. Онъ ищетъ того равновѣсія, котораго не было во внѣшней жизни, и той внутренней гармоніи, которую люди утратили въ самихъ себѣ. Сначала онъ сосредоточилъ свои силы на улучшеніи матеріальнаго и духовнаго состоянія финскаго крестьянства своей родной области (Нюландской губерніи), выступая въ качествѣ оратора, публициста и автора мелкихъ популярно-научныхъ произведеній. Но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ практическую дѣятельность и въ сельскомъ уединеніи началъ готовиться къ литературному поприщу, читая и изучая иностранную литературу и пробуя свои силы на небольшихъ литературныхъ этюдахъ. Въ 1903 году онъ выпустилъ въ свѣтъ большую идейную пьесу «Вѣчная борьба». Сюжетъ этой пьесы, вызвавшей сильное впечатлѣніе, взятъ изъ библейскаго разсказа о Каинѣ и Авелѣ, но борьбѣ, изображенной здѣсь, придано болѣе глубокое значеніе вѣчнаго антагонизма между добромъ и зломъ въ человѣческомъ родѣ. Какъ въ концепціи пьесы, такъ и во многихъ частностяхъ можно замѣтить вліяніе нѣкоторыхъ литературныхъ образцовъ, ближайшимъ образомъ «Каина» Байрона и «Потеряннаго рая» Мильтона. Хотя «Вѣчная борьба» во многихъ отношеніяхъ производитъ впечатлѣніе чего-то неустойчиваго и незрѣлаго, но въ ея діалогахъ проявляется сильный и благородный темпераментъ писателя. Дуализмъ въ человѣческой душѣ и во всемъ существующемъ разсматривается во всей своей абстрактной широтѣ. Добро и зло олицетворены въ образахъ Михаила и Люцифера, а въ пестрыхъ видѣніяхъ показано будущее развитіе человѣческаго духа. На фонѣ этой аллегорической схемы изображаются мѣстами личныя переживанія, которыя указываютъ на будущее развитіе самого автора. Таковъ вопросъ объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, супружескомъ антагонизмѣ и о примиреніи, которое приноситъ съ собой ребенокъ.

Въ слѣдующемъ произведеніи Линнанкоски, его романѣ «Огненно-красный цвѣтокъ» (1905), изображеніе разнообразныхъ любовныхъ переживаній только подъ конецъ уступаетъ мѣсто разсмотрѣнію основныхъ вопросовъ этики. Въ этомъ романѣ авторъ изображаетъ типъ финскаго Донъ-Жуана, сплавщика лѣса. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ разсказовъ, въ которыхъ замѣщается все большая и большая

сосредоточенность, авторъ въ 1908 году выпустилъ въ свѣтъ самое лучшее свое произведеніе—«Бѣглецы». Это картина крестьянской жизни, которую сравнивали съ романомъ Сельмы Лагерлёвъ «Іерусалимъ». Фабула обоихъ произведеній, дѣйствительно, одна и та же: стыдъ гонитъ людей изъ своего родного гнѣзда на чужбину, но горе слѣдуетъ за ними по пятамъ и приводитъ къ трагическимъ конфликтамъ. Сюжетъ совершенно свободенъ отъ всякихъ романтическихъ прикрасъ. Разсказъ отличается сжатостью изложенія, которая не мѣшаетъ ясности мысли. Пожилой крестьянинъ Утела, подстрекаемый честолюбіемъ, женится на молодой женщинѣ, которая его обманываетъ. Отсюда трагедія, которая причиняетъ невыносимыя страданія не только самимъ супругамъ, но и всѣмъ домашнимъ, и только смерть приноситъ съ собой развязку. Вопросъ о бракѣ сводится въ этомъ разсказѣ къ вопросу о чести и власти. Мужъ захватилъ всю власть въ свои руки, жена является лишь орудіемъ удовлетворенія его честолюбія.

Ни одинъ финскій писатель не создавалъ своего героя изъ такого твердаго матеріала, какъ Линнанкоски въ своемъ романѣ, и въ гибели героя есть что-то античное. Передъ смертью Утела видитъ всю суетность своихъ эгоистическихъ желаній и приходитъ къ сознанію: «Мы думаемъ, что мы хозяева и господа жизни; но небольшая случайность — и все рушится; другой беретъ вожжи въ свои руки и говоритъ: я здѣсь хозяинъ». Стиль романа «Бѣглецы» отличается драматической сосредоточенностью. Положенія очерчены со всей возможной сжатостью, настроенія выражаются въ короткихъ, сильныхъ фразахъ.

Линнанкоски пробовалъ свои силы и на поприщѣ драматурга, но съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1908 году онъ въ своей пьесѣ «Обреченные» сдѣлалъ попытку облечь въ форму драмы главные моменты ожесточенной политической и общественной борьбы, только что пережитаго политическаго гнета и дать законченную, полную свѣтлыхъ надеждъ картину будущаго. Но эта попытка потерпѣла неудачу: вышла сухая политическая аллегорія, не имѣющая художественнаго значенія. Всего свободнѣе чувствовала себя фантазія поэта въ области библейскихъ сюжетовъ, къ которымъ онъ возвратился послѣ драмы «Вѣчная борьба». Въ 1911 году вышли въ свѣтъ трехъактная пьеса «Самсонъ и Далила» и одноактная драматическая поэма «Дочь Іевфая». Въ первой изображается борьба между мужчиной и женщиной: герой увлекается женщиной и, отдавшись во власть чувственныхъ страстей, погибаетъ. Во второй представлено героическое самоотверженіе женщины, которое беретъ верхъ надъ страстью мужчины и дѣйствуетъ на него облагораживающе. Послѣ этой прекрасной пьесы Линнанкоски успѣлъ выпустить только сборникъ мелкихъ разсказовъ и лирическихъ картинъ, подъ названіемъ «Осколки» (1913); преждевременная смерть осенью 1913 г. оборвала его плодотворную работу.

Линнанкоски былъ рѣдкимъ въ Финляндіи типомъ натуры энергичной, активной. Существующія условія не удовлетворяли его; онъ всегда стремился къ лучшему. Ему хотѣлось подняться самому и поднять

другихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Отсюда вытекала сознательная волевая энергія его творчества и могучій пафосъ, обязывающій къ дѣйствію, и стремленіе къ великимъ идеямъ. Линнанкоски былъ прежде всего пламеннымъ мыслителемъ и моралистомъ, который посвятилъ свой талантъ на служеніе идеаламъ своего времени. Но онъ былъ также поэтомъ, въ которомъ горѣло чувство юношески робкое и нѣжное, — оно не всегда гармонировало съ великими идеалами, и это противорѣчіе нерѣдко сообщаетъ произведеніямъ Линнанкоски оттѣнокъ нѣкоторой наивности. Раздвоенностью его мужественной натуры объясняются отчасти и тѣ неровности, которыя часто встрѣчаются въ его произведеніяхъ.

Юхани Ахо былъ величайшимъ мастеромъ новеллы среди финскихъ писателей конца XIX вѣка. За послѣднее время эта литературная форма стала быстро развиваться, особенно благодаря трудамъ нѣкоторыхъ молодыхъ писателей, которые сознательно стремятся къ большей сжатости и точности. Въ числѣ этихъ молодыхъ писателей слѣдуетъ упомянуть *Марію Іотуни* (р. въ 1880 г.). Она выступила на литературное поприще въ 1905 году, напечатавъ небольшое собраніе разсказовъ, подъ названіемъ «Связи». Слѣдующее произведеніе Іотуни — «Любовь» (1907) — яркое явленіе въ области финской новеллы. Какъ показываетъ самое заглавіе, содержаніемъ книги служитъ любовь мужчины и женщины, освѣщенная съ разныхъ сторонъ, отъ самыхъ низменныхъ ея проявленій до самыхъ возвышенныхъ и совершенныхъ формъ. Изслѣдованіе этого чувства зачастую приводитъ автора къ неутѣшительному выводу: любовь въ высшемъ смыслѣ слова не существуетъ; то, что люди называютъ этимъ именемъ, есть или эгоистическая страсть и чувственность, исканіе матеріальныхъ выгодъ, или же только мечта и пустыя слова. Явленія разсматриваются авторомъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ женскаго міра, женскіе типы на первомъ планѣ, при чемъ авторъ умѣетъ передать не только внѣшнія стороны характера, но и глубокія внутреннія переживанія. Въ слѣдующемъ сборникѣ «Когда есть чувства» (1913) твердость пріемовъ Іотуни нѣсколько поколебалась. Неумолимая строгость психологическаго анализа, которая обнаружилась въ разсказахъ перваго сборника, какъ будто ослабѣла, и юмористическій взглядъ на любовь занимаетъ гораздо болѣе видное мѣсто въ этомъ собраніи новеллъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширилась сфера сюжетовъ, — теперь автора волнуетъ не только проблема любви, но и другія стороны жизни. Какой смѣлости и блеска достигаетъ юморъ автора въ лучшихъ ея произведеніяхъ, это видно по такимъ новелламъ, какъ, напр., «Смерть» и «Сосѣди». Наиболѣе счастливое сочетаніе образа и идеи, внѣшней оболочки явленій съ ихъ внутреннимъ смысломъ находимъ мы въ самомъ обширномъ разсказѣ Іотуни «Будни» (1909). Это реальная картина деревенской жизни, рядъ мирныхъ картинъ лѣта на хуторѣ въ Саво и его окрестностяхъ, — весь разсказъ проникнутъ свѣтлымъ, восторженнымъ настроеніемъ.

Замѣтное уже въ «Будняхъ» комическое направленіе получаетъ

свое дальнѣйшее развитіе въ комедіяхъ Іотуни «Адамово ребро» (1914) и «Өиміамъ» (1915). На фонѣ забавной фабулы здѣсь выведена группа оригинально подмѣченныхъ и живо обрисованныхъ мужскихъ и женскихъ типовъ, съ ихъ комическими хлопотами по поводу брака или развода, съ ихъ горестями и радостями. Со временъ Киви въ финской драматической литературѣ не встрѣчалось болѣе мѣтко схваченныхъ комическихъ типовъ. У Іотуни, повидимому, есть задатки и къ изслѣдованію трагической стороны бытія, хотя лучшее, что написано ею до сихъ поръ, относится къ области комедіи. Въ двухъ своихъ произведеніяхъ она касается тяжелыхъ сторонъ жизни. Одно изъ нихъ, пьеса «Старый домъ» (1910), несмотря на нѣкоторые удачные пріемы, довольно дѣланное и тенденціозное произведеніе. Другое — небольшой, полный драматизма, разсказъ «Преступленіе Мартина» (1914 г.). Отсутствіе любви — такова мысль этого произведенія — порождаетъ слабыхъ людей, убиваетъ вѣру въ жизнь и моральныя силы. Преступленія родителей падаютъ на голову дѣтей, и люди вырождаются. Однако, эта мысль не развивается здѣсь отвлеченно въ видѣ какъ бы отвѣта на заданную тему. Она сама собой является въ умѣ читателя, какъ выводъ изъ самаго процесса жизни, который авторъ послѣдовательно и наглядно изображаетъ въ книгѣ.

Повѣствовательный талантъ Іотуни внесъ нѣчто новое въ финляндскую литературу; это можно видѣть изъ того, что ея смѣлые пріемы возбудили неудовольствіе въ нѣкоторыхъ кругахъ, а также изъ того, что они начинаютъ оказывать вліяніе на творчество другихъ писателей.

Группа финскихъ новеллистовъ вообще очень многолисленна. Здѣсь мы упомянемъ еще только трехъ: Калласъ, Вилькуна и Лехтимяки.

Айно Калласъ (р. въ 1878 г.) начала свою литературную дѣятельность лирическими стихотвореніями, но затѣмъ, перейдя къ прозѣ, нашла свою сферу въ изображеніи жизни родственнаго племени по ту сторону моря — эстонцевъ. Особенность разсказовъ г-жи Калласъ — спокойный и ясный реализмъ, который временами соединяется съ горячимъ и свѣжимъ лиризмомъ.

К. Вилькуна (р. въ 1879) развивался также на почвѣ стараго реализма, но въ немъ замѣтна тяга къ тѣмъ идеалистическимъ теченіямъ, которыя переносятъ реализмъ какъ бы въ другую, высшую плоскость. Въ литературномъ отношеніи наиболѣе замѣчательны его первыя новеллы, въ которыхъ нѣсколько однообразно, но съ глубокой серьёзностью, изображается убогая жизнь народа. Позже Вилькуна, увлеченный примѣромъ Ивало, обратился къ историческимъ разсказамъ, при чемъ его особенно заинтересовали національно-героическіе сюжеты.

К. Лехтимяки въ напечатанныхъ до сихъ поръ произведеніяхъ выказалъ многообѣщающій талантъ, особенно, какъ изобразитель человѣческихъ страданій и смерти. Объ этомъ можно судить по послѣднему сборнику его разсказовъ «Изъ глубины» (1915), сюжеты которымъ дала современная міровая война.

Изъ всѣхъ родовъ литературы больше всего среди молодого поколѣнія писателей культивируется лирика. Это вполнѣ естественно, такъ какъ самый переломъ духовной жизни общества означаетъ побѣду именно лирическихъ элементовъ, чувства и воображенія. Сверхъ того, можно сказать, что въ основѣ народнаго характера лежитъ лиризмъ. Въ современномъ поколѣніи финляндскихъ писателей можно насчитать съ полсотни лириковъ (около 20 на шведскомъ языкѣ и около 30 на финскомъ), изъ которыхъ большая частъ, говоря по правдѣ, представляютъ довольно незначительныя величины.

Самыми выдающимися изъ финскихъ поэтовъ все-таки слѣдуетъ признать Эйно Лейно, Ларинъ Кіэсти, Маннинена и Коскенніеми.

Наиболѣе плодовитый и разносторонній изъ нихъ — *Эйно Лейно* (младшій братъ упомянутаго ранѣе Казимира Лейно; р. въ 1878 г.). Съ необычайной быстротой выпускалъ онъ въ свѣтъ одно произведеніе за другимъ, сначала исключительно лирическія и эпическія стихотворенія, потомъ драматическія пьесы, мелкіе разсказы, романы и пр. Уже на девятнадцатомъ году онъ выпустилъ небольшую книжку стиховъ, подъ названіемъ «Мартовскія пѣсни», въ которыхъ слышатся слабые отголоски мелодій Рунеберга и Гейне. Затѣмъ, подъ ближайшимъ вліяніемъ скандинавскихъ образцовъ (Драхмана, Рюдберга и др.), онъ странствуетъ по различнымъ направленіямъ въ области поэзіи, стараясь найти тамъ свое мѣсто. Главное достоинство его юношескихъ произведеній— необычайная легкость, съ какою онъ приспособляетъ финскій языкъ къ различнымъ формамъ выраженія мысли. Въ началѣ новаго столѣтія въ поэзіи Лейно начинаетъ преобладать личный элементъ. Глубокое и рѣшительное вліяніе оказываетъ на него финская народная поэзія, «Калевала» и «Кантелетаръ»; среди современныхъ нашихъ поэтовъ онъ является самымъ талантливымъ представителемъ дальнѣйшаго развитія ея богатой образности и наивной простоты. Прикосновеніе къ родной почвѣ открываетъ новые источники въ его поэзіи. Лучшимъ поэтическимъ созданіемъ Лейно слѣдуетъ считать появившіяся въ 1903 г. «Легенды», которыя и по формѣ и по содержанію тѣсно примыкаютъ къ поэзіи Калевалы. За исходную точку онъ беретъ часто какую-нибудь старую легенду или балладу, но углубляетъ и стилизируетъ ее такъ, что она производитъ впечатлѣніе совершенно новаго произведенія. Мысль о таинственной судьбѣ, тяготѣющей надъ жизнью, составляетъ основное настроеніе лучшихъ стихотвореній этого сборника. На сумрачномъ фонѣ сказки Лейно чертитъ образъ гордаго мужа, который упрямо идетъ противъ судьбы и гибнетъ въ этой неравной борьбѣ, но гибнетъ съ высоко поднятой головой, до послѣдней минуты оставаясь вѣрнымъ себѣ («Илерми»). Рядомъ съ гордымъ Илерми онъ воспѣваетъ также и нѣжный образъ дѣвушки, которая чистою и непорочною проходитъ черезъ всю жизнь и исчезаетъ, какъ голубое марево надъ темнѣющими холмами («Синій крестъ»). По оригинальности пріемовъ и чисто декоративной яркости образовъ эти стихотворенія можно смѣло поставить рядомъ съ лучшими легендами и балладами міровой литературы. — Въ

прочихъ многочисленныхъ сборникахъ стихотвореній Эйно Лейно среди множества звучныхъ стиховъ встрѣчаются подчасъ красивыя пьесы личнаго настроенія. Ихъ особенно много въ среднемъ періодѣ его развитія. Позже авторъ увлекся внѣшней «декоративностью» и сочинялъ пьесы, въ которыхъ не было никакой жизненной правды. Муза все рѣже посѣщала его, отдѣлываясь какъ бы мимолетными визитами, и словно затѣмъ, чтобы вознаградить себя за это, Лейно въ послѣднее время перешелъ на скромную прозу. Онъ написалъ въ легкомъ разговорномъ стилѣ нѣсколько живыхъ очерковъ, содержаніемъ которыхъ служатъ мимолетныя настроенія и происшествія дня, а также нѣсколько пьесъ («Маски», 5 сборниковъ). Послѣ этого онъ перешелъ къ романамъ, въ которыхъ пытался схватить характерныя черты измѣнчивыхъ явленій новаго времени, но онъ передаетъ ихъ въ крайне субъективной окраскѣ, обнаруживая притомъ недостаточно серьёзное отношеніе къ сюжету. Эйно Лейно извѣстенъ также, какъ публицистъ, критикъ и переводчикъ (онъ переводилъ Расина, Анатоля Франса, Данте и пр.).

Ларинъ Кіэсти (псевдонимъ К. Ларсонъ, р. въ 1873 г.), какъ и Эйно Лейно, очень плодовитый лирикъ. Въ болѣе раннихъ его стихотвореніяхъ замѣтно сильное вліяніе такихъ шведскихъ поэтовъ, какъ Бельманъ и Фрёдингъ; слѣдуя ихъ игривой манерѣ, онъ рисовалъ легкія и яркія картины изъ деревенской и провинціальной жизни. Но послѣ тяжелыхъ впечатлѣній только что пережитой эпохи реакціи и его веселая поэзія стала болѣе серьёзной и глубокой. Лучшими произведеніями Ларинъ Кіэсти все-таки остаются юмористическіе очерки деревенскаго быта и лирическія пьесы въ сказочномъ стилѣ. Среди сборниковъ его стихотвореній, по цѣльности и оригинальности, особое мѣсто занимаетъ сборникъ, подъ названіемъ «Лѣсныя видѣнія» (1915). Въ немъ помѣщено нѣсколько мрачныхъ, полныхъ настроенія сказокъ о лѣсѣ, а также граціозные разсказы о духахъ, мелькающихъ въ странномъ полусвѣтѣ, — нѣчто подобное тѣмъ явленіямъ, которыя изображены въ «Легендахъ» Эйно Лейно. Но лѣсныя видѣнія Ларинъ Кіэсти возникли не изъ сказочнаго міра «Калевалы», а произошли отъ счастливаго сочетанія его собственной фантазіи съ общеромантическими образами.

Изъ драматическихъ произведеній его назовемъ пьесу «Къ звѣздамъ». Это — поэтическая грёза, полная страннаго бреда и напоминающая фантастическія драмы Метерлинка или, еще больше, Стриндберга.

Поэзія Ларинъ Кіэсти и Эйно Лейно во многомъ внутренно соприкасается между собою. Но въ основномъ характерѣ чувствуется различіе: у Лейно, повидимому, преобладаетъ «слуховая» фантазія, у Кіэсти, наоборотъ, «зрительная»; поэзія перваго вызываетъ музыкальность размѣра и риѳмы, прежде всего звуковыя ощущенія; стихи второго говорятъ своими образами и красками.

Совершенно особый путь избралъ себѣ поэтъ *О. Маннинен* (лекторъ финскаго языка при университетѣ, р. въ 1872 г.). Онъ выпустилъ въ свѣтъ только два сборника «Искры» (1905 и 1910), но въ нихъ чувствуется подлинная поэзія. Маннинен — представитель отре-

мленій къ совершенству формы въ новой финской лирикѣ. Въ его стихахъ очень мало внѣшняго блеска и паѳоса. Они похожи на тихую музыку. Жизнь звучитъ въ нихъ, какъ отдаленное эхо, и ея явленія отражаются только своей внутренней стороной. Воспоминанія прошлаго, интимный судъ надъ собой за ошибки прошлаго и настоящаго, жизненный долгъ, необходимость итти своимъ путемъ, несмотря ни на что, и холодная, роковая даль, открывающаяся впереди, — таковы темы большинства стихотвореній Маннинена, которыя онъ развиваетъ съ большимъ талантомъ и рѣдкой красотой формы. Онъ не національный поэтъ, не народный пѣвецъ. Его языкъ доведенъ до возможнаго лаконизма. Маннинепъ не изображаетъ, а только отмѣчаетъ проходящіе передъ нимъ мгновенія движенія, краски и звуки и предоставляетъ читателю дополнить картину въ своемъ воображеніи. Потому-то самая интимная сторона его поэзіи не всегда доступна поверхностному читателю. Но кто умѣетъ углубиться въ нее, передъ тѣмъ за этими сжатыми и строго разсчитанными строфами открывается богато одаренная и благородная личность поэта, которая привлекаетъ къ себѣ столько же своей доброй улыбкой, сколько и своей мужественной покорностью, своей скромностью и тонкимъ чувствомъ собственнаго достоинства. Маннининъ также одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ въ стихахъ. Онъ переводилъ, между прочимъ, Рунеберга, Гейне, Мольера, Ибсена и Гомера.

В. А. Коскенніеми (В. А. Форснесъ, родился въ 1885 году), какъ поэтъ, стоитъ ближе къ Маннинену, чѣмъ къ кому-либо изъ болѣе раннихъ финскихъ поэтовъ. Подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, новой французской и скандинавской лирики, у него развился охлажденный взглядъ на жизнь. Еще юношей онъ научился понимать обманчивость мечты и безжалостную суровость судьбы и умѣлъ облекать эти чувства въ спокойно звучащіе стихи. Его поэзія не кипитъ жизнью; она любитъ тихія настроенія ночи и одиночества, мысли о вѣчности, въ которыхъ часто можно замѣтить примѣсь нѣкоторой книжности. Такимъ является передъ нами Коскенніеми уже въ первомъ своемъ произведеніи, вышедшемъ въ 1906 году, и позже его настроеніе почти нисколько не измѣнилось. Только мысль его окрѣпла и стала свободнѣе. Поэтъ не жалуется на раны, нанесенныя ему жизнью, — онъ выше этого; озираясь, онъ видитъ повсюду борьбу и пораженіе, но видитъ также и мужество, которое умѣетъ смотрѣть прямо въ глаза судьбѣ и забывать о своихъ ничтожныхъ страданіяхъ посреди спокойнаго величія вселенной. Стихи Коскенніеми отличаются теплотой и сдержанной силой, а также законченностью формы, всегда строго отвѣчающей содержанію, что, несмотря на глубину мысли, дѣлаетъ ихъ гораздо болѣе доступными читателю, чѣмъ стихи Маннинена.

Даровитый молодой писатель *Ю. Сильѣ* стоитъ очень близко къ сферѣ творчества Маннинена и Коскенніеми.

Очень оригиналенъ *І. Лехтоненъ* (родился въ 1881 году), который еще не вышелъ на свою настоящую дорогу и только временами ясно

видитъ ее. Онъ напечаталъ рядъ разсказовъ, гдѣ романтическій разгулъ воображенія и смѣлые порывы мысли сливаются въ какой-то бушующій хаосъ. Вначалѣ онъ, повидимому, находился подъ вліяніемъ Сельмы Лагерлёвъ и Ницше; но потомъ онъ началъ освобождаться отъ излишества романтики, и нѣкоторыя изъ его стихотвореній, гдѣ онъ въ свободныхъ бѣлыхъ стихахъ ярко рисуетъ деревенскую жизнь, позволяютъ многаго ожидать отъ него въ будущемъ.

Подъ вліяніемъ Эйно Лейно, отчасти Маннинена, а впослѣдствіи также подъ вліяніемъ новой французской поэзіи развивалось творчество *Л. Онерва* (псевдонимъ г-жи Онерва Лехтиненъ, родилась въ 1882 году). Она написала нѣсколько сборниковъ стихотвореній, въ которыхъ выражается нетерпѣливое ожиданіе счастья, тоска и разочарованіе, а также постепенное освобожденіе и просвѣтленіе. Онерва также напечатала нѣсколько новеллъ и романовъ, въ которыхъ старается дать анализъ эротическихъ проблемъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ современнымъ писателямъ шведской группы, то и здѣсь найдемъ большое количество лириковъ. У многихъ изъ нихъ позади десятилѣтній періодъ литературной дѣятельности, и они пріобрѣли себѣ имя какъ на восточной, такъ и на западной сторонѣ Ботническаго залива. Кромѣ М. Любека, о которомъ была рѣчь выше, назовемъ еще изъ ихъ числа *Ялмара Рунеберга* (внукъ І. Л. Рунеберга, родился въ 1874 году, докторъ философіи, литературное имя «Alceste»), *А. Мёрне* (докторъ философіи, родился въ 1876 году), *Я. Прокопе* (родился въ 1868 году) и *Бертеля Грипенберга* (родился въ 1878 году). Первые двое дебютировали одновременно въ 1899 году, и въ ихъ творчествѣ вначалѣ оказались сходныя черты, но позже ихъ литературное развитіе пошло разными путями. Поэзія Рунеберга болѣе легковѣсна, книжна, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе изящна. Наоборотъ, Мёрне, который глубокими корнями связанъ съ шведскимъ побережьемъ Финляндіи, съ гораздо бо̀льшимъ усиліемъ находитъ форму для выраженія своихъ сильныхъ настроеній и мыслей. Его поэзія обогатилась и окрѣпла подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ и соціалистическихъ стремленій, въ которыхъ онъ принималъ горячее участіе; въ то же время онъ сохранилъ неприкосновенною всю центростремительную силу своей личности, особенно въ области эротическихъ сюжетовъ. Въ творчествѣ обоихъ поэтовъ отразилось тревожное настроеніе страны въ концѣ столѣтія и чувство тяжелой отвѣтственности, налагаемой временемъ. Впослѣдствіи Мёрне съ бо̀льшимъ увлеченіемъ отдался новымъ идеямъ времени, стремясь расширить сферу своей лирики. У него мужественная, страстная натура. Его душа звучитъ въ унисонъ скудной природѣ прибрежья и могучему движенію моря. Послѣ Тавастшерны онъ лучшій пѣвецъ моря во всей финляндской поэзіи (напр., «Весна въ шхерахъ», 1913). Мёрне извѣстенъ также, какъ драматургъ, авторъ прозаическихъ разсказовъ и критикъ.

Ялмара Прокопе, въ противоположность Грипенбергу, называютъ иногда лирикомъ рефлексіи, такъ какъ у него-де съ настроеніемъ часто

связывается работа анализирующей мысли. Но на самомъ дѣлѣ это чисто поэтическая натура. Онъ смѣлый и вольный пѣвецъ, воображеніе котораго долго блуждало въ различныхъ направленіяхъ. Въ поэзіи Прокопе находитъ себѣ выраженіе игривая веселость и серьёзный идейный пафосъ, который по временамъ затрагиваетъ общественные вопросы. Но онъ не связанъ условностями, онъ повсюду сохраняетъ личную свободу. Въ его лирикѣ больше сочности и полноты, чѣмъ у какого-либо другого изъ современныхъ шведскихъ писателей Финляндіи, хотя своеобразная цѣнность его поэзіи еще не нашла себѣ признанія въ широкихъ кругахъ общества. Изъ собраній его стиховъ, назовемъ «Избранныя стихотворенія» (1911) и «Въ пескѣ» (1915).

Лучшимъ мастеромъ формы, изъ всѣхъ предыдущихъ шведскихъ поэтовъ Финляндіи, является Бертель Грипенбергъ. Отчасти поэтому, отчасти благодаря его могучему сенсуализму, отвѣчающему потребностямъ времени, онъ рано сдѣлался любимцемъ общества. Любовь — главный источникъ его вдохновенія; онъ изображаетъ ее, какъ пламенную, всепожирающую страсть. Передаетъ онъ и страданія, связанныя съ восторгами чувственности, ея слишкомъ измѣнчивыя и обманчивыя радости, утомленіе и резиньяцію. Природа Финляндіи и ея народъ также давали содержаніе поэзіи Грипенберга. Грипенбергъ началъ свою литературную дѣятельность сборникомъ «Стихотворенія» (1903), который почти ошеломилъ читателей жгучей страстностью, блескомъ красокъ и красотою мелодій. За нимъ слѣдовалъ сборникъ «Широкія дороги» (1904), въ которомъ выражается уже болѣе спокойное настроеніе. Здѣсь ясно видно стремленіе автора расширить сферу своего творчества, которая угрожала сдѣлаться слишкомъ узкою. Доселѣ едва замѣтныя соціальныя ноты становятся теперь слышнѣе, и поэтъ въ сильныхъ стихахъ оплакиваетъ жертвы города, мученицъ труда и наслажденія: проститутокъ и фабричныхъ работницъ. Расширилась также и первоначальная сфера его поэзіи. Мастерскіе сонеты и другія стихотворенія сборника «Рѣшетчатыя ворота» (1905) показываютъ большую зрѣлость автора, силу и совершенство его техники. Въ нихъ выражено чувство усталости и презрѣнія къ простому народу, ироніи и вѣра въ судьбу, мужественная гордость и облагороженная страсть. Этотъ сборникъ — высшая точка творчества Грипенберга. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ нѣкотораго ослабленія, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, послѣ чего опять наблюдается медленный подъемъ силъ (сборники «Вьюга», 1909 и «Вечера въ Тавастландѣ», 1911). Здѣсь эротика отодвинута на самый задній планъ, и авторъ ищетъ покоя своему усталому сердцу въ природѣ. Онъ поселился въ Тавастландѣ и чувствуетъ себя хорошо среди зимнихъ и лѣтнихъ ландшафтовъ этого края. Но въ то же время онъ чуждается людей, сторонится народа, чувствуя себя какъ бы въ «непріятельской странѣ». Отсюда происходитъ трагическій дуализмъ его чувства къ родинѣ. Въ гордомъ одиночествѣ онъ то принимается слагать восторженные гимны печали и резиньяціи, то уныло погружается въ созерцаніе поблекшихъ красокъ прошлаго (сборникъ «Игра тѣней», 1912).

Въ техническомъ отношеніи въ позднѣйшемъ періодѣ творчества Гри-пенберга замѣчается стремленіе къ бо̀льшей простотѣ и глубинѣ. Но вообще въ его стихахъ звучатъ все тѣ же живыя, чистыя, металлическія ноты, что и раньше.

Къ числу плодовитыхъ шведскихъ поэтовъ принадлежитъ также *Я. А. Тегенгренъ* (родился въ 1875 году), авторъ нѣжныхъ стихотво-реній въ прозѣ, а также нѣсколькихъ сборниковъ стиховъ, изображаю-щихъ преимущественно природу, но не отличающихся ни особенной оригинальностью, ни силой.

Шведская литература Финляндіи въ послѣдніе годы утратила свое прежнее назначеніе — служить отраженіемъ жизни финскаго народа. Она все болѣе и болѣе ограничивалась отраженіемъ только тѣхъ явленій, которыя наблюдаются въ шведской группѣ его или, собственно, только въ шведской столичной интеллигенціи. Въ самое послѣднее время она стремится итти еще дальше въ этомъ направленіи. Послѣ 1910 года въ ней образовалась группа, у которой нѣтъ ничего общаго ни съ поли-тическими, ни съ общественными стремленіями, и которая является лишь представительницей господствующихъ въ мелкихъ товарищескихъ и свѣтскихъ кружкахъ настроеній и эстетическихъ теченій. Патріотизмъ и широкая идейность временъ Рунеберга и Топеліуса вырождаются въ кружковщину и безпринципность. Самыхъ младшихъ представителей этой группы принято называть однимъ общимъ именемъ «праздношатаю-щихся» или «фланёровъ», хотя въ числѣ ихъ есть нѣсколько лицъ съ дара-ваніемъ и темпераментомъ (напр., Т. Гельсингіусъ, Г. Альмъ, Р. Шильдтъ, Г. Хильденъ, Т. Янсонъ). Ихъ даже нельзя назвать «молодыми», такъ какъ для этого имъ недостаетъ идеализма и страсти. Въ общемъ, это люди усталые или то, что называется blasées. У нихъ нѣтъ идеальной цѣли, къ которой нужно стремиться, для которой стоило бы жить. Они — дѣти реакціи. Они видѣли, какъ на ихъ глазахъ гибли идеалы, руши-лись политическія и культурныя иллюзіи, росла жажда наслажденій и равнодушіе къ общественной жизни. Такимъ образомъ изъ нихъ вышли праздные созерцатели, взирающіе сквозь призму иронiи и скептицизма, довольствуясь только интересами текущаго дня и мелкими наслажде-ніями, предлагаемыми жизнью. Всѣ они — дѣти столицы. Они ищутъ себѣ сюжетовъ охотнѣе всего на улицахъ Гельсингфорса, въ кафе и ре-сторанахъ, а также въ тѣхъ случайныхъ путешествіяхъ, которыя со-вершаютъ въ благоустроенныя барскія имѣнія средней Финляндіи, въ нюландскія шхеры или иногда въ Парижъ. И они разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ въ небольшихъ, полныхъ импрес-сіонизма стихотвореніяхъ, въ новеллахъ, которыя порой растягиваются въ порядочный романъ, гдѣ вылощенная форма прикрываетъ собой до-вольно слабое содержаніе.

Хотя этотъ новѣйшій періодъ шведской литературы не предста-вляетъ собою ничего особенно отраднаго, все же его слѣдуетъ разма-тривать, какъ случайное явленіе, успѣхи котораго по отношенію къ фор-мѣ могли бы дать хорошіе результаты, если бы явился писатель съ силь-

ною индивидуальностью, который бы сумѣлъ ими воспользоваться. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что эти «молодые» все же не единственные представители направленія и характера шведской литературы, но что въ ряду съ ними существуетъ старшая группа писателей — Любекъ, Прокопѣ, Мёрне, Тегенгренъ и Гриппенбергъ; у каждаго изъ нихъ найдется что сказать, если не всему финскому народу, то, по крайней мѣрѣ, той его части, среди которой они подвизаются. Ихъ устами говоритъ лучшая часть шведскаго образованнаго общества, говоритъ объ идеалахъ прошлаго, настоящаго, а иногда и будущаго.

Впрочемъ, и въ новѣйшей шведской литературѣ замѣчаются все-таки болѣе серьёзные художественные и соціальные мотивы. Таковы, напр., стоящіе въ сторонѣ отъ вышеупомянутой группы многообѣщающіе молодые поэты Я. Хеммеръ (род. въ 1893 г.) и Р. Экелундъ и талантливая писательница Каринъ Смирнова (род. въ 1880 г.), старшая дочь А. Стриндберга, выступившая на литературное поприще лишь въ 1915 г. со своими романами «Весенній порывъ» и «Подъ отвѣтственностью», изъ которыхъ особенно послѣдній имѣлъ большой успѣхъ.

Что же еще сказать о новѣйшей финской литературѣ — той литературѣ, число читателей которой въ послѣдніе годы стало въ десять разъ больше, сравнительно со шведской?

Нельзя не признать, что она очень пестра какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Духовная демократическая свобода общества выражается въ томъ, что оно допускаетъ одновременно всѣ направленія, отъ условной красоты романтизма и рѣзкой тенденціозности натурализма до новѣйшаго декадентства, съ его игривымъ самолюбованіемъ, кокетствомъ и затѣйливой культурой формы. Однако, общей отличительной чертой можно считать то, что и въ области литературы на финскомъ языкѣ замѣчается большее, сравнительно съ прежнимъ, движеніе и бо́льшая зрѣлость формы. Нынѣшніе новеллисты и поэты легче справляются съ формой, чѣмъ писатели 80-хъ годовъ. Хотя это явленіе далеко не во всѣхъ отношеніяхъ должно насъ радовать. Именно бладаря ему стало возможнымъ то необычайное литературное наводненіе послѣднихъ годовъ, въ которомъ новыя перья распахиваютъ старыя литературныя нивы, и притомъ довольно поверхностнымъ образомъ. Особенно самая старая и наиболѣе разработанная область финской литературы — изображеніе народнаго быта — привлекла къ себѣ много новыхъ работниковъ; но среди нихъ мало можно найти самостоятельныхъ силъ. Большая часть смотритъ на народъ приблизительно такъ же, какъ молодые реалисты 80-хъ годовъ или какъ уже раньше смотрѣлъ А. Киви. Жизнь финской городской интеллигенціи только начинаетъ развиваться, и потому писатели не могли еще уловить типическихъ ея проявленій, чтобы увѣковѣчить ихъ въ своемъ творчествѣ. Болѣе всего посчастливилось въ этомъ отношеніи жизни провинціальныхъ городовъ, старое финское населеніе которыхъ, благодаря своей неподвижности, уже отлилось въ твердыя формы, въ цѣльные характеры, легко наблюдаемые и обособляемые.

Наоборотъ, финское населеніе столицы состоитъ изъ сравнительно еще молодыхъ, главнымъ образомъ, переселившихся изъ провинціи «выскочекъ», и образованная его часть до сихъ поръ составляла такую ничтожную величину сравнительно съ основнымъ шведскимъ населеніемъ и шведскимъ чиновничествомъ, что она еще не могла наложить своего отпечатка на жизнь этого города.

Значеніе и вліяніе литературы, конечно, не зависитъ отъ того, какіе сюжеты и какія стороны жизни она трактуетъ. Но одно условіе имѣетъ значеніе для развитія литературы: если въ какой-нибудь странѣ народное образованіе не проникло еще во всѣ слои общества, то не можетъ создаться художественная традиція. Правда, что въ моментъ реакціи художественныя традиціи могутъ превратиться въ консервативныя. Но есть литературныя области, которыя для своего развитія нуждаются въ традиціи. Это бываетъ особенно въ области драмы. Этимъ именно объясняется тотъ фактъ, почему Финляндія, эта страна лирики и эпоса, до сихъ поръ произвела на свѣтъ такъ мало хорошихъ драмъ.

В. Таркіайненъ.
Пер. **О. Вальстремъ.**

ІОГАНЪ-ЛЮДВИГЪ РУНЕБЕРГЪ.

НАШЪ КРАЙ *.

Нашъ край, нашъ край, нашъ край родной, —
О звукъ, всѣхъ громче словъ!
Чей кряжъ, растущій надъ землей,
Чей брегъ, встающій надъ водой,
Любимѣй горъ и береговъ
Родной земли отцовъ.

Ступай, надменный чужевѣръ,
Ты звону злата радъ!
Нашъ бѣдный край угрюмъ и сѣръ,
Но намъ — узоры горъ и шхеръ —
Отрада, слаще всѣхъ отрадъ,
Неоцѣненный кладъ.

Намъ любъ потоковъ нашихъ ревъ,
Ручьевъ бѣгущихъ звонъ,
Однообразный шумъ лѣсовъ,
Свѣтъ звѣздъ, прозрачность вечеровъ,
Все, все, чѣмъ слухъ былъ пораженъ,
Чѣмъ взоръ былъ полоненъ.

Здѣсь съ мыслью, съ плугомъ и съ мечомъ
Отцы ходили въ бой,
Здѣсь ночь за ночью, день за днемъ
Народный духъ пылалъ огнемъ —
Въ согласьи съ доброю судьбой,
Въ борьбѣ съ судьбою злой.

---

* Это стихотвореніе (вступительное къ „Разсказамъ Фенрика Столя") стало финскимъ національнымъ гимномъ.

Кто счетъ народнымъ битвамъ велъ,
Когда все вновь и вновь
Война неслась изъ дола въ долъ,
Морозъ и гладъ за нимъ пришелъ, —
Кто мѣрилъ пролитую кровь,
Терпѣнье и любовь?

Да, здѣсь, вотъ здѣсь та кровь текла,
За насъ текла тогда,
Душа народа здѣсь цвѣла
И тяжкимъ вздохомъ изошла
Въ давно прошедшіе года
Подъ бременемъ труда.

Здѣсь — наше все, здѣсь — свѣтлый рай,
Отрада нашихъ дней!
Какъ рокъ жестокій ни пытай —
Онъ все при насъ, родимый край.
Что жъ намъ любить еще полнѣй,
Святѣй и горячѣй?!

И здѣсь, и тамъ блуждаетъ взоръ,
Я руку протяну —
Взгляни на радостный просторъ,
Вонъ берега, вонъ рябь озеръ,
Взгляни на все, какъ я взгляну
На милую страну.

И пусть на насъ прольется свѣтъ
Изъ тверди золотой,
Пусть станетъ жизнь игрой планетъ,
Гдѣ слезъ не льютъ, гдѣ вздоховъ нѣтъ,
А все — убогій край родной
Мы помянемъ съ тоской.

О, край, многоозерный край,
Гдѣ пѣснямъ нѣтъ числа,
Отъ бурь оплотъ, надежды рай,
Нашъ старый край, нашъ вѣчный край,
И нищета твоя свѣтла,
Смѣлѣй, не хмурь чела!

Онъ расцвѣтетъ, твой бѣдный цвѣтъ,
Стряхнувъ позоръ оковъ,

И нашей вѣрности обѣтъ
Тебѣ даруетъ блескъ и свѣтъ,
И наша пѣснь домчитъ свой зовъ
До будущихъ вѣковъ.

А. Блокъ.

УМИРАЮЩІЙ ВОИНЪ.

Окончился кровавый день,
Былъ берегъ Лемо тихъ;
На раненыхъ упала тѣнь,
И смолкли стоны ихъ.
И долъ и море скрыла тьма,
И ночь, какъ гробъ, была нѣма.

У водъ, взиравшихъ днемъ на бой,
Застывшихъ, какъ свинецъ,
Сидѣлъ старикъ, боецъ сѣдой,
Гохландіи * боецъ.
Онъ на руки челомъ поникъ, —
Грудь въ брызгахъ крови, блѣденъ ликъ.

Нѣтъ никого, кому бы онъ
Могъ прошептать «прощай!»
И этотъ край, гдѣ онъ сраженъ, —
Не отчій, милый край!
Тамъ Волга мчитъ струю свою . . ;
Онъ пролилъ кровь въ чужомъ краю!

Потухшій взоръ блуждалъ во мглѣ,
Хоть мутенъ и унылъ. . .
На томъ пескѣ, на той землѣ,
Гдѣ самъ старикъ застылъ,
Былъ юный ратникъ недвижимъ,
Вблизи него, почти предъ нимъ.

Подъ свистомъ пуль, и подъ огнемъ,
Лилась ихъ рядомъ кровь;
Съ враждой въ сердцахъ, въ рукѣ съ мечомъ,
Они сходились вновь.
Теперь старикъ лишь мира ждетъ;
Не рвется снова впередъ.

---

* Гохландъ (Hogland) — островъ въ Финскомъ заливѣ.

Полнѣй, темнѣй ложится мгла...
Но слышенъ веселъ всплескъ.
Изъ тучъ луна встаетъ, свѣтла,
Льетъ вкругъ свой блѣдный блескъ.
Вотъ къ берегу пристalъ челнокъ,
Вотъ дѣва вышла на песокъ.

Подобна призраку, скользитъ,
Обходитъ смертный лугъ,
И, вся въ слезахъ, спѣшитъ, глядитъ,
То тамъ, то здѣсь, вокругъ.
И, изумленъ, ея порывъ
Слѣдитъ старикъ, безъ силъ, чуть живъ.

За каждымъ шагомъ, все нѣжнѣй
Его глаза слѣдятъ;
Но все задумчивѣй, грустнѣй
Усталый старца взглядъ.
Какъ будто сердцемъ онъ постигъ,
Въ чемъ скорбь ея, что скажетъ мигъ.

Что скажетъ мигъ... Пришла она,
Какъ будто слышавъ зовъ,
Тиха, нѣма, какъ призвана
Видѣньемъ съ облаковъ.
Пришла, глядитъ... Свѣтъ лунный строгъ:
Шведъ-юноша лежитъ у ногъ.

Глядитъ, по имени назвавъ, —
Но ей отвѣта нѣтъ;
Припала, юношу обнявъ, —
Не обнялъ онъ въ отвѣтъ.
Грудь пронзена и холодна...
Вкругъ тишина, лишь тишина!

О, муза, молви: перлы слезъ
Блестятъ вдоль старыхъ щекъ.
Что старецъ шепчетъ? Рѣчь унесъ
Полночный вѣтерокъ.
Вотъ онъ встаетъ, вотъ онъ поникъ,
И, мертвъ, предъ дѣвой палъ старикъ.

Сверкнуло что въ его глазахъ,
Что онъ шепнулъ съ тоской, —
Кто скажетъ? и въ его слезахъ
Таился смыслъ какой?
Когда жъ вставалъ онъ, потрясенъ,
И шелъ, и палъ, — что думалъ онъ?

Хотѣлъ ли мира онъ вкусить?
Хотѣлъ ли умолять
Онъ грудь, способную простить?
Иль про людей сказать,
Скорбя душой, что доля ихъ —
Страдать самимъ, терзать другихъ?

Его послалъ чужой намъ край,
Онъ намъ мечомъ грозилъ.
Но руку брату братъ подай,
Не думай, кѣмъ онъ былъ!
Пусть въ жизни лишь вражда горитъ,
Предъ гробомъ ненависть да спитъ!

В. Бакулинъ.

* * *

Вѣрный сынъ Финляндіи скалистой,
Статенъ и могучъ былъ Ойонъ Паво,
Какъ утесъ, поросшій елью крѣпкой,
И какъ бурный вихрь въ открытомъ морѣ.
Вырывалъ онъ съ корнемъ сосны въ полѣ,
Онъ медвѣдя задушилъ руками,
Перебросилъ лошадь черезъ прясло,
Какъ былинку, гнулъ людей сильнѣйшихъ.
Вышелъ разъ на площадь Ойонъ Паво
Въ день базарный, сталъ среди народа
И стоитъ, какъ дубъ среди подлѣска,
Какъ сосна среди кустовъ ольховыхъ.
Вотъ возвысилъ голосъ онъ и молвитъ:
«Слушайте меня: когда найдется
Среди васъ силачъ такой отмѣнный,
Чтобъ меня онъ удержалъ на мѣстѣ
Хоть одно, одно только, мгновенье,

Чтобы подъ его рукой могучей
Ни на шагъ не могъ сойти я съ мѣста, —
Пусть беретъ мою избу съ землею,
Пусть беретъ моихъ коровъ молочныхъ,
Пусть беретъ моихъ коней ретивыхъ,
Я же самъ слугою ему буду
И душой, и тѣломъ до могилы!»
Такъ къ народу молвилъ сильный Паво.
Парни же поникли головою
И молчатъ... Смѣется Ойонъ Паво:
Кто принять посмѣетъ смѣлый вызовъ?!
Съ удивленьемъ и любовью смотрятъ
На него красавицы-дѣвицы:
Онъ стоитъ, какъ дубъ среди подлѣска,
Какъ сосна среди кустовъ ольховыхъ.
И горятъ, какъ звѣзды, его очи,
Какъ заря чело его младое;
Разметались шелковыя кудри,
Какъ лучи вкругъ мощнаго утеса.
Но вотъ вышла молодая Айно
Изъ толпы, какъ ясная денница,
И подходитъ прямо къ Ойонъ Паво,
Обвилась вокругъ него руками
И щекой къ щекѣ его прильнула,
Поглядѣла ему прямо въ очи
И сказала: «Сбрось мои оковы!»
Но стоитъ покорно сильный Паво
И не можетъ двинуться онъ съ мѣста.
И сказалъ онъ, наклоняясь къ Айно:
«Айно, Айно! Мой закладъ потерянъ,
Такъ бери жъ мою избу съ землею!
Такъ бери жъ мои стада и деньги!
Я же самъ слугою тебѣ буду
И душой, и тѣломъ до могилы!»

В. Бакулинъ.

* * *

Разъ изъ рощи воротилась дочка,
Воротилась съ красными руками.
Мать пытаетъ: «Что съ тобою, дочка?

Почему такъ красны твои руки?»
Дочь въ отвѣтъ: «Я розы, вишь, срывала;
О шипы задѣла, знать, немножко».
Вотъ опять изъ рощи воротилась,
Воротилась съ красными губами.
Мать пытаетъ: «Что съ тобою, дочка?
Почему такъ красны твои губы?»
Дочь въ отвѣтъ: «Ходила по малину;
Въ сокѣ, знать, окрасила немножко».
Въ третій разъ изъ рощи воротилась,
Воротилась съ блѣдными щеками.
Мать пытаетъ: «Что съ тобою, дочка?
Почему такъ блѣдны твои щеки?»
Дочь въ отвѣтъ: «Охъ, дорогая, блѣдны!
Рой мнѣ яму, закопай поглубже,
Крестъ поставь, да на крестѣ томъ вырѣжь:
«Разъ она изъ рощи воротилась,
Воротилась съ красными руками:
Докрасна своими жалъ ихъ милый.
Какъ еще изъ рощи воротилась,
Воротилась съ красными губами:
Горячо такъ цѣловалъ ихъ милый.
Въ третій разъ изъ рощи воротилась,
Воротилась съ блѣдными щеками:
Познобилъ измѣною ихъ милый».

В. Авенаріусъ.

* * *

Разъ тайкомъ Ивановскою ночью
На побѣги озими зеленой
Навязала дѣвушка, въ раздумьѣ,
Разноцвѣтныхъ тонкихъ шелковинокъ:
По утрамъ все въ поле выходила,
О судьбѣ своей разузнавала.
Но смотрите, какова плутовка:
Черный стебель, стебель горя, выросъ, —
Всѣмъ она объ этомъ разсказала,
При другихъ тужила-горевала.
Красный стебель, стебель счастья, выросъ, —
Разсказала всѣмъ она съ весельемъ,

При другихъ смѣялась-веселилась;
А когда зеленый стебель выросъ,
Молодой любви желанный стебель, —
Вѣдь смолчала: радовалась въ сердцѣ!

В. Головинъ.

ЛЕБЕДЬ.

Іюньскій вечеръ въ облакахъ
Пурпуровыхъ горѣлъ,
Спокойный лебедь въ тростникахъ
Блаженный гимнъ запѣлъ.

Онъ пѣлъ о томъ, какъ сѣверъ милъ,
Какъ даль небесъ ясна,
Какъ день объ отдыхѣ забылъ,
Всю ночь не зная сна;

Какъ подъ березой и ольхой
Свѣжа густая тѣнь;
Какъ надъ прохладною волной
Въ заливѣ гаснетъ день;

Какъ счастливъ, счастливъ, кто найдетъ
Тамъ дружбу и любовь;
Какая вѣрность тамъ цвѣтетъ,
Рождаясь вновь и вновь.

Такъ отъ волны къ волнѣ порхалъ
Сей гласъ простой хвалы;
Подругу къ сердцу онъ прижалъ
И пѣлъ надъ ней средь мглы.

Пусть о мечтѣ твоей златой
Не будутъ знать въ вѣкахъ;
Но ты любилъ и пѣлъ весной
На сѣверныхъ волнахъ.

А. Блокъ.

У РУЧЬЯ.

На берегу твоемъ, ручей,
Слѣжу я облака,
Какъ ихъ ведетъ въ волнѣ твоей
Незримая рука.

Вотъ улыбнулось мнѣ одно,
Какъ розы первоцвѣтъ.
Прости! Уже ушло оно,
Ему возврата нѣтъ.

Но, столь же ясно и свѣтло,
Скользитъ другое — вотъ...
И съ той же быстротой прошло,
Исчезло въ свой чередъ.

Вотъ третья туча; но, мрачна
И тяжела на видъ,
Неспѣшно двигаясь, она
Твои струи мрачитъ.

И я, ручей, тебя готовъ
Сравнить съ душой моей:
Не мало свѣтлыхъ облаковъ
Промчалось и надъ ней;

Въ нее и тучи по пути
Свою бросали ночь,
Являлись быстро, но уйти,
Ахъ, не спѣшили прочь!

И пусть я зналъ навѣрняка,
Подъ бурей и въ тиши,
Что это — только облака,
Надъ зеркаломъ души;

Но свѣтъ и темная пора
Зависятъ все жъ отъ нихъ..
Когда же кончится игра,
Ручей, въ волнахъ твоихъ!

В. Брюсовъ.

ЛАРСЪ СТЕНБЕКЪ.

РОДИНА.

Съ тоской въ душѣ, потупя скорбный взоръ,
Шелъ молодой поэтъ по склонамъ горъ.
Финляндія была передъ глазами...
Но онъ любовь и гнѣвъ въ душѣ таилъ,
Онъ родину искалъ, а гдѣ же былъ
Родимый финновъ край?

Онъ проходилъ по шумнымъ городамъ,
Но чужестранцемъ онъ казался тамъ:
Тамъ блескъ и шумъ печальный духъ томили...
Тамъ могъ найти онъ все, чего желалъ,
И лишь одно напрасно онъ искалъ:
Родимый финновъ край!

Онъ сталъ бродить въ тиши окрестныхъ селъ,
Гдѣ Божій міръ кругомъ такъ пышно цвѣлъ,
Но все мертвилъ духъ лживый подражанья.
Нѣтъ! Суоми душа тамъ не жила!
И суета въ оковахъ погребла
Родимый финновъ край.

И онъ ушелъ тогда въ ущелья горъ,
Любовь и гнѣвъ тая, потупя взоръ,
Ушелъ далеко, въ темный сумракъ лѣса.
Чу! шумъ вѣтвей, пѣвучій шумъ лѣсной...
Онъ что поетъ? Онъ сонъ разсѣетъ твой,
Родимый финновъ край?

И встрѣтилъ юноша людей въ лѣсахъ,
Живущихъ въ крытыхъ торфомъ шалашахъ,

Но въ чьихъ глазахъ горѣлъ огонь здоровья.
Знакомый міръ привѣтливъ былъ и милъ,
И понялъ юноша, что̀ сохранилъ
Родимый финновъ край.

И стала пѣснь въ груди его звучать;
Какъ птица вольный, онъ запѣлъ опять,
Восторгу, сѣрыя, внимали горы . . .
«Я родину свою искалъ, — и вотъ
Подъ кровлей скромной хижины живетъ
Родимый финскій край!»

Е. Сырейщикова.

Е. ФОНЪ-КВАНТЕНЪ.

ФИНСКАЯ ПѢСНЬ.

(Пѣсня Суоми.)

Вздоховъ вѣтра тиховѣйнѣй
Льется пѣснь въ чертогахъ Вейне:
Это — финновъ пѣснь!
Слышишь сосенъ старыхъ шопотъ?
Слышишь водъ глубокихъ ропотъ?
Это — финновъ пѣснь!

Надъ снѣгами, яркимъ свѣтомъ,
Въ полночь солнце свѣтитъ лѣтомъ:
Это — финновъ пѣснь!
Небо надъ земнымъ молчаньемъ
Блещетъ сѣвернымъ сіяньемъ:
Это — финновъ пѣснь!

Чу! ручей журчитъ въ долинахъ,
Въ голубикахъ и въ калинахъ:
Это — финновъ пѣснь!
Слышишь эхо горъ лѣсистыхъ,
При мерцаньи звѣздъ лучистыхъ?
Это — финновъ пѣснь!

Всюду — отзвукъ пѣсни нѣжной,
Той же, грустной и безбрежной:
Это — финновъ пѣснь!
Ей твой духъ, коль онъ не дремлетъ,
Пусть въ тоскѣ и счастьѣ внемлетъ!
Слушай финновъ пѣснь!

Е. Сырейщикова.

3. ТОПЕЛІУСЪ.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Погашенъ въ лампѣ свѣтъ, и ночь спокойна и ясна,
На памяти моей встаютъ былыя времена,
Плывутъ сказанья въ вышинѣ, какъ перья облаковъ,
И въ сердцѣ странно и свѣтло, печально и легко.

И звѣзды ясно смотрятъ внизъ, блаженствуя въ ночи,
Какъ будто смерти въ мірѣ нѣтъ, спокойны ихъ лучи.
Ты понялъ ихъ языкъ безъ словъ? Легенда есть одна,
Я научился ей у звѣздъ, послушай, вотъ она:

Далеко, на звѣздѣ одной, въ величьи зорь онъ жилъ,
И на звѣздѣ другой — она, среди иныхъ свѣтилъ.
И Салами звалась она, и Зуламитъ былъ онъ,
И ихъ любовь была чиста, какъ звѣздный небосклонъ.

Они любили на землѣ въ минувшіе года,
Но прѣхъ и горе, ночь и смерть ихъ развели тогда.
Въ покоѣ смерти крылья имъ прозрачныя даны,
И жить на разныхъ двухъ звѣздахъ они осуждены.

Сны другъ о другѣ въ голубой пустынѣ снились имъ,
Межъ ними — солнечный просторъ сіялъ, неизмѣримъ;
Неисчислимые міры, созданье рукъ Творца,
Горѣли между нимъ и ей въ сіяньи безъ конца.

И Зуламитъ въ вечерній часъ, сжигаемый тоской,
Отъ міра къ міру строить мостъ задумалъ свѣтовой;
И Салами въ тоскѣ, какъ онъ, — и стала строить мостъ
Отъ берега своей звѣзды — къ нему, чрезъ бездну звѣздъ.

Съ горячей вѣрой сотни лѣтъ упорный длился трудъ,
И вотъ — сіяетъ Млечный Путь, и звѣздный мостъ сомкнутъ;

Весь охвативъ небесный сводъ, въ зенитъ уходитъ онъ,
И берегъ съ берегомъ другимъ теперь соединенъ.

И херувимовъ страхъ объялъ; они къ Творцу летятъ:
«О, Господи, что Салами и Зуламитъ творятъ!»
Но Всемогущій имъ въ отвѣтъ улыбкой просіялъ:
«Я не хочу крушить того, что жаръ любви сковалъ».

А Салами и Зуламитъ, едва оконченъ мостъ,
Спѣшатъ въ объятія любви, — свѣтлѣйшая изъ звѣздъ,
Куда ни ступятъ, заблеститъ на радостномъ пути,
Такъ послѣ долгихъ бѣдъ душа готова вновь цвѣсти.

И все, что радостью любви горѣло на землѣ,
Что горемъ, смертью и грѣхомъ разлучено во мглѣ, —
Отъ міра къ міру кинуть мостъ пусть только силъ найдетъ, —
Вѣрь, обрѣтетъ свою любовь, его тоска пройдетъ.

А. Блокъ.

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ ВЪ КАНГАСАЛА*.

Качаюсь на верхней вѣткѣ
И вижу съ высокихъ горъ,
Насколько хватитъ зрѣнья,
Сіянье синихъ озеръ.
Въ заливахъ Лэнгельмэнвеси
Блеститъ полоса, какъ сталь,
И нѣжныя волны Ройнэ,
Цѣлуясь, уходятъ вдаль.

Ясна, какъ совѣсть ребенка,
Какъ небо въ дѣтствѣ, синя,
Волнуется Весиэрви
Въ ласкающемъ свѣтѣ дня.
На лонѣ ея широкомъ —

---

* Изъ „Пѣсенъ птички" („Sylvias visor"). Кангасала — въ Тавастгусской губ. (недалеко отъ Таммерфорса). Въ текстѣ — названія озеръ, которыя видны съ горы Харьюла.

Цвѣтущіе острова,
Какъ мысли зеленой природы,
Ихъ нѣжитъ волнъ синева.

Но сосны сумрачнымъ кругомъ
Обстали берегъ крутой,
На рѣзвую дѣтскую пляску
Такъ смотритъ мудрецъ сѣдой.
Созрѣвшія нивы клонятъ
Лицо къ озернымъ зыбямъ,
Цвѣты луговые дышатъ
Навстрѣчу лѣтнимъ вѣтрамъ.

Финляндія, какъ печаленъ,
А все красивъ твой просторъ!
И златомъ и сталью блещетъ
Вода голубыхъ озеръ!
Звучитъ и печаль и радость
Въ напѣвахъ финской струны,
И въ мѣрномъ качаньи пѣсенъ —
Игра зыбучей волны.

Я — только слабая птичка,
Малы у меня крыла.
Была бъ я орломъ могучимъ
И къ небу взлетѣть могла, —
Летѣла бы выше, выше,
Къ престолу Бога-Отца,
Къ ногамъ Его припадая,
Молила бы такъ Творца:

Могучій Владыка неба,
Молитвѣ птички внемли:
Ты создалъ дивное небо!
Ты создалъ прелесть земли!
Сіять родимымъ озерамъ
Въ огнѣ любви нашей дай!
Учи насъ, Великій Боже,
Учи насъ любить нашъ край!

А. Блокъ.

Франциля, 20 іюня 1859.

РАБОЧАЯ ПѢСНЯ.

Рабочіе-други, нашъ радостенъ трудъ
Финляндіи, матери нашей.
Мы мѣримъ глубины озеръ и запрудъ,
Мы правимъ ремесла и пашемъ.
Упорнымъ трудомъ
Мы ставимъ ей домъ,
Чтобъ мать не осталась на мѣстѣ пустомъ,
Въ нуждѣ не увяла,
Не стала рабой,
Отъ насъ получала
Свой хлѣбъ и покой.
Рабочіе-други, нашъ радостенъ трудъ
Финляндіи, матери нашей.

* * *

Прекрасная мать въ лучезарной красѣ
Насъ крѣпко къ груди прижимаетъ,
И сердца біенья мы слушаемъ всѣ,
Лишь только борьба затихаетъ.
Чтобъ долгъ отплатить,
Добро отдарить, —
Мать въ жемчугъ и въ золото надо рядить.
Въ потокъ полноводный
Ей любо смотрѣть;
Намъ — жить съ ней, свободной,
И съ ней умереть.
Прекрасная мать въ лучезарной красѣ
Насъ крѣпко къ груди прижимаетъ.

А. Блокъ.

ИМЯ ФИНЛЯНДІИ.

Прекраснъ свѣтила закатнаго свѣтъ
Надъ гладью померкшей залива:
На волнахъ вкругъ острова — золота слѣдъ;
Возносятъ лѣса свой вечерній обѣтъ,
И мѣсяцъ встаетъ боязливо.

По холмамъ и нивамъ кто пѣсни поетъ?
То юныя толпы тѣснятся.

Не знаютъ онѣ ни тревогъ, ни заботъ,
Но годы настанутъ, но время придетъ:
Какъ птицы онѣ окрылятся.

Но чу! прозвучалъ торжествующій зовъ,
И сразу замолклю движенье;
И, кажется, слышны напѣвы валовъ,
И, тихая, къ Богу молитва лѣсовъ,
И вздохъ полевого растенья.

Вотъ къ плотнымъ рядамъ человѣкъ подошелъ;
И рѣчь его — пламень багряный!
Онъ словно первичное слово нашелъ,
И лозунгъ спасательный, съ дола на долъ,,
Скользитъ, проницая туманы.

Будь на сердцѣ льдина, — предъ словомъ такимъ
Должна и она расколоться!
Надъ моремъ и сушей лучомъ молодымъ
Оно пролетаетъ; всѣмъ хочется съ нимъ
И жить, и любить, и бороться!

Чело обнажая, толпа замерла,
Молчитъ и стоитъ недвижимо.
Но сердце стучитъ, и, прозрачно-свѣтла,
Любыя рѣсницы слеза обожгла,
На землю спадая незримо.

Гремящее слово, за мигами мигъ,
Все дальше летитъ вдоль равнины,
И вотъ безграничный, ликующій крикъ,
Какъ трубный призывъ, надъ народомъ возникъ:
«Нашъ край!» * — этотъ возгласъ единый.

Храни же глубоко тотъ возгласъ: «Нашъ край!»
И выпей до дна эту чашу!
Тотъ лозунгъ до смерти своей сохраняй,
Всю кровь, и всю жизнь, и все сердце отдай
«За край нашъ! за родину нашу!»

Финляндія, юноша! — общая мать.
То имя да будетъ святыней!

---

* Гимнъ Финляндіи, стих. І. Рунеберга

И, жизнь получивъ, ты обязанъ отдать
Ей жизнь, если надо. Клянись защищать
Честь матери вѣчно и нынѣ.

Прекраснъ свѣтила закатнаго свѣтъ
Надъ гладью померкшей залива.
Да приметъ оно твой священный обѣтъ,
И пусть, за любовь твою, вспыхнетъ разсвѣтъ
И ночь задрожитъ боязливо!

В. Брюсовъ.

13 мая 1848 г.

РАЗСКАЗЫ ФЕЛЬДШЕРА.

(ВТОРОЙ ЦИКЛЪ.)

1. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ одинъ прекрасный весенній день въ концѣ мая 1656 года въ одномъ изъ юго-западныхъ приморскихъ приходовъ Финляндіи по узкой тропинкѣ пробирался одинокій всадникъ. Его лица почти не было видно изъ-подъ широкихъ полей шляпы, съ которой спускалось небольшое голубое перо, мягко развѣвавшееся по вѣтру и указывавшее на то, что всадникъ благороднаго происхожденія и что онъ, во всякомъ случаѣ, воинъ. Этому предположенію не противорѣчило богато расшитое сѣдло, серебряныя стремена и изящные желтые ботфорты съ позолоченными шпорами. Короткій плащъ изъ темнаго бархата скрывалъ фигуру всадника, но судя по его ловкимъ движеніямъ и по тому нетерпѣнію, съ которымъ онъ отводилъ свѣшивавшіяся вѣтви березъ, преграждавшія ему дорогу, можно было заключить, что это юноша, который еще не привыкъ спокойно относиться къ препятствіямъ на жизненномъ пути. Однако, мелкій лѣсъ сталъ настолько густъ, и полуобнаженныя вѣтви березъ настолько назойливы, что всадникъ долженъ былъ наконецъ спѣшиться и вести подъ уздцы своего коня черезъ стволы упавшихъ деревьевъ и густыя заросли кустарника. Но вотъ наконецъ между зеленью засверкала вода, и вскорѣ открылся видъ на зеркальную поверхность залива, освѣщеннаго солнцемъ; этотъ глубокій заливъ былъ однимъ изъ очаровательныхъ капризовъ моря, которыми такъ часто можно любоваться на этомъ побережьѣ Финляндіи. Эта картина скорѣе напоминала озеро, нежели море; берега извивались необыкновенно прихотливо, то заключая водяную поверхность въ тѣсныя бухты и узкіе проливы, то вдругъ расширяясь и открывая водѣ широкій просторъ.

Всадникъ бросилъ нетерпѣливый и испытующій взоръ на море и сталъ прислушиваться. Вскорѣ изъ-за зеленаго мыса послышался ясный, свѣжій голосъ, который пѣлъ одну изъ пѣсенъ веселыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ печальныхъ, родившихся, подобно водянымъ лиліямъ, на берегу моря и созданныхъ волнами и одиночествомъ, неизвѣстно какъ и когда. Можно было различить слѣдующія слова:

Тебя ждала я, другъ мой милый,
Какъ птичка ждетъ сіянья дня...

При звукахъ этой пѣсни юноша снялъ съ себя шляпу и нѣсколько разъ помахалъ ею въ воздухѣ. При этомъ онъ обнажилъ голову съ прекрасными изсиня-черными волосами и открылъ прелестное лицо въ самомъ расцвѣтѣ молодости, на которомъ сверкали черные глаза, такіе живые и жгучіе, какіе могутъ быть только у южанъ. Надъ его верхней губой едва замѣтно пробивался пушокъ; его губы, которымъ время и жизнь, быть можетъ, впослѣдствіи придадутъ горькое выраженіе, теперь носили отпечатокъ юной свѣжести. Но вотъ изъ-за мыса словно стрѣла вылетѣла лодка съ сидящей въ ней дѣвушкой, которая пѣла начало слѣдующей пѣсни:

Въ душѣ тоска, и сердце бьется,
Какъ бьются волны о скалу...

Но тутъ она замѣтила на берегу молодого человѣка, и пѣніе ея вдругъ оборвалось, но зато тѣмъ быстрѣе начала она грести, и лодка понеслась такъ, что подъ носомъ зашипѣла вода. Съ легкостью водяной птицы несся челнъ по заливу; и скоро онъ причалилъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ молодой незнакомецъ. Привязавъ лошадь къ стволу дерева, онъ ждалъ приближенія лодки и ухватился за нее, чтобы она не толкнулась о берегъ, затѣмъ онъ съ силой оттолкнулъ ее отъ берега и въ то же время прыгнулъ въ нее и сѣлъ на узкую скамью рядомъ съ молодой дѣвушкой. Онъ взялъ у нея одно весло, и они начали грести вдвоемъ, направляясь къ острову, который находился вблизи противъ берега. Они обмѣнялись немногими словами, но видно было по неровной греблѣ, что то одинъ, то другой, а иногда и оба за разъ забывались. Они употребили почти полчаса на то, чтобы переправиться черезъ тотъ же проливъ, черезъ который молодая дѣвушка только что переправилась менѣе чѣмъ въ десять минутъ. Разъ какъ-то случилось даже, что юноша совсѣмъ пересталъ грести, а такъ какъ молодая дѣвушка продолжала работать весломъ, то лодка начала вертѣться на одномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, — засмѣялась дѣвушка, — это никуда не годится! Вы совсѣмъ не умѣете владѣть весломъ. Почему же вы не гребете?

— Потому что я смотрю на тебя, — отвѣтилъ юноша невинно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ задушевно, что щеки молодой дѣвушки ярко зардѣлись.

— Дайте мнѣ ваше весло; мнѣ будетъ удобнѣе грести двумя веслами.

— Ну, хорошо, греби, а я буду править.

И съ этими словами юноша пересѣлъ на корму и мечтательно устремилъ свои блестящіе глаза на бѣлокурую головку молодой дѣвушки, нѣжныя черты лица которой были полной противоположностью его чертамъ. Теперь дѣло пошло лучше, и лодка быстро понеслась впередъ, потому что молодая дѣвушка усердно гребла, не смѣя поднять своихъ глазъ изъ боязни встрѣтить его жгучій взоръ, который онъ не сводилъ съ нея. Наконецъ она собралась съ духомъ и сказала съ оттѣнкомъ досады:

— Если вы такъ будете смотрѣть на меня, то я перестану грести. Зачѣмъ вы такъ на меня смотрите?

— Потому что ты такая прелестная.

— Вы это находите? — спросила молодая дѣвушка, задорно закидывая свою головку. — Знаете, что мнѣ говорила мама, когда я была маленькой и смотрѣлась въ зеркало? Кошечка хорошенькая, но не ты, говорила она.

— Но ты стала гораздо красивѣе съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Подумай, Грета, вѣдь прошло цѣлыхъ два года съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ въ Майніеми. Да и теперь мнѣ не удалось бы увидать тебя, если бы Яна не шепнула мнѣ въ замкѣ, что ты будешь сегодня здѣсь, гдѣ мы и раньше видѣлись съ тобой. Но ты не сказала мнѣ ни одного добраго слова; ты такая нехорошая сегодня, ты злая. Ты не любишь меня больше...

— Стоитъ ли говорить обо мнѣ? Вѣдь вы такъ долго были въ Стокгольмѣ, вы были пажемъ у королевы Керстинъ и были при дворѣ короля... Развѣ будете вы обращать вниманіе на такую простую дѣвушку... Никогда не повѣрю я этому!

— Стокгольмъ... Да, объ этомъ есть кое-что поразсказать. И когда-нибудь я разскажу тебѣ. Но знаешь ли ты, что я уже завтра отправляюсь на войну въ Польшу?

— Что вы говорите? Вы отправляетесь на войну? Но вѣдь вы такъ молоды, вамъ всего семнадцать лѣтъ! Неужели вы будете убивать людей и, можетъ быть, сами будете убиты? Фи, это

безбожно, это отвратительно... — И при этихъ словахъ Грета перестала грести, и лодка почти остановилась.

— Вотъ видишь ли, — продолжалъ юноша серьезно,—у насъ война и на родинѣ, и тамъ далеко. Левенхауптъ двинулся на русскихъ къ Выборгу, и вначалѣ предполагалось, что я послѣдую за нимъ. Но мой отецъ написалъ изъ Польши, чтобы я ѣхалъ туда, — вѣдь ты знаешь, онъ состоитъ полковникомъ при штабѣ короля. Послѣзавтра отправляется корабль изъ Або въ Ригу, и вотъ я пріѣхалъ сюда, чтобы попрощаться съ тобой и со своимъ роднымъ домомъ. Но ты отталкиваешь меня, ты ненавидишь меня... Ты даже не говоришь мнѣ больше ты...

— Какъ же мнѣ говорить вамъ ты. Вы такой важный господинъ... графъ, а ваша мать была княжной...

— А моя бабушка была крестьянской дочерью... Вѣдь ты не знаешь нашей родословной. Да, это правда, мой отецъ достигъ очень высокаго положенія, благодаря королевѣ Кристинѣ и своимъ подвигамъ, а также благодаря тѣмъ богатствамъ, которыя онъ пріобрѣлъ во время нѣмецкой войны и благодаря моей матери. Правда, что онъ гордый, очень гордый, и, можетъ быть, что и я такой же гордый, какъ и онъ. Но когда я смотрю на тебя и вспоминаю, какъ мы играли съ тобой, когда были дѣтьми, и какъ сильно мы любили другъ друга, и когда я думаю о томъ, что среди всего великолѣпія придворной жизни всегда носилъ твой образъ въ своемъ сердцѣ и ты осталась для меня моей первой, единственной и вѣчной любовью, тогда, Грета, я забываю, что ты не болѣе, какъ дочь управляющаго, а я Бернхардтъ, графъ Бертельшёльдтъ; я совсѣмъ забываю о томъ, что я когда-нибудь получу въ наслѣдство три прихода въ Финляндіи и три города въ Лифляндіи, а также унаслѣдую титулъ нѣмецкаго владѣтельнаго князя отъ моей матери, — какое мнѣ дѣло до всего этого, если ты больше не любишь меня и не называешь меня больше своимъ милымъ Бернхардомъ, какъ раньше, когда ты обѣщала быть моей и любить меня всю жизнь. Скажи, неужели ты забыла меня, пока меня здѣсь не было?

Говоря это, юноша смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ такой безграничной любви въ своихъ темныхъ глазахъ, этомъ южномъ наслѣдіи, полученномъ имъ отъ матери, и онъ былъ въ это мгновеніе такъ обворожительно прекрасенъ, что бѣдная Грета, вмѣсто отвѣта, принялась опять грести съ такой силой и такъ успѣшно, что лодка въ слѣдующее мгновеніе сильно ударилась о берегъ, и въ корму захлестнула вода. Дѣвушка быстро выскочила изъ лодки и, протягивая своему рыцарю руку, она со смѣхомъ сказала, что плащъ его совсѣмъ мокрый. Однако, какъ не старалась она не-

замѣтно поднести къ глазамъ кончикъ платка, который былъ у нея на шеѣ, молодой графъ замѣтилъ двѣ ясныя предательскія слезы, которыя скатились по ея розовымъ щекамъ.

— Пойдемъ въ эту избушку, — сказала она быстро, указывая на разрушенную хижину, которую наполовину скрывали березы и клены и которая едва виднѣлась на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега.

Юноша не удерживалъ ее, но, не выходя изъ лодки, онъ оттолкнулся отъ берега.

— Иди къ Янѣ! — сказалъ онъ. — Зачѣмъ мнѣ итти съ тобой, разъ ты меня больше не любишь?

— Что вы хотите дѣлать! — смущенно воскликнула молодая дѣвушка, пораженная и въ то же время раздосадованная. — Вѣдь лодка почти наполнена водой; вѣдь она перевернется!

— Не все ли равно, гдѣ я умру, здѣсь или въ Польшѣ, разъ тебѣ нѣтъ больше никакого дѣла до меня!

И при этомъ юноша покачнулся нечаянно или нарочно, такъ что лодка зачерпнула еще больше воды и едва держалась на поверхности.

— Какъ можете вы быть такимъ злымъ! — воскликнула дѣвушка, тщетно стараясь сохранить спокойствіе. — Подъѣзжайте скорѣе, выходите на берегъ, я вамъ что-то скажу.

— Не выйду до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь мнѣ «ты» и не пообѣщаешь любить меня, какъ прежде.

— Ну, хорошо... Бернхардъ, ты самый противный мальчикъ, какого я когда-либо знала, и все-таки я не могу не любить тебя...

Услыша это, молодой графъ быстро причалилъ къ берегу, но въ то же мгновеніе лодка перевернулась. Молодая дѣвушка громко вскрикнула, но опасности почти не было никакой—глубина у берега была не болѣе локтя, и юноша въ два прыжка очутился на берегу и бросился Гретѣ на шею. И оба разразились слезами, и они плакали такъ, какъ только можно плакать въ семнадцать лѣтъ, когда юное сердце полно любовью.

2. ХИЖИНА ЧЕРНОЙ ЯНЫ.

Вода! Одна вода! — раздался голосъ позади молодыхъ людей. — И слезы эти высохнутъ раньше, чѣмъ высохнетъ бархатъ на плащѣ. Любовь пройдетъ, прежде чѣмъ завянетъ эта молодая листва. Молодость забываетъ свое долгое будущее ради единаго біенія сердца въ опьяняющемъ мгновеніи!

Молодые люди въ смущеніи отошли другъ отъ друга, стараясь

скрыть свои слезы. Позади нихъ стояла старая женщина съ очень странной наружностью; вылинявшій черный шлыкъ прикрывалъ ея сѣдые волосы и часть ея увядшаго лица; такое же вылинялое черное платье еще рѣзче оттѣняло необыкновенную блѣдность лица и необыкновенную бѣлизну рукъ. Несмотря на бѣдность одежды, на ней не было ни дыръ, ни лохмотьевъ; несомнѣнная чистоплотность и аккуратность, которыми отличалась внѣшность старухи, указывали на то, что она, при всей своей крайней бѣдности, еще не забыла лучшихъ дней.

Черная Яна, какъ ее всѣ называли вслѣдствіе ея неизмѣнной черной одежды, была вдовой отставного солдата; много лѣтъ тому назадъ она переселилась на этотъ островокъ, который ей подарилъ вмѣстѣ съ хижиной въ пожизненное владѣніе богатый графъ изъ Майніеми. Въ сущности, никто не могъ сказать про нее ничего дурного; она поддерживала свое существованіе главнымъ образомъ тѣмъ, что получала изъ замка, но она имѣла еще маленькій какъ бы побочный заработокъ: она гадала по рукѣ, разыскивала украденныя вещи, указывала на слѣдъ вора и тому подобное. Однако, благодаря царившему въ тѣ времена всеобщему суевѣрію, люди не могли не смотрѣть на эту маленькую ворожбу, какъ на нѣчто страшное, тѣмъ болѣе, что Яна была по происхожденію нѣмка и, какъ многіе думали, исповѣдывала католическую религію. Шопотомъ разсказывали, что ея мужъ солдатъ во время Тридцатилѣтней войны принималъ участіе въ страшныхъ и кровавыхъ дѣлахъ, и что онъ зарылъ кладъ, пріобрѣтенный безчеловѣчными грабежами; что Яна знала объ этомъ, и что совѣсть не давала ей покоя, а потому она и проводила свою старость въ самомъ строгомъ покаяніи, искупая грѣхи мужа. Но все это были лишь слухи, подтвердить которые съ увѣренностью никто не могъ; знали только навѣрное, что теперь у нея оставалось только одно живое существо на всемъ свѣтѣ, къ которому она относилась съ довѣріемъ и съ любовью, и это была прекрасная Грета управляющаго, зѣница ока старой Яны, имѣвшая постоянный доступъ въ ея одинокую хижину. Однако, никто не зналъ, что и молодой графъ, привязанный къ Гретѣ дѣтской любовью, также пользовался нѣкоторымъ дружелюбіемъ со стороны Яны и потихоньку также посѣщалъ ее вмѣстѣ съ Гретой.

— Пожалуйста, перестань дразнить насъ, матушка, — сказала наконецъ Грета, поборовъ свое смущеніе и переходя на шутливый тонъ. — Лучше проведи насъ въ твою хижину, это самая меньшая любезность, которую ты можешь оказать званымъ гостямъ.

И при этихъ словахъ она обхватила старуху за талію и шаловливо повертѣлась съ ней на одномъ мѣстѣ.

— Ахъ, молодость, молодость! — ворчала Яна, которая, однако, привыкла къ шалостямъ молодой дѣвушки. — Ну, идите, идите! Оставаться здѣсь то же самое, что играть въ голубя и коршуна. Дѣло въ томъ, что если бы твой отецъ зналъ, что вы здѣсь, то изъ этого вышло бы мало хорошаго, — прибавила она, многозначительно посмотрѣвъ на Грету.

— Отецъ уѣхалъ въ Або и, вѣроятно, вернется только поздно вечеромъ, — отвѣтила дѣвушка съ нѣкоторой неувѣренностью.

— Ну, въ такомъ случаѣ, войдите ко мнѣ. Вѣдь маленькій графчикъ весь мокрый, какъ рыба.

«Маленькій графчикъ» не спускалъ глазъ съ Греты и не слышалъ ни одного слова. Всѣ вошли въ хижину, которая стояла на пригоркѣ среди густой листвы деревьевъ. Внутри хижина имѣла такой же бѣдный видъ, какъ и снаружи; вся ея обстановка состояла изъ кровати, стола, двухъ стульевъ и большого дубоваго сундука; но на стѣнѣ висѣли двѣ драгоцѣнныя гравюры, изъ которыхъ одна изображала Паппенгейма верхомъ на конѣ, а другая поясной портретъ Густава-Адольфа, написанный Ванъ-Дейкомъ и гравированный на мѣди знаменитымъ Понтіусомъ. На противоположной стѣнѣ висѣло грубое, вырѣзанное изъ дерева, нюрнбергской работы, изображеніе Дѣвы Маріи съ Младенцемъ на рукахъ.

Яна предложила своимъ гостямъ вполнѣ домашнее угощеніе: клюкву въ можжевеловомъ сиропѣ и березоваго соку въ глиняной кружкѣ. Потомъ она вышла изъ хижины за дровами для очага, какъ она сказала.

— Какъ ты думаешь, — сказалъ графъ Бернхардъ, посмотрѣвъ вслѣдъ старухѣ, — она хорошо относится къ намъ? Ты увѣрена, что она не выдастъ насъ твоему отцу или моему? Это было бы то же самое, что воздвигнуть между нами высокую стѣну изъ камня.

— Мнѣ кажется, — сказала молодая дѣвушка, — что Яна искренно желаетъ намъ добра. Она любитъ насъ. О, я знаю то, чего никто другой не знаетъ! Ее считаютъ за колдунью, а между тѣмъ она просто много перестрадала и много видѣла на своемъ вѣку, а потому она имѣетъ способность заглядывать въ будущее и видѣть тамъ болѣе другихъ. Отецъ очень золъ на нее; я осмѣливаюсь навѣщать Яну только тогда, когда отецъ уѣзжаетъ изъ дому. Онъ былъ бы способенъ сжечь ее на кострѣ, какъ вѣдьму, если бы онъ только узналъ, что я вижусь съ ней здѣсь.

— Но, Грета, любишь ли ты меня дѣйствительно? — прервалъ

ее юноша, слѣдуя ходу своихъ мыслей. — Вотъ видишь ли, завтра я уѣзжаю за сотни миль отсюда, я долженъ знать, для чего я буду жить и за что я буду бороться.

— Ты забудешь меня, Бернхардъ, — сказала молодая дѣвушка задумчиво. — Никогда, никогда я не буду твоей женой... Я...

— Если ты будешь такъ говорить, то я сейчасъ же уйду. Мой отецъ сынъ крестьянки, а онъ женился на княжеской дочери. Неужели же разница между тобой и мной больше, чѣмъ между нимъ и его женой? А ты вѣдь прекраснѣйшая изъ розъ и...

Грета улыбнулась странной улыбкой, и въ углахъ ея глазъ засверкали двѣ прозрачныя слезы.

— Ну, еще что! — сказала она. — Никогда раньше ты не говорилъ такъ, Бернхардъ. Ужъ не выучился ли ты этому въ Стокгольмѣ? Нѣтъ, слушай лучше, что я тебѣ теперь скажу. Думай обо мнѣ, какъ о сестрѣ, иначе и быть не можетъ, а я буду думать о тебѣ, какъ птичка думаетъ зимою о минувшемъ лѣтѣ.

— Ты мнѣ не вѣришь, но я заставлю тебя повѣрить! Пусть Яна поворожитъ намъ, она умѣетъ ворожить. Хочешь побьемся объ закладъ?

— На что?

— Вотъ видишь это кольцо на моемъ пальцѣ? Оно такъ сверкаетъ на солнцѣ, словно сковано изъ лучей звѣздъ. Когда королева Кристина уѣхала въ чужіе края, она сдѣлала подарокъ каждому пажу. Мнѣ она дала это кольцо, и оно стоитъ по крайней мѣрѣ тысячу талеровъ. Такъ вотъ мы побьемся объ закладъ. Если Яна наворожитъ, что я когда-нибудь полюблю кого-нибудь другого, кромѣ тебя, то кольцо будетъ твое. Но если она наворожитъ другое, въ чемъ я увѣренъ, то ты дашь мнѣ... ну хотя бы этотъ цвѣточекъ, который ты приколола къ своей груди, — это будетъ означать, что мы будемъ жить надеждой.

— Вотъ это было бы хорошо! Неужели ты думаешь, что я рѣшилась бы взять брильянты и принять королевскій подарокъ? Лучше обѣщай мнѣ то мѣдное кольцо, которое всегда носитъ твой отецъ: это какъ разъ для меня.

— Ты сама не знаешь, чего ты просишь, Грета! Мой отецъ очень цѣнитъ это мѣдное кольцо, и никто не знаетъ, почему. Бернхардъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, рано или поздно, я умру скоропостижно, какъ твоя мать. Тогда ты прежде всего долженъ позаботиться объ этомъ кольцѣ, береги его, ибо счастье всей твоей жизни зависитъ отъ этого. Больше я ничего не могъ узнать отъ него, но... развѣ можетъ быть для меня какое-нибудь счастье

безъ тебя? Если когда-нибудь мѣдное кольцо будетъ принадлежать мнѣ, то я охотно отдамъ его тебѣ, если я только теперь проиграю тебѣ закладъ. Вотъ тебѣ моя рука на этомъ.

— Но ты пожалѣешь объ этомъ, Бернхардъ.

— Вѣдь я обѣщалъ тебѣ это. Но и ты должна мнѣ обѣщать цвѣточекъ.

— Хорошо. А теперь... съѣшь эту ягоду.

Въ эту минуту Яна вошла съ дровами, и скоро на очагѣ весело запылалъ огонь. Старуха взяла бархатный плащъ графа и повѣсила его сушиться. Послѣ этого она поставила стулъ передъ очагомъ и заставила Бернхарда сѣсть на него.

— Ну вотъ, теперь мы сперва высушимъ эти прекрасные сапоги. Ну на что вы похожи?! Ни дать, ни взять — окунь, котораго только что вытащили на берегъ. Да, видно, что вы привыкли шалить, но здѣсь съ вами церемониться не будутъ!

— Дѣлайте, что хотите, матушка Яна, я буду слушаться васъ, какъ ребенокъ, но вы должны исполнить только одну мою просьбу: погадайте Гретѣ и мнѣ.

— Погадать вамъ? Нѣтъ, послушайте, бросьте-ка лучше эту затѣю. Человѣку нѣтъ никакой пользы заглядывать въ будущее. Это только вредитъ ему, да и грѣшно это.

— И это говорите вы, Яна, а вѣдь вы гадаете всему приходу!

— Ну, это совсѣмъ другое дѣло. Дѣвушкамъ я гадаю о женихахъ и за это получаю отъ нихъ пару чулокъ. Женщинамъ я гадаю, хорошо ли имъ удастся выткать полотно, а старикамъ, хорошій ли будетъ урожай, и за это я получаю нѣсколько ковригъ хлѣба или кружку молока... Но гадать вамъ, — нѣтъ лучше бросьте это... Это вамъ совѣтуетъ та, которая желаетъ вамъ добра.

— Но я хочу непремѣнно, чтобы вы погадали, Яна. Если вы не исполните моего желанія, то я сейчасъ же уйду и никогда больше къ вамъ не приду.

— Ну, ну, мой милый графчикъ... Вы настоящій огонь! Давайте вашу руку и пеняйте на самого себя.

Графъ Бернхардъ протянулъ старухѣ руку, которая, несмотря на свою изящную форму, была покрыта загаромъ.

Старуха внимательно стала смотрѣть на ладонь, считала линіи и морщинки, и въ это время лицо ея то прояснялось, то омрачалось.

— Счастье! — восклицала она прерывисто, — такой же успѣхъ, какъ у отца, мой молодой графчикъ... и даже больше... Вы достигнете высокаго положенія... очень высокаго... князья

и принцы будутъ считать васъ равнымъ себѣ... и все-таки, въ концѣ-концовъ, вы падете, и паденіемъ вашимъ вы будете обязаны только самому себѣ...

— Хорошо, — прервалъ ее нетерпѣливо юноша. — Дальше Скажите, Яна, полюблю ли я когда-нибудь кого-нибудь другого, кромѣ одной единственной.

Яна посмотрѣла на него вопросительно и даже нѣсколько насмѣшливо.

— Вамъ семнадцать лѣтъ, — сказала она, — я понимаю. Но разъ вы хотите откровеннаго отвѣта, то я и исполню ваше желаніе. Вы полюбите не одинъ разъ, и не два раза, а множество разъ...

— Это невозможно, ты это говоришь только для того, чтобы разсердить меня, — прервалъ ее юноша, весь вспыхнувъ.

— Да, но дѣло въ томъ, что я это ясно читаю по этимъ чертамъ на ладони. Разъ, два, три... вотъ эта черта означаетъ принцессу... четыре, пять... а вотъ и особа королевской крови... шесть, семь, а это комедіантка, и тогда вы уже будете женаты... десять, одиннадцать, двѣнадцать... нѣтъ, я и конца не вижу вашимъ любовницамъ!

— Онъ отдастъ свое сердце двѣнадцати женщинамъ! — воскликнула молодая дѣвушка, которая стояла рядомъ съ Яной, и въ голосѣ ея промелькнула насмѣшка, но вмѣстѣ съ тѣмъ послышалась и грусть. — Ты слышишь, Бернхардъ, двѣнадцать!

— Это неправда, это ложь, въ одиннадцати случаяхъ это ложь! — повторилъ молодой графъ въ полномъ смущеніи.

— Хотите еще что-нибудь услышать? — продолжала Яна безжалостно. — Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... тогда вы будете стоять на самой вершинѣ, какъ разъ передъ вашимъ паденіемъ. Шестнадцать, семнадцать... эта черта сливается съ первой... Въ концѣ концовъ вы найдете свою первую любовь, но боюсь, что къ тому времени и у васъ, и у нея будутъ уже сѣдые волосы.

— Пятнадцать разъ ложь! Шестнадцать разъ ложь! — воскликнулъ графъ Бернхардъ внѣ себя отъ замѣшательства и досады. — Пусть тебя поглотятъ злые духи, старая колдунья!

И съ этими словами юноша выбѣжалъ изъ хижины.

— Прощай, Грета! Завтра рано утромъ мы увидимся съ тобой въ паркѣ у замка. Мѣдное кольцо будетъ принадлежать тебѣ! — крикнулъ онъ, стоя въ дверяхъ. Потомъ онъ подбѣжалъ къ лодкѣ, бросился въ нее, быстро переправился на противоположный берегъ, рискуя нѣсколько разъ перевернуться. Выйдя на бе-

регъ. онъ отвязалъ свою лошадь, вскочилъ въ сѣдло и исчезъ въ лѣсной чащѣ.

Яна и молодая дѣвушка съ тревогой слѣдили за его неосторожной переправой.

— Ай, ай, что за горячая кровь! — вздохнула старуха и задумчиво покачала головой. — Конечно, жизнь его будетъ полна самой горячей борьбы.

— Онъ разсердился на васъ, Яна, — сказала молодая дѣвушка, чуть не плача. — Если бы вы сказали хоть два раза... Это онъ вамъ простилъ бы еще, но семнадцать... это было жестоко съ вашей стороны!

— Да развѣ это моя вина? — отвѣтила старуха, пожавъ плечами. — Однако, онъ взялъ лодку. Теперь ты должна остаться у меня до утра.

— Это невозможно. Отецъ возвращается вечеромъ, и если онъ узнаетъ, что я была у васъ, то вамъ не сдобровать.

— Но какъ же ты переправишься черезъ проливъ?

— А вотъ вы увидите, — отвѣтила дѣвушка бодро.

Она быстро сбросила съ себя одежду, плотно связала все въ узелъ, а узелъ привязала къ головѣ. Минуту спустя прозрачныя волны охватали ея бѣлыя плечи. Она плавала, какъ водяная птица... сверкающія струйки играли вокругъ ея шеи, и надъ поверхностью воды видна была только ея бѣлокурая головка. Десять минутъ спустя она благополучно вышла на противоположномъ берегу.

3. ЗАМОКЪ МАЙНІЕМИ.

Середина шестнадцатаго столѣтія была самымъ блестящимъ временемъ шведскаго и финскаго дворянства. Войдя въ силу благодаря своему происхожденію, различнымъ привилегіямъ и своимъ военнымъ подвигамъ; блистая при помощи новоприобрѣтенныхъ богатствъ и наслѣдственныхъ земель; пресытившись почестями и той добычей, которой оно завладѣло во время долгой войны въ чужихъ краяхъ, — дворянство во время царствованія королевы Кристины стало предъявлять такія претензіи и задаваться такими дерзкими планами и вообще держать себя съ такой неслыханной наглостью, какой оно еще не проявляло съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ имѣло власть раздавать короны. Въ то время, какъ оно протягивало правую руку за діадемой, оно не гнушалось лѣвой рукой присваи-

вать себѣ земли и власть. Ставъ между королемъ и народомъ, оно тяжело давило какъ вверхъ, такъ и внизъ, угрожая королю избирательнымъ правомъ, а народу крѣпостничествомъ. Напрасно Кристина, которая расточала все, за исключеніемъ того, чего у нея не было — сердечной доброты, — напрасно она разсыпала направо и налѣво дворянское достоинство безъ всякаго разбора, награждая имъ достойныхъ и недостойныхъ и въ такомъ количествѣ, что солдаты, кучера и повара заняли почетныя мѣста въ рыцарскомъ домѣ Швеціи. Договоры между міровыми рынками были самымъ полюжительнымъ образомъ въ выгоду аристократіи; она росла и выступала изъ береговъ, разрушая тѣ плотины, которыя пыталось воздвигать правительство и народъ, и она грозила наводнить все государство. И это чудовище, завладѣвшее такой властью и такимъ вліяніемъ, при всѣхъ своихъ ненасытныхъ притязаніяхъ, имѣло за собой столько дѣйствительныхъ заслугъ, носило въ своемъ сердцѣ столько благородства и чести, что даже двѣсти лѣтъ спустя два величайшихъ шведскихъ лѣтописца завязали горячую полемику по поводу того, которая чаша вѣсовъ перевѣситъ: чаша съ пользой, которую принесло государству шведское дворянство шестнадцатаго столѣтія, или чаша съ вредомъ.

Послѣ смерти Густава-Адольфа Тридцатилѣтняя война приняла болѣе дикій характеръ и болѣе опустошительный, чѣмъ когда-либо. Не было больше того гуманнаго отношенія, которое шведы проявляли даже къ побѣжденнымъ. Сражаясь не на животъ, а на смерть, побѣдители безъ всякаго милосердія брали все, что только можно было взять, и возвращались домой послѣ множества грабежей съ богатой добычей. Почти всѣ полководцы послѣ Густава-Адольфа, оставшіеся въ живыхъ и не промотавшіе такъ же быстро награбленное имущество, какъ они его пріобрѣли, снова возвратились въ Швецію съ несмѣтными богатствами, построили себѣ великолѣпные замки въ Стокгольмѣ или гдѣ-нибудь въ деревнѣ и до конца дней своихъ жили въ княжеской роскоши, сохраняя привычки воиновъ. Нѣкоторые изъ нихъ переселились въ отдаленную Финляндію, на берегахъ которой они возвели свои величественные замки изъ камня; однако, большей части изъ нихъ надоѣли охота, однообразныя деревенскія удовольствія и деревенская тишина; до тѣхъ поръ, пока у нихъ хватало на это силъ, они пировали при дворѣ Кристины или принимали участіе въ войнахъ Карла-Густава, сохраняя для Финляндіи послѣдній блескъ своей старости, готовясь быть, въ концѣ концовъ, похороненными подъ сводами Або скаго собора или въ семейныхъ склепахъ гдѣ-нибудь подъ сводами уединенной деревенской церкви. Послѣ ихъ вели-

TAYLOR INST.

колѣпныхъ помѣстій по большей части не осталось и слѣда, ихъ роскошные замки разрушило время и опустошительныя войны, но сотни церквей въ Финляндіи еще до сихъ поръ сохраняютъ печальные памятники этой блестящей аристократіи: мавзолеи и гербы, картины и надписи, люстры и церковную утварь, и эти кичливыя могильныя плиты, по которымъ теперь равнодушно ступаетъ нога прохожаго и на полуистертой надписи которыхъ всегда можно прочесть начальныя цифры года — 1 и 6.

Одно изъ этихъ помѣстій, которое свидѣтельствовало о такомъ величіи и такихъ богатствахъ, и блескъ котораго померкъ въ позднѣйшее время вмѣстѣ съ блескомъ дворянства, было Майніеми. Замокъ, выстроенный графомъ Густавомъ Бертельшёльдомъ годъ спустя послѣ заключенія Вестфальскаго мира, получилъ имя въ честь католической святой Маріи: Маріэнесъ (Марьинъ мысъ). Но простонародью это названіе было чуждо, и вскорѣ его передѣлали въ Марьяла и наконецъ въ Майніеми, — это имя такъ и осталось за замкомъ. Въ началѣ этого разсказа, въ 1656 году, замокъ Майніеми находился въ самомъ расцвѣтѣ своего блеска. Высокое трехъэтажное каменное зданіе съ крутой вогнутой мѣдной крышей и высокими обшитыми мѣдью башнями имѣло угрожающій средневѣковый видъ и взирало съ высокомѣріемъ на жалкія хижины, ютившіяся у его подножья. Начиная съ великолѣпнаго перрона и крыльца съ мраморной лѣстницей и кончая роскошными залами, украшенными щитами, гербами и лосиными рогами, темными винтовыми лѣстницами и маленькими комнатками въ башняхъ, а также оригинальной, въ древне-германскомъ стилѣ рѣзьбой на крышѣ и орнаментами на стѣнахъ, — все казалось въ одно и то же время расточительно богатымъ и такимъ своеобразно стариннымъ, что при видѣ этого замка скорѣе всего можно было представить себѣ, что онъ стоитъ въ самомъ сердцѣ Германіи, и что это одинъ изъ старинныхъ княжескихъ бурговъ, а не дворянское помѣстье на берегу финскихъ волнъ, среди сѣверной природы, въ мѣстности, гдѣ ютятся бѣдность и нужда.

Странное впечатлѣніе производилъ замокъ Майніеми. Прошло не болѣе шести или семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ выстроенъ, а онъ казался уже такимъ стариннымъ, словно существовалъ цѣлые вѣка. Можетъ быть, это происходило оттого, что его владѣлецъ, гордый графъ Бертельшёльдъ, очень мало жилъ въ своемъ помѣстьѣ; разгорѣлась новая война, и онъ отправился въ чужіе края, гдѣ его мужество и еще неослабѣвшая рука такъ нужны были его королю и отечеству. А можетъ быть, это происходило также и оттого, что ни одно женское существо не укра-

шалю замка и не смягчало того непріятнаго впечатлѣнія, какое производило это кичливое, суровое величіе рядомъ съ жалкой бѣдностью ветхихъ хижинъ, ютившихся тутъ же крутомъ.

* * *

Былъ шестой часъ утра. Величественныя стѣны замка Майніеми отражались въ зеркальной поверхности залива въ это прекрасное весеннее утро; не было ни малѣйшаго вѣтерка, и вода тихо лежала у подножія замка, почти омывая его стѣны. Ночью выпалъ благодатный майскій дождь, и вся природа сіяла молодостью и свѣжестью, воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ, и на всемъ лежалъ отпечатокъ бодрости и той юности, которая дѣлаетъ сѣверную весну такой обворожительной. Высоко въ облакахъ раздавались трели жаворонковъ, въ прозрачномъ воздухѣ быстро проносились ласточки, и ихъ бѣлыя грудки сверкали въ солнечныхъ лучахъ, а малиновка весело распѣвала въ блѣдно-зеленой, молодой листвѣ березъ.

Въ полѣ, за паркомъ, невдалекѣ отъ замка, работала кучка графскихъ крестьянъ-женщинъ, мужчинъ и дѣтей, — худыхъ, голодныхъ, одѣтыхъ въ отрепья. Въ средніе вѣка существованіе замка въ какой-нибудь мѣстности считалось большимъ несчастьемъ для всего населенія. Время измѣнило многое, законы пытались положить предѣлъ самовластью феодализма, но въ Финляндіи законы имѣли слишкомъ мало власти. Вельможи и ихъ фохты дѣлали все, что хотѣли, а если обиженный осмѣливался жаловаться, то отъ этого онъ самъ страдалъ больше всѣхъ и часто погибалъ. Такъ и здѣсь, даже въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ такимъ центромъ, какъ Або, гдѣ была высшая судебная инстанція, окружной судъ, народъ страдалъ отъ несправедливости и притѣсненій. Постройка замка Майніеми въ конецъ разорила все окрестное населеніе, а содержаніе роскошной усадьбы продолжало выжимать изъ обѣднѣвшаго народа послѣднія крохи, уцѣлѣвшія послѣ войны и голодныхъ годовъ. Весьма вѣроятно, что графъ Бертельшёльдъ не имѣлъ понятія объ ужасающей нищетѣ своихъ подчиненныхъ; вдали отъ родины, на войнѣ, онъ едва ли думалъ объ этомъ, и онъ былъ доволенъ тѣмъ, что его фохтъ въ опредѣленное время посылалъ ему значительныя суммы, которыя онъ, по обычаю того времени, расточалъ, вовсе не смущаясь тѣмъ, что эти деньги были выжаты изъ обнищавшихъ крестьянъ, отдававшихъ все до послѣдней нитки.

Въ это прекрасное майское утро крестьяне исполняли тяже-

лую и безконечную работу. Обширный паркъ, въ которомъ водилось много лосей и дикихъ козъ, разводимыхъ для графской охоты, обносился каменной оградой, вмѣсто стараго деревяннаго забора. Съ четырехъ часовъ утра рабочіе таскали камни и высоко нагромождали ихъ одинъ на другой, возводя каменную стѣну, а надсмотрщики, поставленные управляющимъ, находились тутъ же среди рабочихъ съ гибкими хлыстами изъ орѣшника и рябины, готовые, при первомъ признакѣ лѣни или непокорности со стороны рабочихъ, ударить ихъ въ назиданіе остальнымъ. Одна женщина, изнемогавшая отъ старости и голода, не могла такъ скоро, какъ этого требовалъ надсмотрщикъ, подвезти тачку съ мелкими камнями, которые предназначались для заполненія пустыхъ пространствъ между большими камнями; она заслужила недовольство надсмотрщика, и онъ нѣсколько разъ такъ сильно ударилъ ее хлыстомъ, что она упала, какъ подкошенная. Это произошло на глазахъ у сына женщины, мальчика лѣтъ четырнадцати, и онъ, обезумѣвъ отъ ярости, бросился на надсмотрщика и сталъ изо всѣхъ силъ царапать и бить его. Надсмотрщикъ, высокій широкоплечій человѣкъ, схватилъ мальчика за шиворотъ, бросилъ его на землю и сталъ немилосердно хлестать его. Нѣсколько крестьянъ, работавшихъ тутъ же по близости, бросили свою работу и стали заступаться за мальчика, угрожая надсмотрщику. Этотъ послѣдній окончательно вышелъ изъ себя и сталъ хлестать направо и налѣво. Одинъ изъ рабочихъ, которому ударъ пришелся по лицу, схватилъ надсмотрщика поперекъ тѣла, въ свою очередь повалилъ его на землю и сторицею воздалъ ему за тѣ удары, которые тотъ такъ щедро разсыпалъ. Но тутъ въ драку вмѣшались другіе рабочіе, и дѣло дошло до настоящаго бунта. Долго сдерживаемое озлобленіе наконецъ вырвалось наружу, рабочіе побросали свои инструменты, вооружились кольями, выдернутыми изъ деревяннаго забора, повалили на землю всѣхъ надсмотрщиковъ и стали ихъ бить безъ всякой пощады. Вѣроятно, дѣло кончилось бы тѣмъ, что надсмотрщиковъ забили бы до смерти, если бы появленіе новаго лица сразу не измѣнило настроенія толпы.

— Местеръ Адамъ! — воскликнулъ одинъ изъ рабочихъ, и это имя произвело магическое дѣйствіе на толпу. Въ одно мгновеніе всѣ побросали свои колья, избитыхъ надсмотрщиковъ оставили въ покоѣ, каждый торопливо бросился къ своей работѣ и со страхомъ оглядывался по сторонамъ, ожидая надвигающейся опасности.

Местеръ Адамъ, управляющій графа, наводящій на всѣхъ такой ужасъ, показался на аллеѣ, которая вела въ замокъ. Это

былъ высокій, мускулистый человѣкъ лѣтъ пятидесяти, по одеждѣ нѣчто среднее между бариномъ и крестьяниномъ. Его короткіе бѣлобрысые волосы прикрывала зимняя шапка изъ собачьяго мѣха, узкія, плотно сжатыя губы, маленькіе сѣрые глазки и низкій, сильно выпуклый лобъ — указывали въ одно и то же время на смѣлость, хитрость и жестокость.

Его зоркіе глаза издали увидали свалку, однако, онъ не ускорилъ своихъ шаговъ, по наружности онъ сохранялъ полное спокойствіе, потому что онъ былъ увѣренъ въ своей власти надъ этой кучкой людей, которые въ продолженіе многихъ лѣтъ привыкли дрожать передъ нимъ.

Местеръ Адамъ терпѣливо выслушалъ жалобы надсмотрщиковъ и сейчасъ же на мѣстѣ произвелъ быстрое слѣдствіе. Онъ внушалъ рабочимъ такой страхъ, что никто изъ нихъ не посмѣлъ произнести ни слова въ свою защиту. А впрочемъ, можетъ быть, это происходило оттого, что они заранѣе были увѣрены въ томъ, что это имъ только повредитъ. Одинъ только четырнадцатилѣтній мальчикъ, который началъ бунтъ, продолжалъ бѣсноваться. Къ ужасу всѣхъ присутствующихъ, онъ поднесъ сжатый кулакъ къ лицу местера Адама и воскликнулъ:

— Если ты не оставишь въ покоѣ мать, то я убью тебя, когда стану большимъ! Сперва ты отнялъ у насъ отца, который погибъ на войнѣ. Потомъ ты взялъ моего старшаго брата, и онъ такъ и не возвращался къ намъ больше. Потомъ ты отнялъ у насъ лошадь за недоимки. Потомъ ты заставилъ моего второго брата таскать возы съ кирпичомъ, такъ какъ у насъ не было больше лошади, и братъ надорвался и умеръ. Теперь ты заставилъ мать и меня исполнять поденщину три раза въ недѣлю безъ всякаго вознагражденія, хотя у насъ нѣтъ и корки хлѣба для пропитанія. А сегодня твои надсмотрщики избили мать и меня! Ты поступилъ несправедливо, местеръ Адамъ, и ты можешь приказать забить меня до смерти, но я все-таки буду говорить, что ты поступилъ несправедливо...

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ управляющій коротко и насмѣшливо, разглядывая мальчика.

— Будто ты этого не знаешь! — отвѣтилъ мальчикъ дерзко. — Меня зовутъ Перъ, такъ звали и моего отца, а семью нашу зовутъ Лампи по имени того озера, на берегу котораго стоитъ нашъ торпъ. Запиши все это въ твоей черной книгѣ; а Господь запишетъ это когда-нибудь въ своей книгѣ.

— У тебя здоровыя легкія, — сказалъ опять управляющій насмѣшливо, — а потому для тебя будетъ полезно покричать не-

много. Заприте мальчишку въ мельницу, — продолжалъ онъ, обращаясь къ надсмотрщикамъ, — задавайте ему два раза въ день хорошую порку и дайте мнѣ знать, когда въ немъ явится духъ смиренія. А мать уберите отсюда, чтобы она не мѣшала работѣ; завтра она должна отбыть поденщину. А вы, негодяи, осмѣлившіеся бунтовать, развѣ вы не знаете, что значитъ итти противъ своего господина и владыки? Шапки долой, мерзавцы! Ты, Нильсъ, конечно, первый поднялъ руку на моего надсмотрщика; знаю я тебя, голубчикъ! Свяжите его и отправьте въ Або въ тюрьму. А вы, остальные, войдите въ соглашеніе съ надсмотрщиками и уплатите имъ штрафъ; а потомъ мы бросимъ жребій, и восемь человѣкъ изъ васъ будутъ отданы въ солдаты и посланы въ Польшу на войну. Слышите, негодяи!

Двое надсмотрщиковъ не заставили себя долго просить и сейчасъ же схватили мальчика и Нильса, чтобы увести ихъ. Мать мальчика, которая немного пришла въ себя, бросилась между сыномъ и надсмотрщиками, то угрожая имъ, то умоляя ихъ не трогать мальчика. Рабочіе, которыхъ было болѣе сорока человѣкъ, столпились вокругъ нихъ и смотрѣли поочередно на управляющаго и другъ на друга съ выраженіемъ страха и ненависти. Местеръ Адамъ почуялъ недоброе; мгновеніе было опасно, и его власть могла быть поколеблена. Но слѣпой случай пришелъ ему на помощь. Въ паркѣ послышался лай собакъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ. Всѣ взоры устремились туда, потому что въ это время года, когда у крупной дичи дѣтеныши еще были маленькіе, въ паркѣ никогда не охотились.

Лай собакъ приближался, захрустѣли сучья, и изъ чащи выскочилъ молодой лось и бросился къ тому мѣсту, гдѣ былъ снесенъ старый заборъ, но еще не замѣненъ новымъ. Въ толпѣ раздался крикъ, лось вздрогнулъ, раздался новый выстрѣлъ, и истекающее кровью прекрасное животное ринулось въ толпу рабочихъ, которые передъ нимъ отступили, но онъ сейчасъ же зашатался и свалился на землю, озираясь кругомъ съ тѣмъ умоляющимъ выраженіемъ въ глазахъ, которое такъ хорошо знаютъ охотники. Сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ изъ чащи выбѣжали собаки, а за ними появился молодой графъ Бернхардъ верхомъ на лошади съ ружьемъ черезъ плечо.

Юноша на мгновеніе остановился, повидимому, смущенный тѣмъ, что въ такое неподходящее время для охоты встрѣтилъ строгаго управляющаго, къ которому онъ съ ранняго дѣтства питалъ невольное уваженіе, хотя и былъ единственнымъ наслѣдникомъ и будущимъ владѣльцемъ замка. Однако, гордость тотчасъ же побѣ-

дила въ немъ смущеніе, онъ спѣшился и подошелъ къ убитому лосю съ небрежнымъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ какъ бы мимоходомъ, что, къ счастью, это самецъ и, такимъ образомъ, телята не пострадаютъ. Рабочіе почтительно обнажили свои головы и низко поклонились; управляющій также снялъ свою мѣховую шапку и сказалъ почтительно, но не безъ ироніи:

— Ваша милость имѣетъ право уничтожать свою дичь, когда вамъ это заблагоразсудится.

Управляющій не успѣлъ ничего больше сказать, такъ какъ женщина изъ Лампи упала на колѣни передъ молодымъ графомъ и воскликнула:

— Ваша милость, сжальтесь надъ моимъ сыномъ! Они хотятъ запереть его въ мельницу; вы, навѣрное, не знаете, что это значитъ. Надъ большимъ колесомъ есть темная каморка, полъ тамъ изъ бревенъ, черезъ которыя проникаютъ снизу брызги воды, и туда управляющій запираетъ наказанныхъ и держитъ ихъ тамъ безъ пищи день и ночь; тамъ темно и холодно, вода просачивается со всѣхъ сторонъ, и страшный шумъ мельницы оглушаетъ. Сжальтесь надъ моимъ сыномъ!

— Правду ли она говоритъ? — спросилъ графъ Бернхардъ, недовѣрчиво глядя на управляющаго, который вдругъ изъ судьи превратился въ обвиняемаго.

Управляющій описалъ бунтъ съ тѣмъ же презрѣніемъ къ рабочимъ, которое онъ имъ только что показалъ, говоря съ ними. Однако, онъ ошибся въ томъ впечатлѣніи, которое произвелъ его тонъ. Онъ упустилъ изъ виду, насколько чувствительно самолюбіе у гордаго юноши въ семнадцать лѣтъ; ему не пришло въ голову, что молодой графъ, только что принужденный чуть ли не извиниться передъ нимъ за свой несвоевременный выстрѣлъ, съ радостью ухватится за этотъ случай съ цѣлью показать свою власть надъ нимъ, слугою. Графъ Бернхардъ окинулъ рабочихъ доброжелательнымъ взглядомъ.

— Вы тяжко провинились, — сказалъ онъ, — и ни я, ни мой отецъ не оставимъ такой провинности безъ наказанія, если только это повторится еще разъ. Но я не хочу, чтобы мое короткое пребываніе здѣсь омрачилось какими-нибудь наказаніями. На этотъ разъ я васъ прощаю, и я надѣюсь, что впредь вы будете покорными слугами. Я освобождаю васъ отъ всѣхъ наказаній и на сегодня освобождаю также отъ работы, я хочу, чтобы вы повеселились. Местеръ Адамъ, распорядитесь, чтобы людямъ дали обѣдъ, а послѣ обѣда двѣ бочки пива.

Графъ ушелъ. Управляющій послѣдовалъ за нимъ, мрачный

и молчаливый. Но зато рабочіе разразились ликующими криками «ура», а четырнадцатилѣтній мальчикъ изъ Лампи закричалъ, размахивая своей рваной шапкой:

— Ура! Да здравствуетъ его милость! Это я припомню, когда вырасту большой.

4. МЕСТЕРЪ АДАМЪ.

Домъ управляющаго находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка, на высокомъ берегу у самаго моря; съ этого холма видно было все, что происходило на далекомъ разстояніи крутомъ. Это необходимо было по многимъ причинамъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе той ненависти, которую возбуждалъ къ себѣ управляющій во всемъ населеніи. Трое самыхъ сильныхъ и самыхъ надежныхъ рабочихъ составляли стражу его двора, который былъ обнесенъ высокимъ частоколомъ, усаженнымъ гвоздями остріями вверхъ, а потому дворъ управляющаго походилъ скорѣе на небольшое укрѣпленіе, возведенное для охраны замка. На самомъ высокомъ мѣстѣ, подъ крышей дома, на подставкѣ висѣлъ большой колоколъ, при помощи котораго управляющій могъ звать къ себѣ на помощь людей изъ замка, въ случаѣ, если бы на него напали. Кромѣ того, домъ былъ въ изобиліи снабженъ всевозможнымъ оружіемъ и скорѣе походилъ на цейхгаузъ, чѣмъ на мирное жилище управляющаго.

Немного спустя послѣ той сцены, которую мы только что описали, местеръ Адамъ вышелъ изъ своего дома и испытующимъ взоромъ сталъ смотрѣть въ паркъ. Очень скоро его зоркіе глаза открыли двѣ фигуры, виднѣвшіяся среди деревьевъ, — это были его дочь Грета, а рядомъ съ ней молодой графъ Бернхардъ. При видѣ ихъ, управляющій насмѣшливо улыбнулся.

— Недурно! — пробормоталъ онъ. — Молодой орленокъ торопится проявлять свою власть, однако, у меня есть, чѣмъ обуздать его. — Послѣ этого онъ спокойно пошелъ къ замку, предоставивъ молодой парѣ безпрепятственно гулять по парку передъ близкой разлукой.

Местеръ Адамъ теперь вовсе не походилъ на самого себя. Его едва можно было узнать, когда онъ ходилъ среди собравшихся крестьянъ, щедро раздавая пищу и пиво, находя для каждаго ласковое слово и притворяясь, будто совсѣмъ не замѣчаетъ насмѣшливые и недовѣрчивые взгляды рабочихъ, которые не старались скрывать своего торжества надъ нимъ. Мальчикъ изъ Лампи не могъ удержать своего языка.

— Ваше здоровье, местеръ Адамъ! — воскликнулъ онъ, пробираясь сквозь толпу къ бочкѣ съ пивомъ. — Небось, это пиво не съ мельницы!

Управляющій улыбнулся и только отвѣтилъ:

— Ты ошибаешься, мой милый, солодъ-то какъ разъ оттуда.

Между тѣмъ молодые влюбленные продолжали свою прогулку по зеленому парку. Майское солнце, такое же горячее, какъ они, такое же сіяющее и здоровое, ласково взирало на нихъ сквозь молодую листву кленовъ. Скромные, какъ первая любовь, невинные, свѣжіе и полные надежды, какъ она, склоняли свои головки первые весенніе подснѣжники подъ ногами влюбленныхъ, а они и не замѣчали этого. Вокругъ нихъ раздавалось пѣніе птицъ, но они не слышали этого... И все-таки они видѣли все и слышали все. Ибо все для нихъ сливалось въ одну общую картину, въ одинъ общій звукъ: солнце, цвѣты, пѣніе птицъ, все принимало одинъ образъ, одинъ звукъ — образъ любимаго существа, звукъ дорогого голоса, потому что приближался часъ разлуки, и весь міръ отражался въ единой слезѣ, какъ отражается вся природа въ единой каплѣ утренней росы.

Знатное происхожденіе, титулъ, богатство, славное имя, гордыя надежды, счастье и блескъ, почетъ и могущество, — склоните ваше чело и падите ницъ! Ибо въ людскихъ сердцахъ живетъ сила, съ которой вамъ нельзя тягаться; и она равняетъ высоты, заполняетъ ущелья и разрушаетъ всѣ преграды между высокимъ и низкимъ, она дерзаетъ все, потому что она вѣритъ всему, надѣется на все и не проситъ ничего другого, кромѣ самой себя. Вотъ почему такъ ярко сіяетъ первая любовь, вотъ почему, уже послѣ того, какъ она давно исчезла, отблескъ ея лучей озаряетъ всѣ воспоминанія и проходитъ черезъ всю жизнь, какъ свѣтлое видѣніе.

Солнце стояло уже высоко, когда молодой графъ Бернхардъ, наконецъ, вспомнилъ, что онъ въ этотъ же день долженъ ѣхать въ Або, чтобы тамъ сѣсть на корабль и покинуть родные края. Онъ взялъ руку молодой дѣвушки, — онъ, этотъ богатый и знатный юноша, до сихъ поръ не осмѣлился попросить у нея поцѣлуя. Теперь онъ поцѣловалъ ея руку, которую держалъ въ своей. У молодой дѣвушки закружилась голова, а когда она опомнилась, то юноша уже исчезъ за толстыми дубами парка.

Бѣдный неопытный юноша! Онъ любилъ и надѣялся, и личные интересы еще не играли для него никакой роли. Онъ не подозрѣвалъ, что въ замкѣ его ждалъ холодный расчетъ, и чтобы бороться съ нимъ, ему нужна была бы сила взрослаго человѣка и

опытъ старика, а его молодое сердце было полно невѣдомаго блаженства и горя.

Въ большой залѣ его ждалъ местеръ Адамъ. Юноша едва замѣтилъ его. Но управляющій рѣшительно подошелъ къ своему молодому господину съ выраженіемъ подобострастія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ примѣсью дерзкой самоувѣренности. Онъ почтительно протянулъ графу маленькій мѣшочекъ съ серебряными монетами и сказалъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ:

— Вотъ все, что я могъ собрать для путешествія вашей милости.

— Хорошо, — отвѣтилъ юноша, не глядя на деньги, положи ихъ въ мою шкатулку, а я потомъ распишусь въ полученіи.

— Но, — замѣтилъ управляющій, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, — здѣсь только четыреста пятьдесятъ талеровъ серебромъ. Вашей милости не хватитъ этого на путешествіе и на необходимыя приготовленія къ походу.

— Хорошо, я понимаю, — отвѣтилъ графъ Бернхардъ разсѣянно, — ты мнѣ дашь еще. Положи все это въ мою шкатулку.

— Нѣтъ, ваша милость, къ сожалѣнію, я ничего больше не могу вамъ дать въ настоящее время. Только завтра или послѣзавтра поступятъ доходы съ сѣверныхъ помѣстій, и я принужденъ передать кому-нибудь другому заботу о сборѣ этихъ доходовъ. Покорнѣйше прошу вашу милость сейчасъ же освободить меня отъ службы, и надѣюсь, что его милость, вашъ батюшка, также не откажетъ въ своемъ согласіи на это.

— Что вы говорите, местеръ Адамъ? — воскликнулъ юноша, обративъ, наконецъ, вниманіе на странный тонъ управляющаго.

— Ваша милость, — отвѣтилъ управляющій, — вы отправляетесь на войну. Тамъ вы будете командовать солдатами. Можетъ случиться, что солдаты устроятъ бунтъ, не противъ васъ, а противъ сержанта, который будетъ настаивать на томъ, чтобы люди добросовѣстно исполняли свои обязанности. Сержантъ накажетъ солдатъ за это преступленіе, такъ какъ иначе дисциплина была бы окончательно подорвана. А вы, ваша милость, попадаете туда случайно, вы слышите только жалобы возставшей кучки, и вы прощаете преступниковъ; мало того, вы еще вознаграждаете ихъ и приглашаете ихъ на пиръ. Вашъ подчиненный не можетъ противорѣчить вамъ, онъ исполняетъ ваши приказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поступаетъ такъ, какъ повелѣваетъ ему долгъ: онъ проситъ отставки.

— Я надѣюсь, вы шутите, местеръ Адамъ? Не можете же вы требовать, чтобы я послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія ознаме-

новалъ эти два дня пребыванія моего въ родномъ помѣстьѣ наказаніями!

— Ваша милость не можетъ также требовать, чтобы я, вѣрой и правдой прослуживъ вашему отцу пятнадцать лѣтъ, оставался на мѣстѣ, гдѣ я не могу ожидать больше отъ своихъ подчиненныхъ ничего другого, кромѣ насмѣшекъ и дерзости.

— Чего вы хотите отъ меня?

— Для меня только одинъ выборъ: или я сегодня же оставляю свою службу, или мнѣ должно быть дозволено завтра наказать виновныхъ.

— Это невозможно! Мое слово должно быть такъ же нерушимо, какъ и ваше. Местеръ Адамъ, вы поступили съ людьми несправедливо. На всѣхъ лицахъ написано озлобленіе противъ васъ и горькая нужда, которую терпитъ народъ. Мнѣ ихъ жаль.

— Ваша милость не знаетъ этого народа. Онъ строптивъ и упрямъ и держать его въ уздѣ можно только строгостью. Стоитъ только отпустить вожжи, простить какое-нибудь непослушаніе, и завтра онъ сравняетъ съ землею весь замокъ. Вашъ батюшка, графъ, долженъ имѣть ежегодно тридцать тысячъ талеровъ на свои расходы. Сами вы, ваша милость, тратите, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ. Расходы по содержанію замка составляютъ приблизительно такую же сумму. Какимъ образомъ хотите вы получить всѣ эти деньги, если не держать народъ въ страхѣ и послушаніи? Шестнадцать вашихъ имѣній заложены. Тридцать усадебъ остались безъ людей, которыхъ отправили на войну. Въ этомъ году дворянство вдвое увеличило свои военныя повинности, — восьмого крестьянина забираютъ въ солдаты; говорятъ, что въ шхерахъ забираютъ изъ пяти крестьянъ одного въ боцманы. Въ Або появилась чума, и народъ кричитъ, что колодцы отравлены. Вѣдьмы и колдуньи бродятъ по всей странѣ и смущаютъ народъ всевозможными дьявольскими выдумками. Простите стараго и вѣрнаго слугу, если онъ спроситъ, время ли теперь проявлять кротость и снисхожденіе? Не буду скрывать отъ васъ, ваша милость, что если я сегодня распущу вожжи, то завтра же можетъ возникнуть всеобщее возмущеніе. Но если вы хотите слѣдовать побужденіямъ вашего сердца, а не тому, что повелѣваютъ необходимость и благоразуміе, то я не скажу больше ничего. Всѣ мои отчеты въ порядкѣ, и я готовъ хотя сейчасъ же, оставаясь такимъ же бѣднымъ, какимъ я пріѣхалъ сюда, переселиться съ моей дочерью въ Швецію . . .

— Укажите мнѣ какой-нибудь выходъ изъ этого положенія, лишь бы мнѣ не пришлось наказывать, — сказалъ юноша, на ко-

тораго, повидимому, подѣйствовали слова управляющаго, а также и намекъ на то, что прекрасная Грета уѣдетъ отсюда.

— Вашей милости и не надо никого наказывать, — отвѣтилъ управляющій съ едва замѣтной усмѣшкой. — Ваша милость уѣдетъ сегодня, сопутствуемый благословеніями и восторженными кликами крестьянъ. Это меня будутъ завтра обвинять въ томъ, что я поступилъ не согласно съ вашей волей. Меня будутъ еще больше ненавидѣть, чѣмъ до сихъ поръ. Вѣдь видятъ только руку, которая наказываетъ, а не голову, которая повелѣваетъ. Но я привыкъ къ недоброжелательному отношенію ко мнѣ. Что мнѣ за дѣло до ненависти, которую ко мнѣ питаютъ! Я служу своему господину — вотъ и все, и я готовъ пожертвовать ради него всѣмъ!

Графъ Бернхардъ боролся съ самимъ собой. Наконецъ, врожденная гордость и чувство чести взяли верхъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — будь что будетъ, но вы должны найти другой выходъ. Я своего слова не нарушу.

Нѣкоторое время управляющій молчалъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Обѣщайте мнѣ, ваша милость, передъ вашимъ отъѣздомъ созвать рабочихъ и приказать имъ, чтобы они во всемъ слушались меня, какъ они должны слушаться васъ самихъ.

— Тогда вы останетесь?

— Да, ваша милость.

— Хорошо. Я обѣщаю вамъ это!

Полчаса спустя послѣ этого разговора всѣ обитатели замка стояли вокругъ своего молодого господина, лошадь котораго уже рыла землю копытомъ у воротъ замка. Графъ Бернхардъ исполнилъ просьбу управляющаго и сказалъ всѣмъ подчиненнымъ, чтобы они во всемъ безпрекословно слушались мастера Адама. Крики «ура» смѣшались съ глухимъ ропотомъ, но молодой графъ не обратилъ на это вниманія и понесся въ карьеръ по дорогѣ въ Або. Изъ всѣхъ провожавшихъ его было единственное существо, которое со слезами на глазахъ слѣдило за нимъ до тѣхъ поръ, пока за поворотомъ дороги не исчезло его голубое перо, — это была дочь жестокаго управляющаго, кроткая, свѣтлокудрая Грета.

Едва графъ исчезъ, какъ мастеръ Адамъ позвалъ къ себѣ своихъ надсмотрщиковъ.

— Долой пиво! — крикнулъ онъ. — Давайте сюда телѣгу, въ которой возятъ преступниковъ. Везите Нильса въ тюрьму. Восемь человѣкъ изъ самыхъ неспокойныхъ отдать въ рекруты.

Мальчика изъ Лампи запереть въ мельницѣ, а его мать сію же минуту выгнать изъ ея торпа.

Всѣхъ присутствующихъ охватилъ ужасъ, и они оцѣпенѣли, пораженные неожиданностью. Только жнщина изъ Лампи осмѣлилась поднять свой голосъ.

— Горе, горе! — воскликнула она. Горе невѣрному управляющему.

* * *

1656 годъ былъ для Финляндіи тяжелымъ во многихъ отношеніяхъ. Непріятель ворвался въ Карелію, гдѣ опустошалъ все; вотъ тогда-то выборгскіе гимназисты мужественно встали на защиту города. Во многихъ мѣстностяхъ былъ неурожай, ждали чуму, война поглощала всѣхъ способныхъ владѣть оружіемъ мужчинъ, какихъ только можно было отправлять туда. Король, вопреки закону, выписалъ не только тѣхъ рекрутъ, которые полагались на этотъ годъ, но также и тѣхъ, которые должны были служить на слѣдующій годъ. Народъ ропталъ, и его возбуждали также тайно подсылаемые агитаторы. Его вѣрность королю осталась непоколебленной, но подъ давленіемъ нужды и голода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ прислушивался къ тѣмъ людямъ, которые старались убѣдить ихъ въ томъ, что новый наборъ дѣлается безъ вѣдома короля, по произволу чиновниковъ; а чиновники заботятся только о своей выгодѣ и хотятъ продать рекрутовъ датчанамъ или русскимъ. И вотъ, то тутъ, то тамъ, стали вспыхивать маленькія возмущенія, и народъ противился набору, который сопровождался или насиліемъ съ той и съ другой стороны, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, только послѣ самыхъ убѣдительныхъ уговоровъ, кончался мирно.

Мѣстность, въ которой находился замокъ Майніеми, гдѣ народъ былъ возбужденъ и доведенъ до нищеты многолѣтнимъ угнетеніемъ, представляла собою легко воспламеняемый матеріалъ. Въ тотъ день, когда графъ Бернхардъ уѣхалъ въ Або, поздно вечеромъ черезъ проливъ къ избушкѣ Черной Яны быстро переправлялась лодка съ двумя мужчинами и одной женщиной. Старуха спала или притворялась, что спитъ, и ее подняли нѣсколькими сильными ударами въ дверь, послѣ чего она была принуждена впустить къ себѣ позднихъ гостей.

— Ужъ не вселился ли въ васъ нечистый, — ворчала она, — что вы не даете людямъ покоя въ такой поздній часъ! Или вы забыли, что васъ самихъ уже въ четыре часа утра разбудитъ хлыстъ управляющаго?

— Вотъ именно потому, что мы такъ хорошо это знаемъ, мы и пришли къ тебѣ, — отвѣтила женщина изъ Лампи, которая сопровождала мужчинъ. — Хлыстъ управляющаго никогда уже больше не будетъ насъ будить, и въ этомъ ты должна помочь намъ, Яна.

— Я! — воскликнула старуха съ притворнымъ изумленіемъ, прекрасно понимая о чемъ идетъ рѣчь.

— Именно ты, — повторила женщина. — На долгія объясненія у насъ времени нѣтъ. Нильса изъ Арвіо отправили въ тюрьму, моего сына Пера заперли въ мельницу, меня выгнали изъ моего торпа, а когда взойдетъ солнце, то этихъ двоихъ и еще шестерочеловѣкъ отошлютъ въ Або, гдѣ отдадутъ въ солдаты.

— Да мнѣ-то какое дѣло до всего этого! Я должна быть довольна и благодарить Бога за то, что меня не выгоняютъ изъ моей хижины!

— Какъ хочешь, — отвѣтила женщина рѣшительно и таинственно, — но ты должна погубить местера Адама еще въ эту ночь.

— Да вы съ ума сошли! Погубить управляющаго!

— Послушай, Черная Яна, напрасно ты притворяешься такой невинной. Всякій знаетъ, что ты умѣешь колдовать какъ для хорошаго, такъ и для дурного. Твоя слава почти такъ же велика, какъ слава Пу-Юмала, и многіе считаютъ тебя добрѣе Вальборгъ Кюни изъ Тюрвиса, а потому ты совсѣмъ напрасно притворяешься такой глупой. Приготовь сейчасъ же снадобье, которое мы въ эту же ночь бросимъ въ окно управляющему, а когда наступитъ утро, то его найдутъ мертвымъ въ его постели.

— Убирайтесь по добру, по здорову! Я вижу, что вы заглянули на самое дно пивной бочки! — крикнула Яна съ раздраженіемъ.

— А, такъ ты вотъ какъ! — сказали крестьяне съ угрозой. — Ужъ не думаешь ли ты, что мы пришли сюда для того, чтобы позволять смѣяться надъ собой? Нѣтъ, старуха, теперь пришла бѣда, и тебѣ отъ насъ не отвертѣться. Если ты не сдѣлаешь сейчасъ же того, чего отъ тебя требуютъ, то мы подожжемъ твою жалкую избушку съ четырехъ угловъ и зажаримъ тебя, старую чертовку, на твоемъ собственномъ огнѣ.

Яна испытующе посмотрѣла на своихъ гостей и поняла, что они доведены до отчаянія, и что суевѣріе въ нихъ настолько сильно, что они способны исполнить свою угрозу.

— Ну, ладно, — сказала она послѣ нѣкотораго колебанія, — я исполню ваше желаніе, но только не сегодня ночью. Неужели

вы думаете, что погубить человѣка такъ же легко, какъ утопить котенка? Ужъ не думаете ли вы, что у меня здѣсь въ избѣ растутъ волшебныя травы, и что у меня всегда есть наготовѣ драконова кровь? Правда, кости мертвецовъ у меня найдутся, есть у меня также головы ящерицъ и лягушечьи ноги, но откуда мнѣ сейчасъ же достать кладбищенской земли, совиное сердце и жало ехидны? Нѣтъ, вамъ придется отложить эту затѣю. Намъ придется подождать новолунія, потому что въ полнолуніе травы теряютъ свою силу и не приносятъ вреда, а, напротивъ, излѣчиваютъ. Возвращайтесь-ка черезъ двѣ недѣли.

Крестьяне казались смущенными.

— Черезъ двѣ недѣли насъ уже будутъ везти къ полякамъ,— сказали они.

— Да чего же вы тутъ стоите и нюни распускаете! — воскликнула женщина изъ Лампи, самая смѣлая и наиболѣе отчаявшаяся изъ всѣхъ. — Если нельзя помочь дѣлу колдовствомъ, то въ запасѣ остаются еще руки. Скорѣе въ лодку! До полуночи остается еще цѣлый часъ. Прежде чѣмъ пѣтухъ закричитъ въ первый разъ, мы нападемъ на управляющаго, всѣ сорокъ человѣкъ за разъ, и разнесемъ его домъ въ щепки!

Крестьяне не сдались сразу и задумались надъ этимъ предложеніемъ, — рискъ былъ слишкомъ великъ. Но тутъ Яна приняла на себя роль посредницы и сказала:

— Мнѣ кажется, что лучше всего, чтобы нѣсколько человѣкъ сейчасъ же ночью отправились въ Або жаловаться губернатору. Можетъ быть, молодой графъ еще тамъ, и тогда вы положите конецъ самоуправству управляющаго и добьетесь правды.

— Хороша правда! — воскликнула женщина изъ Лампи съ горечью. — Съ такимъ же успѣхомъ можно жаловаться на градъ, который побиваетъ нашъ посѣвъ, и на морозъ, который губитъ рожь, когда она колосится! Скорѣе можно добиться правды отъ града и отъ мороза, нежели отъ этихъ важныхъ господъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нашего брата. Нѣтъ, горе тому изъ насъ, кто въ наше время не умѣетъ самъ себѣ помочь! Подѣломъ такимъ людямъ, если изъ ихъ рта вырываютъ послѣднія крохи хлѣба, выпрягаютъ послѣднюю лошаденку изъ телѣги, уводятъ послѣднюю корову изъ хлѣва и отнимаютъ дѣтей! Жалкіе вы трусы, вы терпите такое насиліе, и у васъ не хватаетъ мужества съ полнымъ правомъ возвратить ударъ, который вамъ нанесли, забывъ всякую справедливость!

— Если бы намъ удалось поднять всю деревню Арвіо и всѣхъ жителей Лампи и собрать всѣхъ сегодня же ночью, то насъ было

бы пятьдесятъ-шестьдесятъ человѣкъ, — замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ, какъ бы обдумывая что-то.

— А на дворѣ у управляющаго, не считая Греты и служанки, только трое надсмотрщиковъ, да онъ самъ, — соображалъ второй крестьянинъ. — Но если онъ ударитъ въ набатъ, то къ нему на помощь изъ замка прибѣгутъ еще десять или двѣнадцать человѣкъ.

— Двѣнадцать да четыре — шестнадцать, — считала женщина изъ Лампи. — Тѣхъ шестнадцать, а васъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ человѣкъ! И вы еще раздумываете! Дѣлайте со мной, что хотите, но я — не я, если не разскажу въ будущее воскресенье народу, который соберется возлѣ церкви, какіе вы трусы; и надъ вами будутъ смѣяться всѣ, даже маленькія дѣти.

— Скорѣе въ лодку, — воскликнули оба крестьянина, финское равнодушіе которыхъ понемногу исчезло, подъ напоромъ возбуждающихъ словъ женщины. И они наконецъ дошли до того состоянія, когда люди не столько думаютъ объ опасности, сколько о правотѣ своего дѣла. Вскорѣ всѣ трое высадились снова на противоположномъ берегу.

Яна смотрѣла вслѣдъ удалявшейся лодкѣ и задумчиво качала головой.

— Всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ! — сказала она тихо про себя. — Неужели же въ Финляндіи нельзя добиться правды иначе, какъ только кровавымъ насиліемъ? Но Грету надо спасти. Да будетъ милостивъ Богъ къ ея отцу, если имъ дѣйствительно удастся завладѣть имъ.

При этихъ словахъ Яна отвязала маленькую лодку, которая скрывалась у берега между камнями, и быстро, но неслышно работая веслами, она переправилась на тотъ же берегъ, гдѣ только что вышли крестьяне, возмутившіеся противъ управляющаго. Ночь была тихая, только съ опушки лѣса доносился крикъ коростеля, и онъ смѣшивался съ легкимъ плескомъ волнъ, которыя разбивались о дремлющіе берега.

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

I. Ю. ВЕКСЕЛЛЬ.

ЕСТЬ ЛИ ДОБЛЕСТЬ ВЪ ТЕБѢ.

Есть ли доблесть въ тебѣ — стать на жизненный путь
И остаться всегда человѣкомъ,
Заблужденія вѣка, какъ бремя, стряхнуть
И итти впереди, передъ вѣкомъ?
Есть ли доблесть въ тебѣ — все за правду отдать,
Всѣмъ пожертвовать: счастьемъ и кровью?
Если такъ, смѣло можешь въ ряды наши стать,
И привѣтимъ тебя мы съ любовью!

Есть ли доблесть въ тебѣ — вѣрить свѣтлой мечтѣ,
Хоть весь міръ надъ тобой захохочетъ,
Быть какъ капля въ струѣ, что въ землѣ, въ темнотѣ
Твердый камень настойчиво точитъ?
Если такъ, заключи съ нами братскій союзъ,
Вмѣстѣ съ нами иди до могилы!
Если доблесть въ насъ есть, — будетъ прочнъ союзъ,
Мы въ борьбѣ почерпнемъ наши силы!

И. Каншина.

БРИЛЛІАНТЪ НА МАРТОВСКОМЪ СНѢГУ.

На снѣжномъ сугробѣ прозрачный
Блеститъ брилліантъ изо льда,
Ни слезы, ни жемчугъ не могутъ
Такъ ярко сіять никогда.

Таинственной грустью томимый,
Онъ блещетъ небеснымъ огнемъ
И смотритъ, какъ солнце восходитъ
Въ прекрасномъ сіяньѣ своемъ.

И, страстно лучу поклоняясь,
Къ ногамъ его никнетъ съ мольбой,
Цѣлуетъ его и, растаявъ,
Дрожитъ непорочной слезой.

О, славная участь — любовью
Къ высокому вѣчно сгорать,
Сіять въ его славѣ и, видя
Улыбку его, умирать!

Д. Семеновскій.

А. ОКСАНЕНЪ.

НЕВѢСТА КОРМЧАГО.

„Не бойся ты, Анна, голубка моя,
Бушующихъ волнъ Пюертяя!
Хоть ихъ успокоить не взялся бы я,
Пусть ропщутъ онѣ, не смолкая:
Кому всѣ пороги знакомы, какъ мнѣ,
Тотъ можетъ довѣриться бурной волнѣ».

Сказавъ это, Анну, невѣсту свою,
Вильгельмъ въ свою лодку сажаетъ,
И вотъ ужъ волна подхватила ладью
И, пѣнясь, борты заливаетъ.
Доволенъ Вильгельмъ: какъ ребенокъ онъ радъ
Невѣстѣ своей показать водопадъ.

«Сіяетъ луна надъ поверхностью водъ,
Сіяетъ такъ ярко и нѣжно;
Одинъ только звѣздный не спитъ хороводъ,
Все прочее спитъ безмятежно.
Съ какимъ наслажденьемъ съ тобою вдвоемъ
Теперь я послѣднимъ забылась бы сномъ!»

Такъ Анна сказала, изъ ясныхъ очей
Слезу въ упоеньи роняя.
Теченье межъ тѣмъ становилось быстрѣй,
Ладью за собой увлекая,
Но ловко Вильгельмъ управляетъ рулемъ, —
Не даромъ такъ гордъ онъ своимъ ремесломъ.

Влеченіе съ дѣтства имѣлъ онъ къ рѣкѣ:
Обрызганный пѣною бѣлой,

Онъ мимо пороговъ не разъ въ челнокѣ
Катался, отважный и смѣлый;
Въ ней камни подводные съ дѣтства онъ зналъ
И могъ не бояться предательскихъ скалъ.

Но тамъ, гдѣ теченье сильнѣе бурлитъ,
И камни встрѣчаются чаще,
Тамъ младшая дѣва Ахтолы сидитъ,
Окутана пѣной блестящей;
Пасетъ она стадо Велламо и взглядъ
Порой устремляетъ на бурный каскадъ.

Есть сердце и въ этой груди молодой,
Подъ пѣнистой бѣлой одеждой;
Пылать оно можетъ и тамъ, подъ водой,
Любовью и тайной надеждой.
Отважнаго кормчаго съ давнихъ ужъ поръ
Привыкъ на порогахъ встрѣчать ея взоръ.

И странное чувство волнуетъ ее:
Русалка тоскуетъ, вздыхая,
Не зная, чѣмъ сердце утѣшить свое,
Чего оно хочетъ — не зная.
Сидитъ она молча средь пѣнистыхъ волнъ
И ждетъ, не покажется ль милый ей челнъ.

Вильгельмъ же съ невѣстой быстрѣе стрѣлы
Въ ладьѣ къ водопаду несутся:
Ее то поднимутъ на гребень валы,
То вновь черезъ край ея льются.
Невѣста блѣднѣй и блѣднѣе лицомъ,
Вильгельмъ же безстрашно стоитъ надъ рулемъ.

Завидѣвъ Вильгельма, веселья полна,
Русалка къ нему подплываетъ:
«То онъ, то Вильгельмъ мой! Но кто же она?
Ея она вовсе не знаетъ!
О, горе мнѣ, горе! Онъ больше не мой,
Онъ любитъ, онъ связанъ съ подругой земной!»

И, местью пылая, русалка плыветъ
И быстро со дна водопада

Скалу поднимаетъ къ поверхности водъ;
Предъ этой нежданной преградой
Безсильно искусство, ломается челнъ,
И гибнетъ съ невѣстой Вильгельмъ среди волнъ.

Скала же, по слухамъ, и нынѣ цѣла:
Донынѣ средь волнъ Пюертяя
Виднѣется «дѣвы Велламо скала»;
Подъ ней, безутѣшно вздыхая,
Русалка сидитъ, молчаливо грустна:
Забыть о Вильгельмѣ не можетъ она.

Н. Новичъ.

СУОНІО.

РАЗСКАЗЫ МѢСЯЦА.

ВТОРОЙ ВЕЧЕРЪ.

Мѣсяцъ взошелъ въ свое обычное время, поздоровался со мной и началъ разсказывать:

«Во время моихъ одинокихъ странствій по далекому сѣверу я пришелъ однажды въ страну, одно только имя которой наводитъ ужасъ, — въ Сибирь. Я видѣлъ рѣку Обь, несущую свои мутныя волны въ холодныя объятія Ледовитаго океана, гдѣ ихъ ждала смерть. На берегу темнѣла самоѣдская юрта, наполовину вросшая въ землю. Мѣстность была пустынна и мрачна. Снѣгъ бѣлой пеленой покрывалъ голую, болотистую равнину, мѣстами поросшую верескомъ, и игралъ, кружась подъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера. Нигдѣ не было видно ни одного живого существа, не слышно было ничего, кромѣ завываній голодныхъ волковъ да заунывной пѣсни сѣвера, напѣваемой вѣтромъ. Здѣсь царство ночи и смерти. Солнце уже давно покинуло этотъ мрачный край и ушло въ болѣе веселыя страны. Мракъ царилъ бы здѣсь безпрерывно, если бы я изрѣдка не разсѣивалъ его, да сѣверное сіяніе не озаряло печальной мѣстности своими разноцвѣтными лучами.

Я заглянулъ въ юрту, въ которой свѣтился огонь: при тускломъ свѣтѣ лампы сидѣлъ у стола блѣдный молодой человѣкъ, подперевъ голову рукою. У него было изможденное лицо, а морщины на лбу говорили о тяжелой жизни, полной труда и лишеній. Глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ, и изъ больной груди съ трудомъ вырывалось дыханіе. Онъ поднялъ голову и взялся за перо. Только на одно мгновеніе я увидалъ его глаза, но я все таки вспомнилъ, что гдѣ-то раньше видѣлъ этого человѣка... Это было очень давно... я видѣлъ его въ столицѣ Финляндіи, въ Гельсингфорсѣ...

Изъ низкой, ярко освѣщенной мансарды раздавались гром-

кіе, молодые голоса, они слышны были даже на улицѣ. Я заглянулъ въ комнату и увидалъ тѣсно сплотившуюся кучку жизнерадостныхъ молодыхъ людей; сверкая глазами, они горячо говорили о своей дорогой родинѣ, о своихъ надеждахъ и планахъ. Рука въ руку они клялись пожертвовать жизнью ради процвѣтанія родины. Они не боялись ни лишеній, ни трудовъ, и сама смерть не могла бы испугать ихъ, — они готовы были пожертвовать всѣмъ ради счастья Финляндіи, за честь Финляндіи. — Долго еще послѣ того, какъ всѣ разошлись, онъ, жившій въ мансардѣ, стоялъ у окна. И вдругъ его губы дрогнули, и онъ произнесъ: «Господи, дай намъ силу исполнить то, что мы обѣщали».

Я видѣлъ, какъ онъ давалъ свой обѣтъ, — теперь онъ исполнилъ его. Искра любви, запавшая въ его сердце много лѣтъ тому назадъ, разгорѣлась въ неугасимое пламя, которое забросило его далеко отъ его родины и привело въ этотъ страшный, ненавистный край, гдѣ онъ страдаетъ за честь и славу Финляндіи . . .

На дворѣ стояла суровая зима и царила темная ночь, но на душѣ у него было тепло и свѣтло, какъ въ жаркій, солнечный лѣтній день.

Ты уже догадался, о комъ я говорю? О томъ, кто прославился на весь свѣтъ, и котораго отечество считаетъ однимъ изъ своихъ лучшихъ сыновей, — о Кастренѣ *».

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

* М. А. Кастренъ — профессоръ-филологъ, много путешествовавшій по Сибири для изученія родственныхъ финнамъ племенъ.

А. КИВИ.

КАЧЕЛИ.

Садись-ка въ качели со мной,
Красавица въ бѣлой косынкѣ!
Природа стоитъ, какъ невѣста, прекрасна
Въ Троицу вечеромъ.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть вѣетъ дѣвичья косынка
Въ ласковомъ воздухѣ!
Взгляни, — подъ ногами у насъ
Земли изумрудная зелень,
А небо надъ нами лазурно и ясно,
И шепчется западный вѣтеръ въ долинѣ, сливаясь
Съ трелями птицъ.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть вѣетъ дѣвичья косынка
Въ ласковомъ воздухѣ!
Летая въ пустой вышинѣ
Въ объятьяхъ прохладнаго вѣтра,
Я холмъ вдалекѣ увидалъ въ позолотѣ
Вечерней зари.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть вѣетъ дѣвичья косынка
Въ ласковомъ воздухѣ!
Какъ дальняя Счастья страна,
Плѣнительно свѣтится холмикъ.
Туда я помчался бы съ милой, на крыльяхъ
Вѣтра закатнаго.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть вѣетъ дѣвичья косынка
Въ ласковомъ воздухѣ!
Тамъ плечи дремотныхъ березъ
Всегда подъ зеленымъ кафтаномъ,
И нивы всегда золотятся на мягкихъ

Склонахъ холма.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть вѣетъ дѣвичья косынка
Въ ласковомъ воздухѣ!
Въ долинѣ у спѣющихъ нивъ
Тамъ лугъ зеленѣетъ весенній,
Гдѣ сладкія сумерки вѣчно лелѣютъ
Желтые цвѣтики.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть вѣетъ дѣвичья косынка
Въ ласковомъ воздухѣ!
Заря тамъ цѣлуетъ зарю,
Тамъ вѣчное время несется,
Стремительно мчится бѣгущимъ потокомъ
Въ область забвенія.
Будетъ летать вамъ, качели!
Ужъ въ ласковомъ мракѣ блѣднѣютъ
Дѣвичьи щеки.

Д. Семеновскій.

ЛѢСЪ ВДАЛИ.

Внизъ съ холма дитя сбѣжало
Къ матери своей:
«Я увидѣлъ землю неба»,
Молвилъ мальчикъ ей.
«Что щебечешь, мой малютка,
Про страну небесъ,
Гдѣ ты видѣлъ міръ блаженныхъ,
Родину чудесъ?»
«Я стоялъ на горкѣ, въ полѣ,
Глядя на восходъ,
Видѣлъ синюю поляну,
Лѣсъ и небосводъ,
Посрединѣ лѣса — холмикъ,
Солнышко на немъ;
По холму вилась дорожка
Золотымъ пескомъ.
Сердце билось, я заплакалъ,
Мамочка моя!
Вѣдь я землю неба видѣлъ, —
Что жъ заплакалъ я?»

«Нѣтъ, дитя, вонъ тамъ, на небѣ,
Божій тронъ стоитъ,
Тамъ никто не умираетъ,
Вѣчный миръ царитъ».
«Нѣтъ! гдѣ край далекій неба,
Гдѣ синѣетъ лѣсъ, —
Тамъ страна людей счастливыхъ,
Родина чудесъ!»

В. Аренсъ.

ТОСКА.

Какъ грустно,
Окутали сумерки душу,
Какъ вечеръ осенній — пустыя поля.
Здѣсь напрасны муки
И борьба напрасна,
И міра безграничность — тщетна.
Ни неба,
Ни мрака геенны не жажду
И даже дѣвическихъ ласкъ не хочу.
Лишь хочу не вѣдать
Тяжкихъ мукъ сознанья.
Да будетъ все тьмой безгласной!
Ну, други,
Взываю къ вамъ просьбой послѣдней,
Услышьте, чего я желаю отъ васъ:
Выстройте поэту
Келью гробовую,
Онъ въ нѣдра земли нисходитъ.
Могилу
Копайте подъ вязомъ тѣнистымъ
И чернымъ покровомъ одѣньте ее.
А потомъ навѣки
Мой пріютъ покиньте.
Хочу почивать покойно.
Не надо
Надъ грустной могилой холма!
Пусть съ полемъ пустыннымъ сольется она,
Чтобъ никто не вѣдалъ,
Что мое жилище
Подъ вязомъ тѣнистымъ скрыто.

Д. Семеновскій.

СЕМЬ БРАТЬЕВЪ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Прошло лѣтъ десять съ того времени, какъ братья переселились въ пустынную Импиваару; за это время они превратили ее въ красивую усадьбу. Но еще краше стала родная Юкола, поднятая семью удалыми молодцами.

Когда умеръ засѣдатель Мякеля, кто поступилъ на его мѣсто? Лапо изъ Юколы, человѣкъ, который всегда стоялъ за правду и миръ. Послѣ смерти стараго лѣсничаго, кого возвели въ эту должность? Кого же, какъ не Ээро, сына Юхани, изъ Вуохенкалма? Онъ на все гораздъ: и читать, и писать, да еще и газета залетаетъ къ нему изъ Або разъ въ недѣлю.

Юхани взялъ себѣ въ жены Венлу изъ Мяннисто и жилъ съ ней душа въ душу, хотя иногда дѣло и не обходилось безъ мелкихъ стычекъ. Венла была исправная хозяйка, но баба довольно таки зубастая и сварливая. Бывало, она часами пилила своего благовѣрнаго:

— Остолопъ! Филинъ! Путало воронье!

Но и Юхани умѣлъ огрызаться; какъ загрохочетъ:

— Молчи ты, старая кочерга, коли Богъ ума не далъ! — Да какъ хватитъ кулакомъ по столу, — словно громъ грянетъ. Венла будто бы немного оробѣетъ, замолчитъ, а сама исподтишка пересмѣивается съ лукавой работницей. Онѣ строятъ рожи, стоя около печки, а Юхани ворчитъ, сидя у стола, на стулѣ, жалуется, что Богъ далъ ему такую строптивую и злющую жену.

Но однажды разыгрался крупный скандалъ изъ-за Аапели. Юхани бранился со своей бабой; Аапели, сидя на лавкѣ, немного выпившій, вздумалъ сдуру вмѣшаться въ ссору, горячо защищая Юхани. Юхани крѣпко ругался, называя Венлу «трещоткой», а Аапели, думая, что такъ будетъ лучше, обозвалъ ее еще брюзгой, шваброй и разиней. Глаза Юхани такъ и засверкали. Онъ вскочилъ, какъ разъяренный медвѣдь, и ринулся на оторопѣлаго Аапели. Тотъ зайцемъ юркнулъ въ дверь, Юхани за нимъ, грохотъ пошелъ по сѣнямъ и на крыльцѣ. Перепуганныя собаки, лежавшія у крыльца, сердито зарычали и, поджавъ хвосты, кинулись въ сторону, глядя вслѣдъ мужикамъ, а они бѣшено мчались черезъ каменистый дворъ: впереди, сердито рыча, Аапели изъ Каркkула, а за нимъ ковылялъ разъяренный Юхани.

Вслѣдъ имъ изъ отворенной двери избы раздавался веселый смѣхъ Венлы и дѣвки-работницы. Однако, Юхани не удалось до-

гнать Аапели: добѣжавъ до воротъ, онъ повернулъ назадъ, грозясь когда-нибудь проучить дерзкаго молокососа. Войдя въ избу, онъ ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ:

— Ругай меня, сколько хочешь, но не трогай моей жены. Другой такой жены не найдется во всемъ шведскомъ царствѣ.

И точно, было чѣмъ похвастать: по части хозяйства бабу ни въ чемъ нельзя было попрекнуть. Это правда, что она была большая охотница до кофе, и Юхани частенько ворчалъ на нее за это; но она себѣ и въ усъ не дула, — пузатый кофейникъ неуёмно клокоталъ у нея на огнѣ. Да и самъ старый ворчунъ охотно принималъ изъ пухленькой ручки своей супруги чашку вкуснаго, дымящагося напитка. Мало того, — бывая въ городѣ, онъ никогда не забывалъ купить Венлѣ мѣшочекъ кофе и изрядный кусокъ сахара.

Венла наградила своего мужа бодрымъ, цвѣтущимъ потомствомъ. Но вначалѣ дѣло шло не такъ, какъ хотѣлось Юхани. Первымъ плодомъ его любви была быстроглазая дѣвочка; это очень разсердило отца. Онъ все ворчалъ, — почему Богъ ему не далъ здороваго мальчугана? Но онъ надѣялся, что въ слѣдующій разъ выйдетъ по-другому. Прошелъ годъ, пошелъ другой, и Венла снова родила, но опять дѣвочку. Старуха-теща, завернувъ ее въ бѣлыя пеленки, сладко ухмыляясь, понесла показать сердитому отцу. Юхани пришелъ въ восхищеніе, думая, что исполнилась его надежда, и спросилъ:

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Посмотри самъ, зятекъ, — отвѣчала ему старуха. Онъ посмотрѣлъ и крикнулъ въ сердцахъ:

— Убирайтесь вы къ чорту съ этой дрянью!

Однако, оставшись одинъ, онъ, минуту спустя, сказалъ:

— Ну, что жъ? Дитя — все-таки дитя. Благослови, Боже, плодъ чрева моего!

Прошелъ еще годъ, прошло два, и наконецъ Венла родила мальчика; это былъ настоящій крѣпышъ, ни дать — ни взять Юхани. То-то была радость и веселье въ домѣ Юхани, и Венла стала съ тѣхъ поръ для Юхани еще дороже.

Такъ текла жизнь въ семьѣ Юхани, ясная, какъ солнечный день; если порой набѣгали тучи, то ненадолго, — вскорѣ снова возвращалось вёдро.

Не такъ гладко шло дѣло съ односельчанами и сосѣдями. Часто происходили ссоры и горячія стычки: то изъ-за изгородей, то изъ-за лошадей, перескочившихъ черезъ заборъ, то изъ-за свиней, выпущенныхъ безъ крёселъ. Юхани былъ охочъ рѣшать

дѣло кулаками, — волосамъ и щекамъ соперника всегда угрожала опасность. Часто готова была вспыхнуть жестокая тяжба, но тутъ вмѣшивался братъ Аапо, почтенный засѣдатель, и миролюбивой рѣчью улаживалъ ссору. Да и Юхани не прочь былъ итти на миролюбивую, особенно когда замѣчалъ, что онъ неправъ.

Страшный грѣхъ совершилъ однажды Юхани передъ Богомъ и людьми. Это случилось во время уборки сѣна на лугу, который находился въ глубинѣ густого ельника. Сѣно уже было разбросано по ровному лугу, и работники весело шли къ сѣнному сараю лакомиться обѣдомъ. Но хозяинъ съ тревогой глядѣлъ, какъ тяжелыя огненныя тучи грозно двигались по небу. За сараемъ стоялъ березовый пень; никѣмъ не замѣчаемый, Юхани бросился около пня на колѣни и молилъ Бога спасти отъ дождя сочное, пахучее сѣно. Онъ долго молился; но едва люди успѣли отобѣдать, какъ изъ-за вершинъ ельника взмыла шумящая туча, изрыгая громъ и молніи, и хлынула на землю бурнымъ дождемъ. Въ одну минуту сѣно промокло насквозь, не успѣли сгрести ни одной копны. Люди, съ граблями въ рукахъ, побѣжали подъ защиту сарая; Юхани, съ лицомъ почернѣвшимъ отъ злобы, стоялъ у сарая, подъ грозой, дождемъ и ругался. Надъ нимъ бушевала буря, а онъ, поднявъ глаза къ небу, колотя кулакомъ правой руки въ ладонь лѣвой, неистово кричалъ, присѣдая всякій разъ, когда слово «перкеле» (чортъ) вырывалось изъ-за его скрежещущихъ зубовъ:

— Эй вы тамъ! Вашимъ навозомъ вы испакостили мнѣ все сѣно!

Тогда жена его Венла сердито закричала ему изъ сарая:

— Замолчи ты, грѣховодникъ! Этакая страсть!

Но Юхани не слушалъ ее, а еще громче оралъ тучамъ:

— Эй вы! Добрые люди сѣно убираютъ, а вы еще только навозъ возите!

Бабы и дѣвки въ сараѣ, слыша эти страшныя рѣчи мужика, стали усердно молиться Богу, крѣпко сложивъ руки. При блескѣ молніи слышалась молитва и тяжкіе вздохи, низко опускались ихъ головы. Раскаты грома, шумъ дождя и жалобное завываніе лѣса приводили людей въ ужасъ. Увидѣвъ, что дѣлаютъ женщины, Юхани началъ еще яростнѣе ругаться, заглушая молитвы женщинъ.

Въ сараѣ была молоденькая дочь Сеуналы, стройная, застѣнчивая Анна; у нея глаза блестѣли, какъ звѣзды, подъ блѣднымъ, сверкающимъ челомъ. Говорили, что у этой дѣвушки часто бывали видѣнія, что душа ея уносилась куда-то, — много

чудеснаго разсказывали про нее. Часто она предрекала людямъ тяжелыя бѣдствія: войны, голодъ, повальныя болѣзни и кончину міра. И вотъ эта-то дѣвушка, всегда молчаливая и скромная, теперь, когда Юхани бѣсновался на скошенномъ лугу, вдругъ выскользнула изъ сарая, упала на колѣни и, несмотря на проливной дождь и перекрестный огонь молній, начала молиться громкимъ, кричащимъ голосомъ. Она молилась, чтобы Богъ помиловалъ этого несчастнаго, ослѣпленнаго человѣка, не поразилъ его стрѣлою Своего святого гнѣва; молилась, глядя на небо, — чуднымъ огнемъ горѣли ея глаза, и чело ея сіяло небеснымъ свѣтомъ. Юхани умолкъ, бросивъ искоса злобный взглядъ на дѣвушку. Наконецъ, когда ему показалось, что молитва ея слишкомъ продолжительна, онъ схватилъ ее за руку, отвелъ ее обратно въ сарай и сказалъ:

— Ступай, ступай, негодная, не стой подъ дождемъ, — напрасно; не надо мнѣ никакихъ богомольцевъ.

Дѣвушка вошла въ сарай, но тамъ тотчасъ упала на сѣно и продолжала громко молиться; а женщины, сидя рядомъ съ ней, проливали горячія слезы. Снаружи, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ Юхани, на лицѣ его было видно раскаяніе; но гнѣвъ все еще бушевалъ въ его груди.

Гроза скоро прошла, и на слѣдующій день, при ясной вѣтреной погодѣ, сѣно было убрано. Когда же дѣвался хозяинъ? — Голосъ дочери Сеунала звучалъ у него въ ушахъ, не давая ему покоя. Рано утромъ, съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ онъ на погостъ и покаялся священнику въ своемъ грѣхѣ. Настоятель сначала, какъ водится, сдѣлалъ ему внушеніе, а потомъ сказалъ утѣшительное слово, и Юхани, успокоенный, вернулся домой. Но послѣ этого случая на непривѣтномъ лугу Вехкала всѣ замѣтили какую-то перемѣну въ характерѣ и поступкахъ Юхани. Онъ сталъ носить крутлую шляпу, пиджакъ со стоячимъ воротникомъ и короткими фалдами, какъ принято у піетистовъ. Въ этомъ костюмѣ ходилъ онъ теперь постоянно и сталъ чаще, чѣмъ раньше, посѣщать церковь. Съ важнымъ видомъ сидѣлъ онъ въ храмѣ, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, рядомъ съ такимъ же важнымъ Хяркямяки, отъ времени до времени покашливая, какъ это было въ обычаѣ у его сосѣда. Съ тѣхъ поръ все рѣже стали случаться бури въ домѣ Юкола, и жизнь Юхани потекла спокойно къ мирному закату.

Симеони жилъ холостякомъ въ домѣ Юхани, пользуясь его хлѣбомъ-солью и безъ устали, съ ранняго утра до поздняго ве-

чера работая по дому. Онъ былъ скупъ отъ природы, а съ годами дѣлался еще скупѣе. Зоркимъ глазомъ слѣдилъ онъ за домомъ и работой въ полѣ.

Однажды на святкахъ, въ сумерки, Юхани со своей хозяйкой и двумя младшими дѣтьми отправился въ гости въ Импиваару, къ Туомасу и Лаури, а домъ оставилъ на Симеони.

Наступилъ вечеръ; работники и прислуга Юколы поспѣшили уйти на игрища въ Тоуколу, и Симеони остался одинъ владыкою дома. Подъ его властью оказались только двѣ души — старшія дѣвочки, девяти и семи лѣтъ. Дядя не отпустилъ ихъ на игрища съ прислугой, за что онѣ сильно на него разсердились.

Было уже совсѣмъ темно, но на очагѣ еще не пылалъ вечерній огонь, какъ это бывало при отцѣ и матери. Дѣтки, скучая, клянчили у дяди, чтобы онъ зажегъ свѣтъ. Но его не трогали настойчивыя просьбы. Онъ, по обыкновенію, спокойно лежалъ на камняхъ очага, жесткіе волосы свѣшивались внизъ, лежалъ и велъ умныя рѣчи.

— Ишь чего захотѣли! Ночь на дворѣ, а вамъ тутъ печку топи! Это вѣдь не желѣзный заводъ. Эхъ вы, трещотки! А знаете ли вы, что дрова—дорогой товаръ. Ну, а какъ лѣсъ кончится, что будемъ жечь? Много ли и надо нашему грѣшному тѣлу; хватитъ тепла и на васъ, пострѣлятъ. Ложитесь-ка подъ одѣяло, тамъ довольно тепла. А то — печка! Ишь, чего захотѣли!

Онъ ворчалъ, но маленькія шалуньи, не привыкшія слушаться дядю, бранились и горячо спорили съ нимъ, смѣялись и дразнили его, оскаливая свои бѣлые зубки. Но, когда и это не помогло, онѣ вцѣпились ногтями въ его волосы и успѣли порядкомъ потеребить и взъерошить ихъ, пока бѣдный мужикъ успѣлъ подняться съ лежанки. Наконецъ онъ вскочилъ, схватилъ запачканную сажей кочергу и началъ гоняться за маленькими проказницами, грозя обломать имъ ноги. Тогда плутовки шмыгнули вонъ изъ избы, хлопнула за ними березовая дверь Юколы. Минуту спустя онѣ опять вернулись въ избу и громкимъ голосомъ стали просить ужина. Долго пришлось имъ пищать и клянчить; наконецъ дядя Симеони поднялся, досталъ лучину, раскололъ ее пополамъ и зажегъ тоненькій осколокъ. При свѣтѣ его онъ начерпалъ изъ горшка въ чашку двѣ-три ложки каши, поставилъ чашку на стулъ и велѣлъ дѣвочкамъ ѣсть, а горшокъ накрылъ крышкой отъ квашни, положивъ сверху тяжелый сосновый пень. Дѣти были недовольны ничтожной порціей, они требовали еще, просили дать имъ хоть хлѣба; маленькая шустрая Венла даже громко расплакалась. Тогда Симеони отломилъ отъ краюхи хлѣба кусокъ, ве-

личиной съ палецъ взрослаго человѣка, и подалъ его дѣвочкѣ; ей этого показалось мало; она сердито махнула ручонкой, и кусокъ далеко полетѣлъ изъ руки Симеони. Тотъ разсердился, сжалъ губы и, двумя пальцами ущипнувъ слегка дѣвочку, сказалъ:

— Ахъ ты дрянь! Такъ-то ты обращаешься съ даромъ Божіимъ? А? Ишь, что выдумала!

Дѣвочка еще пуще расплакалась, а Симеони, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ наконецъ разводить огонь въ печкѣ, положивъ туда нѣсколько жалкихъ головешекъ, и сердито ворчалъ:

— Заткни глотку, а то вотъ возьму изъ угла прутъ да выпорю тебя хорошенько. Погнушалась даромъ Божіимъ, вотъ нечистый-то и вырвалъ его у тебя изъ рукъ, и оставайся теперь безъ хлѣба. Сама виновата. Будь умницей да принимайся за кашу — вонъ, какъ старшая сестра ее уписываетъ. Какого вамъ еще ужина надо? Не изъ чего намъ пиры задавать — мы вѣдь не богачи какіе-нибудь. Замолчи! Ужинъ! Какъ бы не такъ!

Такъ онъ говорилъ, сидя на корточкахъ передъ едва тлѣющими головешками, и не замѣчалъ, какъ маленькая проказница, съ ложкой въ рукахъ, сердито передразнивала его, двигая своими челюстями и гримасничая.

Однако, ни слезы, ни сердитыя слова не помогли, и дѣвочкамъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что имъ дали. Наконецъ всесильный сонъ погналъ ихъ въ постель, и скоро голодныя крѣпко заснули подъ мягкой овчиной. Симеони не сталъ дожидаться, пока головешки догорятъ до конца.

«Дрова дороги, надо ихъ поберечь на завтрашній день», — подумалъ онъ и погасилъ печально мерцавшій огонекъ, крѣпко захлопнулъ вьюшку, не обращая вниманія на горькій чадъ, который шелъ изъ трубы въ избу. Онъ опять зажегъ осколокъ лучины и принялся ужинать заплѣснѣлымъ кускомъ хлѣба и семью засохшими головками салаки. Собаки жадно слѣдили за каждымъ движеніемъ его руки отъ чашки ко рту, но Симеони не далъ имъ ни крошки. Окончивъ трапезу, онъ сложилъ руки, опустился на колѣни и, проливая горячія слезы, благодарилъ Бога, сына Давида, который по великой своей милости насытилъ его, грѣшнаго. Вставъ, онъ отворилъ дверь и принялся выпроваживать собакъ на дворъ черной березовой кочергой.

Послѣ этого онъ, держа въ оскаленныхъ зубахъ пылающую лучину, аккуратно заперъ скрипучую дверь въ сѣняхъ. Вернувшись въ избу, поднялъ лучину и посмотрѣлъ на дѣвочекъ, которыя сладко спали на своей постели подъ мягкимъ одѣяломъ, спали щека къ щекѣ, пунцовыя, какъ двѣ молоденькихъ розы.

— Ишь, какъ сладко спится послѣ каши-то!

Наконецъ, онъ и самъ рѣшилъ предаться отдыху. Растянулся на своей завѣтной лежанкѣ и уснулъ; теплота отъ очага согрѣвала подошвы его ногъ.

Но было холодно спать работникамъ и прислугѣ, вернувшимся около полуночи съ игрищъ, и на слѣдующее утро они сердито косились на дядю Симеони. А когда пріѣхали хозяинъ съ хозяйкой, прислуга и дѣти стали жаловаться на него. Но Симеони, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на бревнѣ и работалъ топоромъ, беззаботно приговаривая:

— Намъ не изъ чего важничать, сами знаете. Нѣтъ! Тутъ, братъ, не разважничаешься.

Однако, бывали и у него минуты, когда ничто его не озабочивало. Случалось, что онъ возвращался изъ деревни совершенно пьяный; шумѣлъ и разгуливалъ по избѣ, на потѣху всему дому, отъ мала до велика. Зато на другой день онъ сильно страдалъ и тѣломъ, и душою. Но одно происшествіе сильно сократило недолгія минуты его нетрезваго состоянія и долгіе дни покаянія. Однажды Юхани привезъ ему изъ города дорогой подарокъ, большую библію, почти въ полпуда вѣсомъ, въ крѣпкомъ переплетѣ. Велика была радость и восхищеніе Симеони, и онъ никогда не уставалъ благодарить и восхвалять брата за это доброе дѣло.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ, по вечерамъ, видѣли его сидящимъ за библіей. Теперь онъ рѣже, чѣмъ раньше, попадалъ въ компанію любителей выпивки. Однако, въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, опять съ инмъ случился грѣхъ. Въ веселомъ хмелю, онъ буянилъ и кружился по избѣ и напослѣдокъ сладко уснулъ на своей лежанкѣ. Но на слѣдующій день онъ снова почувствовалъ тяжелое раскаяніе. И что же онъ сдѣлалъ? Ставъ у стола передъ раскрытой библіей, онъ громкимъ голосомъ созвалъ всѣхъ домашнихъ, отъ мала до велика, положилъ два пальца на библію и, возведя глаза къ небу, далъ торжественную клятву, что уже никогда болѣе не возьметъ въ ротъ ни капли хмельного.

Прошелъ годъ, прошло два, три года — Симеони твердо держалъ свою клятву. Но вдругъ снова впалъ въ ужасный грѣхъ, и это произвело страшный переполохъ въ домѣ. Несчастный считалъ себя теперь клятвопреступникомъ, бездушнымъ червемъ: онъ нарушилъ обѣщаніе, которое далъ, «положивъ два пальца на св. книгу». И вотъ онъ рѣшилъ покончить съ собой. Торопливымъ, но твердымъ шагомъ и въ полномъ разсудкѣ вы-

шелъ изъ избы, поднялся на чердакъ конюшни и, взявъ старую подпругу, обмоталъ одинъ ея конецъ около шеи, другой прикрѣпилъ къ стропилу и спокойно повисъ. Глаза его неподвижно глядѣли впередъ, щеки налились кровью, кисти рукъ крѣпко сжались въ кулаки. Но мѣра его жизни еще не исполнилась.

Какъ разъ въ это время старуха-теща отправилась на чердакъ искать яицъ и, увидѣвъ Симеони на веревкѣ, своимъ крикомъ всполошила весь домъ. Юхани поспѣшилъ на чердакъ. Однимъ махомъ перерѣзалъ подпругу и, шатаясь и причитывая, потащилъ брата въ избу; вокругъ нихъ столпились женщины и дѣти, плача, крича, всплескивая руками. — Юхани внесъ брата въ свѣтелку и уложилъ его на мягкій коверъ Венлы; Симеони скоро пришелъ въ себя; мрачный, тяжело дыша и глядя на полъ, сидѣлъ онъ на кровати, не произнося ни слова. А Юхани, съ трубкой въ зубахъ, торопливымъ и размашистымъ шагомъ отправился къ Аапо, чтобы сообщить ему объ ужасномъ происшествіи и попросить совѣта, что дѣлать съ братомъ. По его мнѣнію, лучше всего было бы, не вынося сору изъ избы, задать ему легонькую братскую трепку, а потомъ сдѣлать строгое внушеніе именемъ Божіимъ. Но Аапо призналъ наказаніе излишнимъ, вреднымъ и рѣшилъ, что надо дѣйствовать только словомъ. Онъ тоже закурилъ свою трубочку, и оба брата изъ Аапо-Юколы черезъ поле отправились въ Юхани-Юколу вразумлять горемыку-Симеони.

Аапо дружески потрясъ руку брата и, набивая свою трубку, началъ торжественнымъ тономъ говорить объ угрожающемъ ему наказаніи и убѣждалъ не терять бодрости духа. Симеони молча слушалъ его, уныло понуривъ голову. А Аапо, то и дѣло раскуривая потухающую трубку, простирая руку и умиленно глядя изъ окна на небо, говорилъ все съ большимъ и большимъ жаромъ; блестящимъ золотымъ дождемъ струились слова изъ его устъ. Горькая и вмѣстѣ сладостная улыбка появилась на губахъ у Симеони, слезы ручьемъ хлынули изъ его глазъ. У Юхани дрогнула челюсть, лицо перекосилось, и скоро и онъ тоже разразился слезами, и даже глаза самого Аапо засверкали влажнымъ блескомъ.

Жизнь и надежды вновь воскресли въ сердцѣ Симеони. Съ этой поры онъ никогда болѣе не притрагивался къ чаркѣ. По-прежнему онъ либо работалъ въ полѣ, либо, съ трубкой въ зубахъ, рубилъ въ загородѣ пахучую хвою, или сидѣлъ за библіей, разбирая святыя слова.

Аапо хозяйничалъ въ другой половинѣ Юколы, которая называлась Аапо-Юкола. Въ жены онъ себѣ взялъ Хиирику Конк-

кала; она была красива и во всѣхъ отношеніяхъ отличная женщина: усердная хозяйка, ласковая жена. И Аапо былъ доволенъ ею, но считалъ нужнымъ время отъ времени наставительнымъ тономъ давать ей совѣты по части домашняго хозяйства. Жена молча слушала ихъ, а иногда, щуря глаза, смѣялась веселымъ, простодушнымъ смѣхомъ. Часто Аапо поучалъ также служанокъ и дѣвчонокъ-прислужницъ, будучи недоволенъ ихъ работой. Однажды крѣпко досталось отъ хозяина старшей прислугѣ, когда она мела полъ. Показалось Аапо, что дѣвка плохо мететъ, оставляетъ соръ по угламъ; онъ вырвалъ вѣникъ изъ рукъ прислуги и принялся самъ проворно подметать избу отъ большого угла до дверей. Дойдя примѣрно до половины, онъ сунулъ вѣникъ въ руку бѣдной дѣвкѣ и сказалъ:

— Вотъ какъ надо мести, моя милая!

Хозяйка, стоя у очага, смотрѣла, какъ Аапо суетился съ вѣникомъ, смѣялась отъ всей души, щуря глаза и держась руками за колѣни, такъ что Аапо, оставивъ прислугу, бросилъ на нее строгій взглядъ. Впрочемъ, онъ былъ всегда справедливъ и къ служанкамъ и къ работникамъ, и всѣ въ одинъ голосъ хвалили его за это.

Онъ занимался также лѣченіемъ болѣзней, чему выучился онъ изъ какого-то стараго лѣчебника. Часто ему удавалось вылѣчивать больныхъ лѣкарствами, изъ которыхъ многія были его собственнымъ изобрѣтеніемъ. Массажистъ онъ былъ безподобный, и не одинъ мужикъ, побывавъ у него въ рукахъ, получилъ облегченіе. Въ бѣдѣ не до церемоній: случалось не разъ, что и бабы давали себя растирать Аапо, когда у нихъ жгло и сосало подъ грудью.

Большимъ уваженіемъ пользовался также Аапо, какъ засѣдатель. Съ важнымъ видомъ, заложивъ ладонь за ухо и внимательно слушая дѣло, сидѣлъ онъ на своей скамьѣ въ судной избѣ. Онъ сидѣлъ, гордо поднявъ голову, и тонкая самодовольная усмѣшка время отъ времени блуждала на его губахъ. Мудръ, справедливъ и безпристрастенъ былъ всегда его приговоръ. Самъ судья зналъ это и терпѣливо выслушивалъ его нѣсколько длинныя рѣчи, когда онъ, размахивая рукой, излагалъ свое мнѣніе по дѣлу.

Такъ жилъ онъ мирно и безмятежно въ своемъ домѣ, добрый хозяинъ и добрый отецъ своимъ бойкимъ ребятамъ.

Въ Импиваарѣ, выстроенной раньше, правилъ Туомасъ, сильный, плечистый мужикъ. Велика его сила, и вся его жизнь ис-

полнена спокойствія. Онъ былъ самый щедрый изъ всѣхъ братьевъ, былъ добръ и жалостливъ къ несчастнымъ. Когда бѣднякъ искалъ у него помощи, онъ не распрашивалъ и не разбиралъ, что и какъ. Онъ не попрекалъ человѣка, если даже человѣку по своей собственной винѣ пришлось взять въ руки нищенскій посохъ. Онъ помогалъ всѣмъ безъ разбора, думая про себя:

«Каковъ ты ни есть, а хочешь ѣсть».

Больше всего жалѣлъ онъ маленькихъ дѣвочекъ-бродяжекъ, съ робкимъ взглядомъ, съ сердцемъ въ трепетѣ страха, ходившихъ по міру. Двухъ нищенокъ онъ взялъ къ себѣ въ домъ и здѣсь ихъ растили и холили не хуже, чѣмъ его собственныхъ дѣтей, которыхъ было довольно, и всѣ — пребойкіе ребята.

Женатъ онъ былъ на единственной дочери Хяркямяки, женшинѣ, которая была какъ-разъ подъ стать богатырю Импиваары: живая и въ то же время серьёзная и спокойная. Гордо вздымалась ея пышная грудь; толстая, льняного цвѣта, коса красиво ложилась на могучія плечи, изъ-подъ бѣлаго съ красными клѣтками платка. Взглядъ ея честныхъ и добрыхъ глазъ часто покоился на головкѣ дѣвочекъ-сиротъ, взятыхъ въ домъ.

Такъ мирно протекали дни Туомаса. Жизнь человѣческую часто сравниваютъ съ текущей водой. Жизнь Туомаса, отъ его водворенія въ Импиваарѣ до самаго смертнаго часа, я хотѣлъ бы уподобить большой рѣкѣ, которая тихо и величаво катится къ безбрежному, вѣчному океану.

На разстояніи двухъ-трехъ выстрѣловъ отъ дома Туомаса на востокъ, въ сосновомъ бору, стоялъ хуторъ Лаури; это была другая половина Импиваары, она также называлась Лаурила. Тутъ жилъ молчаливый Лаури, усердно воздѣлывая свою землю; онъ прилежно трудился на полѣ, но еще охотнѣе въ лѣсахъ и болотахъ.

Жену себѣ онъ взялъ изъ Куоккалы. Въ Куоккалѣ были двѣ дѣвушки-близнецы; Лаури взялъ одну, а другая досталась Тимо и стала хозяйкой хутора Кеккури. Жена Лаури была баба на славу: широкогрудая, мускулистая, хоть и невелика ростомъ. Далеко былъ слышенъ ея рѣзкій голосъ, похожій на звукъ кларнета, особенно когда, разсердившись, она кричала на мужа, и черные глаза сверкали огнемъ.

Но сколько ни кричи баба, хоть реви ураганомъ, — Лаури и горя мало: сидитъ себѣ, да потюкиваетъ топоромъ и ни гу-гу. Это была настоящая пытка для нея, и она еще пуще начинала сердиться. Случалось, однако, что и мужику становилось невтер-

пежъ, и тогда не дай Богъ попасться ему на глаза. Баба вдругъ смолкала, изо всѣхъ ногъ убѣгая изъ избы, пряталась въ укромный уголокъ, гдѣ-нибудь въ хлѣву, украдкой выглядывая изъ своего убѣжища и выжидая, пока утомонится мужъ. Однако, рѣдко видали спокойнаго Лаури въ такомъ разъяренномъ состояніи. Чаще бывало такъ, что, когда баба опять принималась шумѣть, мужикъ, съ трубкой въ зубахъ и топоромъ подъ мышкой, шелъ въ лѣсъ за деревомъ для подѣлокъ, берестой и кокорами. Онъ любилъ оставаться въ лѣсу подольше, искалъ, смотрѣлъ, думалъ. Бывало, ужъ и солнце давно зашло, дома всѣ улеглись спать, а онъ только еще возвращается ко двору въ сумеркахъ теплой лѣтней ночи, таща на плечахъ цѣлый возъ сучьевъ, кокоръ и бересты.

Въ избѣ всѣ уже спали сладкимъ сномъ; только гнѣвная хозяйка еще ждала мужа, на кровати въ свѣтлицѣ. Лаури, поужинавъ, входилъ въ свѣтлицу, и здѣсь разражалась надъ нимъ жестокая буря. Вопила баба, трещала, какъ вѣтеръ въ сухомъ можжевельникѣ, сыпались на мужика бранныя слова:

— Котъ блудливый! Бродяга! Ему бы только по лѣсамъ шляться, будь они прокляты!

Лаури молча раздѣвался и, закуривъ трубку, ложился въ постель рядомъ съ бабой, которая продолжала ворчать и браниться. Когда трубка была выкурена до конца, онъ, положивъ ее осторожно на полъ и подтянувъ одѣяло, говорилъ твердымъ голосомъ:

— Замолчи, помолись, да и спи себѣ съ Богомъ, гляди, чтобы хуже не было. Слышишь ли: не было бы хуже.

Баба покорялась, съ сердцемъ рванувъ къ себѣ одѣяло, хоть и кипѣло еще внутри у нея.

Такъ-то Лаури совершалъ свои походы въ лѣсъ, пока не наступали темныя осеннія ночи. О томъ, что онъ тамъ видѣлъ, онъ рѣдко кому говорилъ въ теченіе недѣли. Только въ воскресенье, обыкновенно за завтракомъ, разсказывалъ кое-что работникамъ.

Случилось однажды, что, возвратившись изъ лѣса, онъ былъ какъ-то особенно задумчивъ; но о чемъ именно онъ такъ упорно размышлялъ, этого никто не могъ понять. Молчаливый и день ото дня все болѣе угрюмый, бродилъ онъ по двору, сердито ворча на мужиковъ и на бабъ, что раньше рѣдко съ нимъ бывало. Облако глубокой и упрямой думы омрачало его чело, бросая тѣнь во впадины глазъ. Пришло, наконецъ, воскресенье. Лаури со своими работниками сидѣлъ за столомъ, въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ заговорилъ, и вотъ что онъ сказалъ:

— Братцы, хочу спросить у васъ про одну вещь: растолкуйте вы мнѣ ее. Пять дней тому назадъ шелъ я черезъ пожню

Койвисто, что на горкѣ. Была пороша, снѣгъ покрывалъ землю тонкимъ ватнымъ одѣяломъ, вотъ какъ и нынче. И увидѣлъ я... а что, и самъ не пойму. И дни и ночи бьюсь надъ этой штукой, — будь она проклята! — а все ума не приложу. Однако, слушайте. Увидѣлъ я на пожнѣ слѣдъ, слѣдъ взрослаго человѣка, и осторожно пошелъ по нему. Только вдругъ пропалъ этотъ слѣдъ. Перевалилъ я черезъ горку, спустился внизъ, къ кустамъ, — вижу: лисій слѣдъ, какъ есть настоящій лисій слѣдъ, а его до тѣхъ поръ и въ поминѣ не было. Что за диво! Куда же дѣвался человѣкъ? Не ушелъ онъ ни назадъ, ни впередъ, ни направо, ни налѣво, — развѣ что поднялся на небо, а лисица спустилась оттуда на землю и повела его слѣдъ дальше. Или, можетъ, онъ несъ лисицу на рукахъ, а потомъ самъ сѣлъ верхомъ на хвостатую шельму и поѣхалъ черезъ кусты къ погосту? Немыслимое дѣло, а другого ничего не могу придумать, чтобы добиться толку. Что вы на это скажете, ребята? Неужто еще водятся колдуны въ здѣшнихъ мѣстахъ? Чортъ, что ли, подшутилъ надъ человѣкомъ — обернувъ его лисицей?

Съ удивленіемъ слушалъ его народъ; никто не могъ ему объяснить, въ чемъ тутъ дѣло; наконецъ рѣшили такъ, что не иначе, какъ колдунъ ходилъ по горкѣ Койвисто.

Но Лаури это не успокоило. Поѣвши, онъ отправился къ пожнѣ Койвисто и, поднявшись на горку, увидѣлъ то же самое: по свѣже-выпавшему снѣгу шелъ человѣческій слѣдъ, который потомъ переходилъ въ лисій. Лаури съ перекошеннымъ лицомъ завопилъ яростно:

— Или самъ сатана тутъ хозяйничаетъ?

Онъ толкнулъ ногой навозную кучу, виднѣвшуюся изъ-подъ снѣга — оттуда сверкнуло желѣзо. Вихремъ полетѣлъ вверхъ мелкій навозъ съ мякиной, блестящія клещи западни вцѣпились въ икру мужика и крѣпко сдавили ее. У Лаури отъ боли вылѣзли глаза на лобъ; онъ торопливо нагнулся, чтобы высвободить свою ногу изъ упрямой машины, и съ проклятіемъ швырнулъ ее далеко въ поле. Теперь только онъ понялъ, что кто-то понаставилъ ловушекъ на его пожнѣ; но страннаго превращенія слѣдовъ на снѣгу все еще не могъ понять. Сердито пошелъ онъ назадъ къ дому, хромая и стискивая зубы отъ боли. Ему нужна была опора при ходьбѣ, — онъ началъ искать какую-нибудь палку и въ кустахъ около большой дороги замѣтилъ два березовыхъ шеста; вытащивъ ихъ, онъ увидѣлъ, что это ходули, и что на нижнемъ концѣ ихъ очень искусно были сдѣланы подобія лисьихъ лапъ. Лицо его просвѣтлѣло — все стало ясно: охотникъ, чтобы обма-

нуть звѣря, осматривая ловушки, подходилъ къ нимъ на ходуляхъ. Съ помощью этого снаряда онъ не оставлялъ за собой человѣческихъ слѣдовъ, зная, какъ боится ихъ хитрая Патрикѣевна. Лаури, съ облегченнымъ сердцемъ, хотя и съ больной ногой, отправился домой, опираясь на ходули, какъ на костыли.

Такъ онъ жилъ-поживалъ съ доброй женой и ребятами. И покуда ребята были на попеченіи матери, всего у нихъ было вдоволь: и рубахи, и чулки, и пища на каждый день, и хорошая порка.

Хуторомъ Кеккури владѣлъ Тимо, и женой ему была одна изъ сестеръ-двойняшекъ изъ Куоккала. И по характеру, и по наружному виду она была похожа на свою сестру: такая же крѣпкогрудая, курносая и смуглолицая коротышка. Говорили, впрочемъ, что сердце у нея было немного нѣжнѣе, чѣмъ у сестры ея, жены брата Лаури. Очень любилъ ее Тимо, хотя строптивая супруга иногда и таскала его за волосы своей дюжей рукой: не любила она, чтобы передъ ней важничали. Тимо всячески старался угодить своей женѣ, и въ домѣ у нихъ все шло хорошо. Одно только иногда немного нарушало семейный миръ. Былъ у Тимо обычай, глубоко укоренившійся, разъ въ годъ, въ праздникъ Кекри*, зашибаться хмелемъ, при чемъ онъ день или два проводилъ въ деревнѣ, въ веселой компаніи, пока не замѣчалъ, что пора отправляться домой; но тутъ-то и начиналась исторія.

Разъ, это было въ началѣ ноября, закутилъ мужикъ съ веселыми пріятелями. Сидя на прохладномъ чердакѣ въ Таммисто, они опрокидывали одну за другой косушки, весело болтали, пѣли и обнимались, какъ закадычные друзья. Такъ провели они двѣ ночи и два дня, крича, распѣвая и безпечно поглядывая посоловѣлыми глазами изъ окошка чердака. Они видѣли передъ собой покрытый навозомъ загонъ, соломенную крышу хлѣва, каменистую гору, поля и луга и далекое болото Леммила, около котораго, подъ самыми облаками, рѣяли и кружились лебеди, направляясь въ южныя страны.

Наконецъ, на третій день наши пріятели проснулись въ своихъ холодныхъ постеляхъ съ головной болью. И деньги, и вино кончились, и не было никакого способа заставить хозяекъ откупорить новыя бутыли. Тимо рѣшилъ отправиться домой. Онъ плелся шагъ за шагомъ вдоль околицы, по унылымъ горамъ, ду-

---

* Кекри — богъ, покровитель скота, у финновъ-язычниковъ. *Прим. перев.*

мая о своей сердитой хозяйкѣ. Жалко болтались его суконные штаны; изъ-подъ штановъ и полосатаго жилета вылѣзала рубаха; глаза стали маленькими и налились кровью; волосы торчали вихрами; открытая грудь красна и блестѣла, какъ вычищенный мѣдный котелъ. Шелъ онъ, съ тяжелымъ серцемъ, и сердито глядѣли на него лѣса, горы и долины. Пожелтѣлая береза укоризненно качала своей вершиной при видѣ его, сердито хмурилась мрачная ель, и съ ядовитой усмѣшкой глядѣлъ смолистый корявый пень, стоя на краю дороги, какъ черное привидѣніе. Вся природа, прежде такая ласковая, теперь казалась ему злой мачехой.

Наконецъ, онъ достигъ своего двора и остановился въ раздумьѣ: войти ли въ избу? есть ли какое-нибудь средство на семъ свѣтѣ, чтобы умилостивить разъяренную бабу? Онъ схватился руками за голову и долго стоялъ такъ, глядя то туда, то сюда. Наконецъ, замѣтилъ подъ навѣсомъ полѣнницу и сказалъ самъ себѣ:

— Придумалъ!

Набравъ огромную охапку дровъ, онъ потащился къ избѣ, въ надеждѣ такимъ образомъ смягчить суровую супругу. Громко стуча ногами, поднялся онъ на крыльцо и, подойдя къ дверямъ, закричалъ весело:

— Эй вы, ребятки, отоприте-ка двери!

Маленькій мальчуганъ Іосеппи, съ рожицей, вымазанной простоквашей, отворилъ дверь; Тимо вошелъ въ избу со своей ношей, безстрашно и прямо глядя передъ собой. Съ грохотомъ сбросивъ дрова въ углу, онъ сказалъ:

— Здорово-таки убыло дровъ въ полѣнницѣ. Да ничего! Хватитъ лѣсу въ Юколѣ.

Послѣ этого онъ отважился бросить быстрый взглядъ въ сторону своей хозяйки, но оттуда грозно глядѣла на него темная туча.

Наступила жуткая минута.

— Гдѣ ты шлялся, окаянный? — завизжала баба, изо всей силы ударивъ его сначала по правой щекѣ, потомъ по лѣвой. Послѣ этого на минуту наступила страшная тишина, а потомъ баба стала неистово таскать его за волосы, и все пошло кругомъ у него въ глазахъ. Наконецъ, его-таки задѣло за живое; онъ схватилъ жену за руку своей дюжей лапой, посадилъ на лавку и съ минуту продержалъ ее такъ. Со взъерошенными волосами и красный, какъ ракъ, онъ говорилъ разъяренной женщинѣ:

— Погоди ужо — я тебѣ задамъ настоящую трепку, шлюха ты, ослиный жеребенокъ! Думаешь, такъ я тебѣ и дался? Нѣтъ,

братъ, шалишь! Кому-кому, а ужъ бабѣ-то я не позволю вцѣпиться себѣ въ волосы. У меня, чортъ возьми, расправа коротка — это тебѣ всякій скажетъ. Погоди ужо — я тебя поучу маленько!

— Отпусти, окаянный! Отпусти, тебѣ говорятъ! — вопила жена.

Задумался Тимо на минуту: отпускать или не отпускать бабу? Та закричала еще разъ, сердитѣе прежняго; Тимо разжалъ кулакъ, и тотчасъ же баба снова вцѣпилась ему въ волосы. Тогда онъ разсердился не на шутку и, подумавъ: «чортъ съ тобой!», рѣшилъ уйти отъ грѣха. Съ надменнымъ видомъ направился онъ къ дверямъ, но не тутъ-то было: баба вцѣпилась ему въ загривокъ и продолжала неистово трепать его, — такъ маленькій коричневый ястребъ треплетъ краснопераго глухаря — только перья летятъ по воздуху. Только на порогѣ сѣней баба отстала, грозясь проучить его еще разъ, а Тимо важно спустился съ крыльца, ворча про себя:

— Вотъ какъ надо васъ учить, проклятыя бабы!

Онъ скрылся за хмельникомъ, но потомъ, плутовски ухмыляясь, быстро повернулъ къ конюшнѣ, поднялся на сѣновалъ и, швырнувъ оттуда двѣ охапки сѣна въ стойла лошадямъ, бросился на мягкое шуршащее ложе, думая о женѣ: «Горячая баба!», и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Наступила холодная ноябрьская ночь, а Тимо все не возвращался. Встревожилась хозяйка, не зная, что думать про мужа.

«Не повѣсился ли, чего добраго? Ишь, вѣдь шальной какой! Не бросился ли сдуру въ колодецъ на Боровой пожнѣ? А то заснулъ въ лѣсу и, поди-ка, отморозилъ себѣ, горемычный, и носъ, и руки, и ноги». — Такъ она думала и, наконецъ, залилась горькими слезами, лежа въ постели одна, безъ милаго мужа. Она вздыхала и всхлипывала; мучительно тянулись минута за минутой; безпокойное ухо прислушивалось, не раздастся ли шумъ у воротъ или въ сѣняхъ. Ночь длилась, но шаговъ все не было слышно. Наконецъ она встала, одѣлась, зажгла фонарь, намѣреваясь итти искать пропавшаго. Но она не смѣла итти въ ночную темноту: она очень боялась привидѣній. Страшно путала ее также собственная ихъ баня, въ которой недавно умеръ убогій старикъ сѣдобородый Ійсакки. Она разбудила служанку Тааву, чтобы итти вмѣстѣ съ ней. Таава встала, одѣлась и, сердито ворча, пошла за своей хозяйкой. Глухая, холодная ночь стояла на дворѣ. Сначала обыскали онѣ баню, потомъ гумно, но безуспѣшно. Вернулись на дворъ; хозяйка заплакала, стоя на межѣ,

и начала громко звать мужа. Она кричала во весь голосъ, — гулкое эхо отдавалось въ лѣсу и въ ригѣ, на гладкой скалѣ. Наконецъ, онѣ услышали съ сѣновала хриплое бормотаніе и бросились туда. Хозяйка, съ фонаремъ въ рукѣ, поднялась на сѣновалъ и нашла Тимо, который, впросонкахъ, поднявшись на своемъ хрустящемъ ложѣ, уставился на нее, какъ баранъ, напуганный волками: онъ не идетъ подъ защиту человѣка, вырвавшаго его изъ пасти звѣрей, а вдругъ, ни съ того, ни съ сего, принимается бѣжать вслѣдъ за волками; остановится, посеменитъ ногами и сердито уставится глазами впередъ. Такъ и Тимо глядѣлъ на жену, не узнавая ея: еще не весь хмель вышелъ у него изъ головы.

— Ну, чего сидишь? Пойдемъ домой. Не слѣдъ тебѣ сидѣть тутъ на морозѣ — окоченѣешь совсѣмъ, Господь съ тобой! — сказала жена.

— А вы кто такія? — спросилъ Тимо.

— Господи, спаси и помилуй! Да что ты, очумѣлъ никакъ? Ужели и меня не узнаешь? Вотъ видишь, до чего грѣхъ-то доводитъ.

— Кто вы такія? — повторилъ Тимо, протирая глаза.

— Господи Боже! Да что же это такое? Тимо?

— Ну?

— Ужели не узнаешь меня? Вѣдь я же Улла, жена твоя.

— Да ну? А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!

— Пойдемъ въ избу — нечего тебѣ здѣсь дѣлать, на холодномъ сѣновалѣ. Охъ ты, горемычный!

— Ничего! Мы и на сѣновалѣ выспимся.

— О, чтобъ васъ! — вскричала прислуга. Ходи тутъ середь ночи, шарь по угламъ, да ищи пьяныхъ мужиковъ.

Жена предложила Тимо:

— Давай сюда руку.

А прислуга насмѣхалась:

— Еще за руку его веди. Взяла бы я тебя за ноги—полетѣлъ бы ты у меня, что мякина на хорошемъ вѣтру.

Они пришли въ избу — впереди хозяйка съ прислугой, за ними Тимо. Прислуга сейчасъ же бросилась въ постель, сердито ворча; а хозяйка живо принялась собирать ужинъ мужу. Она положила на столъ хлѣбъ, масло, крошеной говядины и картофелю. Тимо съ аппетитомъ принялся за ужинъ. Жена сидѣла на другомъ концѣ стола и съ сокрушеннымъ видомъ, со слезами на глазахъ, глядѣла на мужа.

— Не сидится тебѣ дома, чудной ты человѣкъ, — говорила

она. — Знаешь вѣдь, какая я горячка. Вотъ и опять пришлось оттаскать тебя за волосы. Испробовалъ бабьихъ когтей!

— Надрала-таки ты вихры мнѣ, это вѣрно. Чего же хнычешь-то? Невелика бѣда! А горячая была свалка! Здорово ты меня оттрепала! Ишь ты, чортова баба! Поди-ка, налей квасу.

— А ты не шляйся по кабакамъ день и ночь. Безбожники! Благодари Бога, что живъ остался; а то попалъ бы прямо въ адъ кромѣшный.

— Да, мало мы думаемъ о смерти, видитъ Богъ, мало,—согласился Тимо. — Да и то сказать: какая тутъ смерть, когда человѣкъ въ самой порѣ?

Баба нацѣдила мужу изъ боченка темнаго пѣнистаго квасу, и онъ, плотно поужинавъ, осушилъ почти цѣлый жбанъ. Послѣ этого оба отправились почивать.

Но нельзя не разсказать и кое-что другое про хозяйку Тимо. Утромъ въ воскресенье или въ праздникъ, когда ей нужно было итти съ мужемъ къ причастію, она, проливая горячія слезы, просила прощенія у всѣхъ членовъ семьи, въ чемъ передъ ними согрѣшила. И это была трогательная минута въ домѣ Кеккури.

Такъ случилось и въ одно лѣтнее воскресное утро. Со всѣми попрощалась хозяйка, начиная съ мужа и до послѣдняго пастушенка, и никогда еще она не говорила такихъ теплыхъ словъ и не проливала столь горячихъ слезъ. Тимо, самодовольно улыбаясь, вышелъ во дворъ сказать, чтобы поскорѣе запрягали. Онъ шелъ счастливый, и высоко поднимался воротъ его рубахи, застегнутый ловкою рукой жены. И онъ говорилъ работнику, запрягавшему лошадь:

— Да, братъ, что ни говори, а хороша у насъ хозяйка. Вѣрно, какъ Богъ святъ. Всѣмъ хозяйкамъ хозяйка! Куда бы я дѣвался безъ нея съ малыми ребятами? Умри она — и тремя сотнями не окупить этакой бѣды; даже и четырехъ сотенъ будетъ мало. Повѣрь моему слову, братецъ Каапе.

Проворный Каапе искренно съ нимъ соглашался; но, когда повернулся къ нему спиной, на лицѣ его показалась лукавая усмѣшка.

Младшій изъ братьевъ, Ээро, жилъ и строился въ хуторѣ Вуохенкалма, стоявшемъ на каменистой горѣ, около большой дороги. Онъ былъ дѣятельнымъ и умнымъ ягдфохтомъ въ приходѣ, и на устраиваемыхъ имъ охотахъ много попибало волковъ, лосей и медвѣдей въ искусно разставленныхъ сѣтяхъ. Ленсманъ

часто пользовался его услугами, такъ какъ всѣ дѣла, которыя онъ велъ, обыкновенно кончались успѣшно. Знаніе имъ грамоты и счета доставляло ему много работы и давало хорошій доходъ. Онъ не запускалъ и хозяйства, но съ большимъ умомъ и рвеніемъ руководилъ всѣми дѣлами и работами. Никто не смѣлъ у него сидѣть сложа руки. Его хозяйскій глазъ пристально слѣдилъ за всѣмъ, какъ острый глазъ крючконосаго ястреба, сидящаго на суку сухой березы, среди поля, въ яркомъ сіяніи лѣтняго солнца.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ или читалъ свою газету, или самъ писалъ для той же газеты разныя извѣстія и замѣтки объ общественныхъ дѣлахъ. И редакція всегда охотно принимала его корреспонденціи, которыя были написаны ясно и дѣловито, а часто и талантливо. Эти занятія расширяли его умственный кругозоръ. Родная земля уже не была для него какой-то невѣдомой частицей невѣдомаго міра. Онъ зналъ, гдѣ находится эта земля, тотъ дорогой сердцу уголокъ міра, въ которомъ творитъ и борется народъ Суоми, и въ лонѣ которой почиваютъ кости его предковъ. Онъ зналъ ея границы, ея таинственно улыбающіяся озера и эти сосновые кряжи, что тянутся, словно хворостинная изгородь, изъ конца въ конецъ. Образъ родной земли, ея милый ликъ навсегда запечатлѣлся въ его сердцѣ. У него родилось желаніе работать для блага и счастія своей земли. Благодаря его неустаннымъ трудамъ, построена была въ приходѣ народная школа, одна изъ первыхъ въ Суоми. Онъ завелъ также и нѣкоторыя другія полезныя учрежденія въ своемъ приходѣ. Постояннымъ помощникомъ его въ домашнихъ дѣлахъ и заботахъ былъ старшій сынъ, котораго онъ рѣшилъ сдѣлать образованнымъ человѣкомъ.

Женатъ онъ былъ на дочери Сеунала, стройной, бѣловолосой, застѣнчивой Аннѣ, той самой, у которой были странныя видѣнія, и которая предсказывала разныя чудеса. Она была хозяйкой обширнаго хутора Вуохенкалма; но ея хозяйственная власть простиралась не очень далеко. Больше трудами и заботами самого хозяина управлялся домъ. Въ его карманѣ звенѣли ключи отъ хлѣбнаго закрома; онъ самъ выдавалъ все, что нужно было людямъ и скоту, самъ платилъ жалованье прислугѣ и работникамъ. А хозяйка чаще уныло бродитъ или стоитъ около очага, молчитъ и все о чемъ-то думаетъ. Но, когда она наклоняется надъ колыбелью своего малютки, глаза ея чудно сіяютъ. Любо ей, когда ея «золотая шишечка» рѣзвится и барахтается у нея на колѣняхъ. Блаженно сіяютъ глаза застѣнчивой хозяйки, когда она

кормитъ его своей грудью, одѣваетъ, холитъ и нѣжитъ его и мечтаетъ о томъ, какъ она выраститъ и сдѣлаетъ сына «наслѣдникомъ Царства Небеснаго».

Однажды лѣтомъ, въ воскресный вечеръ, когда солнце уже заходило на сѣверо-западѣ, и тихо было въ воздухѣ въ лѣсу, сидѣла она на скамьѣ, во главѣ стола, одна со своимъ ребенкомъ. Ээро ушелъ осматривать луга и пашни, а всѣ люди — въ деревню. Тихо и на дворѣ, и въ избѣ, убранной по-праздничному, усыпанной листвой. Только по временамъ изъ березовой рощи, на горѣ, слышался отдаленный звонъ колокольчиковъ стада. Молодая хозяйка сидѣла на лавкѣ, болтая съ ребенкомъ, который лежалъ у нея на колѣняхъ и глядѣлъ на нее, какъ ясное утро.

— Скажи ты мнѣ, мое дитятко, — пѣла она, — какими путями-дорогами дошелъ ты до дому? — Шелъ я путемъ-дорогою, мимо города Туру, шелъ землями Хяме, по тѣмъ ли по путямъ скотопрогонным. — А скажи-ка ты мнѣ, мое дитятко, а какъ ты свой домъ призналъ? — Призналъ по рыжей собакѣ, лежала та собака у подворотни; узналъ по золотому колодцу; да стояли тутъ въ сѣнникѣ поповы лошади; да пивная бочка стояла въ соломенникѣ. — А какъ ты призналъ свою матушку родимую? какъ призналъ своего батюшку? — Стояла матушка у огненной печки, черпала она сладкое сусло; она черпала, пѣла пѣсенку, пѣла пѣсенку звонкимъ голосомъ; на шейкѣ-то у ней платочекъ, словно бѣлый снѣгъ, что небесная радуга. Сидѣлъ батюшка у золотого окошечка, вырѣзалъ онъ себѣ топорище. — Такъ-то нашелъ ты свою дороженьку, узналъ своихъ отца съ матерью. Скажи, мое дитятко, мое ясное солнышко: не хочешь ли уплыть отсюда къ тихой пристани, покуда бѣла-чиста твоя дѣтская душенька? У темнаго, тихаго озера стоитъ темный дворецъ Туонелы *; кругомъ дворца роща темная, въ той темной рощицѣ, подъ росистымъ кусточкомъ, ждетъ тебя колыбелька съ бѣлой простынькой и одѣяльцемъ. Послушай моей пѣсенки: она унесетъ тебя въ царство Туонелы. Послушай моей пѣсенки завѣтной!

Роща Туони, темная роща!
Тамъ — мягкая песчаная колыбель,
Туда провожу я свое дитятко.

Любо тамъ будетъ моему дитяткѣ,
На лугахъ владыки Туони
Пасти стада Туонелы.

---

* Туонела — царство мертвыхъ.

Любо тамъ будетъ дитяткѣ;
Наступитъ вечеръ, — будетъ его баюкать
На рукахъ своихъ дѣва Туонелы.

Любо тамъ будетъ моему золотому
Качаться въ золотой колыбелькѣ,
Слушать пѣсенку козодоя.

Роща Туони, роща мира!
Далеко отъ нея горе и свара,
Далеко коварный міръ.

Такъ она пѣла своему ребенку, и голосъ ея звенѣлъ звучнѣе кантеле въ празднично-убранной избѣ. Кончивъ пѣсню, она молча стала глядѣть изъ окна ввысь, туда, въ святую вышину; ясно и чисто было небо, ни одного облачка не видно подъ его округленнымъ сводомъ; только ласточка, едва замѣтная глазу, рѣяла тамъ, легкая и быстрая, какъ мысль счастливаго ребенка. Такъ она сидѣла, и щека ея, пригрѣтая солнцемъ, прижалась къ виску спящаго младенца; а синіе глаза все глядѣли вверхъ, въ лазурныя пространства, и миромъ дышало ея чело.

Тѣмъ временемъ мужъ вернулся изъ лѣса и на дворѣ услышалъ пѣніе своей жены, которое еще никогда не казалось ему такимъ прекраснымъ. Онъ вошелъ въ избу и сѣлъ рядомъ съ женой; это была ласка, которую онъ рѣдко когда выказывалъ ей. Она быстро повернулась къ мужу, положила ребенка къ нему на колѣни, прижалась лицомъ къ его груди и залилась слезами. Онъ обвилъ ея шею рукою и поправилъ упавшую прядь ея золотистыхъ волосъ. Такъ сидѣли они въ этотъ тихій воскресный вечеръ на бѣлой скамьѣ, во главѣ бѣлаго стола.

Вотъ какъ жилъ и хозяйничалъ въ своемъ хуторѣ Ээро, младшій изъ братьевъ.

Итакъ, я разсказалъ про жизнь каждаго изъ братьевъ въ отдѣльности, отъ самаго старшаго до самаго младшаго. Я хочу разсказать еще про одинъ рождественскій вечеръ въ домѣ Юхани-Юколы. Братья рѣшили еще разъ собраться всѣ вмѣстѣ въ своемъ старомъ домѣ, на рождественской соломѣ.

Вотъ собрались они всѣ со своими женами и дѣтьми, и шумно стало въ просторной избѣ Юколы, когда вбѣжала въ нее ватага ребятишекъ и принялась барахтаться на хрустящей соломѣ. Около очага сидѣли невѣстки, ведя веселую бесѣду, а маститая хозяйка Кеккури, степенная жена Тимо, мѣшала кашу въ котлѣ, который былъ полонъ до краевъ и кипѣлъ бѣлой пѣной. Тутъ же примостился Симеони, съ молитвенникомъ на колѣняхъ, готовый затянуть рождественскій стихъ. Впереди, кругомъ стола, си-

дѣли остальные братья, бесѣдуя о прошлыхъ временахъ и темныхъ лѣсахъ и пнистыхъ поляхъ Импиваары, подъ утесистой шумной горой. И воспоминанія о пережитыхъ опасностяхъ, борьбѣ и трудахъ сливались въ ихъ мысляхъ въ одну чудную картину, подобно тому, какъ лѣса, долины, горы и высокіе песчаные кряжи сливаются въ голубую туманную даль. Все теперь казалось смутнымъ прекраснымъ сномъ, и тихая грусть наполняла ихъ души.

Такъ въ осенній вечеръ, когда природа отходитъ ко сну, и вся желтая стоитъ нѣжная роща, смотритъ пастухъ издали на родной лугъ, гдѣ ему лѣтомъ пришлось много потрудиться. День былъ жарокъ и зноенъ, вдалекѣ прохоталъ громъ, и тучами носились овода и мухи, заставляя бѣшено метаться стадо. Подъ вечеръ онъ собралъ свое стадо и весело пошелъ домой, подъ звонъ колокольчиковъ. Этотъ день онъ теперь вспоминаетъ и весело улыбается. Такъ престарѣлый морякъ на сушѣ вспоминаетъ бурю, которую онъ выдержалъ въ морѣ. Тучи окутывали мглою корабль, пѣнистая волна угрожала смертью; но прежде чѣмъ наступила ночь, вѣтеръ утихъ, волны улеглись и уснули, и на западѣ опять засверкало солнце, указывая путь къ пристани. Такъ вспоминали братья прошлые дни, сидя въ золотой рождественскій вечеръ въ Юколѣ, кругомъ стола, и бесѣдуя между собою.

Между тѣмъ сняли съ огня горшокъ, подкинули березовыхъ дровъ и, при блескѣ яркаго пламени, начали пѣть праздничный стихъ. Сразу угомонилась шумная ватага дѣтей, прервалась также и бесѣда братьевъ за столомъ, когда Симеони запѣлъ, и женщины, съ молитвенниками на колѣняхъ, тоже всѣ разомъ запѣли вмѣстѣ съ нимъ. Красиво звучала пѣснь при трескѣ яркаго огня, и всѣхъ краше звенѣлъ среди другихъ голосовъ чистый и нѣжный голосъ застѣнчивой Анны. Когда пѣніе было кончено, всѣ направились къ столу и, поужинавъ, улеглись на соломѣ, чтобы предаться покою. Рано проснулись они на слѣдующее утро, чтобы отправиться въ цероквь, которая сверкала тысячами огней, какъ звѣздное небо. Оттуда, когда уже совсѣмъ разсвѣло, они покатили, перегоняя другъ друга, назадъ, въ старую Юколу, и провели тамъ веселый день Рождества.

Разсказъ мой конченъ. Я разсказалъ, какъ умѣлъ, о семи братьяхъ въ лѣсахъ Суоми. Что еще сказать о ихъ жизни? Мирно текла она, приближаясь къ пышному полудню, и мирно склонилась потомъ къ тихому вечеру, но еще много-много разъ совершило золотое солнце свой дневной путь, пока она закатилась навѣки.

Перев. ***Н. К. Ядрышева.***

СГОВОРЪ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Авель } сельскіе портные,
Энохъ } старые холостяки.
Ева.
Іосифъ, ученикъ Авеля.

(Комната Авеля; на задней стѣнѣ дверь, направо столъ, возлѣ стола скамейка, налѣво очагъ; передъ очагомъ стоитъ Іосифъ, мѣшая все время чумичкой въ котлѣ, висящемъ на огнѣ. Входитъ Энохъ).

ЭНОХЪ. Здравствуй, Іосифъ!

ІОСИФЪ (поворачиваясь къ нему, дѣлаетъ низкій поклонъ). Здравствуйте!

ЭНОХЪ. Твой хозяинъ пригласилъ меня къ себѣ по какому-то важному дѣлу.

ІОСИФЪ. Совершенно вѣрно изволили сказать.

ЭНОХЪ. Что же это за дѣло и гдѣ онъ самъ?

ІОСИФЪ. Развѣ вы еще не знаете?

ЭНОХЪ. Не знаю, сыночекъ, не знаю.

ІОСИФЪ. Тутъ сегодня состоится сговоръ.

ЭНОХЪ. Сговоръ! Гм!.. Ты говоришь — сговоръ! А кто невѣста?

ІОСИФЪ. Хе, господская Ева.

ЭНОХЪ. Вотъ те на! Господская Ева! Что онъ изъ ума выжилъ? Или это легкомысліе? Откуда такая смѣлость?

ІОСИФЪ. Ева прислала хозяину вчера вечеромъ письмо: «Господинъ Авель, — пишетъ она, — кратко объявляю вамъ, что если Господу Богу будетъ угодно, я сейчасъ же готова стать вашей супругой. Пріѣзжайте за мной и отвезите меня къ себѣ; своихъ господъ я покидаю. Это я твердо рѣшила». Такъ написала она.

ЭНОХЪ. И прочитавъ это, твой хозяинъ задумался?

ІОСИФЪ. Да, все ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, почесывая въ затылкѣ.

ЭНОХЪ. Надо думать, голова у него вспотѣла, — я этому не удивляюсь. — Ну, а что же потомъ?

ІОСИФЪ. Ночью, знаете, ночью буря поднялась. Ужасно былъ безпокоенъ хозяинъ. То ходилъ, то бросался на постель и снова вскакивалъ, и опять принимался ходить, почесываясь. Трижды выходилъ на дворъ и поливалъ голову холодной водой у колодца. За умъ свой боялся, видите ли.

ЭНОХЪ. И не удивительно, — вѣдь сколько достается бѣдной головѣ. Обдумай и взвѣсь каждую новую моду, каждый закрой и шовъ! А каково головѣ-то?! — Но хотѣлъ бы я знать, что же было дальше?

ЮСИФЪ. Обливъ голову водою въ третій разъ, онъ прочиталъ мнѣ письмо Евы и попросилъ у меня совѣта по совѣсти и разумѣнію. Подумайте, какая товарищеская откровенность!

ЭНОХЪ. Любовь смягчаетъ сердца, открываетъ душу, развязываетъ языкъ. Ну что сказалъ ты хозяину?

ЮСИФЪ. Ни да, ни нѣтъ.

ЭНОХЪ. Правильно! Положимъ, у меня въ обычаѣ говорить всегда то, что думаю, но въ такомъ дѣлѣ я нѣмѣю, точно кротъ. Не отговаривай мужчину отъ женитьбы на женщинѣ, въ которую онъ однажды врѣзался, — все равно онъ женится вопреки твоимъ совѣтамъ! А буде случится кому-нибудь шепнуть женѣ, что ты отговаривалъ, не проститъ тебѣ шлюха вины твоей даже и въ раю.

ЮСИФЪ. Я не отговаривалъ, а просилъ его положиться во всемъ на мудрость Бога. Просьба моя имѣла успѣхъ, онъ тотчасъ заснулъ, какъ лапоть, я — тоже. Утромъ онъ, по обыкновенію, сѣлъ за работу; хотя игла его сверкала быстро, но мысли, видимо, блуждали далеко. Это я замѣтилъ, поглядывая на него исподтишка. Такъ работалъ онъ нѣкоторое время, какъ вдругъ со страшной силой вонзилъ иглу въ свою новую подушку, ударилъ подушкой по столу, вскочилъ, быстро прошелъ наверхъ, одѣлся въ праздничный костюмъ, послалъ за вами, а самъ поѣхалъ къ невѣстѣ.

ЭНОХЪ. Боюсь, что эта женитьба будетъ для него прыжкомъ въ бездну. Ева служитъ экономкой у двухъ холостыхъ господчиковъ и, говорятъ, пошаливаетъ съ ними. Ну, — да проститъ Богъ грѣхи людямъ! А почему ни тотъ, ни другой не женится на Евѣ? Ясно почему. Ева, видишь ли, вспыльчива, своенравна, упряма, дерзка, словомъ, женщина съ перцемъ. (Нюхаетъ табакъ).

ЮСИФЪ. И франтиха.

ЭНОХЪ. Да. Вотъ почему. Именно. Идя по дорогѣ, она то и дѣло поглядываетъ по сторонамъ на свои развѣвающіеся подолы, — для дѣвицы это нѣсколько подозрительная примѣта. Допустимъ, она годъ цѣлый прослужила въ Гельсингфорсѣ въ господской семьѣ; но я спрашиваю — слѣдуетъ ли поэтому такъ распутить себѣ перья, такъ расфрантиться? Не слишкомъ ли много этого для дочери бѣднаго бобыля. Ну спрашиваютъ ли такъ: «гдѣ растетъ рѣпа, на землѣ или на деревѣ?» Рѣпа, понимаешь?! А Ева однажды именно такъ спросила крестьянина на базарѣ. А что скажешь вотъ

на это: «Милый дядюшка, что это за птичка, которая прыгаетъ вонъ тамъ на дворѣ?» Она, вишь, не узнала сороки, послѣ того, какъ побыла въ городѣ! (Сдержанно смѣется). Да, я уважаю товарища по ремеслу и не желалъ бы ему семейнаго несчастья.

ІОСИФЪ. По-новому, по-новому пойдетъ теперь жизнь въ этомъ домѣ.

ЭНОХЪ. Боюсь, очень боюсь, что по-новому. — Ева, вѣроятно, опять поссорилась со своими господами и задумала дѣло въ гнѣвѣ. А потомъ, когда пройдутъ медовые дни, пожалѣетъ она о своемъ поступкѣ и захочется ей обратно къ прежнимъ господамъ. У моего друга Авеля, видишь ли, нѣтъ тѣхъ манеръ, блеска и щегольства, того гордаго звона въ голосѣ, что она привыкла и видѣть и слышать. Авель, сказать правду, нѣсколько простоватъ, но зато малый съ добрымъ сердцемъ, очень добрымъ.

ІОСИФЪ. У него даже имя добряка.

ЭНОХЪ. А доброе сердце приводитъ иногда къ поступкамъ, за которыми слѣдуетъ раскаяніе. Другое дѣло я. Я всегда этакій... серьёзный, степенный, словомъ, настоящій чурбанъ. (Усмѣхается). Что варится въ котлѣ-то?

ІОСИФЪ. Колбаса, крупа, соль и вода. Чу, кажется, на улицѣ шумъ?

ЭНОХЪ. Да, да. Знать, пріѣхали. (Въ сторону). Такъ, сударыня моя. Ты входишь въ новый домъ, но я увѣренъ, что не чистая, безкорыстная любовь побуждаетъ тебя къ этому. Ручаюсь головой, что ты приставала къ своимъ господамъ съ женитьбою, а когда дѣло не выгорѣло, то рѣшилась, въ сердцахъ и гнѣвѣ, курить махорку вмѣсто господскаго табаку. (Авель и Ева съ узлами въ рукахъ входятъ. Іосифъ встрѣчаетъ ихъ низкимъ поклономъ, не переставая мѣшать въ котлѣ).

ЭНОХЪ. Добро пожаловать, женихъ съ невѣстой!

АВЕЛЬ. Благодарствуемъ! Хорошо, что ты уже здѣсь, Энохъ. Ты самый нужный теперь человѣкъ! Садись, Ева. Разсказалъ тебѣ Іосифъ, въ чемъ дѣло?

ЭНОХЪ. Да, вкратцѣ.

АВЕЛЬ. Наконецъ-то у меня въ домѣ человѣкъ, который хоть рубаху выстираетъ. Садись, садись. Ева.

ЕВА (въ сторону). Вотъ такъ изба! Воронье гнѣздо! (Авель вынимаетъ изъ узла сахарницу и ставитъ на столъ).

АВЕЛЬ. А вѣдь сахарница уцѣлѣла. — Знай же, Энохъ, что съ нами сыграли скверную штуку. Ахъ, безбожники!

ЭНОХЪ. Барчуки, знать, обидѣли?

АВЕЛЬ. Благодарю Бога, что еще не поколотили!

ЭНОХЪ. Извѣстное дѣло — зависть.

АВЕЛЬ. Не разрѣшили, вишь ты, войти въ комнаты. Все время стоялъ я на дворѣ и принималъ вещи Евы. Потомъ, когда мы были совсѣмъ готовы къ отъѣзду, знаешь ли, что они сдѣлали?

ЭНОХЪ. Да ужъ, навѣрно, какую-нибудь каверзу!

АВЕЛЬ. Подходитъ этакъ мальчуганъ, — господа подослали, — и говоритъ: «Хочу, — говоритъ, — поправить шлею у лошади», и тутъ же, мерзавецъ этакій, подсунулъ подъ хвостъ лошади кусокъ горящаго трута. А одинъ изъ барчуковъ выстрѣлилъ изъ револьвера, какъ будто въ честь отъѣзда молодыхъ. Дорогой другъ, можешь себѣ представить, какъ лошадь пустилась бѣжать? Она неслась, какъ бѣшеная, съ поджатыми ушами, лягаясь. Не удивляйся, если скажу, что мы, я и Ева, вопили благимъ матомъ, сидя на телѣгѣ.

ЭНОХЪ. Чего тутъ удивительнаго. Скорѣй можно удивляться, что ты еще стоишь тутъ и разсказываешь, а не лежишь гдѣ-нибудь въ канавѣ вверхъ тормашками.

АВЕЛЬ. Счастье не покинуло меня. Трутъ, наконецъ, выпалъ, и лошадь понемногу успокоилась.

ЭНОХЪ. Ахъ негодные барчуки, ахъ негодяи!

АВЕЛЬ. Ужъ чего и говорить! Удивляюсь не мало, какъ могла Ева съ ними ужиться до сего времени. Какъ ты еще раньше не рѣшилась ихъ покинуть, Ева?

ЕВА (въ сторону). Дура я, дура! Оставить господъ и переѣхать въ эту лачужку!

АВЕЛЬ. Невѣста молчитъ! Что за причина?

ЭНОХЪ. Съ непривычки, смущается.

АВЕЛЬ. Дѣло наше еще не совсѣмъ рѣшено. Пора его кончать. Пусть каждый изъ насъ исполнитъ свою обязанность. Лучше, говорятъ, быть въ утробѣ медвѣдя, чѣмъ у него въ зубахъ. Итакъ, тебѣ извѣстно, какой великой важности актъ сейчасъ совершится?

ЭНОХЪ. Думаю, что извѣстно.

АВЕЛЬ. Сговоръ, законный сговоръ! Потому и пригласилъ я тебя. Къ дѣлу, Энохъ. Но для начала слѣдовало бы произнести маленькую рѣчь, Энохъ.

ЭНОХЪ (кашляя). Такъ какъ... такъ какъ мы собрались здѣсь въ этотъ торжественный часъ съ намѣреніемъ соединить воедино двухъ рабовъ Божіихъ, именно: сельскаго портного мастера Авеля, сына Симона, и дѣвицу Еву, дщерь Матвѣя...

АВЕЛЬ. Ея фамилія Хеландеръ.

ЭНОХЪ. И дѣвицу Еву Хеландеръ, соединить ихъ брачными узами на всю жизнь шествовать неразрывно въ счастіи и горѣ.

Знайте и вѣдайте, что вы заключаете союзъ, подобный мертвому узлу, который только смерть своею косою разрубить можетъ. Не забывайте святыхъ обязанностей брачнаго чина какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, а запечатлѣйте ихъ со всѣмъ тщаніемъ въ сердцахъ вашихъ. Мужъ да будетъ главою своей жены — ибо это его супружескій долгъ; жена да будетъ немощнымъ сосудомъ мужа — ибо это ея долгъ передъ нимъ. Послѣ чего соедините ваши руки и шествуйте во имя Отца вмѣстѣ до гроба при пѣніи веселомъ птичекъ. — Да, что ты скажешь отъ себя, Авель?

АВЕЛЬ. Я ничего не имѣю сказать.

ЭНОХЪ. Въ такомъ случаѣ, дай сюда обручальное кольцо.

АВЕЛЬ. Вотъ кольцо.

ЕВА (въ сторону). Что мнѣ дѣлать? Принять или нѣтъ кольцо? Ахъ, дура я, дура!

ЭНОХЪ. Авель даритъ тебѣ сіе кольцо, Ева. (Даетъ кольцо Евѣ). Ну вотъ. (Начинаетъ пѣть псалмъ, поетъ дрожащимъ голосомъ). «Дьявольскія козни...». Вѣдь такова твоя воля, Авель!

АВЕЛЬ. Пой, пой, Энохъ!

ЭНОХЪ и ІОСИФЪ, который, не переставая мѣшать въ котлѣ, присоединяется къ пѣнію, поютъ: «Діавольскія козни отъ насъ отжени...»

ЕВА. Чего тутъ распѣлись! Замолчите лучше.

АВЕЛЬ. Шш, шш! Невѣста, кажется, не любитъ пѣнія.

ЭНОХЪ. Гм . . . по-моему, пѣніе выше чтенія.

ЕВА. Еще бы ты вздумалъ пѣтухомъ пѣть!

ЭНОХЪ. Пѣтухомъ?

ЕВА. Не хочу пѣнія, говорю я!

АВЕЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ, — если такова твоя воля.

ЭНОХЪ (въ сторону). Ну развѣ не говорилъ я, что она съ перцемъ?

ІОСИФЪ (въ сторону). Новая, новая жизнь начинается теперь подъ этой крышей.

АВЕЛЬ. Оставимъ пѣніе для другого раза. — Ну, Ева, вступай въ мою семью безстрашно и привыкай къ дому.

ЕВА. Не къ дому, а къ человѣчьей берлогѣ! (Молчаніе).

АВЕЛЬ (въ сторону). Человѣчья берлога... Довольно рѣзко сказано. (Вслухъ). Не отрицаю, что жилище мое ветхое, но на мѣстѣ стараго мы построимъ новое, гораздо лучшее.

ЕВА. Когда-то что будетъ, а до тѣхъ поръ еще натерпишься горя!

АВЕЛЬ. Отнюдь нѣтъ, если будешь жить попрежнему разумно.

ЕВА. Только теперь я поняла, какія комнаты я оставила! Какая разница! Дура ты, дура! Изъ палатъ да — въ берлогу! Ушла отъ веселыхъ господъ и залѣзла къ портному въ лачугу. Какая разница, какая разница!

ЭНОХЪ. Разница въ нѣкоторомъ родѣ большая, но только въ нѣкоторомъ родѣ...

ЕВА. Молчи ты, ворона!

ЭНОХЪ (въ сторону). Ай-дьяй-дьяй! Сколько желчи у этой женщины!

ЮСИФЪ (въ сторону). Новая, новая пойдетъ у насъ теперь жизнь.

АВЕЛЬ (въ сторону). Она начинаетъ куражиться и, какъ видно, раскаивается! А я-то, я-то, несчастный, полюбилъ ее не въ шутку! Скажу ей, что у меня есть деньги, сорокъ рейхсталеровъ. Славная сумма! (Вслухъ). Правду сказать, я не богатъ, конечно, не богатъ, и денегъ у меня не много, всего-на-всего сорокъ талеровъ.

ЭНОХЪ. Сорокъ талеровъ! О, имѣя такія деньги, нѣтъ нужды ходить съ поджатымъ хвостомъ.

АВЕЛЬ. Чваниться тутъ нечѣмъ, но, конечно, маленькое достояніе все-таки есть. Какъ бы то ни было, но повѣрь, Ева, что, избравши меня, ты не сѣла въ лужу.

ЕВА. Я къ чорту въ сани сѣла, вотъ что! Развѣ ѣдучи сюда не казалось мнѣ, что ѣду прямохонько въ преисподнюю! Такъ сразу и подумала. Зачѣмъ, зачѣмъ сунули они подъ хвостъ лошади горящій трутъ!

ЭНОХЪ. Негодяи!

АВЕЛЬ. Подлецы! Пойти въ судъ, такъ не сдобровать бы имъ. Горящій трутъ! Да еще и стрѣляли!

ЭНОХЪ. Ай-дьяй-дьяй!

АВЕЛЬ. Вспомнить только, кровь кипитъ! Вотъ отъ какихъ звѣрей ты ушла и стоишь теперь въ комнатѣ почтеннаго и благочестиваго человѣка.

ЕВА. Портной! — Портки!

АВЕЛЬ. Ты безчестишь мое ремесло?

ЭНОХЪ. Не слѣдуетъ, не слѣдуетъ хулить портняжное дѣло.

ЕВА. Мнѣ ли быть замужемъ за портнымъ?!

АВЕЛЬ. Ева, неужели ты не понимаешь, что слова твои недостойны и язвительны, и что ты своей манерой портишь высокоторжественную радость нашего сговора? Портной Авель! А кто такой портной Авель? Былъ ли я уличенъ въ воровствѣ и потому

повѣшенъ? Никогда! Или я чужую жену ласкалъ, щекоталъ? Ничуть! Кто это скажетъ обо мнѣ?! Я ставлю это тебѣ на видъ, Ева Хеландеръ. Смотри мнѣ въ глаза и отвѣчай!

ЕВА. Кто ты такой въ самомъ дѣлѣ?

АВЕЛЬ. Ни больше, ни меньше, какъ портной Авель, человѣкъ чести и почтенія, годенъ въ свидѣтели, когда угодно и въ крестные хотя бы княжескимъ дѣтямъ.

ЕВА. Не была ли мать твоя рудомойка, и не бѣгалъ ли ты заматерью изъ деревни въ деревню, таская мѣшокъ съ рожками?

АВЕЛЬ. Такъ что рожки трещали. Да, это былъ — я!

ЕВА. Тотъ самый мальчишка, который однажды, будучи пастухомъ, загналъ коровъ на лугъ моего покойнаго отца, а самъ забрался на сѣновалъ спать. Но, къ счастью, случай привелъ батькину дочь на лугъ, и она тебѣ порядкомъ таки нагрѣла тогда спину. Ты это помнишь?

АВЕЛЬ. Какъ не помнить. Показать бы тебѣ сейчасъ мою спину, такъ ты бы и теперь еще увидѣла слѣды безпощаднаго насилія надъ неразумнымъ мальчуганомъ, какимъ я былъ въ тѣ поры.

ЕВА. По дѣломъ тебѣ. Сидѣть въ сараѣ въ то время, какъ коровы топтали лугъ, — это хорошо, по-твоему?

АВЕЛЬ. Ахъ, Боже мой! Ну и нашла ты къ чему придраться! Какое, скажи, пожалуйста, великое дѣло!

ЭНОХЪ (усмѣхнувшись). Подумаешь! Быль молодцу не укоръ.

АВЕЛЬ. Что тебѣ еще извѣстно обо мнѣ, фрейлина Хеландеръ, у которой «глазки ясны, такъ прекрасны и рѣчь течетъ слащаво», какъ поется въ одной любовной пѣснѣ? Что скажешь еще, красавица? Ну-ка?

ЕВА. Очень надо! Стань я все разсказывать, что знаю, такъ, пожалуй, еще застрянешь у тебя надолго.

АВЕЛЬ (въ сторону). Застрянешь надолго... Чуется мнѣ, что она собирается на попятный. Но, быть можетъ, все это только, чтобы испытать мой характеръ.

ЭНОХЪ. Уже давно съ болью сердца слушаю я, какъ дѣвица Хеландеръ всемѣрно старается уязвить честь и доброе имя моего друга и пріятеля. А потому, да будетъ мнѣ позволено заглянуть въ кондуитъ самой дѣвицы Хеландеръ! Знаешь ли ты, что о тебѣ всѣ вслухъ говорятъ на селѣ? Какая слава о тебѣ ходитъ? Какъ живешь ты со своими барчуками? Хуже магометанки. Священный гнѣвъ овладѣваетъ мною, когда подумаешь о твоей жизни. Да проститъ вамъ Богъ вашу скверную жизнь! Да про-

ститъ Онъ тебя и твоихъ барчуковъ! Что тамъ дѣлается у васъ? Скажи-ка, негодница! Вы развращаете молодое поколѣніе, внушаете ему неуваженіе къ святости брачнаго чина! Потаскуха! Этому ли тебя учили отецъ съ матерью? Этому ли ты училась при конфирмаціи? А когда была ты у причастія въ послѣдній разъ? Ну-ка, скажи?

ЕВА. Какое тебѣ до меня дѣло, нахалъ?

ЭНОХЪ. Я одинъ изъ твоихъ ближнихъ, и христіанская обязанность побуждаетъ меня указать тебѣ на твою непотребную жизнь, шлюха!

ЕВА. А мнѣ ужасно хотѣлось бы сопнуть и перепнуть тебя тысячу разъ и выбросить въ окно, нахалъ, нищій, дрянь! Ты сведешь меня съ ума!

ЭНОХЪ. Э-э! видно задѣлъ за живое. Это мой обычай. Я иду безъ страха къ цѣли, пру прямо, какъ окунь, своей дорогой. — За тебя, за твою безбожную жизнь я хочу приняться безъ всякой жалости, если ты не исправишься...

ЕВА. Какъ жила, такъ и буду жить. Что ты мнѣ сдѣлаешь?

ЭНОХЪ. Донесу пастору.

ЕВА. Посмѣй только, если хочешь, чтобы мои господа упостили тебя свинцомъ по заду.

ЭНОХЪ. И у меня найдется ружье.

ЕВА. Изъ него и воробья не убьешь!

ЭНОХЪ. Убьетъ хоть вѣдьму, если понадобится!

АВЕЛЬ. Ну, не ссорьтесь, не ссорьтесь. А ты, Энохъ, перестань упрекать Еву. Вѣдь она будетъ моею женою, а пословица говоритъ, что «мужъ съ женою, что мука съ водой».

ЕВА (въ сторону). Твоею женою...

ЭНОХЪ. Правду, сущую правду-матушку высказалъ, ей же на пользу. Обычай мой итти напроломъ, прямо и безстрашно. (Нюхаетъ табакъ).

АВЕЛЬ. Я начинаю понимать, что имѣла въ виду Ева, когда говорила дерзкія и ядовитыя свои слова: она испытывала мой характеръ. Пусть она проститъ мою близорукую запальчивость. Всѣ мы грѣшимъ, прости Господи, всюду и вездѣ. А это очень печально. Часто при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ думаешь: вотъ — славный малый! Но поживи-ка съ нимъ малость да постранствуй, и увидишь, что и онъ умѣетъ щетиниться и норовитъ дать тебѣ щелчка. А это непріятно. Много видѣлъ я видовъ на бѣломъ свѣтѣ, — не даромъ же говорятъ, что гость недолго гоститъ, да много видитъ. — Ишь ты, никакъ въ потъ вогнала, шельма-

дѣвка, своей пыткой! (Беретъ платокъ изъ кармана и задѣваетъ рукой за сахарницу, которая падаетъ на полъ и разбивается).

ЕВА. Ахъ, Боже мой!

ІОСИФЪ. Горе, горе хозяину! Что онъ сдѣлалъ!

ЕВА. Разбилъ, разбилъ мою сахарницу!

ЭНОХЪ (въ сторону). Бѣдный Авель! Стоитъ онъ передъ ней, какъ мокрая курица и краснѣетъ, какъ луна яснымъ вечеромъ.

ЕВА. Разбилъ, разбилъ, ворона, мою сахарницу, фарфоровую сахарницу, дорогой подарокъ отъ господъ въ день ангела. — Заплати, сію минуту заплати за сахарницу, сорока, пугало воронье!

ЭНОХЪ (въ сторону). Ай-дьяй-дьяй! Съ перцемъ женщина, съ перцемъ!

АВЕЛЬ. Такъ вотъ какъ у насъ! Ты смѣешься надо мной, а выходить за меня и не думаешь!

ЕВА. Чертовка за тебя выйдетъ, а не я.

АВЕЛЬ. Энохъ, спроси-ка у нея тутъ при Іосифѣ: выходитъ она за меня или нѣтъ?

ЭНОХЪ (кашляя). Я спрашиваю тебя, Ева Хеландеръ, имѣешь ли ты серьёзное намѣреніе выйти замужъ за Авеля Симонова, или нѣтъ?

ЕВА. Чихать мнѣ на него, вотъ что! Ухожу обратно къ своимъ господамъ.

АВЕЛЬ (въ сторону). Вотъ какъ!

ЭНОХЪ (въ сторону). Ну, не дрянь ли?

АВЕЛЬ. Спроси-ка у ней еще второй разъ.

ЭНОХЪ. Я еще разъ спрашиваю тебя, Ева Хеландеръ, имѣешь ли ты серьёзное намѣреніе выйти за Авеля Симонова, или нѣтъ?

ЕВА. Чихать мнѣ на него! Развѣ не сказала я, чихать! (Долгое молчаніе).

АВЕЛЬ. Спроси-ка у ней еще третій разъ.

ЭНОХЪ. Я третій разъ спрашиваю тебя, Ева Хеландеръ, имѣешь ли ты серьёзное намѣреніе выйти за Авеля Симонова?

ЕВА. Ну его къ чорту! (Топаетъ яростно ногами). Плюю на него, плюю, плюю! Неужели не слышите, глухари завороженные! (Молчаніе. Со стороны очага слышится сильное шипѣніе).

АВЕЛЬ. Ты что зѣваешь?! Даръ Божій въ очагъ льешь, разиня! (Хватаетъ Іосифа за шиворотъ).

ІОСИФЪ. Хозяинъ!

ЭНОХЪ (удерживаетъ Авеля). Воздержись отъ гнѣва, Авель, воздержись!

АВЕЛЬ. Это страшный день моей жизни!

ЕВА. Заплати за сахарницу, слышишь?! За сахарницу!

АВЕЛЬ. За сахарницу! Развѣ начинается свѣтопрестазленіе? Развѣ возвращаетъ мертвыхъ земля и океаны, смерть и пылающій адъ? Да будетъ проклятъ сегодняшній день!

ЕВА. Горе мнѣ, дурѣ, горе!

АВЕЛЬ. Потаскуха, отдай кольцо!

ЕВА. О-о, съ большимъ удовольствіемъ... (Авель беретъ кольцо и съ силой бросаетъ на полъ).

ЭНОХЪ. Что ты, что ты, другъ мой! (Подбираетъ кольцо).

АВЕЛЬ. Женщина! Ты зачѣмъ меня обманула и заставила везти себя сюда въ домъ мой?

ЕВА. Вольно тебѣ было обманываться.

ЭНОХЪ. Ай-дьяй-дьяй!

АВЕЛЬ. Такъ-съ!

ЕВА. Отвези меня назадъ, портной!

АВЕЛЬ. Такъ-съ! Отвезу, отвезу, если заплатишь двѣ марочки! Іосифъ будетъ править. Двѣ марочки!

ЕВА. Ни пенни. А сахарница?!

АВЕЛЬ. Хорошо! Пусть будетъ такъ: сахарница за конецъ сюда, а назадъ пойдешь пѣшечкомъ съ узлами. Истинно такъ.

ЭНОХЪ. Хотѣлось бы мнѣ, страшно хотѣлось бы мнѣ видѣть, какъ она вернется къ своимъ господамъ. Я думаю, что я увидѣлъ бы длинный-предлинный носъ.

ЕВА. О-о! портной Энохъ, — не печалься обо мнѣ. — Отъ господъ будутъ сначала шутки и насмѣшки, на которыя я отвѣчу слезами, а къ вечеру все превратится въ радость и веселіе. Вотъ и весь фокусъ.

ЭНОХЪ. Ну и природа женская! Чудо чудесъ! Вѣчное столпотвореніе солнечныхъ дней и туманнаго ненастья безъ конца и безъ начала! По пословицѣ: баба на печи лежитъ, семьдесятъ семь думъ передумаетъ. Слѣдуетъ ли послѣ этого удивляться, что мы никогда не будемъ въ состояніи понять этакого звѣря.

ЕВА. Подавай лошадь, Авель! Подводу!

АВЕЛЬ. Куражишься?

ЭНОХЪ. Подводу? Знаешь ли ты, какую подводу ты всѣмъ этимъ заслужила?! Чортъ побери! Дать бы тебѣ изрядную порку. Я бы держалъ за голову, Іосифъ за ноги, а Авель всыпалъ бы горячихъ тебѣ съ задняго двора.

ЕВА. Авель!

АВЕЛЬ. Да-а! Ты думаешь, я не способенъ на это. (Ева начинаетъ собирать свои узлы, напѣвая какую-то пѣсню). Іосифъ, давай на столъ. Мы сядемъ кушать, а она пойдетъ во-свояси. (Іосифъ подаетъ). Нехорошая она женщина!

ЭНОХЪ. Настоящая сова!

АВЕЛЬ (въ сторону). О, несчастный день! Кажется мнѣ, что сердце мнѣ разрѣзали надвое. — Такъ, Іосифъ, такъ. Садись и ты! Сядемъ, Энохъ!

ЭНОХЪ. Мы сядемъ и покушаемъ, именно — мы. (Авель, Энохъ и Іосифъ садятся за столъ).

АВЕЛЬ. Бываютъ же дѣла на свѣтѣ!

ЭНОХЪ. И не говори.

АВЕЛЬ. Ева, Ева! Что я тебѣ сдѣлалъ, что ты сыграла со мною такую шутку?

ЭНОХЪ. Стоитъ тебѣ о ней такъ печалиться.

АВЕЛЬ (въ сторону). Она, знай себѣ, напѣваетъ.

ЕВА (уходитъ съ узлами). Прощайте!

АВЕЛЬ. Прощай!

ЭНОХЪ. Ушла вертунья! Но за такое дѣло, за шутку ея господчиковъ и наглый обманъ дѣвки, ты долженъ ихъ притянуть къ отвѣту, долженъ показать, можно ли безнаказанно смѣяться надъ порядочнымъ человѣкомъ.

АВЕЛЬ. Я бы не прочь проучить ихъ, да ладно ли будетъ? Барчуки эти ходятъ въ лѣсъ съ ружьемъ и могутъ меня подстрѣлить. Ты долженъ знать, что самый большой трусъ, имѣя ружье, можетъ мигомъ убить наихрабрѣйшаго героя, если у него нѣтъ ружья.

ЭНОХЪ. Ого! Человѣка не такъ-то легко убить.

АВЕЛЬ. А кто поручится? Эти барчуки злого нрава и злопамятны. Ты встрѣтишь ихъ въ лѣсу случайно, а они пристрѣлятъ тебя, какъ собаку. Что тогда подѣлаешь?

ЭНОХЪ. Однако, мое сердце не унимается. Я не потерплю этой поганой жизни барчуковъ съ дѣвкой. Пасторъ долженъ знать все.

АВЕЛЬ. Я спрашиваю, что ты сдѣлаешь, если они тебя убьютъ?

ЭНОХЪ (горячо). Пусть! На это нельзя смотрѣть.

АВЕЛЬ (въ сторону). Что дѣлается со мною? Почему темнѣетъ мой разумъ? Я боюсь, я боюсь... (Громко). Была ли здѣсь господская Ева? Я, бѣдный, полюбилъ ее крѣпко. Была ли здѣсь господская Ева?

ЭНОХЪ. Она, она — вертунья. Но къ чему спрашиваешь ты ее? Развѣ она не сидитъ у тебя въ памяти?

ІОСИФЪ. Горе намъ, горе! (Встаютъ изъ-за стола).

ЭНОХЪ. Ради Бога, Авель! Не давай воли печали.

ІОСИФЪ. Горе, о горе! Посмотрите, посмотрите, какъ ворочаетъ глазами хозяинъ! Онъ сходитъ съ ума!

ЭНОХЪ. Нѣтъ, Авель! Какъ хочешь, но тебѣ не слѣдуетъ такъ задумываться и печалиться. Перестань! Не то, смотри, я тебя вздую.

АВЕЛЬ. Ничего, ничего особеннаго. Только больно хватаетъ за сердце, когда вспоминаю, какая у нея была высокая грудь...

ЭНОХЪ. Къ чорту ее, потаскуху!

АВЕЛЬ. Ну-ну, ладно!

ЭНОХЪ. Неужели это, по-твоему, несчастье?

АВЕЛЬ. Видишь ли, другъ мой, я считалъ себя уже почти за женатаго человѣка, и вдругъ я снова старый холостякъ, жизнь котораго похожа на жизнь таракана, дремлющаго въ трещинѣ бревна. О, другъ мой! Когда я ѣхалъ съ ней на телѣгѣ и увидѣлъ мухоморъ у воротъ конскаго пастбища, я подумалъ: то-то будетъ блаженство, когда мы съ ней въ сентябрьскіе дни пойдемъ въ лѣсъ съ лукошками и, туляя по лѣсу, будемъ собирать грибы! Но теперь все погибло, и нѣтъ мнѣ утѣшенія.

ЭНОХЪ. Есть, есть большое утѣшеніе, другъ мой! Старые холостяки, какъ мы съ тобой, играютъ свою свадьбу по ту сторону смерти, среди миріадовъ танцующихъ звѣздъ. Тамъ для нихъ уготованы невѣсты вѣчныя, а женатые будутъ смотрѣть да пальцы облизывать.

АВЕЛЬ. Хе, хе! Такія, напримѣръ, какъ Калле Карпила.

ЭНОХЪ. Именно.

АВЕЛЬ. Говори, другъ мой, о чемъ нибудь веселомъ, говори, не то плохо будетъ со мной!

ЭНОХЪ. Нѣтъ причины печалиться, нѣтъ. Видишь ли! Когда у сосѣдей начинается вечеръ, у насъ съ тобой только еще утро золотое. Намъ кукуетъ кукушка, для насъ тиликаетъ зябликъ; луга блаженства разстилаются у ногъ нашихъ, а надъ головами вѣчно голубое небо, гдѣ ангелы играютъ на арфахъ. Истинно такъ, истинно, другъ мой.— А вотъ, что я тебѣ еще скажу... у меня есть сосѣдъ лейтенантъ, мужчина строгій. Иной разъ онъ такъ разозлится на крестьянъ, что свѣтъ изъ глазъ потеряетъ, того гляди умъ за разумъ зайдетъ... Такъ, знаешь, что онъ въ такомъ случаѣ дѣлаетъ?! Велитъ дочери на роялѣ играть, а самъ съ уважаемой лейтенантшей танцовать примется. И что же ты ду-

маешь? Всю его злобу — какъ рукой сниметъ! А, не испробовать ли намъ, старина, эту самую штучку? Іосифъ, спой-ка пѣсенку «Курьеры наѣхали» да отбивай погромче ногой тактъ.

ІОСИФЪ. Не могу я теперь пѣть.

АВЕЛЬ. Почему не можешь? Ты же знаешь пѣсню.

ІОСИФЪ. Слезы мѣшаютъ.

АВЕЛЬ. Пой, а мы станцуемъ. Пой, Іосифъ, не то голова кругомъ пойдетъ!

ІОСИФЪ. Ай-ай-ай.

ЭНОХЪ. Пой, ради Бога, пой, Іосифъ!

АВЕЛЬ. Пой, а то смотри — возьмусь за аршинъ! Пой «Курьеры наѣхали».

ІОСИФЪ. Ладно ужъ, спою!

ЭНОХЪ. И отбивай ногой тактъ. (Іосифъ поетъ, отбивая тактъ ногой. Авель и Энохъ танцуютъ вальсъ съ сильно согнутыми во внутрь колѣнами, дѣлая широкія движенія соединенными руками).

Какъ наѣхали курьеры,
Они заняли квартиры
И спросили: есть ли пиво?
Они заняли квартиры,
Они заняли квартиры
И спросили: есть ли пиво?

Пер. Г. І. Тюнни.

К. КРАМСУ.

ЯККО ИЛЬККА.

Святое дѣло Илькки
Живетъ въ родной землѣ? . . .
Онъ прожилъ истымъ финномъ
И кончилъ жизнь въ петлѣ . . .

Былъ Илькка землепашецъ,
Незнатной былъ родни.
Не знала сына краше
Финляндія въ тѣ дни . . .

Капризной волей рока
Былъ въ бурю брошенъ онъ, —
Но для борьбы жестокой,
Для бурь онъ былъ рожденъ . . .

Лихое время было,
Година слезъ, пока
Страной родной водила
Фолёминга рука . . .

И кто тогда не плакалъ
Подъ злой и наглый смѣхъ? . . .
Не плакалъ только Якко
Одинъ, одинъ изъ всѣхъ . . .

Нѣтъ! Слыша причитанья
И вопли къ небесамъ,
Въ отвѣтъ: «Твои страданья —
Доколь ты хочешь самъ!

Кто плачется на муки, —
Тотъ и невольникъ ихъ! . .

Такъ подыми же руки
Въ защиту правъ своихъ...

Впередъ къ свободѣ милой,
Въ комъ сердце бьетъ смѣлѣй!..
Путь къ счастью — у могилы,
Кратчайшій изъ путей...»

И рѣчь быстрѣй, чѣмъ стрѣлы,
Чѣмъ быстрый вѣтеръ скалъ,
Отчизну облетѣла,
И весь народъ возсталъ...

Огонь и кровь лавиной
Покрыли всю страну...
Пусть помнятъ Якко финны
И славную войну!...

И месть рукой желанной
Мучителямъ грозитъ,
Но Илькка былъ обманомъ
У Нокіа разбитъ...

Дарятъ героевъ славой...
Но есть исходъ иной —
И скоро Илькка Славный
Былъ награжденъ петлей...

Но правда Якко Илькки
Живетъ въ родной землѣ:
Чѣмъ жизнь раба въ неволѣ,
Ужъ лучше смерть въ петлѣ!...

Н. Венгровъ.

НЕСЧАСТНЫЙ.

Черна и печальна осенняя ночь,
Но можетъ родить лучезарную дочь —
Звѣзду въ небесахъ. У меня жъ на пути
Средь мрака звѣзды ни одной не найти.

Блестящія звѣзды — надежда ночей,
Онѣ утѣшенье для смертныхъ очей,
Но нѣтъ упованій въ усталомъ умѣ,
Мой жизненный путь пролегаетъ во тьмѣ.

Создай, о Творецъ, хоть одну мнѣ звѣзду,
Пускай освѣщаетъ тотъ путь, гдѣ иду,
И радостно буду слѣдить я за ней,
Любуясь до смерти сверканьемъ огней.

В. Аренсъ.

П. КАЯНДЕРЪ.

СТРАНА ЛѢСОВЪ.

Столь же прекраснымъ, какъ прежде, опять предо мною лежишь ты,
Чарами вызванный край дивно прекрасныхъ лѣсовъ;
Тихую вижу лачугу, цвѣты, тѣнистыя кущи,
Ярко сверкающій прудъ, гордыя горы твои.
Вижу тебя неизмѣннымъ, — знакомыя милыя лица,
Тѣ, о которыхъ скучалъ, словно іюль по теплу:
Снова все вижу, и вновь, какъ цвѣты изъ земли охладѣлой,
Милыя вѣчно душѣ, воспоминанья встаютъ.
Часто вотъ тамъ, на твоемъ пруду я катался на лодкѣ,
Рѣзалъ проливы ладьей, зовами эхо дразнилъ;
Царство Вéлламо дѣвы на лонѣ твоемъ озарялъ я,
Чудное царство: оно манитъ мечтанья къ себѣ!
Иль, колыхаясь на волнахъ, я серебристое стадо
Водъ твоихъ тихихъ къ себѣ сѣтью въ челнокъ вовлекалъ.
Той отдаленной горы разсѣлины всѣ я избѣгалъ,
Выше, все выше стремясь, словно нагорный орелъ.
И, выходя, дорогую, святую родину видѣлъ,
Что какъ невѣста была въ блескѣ спокойной красы.
Видѣлъ, какъ солнце садилось въ объятія мирныхъ проливовъ
И расточало землѣ злато въ паденьи своемъ;
Или стыдливую видѣлъ луны красноватую башню,
Что серебристую нить, — дѣва лѣсная, — ткала;
Все это часто я видѣлъ и, видя, сидѣлъ неподвижно,
Молча, до позднихъ часовъ, грезами свѣтлыми полнъ.

Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ минутъ незабвенныхъ, прекрасныхъ,
Тѣхъ, что въ объятьяхъ твоихъ въ кругѣ друзей протекли!
Воспоминанье живитъ всѣ цвѣты, всѣ кусты, всѣ деревья,
Эти извилины тропъ, тѣ флюгера на шестахъ.
Тамъ, подъ навѣсомъ нерѣдко сидѣлъ я съ душой углубленной,
Слушая вѣщій разсказъ, повѣсти древнихъ временъ,

Мощные образы видѣлъ минувшихъ вѣковъ, дерзновенно
Завѣсу будущихъ дней тоже пытаясь поднять.
И вдохновенные сны мнѣ о родинѣ снились; я грезилъ;
Самыхъ богатыхъ даровъ ей я отъ Неба желалъ,
Золото солнца ей дать и луны серебро мнѣ хотѣлось,
Свѣтлые дать ей пути, миръ дать ея берегамъ...
Ахъ, я чего не желалъ, и о чемъ тогда я не грезилъ,
Тамъ, на лонѣ твоемъ, въ краѣ цвѣтистыхъ лѣсовъ!
Вижу все это опять, и въ душѣ у меня — словно праздникъ,
Бѣлая горница въ ней, выметенъ будничный соръ;
Все неподвижно, спокойно, лишь грудь подымается мѣрно,
Внемля, какъ издали звонъ воспоминаній гудитъ.

В. Брюсовъ.

РОДИНА.

Въ сердцахъ сокрыта, сила есть одна,
Прекрасная, безгрѣшная, святая!
И вѣдома ль, невѣдома ль, — она
Надъ душами царитъ, ихъ зажитая
Огнями молній — чувствъ невыразимыхъ!
Она сошла съ небесъ недостижимыхъ,
И ей именованье: родина!

Героевъ Суоми не разъ водилъ
Священный тотъ девизъ на поле брани:
Онъ въ часъ опасности ихъ духъ крѣпилъ,
Онъ властно звалъ на путь завоеваній.
И въ мирныхъ подвигахъ не разъ та сила
Звѣздой путеводительной свѣтила,
Маякъ, зажженный надъ свободою!

Пусть доблесть и пусть вѣрность сохранитъ
Та сила въ душахъ финскаго народа!
Хоть грянетъ громъ, — намъ съ ними заблеститъ
И новый свѣтъ, и новая свобода!
Не можетъ сгибнуть, въ мирѣ и во брани,
Страна надеждъ, страна воспоминаній!
Цвѣти, цвѣти вовѣки, Суоми!

В. Брюсовъ.

А. ІЕННЕСЪ.

ПРОСНИСЬ, ФИНЛЯНДІЯ.

Суоми! родина милая!
Скорбная, нѣжная мать!
Гнетъ тебя доля унылая:
Рабство и бѣдность постылая...
Долго ль тебѣ изнывать?

Тщетно ль во льдахъ возрастила ты
Садъ своего бытія?
Тщетно ль его охранила ты?
Тщетно ли въ битвахъ грозила ты
Яркимъ сверканьемъ копья?

Тщетно ли пѣсни познала ты
Кантеле Вейно-пѣвца?
Въ магію тщетно ль вникала ты?
Тщетно ль въ бою добывала ты
Сампо — залогъ мудреца?

Львица! чужіе калѣчили
Образъ воинственный твой.
Рѣчи свободной перечили:
Ты не въ губительной сѣчи ли
Слышала смѣхъ надъ собой?

Были и дѣти, предавшія
Родину, — смѣхъ на устахъ! —
Грудь твою въ дѣтствѣ сосавшія,
Послѣ твой ликъ попиравшія,
Съ холодомъ страшнымъ въ сердцахъ!

Край мой! Заря приближается!
Львица! Воспрянь ото сна!

Кто надъ тобой издѣвается,
Пусть упадетъ, пусть раскается!
Вспомни: ты силы полна.

Встань, какъ всегда благородная:
Будетъ страданьямъ конецъ!
Рухнетъ, какъ ива безплодная,
Злоба враговъ неисходная,
Вспыхнетъ разсвѣтъ, какъ вѣнецъ!

Суоми! родина милая!
Молви, несчастная мать:
«Кончена доля унылая!
Рабство вѣка выносила я,
Богъ не велитъ мнѣ страдать!»

В. Брюсовъ.

*

КАРЕЛІЯ.

Гдѣ Ладоги волны о горы стучатъ,
Гдѣ Иматры молкнутъ сѣдые
Валы, гдѣ кончается Пѣлисъ рядъ,
Тамъ очи открылъ я впервые,
Тамъ бѣгалъ ребенкомъ вдоль свѣтлыхъ прибрежій,
И родъ мой тамъ дремлетъ подъ зеленью свѣжей...
Внушила карельская дѣвушка тамъ
Любовь моимъ юнымъ мечтамъ!

Упругъ и могучъ тамъ живущій народъ,
Какъ стволъ многолѣтній кленовый;
Не мало онъ выдержалъ въ жизни невзгодъ,
Но встрѣтилъ ихъ съ мощью суровой.
Какъ рабъ онъ взросталъ у хозяевъ жестокихъ
И больше извѣдалъ страданій глубокихъ,
Чѣмъ Суоми вся, но живучимъ былъ онъ
И не былъ въ борьбѣ сокрушенъ!

Онъ къ кантеле струнамъ донынѣ привыкъ,
И голосомъ старчески-звонкимъ
Пѣснь Вейне поетъ бородатый старикъ,
Ту пѣснь, что я слушалъ ребенкомъ.
Героевъ изъ тьмы возвращаетъ могила,

Они повѣствуютъ, что въ древности было,
И дѣти твои славой предковъ полны,
Карелія, мать старины!

Когда ты за вѣру, за право стоишь,
Заклятія Вейне лелѣя,
Ты ихъ отъ погибели горькой хранишь,
И козни крушишь чародѣя.
Ты, Суоми древняя, вновь молодѣешь!
Черемуха дряхлая, листьями вѣешь!
Столѣтняя ель, переживъ холода,
Ты, старая, вновь молода!

В. Бакулинъ.

И. ЭРККО.

ПѢСНЯ ВУОКСЫ.

Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя,
Громоздятъ громады горъ,
И безсиленъ ихъ напоръ
Раздробить утесы черные.
Вотъ, пьяна и вспѣнена,
Черезъ камни бьетъ волна.
Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя.
Что мгновенье, —
Злѣй теченье,
Волны вопятъ, необорныя.
Преграждая бурный токъ,
Подставляетъ камень бокъ,
Но, стремясь въ поля просторныя,
Налетаютъ зыби водъ,
Рвутся дальше, все впередъ...
Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя.
Токъ ударомъ,
Въ гнѣвѣ яромъ,
Рушитъ въ бездну камни спорные.
Чу! звучитъ со всѣхъ сторонъ
Скалъ упрямыхъ скорбный стонъ,
И, покрывшій выси горныя,
Лѣсъ взираетъ, страха полнъ,
На побѣду пѣнныхъ волнъ.

Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя.
Край мой бѣдный!
То — побѣдный
Гимнъ поютъ валы упорные!
Саймы сонная волна
Буйствомъ въ Вуоксѣ полна,
Бьетъ о скалы непокорныя!
Встань, подобенъ вихрю водъ,
Спящій, скованный народъ!
Видишь: волны,
Гнѣвомъ полны,
Къ волѣ вырвались, упорныя!

В. Брюсовъ.

ТРЕТЬЯ.

Долиной дивной, въ горахъ Тироля,
Двуколка мчалась путемъ прямымъ.
Женихъ сидѣлъ въ ней, печальный, блѣдный,
Его невѣста сидѣла съ нимъ,
А рядомъ, третья, сидѣла Смерть.

Чрезъ горы, быстро, неслась двуколка,
И чрезъ потоки, гдѣ валъ плескалъ...
Ахъ, тамъ шумѣли такъ мощно воды,
Тамъ воздымались вершины скалъ,
Но той дорогой прошла и Смерть.

Тамъ вѣтеръ листья взметалъ высоко,
Потомъ ихъ сѣялъ по волнамъ рѣкъ,
Но Смерть лобзаньемъ запечатлѣла
Цвѣты, деревья и самый брегъ:
По той дорогѣ прошла и Смерть.

Все дальше, дальше влекли колеса,
Влекли къ Мерану, въ тотъ рай земной...
Къ одру болѣзни невѣста мчалась,
Чтобъ жениху стать — увы! — сестрой!
Но, третья, рядомъ сидѣла Смерть.

Вотъ, шею друга обвивъ руками,
Невѣста никнетъ къ нему нѣжнѣй.
И онъ, какъ будто съ горячей страстью,
Ее сжимаетъ и никнетъ къ ней.
Но, третья, съ ними сидѣла Смерть.

Любовь, помилуй! спаси отъ смерти,
Родному краю ты сохрани
Того, кто много намъ обѣщаетъ,
Кто самъ такъ вѣритъ въ иные дни!
Но рядомъ, третья, сидѣла Смерть.

И эта третья прижала съ силой
Того больного къ своей груди:
«Со мной останься ты здѣсь, на Югѣ,
Ты тщетно видишь рай впереди!»
И эта третья была, ахъ, Смерть.

Она жестоко взяла добычу:
Въ краю полдневномъ въ землѣ онъ скрытъ...
Въ странѣ жъ полночной, объ немъ рыдая,
Его невѣста всю жизнь прустить...
Вовѣкъ не знаетъ пощады — Смерть.

В. Брюсовъ.

МИННА КАНТЪ.

НЯНЬКА.

— Вставай, Эмми! Развѣ ты не слышишь, что барыня звонитъ? Эмми! Ахъ, что это за дѣвчонка! Спитъ такъ крѣпко, что ее и не растолкаешь! Эмми! Эмми!

Наконецъ-то Сильѣ удалось разбудить дѣвочку. Эмми сѣла, пробормотала что-то неразборчиво и стала протирать себѣ глаза. Она не могла еще притти въ себя, ей до смерти хотѣлось спать.

— Который часъ? — спросила она.

— Уже пятый.

Пятый? Значитъ, она спала всего только три часа. Наканунѣ у господъ были гости, какъ это часто бывало, и только въ половинѣ второго Эмми кончила мыть и убирать посуду. А передъ этимъ она двѣ ночи подъ рядъ почти совсѣмъ не спала, такъ какъ барыня была на свадьбѣ и еще гдѣ-то на большомъ вечерѣ, а Лилли капризничала и не хотѣла брать соску. Не было ничего удивительнаго въ томъ, что Эмми хотѣлось спать.

Ей всего только тринадцать лѣтъ. По утрамъ у нея такъ болѣли ноги, что она боялась становиться на нихъ. Силья увѣряла, что это отъ роста. Она совѣтовала ей поставить къ ногамъ банки, но Эмми боялась, что будетъ больно. И безъ того-то ноги у нея были, какъ спички, неужели же изъ нихъ еще высасывать кровь? Пока она спала, ноги не болѣли, но какъ только она просыпалась, начиналась мучительная ломота. И стоило ей опять заснуть, какъ боль утихала.

Вотъ и теперь: не успѣла она сѣсть въ кровати, какъ почувствовала щемящую боль отъ колѣнъ и до самыхъ пятокъ. А голова была тяжелая, тяжелая, у нея не хватало силъ поднять ее. Неужели она такъ во всю свою жизнь никогда не дождется такого счастья, чтобы выспаться вволю?

Эмми растирала себѣ ноги. Голова ея опускалась все ниже и

ниже, и, наконецъ, подбородокъ коснулся груди. Руки неподвижно повисли, и она дышала глубоко и медленно. Немного спустя она повалилась на подушку.

Снова раздался рѣзкій звонокъ. Силья, спавшая въ одной кровати съ Эмми, толкнула ее въ бокъ.

— Съ этой дѣвчонкой настоящее Божеское наказаніе! Не слушается, да и только! Вставай же, говорятъ тебѣ.

И она еще разъ толкнула дѣвочку своимъ острымъ локтемъ прямо въ грудь, и на этотъ разъ такъ больно, что Эмми вскрикнула.

— Скажи, сколько разъ надо тебя будить, пока ты наконецъ продерешь глаза?

Эмми выскочила изъ кровати и стала на ноги, но сейчасъ же закачалась. Голова у нея такъ кружилась, что она боялась упасть.

— Вымой себѣ лицо холодной водой, тогда у тебя сонъ скорѣе пройдетъ, — посовѣтовала Силья.

Однако, Эмми не успѣла послѣдовать этому совѣту, колокольчикъ снова нетерпѣливо задребезжалъ. Она быстро набросила на себя платье, пригладила руками волосы, протерла глаза и бросилась въ комнаты.

— Я три раза звонила, — сказала барыня.

Эмми ничего не отвѣтила и взяла на руки Лилли, лежавшую возлѣ матери.

— Перепеленай ее и положи въ колыбель. У меня она, все равно, больше не заснетъ.

Съ этими словами барыня повернулась на другой бокъ и закрыла глаза.

Колыбель ребенка стояла въ сосѣдней комнатѣ, и Эмми пошла туда. Завернувъ Лилли въ сухія пеленки, она положила ее въ колыбель и начала качать и баюкать. Время отъ времени въ ея головѣ проносился обрывокъ какой-нибудь мысли, и тогда ея пѣніе прерывалось.

— Шш... шш... шш... Аа... аа.. а. Спи, малютка, спи, усни... У кота-воркота была мачеха лиха, она... Господи, до чего мнѣ хочется спать... она била его, приговаривала... Счастливая Силья, она спитъ еще... Спи, дитя мое, усни... шш... шшш... аа... аа... а.

Лилли заснула, и тогда Эмми растянулась на полу возлѣ колыбели. Она положила голову на руку и черезъ мгновеніе погрузилась въ глубокій сонъ. Она спала такъ крѣпко, что ничего не слыхала. А между тѣмъ Лилли почти сейчасъ же проснулась и съ

удивленіемъ озиралась по сторонамъ, не видя никого возлѣ себя. Она пробовала было приподняться, но упала на бокъ, и при этомъ ея головка очутилась надъ краемъ колыбели. Тутъ она увидала Эмми и стала радостно лепетать и тянуться къ ней ручками. Колыбелька слегка покачнулась, дѣвочка упала на полъ и при паденіи стукнулась головкой о край колыбели.

Раздался пронзительный крикъ.

— Господи Іисусе Христе!

Эмми поблѣднѣла, какъ полотно, увидя на полу Лилли. Она сейчасъ же подняла ее, стала успокаивать, показывая ей свѣчку, и качала на рукахъ. Съ ужасомъ думала она о томъ, что барыня могла услышать крики ребенка. Она даже забыла посмотрѣть, не ушиблась ли Лилли, или она плачетъ только отъ испуга.

Дверь изъ спальни отворилась, и въ комнату вошла барыня. Эмми чуть не потеряла сознаніе отъ страха, въ глазахъ у нея потемнѣло.

— Что случилось? — спросила барыня.

— Ничего.

Эмми сама не сознавала, что говоритъ. Она машинально произносила слова, отъ которыхъ ожидала спасенія.

— Но почему же Лилли такъ плачетъ? Что-нибудь случилось, должна быть какая-нибудь причина.

Напрасно Эмми употребляла всѣ усилія, чтобы успокоить ребенка.

— Дай мнѣ ее, — приказала барыня. — Дитятко мое, мамино сокровище, что съ тобой?.. Боже мой, да вѣдь у нея шишка на лбу!!

Она посмотрѣла на Эмми, а та стояла передъ ней растерянная и не знала, что сказать.

— Говори, откуда у нея шишка на лбу? Нѣмая ты, что ли? Да говори же!

— Я не знаю.

— Ты, навѣрное, уронила ее... Можетъ быть, она выпала изъ колыбели?

Эмми молчала, опустивъ глаза.

— Ага, ты не смѣешь больше запираться! Что за негодная дѣвчонка! Мало того, что ты роняешь ребенка, ты еще лжешь! Что за несчастье, что я связалась съ тобой! Но, знай, на слѣдующій годъ ты у меня больше уже не останешься. Ищи другое мѣсто... гдѣ хочешь... мнѣ все равно! А мнѣ ты не нужна... если бы даже я не нашла себѣ другой служанки... Перестань плакать,

мое золото, полно, моя родная дѣвочка! Успокойся, мама достанетъ тебѣ хорошую няню, не плачь.

Лилли сейчасъ же успокоилась, какъ только мать дала ей грудь, а немного спустя она уже весело улыбалась, хотя на глазахъ у нея еще сверкали слезинки.

— Ахъ, ты моя милая, ты уже улыбаешься своей мамѣ? Моя дѣвочка опять развеселилась? Что за ужасная шишка у тебя на лбу!

Лилли не плакала больше за весь этотъ день. Она была такая же веселая, какъ и всегда, пожалуй, даже еще веселѣе. Она взвизгивала и смѣялась, глядя на Эмми, совала ей въ ротъ пальчики и теребила ее за волосы. Эмми вытирала мягкими ручками ребенка свои щеки, по которымъ то и дѣло скатывались крупныя слезы величиной съ клюкву. И вдругъ она подумала о томъ, что черезъ шесть недѣль не будетъ уже больше держать на рукахъ мягкое тѣльце этого милаго ребенка и, быть можетъ, не увидитъ его даже мелькомъ въ окно, когда будетъ проходить мимо по улицѣ, несчастная и всѣми покинутая; она расплакалась еще горше, и слезы такъ обильно полились изъ ея глазъ, что на столѣ образовалась маленькая лужица.

— Это еще что, это еще что? — сказала она сквозь слезы ребенку, который сейчасъ же началъ шлепать ручками по лужицѣ.

Днемъ къ барынѣ пришли гости, — докторша Винтеръ и редторша Сивенъ. Обѣ были нарядныя и важныя барыни, но далеко не такія важныя и нарядныя, «какъ наша барыня», сказала Силья. Въ глубинѣ души и Эмми думала то же самое.

Когда Силья внесла въ гостиную кофе, барыня приказала ей сказать Эмми, чтобы та принесла Лилли показать гостямъ. Эмми надѣла на ребенка самый хорошенькій чепчикъ и совершенно новенькую баветку. Дѣвочка была такая миленькая, что Эмми показала ее сперва Сильѣ, и потомъ уже понесла въ гостиную.

Гости принялись восторженно расхваливать ребенка, едва Эмми появилась въ дверяхъ гостиной съ Лилли на рукахъ.

— Что за прелесть!

И обѣ стали цѣловать и мять дѣвочку и громко смѣялись.

— Ахъ, что за прелесть, что за прелесть!

Эмми стояла въ сторонѣ и улыбалась. Она не понимала словъ, «что за прелесть, что за прелесть», такъ какъ гости говорили по-шведски, но она догадывалась, что это что-нибудь очень хорошее.

Вдругъ всѣ стали очень серьёзными. Барыня взволнованно

разсказывала что-то. Что она говорила? Эмми ничего не поняла. Однако, она догадалась, о чемъ шла рѣчь, когда увидала на лицахъ чужихъ барынь выраженіе ужаса.

— Боже, Боже! — ужасались онѣ. — Бѣдный ребенокъ!

Три пары глазъ устремились съ выраженіемъ величайшаго состраданія на синякъ на лбу Лилли, а потомъ обратились съ видомъ возмущенія на Эмми.

— Что за негодное созданіе!

Эмми смотрѣла на коверъ и на полъ и ждала, чтобы что-нибудь обрушилось на нее и убило ее сразу, или чтобы разверзлась земля и поглотила ее. Она искренно сознавала въ эту минуту, что преступнѣе ея нѣтъ существа на свѣтѣ. Она не смѣла поднять глазъ, но чувствовала, что всѣ смотрятъ на нее, она чувствовала это каждымъ фибромъ своего тѣла. И она горько сознавала, что эти важныя, нарядныя барыни, которыя смотрятъ на нее съ такимъ негодованіемъ, сами никогда не дѣлаютъ ничего дурного. Да и какъ имъ дѣлать что-нибудь дурное, разъ онѣ такія умныя и образованныя и такъ неизмѣримо выше всѣхъ обыкновенныхъ людей.

— Возьми Лилли и отнеси ее, — сказала ей барыня.

Эмми слышала эти слова, но ея руки вдругъ такъ ослабѣли, что она боялась выронить ребенка.

— Ты слышала, что я тебѣ сказала? — спросила барыня.—

— Вотъ вы сами видите, что это за сокровище, — сказала она опять по-шведски, обращаясь къ гостямъ.

Эмми съ трудомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ, раздѣлявшихъ ее отъ кресла, въ которомъ сидѣла барыня. Только надежда скоро спрятаться въ дѣтской отъ всѣхъ этихъ людей придала ей силы. А можетъ быть, руки ея по привычкѣ сдѣлали свое дѣло.

Она положила Лилли въ колыбель, сѣла рядомъ на скамеечку и стала показывать ребенку игрушки. Но Лилли высоко подняла обѣ ножки и ловила ихъ ручками. Эта игра ей такъ понравилась, что она громко смѣялась и взвизгивала отъ восторга. И Эмми также смѣялась бы, если бы у нея не было такого давящаго чувства въ горлѣ, и если бы она не была такъ грустна.

Она досадовала на себя за то, что забыла утромъ объ одномъ хорошемъ средствѣ противъ сонливости, которое она не разъ раньше употребляла, а именно — колоть и царапать себя булавкой. И вотъ теперь изъ-за этого случилось непоправимое несчастье, погубившее ее.

Поздно вечеромъ, когда въ домѣ всѣ спали, Эмми вышла на дворъ. Было темно и тихо, но на небѣ ярко сіяли звѣзды. Эмми

сѣла на крылечкѣ, чтобы въ одиночествѣ обдумать свое положеніе. Но отъ ея думъ не стало свѣтлѣе вокругъ нея, — напротивъ, ей показалось, что мракъ сгустился еще болѣе. И куда бы она мысленно ни бросила взглядъ, повсюду было темно и мрачно, какъ черной ночью.

На мгновеніе она забыла свои горести и посмотрѣла на синее небо, усѣянное тысячами яркихъ звѣздъ. Кто были тѣ счастливцы, которые жили тамъ среди звѣздъ? И кто изъ живущихъ на землѣ попадетъ туда? Попадетъ ли туда хоть одна служанка? Наврядъ ли. Но зато господа, навѣрное, попадутъ. Конечно. Господа уже и на землѣ гораздо лучше простыхъ людей... Интересно, кто зажигаетъ по вечерамъ на небѣ всѣ эти стоньки: люди или ангелы? А впрочемъ, можетъ быть, люди становятся ангелами, когда попадаютъ на небо? А кто качаетъ и баюкаетъ маленькихъ дѣтей, которыя рано умираютъ и попадаютъ на небо? Кто тамъ ухаживаетъ за ними? Ну, да тамъ, пожалуй, не надо и ухаживать за ними...

Силья отворила дверь и позвала ее.

— Чего ты тамъ сидишь на холодѣ?

— Послушай, Силья, — сказала Эмми, раздѣваясь, — почему мы, служанки, такія нехорошія?

— А ты развѣ не знаешь?

— Нѣтъ.

— Потому что мы такъ мало спимъ. Мы успѣваемъ грѣшить гораздо больше другихъ. Вотъ видишь ли, господа спятъ до девяти, десяти часовъ утра, а потому и не успѣваютъ напрѣшить такъ много.

Можетъ быть, это и правда, думала Эмми. Вотъ если бы она напримѣръ, высыпалась какъ слѣдуетъ, то Лилли не выпала бы изъ колыбели.

Третій срокъ найма прислуги выпалъ на слѣдующее воскресенье. Барыня дала Эммѣ аттестатъ и приказала ей итти наниматься на церковный пригорокъ.

Тамъ съ утра собралась громадная толпа. Были тутъ и желающіе получить мѣсто, и ищущіе себѣ прислугу. Повсюду собирались отдѣльныя группы; повидимому, у всѣхъ были свои знакомые и пріятели, съ которыми какъ бы былъ заключенъ союзъ.

Эмми чувствовала себя заброшенной и одинокой. Кто захочетъ взять въ услуженіе такую маленькую и невзрачную дѣвочку?

TAYLOR IN

Она стояла у стѣны церкви съ аттестатомъ въ рукахъ и ждала.

Невдалекѣ отъ нея на церковной паперти сидѣло нѣсколько молодыхъ парней.

— Эй, дѣвочка, подойди-ка къ намъ! — крикнулъ ей одинъ изъ нихъ.

Другіе заомѣялись и начали перешептываться.

— Иди же, чего ты артачишься? Посиди съ нами.

Эмми покраснѣла и отошла подальше. Въ эту минуту къ ней подошли баринъ и барыня. А можетъ быть, это не были господа, потому что у барыни на головѣ былъ платокъ, а платье на баринѣ было поношенное.

— А вотъ эта, — сказалъ баринъ, указыая на Эмми палкой, — она, должно быть, безъ большихъ претензій. Что ты скажешь? — спросилъ онъ Эмми.

— Я буду довольна тѣмъ, что мнѣ пожалуютъ господа, — отвѣтила Эмми тихо.

Въ ней проснулась надежда.

— Да на что такая? — сказала барыня съ презрѣніемъ. — Пожалуй, она не въ силахъ и ведра воды принести.

— Нѣтъ, я могу принести ведро воды.

— А стирать умѣешь?

— Да, я стирала.

— Что же, возьмемъ ее, — сказалъ баринъ. — Она, кажется, тихая и скромная.

Но барыня еще колебалась.

— Чего добраго, она больная. Ужъ очень она тощая.

Эмми подумала о своихъ ногахъ, но не посмѣла ничего сказать изъ боязни, что ея не возьмутъ.

— Ты больна? — спросилъ баринъ, разсматривая аттестатъ, который онъ взялъ изъ рукъ Эмми.

— Нѣтъ, — прошептала въ отвѣтъ Эмми.

И внутренно она дала себѣ слово никогда не жаловаться, какъ бы ни болѣли ея ноги.

Баринъ сунулъ ея аттестатъ себѣ въ карманъ, далъ ей задатокъ въ двѣ марки, и этимъ все было рѣшено.

— Такъ ты придешь къ намъ наканунѣ дня Всѣхъ Святыхъ. Мы живемъ въ домѣ Карвонена. Спроси, гдѣ живутъ господа Хартоненъ, — сказала барыня. — Но смотри, приходи непремѣнно наканунѣ.

Эмми пошла домой.

— Ты попала на дурное мѣсто, — сказала Силья, знавшая

господъ Хартоненъ. — Это бѣдные, да и скупые люди. А барыня настоящая вѣдьма. Прислуга никогда не живетъ у нихъ больше года. Она считаетъ каждую крошку хлѣба и все выдаетъ по порціямъ.

Блѣдныя щеки Эмми покраснѣли, но она сейчасъ же нашлась и отвѣтила:

— Что же, хорошихъ мѣстъ не можетъ хватить на всѣхъ. Нѣкоторые должны быть довольны и дурнымъ мѣстомъ, да еще благодарить Бога за то, что имъ не надо итти собирать милостыню.

Она взяла на руки Лилли и прижалась лицомъ къ ея мягкому тѣльцу. Лилли обѣими ручками вцѣпилась ей въ волосы и залепетала: «Те-те-те».

Пер. съ финскаго ***М. П. Благовѣщенской.***

К. ТАВАСТШЕРНА.

СЪ ТОГО БЕРЕГА СТИКСА.

Я всѣмъ чужой въ своемъ уединеньи,
Моихъ путей свободно избранъ ходъ,
И равнодушно я слѣжу съ высотъ
Людского моря праздное волненье.

Твой голосъ долетѣлъ въ страну забвенья, —
На праздникъ жизни онъ меня зоветъ.
Я мертвъ давно, — но хочешь ты, и вотъ
Встаю, даря тебѣ повиновенье.

Ты знаешь ли, что мертвыхъ страсть страшна?
Отъ поцѣлуевъ не заснетъ она,
Съ ушедшими нельзя играть любовью.

Кроваво-красны, чувства ихъ горятъ,
И если губы блѣдны и дрожатъ,
То, значитъ, сердце истекаетъ кровью.

Т. Кладо.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО.

Анти Метсэнтауста лежитъ на печи своей закоптѣлой, курной избы, думая смутныя думы о настоящемъ и будущемъ; ему не мѣшаютъ дѣти, шумно играющія на черномъ полу въ «ѣду»: деревяшки изображаютъ хлѣбъ, пустая кружка питье, — забавная игра!..

Анти Метсентауста забрался на печь съ утра, когда его жена отправилась въ сосѣднюю деревню, за полъ-мили отъ ихъ избы, за полъ-мили, если итти по тропинкѣ черезъ лѣсъ.

Она должна бы уже вернуться, но время идетъ такъ медленно,

и, чтобы ускорить его теченіе, Анти, слѣзая съ печи, подходитъ къ очагу, раскуриваетъ выгорѣвшую трубку.

Игра дѣтей становится менѣе шумной, но когда худощавая фигура въ грязно-сѣромъ, грубомъ бѣльѣ исчезаетъ на печи, дѣти снова оживляются. Они видятъ наверху въ темнотѣ красную точку и слышатъ сердитый трескъ плохо горящихъ остатковъ табаку, сиплые вздохи трубки. Потомъ они слышатъ правильное, глубокое дыханіе, прерываемое легкимъ храпомъ.

Одна часть избы освѣщена слабымъ свѣтомъ зимняго дня, — онъ съ трудомъ проникаетъ сквозь ледъ, покрывшій окно, — другая часть — двумя головнями въ очагѣ, среди холма золы. Освѣщеніе простирается локтя на три отъ земли, а выше неподвижно виситъ облако дыма, и сквозь него чуть видны на копоти стѣнъ сѣрыя пятна отъ прикосновенія рукъ.

По стѣнамъ тянутся залосненныя массивныя скамьи, между ними — стѣнной шкафъ, за шкафомъ виситъ новый овчинный полушубокъ, мѣховая шапка, кремневое ружье. Треть избы занимаетъ печь, выштукатуренная спереди, но давнымъ-давно потемнѣвшая отъ копоти. Вторую треть занялъ столъ подъ окномъ. Это — единственный въ избѣ бѣлый предметъ, озаряющій ее своей большой сосновой доской, истертой отъ мытья пескомъ. На свободномъ кускѣ пола возятся четверо дѣтей; младшій, сидя въ люлькѣ, тоже принимаетъ дѣятельное участіе въ игрѣ — мычитъ и дѣлаетъ руками какіе-то таинственные знаки. Изба свидѣтельствуетъ объ относительномъ благосостояніи ея хозяевъ: копоть черна, но не пачкаетъ, а похожа на масляную краску; домашняя утварь опрятна; дѣти не слишкомъ оборваны. Это впечатлѣніе зажиточности усиливаетъ сердитое мычаніе коровы, доносящееся изъ маленькаго хлѣва. На десять миль во всѣ стороны отъ избы тянется Куусомо * — родина людей, которые всегда ѣдятъ хлѣбъ, смѣшанный съ сосновой корой; на этомъ пространствѣ нерѣдко попадаются избы, въ которыхъ нѣтъ ни очага, ни дымовой трубы, ни хлѣва, въ которыхъ корова, овцы и куры живутъ вмѣстѣ съ людьми. Лошадь для большинства крестьянъ является дерзкой мечтой, которая осуществится, быть можетъ, въ далекомъ будущемъ — лѣтъ черезъ сто.

Въ избѣ Анти есть, пожалуй, кое-что лишнее, чего не имѣютъ очень многіе, но зато въ этой избѣ нѣтъ — хлѣба. Поэтому-то дѣти играютъ въ «ѣду» деревяшками и пустой кружкой, а хозяинъ лежитъ съ утра на печи, время отъ времени засыпая.

---

* Въ Улеаборгской губерніи.

Но вотъ дѣти сразу бросаютъ игру и прислушиваются — чуткіе звѣрьки. На дворѣ хруститъ снѣгъ, чья-то рука берется за скобку двери, дверь со скрипомъ открывается, и, подобно привидѣнію, въ избу входитъ, окруженная облакомъ холоднаго зимняго воздуха, женщина, закутанная по уши въ одежды, украшенныя инеемъ. Она быстро закрыла дверь, морозное облако слилось съ дымомъ, исчезло въ немъ. Дѣти молча толпятся вокругъ матери, а младшій выкарабкался изъ люльки, падаетъ на полъ и кричитъ изо всѣхъ силъ. Женщина, привычнымъ движеніемъ поднявъ его, прижимаетъ къ покрытой инеемъ груди, — сжатый холодомъ малютка кричитъ пуще прежняго, но мать, не обращая на него вниманія, быстро подходитъ къ печи, ищетъ глазами своего мужа и, замѣтивъ впотьмахъ его сѣрую рубаху, говоритъ рѣзко:

— Ну, Анти, теперь уже тебѣ не остается ничего другого, какъ встать и отправиться въ село!

— Ну, ну! — не спѣша, отвѣчаетъ Анти, — не горимъ же мы, въ самомъ дѣлѣ. Что за тревога? Не могу же я на ночь пуститься въ путь!

— Тревога? Не велика разница между голодомъ и пожаромъ! Не все ли равно, кто изъ нихъ первый обрушится на тебя! Я пришла съ хорошими вѣстями. Всѣ изъ Пусума ушли въ село, тамъ сама высокая казна раздаетъ нуждающимся муку на Рождество. Если ты, Анти, какъ всѣ другіе, пойдешь туда, тогда у насъ будетъ, по крайней мѣрѣ, свѣжій хлѣбъ къ празднику!

Анти поворачивается на печи, высунувъ изъ темноты недовольное, худощавое лицо. Онъ какъ бы прислушивается къ какому-то другому голосу, качаетъ головой и жилистыми пальцами проводитъ по рыжеватымъ вихрамъ.

— Такъ, такъ... значитъ, и я долженъ итти побираться!

— А какъ же иначе? Развѣ мы уже не четвертый день живемъ каплей молока, а дѣти развѣ не кричатъ съ голоду, да ты самъ и я не голодаемъ? Сколько времени мы еще можемъ протянуть такъ?

— Ну да, это такъ, какъ ты говоришь... только бы ты не спѣшила такъ чертовски!

— Боже Ты мой, Создатель! Онъ еще чертыхается? Но что ты сдѣлалъ, чтобы мы не голодали? Ты съ осени все лежалъ себѣ на печи и потягивался, ожидая, когда пріѣдутъ лѣсники и дадутъ намъ ѣду. Но они не пріѣхали и, можетъ, совсѣмъ не пріѣдутъ въ этомъ году. Если бы я не ходила по сосѣдямъ и не занимала у нихъ необходимаго, то мы бы уже давно пропали. Теперь же насталъ конецъ и этому! Сосѣди сами должны были

пойти въ село и получить отъ казны, — да и какое же это побирательство, если казна сама даетъ! И самъ хозяинъ большого хутора не можетъ намъ больше помогать, онъ это сказалъ мнѣ сегодня. Мнѣ тамъ дали только маленькій кусочекъ хлѣба, но это — дѣтямъ!

Она кладетъ на столъ кусокъ сухого хлѣба, съ примѣсью коры, а дѣти съ жадностью окружаютъ лакомство.

— Ну, ты все сказала? — говоритъ Анти, пока его жена, снимая съ себя верхнюю одежду, переводитъ духъ.

Не отвѣчая мужу, она, съ малюткой на рукахъ, отходитъ къ люлькѣ и собирается кормить ребенка грудью.

Анти слѣзаетъ съ печи, потягиваясь, словно только что проснулся, подходитъ къ женѣ, чтобы сказать ей что-то, но, ничего не говоря, сгорбившись, выходитъ изъ избы.

Морозный воздухъ стелется по полу, — Анти не торопится запереть дверь. Жена кричитъ вслѣдъ за нимъ:

— Ты хочешь еще вдобавокъ насъ заморозить?!

Дверь неторопливо захлопывается. Анна, не переставая кормить сына, вынимаетъ изъ шкафа кринку, до половины наполненную молокомъ, кладетъ въ нее черный хлѣбъ, чтобы онъ размокъ, и, окруженная голодными дѣтьми, у которыхъ цѣлыя сутки не было ничего во рту, приготовляетъ для нихъ пиръ. Во время пиршества снова возвращается Анти, таща за собою лыжи. Онъ невольно украдкой бросаетъ взглядъ на угощеніе и вытираетъ ротъ рукою, глотая слюнки. Потомъ зажигаетъ лучину и, сѣвъ у очага, принимается чинить лыжи. Жена молча смотритъ на его работу, на ея лицѣ появляется выраженіе ласки и, отвернувшись въ сторону, она говоритъ:

— Развѣ тебя не могли бы подвезти на лошади изъ Пусула? Навѣрное у кого-нибудь оттуда есть дѣла въ селѣ...

— Я не нуждаюсь въ ихъ лошадяхъ, пока самъ могу ходить.

— До церкви цѣлыхъ шесть миль, а ты цѣлую недѣлю не ѣлъ досыта...

— У меня достаточно силъ, чтобы пробѣжать нѣсколько миль на хорошихъ лыжахъ.

— Дорога въ село идетъ въ гору, а назадъ вѣдь тебѣ придется тащить мѣшокъ съ мукой...

Анти не отвѣчаетъ. Аннѣ кажется, что она дала мужу довольно совѣтовъ; она укладываетъ дѣтей спать, вынимаетъ свою прялку и прядетъ безконечную сѣрую нитку, — эта нить тянется всю осень. Прялка жужжитъ, трещитъ, лучины въ свѣтцѣ сгораютъ и замѣняются новыми. Супруги молчатъ, занятые каждый

своимъ дѣломъ. Анна упрекаетъ себя въ душѣ за то, что она слишкомъ рѣзко говорила съ мужемъ, который, въ сущности, вовсе не такъ виноватъ въ ихъ нуждѣ. Она пытается произнести нѣсколько словъ примиренія, но они не сходятъ съ ея языка.

Наконецъ Анти справился съ лыжами, выноситъ ихъ въ сѣни и, возвратясь въ избу, проситъ жену приготовить самый большой мѣшокъ. Затѣмъ онъ влѣзаетъ на печь.

— Когда же ты пойдешь?

— Не заботься объ этомъ! Для тебя важно только, чтобы я донесъ муку домой.

Немного позднѣе Анна пытается умилостивить своего мужа, положивъ ласково свою руку на его плечо, но онъ прикидывается спящимъ.

Еще не взошла утренняя звѣзда, а уже Анти безшумно, какъ тѣнь, бѣжитъ на лыжахъ, въ холодную, тихую звѣздную ночь, по лѣсной тропинкѣ, ведущей въ сосѣднее село. Онъ всталъ и собрался въ путь, не разбудивъ никого дома. Въ его животѣ отъ голода бурчало такъ громко, что онъ боялся, какъ бы не проснулась жена. Онъ надѣлъ свой новый короткій полушубокъ, туго стянулъ поясъ, искрошилъ остатокъ листового табаку и, закуривъ трубку, вышелъ изъ избы, тихо, какъ воръ. Онъ выбралъ для ѣзды на лыжахъ самую крѣпкую съ желѣзнымъ наконечникомъ палку, — въ этомъ году еще до Рождества волки ходили стаями.

* * *

Въ сумерки того же дня, сгорбленная, заиндевѣвшая фигура бѣжитъ на лыжахъ съ пустымъ мѣшкомъ на спинѣ и съ трубкой во рту по улицѣ села Куусамо. Шестьдесятъ верстъ въ 12 часовъ пробѣжалъ Анти безъ отдыха. Онъ осматривается передъ сельской лавкой, гдѣ стоятъ лошади и ожидаютъ люди.

— Здѣсь ли государь раздаетъ муку къ Рождеству?

— Да, здѣсь: даютъ муку, но даетъ не государь.

— Это все равно.

Анти входитъ въ лавку, долго ждетъ своей очереди и, когда, наконецъ, попадаетъ къ прилавку, то, снявъ со спины свой мѣшокъ, молча подаетъ его лавочнику, а тотъ вмѣстѣ со своимъ приказчикомъ, подъ надзоромъ знатной дамы, насыпаетъ его мукою. Всѣ они до самыхъ бровей покрыты мучной пылью.

— Какъ тебя зовутъ?

— Анти Метсентауста.

— Откуда?

— Изъ торпа* Метсентака, за деревней Пусула.

— Ты хочешь муки?

— Да, я слыхалъ, что здѣсь можно даромъ получить муку.

— А она дѣйствительно тебѣ нужна?

— Не сталъ бы я побираться для удовольствія, и не для забавы же я прошелъ сегодня съ утра шестьдесятъ километровъ на лыжахъ.

— Развѣ ты голодаешь?

— Я цѣлую недѣлю не ѣлъ куска порядочнаго хлѣба.

— Однако, у тебя новый полушубокъ!..

Лавочникъ посмотрѣлъ на него подозрительно и сказалъ дамѣ:

— Этотъ мужикъ слишкомъ силенъ и слишкомъ хорошо одѣтъ. Онъ не изъ нуждающихся, повѣрьте мнѣ!

И допросъ начинается снова.

— Можешь ли ты доказать, что тебѣ нужна мука?

Анти безпокойно оглядывается по сторонамъ, но въ лавкѣ не видитъ ни одного знакомаго лица. Отъ досады и стыда онъ блѣднѣетъ и, заикаясь, говоритъ:

— Да, видите ли, я оттуда, изъ дикой пустоши, за деревней Пусула, и у меня такъ мало знакомыхъ. Мы не можемъ часто приходить сюда въ церковь и завязывать знакомства...

— Развѣ здѣсь нѣтъ никого изъ Пусула, кто могъ бы подтвердить, что ты нуждаешься?

— Никого.

Кто-то изъ присутствующихъ замѣчаетъ, что селеніе Пусула находится очень далеко, и для того, чтобы дѣйствительно вернуться туда къ Рождеству, надо было притти за мукой гораздо раньше.

— Отчего ты приходишь такъ поздно и совсѣмъ одинъ? — спрашиваетъ лавочникъ рѣзко и недовѣрчиво.

Анти совершенно потерялся, онъ хочетъ сказать многое, но заикается на каждомъ словѣ. Такъ какъ изъ его объясненія ничего яснаго не выходитъ, дама прерываетъ его любезно:

— Видите ли, мы должны знать, что изъ средствъ родины мы даемъ дѣйствительно нуждающимся. Вы легко можете отъ пастора или кистера достать свидѣтельство, что вы нуждаетесь. Приходите завтра снова, когда получите свидѣтельство. Мы должны поступать добросовѣстно.

Анти оправляется, бросаетъ удивленный взглядъ на лавочника,

---

* Торпарь — мелкій арендаторъ.

на мучные мѣшки и, нахлобучивъ шапку на уши, не говоря ни слова, уходитъ изъ лавки.

* * *

На слѣдующее утро, въ сочельникъ, Анти явился въ лавку, въ сопровожденіи работника изъ сосѣдней усадьбы. Въ своей бѣдѣ Анти вспомнилъ одного изъ товарищей по конфирмаціи, искалъ его вчера вечеромъ нѣсколько часовъ и наконецъ нашелъ; тотъ повѣрилъ нуждѣ Анти, накормилъ его досыта и пріютилъ у себя на ночь, а теперь вотъ пришелъ съ нимъ, чтобы засвидѣтельствовать его нужду. Мѣшокъ Анти наполняютъ мукой, но когда онъ говоритъ, что онъ еще сегодня долженъ пройти съ нимъ шесть миль, лавочникъ, молча покачивая головой, начинаетъ снова опоражнивать мѣшокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говоритъ Анти, — оставьте мѣшокъ полнымъ, я справлюсь.

— Но онъ вѣситъ около трехъ пудовъ, это вамъ будетъ не по силамъ. Шесть миль — не шутка!

— Да, но у меня жена и четверо дѣтей, они голодаютъ уже двѣ недѣли.

— Почему же вы не сказали вчера, что у васъ жена и четверо дѣтей?

— Мнѣ было неловко . . . въ присутствіи людей . . .

Лавочникъ невольно улыбается. Анти получаетъ полный мѣшокъ, киваетъ, въ знакъ благодарности, встрепанной головой комитету вспомоществованія голодающимъ, находящемуся въ Гельсингфорсѣ, и въ видѣ особой милости протягиваетъ дамѣ свой огромный кулакъ. Въ дверяхъ онъ оборачивается и говоритъ лавочнику:

— Не можете ли вы, господинъ купецъ, дать мнѣ въ кредитъ до весны пачку листового табаку? Видите ли, когда у меня есть что курить, я не такъ ужъ сильно чувствую голодъ. Табакъ помогъ мнѣ вчера добраться сюда, а теперь у меня больше нѣтъ его — на обратный путь.

Лавочникъ смѣется и, желая показать себя щедрымъ въ присутствіи другихъ, кладетъ на прилавокъ двѣ большія пачки табаку.

— Это за то, что я вчера поступилъ несправедливо съ вами.

— Весной ты получишь все, сколько слѣдуетъ, — увѣряетъ Анти, протягивая лавочнику руку. Въ дверяхъ онъ еще разъ оборачивается.

— Да, — говоритъ онъ, — я не всегда былъ бѣденъ и, надо думать, не вѣчно буду.

Потомъ онъ прощается со своимъ пріятелемъ, работникомъ, набиваетъ трубку, становится на лыжи и, выпуская изо рта огромные клубы дыма, исчезаетъ на поворотѣ дороги, почти не сгибаясь подъ своей ношей. Еще не поздно; подъ вліяніемъ табака и сознанія удачно выполненной миссіи, онъ мчится невѣроятно быстро, надѣясь еще до полуночи быть дома. Дорога хорошая, а небольшая усталость въ ногахъ исчезнетъ, какъ только онъ разойдется. День выдался теплѣе предыдущаго, надъ лѣсомъ на югѣ свѣтитъ солнце. Анти становится жарко въ полушубкѣ. Онъ снимаетъ его и, свернувъ, кладетъ его на мѣшокъ, продолжая путь въ одной рубахѣ. Онъ затягиваетъ пѣсню сплавщиковъ лѣса, долго поетъ ее въ тактъ широкимъ своимъ шагамъ, а кончивъ пѣсню, запѣваетъ псаломъ. Солнце спряталось за лѣсомъ, въ сумеркахъ показываются звѣзды; предъ Анти лежитъ большое озеро — онъ знаетъ, что прошелъ больше трети дороги. Онъ недоволенъ собою, — слишкомъ мало пройдено, а усталость уже даетъ себя знать: хочется лечь въ сугробъ и заснуть. Чтобы немного освѣжиться, онъ вихремъ летитъ по склону — съ берега на ледъ. Тамъ его продуваетъ насквозь холодный вѣтеръ. Съ наступленіемъ сумерекъ морозъ сталъ крѣпче, потный воротъ рубахи замерзъ, отвердѣлъ и третъ затылокъ. Мѣшокъ немилосердно тянетъ внизъ, веревки глубоко врѣзаются въ плечи, причиняя сильную боль.

Далеко на противоположномъ берегу озера Анти видитъ огонекъ въ окнѣ одиноко стоящей избы. На минуту его соблазняетъ мысль отдохнуть чуточку въ теплѣ, а потомъ уже продолжать путь ночью, но онъ тотчасъ же угрюмо побѣждаетъ свое желаніе и, снявъ ношу со спины, натягиваетъ на себя холодный полушубокъ, — бѣжать на лыжахъ рождественскою ночью въ одной рубахѣ нѣсколько рискованно, онъ смутно понимаетъ это.

Расчистивъ подъ ногами снѣгъ, Анти пробиваетъ во льду желѣзнымъ оконечникомъ своей палки дыру, изъ нея выступаетъ вода. Осторожно вынувъ изъ мѣшка горсть муки, Анти смѣшиваетъ ее съ водой и въ одиночествѣ съѣдаетъ этотъ рождественскій ужинъ. Затѣмъ снова навьючивъ мѣшокъ, онъ закуриваетъ трубку и направляется по прямой линіи черезъ пустынное озеро. Рождественскія звѣзды мерцаютъ на небѣ, молодой мѣсяцъ чуть поднялся надъ темнымъ горизонтомъ и скоро снова исчезнетъ.

Анти не думаетъ уже объ остающихся ему миляхъ пути, онъ

полонъ иными думами, — думами торпаря-новосела, тѣми, что никогда его не покидаютъ.

* * *

Анна ждетъ мужа къ вечеру, предполагая, что онъ отправился изъ села такъ же рано, какъ изъ дому. Она раздѣлила вчерашнее молоко между дѣтьми, не оставивъ себѣ ни капли. Она въ бодромъ настроеніи духа. Корова, вслѣдствіе особенно обильнаго по случаю праздника корма, дала необыкновенно много молока; Анна торжественно внесла его въ избу; подойникъ она поставила въ шкафъ, гдѣ у нея заготовлены берестушки для тѣста, которое она замѣситъ тотчасъ же, какъ только Анти принесетъ муку. Она наслаждается уже при одной мысли о роскошномъ рождественскомъ празднествѣ и нѣжнѣе обыкновеннаго гладитъ дѣтей по головѣ.

Еще засвѣтло она топитъ баню, чтобы предложить ее Анти, какъ только онъ вернется домой, утомленный. Въ дровахъ, слава Богу, нѣтъ недостатка. Истопивъ баню, Анна моется сама и моетъ дѣтей, каждую минуту прислушиваясь, не счищаетъ ли Анти на дворѣ снѣгъ со своихъ лыжъ. Но наступаетъ вечеръ, становится темно, — Анти все еще нѣтъ. Уже пора спать, но дѣти, замѣтивъ, что предстоитъ что-то особенное, не хотятъ ложиться. Они ждутъ Рождества, такъ какъ мать сказала, что оно будетъ вечеромъ.

— Оно будетъ, когда придетъ отецъ, — отвѣчаетъ она.

— Когда же онъ придетъ? — спрашиваютъ трое любопытныхъ. Она успокаиваетъ ихъ, но у самой сердце не на мѣстѣ. Когда ей удается, наконецъ, уложить ребятъ, она въ тревогѣ вынимаетъ прялку и прядетъ безконечную сѣрую нить, тихонько распѣвая псаломъ, чтобы умилостивить Бога за то, что она работаетъ наканунѣ большого праздника. Но безъ работы невыносимо ждать. Ея тревожныя, печальныя мысли все время вертятся около Анти и ихъ вчерашней полувраждебной разлуки. Она упрекаетъ себя за то, что проводила Анти неласково. Что, если онъ замерзъ въ лѣсу?

Около полуночи Анна выходитъ изъ избы и, отойдя немного, чтобы не разбудить дѣтей, тихо кричитъ въ темнотѣ хриплымъ голосомъ, полнымъ отчаянія, въ то же время стыдясь самое себя:

— Анти! Анти! — ты идешь?

Ей насмѣшливо отвѣчаетъ эхо изъ сосновой рощи.

Она стоитъ долго, пока не начинаетъ зябнуть, потомъ съ опу-

щенной головой возвращается въ избу и плачетъ. Ее мучаетъ совѣсть, и слезы не приносятъ облегченія. Она задыхается отъ вздоховъ и жалуется вполголоса:

— Господи, Боже всемогущій, Ты — благій и премудрый, отчего Ты допустилъ меня выгнать изъ дому мужа въ зимнюю ночь, — отчего? Было бы лучше, если бы онъ остался дома и мы умерли вмѣстѣ!..

Старшая дѣвочка проснулась и съ удивленіемъ, широко открывъ глза, подбѣгаетъ къ матери. Увидя, что мать плачетъ, и она тоже заливается слезами. Крѣпко прижавъ къ себѣ дѣвочку, Анна орошаетъ ея волосы и щеки слезами великаго горя и качаетъ ее на колѣняхъ, жалуясь:

— Намъ теперь нечего ждать, кромѣ смерти... пусть бы ужъ приходила скорѣе!

— Смерти? Что это такое? — спрашиваетъ дѣвочка.

Вмѣсто отвѣта, мать относитъ ребенка въ свою постель, склоняетъ свою голову и свое сердце передъ Всемогущимъ и молится долго и горячо за своего мужа, за дѣтей, за самое себя... за весь міръ.

* * *

Подъ утро, въ тишинѣ рождественской ночи только очень чуткое ухо могло бы различить тихое, равномѣрное шурчаніе, медленно приближавшееся къ избѣ Метсэнтака. Анна просыпается, радостное предчувствіе волнуетъ ее. Въ одной рубахѣ она бѣжитъ къ двери, распахиваетъ ее и, при слабомъ свѣтѣ снѣга, видитъ бѣлую фигуру, которая, медленно скользя, входитъ во дворъ.

— Боже мой! — Анти! — Наконецъ-то!

Отъ усталости онъ не въ состояніи отвѣтить. Съ трудомъ освобождаетъ ноги изъ петель лыжъ и плетется къ двери. Иней, снѣгъ и мучная пыль придали ему видъ сказочнаго рождественскаго дѣда. Анна ведетъ его въ избу, онъ молча падаетъ на лавку, изъ его груди вырывается глубокій и благодарный вздохъ. Анна снимаетъ съ мужа мѣшокъ, полушубокъ, тревожно осматриваетъ его, боясь, не отморозилъ ли онъ себѣ ноги или руки, но успокаивается, видя, что Анти — весь въ поту.

— Ступай сейчасъ въ баню, Анти! Она еще не остыла.

Анти совершенно покоренъ и предоставляетъ женѣ дѣлать съ собой все, что ей угодно. Она ведетъ его въ баню, приготовляетъ горячую воду, кладетъ вѣники и второпяхъ не замѣчаетъ, что у Анти подъ полушубкомъ нѣтъ рубахи. Она оставляетъ его

лишь тогда, когда онъ влѣзаетъ на полокъ, и тѣло его становится краснымъ отъ жары.

Анна спѣшитъ назадъ въ избу и разводитъ огонь въ печи. Дѣти, проснувшись, узнаютъ, что Рождество пришло вмѣстѣ съ отцомъ изъ села. Она одѣваетъ ихъ въ лучшія платья и говоритъ, что они скоро наѣдятся досыта.

Общій восторгъ.

Только черезъ часъ она приводитъ Анти изъ бани; онъ такъ усталъ, что едва можетъ итти безъ поддержки; однако, мимоходомъ онъ все-таки поднялъ свои лыжи и бережно поставилъ ихъ къ стѣнѣ избы. А въ избѣ какъ будто все подмѣнили. На очагѣ горитъ большая охапка дровъ, столъ накрытъ бѣлой скатертью, въ щеляхъ стѣны трещатъ лучины, четыре большія берестушки со свѣжимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ молока и муки, стоятъ посреди стола. Дѣти, по старшинству, сидятъ вокругъ него, не притрагиваясь къ лакомому угощенію; Анна беретъ малютку изъ люльки и прижимаетъ его къ груди.

— Ну, Анти, иди, мы благословимъ рождественскій хлѣбъ!

Когда молитва передъ ѣдой окончена, Анти произноситъ первыя, по возвращеніи домой, слова:

— Половину муки я долженъ былъ зарыть въ песчаной ямѣ за милю отсюда, иначе я не дошелъ бы домой. Я въ другой разъ пойду туда и принесу муку.

— Но она вѣдь будетъ съ пескомъ? — говоритъ Анна удивленно.

— Нѣтъ, видишь ты . . . я положилъ ее въ свою рубаху! . .

Когда первый голодъ нѣсколько утоленъ, Анна, вспомнивъ, что въ это время люди обыкновенно отправляются къ рождественской заутрени, вынимаетъ свой молитвенникъ.

— Мы споемъ псаломъ! — говоритъ она!

Вотъ псаломъ, который голодающіе жители пустоши знаютъ наизусть:

«Весь міръ ликуй и хвали Господа,
Рано и отъ всего сердца . . .»

Дѣти же, каждый по-своему, поютъ тѣ пѣсни, какія знаютъ, но это не нарушаетъ благоговѣйнаго настроенія Рождественскаго утра.

Пер. со шведскаго ***В. М. Смирнова.***

П. ПЕЙВЕРИНТА.

МАТТИ-ГОРЕМЫКА.

Мартъ мѣсяцъ близился къ концу, повсюду были замѣтны признаки грядущей весны. Весело щебетали синицы на деревьяхъ, изъявляя свою радость Подателю всѣхъ благъ. Санный путь уже испортился: дороги осѣли, снѣгъ былъ грязенъ, на поляхъ чернѣли проталины. Ручьи и канавы переполнились водой, и только ночные морозы мѣшали ей вырваться на волю. Мѣстами, гдѣ солнце пригрѣло сильнѣе, ручьи уже сбросили ледяной покровъ и, весело прыгая черезъ пороги камней, шумно стремились въ лоно моря.

Въ это время мнѣ пришлось по дѣламъ отправиться изъ родного прихода.

Раннимъ утромъ нагналъ я другого путника, который брелъ за своимъ возомъ. Нагнавъ его, я соскочилъ съ саней и подошелъ къ нему.

— Доброе утро, дѣдушка! — сказалъ я.

— Богъ на помощь! — отвѣчалъ старикъ, не оборачиваясь.

Лошаденка у него была настоящая кляча, поклажа состояла изъ двухъ боченковъ смолы. Гужи изъ прутьевъ, уздечка вся въ узлахъ. Кормомъ для лошади служило лежавшее въ саняхъ болотное сѣно пополамъ съ тиной; для той же цѣли, вѣроятно, былъ предназначенъ и длинный туго набитый мѣшокъ, лежавшій въ передней части саней, — въ немъ, повидимому, находилась рѣзка. Въ саняхъ лежала еще берестяная кошолка съ провизіей самого мужика. Одѣтъ онъ былъ въ рваный пиджакъ, крѣпко перетянутый обрывкомъ повода. На пиджакѣ ни путовицъ, ни крючковъ, верхняя часть его была открыта, и изъ-подъ лохмотьевъ виднѣлась голая грудь. Сапоги его очень старые и не однажды починенные разорваны, пучки соломы торчали изъ дыръ. Если прибавить, что на рукахъ у путника заплатанныя рукавицы,

а на головѣ поношенная мѣховая шапка, то костюмъ его будетъ весь описанъ.

Двухъ бочекъ со смолой было болѣе, чѣмъ достаточно, для тощей лошаденки при такой плохой дорогѣ. Когда на дорогѣ встрѣчались проталины, старикъ подталкивалъ возъ сзади, помогая клячѣ, которая напрягала всѣ свои силы. Вода просачивалась сквозь солому въ дырявые его сапоги, они хлюпали.

— Куда ѣдете, дѣдушка? — спросилъ я его.

— Въ городъ, — кратко и уныло отвѣтилъ онъ.

— Плохая же вамъ выдалась дорога.

— Это правда, дорога плоха; да дѣла, вишь, не ждутъ, — сказалъ старикъ.

— Должно быть, спѣшное дѣло, коли приходится пускаться по этакой дорогѣ? — снова спросилъ я.

— Недоимку надо платить, — сказалъ печально старикъ, и только тутъ онъ бросилъ на меня робкій взглядъ.

Теперь увидѣлъ я его лицо: оно казалось испитымъ и поблекшимъ, — видно, что человѣкъ состарился раньше времени.

— Кто же этотъ жадный кредиторъ, которому не жаль заставлять васъ пускаться въ городъ по такой дорогѣ? — спросилъ я.

— Настоятель, — отвѣчалъ онъ кратко.

— Настоятель! Много вы ему должны? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Немного — всего только за прошедшій годъ. — вздыхая, сказалъ старикъ.

— А вы не просили его обождать?

— Какъ же — раза два ходилъ.

— Ну, и что жъ онъ?

— Разсердился крѣпко и сказалъ: «обкрадываете вы меня, мерзавцы!» И никакого снисхожденія не сдѣлалъ, хоть я и просилъ его со слезами на глазахъ, — сказалъ старикъ и снова бросилъ на меня унылый взглядъ.

— Жестокій человѣкъ у васъ настоятель, нечего сказать. Могъ бы онъ подождать хоть до тѣхъ поръ, пока дорога поправится, — сказалъ я. самъ не зная, что говорю.

— Такъ и мнѣ думалось бы, да, вишь, глупъ я, не понимаю я этихъ дѣлъ; настоятель — тотъ все это лучше знаетъ. Тоже вѣдь и у него нелегкая работа — за всѣхъ за насъ передъ Богомъ отвѣчать. Онъ хорошій священникъ, знаетъ свое дѣло. Я не виню его, только платить не въ силахъ, хоть и радъ бы душой. Другіе, правда, говорятъ, что онъ-де больно прижимистъ; только вѣдь чѣмъ же ему жить при такой отвѣтственности, коли онъ не бу-

детъ получать того, что ему надобно? — простодушно разсуждалъ старикъ.

Безхитростная рѣчь освѣтила мнѣ внутренній міръ старика. Навѣрно, много житейскихъ невзгодъ испыталъ онъ, — можетъ быть, больше, чѣмъ настоятель, о благополучіи котораго онъ такъ заботился. Весь свой вѣкъ борясь съ суровой природой, съ лишеніями и нищетой, онъ тѣмъ не менѣе считалъ своей обязанностью отдавать другимъ то, что имъ полагалось, какъ бы мало ни оставалось ему самому, и каковы бы ни были его собственныя дѣла; его огорчало только то, что онъ не могъ выполнить въ точности всѣхъ требованій. Я необдуманно назвалъ настоятеля безжалостнымъ, но человѣкъ не сталъ мнѣ поддакивать, не сталъ поносить того, изъ-за котораго терпѣлъ такую муку.

— Нехорошо это, что настоятель назвалъ меня воромъ. Просто я не могъ заплатить, — сказалъ старикъ съ явнымъ огорченіемъ.

Ясно было, что эти слова исходятъ отъ чистаго сердца.

— Довезти бы только вотъ эти бочки до города, тогда бы я заплатилъ долгъ и избавился отъ описи, — продолжалъ старикъ, становясь болѣе словоохотливымъ.

— Лошадь-то у васъ плоховата — довезетъ ли она до города поклажу?

— Да, плоха, плоха лошаденка. Да и откуда бѣднягѣ быть сытой на одномъ плохомъ сѣнѣ да на водѣ, — согласился старикъ.

— А вѣдь это первое дѣло, чтобы лошадь была сыта, — напомнилъ я.

— Такъ оно со стороны кажется; а у кого морозъ погубилъ весь хлѣбъ, тому дай Богъ семью прокормить; да и кормъ, что у себя, что у скотины, почитай, одинъ и тотъ же. Если ужъ попалъ на эту точку, такъ — думается — семьѣ живется не лучше, чѣмъ лошади, — сказалъ старикъ и опять взглянулъ на меня, словно удивляясь моимъ мыслямъ.

— Но вѣдь могли бы вы хоть сапоги-то себѣ починить, — сказалъ я отчасти изъ любопытства, отчасти думая, что старикъ хоть въ чемъ-нибудь былъ неисправенъ.

— Чего бы проще, кажись. Только, когда у тебя на шеѣ шестеро голодныхъ да голыхъ ребятишекъ, да еще жена, такъ некогда думать о своей одежѣ и сапогахъ. И эти вотъ сапоги чинены-перечинены, да только ужъ ихъ пѣсенка спѣта. Умѣли бы и мы прожить не хуже другихъ, да силы-то вотъ нѣтъ, — сказалъ старикъ уныло.

— А вы откуда же будете?

— Да изъ дальней деревни, здѣшняго же прихода.

— А зовутъ какъ?

— А зовутъ меня Матти-Горемыкой; и впрямь горемыка я: всю-то жизнь мнѣ приходится мыкать горе.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Живу я въ трущобѣ; земля такая, какая другимъ не пригодилась — одни болота да топи.

— А развѣ нельзя оставить такое плохое мѣсто? Вѣдь можно же найти получше.

— Не такъ-то просто. Ну, уйду я — вѣдь за такую землю никто мнѣ ни гроша не дастъ. На какія же деньги я буду другую землю покупать? Приходится ужъ тутъ вѣкъ доживать. Все-таки лучше, чѣмъ ходить по міру — тоже вѣдь и это не сладко. — Мнѣ бы только отъ описи избавиться.

— Смола-то у васъ, вѣрно, прошлогодняя?

— Нѣтъ. Гдѣ же ей такъ долго сохраниться? Намъ не до того. Какъ только два боченка натналъ, такъ сейчасъ и повезъ въ городъ, — сказалъ старикъ.

Бесѣдуя, добрались мы до постоялаго двора. Старикъ сказалъ, что будетъ здѣсь кормить лошадь. Мнѣ предстояло то же самое: хотя у меня и не было поклажи, но и моя лошадь тоже нуждалась въ кормѣ и отдыхѣ. Возъ старика крѣпко завязъ въ топкой грязи около дома, и намъ обоимъ пришлось помогать бѣдной лошаденкѣ, которая тянула изо всѣхъ силъ.

Выпрягши лошадей и задавъ имъ корму, мы взяли свою провизію и пошли въ избу — намъ тоже надо было поѣсть. Старикъ вытащилъ свою берестяную котомку, вынулъ оттуда что-то и сѣлъ на лавку въ углу, около печки. Мнѣ было очень любопытно видѣть, каковы съѣстные припасы старика, и съ этимъ намѣреніемъ я пошелъ къ печкѣ, будто бы за дѣломъ. Скудны были его припасы. Черенъ хлѣбъ съ примѣсью сосновой коры; горька была приправа къ этому сухому хлѣбу — нѣсколько крупинокъ соли.

Я отвернулся и пошелъ къ столу, къ своей закускѣ, стараясь казаться возможно болѣе спокойнымъ, но на сердцѣ у меня было тяжело. Потомъ я сказалъ старику:

— Не хотите ли моего хлѣба-соли откушать?

Онъ взглянулъ на меня, ничего не отвѣтивъ и не трогаясь съ мѣста: то ли онъ не разслышалъ, или, быть можетъ, не желая одолжаться, не рѣшался принять предложенія.

— Подсаживайтесь-ка, закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, — пригласилъ я его еще разъ.

— За что такая честь? — сказалъ онъ, но въ то же время

началъ запихивать свою провизію назадъ въ котомку. Потомъ тихими шагами подошелъ ко мнѣ, заглядывая въ глаза мои, словно желая убѣдиться, точно ли я его пригласилъ.

— Мы съ вами уже довольно знакомы, такъ отчего же намъ не услужить другъ другу? Садитесь-ка и кушайте на здоровье! — пригласилъ я его.

Старикъ сѣлъ за ѣду, и надо сказать, что аппетитъ у него былъ хорошій.

* * *

Мы разстались; старикъ потащился къ городу, а я повернулъ на свою дорогу, по своимъ дѣламъ. Онъ все время не выходилъ у меня изъ памяти. Его тощая лошаденка, убогій кормъ обоихъ, рваная одежда и обувь, наконецъ это сморщенное и раньше времени состарившееся лицо — какъ живые стояли передо мной. Мнѣ казалось, что я все еще слышу его слова: «Такъ оно кажется со стороны».

Въ этихъ мысляхъ я подвигался все впередъ, да впередъ, — день, другой . . . ну, словомъ, въ дорогѣ, какъ въ дорогѣ.

Вотъ, наконецъ, передо мной богатый, многолюдный поселокъ. Широко раскинулись пашни, а среди нихъ тѣсными рядами стояли дома, одинъ другого лучше, не кое-какъ на скорую руку сколоченныя избы новоселовъ, а старые, крѣпкіе дома. Когда-то здѣсь шла тяжелая борьба съ природой, и много поколѣній истощило въ ней свои силы. Но это было давно; а теперь борьба была кончена, и новое поколѣніе радостно пожинало плоды вѣкового труда. Навѣрно, ни у кого изъ жившихъ здѣсь не было недоимокъ.

Красивая церковь стояла на горѣ, на берегу красиваго, широкаго озера, густая сосновая роща окружала ее съ обѣихъ сторонъ. Немного дальше, на длинномъ мысу, вдающемся въ озеро, окруженная большимъ паркомъ, виднѣлась богатая усадьба пастора. Дѣло, по которому я ѣхалъ, было такого рода, что мнѣ нужно было побывать у него. Я отправился. Домъ настоятеля былъ такъ же хорошъ внутри, какъ и снаружи. Въ немъ можно было видѣть все, что создано современной культурой.

Настоятель сидѣлъ въ удобной, мягкой качалкѣ. Это былъ рослый, статный и полный мужчина. Про него нельзя было сказать, что онъ состарился раньше времени. Это тотъ настоятель, ради котораго Матти-Горемыка совершалъ свой путь въ городъ.

Войдя въ комнату, я увидѣлъ тамъ приходскаго дьячка; пасторъ бранилъ его:

— Ты «лотсаешь»* изъ себя честнаго человѣка, между тѣмъ ты еще ни разу не сообщилъ мнѣ, сколько у кого коровъ, хотя мнѣ доподлинно извѣстно, что ты это прекрасно знаешь, — говорилъ настоятель.

— Кто? Я?

— Да, ты, — сказалъ пасторъ, бросая побѣдоносный взглядъ на дьячка.

— Откуда же мнѣ знать, сколько у кого коровъ? — сказалъ дьячокъ тихо: видно было, что онъ хотѣлъ избѣжать болѣе горячаго разговора.

— Знаешь, не отпирайся, только не хочешь мнѣ сказать. Эти бездѣльники обворовываютъ меня, и тотъ, кто съ ними заодно, совершаетъ такой же грѣхъ. Знаешь ли ты, что полагается за воровство? — сердился настоятель.

Краска оскорбленнаго самолюбія выступила на лицѣ дьячка. Очевидно, онъ былъ не изъ тѣхъ, на комъ можно ѣздить. Я еще болѣе убѣдился въ этомъ, когда въ отвѣтъ на чрезмѣрное, и по моему мнѣнію, требованіе настоятеля онъ сказалъ:

— Я не обязанъ ходить по дворамъ считать коровъ и потомъ докладывать объ этомъ вамъ. Думаю также, что я не обязанъ отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми за лишнихъ коровъ въ приходѣ. Это вѣрно, что на свѣтѣ есть два сорта людей: одни изъ нихъ хотятъ елико возможно увеличить свои доходы, другіе — уменьшить расходы, но я за это не отвѣтственъ. Кто часто бывалъ въ избахъ бѣдняковъ и говорилъ съ ними, тотъ, конечно, понимаетъ, почему это такъ. — Вы, господинъ настоятель, по-моему, сказали больше, чѣмъ бы слѣдовало.

Настоятель покраснѣлъ въ свою очередь. Онъ закричалъ на дьячка со всей силой пастырскаго негодованія.

— Знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь?

— Очень хорошо знаю: говорю съ господиномъ настоятелемъ, но только такимъ, который не заслуживаетъ уваженія, — прибавилъ онъ и вышелъ вонъ.

Теперь у меня явилась возможность доложить настоятелю о своемъ дѣлѣ. Онъ былъ очень разсерженъ: смѣлая рѣчь дьячка, видно, задѣла его за живое.

— Этакій негодяй! Суется не въ свое дѣло, да еще и грубитъ старшимъ. Многіе священники говорили мнѣ: «будь онъ у меня дьячкомъ, я бы его подковалъ». Подкуешь такого — поди-ка.

* Шведское слово latsas, — корчишь изъ себя. *Прим. пер.*

попробуй; видѣли, небось, сами, каковъ гусь, — не унимался настоятель.

Мнѣ нечего было на это отвѣчать, я чувствовалъ, что настоятель самъ былъ главнымъ виновникомъ спора. Я скромно доложилъ о своемъ дѣлѣ, и это помогло. Настоятель сдѣлался вѣжливъ и любезенъ, и скоро мы съ нимъ мирно бесѣдовали о разныхъ предметахъ. Онъ, повидимому, зналъ народъ и его нравы, или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что знаетъ. Онъ много говорилъ о томъ, что народъ не умѣетъ цѣнить своего главнаго благодѣтеля. Правда, настоятель не упомянулъ, кто такой этотъ благодѣтель, но по всему было видно, что онъ имѣлъ въ виду самого себя. Вся его рѣчь была похожа на похвальное слово въ честь какого-нибудь святого мученика.

Справивъ свое дѣло, я ушелъ.

Какъ бы то ни было, а Матти-Горемыка со своими бочками то и дѣло вспоминался мнѣ. Я сравнивалъ между собой положеніе Матти и настоятеля, и во всемъ складѣ ихъ жизни замѣчалъ, мягко говоря, большое различіе. Но между ними самими, какъ Божьими твореньями, я не находилъ никакой разницы.

* * *

Изъ-за дѣлъ мнѣ пришлось пробыть въ селѣ нѣсколько сутокъ. Покончивъ съ дѣлами, я отправился въ обратный путь по проселкамъ, которые были до того запутаны, что мнѣ пришлось взять проводника. Погруженный въ свои думы, сидѣлъ я въ саняхъ, вожатый правилъ лошадью, потихоньку напѣвая пѣсни. Это былъ молодой парень, повидимому, не испытавшій еще никакихъ житейскихъ невзгодъ.

Когда мы отъѣхали отъ погоста мили двѣ, то налѣво невдалекѣ показался домъ, на дворѣ котораго было больше народу, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ глухихъ мѣстахъ.

— Это что за домъ? — машинально спросилъ я проводника.

— Горемыки, — отвѣчалъ парень безпечно.

Я вздрогнулъ.

— А почему тамъ столько народу?

— Опись дѣлаютъ за неплатежъ церковной повинности, — сказалъ проводникъ все такъ же.

— А какъ зовутъ хозяина двора? Не Матти ли? — спросилъ я опять.

— Онъ самый, — отвѣчалъ вожатый еще болѣе безпечно.

— Я встрѣтилъ его, по дорогѣ къ вамъ; онъ ѣхалъ въ го-

родъ, и мы вмѣстѣ проѣхали полъ-пути. Какъ же такъ? Вѣдь онъ долженъ бы былъ встрѣтиться мнѣ, — сказалъ я съ удивленіемъ.

— Очень просто, — Матти поѣхалъ по другой дорогѣ: здѣсь бы ему пришлось сдѣлать крюку, — сказалъ вожатый.

— Значитъ, хозяинъ не вернулся изъ города, коли пришли его описывать; онъ говорилъ, что для того и везетъ смолу продавать. чтобы избавиться отъ описи.

— Должно быть, не вернулся.

— Поѣзжайте ко двору, — сказалъ я парню.

Онъ повиновался.

Подъѣхавъ ко двору, я скоро замѣтилъ, что все уже кончено. Да немного тамъ и было годнаго для продажи: двѣ коровенки тощія, какъ конопляное трепало — только и всего. Былъ тамъ, правда, и другой товаръ — толпа голодныхъ и полуодѣтыхъ ребятишекъ и раньше времени высохшая мать; но это былъ такого рода товаръ. что даже самый суровый и безчувственный заимодавецъ не рѣшился бы его взять, а тѣмъ болѣе такой богобоязненный человѣкъ, какимъ былъ настоятель.

Коровы уже мычали на дворѣ; новые владѣльцы держали ихъ на привязи и были готовы вести ихъ со двора. Мать, блѣдная и печальная, стояла въ толпѣ своихъ голодныхъ ребятишекъ. Она не плакала: она ужъ раньше выплакала всѣ слезы, что было видно по ея мутнымъ и покраснѣвшимъ глазамъ.

Я подошелъ къ женщинѣ и спросилъ у нея:

— Развѣ вашъ мужъ еще не вернулся изъ города?

— А откуда вы знаете, что Матти въ городѣ? — сказала женщина, бросая на меня пытливый взглядъ.

— Я встрѣтилъ его по дорогѣ. — сказалъ я.

— Да, еще не вернулся, хоть и думалъ поторопиться. Ужъ не случилось ли какой бѣды съ нимъ; впрочемъ, надо сказать. что дорога очень плоха, и лошаденка-то совсѣмъ отощала — что будешь дѣлать, коли нечѣмъ кормить. Да если бы и вернулся Матти, легче бы не стало: вѣдь послѣднее отняли у насъ. Хоть и немного было проку въ этихъ коровахъ, а все-таки ребятишки имѣли каплю-другую молока. Теперь онѣ пошли за безцѣнокъ — много ли дадутъ за такихъ одровъ? Только-только что уплатить недоимку настоятелю. — Какъ разъ передъ лѣтомъ и взяли ихъ, а лѣтомъ-то и была бы отъ нихъ большая помощь, — говорила женщина печально.

Итакъ, чему должно было случиться, то случилось, и никто не могъ сказать, что опись была сдѣлана несправедливо: законъ неумолимъ, и право собственности священно. Но есть другой за-

конъ, который осуждаетъ такія дѣйствія, — законъ любви, законъ Божій.

Съ меня было довольно того, что я видѣлъ. Я разыскалъ своего вожатаго, и мы отправились въ дальнѣйшій путь. Странное чувство испытывалъ я во время долгаго пути по пустыннымъ лѣсамъ, немного мы говорили другъ съ другомъ и въ этотъ разъ.

— Что за человѣкъ у васъ настоятель? Что говорятъ о немъ вообще въ приходѣ? — спросилъ я у вожатаго послѣ долгаго молчанія.

— Хорошій священникъ, только ужъ больно строгъ по части поборовъ: ужъ коли беретъ, такъ беретъ все, до послѣдней пороминки, — сказалъ вожатый и снова принялся пѣть свои пѣсни.

Въ тотъ же день я прибылъ къ мѣсту моего назначенія.

* * *

Здѣсь мнѣ тоже пришлось задержаться на нѣсколько сутокъ. Справивъ свои дѣла, я въ субботній день отправился въ обратный путь со своимъ вожатымъ, который меня ждалъ. Въ воскресенье утромъ я снова прибылъ къ красивой церкви богатаго прихода и строгаго пастора. Я поставилъ лошадь въ одномъ дворѣ и рѣшилъ пойти въ церковь — благо былъ хорошій случай. Торжественно звучали церковные колокола, призывая людей слушать слова мира и любви, которыя сама вѣчная Любовь возвѣстила людямъ.

Подходя къ церкви, я встрѣтилъ носилки съ мертвымъ тѣломъ. Носильщики остановились передъ церковными воротами и спустили носилки на землю, ожидая пастора и дьячка. Оба они были мнѣ знакомы. Казалось, настоятель все еще бранилъ дьячка, говоря: «эти бездѣльники обворовываютъ меня».

— Кого это хоронятъ? — спросилъ я кого-то.

— Матти-Горемыку, онъ умеръ по дорогѣ въ городъ.

Холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Мой старый знакомецъ умеръ. — быть можетъ, отъ чрезмѣрнаго изнуренія, тамъ, по дорогѣ въ городъ; теперь мнѣ стало понятно, почему онъ не успѣлъ предупредить опись.

Дьячекъ запѣлъ стихъ:

— О какъ бѣдна,
о какъ жалка
юдоль земная наша!

Стихъ, конечно, выбралъ самъ пасторъ, духовный владыко Матти. — Своими тѣлесными очами онъ увидѣлъ, что точно — бѣдна и жалка была жизнь Горемыки.

Когда стихъ былъ конченъ, шествіе двинулось къ могилѣ, я присоединился къ нему.

Хоронили скромно, провожающихъ было много. Вотъ гробъ опустили въ могилу, и настоятель сталъ благословлять мѣсто послѣдняго упокоенія, взялъ въ руку лопаточку, захватилъ земли и бросилъ ее обычнымъ порядкомъ на гробъ, громко сказавъ: «Отъ земли еси взятъ и въ землю отыдеши!». Отъ ночного мороза земля затвердѣла комками и съ громкимъ стукомъ падала на гробъ. Когда и настоятель бросилъ комъ мерзлой земли въ могилу Матти-Горемыки, то мнѣ показалось, что я слышу голосъ:

«Онъ хорошій священникъ и хорошо знаетъ свое дѣло; я не виню настоятеля, только я не въ силахъ былъ заплатить того, что слѣдуетъ».

Въ толпѣ провожающихъ я отыскалъ глазами жену Матти. Блѣднѣе блѣднаго было лицо женщины, удрученной горемъ. Безъ слезъ, стояла она, окруженная полуодѣтыми, дрожащими отъ холода дѣтьми, надъ могилой мужа, неподвижно глядя въ нее.

Когда пошли съ кладбища, я разспросилъ присутствующихъ о смерти Матти. Не доѣхавъ до города, онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. При его плохой одеждѣ и обуви, истощенный организмъ не могъ выдержать сырости и холода, и черезъ три дня бѣдняга отдалъ душу Богу.

Начали звонить, и я вмѣстѣ съ другими пошелъ въ церковь. Послѣ обычныхъ церемоній, настоятель взошелъ на каѳедру.

«Люби ближняго своего, какъ самого себя, любовь — исполненіе закона» — такова была тема его проповѣди. Съ большой силой и талантомъ объяснялъ настоятель паствѣ значеніе этой великой и святой заповѣди. Исходила ли эта сила изъ его души, я не знаю; но такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли. Въ самомъ разгарѣ проповѣди я вспомнилъ слова:

«Онъ хорошій священникъ».

Сильная рѣчь, какъ видно, произвела свое дѣйствіе: тамъ и сямъ всхлипывали бабы.

Окончивъ проповѣдь, настоятель началъ поминать усопшихъ.

— Премудрымъ изволеніемъ Милосерднаго Бога отошелъ въ вѣчность изъ сей юдоли скорби и печали рабъ Божій, крестьянинъ Матіасъ Андреевъ, сынъ Анти; срокъ жизни его былъ 42 года, 3 мѣсяца и 8 дней.

„Что богатство? Что имѣнье?
Суета и прахъ, и тлѣнье;
Всѣ земныя блага бренны,
Только скорби неизмѣнны„.

Такъ настоятель отдалъ послѣдній долгъ Матти-Горемыкѣ, и сдѣлалъ онъ это не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый: глубокое чувство слышалось въ его голосѣ и теперь, при совершеніи этого обряда. Когда настоятель читалъ стихи псалма, было ясно, что онъ не придаетъ никакой цѣны богатству и считаетъ себя такимъ же страдальцемъ на землѣ, какимъ жилъ Матти-Горемыка.

Но во все время совершенія поминальнаго обряда, сквозь громкій голосъ настоятеля, мнѣ слышались и другія тихія слова:

«Глупый я, не понимаю я этихъ дѣлъ; вотъ настоятель — тотъ все это лучше понимаетъ».

Пер. О. Вальстремъ.

Ю. АХО.

ПРЕСЛѢДУЕМЫЙ СУДЬБОЮ.

Говорю я вамъ, оставьте его въ покоѣ! — кричитъ хозяинъ съ противоположнаго конца жнивья.

— Мы его и не трогаемъ, — бормочутъ работники, принимаясь жать.

А черезъ нѣсколько минутъ снова начинается та же травля. Всѣ жнецы сплотились, противъ одного. Это смуглый, неуклюжій человѣкъ высокаго роста, который, не разгибая спины, какъ бы на зло всѣмъ остальнымъ, жнетъ рожь, дѣлая видъ, что не слышитъ ни насмѣшекъ, ни издѣвательствъ. А тѣ непремѣнно хотятъ разозлить его; во что бы то ни стало, хотятъ вывести его изъ себя и добиться того, чтобы онъ схватилъ первый попавшійся подъ руку предметъ и изо всѣхъ силъ швырнулъ его куда-нибудь далеко, что всегда дѣйствовало на него успокаивающимъ образомъ. Очень часто его доводили до такого состоянія, что онъ бросалъ въ стѣну большую колоду, на которой рубили дрова, или другой какой-нибудь громоздкій, тяжелый предметъ, выворачивалъ громадные камни, или просто со страшнымъ ругательствомъ срывался съ мѣста, послѣ чего сразу успокаивался, исчезалъ и потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не произносилъ ни слова. Такъ какъ онъ никогда не вступалъ въ драку и не прибѣгалъ къ другому способу самозащиты, то на него смотрѣли какъ на идіота и постоянно натравливали деревенскихъ мальчишекъ. Единственнымъ защитникомъ его являлся хозяинъ. Юнну былъ отличный работникъ, добросовѣстный, старательный, хорошо ходилъ за лошадьми и иногда даже, къ великому удовольствію скотницы, чистилъ коровъ.

Когда наступило время обѣда, снова пошли шутки и издѣвательства надъ нимъ. Прежде чѣмъ начать ѣсть, Юнну положилъ на кочку рядомъ съ собою шапку, кисетъ съ табакомъ и трубку — предметы, съ которыми онъ никогда не разставался.

Послѣ обѣда, когда онъ хватился ихъ, то не нашелъ ихъ на старомъ мѣстѣ и послѣ поисковъ вдругъ увидалъ, что шапка надѣта на пень, стоящій позади него, а трубка воткнута въ щель подъ шапкой и виситъ, точно изо рта у курящаго.

Эта продѣлка возбудила всеобщее веселье, и даже самъ хозяинъ не могъ удержаться отъ смѣха.

Не говоря ни слова, Юнну снялъ съ пня шапку, вытащилъ изъ щели трубку и спросилъ, гдѣ его кисетъ.

— Чего ты спрашиваешь насъ? Спроси объ этомъ пень! — послѣдовалъ отвѣтъ, и всѣ захохотали еще громче.

Юнну понялъ, что надъ нимъ глумятся, только тогда, когда Тахво подошелъ къ нему сзади и дернулъ за кисетъ, который оказался приколотымъ къ его спинѣ. Терпѣніе Юнну лопнуло. Онъ замахнулся на Тахво, но тотъ ловко увернулся, и ударъ пришелся по стволу сосны, — рука Юнну разбилась въ кровь. Грудь его высоко и порывисто вздымалась, ноздри раздувались... Но вотъ онъ взялъ свой серпъ и одинъ пошелъ жать.

— Ровно ничего не стоитъ выбрить ему голову, и онъ этого и не замѣтитъ! — раздалось ему вслѣдъ.

— Что же, онъ ужъ ходилъ съ бритой головой, — замѣтилъ Тахво.

— Когда?

— А когда жилъ на казенномъ содержаніи въ Куопіоской тюрьмѣ.

— Заткните глотки! — крикнулъ хозяинъ и погналъ ихъ работать.

Но за работой тема разговора не перемѣнилась.

— А за что же онъ удостоился такой чести?

— За то, что укралъ кринку съ простоквашей... стащилъ ее у одного торпаря и отдалъ какимъ-то бродягамъ.

— Откуда ты это знаешь?

— Онъ самъ говорилъ мнѣ.

— Молчи! — въ бѣшенствѣ закричалъ Юнну.

Эта вспышка вызвала всеобщее удивленіе.

— Самъ молчи! — огрызнулся Тахво. — А скажи-ка, сколько розогъ выдержала твоя спина? «Не начать ли сначала?» — спросили ленсмана, и ему дали еще сорокъ въ придачу, а онъ даже и не пикнулъ.

— Неужели онъ не взвоетъ даже подъ казацкой нагайкой?

— Не думаю, вѣдь родной отецъ ласкалъ его этой штучкой...

Юнну былъ незаконнорожденный, и ходили слухи, что отецъ его — русскій казакъ.

— Да замолчишь ли ты?! — строго прикрикнулъ хозяинъ на расходившагося Тахво.

— Боже милостивый! — воскликнули вдругъ женщины, а мужчины разразились ругательствами...

Юнну поднялъ съ земли громадный камень и съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ швырнулъ его въ кучку жнецовъ.

Всѣ моментально разбѣжались въ разныя стороны, только Тахво упалъ на землю: камень задѣлъ его по ногѣ.

— Онъ убьетъ меня, онъ убьетъ меня! — закричалъ онъ.

— Не убьетъ... не ори... всѣ кости цѣлы, — сказалъ хозяинъ, который вмѣстѣ съ другими подошелъ къ нему.

— Вяжите его, хватайте, прежде чѣмъ онъ убѣжитъ!

Жнецы бросились къ Юнну, но онъ вырвался отъ нихъ.

— Оставьте его и не топчите рожь! Убирайтесь вонъ оттуда и принимайтесь живѣе за работу!

— Вотъ и хозяинъ защищаетъ этого звѣря. Чья была бы вина, если бы камень попалъ мнѣ въ голову?

— Твоя, конечно, твоя!.. Вѣдь я говорилъ тебѣ.

— Я притяну его къ отвѣту, я взыщу съ него за увѣчье. — бормоталъ Тахво и, прихрамывая, пошелъ жать.

— Взыскивай, сколько душѣ угодно, но надо и мѣру знать шуткамъ.

Однако, и хозяинъ тоже пришелъ въ ужасъ при видѣ камня, который наполовину врѣзался въ землю. Онъ съ трудомъ сдвинулъ его съ мѣста. Да, счастливый случай спасъ всѣхъ ихъ отъ смерти.

Передъ глазами Юнну ходили зеленые и красные круги, а поле и лѣсъ качались, какъ на волнахъ. Страшное напряженіе силъ испугало и его самого, и во всемъ тѣлѣ чувствовалось полное изнеможеніе. Онъ едва держался на ногахъ. Растерянный, онъ нѣсколько минутъ неопредѣленно постоялъ на одномъ мѣстѣ, потомъ пошелъ вглубь лѣса, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. И только тогда, когда онъ подошелъ къ забору и сталъ перелѣзать черезъ него, ему вдругъ стало ясно, что онъ чуть не убилъ человѣка, и что онъ собирался сдѣлать это, когда поднималъ большой камень, лежавшій передъ нимъ на землѣ.

II.

Работники вернулись домой съ поля, вымылись, поужинали и легли спать. Хозяинъ одинъ еще не спитъ. Онъ вѣшаетъ сапоги на бревно, подъ потолкомъ, когда въ избу входитъ Юнну и, не говоря ни слова, садится на скамью.

— Тамъ оставлена ѣда для тебя, — говоритъ хозяинъ, но Юнну отвѣчаетъ, что не хочетъ ѣсть.

— Мнѣ надо поговорить, — произнесъ онъ наконецъ, видя, что хозяинъ берется за ручку двери.

— Въ чемъ дѣло?

— Я хочу уйти.

— Что съ тобой? Въ самую горячую пору? И отчего?

— Я не могу ладить съ ними.

— Пустяки, не обращай вниманія на эту глупую болтовню... И прежде не разъ все налаживалось.

— Можетъ быть, у нихъ... Но я не могу... А сегодня я чуть...

— Ты долженъ немного сдерживаться... Вѣдь нельзя же хватать первое, что подвернется тебѣ подъ руку.

— Я не могу удержаться, когда они смѣются надо мной.

Съ минуту хозяинъ молча раздумываетъ, потомъ садится къ столу.

— Если ты не поладишь съ Тахво, то я ужъ лучше откажу ему.

— Остальные такіе же... Они всѣ ненавидятъ меня... Всѣ хорошіе люди ненавидятъ меня...

— Ты говоришь глупости. Чѣмъ же ты хуже другихъ?

— Слышали вы, что онъ сказалъ?

— Онъ просто дразнилъ тебя.

— Нѣтъ, это правда.

— Ты сидѣлъ въ тюрьмѣ?

— Да, я разсказалъ это Тахво въ прошломъ году, за уборкой сѣна, когда онъ прикидывался моимъ другомъ... Больше никто не знаетъ этого. Но теперь я хочу, чтобы вы узнали все, разъ вы такъ добры со мной...

— Разскажи, если хочешь.

— Да, я разскажу, — говоритъ Юнну прерывающимся голосомъ, въ которомъ слышатся слезы. — Они обманули меня, — я былъ тогда совсѣмъ мальчишкой, — втолкнули въ открытое окно и заставили украсть простоквашу, три хлѣба и кусокъ масла... Но я сейчасъ же сознался и выдалъ ихъ... Больше я не сдѣлалъ ничего дурного, я всегда жилъ честнымъ трудомъ, но всюду меня всегда преслѣдовали и здѣсь, и тамъ, дома... Всѣ они — собаки, настоящія собаки... вездѣ, на всемъ свѣтѣ!..

— Но вѣдь не можешь же ты уйти отъ людей?

— Могу, если бы вы помогли мнѣ... Я откажусь отъ поло-

вины жалованья, если вы позволите мнѣ поселиться на вашей землѣ и выстроить торпъ.

— Торпъ? Гдѣ же?

— Въ лѣсу. За Контіокорпи.

Видя, что хозяинъ молчитъ, Юнну продолжаетъ:

— Я уже выбралъ мѣсто на берегу озера, а вы назначьте мнѣ арендную плату.

Собственно говоря, хозяинъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы у него на землѣ поселился такой хорошій работникъ, какъ Юнну. Подумавъ немного, онъ находитъ, что будетъ очень хорошо, если торпарь поселится у него именно въ Контіокорпи, на берегу озера. Пока неизвѣстно, осуществится ли еще то, о чемъ такъ много пишутъ въ газетахъ . . . а кромѣ того, разъ онъ самъ непремѣнно хочетъ жить тамъ . . .

— Насчетъ аренды мы столкуемся, — говоритъ онъ и потомъ прибавляетъ: — Я подумаю объ этомъ.

— Тогда я завтра же отправлюсь туда . . . и въ крайнемъ случаѣ поставлю кого-нибудь вмѣсто себя.

Хозяинъ погружается въ раздумье и говоритъ наконецъ, поднимаясь со скамьи:

— Придется, вѣрно, согласиться, ничего не подѣлаешь. Мы еще поговоримъ какъ слѣдуетъ.

И онъ выходитъ изъ избы.

Юнну остается одинъ.

Планъ этотъ давно уже зародился у него въ мозгу. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ тяжелѣе было ему переносить насмѣшки и издѣвательства окружающихъ. Ему казалось, что всѣ вооружились противъ него, онъ читалъ это во взглядахъ, чувствовалъ это . . . Всюду, куда бы онъ ни пошелъ, ждалъ его этотъ ужасъ. Онъ пробовалъ бороться при помощи ласки, терпѣнія, старался услуживать людямъ то тѣмъ, то другимъ. Но всѣ они предавали его, какъ Тахво, которому онъ повѣрилъ свою тайну. Какъ только кончался табакъ, который онъ привозилъ изъ города, бѣлый хлѣбъ и кофе, снова начинались издѣвательства надъ его наружностью и глупостью. Всѣ они только и думаютъ о томъ, какъ бы разозлить его, вывести изъ себя и заставить его сдѣлать что-нибудь такое, за что его закуютъ въ кандалы и посадятъ въ тюрьму. А добиваются они этого для того, чтобы завладѣть его небольшими сбереженіями, которыя ему удалось сдѣлать, когда онъ работалъ на сплавѣ лѣса. Всѣ, какъ господа, такъ и мужики, всю жизнь обманывали его. «Если ты сознаешься, то тебѣ облегчатъ наказаніе», — сказалъ ему ленсманъ на судѣ и обманулъ его: когда

онъ сознался, его присудили къ розгамъ. Онъ задушилъ бы ленсмана тогда, если бы руки у него не были связаны. Да, правда, что для бѣдняковъ нѣтъ правосудія здѣсь, на землѣ... Кто знаетъ, что будетъ на томъ свѣтѣ? Всѣхъ чиновниковъ и господъ надо было бы убить, да и крестьяне не лучше ихъ: это ихъ рабы...

Однако, тотъ разъ пастору удалось успокоить его. Онъ сказалъ, что всякій, покорно перенесшій свое наказаніе, ничуть не хуже остальныхъ людей, что никто не посмѣетъ ненавидѣть или оскорблять его, онъ можетъ быть и крестнымъ отцомъ, и свидѣтелемъ. Пасторъ тоже солгалъ... Тутъ только и началось настоящее преслѣдованіе. Правда ли хоть то, что онъ говорилъ ему, будто передъ Богомъ всѣ равны?

Нѣтъ, онъ не въ состояніи думать объ этомъ. Голова такая тяжелая, мысли всѣ спутались...

Одно только для него ясно, что теперь онъ уходитъ отъ нихъ, уходитъ навсегда. Онъ скроется гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса, спрячется тамъ, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ. И пусть только эти собаки сунутся къ нему, онъ покажетъ имъ!...

Юнну быстро встаетъ и рѣшительно выходитъ изъ избы. Онъ уйдетъ теперь, сегодня же, ночью!

Онъ собралъ свои инструменты, положилъ въ мѣшокъ нѣсколько кусковъ хлѣба и, крадучись, вышелъ на дорогу. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ свернулъ въ лѣсъ и скоро пришелъ на лугъ, гдѣ паслась его любимая лошадь, на которой онъ обыкновенно ѣздилъ. Она уже издалека узнала его и радостно заржала. Юнну остановился, черезъ заборъ потрепалъ ее по спинѣ, ласково приговаривая что-то, и подергалъ за колокольчикъ, привязанный къ ея шеѣ. Да, эта лошадь была его единственнымъ другомъ; она одна не сказала ему ни одного недобраго слова, и въ ея глазахъ онъ ни разу не прочелъ и тѣни насмѣшки.

III.

Въ воскресенье Юнну рѣшилъ окончательно перебраться въ лѣсъ. Пока всѣ были въ церкви, онъ переговорилъ съ хозяиномъ и, не замѣченный никѣмъ, ушелъ изъ усадьбы. На свои сбереженія онъ купилъ у хозяина лошадь, и они порѣшили, что Юнну въ теченіе десяти лѣтъ безвозмездно можетъ пользоваться его землей и обрабатывать ее, при условіи, что онъ ежегодно будетъ уступать ему извѣстную часть урожая. Кромѣ того, хозяинъ потребовалъ, чтобы всѣ строенія перешли къ нему въ собственность, если бы Юнну по той или другой причинѣ рѣшилъ бро-

сить свой торпъ. Все это у нихъ было обусловлено устно, безъ контракта.

«Никогда я не брошу своего торпа!» — думаетъ Юнну, ведя на поводу лошадь и все больше и больше углубляясь въ лѣсъ. Какимъ онъ былъ дуракомъ, что раньше не ушелъ отъ нихъ! Но развѣ ему могло притти въ голову, что есть хоть одинъ человѣкъ, который не ненавидитъ его и желаетъ ему добра? Десять лѣтъ, сказалъ хозяинъ, ему не надо платить аренды... Какой онъ добрый и безкорыстный! Онъ отблагодаритъ его, онъ будетъ давать ему весь свой урожай и будетъ оставлять себѣ ровно столько, чтобы можно было прокормиться. И когда онъ подумалъ о добротѣ этого человѣка, на душѣ у него стало такъ тепло, нижняя губа задрожала, и онъ неловкимъ движеніемъ смахнулъ навернувшуюся слезу.

Онъ пробирается впередъ по узкимъ, глухимъ тропинкамъ, по которымъ, повидимому, никогда раньше не ступала нога человѣческая. Наконецъ онъ взбирается на высокій холмъ, откуда открывается видъ на болота и на пожелтѣвшіе лѣса. Весь остальной міръ лежитъ гдѣ-то тамъ, за горами, а здѣсь не слышно ни звука и не видать дыма отъ человѣческаго жилья. Откуда-то издалека доносится лай собаки и изрѣдка раздаются выстрѣлы. Но сюда люди не придутъ...

Однако, изъ предосторожности, онъ затыкаетъ мхомъ колокольчикъ на шеѣ лошади и снова идетъ дальше.

* * *

Но и тогда, когда онъ устраивается на новомъ мѣстѣ, онъ все не можетъ успокоиться.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль его мучитъ неопредѣленный, смутный страхъ, что «свѣтъ» откроетъ, гдѣ онъ спрятался, что «разбойники» придутъ сюда и снова начнутъ мучить его. А, можетъ быть, Тахво приведетъ въ исполненіе свою угрозу и привлечетъ его къ суду за покушеніе на убійство?

Эта мысль не даетъ ему покоя всю осень. Его жилище лежитъ въ долинѣ, на берегу озера, между двумя холмами. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ рѣшилъ выстроить себѣ избу, стоитъ старая полуразвалившаяся баня, въ которой давно когда-то жили дровосѣки. Юнну заплаталъ крышу и поселился въ ней, пока не будетъ готова его новая изба. А послѣ избы онъ примется за конюшню.

Въ то время, какъ онъ обтесываетъ бревна для избы, ему иногда ясно слышатся шаги, и онъ даже видитъ, что кто-то мелькаетъ за деревьями. Онъ перестаетъ рубить и напряженно прислушивается,

затаивъ дыханіе, весь окаменѣвъ отъ страха. По воскресеньямъ онъ съ полной увѣренностью ждетъ прихода людей и уже съ утра уходитъ въ лѣсъ. А когда онъ вечеромъ, съ наступленіемъ сумерекъ, возвращается изъ лѣсу, то какъ воръ, крадучись, входитъ въ свой собственный домъ, внимательно всматриваясь въ густую чащу и прислушиваясь къ каждому звуку.

Но никто къ нему такъ и не приходитъ. Когда выпадаетъ первый снѣгъ, изба Юнну подведена уже подъ крышу.

Вечеромъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, онъ въ первый разъ затапливаетъ очагъ въ своей новой избѣ. Пламя пылаетъ, дрова весело потрескиваютъ, а Юнну лежитъ на скамьѣ и, покуривая трубку, смотритъ въ огонь.

Неужели у него надъ головой его собственная крыша? Неужели у него дѣйствительно есть теперь мѣсто, откуда онъ можетъ выгнать каждаго, кто придетъ мѣшать ему? Неужели ему не нужно больше кланяться, унижаться и стараться подлаживаться?

Если бы старуха-мать была жива, то онъ взялъ бы ее сюда, — думаетъ онъ. Вотъ уже много лѣтъ онъ ни разу не вспоминалъ ея, да и не хотѣлъ вспоминать. А вѣдь ее такъ же, какъ и его, всю жизнь преслѣдовали, оскорбляли, и она всю жизнь была такой же одинокой и не имѣла крова надъ головой. Умерла она въ нищетѣ, ненавидимая всѣми, и ее похоронили въ голодный годъ въ неотесанномъ гробу, въ общей могилѣ . . . и колокола надъ ней не звонили . . .

Отъ него она при жизни своей не видѣла никакой радости. Правда, что его рано посадили въ тюрьму. А когда онъ вышелъ оттуда, то надъ ними обоими глумились и смѣялись: «Вотъ идетъ наша потаскуха со своимъ сынкомъ. Янинъ Юнну, шлюхинъ сынъ! Янинъ Юнну, шлюхинъ сынъ!» — Съ этихъ поръ онъ началъ стыдиться своей матери, а она — его, и они дѣлали иногда длинные крюки, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ. Когда же она заболѣла и была при смерти, то послала за нимъ. Юнну работалъ въ это время на сплавѣ лѣса, и ему было стыдно итти къ ней, такъ какъ всѣ знали, какая у него мать, и всѣ слышали, что она зоветъ его къ себѣ. Вскорѣ послѣ этого ему пришли сказать, чтобы онъ похоронилъ ее. «А пусть хоронятъ, какъ хотятъ», — отвѣтилъ онъ и не пошелъ.

Все могло быть иначе, и хотя онъ сознаетъ, что мать могла вести себя лучше, тѣмъ не менѣе это очень мучитъ его. Чтобы разсѣяться немного, онъ начинаетъ приводить въ порядокъ сани: какъ только установится санный путь, онъ займется извозомъ и подкопитъ денегъ на корову.

Ему представилась возможность работать на сплавѣ лѣса, но онъ и не думалъ объ этомъ, потому что тогда ему непремѣнно пришлось бы столкнуться съ людьми, отъ которыхъ онъ только что ушелъ.

Онъ поѣхалъ въ ближайшій городъ, избѣгая заѣзжать въ знакомыя деревни и постоялые дворы, гдѣ можно было встрѣтиться съ людьми.

Половина зимы проходитъ у Юнну въ томъ, что онъ перевозитъ товары съ берега моря вглубь страны, изъ одного города въ другой.

Тамъ его никто не знаетъ и никто не спрашиваетъ, кто онъ такой и откуда. И все-таки, несмотря на это, онъ старается держаться въ сторонѣ отъ людей. Только сильные морозы или вьюга заставляютъ его останавливаться на ночь на постоялыхъ дворахъ. Его мучатъ взгляды, которыми его окидываютъ изъ оконъ, и поэтому онъ каждый разъ облегченно вздыхаетъ, когда выѣзжаетъ на безконечную, однообразную дорогу, гдѣ не видно ни одного человѣческаго жилья. Только тамъ онъ чувствуетъ себя въ полной безопасности, въ обществѣ своей лошади, съ которой онъ подолгу разговариваетъ, шагая по снѣгу рядомъ съ ней. Когда же на пути встрѣчается гора, то онъ помогаетъ ей и тащитъ сани за веревку, привязанную спереди.

Но незадолго до Рождества и эти пустынныя дороги закишѣли людьми, которые переѣзжали съ одной ярмарки на другую.

Однажды, когда Юнну вмѣстѣ со своей лошадью медленно взбирались на одну крутую гору, навстрѣчу имъ показались сани, въ которыхъ сидѣли какіе-то господа въ большихъ шубахъ и красныхъ кушакахъ. Они кричатъ ему, чтобы онъ свернулъ въ сторону, и, прежде чѣмъ тяжелыя сани успѣваютъ свернуть, одинъ изъ нихъ изо всѣхъ силъ бьетъ кнутомъ его лошадь по спинѣ. Юнну приходитъ въ ярость, забываетъ о существованіи своей лошади, которая въ испугѣ несется по дорогѣ, вытаскиваетъ тутъ же изъ изгороди колъ и бросается въ погоню за проѣзжающими. Тѣ погоняютъ лошадь, спасаясь бѣгствомъ, но ему удается нагнать ихъ на слѣдующей горкѣ, и онъ швыряетъ колъ прямо въ сани. Къ счастью, Юнну не разсчиталъ, промахнулся и, тяжело дыша, остается одинъ на дорогѣ. Онъ идетъ обратно и отыскиваетъ свою лошадь. Та стоитъ далеко впереди и дрожитъ тѣломъ. Сжавъ кулаки и чуть не плача отъ злости, онъ посылаетъ имъ вдогонку ругательства и проклятія и вдругъ успокаивается при мысли о томъ, какое счастье, что все обошлось такъ благополучно, и что онъ никого не убилъ. На ближайшемъ постояломъ дворѣ, куда Юнну заѣзжа-

етъ, чтобы накормить лошадь, онъ узнаетъ, что и проѣзжіе господа тоже останавливались здѣсь, — это какіе-то желѣзнодорожные инженеры. Лучше бы они больше не попадались ему на глаза.

Онъ уже начинаетъ мечтать о томъ, чтобы скорѣе уйти отъ всѣхъ проѣзжихъ, купцовъ и встрѣчныхъ на большихъ дорогахъ, а, кромѣ того, ему жаль своей измученной и усталой лошади. Заработалъ онъ за это время довольно много, и вотъ онъ возвращается домой, а въ саняхъ у него лежитъ телка, которую онъ купилъ на заработанныя деньги.

Онъ завернулъ ее въ шкуры и половики, а самъ сидитъ впереди и правитъ. Телка, точно человѣкъ, смотритъ на него своими добрыми карими глазами, когда онъ время отъ времени оборачивается, чтобы погладить ее. Юнну — въ великолѣпномъ настроеніи духа и тихо посмѣивается при мысли о томъ, какая у него завелась теперь семья. А приближаясь къ своему дому, онъ бормочетъ: «Отлично, отлично... лошадь, собственная корова, изба... цѣлое хозяйство...»

Подъѣхавъ ближе, онъ видитъ, что изба его вся погребена подъ сугробами. Не видать ни дорожекъ, ни тропинокъ, — люди, значитъ, сюда не заглядывали, — и только около изгороди видны слѣды заячьихъ лапокъ.

IV.

Для Юнну начинается счастливая пора. Онъ рубитъ дрова, возитъ сѣно и обтесываетъ бревна для сарая и хлѣва.

Но его хорошее настроеніе нарушается однажды утромъ при звукахъ топора, доносящихся изъ глубины лѣса. Это, конечно, дровосѣкъ, но ему очень не хочется, чтобы онъ открылъ его мѣстопребываніе. Однако, дровосѣкъ не приходитъ сюда, а ѣдетъ вмѣстѣ со своимъ возомъ по той сторонѣ озера къ деревнѣ. Нѣсколько дней проходитъ въ полномъ покоѣ. Но вотъ однажды, когда Юнну спокойно ѣдетъ по лѣсу въ своихъ саняхъ, навстрѣчу ему попадается этотъ дровосѣкъ. Они не говорятъ другъ другу ни слова и молча разъѣзжаются въ разныя стороны. Юнну узналъ лошадь: прежде на ней ѣздилъ Тахво, но работникъ былъ новый.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ пріѣзжаетъ въ лѣсъ и ничѣмъ не безпокоитъ Юнну. Повидимому, новый работникъ — хорошій, добрый парень, и разъ когда-то при встрѣчѣ съ нимъ Юнну останавливаетъ лошадь, закуриваетъ трубку и вступаетъ съ нимъ

въ разговоръ. Тахво ушелъ отъ хозяина, — они не поладили насчетъ жалованья, — и теперь работаетъ на какихъ-то казенныхъ подрядахъ. Новый работникъ нравится Юнну, такъ какъ онъ почти съ благоговѣніемъ смотритъ на него и поражается хорошему заработку. Юнну разсказываетъ ему о всѣхъ своихъ планахъ на будущее, о томъ, что онъ собирается строить сарай и хлѣвъ. Онъ даже приглашаетъ его къ себѣ, если ему еще разъ случится быть здѣсь, въ лѣсу. Работникъ приходитъ къ нему, восторгается всѣмъ, хвалитъ его и говоритъ съ нимъ, какъ съ хозяиномъ. Несмотря на то, что Юнну все время зорко слѣдитъ за нимъ, онъ не можетъ подмѣтить и тѣни насмѣшки въ его обращеніи съ нимъ.

Однажды, въ воскресенье, самъ хозяинъ пріѣзжаетъ къ нему въ гости. Онъ былъ увѣренъ, — сказалъ онъ, — что Юнну давно уже погребенъ подъ сугробами, и вотъ пріѣхалъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Юнну завариваетъ кофе и угощаетъ его табакомъ, привезеннымъ изъ города. Хозяинъ расхваливаетъ его хозяйство.

— Пожалуй, ты выстроишь себѣ здѣсь цѣлую усадьбу, — говоритъ онъ.

Они говорятъ о посѣвахъ, о томъ, гдѣ лучше вспахать поле, а гдѣ засѣять траву. Хозяинъ совѣтуетъ ему вспахать весь участокъ между избой и озеромъ. Юнну говоритъ, что есть земля гораздо лучше, но хозяинъ находитъ, что удобнѣе имѣть поле поближе къ избѣ.

«Неужели и я когда-нибудь буду здѣсь хозяиномъ, и они будутъ обращаться со мной, какъ съ равнымъ?» — думаетъ Юнну послѣ отъѣзда своего гостя.

А когда наступаетъ весна, онъ съ жаромъ берется за работу. На солнечной сторонѣ горки онъ вырубаетъ лѣсъ и засѣиваетъ это мѣсто рожью, устраиваетъ небольшое пастбище тутъ же рядомъ въ рощицѣ, пашню и лугъ.

Однако, лучше всего онъ чувствуетъ себя по воскресеньямъ. Эти дни онъ проводитъ въ обществѣ своей лошади. Онъ бродитъ съ ней по лѣсу, садится гдѣ-нибудь возлѣ нея и, покуривая трубку, время отъ времени подзываетъ лошадь къ себѣ и кормитъ ее хлѣбомъ съ солью.

Его поля и пашни начинаютъ зеленѣть, и когда онъ смотритъ на все это и думаетъ о своей жизни, то на глазахъ у него показываются слезы, и нижняя губа начинаетъ дрожать.

Но по временамъ его вдругъ охватываетъ какой-то безотчетный, непонятный страхъ, и ему начинаетъ казаться, что вся его счастливая, покойная жизнь скоро будетъ разрушена. Эти страшныя предчувствія принимаютъ самыя невѣроятныя формы и образы.

Разъ какъ-то ему снилось, что несчастье надвигается на него со стороны города въ видѣ темнаго облака дыма и съ грохотомъ и шумомъ обрушивается на его избу, срываетъ съ нея крышу, а его самого сбрасываетъ ничкомъ на землю. Онъ запоминаетъ этотъ странный сонъ и часто задумывается надъ его значеніемъ и надъ тѣмъ, какъ бы предотвратить надвигающееся несчастіе.

Только бы хозяинъ не разсердился на него за что-нибудь, только бы онъ не прогналъ его отсюда, тѣмъ болѣе, что у нихъ и контракта нѣтъ. Да, да, онъ засѣетъ поле на томъ мѣстѣ, о которомъ говорилъ хозяинъ.

Въ концѣ концовъ, будетъ хорошо, хотя это и займетъ больше времени. Или, можетъ быть, священникъ притянетъ его къ отвѣту за то, что онъ не внесъ церковнаго побора, не причащался и все время не ходилъ въ церковь?

Юнну пошелъ въ усадьбу священника, заплатилъ все, что нужно, и заявилъ, что желаетъ итти къ причастію.

Тутъ же заодно онъ заходитъ къ фохту и уплачиваетъ ему налогъ, хотя до срока уплаты еще много времени.

«Теперь, кажется, все въ порядкѣ, рѣшительно не къ чему придраться», — думаетъ онъ на возвратномъ пути.

Съ Тахво онъ помирится, какъ только увидитъ его. А, можетъ быть, тотъ простилъ его, разъ до сихъ поръ не давалъ о себѣ знать?

Его безпокойство почти уже улеглось, какъ вдругъ онъ вспоминаетъ мать. Что, если община подастъ на него искъ, когда узнаетъ, что у него есть корова и лошадь? И, пожалуй, Богъ гнѣвается на него за то, что онъ не заботился о своей матери при жизни и даже не похоронилъ ее какъ слѣдуетъ?

Юнну поворачиваетъ обратно, идетъ въ контору и платитъ въ пользу бѣдныхъ нѣсколько марокъ, такъ какъ это единственный способъ вознаградить общину. Затѣмъ онъ направляется къ деревенскому столяру и заказываетъ ему деревянный крестъ на могилу матери.

Наконецъ онъ успокаивается.

Теперь ужъ никто не можетъ причинить ему зла. Да, можетъ быть, никто и не хочетъ сдѣлать этого.

И вотъ въ душѣ онъ начинаетъ какъ бы примиряться со всѣми людьми, ненависть къ нимъ исчезаетъ, горечь и злоба мало-по-малу смягчаются, и онъ даже перестаетъ вѣрить своимъ предчувствіямъ, когда они овладѣваютъ имъ.

V.

Два года прожилъ онъ такимъ образомъ въ своей избѣ, въ глуши лѣса, за болотами, и никто ни разу не нарушилъ его покоя.

Но вотъ однажды, на третью весну, когда онъ сидѣлъ на берегу озера и ловилъ рыбу, изъ чащи лѣса донеслись до него какіе-то странные звуки. Они походили на отдаленные звуки топора... А вотъ какъ будто послышался трескъ упавшаго дерева. «Но кто же можетъ рубить деревья въ эту пору?» — спросилъ онъ себя съ удивленіемъ. Онъ внимательно прислушивался къ этимъ звукамъ. Да, это дѣйствительно валились деревья, одно за другимъ. Весь лѣсъ былъ полонъ гуломъ и шумомъ, и на слѣдующій день Юнну казалось, будто эти звуки раздаются уже гораздо ближе, чѣмъ наканунѣ. На третій день онъ поднимается на гору позади своей избы и вдругъ видитъ, что большая сосна, тамъ вдали, сначала медленно наклоняется и затѣмъ падаетъ, а черезъ нѣсколько минутъ падаетъ вторая, тутъ же рядомъ.

Юнну долгое время ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, что бы это могло быть, и что это за люди. Онъ думалъ объ этомъ весь день, до самаго вечера, и такъ какъ эта мысль мучила его и не давала ему спать, то онъ всталъ и направился въ ту сторону, откуда доносились звуки топора.

Въ лѣсу не видно ни души, но вонъ тамъ лежатъ поваленныя деревья, одно возлѣ другого, по прямой линіи, и тутъ же воткнуты въ землю высокіе шесты, что-то въ родѣ вѣхъ землемѣровъ. Этотъ лѣсъ принадлежитъ хозяину. Неужели онъ продалъ его? Неужели у Юнну будетъ сосѣдъ?

Пройдя немного дальше, вдоль ряда поваленныхъ деревьевъ, онъ видитъ, что порубка кольцомъ обхватила гору, идетъ вдоль болота и тянется далеко, насколько хватаетъ глазъ.

Юнну возвращается домой и до самаго утра не можетъ заснуть, мучимый сомнѣніями, которыя такъ и остаются неразрѣшенными. Днемъ работа у него не клеится, потому что онъ прислушивается къ звукамъ топора, которые все приближаются; наконецъ въ субботу они прекращаются, и наступаетъ полная тишина.

Въ воскресенье онъ идетъ на развѣдки. Линія протягивается все ближе и, повидимому, направляется къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ его изба.

Когда же онъ въ понедѣльникъ возвращается домой къ обѣду, то звуки топора раздаются совсѣмъ близко, за полемъ. Слышны

человѣческіе голоса. Вдругъ одна большая сосна валится, и въ то же время изъ лѣсу показываются двое людей.

Пока они идутъ по направленію къ его двору, вдоль поля, Юнну медленно поворачивается, входитъ въ избу и запираетъ за собой дверь. Однако, онъ не можетъ удержаться и смотритъ въ окно. Люди эти останавливаются и ставятъ на полѣ какой-то странный предметъ на трехъ ножкахъ, изъ котораго они цѣлятся сначала на лѣсъ, потомъ на его избу, словно они собираются выстрѣлить ему прямо въ лицо.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ проходитъ мимо окна, берется за ручку двери, и въ избу входитъ Тахво. Онъ здоровается съ Юнну, жметъ ему руку и говоритъ:

— Я привелъ къ тебѣ важныхъ гостей.

— Что это за люди? — спрашиваетъ Юнну.

— Это инженеры.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Что вамъ здѣсь надо?

— А мы проводимъ желѣзную дорогу.

Въ это время входятъ инженеры.

— Здравствуйте, здравствуйте, — громко говорятъ они. — Здѣсь цѣлая усадьба, а мы и не знали этого . . . Вы здѣсь хозяинъ?

— Онъ здѣсь и хозяинъ, и хозяйка; онъ обрабатываетъ землю и ходитъ за лошадью и коровой, — поясняетъ Тахво въ то время, какъ Юнну молча стоитъ въ углу и смотритъ на инженеровъ, стараясь уяснить себѣ, зачѣмъ они здѣсь, что имъ у него нужно, и ему кажется, что онъ гдѣ-то видѣлъ ихъ раньше.

Инженеры, двое молодыхъ людей, располагаются въ избѣ, какъ у себя дома, снимаютъ верхнее платье, вѣшаютъ его на стѣну, а Тахво вынимаетъ изъ мѣшковъ ѣду и ставитъ ее на столъ.

— Можно здѣсь достать молока? — спрашиваютъ они.

— Пойди за молокомъ, — говоритъ Тахво, обращаясь къ Юнну.

Юнну неохотно повинуется, выходитъ изъ избы, наливаетъ въ кувшинъ молока и, выходя изъ погреба, видитъ поваленную сосну на краю поля, а на самой серединѣ его этотъ удивительный инструментъ на трехъ ногахъ, который все еще продолжаетъ нацѣливаться на его избу. Онъ ставитъ молоко на столъ и, отойдя въ уголъ, продолжаетъ разсматривать этихъ чужихъ людей, нервно посасывая трубку.

Пока инженеры ѣдятъ, Тахво разсказываетъ ему, что желѣзная дорога пойдетъ по этому мѣсту, что пока работы прекращаются, но что онѣ снова начнутся осенью, и что линія пройдетъ прямо по этому мѣсту, черезъ его избу . . .

— Черезъ избу? — вырывается у Юнну.

— Да, вамъ придется немного посторониться, — замѣчаетъ одинъ изъ инженеровъ.

— И не забудь передвинуть свое поле и лугъ.

— Передвинуть? . . .

— Да, да, ничего не подѣлаешь, разъ казна приказываетъ . . .

— Приказываетъ? Казна? . . .

— Да, да, надо слушаться.

Юнну кажется, что Тахво смѣется надъ нимъ; онъ даже какъ будто подмѣтилъ выраженіе злорадства въ его глазахъ и недовѣрчиво смотритъ то на него, то на инженеровъ. Ну, конечно, это тѣ же люди, которые прошлую зиму чуть не убили его лошадь, — онъ узналъ ихъ! Но, можетъ быть, они пришли сюда по какому-нибудь другому дѣлу . . . Можетъ быть, все это продѣлка Тахво? . .

Между тѣмъ Тахво продолжаетъ разсказывать о томъ, какъ онъ поступилъ на работу къ этимъ господамъ. Тамъ есть еще съ десятокъ людей, которые ведутъ линію въ другую сторону. Жалованье здѣсь хорошее — три марки въ день, и работы хватитъ надолго. Да, выгоднѣе всего работать для казны. Вотъ, если бы еще обзавестись лошадью, то можно было бы зарабатывать вдвое больше.

— Да, вѣдь у тебя есть лошадь! Говорятъ, ты купилъ ту самую, на которой прежде ѣздилъ? . . .

Юнну молчитъ.

— И корова у тебя есть. Ты можешь много заработать, когда желѣзная дорога дойдетъ до этого мѣста, а это будетъ очень скоро. Можетъ быть, и ты поступишь на эти работы?

— Нѣтъ, не хочу.

— Вотъ, подожди, хочешь-не хочешь, а придется, когда у тебя отнимутъ поля и луга, и ты снесешь всѣ постройки, чтобы уступить мѣсто желѣзной дорогѣ.

— А если я не снесу?

— Нѣтъ, ты долженъ будешь сдѣлать это, никто не имѣетъ права измѣнить направленіе дороги, потому что оно было намѣчено казной. Сносятъ и не такіе дворы, какъ твой. Не щадятъ ничего, кромѣ церквей.

Юнну замолкаетъ: кто знаетъ, что это за люди?

Насытившись, инженеры встаютъ, бросаютъ на столъ нѣсколько мелкихъ монетъ за молоко и идутъ въ поле, откуда переносятъ треножникъ какъ-разъ на середину двора. Тахво ставитъ шестъ на полѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ инструментъ, второй — на дворѣ, а третій — у опушки лѣса. Затѣмъ инже-

неры кричатъ Юнну, что подъ угрозой штрафа запрещено трогать эти шесты, и исчезаютъ въ лѣсу.

Вскорѣ послѣ нихъ появляются какіе-то люди съ топорами на плечахъ; они, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Юнну, проходятъ черезъ его дворъ и начинаютъ вырубать лѣсъ. Юнну продолжаетъ стоять все на томъ же мѣстѣ и безучастнымъ взоромъ слѣдитъ за ними.

И только тогда, когда они скрываются въ лѣсу, онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что случилось.

Да, такъ спроста они не могли притти сюда.

А что, если дѣйствительно пришли строить желѣзную дорогу? Можетъ быть, это правда, что они хотятъ повести ее черезъ его избу, снести всѣ его постройки, разрыть всѣ его поля?.. Придутъ сотни рабочихъ, разрушатъ и растопчутъ все и его самого?

Сознаніе ужасной дѣйствительности вдругъ обрушивается на него, какъ камни на голову.

Неужели ему придется уйти, снова начать бродить безъ пріюта, вертѣться у всѣхъ подъ ногами и мѣшать всѣмъ? . . .

Нѣтъ, онъ не такъ-то легко уступитъ имъ свое право. Онъ не сдвинется съ мѣста! Пусть они только придутъ — онъ всадитъ каждому изъ нихъ въ голову по березовому колу!

Кровь бросается ему въ голову. Они вырубили его лѣсъ, даже не спросивъ у него позволенія, они вытоптали его поле. А какъ они кричали у него въ домѣ и хвастали, что снесутъ его избу! Отчего онъ не ударилъ ихъ тогда желѣзнымъ ухватомъ? Отчего онъ не принялъ ихъ такъ, чтобы они больше никогда не посмѣли сунуться къ нему?

Но онъ еще покажетъ имъ! . . .

Онъ собирается сейчасъ же броситься за ними вдогонку, но потомъ овладѣваетъ собой.

Нѣтъ, только не такъ . . . не силой и не дракой . . . Да этого и не нужно, вѣдь п р а в д а на его сторонѣ. Пусть они придутъ! Пусть они только начнутъ! Онъ не боится никого — ни казны, ни начальства!

Юнну вытаскиваетъ изъ земли оба шеста, на полѣ и на дворѣ, приноситъ ихъ въ избу и бросаетъ въ огонь.

VI.

Осенью работа по постройкѣ желѣзной дороги закипѣла ключомъ. Вокругъ избы Юнну стоитъ нестерпимый шумъ: все время грохочутъ динамитные взрывы, стучатъ молотки каменщиковъ, раздаются крики и однообразное пѣніе рабочихъ.

Изба Юнну лежитъ какъ-разъ на полъ-дорогѣ между двумя городами, и на этомъ мѣстѣ должна быть выстроена большая станція — главный желѣзнодорожный узелъ всего прихода. Лѣса будутъ вырублены, поля и луга разрыты, а изба его вмѣстѣ со всѣми пристройками сломана и снесена. Юнну было приказано скорѣе приниматься за сноску, такъ какъ хотѣли теперь же приступить къ постройкѣ станціи.

Но Юнну и не думаетъ разрушать своего гнѣзда. Онъ дѣлаетъ видъ, будто не понимаетъ, что вокругъ него происходитъ, старается избѣгать всѣхъ, ни съ кѣмъ не разговариваетъ и ни на кого не смотритъ. Онъ наотрѣзъ отказался продавать кому бы то ни было хоть каплю молока и на просьбы о ночлегѣ отвѣчаетъ, что изба нужна ему самому.

— А въ банѣ или на чердакѣ?

Нѣтъ, это ему неудобно.

Инженеры чуть ли не по нѣсколько разъ въ день посылаютъ говорить ему, что ко дню Всѣхъ Святыхъ изба должна быть снесена, а не то ее сломаютъ на счетъ казны.

Юнну отвѣчаетъ на всѣ предупрежденія, что онъ съ мѣста не сдвинется.

Но вѣдь надо же убрать избу, разъ здѣсь пойдетъ желѣзная дорога?

Пусть она обогнетъ его дворъ.

Но это невозможно.

Она можетъ пройти иначе, — кто просилъ ее соваться сюда!

На него смотрятъ, какъ на сумасшедшаго, и рѣшаютъ ждать крайняго срока.

Ничего, этому упрямому барану придется покориться, въ концѣ концовъ!

Злоба Юнну возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ работы подходятъ ближе къ избѣ.

Онъ начинаетъ возить къ себѣ на дворъ бревна и на вопросъ рабочихъ, зачѣмъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ, что къ зимѣ будетъ строить новую баню.

Инженеры посылаютъ къ нему хозяина, чтобы тотъ вразумилъ упрямца.

— А вы заплатите мнѣ всѣ издержки и вознаградите меня за трудъ, который я вложилъ сюда? — спрашиваетъ его Юнну.

— Съ какой стати»! Я не обязанъ дѣлать этого.

— Такъ пусть казна заплатитъ мнѣ!

— Она тоже не обязана.

— Но вѣдь вы обѣщали, что я десять лѣтъ могу жить здѣсь безъ аренды, а теперь выбрасываете меня на большую дорогу? . .

— Мнѣ все равно, живи здѣсь хоть двадцать лѣтъ.

Въ головѣ Юнну зарождаются сомнѣнія относительно хозяина: у него такой хитрый взглядъ, и онъ такъ странно постукиваетъ одной ногой. Онъ навѣрное заодно съ желѣзной дорогой, не даромъ онъ якшался со всѣми господами, а теперь разъѣзжаетъ съ инженерами . . . Онъ даже двухъ своихъ лошадей отдалъ имъ.

Пусть, пусть! А правда все-таки на его сторонѣ! Онъ съ мѣста не сдвинется и отомститъ имъ всѣмъ! Зачѣмъ они пришли къ нему, когда онъ не трогаетъ ихъ? Нѣтъ, пока онъ живъ, изба его не будетъ сломана.

А если бы они были правы, то они не стали бы уговаривать его, не стали бы предлагать ему работу.

Конечно, они только пугаютъ его, говоря, что изба должна быть снесена ко дню Всѣхъ Святыхъ, а не то ему придется имѣть дѣло съ ленсманомъ.

Между тѣмъ, день этотъ все приближается. Рабочіе съ каждымъ днемъ подходятъ все ближе и ближе. Они выкорчевываютъ пни, взрываютъ камни, такъ что стѣны дрожатъ, и осколки камней летятъ въ окна. Юнну двинуться не можетъ изъ своей избы безъ того, чтобы сейчасъ же не натолкнуться на ненавистныхъ ему людей. Стоитъ ему показаться на порогѣ, какъ уже издалека его осыпаютъ руганью, насмѣшками и вопросами насчетъ того, достаточно ли молока даетъ его корова, и хватаетъ ли ему мѣста въ избѣ . . .

Юнну находится какъ бы въ осадномъ положеніи и не рѣшается уходить далеко изъ дому, боясь, что въ его отсутствіе начнутъ ломать избу. Выходитъ онъ изъ дому только для того, чтобы задать корму коровѣ и лошади; все же остальное время онъ или лежитъ на скамьѣ, или зорко слѣдитъ изъ окна за всѣми движеніями своихъ враговъ.

Наканунѣ дня Всѣхъ Святыхъ къ нему входитъ Тахво. Юнну крошитъ въ ступкѣ табакъ и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ его. Тахво протягиваетъ руки къ огню и грѣетъ ихъ.

— Тебѣ велѣно передать, чтобы ты собралъ свои пожитки, такъ какъ завтра начнутъ ломать твою избу . . . Напрасно ты не послушался ихъ, — прибавляетъ онъ, видя, что Юнну молчитъ. — Тебѣ придется плохо, если ты пойдешь противъ начальства.

Юнну съ такимъ ожесточеніемъ стучитъ пестикомъ, что полъ дрожитъ.

— Не продашь ли ты мнѣ избы? — Тахво ухмыляется. —

Что же, я куплю! Ты получишь чистоганомъ за нее сто марокъ. Что ты на это скажешь?

— Нѣтъ, не продамъ.

— Больше моего тебѣ за нее никто не дастъ... Ленсманъ уже здѣсь и грозится, что выкуритъ тебя, если ты не уйдешь добромъ. Они собираются взорвать тебя на воздухъ, если ты будешь упрямиться... А, можетъ быть, ты соскучился по тюрьмѣ?

— Убирайся вонъ! — кричитъ Юнну внѣ себя.

— Иду, иду, только смотри, тебѣ не сдобровать...

Однако, видя, съ какою легкостью поднимается и опускается въ рукахъ у Юнну тяжелый пестикъ, Тахво быстро скрывается за дверью.

«Чтобы я отдалъ свою избу этому мошеннику?! Этому негодяю, отъ котораго я вижу одно только зло! Вѣдь это онъ привелъ ихъ сюда. Безъ него они не нашли бы дороги сюда. Такъ вотъ какъ! Они хотятъ ломать мою избу, ленсманъ хочетъ выкурить меня изъ моего собственнаго дома. Пусть только попробуютъ!»

Онъ не успѣваетъ запереть дверь на засовъ, какъ къ нему входятъ инженеры въ сопровожденіи ленсмана.

Юнну не снимаетъ съ головы фуражки, не встаетъ со скамьи, на которую онъ опять сѣлъ, и даже не отвѣчаетъ на ихъ привѣтствіе.

—Вотъ какъ, — говоритъ онъ насмѣшливо, — значитъ, вы пришли выкуривать меня?

— Ничего не подѣлаешь, — кротко говоритъ старый ленсманъ, — придется, вѣрно, если ты не уйдешь добромъ. Но къ чему ты затѣялъ все это? Ты отлично знаешь, что ничего не поможетъ, разъ начальство приказало.

— А какое оно имѣетъ право?

— Казна скупила всю эту землю для того, чтобы провести по ней желѣзную дорогу.

— Я что-то не видалъ купчей.

— Да и не-зачѣмъ, разъ ты живешь на землѣ другого.

— Но изба-то вѣдь моя собственная, а, кромѣ того, мнѣ обѣщали, что я могу жить здѣсь безъ аренды десять лѣтъ.

— Кто обѣщалъ? — спрашиваетъ одинъ изъ инженеровъ.

— Мы такъ сговорились съ хозяиномъ.

— А гдѣ контрактъ?

— Его нѣтъ, мы такъ порѣшили...

— Ну, голубчикъ мой, это не имѣетъ никакого значенія. Земля принадлежитъ хозяину, и ему заплатили за нее.

— Заплатили? А я за свою избу не получилъ ни одного пенни.

— Это насъ не касается. Хозяинъ получилъ все, что полагается за нее.

— Не могъ же онъ взять деньги за мою избу!

— Онъ взялъ. Это ваше личное дѣло, и вы расправляйтесь, какъ знаете. Казнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ личныхъ соглашеній.

Юнну съ минуту сидитъ молча, потомъ вдругъ вскакиваетъ съ мѣста.

— Если это правда, то, значитъ, и онъ такой же мошенникъ, какъ и вы всѣ!

Ленсманъ начинаетъ терять терпѣніе и подходитъ къ Юнну.

— Помни, съ кѣмъ ты говоришь.

— Съ такими же ворами и разбойниками... Проваливайте изъ моего дома!...

— Юнну, я въ послѣдній разъ говорю тебѣ...

— Говори себѣ, сколько хочешь, обманщикъ, мошенникъ!..

Горло у него сдавливаетъ судорога.

— Онъ совсѣмъ рехнулся. Не стоитъ и разговаривать съ нимъ.

Обращаясь къ рабочимъ, собравшимся у дверей избы, инженеръ кричитъ имъ:

— Начинайте, нечего даромъ терять время!

— Вотъ видишь, ты ничего не можешь подѣлать, — говоритъ ленсманъ.

Юнну ничего не сознаетъ, кромѣ того, что избу его сейчасъ будутъ ломать, что его выгонятъ изъ его собственнаго дома, что его имущество силой отнимутъ у него, и бросается мимо ленсмана на дворъ, гдѣ передъ нимъ разступается кучка людей. Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются любопытные.

— Не смѣйте трогать мою избу! — кричитъ онъ и беретъ изъ сѣней громадный колъ.

— Ну, живѣе! — приказываетъ инженеръ.

— Брось колъ! — кричитъ ленсманъ, выходя изъ себя.

Рабочіе колеблются.

— Вы боитесь одного человѣка — трусы!.. Сейчасъ же лѣзьте на крышу, или всѣ будутъ разсчитаны!

— А я убью всякаго, кто только посмѣетъ тронуться съ мѣста!

— Не боюсь я тебя, — говоритъ Тахво и, пробѣжавъ мимо Юнну, быстро взбирается по лѣстницѣ на крышу.

Юнну замахивается на него коломъ, но попадаетъ мимо, и колъ ломается. Тогда онъ хватается руками за лѣстницу и опро-

кидываетъ ее. Тахво, который почти уже успѣлъ достигнуть крыши, съ крикомъ падаетъ внизъ и лишается чувствъ.

Ленсманъ и инженеры набрасываются на Юнну, хватаютъ его за шиворотъ, къ нимъ на помощь бѣгутъ рабочіе; Юнну прижимаютъ къ стѣнѣ, валятъ на землю, связываютъ веревками и въ полубезсознательномъ состояніи бросаютъ въ его собственныя сани.

— Такъ ты вздумалъ итти противъ начальства?.. Я тебѣ покажу, каналья! — задыхаясь, говоритъ ленсманъ, затягивая веревку. — Выведите изъ конюшни лошадь.

Юнну лежитъ связанный въ саняхъ и долженъ смотрѣть на то, какъ изъ конюшни выводятъ его собственную лошадь и впрягаютъ ее въ сани. Онъ раза два начинаетъ биться, пытаясь подняться, но потомъ безсильно опускается на дно саней и лежитъ, не двигаясь. Онъ видитъ, какъ опрокинутую лѣстницу снова приставляютъ къ стѣнѣ, а когда сани, скрипя полозьями, трогаются съ мѣста, съ крыши начинаютъ валиться бревна и доски, и щепки разлетаются по полямъ, подгоняемыя вѣтромъ.

— Наконецъ-то выкурили медвѣдя изъ берлоги! — кричатъ ему вслѣдъ, и на дворѣ раздаются насмѣшливые крики «ура».

VII.

За сопротивленіе власти во время исполненія ею служебныхъ обязанностей онъ былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа, къ покрытію судебныхъ издержекъ и къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ.

Прошла зима, наступило лѣто.

Незадолго до Иванова дня его перевели въ приходскую тюрьму — бритаго, въ арестантской одеждѣ — и вскорѣ выпустили на свободу.

Онъ уходитъ прямо въ лѣсъ, гдѣ прежде жилъ. Лошадь его продали, но корову ему удалось спасти, и онъ оставилъ ее у одной женщины, которая обѣщала присматривать за ней.

Юнну похудѣлъ, сгорбился и поблѣднѣлъ. Лобъ сосредоточенно нахмуренъ, щеки ввалились, и кажется, будто онъ все время ходилъ съ крѣпко стиснутыми зубами. Взглядъ его полонъ ненависти и озлобленія.

Ни на судѣ, ни въ тюрьмѣ онъ почти не произнесъ ни слова. Съ той минуты, какъ онъ безсильно упалъ на дно саней, онъ хранилъ упорное молчаніе.

На судѣ было оглашено его метрическое свидѣтельство, и всѣ

узнали, что онъ уже раньше судился за воровство и что онъ — незаконнорожденный. Онъ не защищался, не оправдывался, не пробовалъ опровергать показанія свидѣтелей, ничего не отрицалъ и ни съ чѣмъ не соглашался. А когда хозяинъ заявилъ на судѣ, что на него всегда смотрѣли, какъ на человѣка ненормальнаго, то и тутъ онъ не прервалъ этого негодяя и далъ ему говорить, а другимъ слушать и вѣрить.

И вотъ тогда уже въ его измученномъ мозгу зародились мысли, которыя потомъ въ тюрьмѣ нашли благодарную почву для развитія. Теперь онѣ уже не находили себѣ выхода, какъ бывало прежде, въ буйныхъ вспышкахъ гнѣва, отъ которыхъ у него мутился разумъ и темнѣло передъ глазами, — нѣтъ, онѣ собирались у самаго сердца, накапливались тамъ, впитывались въ кровь и не давали ему покоя, вѣчно напоминая о себѣ.

Онъ подожжетъ дворъ хозяина... Онъ убьетъ Тахво, ленсмана, застрѣлитъ инженеровъ и отомститъ всѣмъ, кто разорилъ его и выгналъ изъ его собственнаго дома, какъ дикаго звѣря!

Говорятъ, хозяинъ хвасталъ, что выручилъ за землю вдвойнѣ, благодаря обработаннымъ полямъ и лугамъ Юнну; Тахво злорадствуетъ, что отомстилъ ему, и всѣ остальные, конечно, тоже радуются его несчастію... На землѣ нѣтъ справедливости, всѣ люди — кровожадные звѣри, голодныя собаки, которыя набрасываются на перваго попавшагося, разрываютъ его на части и высасываютъ изъ него кровь, каплю по каплѣ...

Но онъ отомститъ имъ, даже если бы это стоило ему жизни! И при мысли объ этомъ онъ крѣпко стискиваетъ зубы, и въ глазахъ у него загорается огонекъ...

Онъ идетъ по узкой лѣсной тропинкѣ. Силы его истощены отъ долгаго заключенія въ тюрьмѣ и отъ плохой ѣды, и онъ останавливается, чтобы отдохнуть немного. Онъ страшно голоденъ, но у него нѣтъ ничего, даже крошки табаку, — его онъ не видалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Гнѣвъ его не надолго утихаетъ.

Что онъ сдѣлалъ? Отчего люди такъ безсердечны къ нему? Развѣ онъ не пробовалъ всю свою жизнь угождать имъ и загладить всѣ нанесенныя имъ обиды? Развѣ онъ не ушелъ отъ нихъ? Отчего же они не могли оставить его въ покоѣ?... Если бы можно было забраться куда-нибудь въ глушь, чтобы никого не видѣть и не слышать, если бы ему было на что купить себѣ лошадь и выстроить новую избу... Но кто знаетъ, — можетъ быть, и тогда опять придутъ люди, накинутся на него, свяжутъ, посадятъ его въ

тюрьму и отнимутъ все... А если они взяли его корову? При этой мысли онъ встаетъ и быстро идетъ дальше.

Весенняя ночь — очень холодная, сырая, и кажется, что деревья, которыя только что распустились, должны мерзнуть. Мѣста, по которымъ Юнну идетъ, знакомы ему. Онъ часто бывалъ здѣсь прежде. Но всюду его встрѣчаютъ перемѣны. Чѣмъ дальше, тѣмъ дорога становится шире и шире. По ней ѣздили на телѣгахъ, и колеса ободрали кору на ближайшихъ деревьяхъ. На топкихъ мѣстахъ положены мостки, а по краямъ дороги валяются пни и верхушки гигантскихъ сосенъ.

И вдругъ ему начинаетъ казаться, будто всѣ эти слѣды ведутъ изъ лѣса, будто цѣлая толпа людей въ безпорядкѣ бѣжала по этой дорогѣ со своими возами, телѣгами, спасаясь отъ преслѣдователей, которые нагоняли ихъ... Они разомъ прекратили свои работы, потому что имъ не было покоя ни днемъ, ни ночью...

Какая-то волшебная сила заставляла всѣхъ лѣшихъ и домовыхъ отрывать отъ горъ глыбы камней и сбрасывать ихъ въ долину, разрушать по ночамъ то, что люди строили днемъ, и возводить то, что разрушалось ими... его избу, его поля! И вотъ здѣсь они бѣжали, тѣсня другъ друга, давя слабыхъ и сталкивая ихъ въ канавы, — вонъ тамъ лежатъ обломки телѣгъ, колеса, оглобли...

И въ то время, какъ сумерки сгущаются все больше и больше, Юнну начинаетъ вѣрить своимъ видѣніямъ. Онъ хочетъ вѣрить, что люди бѣжали отсюда.

Онъ сворачиваетъ съ дороги и прямо черезъ лѣсъ идетъ по направленію къ Мусталампи.

* * *

Въ долгія безсонныя ночи, проведенныя въ тюрьмѣ, онъ ясно представлялъ себѣ картину разрушенія: работа въ лѣсу кипитъ; густая чаща порѣдѣла, разступилась; всюду лежатъ вывороченные корни, пни; люди рубятъ деревья, взрываютъ громадныя каменныя глыбы; его изба снесена, и только посреди пустыря одиноко возвышается печь, точно послѣ пожара...

Но такого разрушенія, какое онъ увидѣлъ, внезапно выйдя изъ лѣсу, онъ даже и не представлялъ себѣ.

Да вѣдь желѣзная дорога окончена: насыпь сдѣлана, вырыты канавы, положены рельсы. Посреди пути стоитъ цѣлая вереница вагоновъ, нагруженныхъ пескомъ, а впереди пыхтитъ блестящій паровозъ, презрительно посматривая на него своими сверкающими глазами.

Почти ничего не сознавая, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, Юнну, крадучись, пробирается вдоль полотна и идетъ по направленію къ озеру. На болотѣ валяются опрокинутыя тачки, лопаты, груды песку и каменныя глыбы...

Имъ овладѣваетъ страхъ. Ему кажется, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ невидимые злые духи... Онъ хочетъ бѣжать въ чащу лѣса, хочетъ скрыться отъ нихъ, но оттуда на него пристально смотрятъ двери и окна вагоновъ... Вонъ тамъ паровозъ, тачки... И онъ въ ужасѣ бѣжитъ къ озеру.

Перебѣжавъ насыпь, съ которой, точно вдогонку за нимъ, сыплется песокъ, Юнну замѣчаетъ, что стоитъ передъ своей старой баней.

Онъ въ недоумѣніи остановился: повидимому, въ ней кто-то живетъ. Изъ полуотворенной двери доносится храпъ. Онъ отворяетъ дверь. На полу, на подстилкѣ изъ мха и листьевъ, лежитъ та самая старуха, которой онъ оставилъ свою корову!

Да, корова! Онъ и забылъ про нее. Да гдѣ же она?

— Она цѣла, — говоритъ старуха, протирая глаза. — Эту старую баню они оставили, хотя все время грозятся сломать и ее, когда новыя постройки будутъ готовы. Говорятъ, въ Ивановъ день будетъ освященіе дороги. Твою избу сломали, и хозяинъ продалъ бревна и доски Тахво, а тотъ выстроилъ себѣ изъ нихъ избу немного дальше, въ лѣсу. Онъ собирается продавать тамъ водку, чтобы разбогатѣть. Лошадь твоя тоже у него. Онъ купилъ ее на аукціонѣ за пятьдесятъ марокъ. Да, на свѣтѣ много мошенниковъ, — продолжаетъ она, сочувственно глядя на Юнну, который сидитъ на порогѣ бани, подперевъ голову руками. — Обдерутъ человѣка, какъ липку — имъ это ничего не стоитъ! А хозяинъ, — кто его знаетъ, что это за человѣкъ?.. Онъ стащилъ бы у тебя все сѣно, если бы я во-время не вмѣшалась... Корова твоя цѣла. Она какъ-разъ ушла пастись на ночь. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь стали носиться эти проклятые паровозы, ее только на ночь и можно выгонять. Вѣдь коровы не понимаютъ, въ чемъ дѣло, двухъ уже задавило, а платить за нихъ никто не хочетъ: «надо смотрѣть за скотомъ», говорятъ они.

— Зачѣмъ ты здѣсь живешь?

— А куда мнѣ итти? Къ тому же, мнѣ за молоко платятъ лучше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ты имъ продаешь молоко?..

— Приходится... ничего не подѣлаешь.

— Въ какую сторону она ушла?

— Корова-то? А туда, недалеко отсюда, за желѣзную до-

рогу, вмѣстѣ со стадомъ. Ты найдешь ее... Хочешь, я сварю тебѣ кофе?

Но Юнну отвѣчаетъ, что ему некогда ждать, встаетъ и, не говоря ни слова, исчезаетъ въ лѣсу.

VIII.

Изъ-за горы встаетъ солнце, жизнь мало-по-малу пробуждается, слышны голоса.

Внимательно прислушиваясь къ каждому звуку, Юнну идетъ вдоль полотна, то отдаляясь отъ него, то снова подходя ближе.

Нѣтъ, онъ ни одного дня не проведетъ здѣсь. Онъ отыщетъ только свою корову и уйдетъ вмѣстѣ съ ней, пока никто не видалъ его, — все равно куда, — куда-нибудь подальше, гдѣ его не знаютъ, только бы уйти отсюда!

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ останавливается: ему кажется, будто онъ услыхалъ звуки знакомаго колокольчика, и онъ рѣшительно идетъ въ ту сторону, откуда они доносятся.

Передъ нимъ открывается небольшое поле. Онъ узналъ его: оно въ прошломъ году было засѣяно у него рожью. Посреди поля стоитъ его собственная лошадь.

Какая она худая, голодная! Шерсть на ней мѣстами повылѣзла, спина ввалилась, на лопаткахъ просвѣчиваетъ голое мясо, морда ободрана, и голова грустно опущена внизъ. Она узнаетъ своего стараго хозяина, испускаетъ радостное ржаніе и трется головой о его руку, когда Юнну подходитъ къ ней.

— Что они сдѣлали съ тобой, эти звѣри, эти мучители! — шепчетъ Юнну.

Онъ совершенно забываетъ, что лошадь ужъ больше не его, беретъ ее за поводъ и ведетъ за собой.

— Стой, стой! Куда ты? Оставь мою лошадь! — раздается чей-то голосъ, и изъ лѣсу выходитъ Тахво.

Узнавъ Юнну, онъ вдругъ останавливается, но, замѣтивъ, что у того нѣтъ никакого оружія, набирается мужества и подходитъ ближе.

— Оставь мою лошадь! — кричитъ онъ грубо и тоже хватается за поводъ.

Юнну выпускаетъ его. И такъ какъ онъ имѣетъ очень слабый, истощенный видъ и, повидимому, не собирается вступать въ драку, Тахво изо всѣхъ силъ толкаетъ его въ бокъ. Юнну падаетъ на землю.

Тахво вскакиваетъ на лошадь, стегаетъ ее нѣсколько разъ поводомъ и уѣзжаетъ.

У Юнну нѣтъ силъ бѣжать за нимъ, онъ даже не можетъ сердиться на него. Тахво издалека осыпаетъ его руганью, грозитъ пожаловаться лэноману и исчезаетъ въ лѣсу.

— Пошевеливайся ты, старая кляча! — слышитъ онъ издали грубое понуканіе Тахво.

«Лошадь ужъ больше не моя... — вяло проносится у Юнну въ головѣ, — все принадлежитъ имъ... они могутъ дѣлать все, что хотятъ...»

Имъ овладѣваетъ невыносимая слабость, онъ растягивается на землѣ, тутъ же, на полѣ, и забываетъ все на свѣтѣ — и корову, и лошадь...

Вдругъ раздается рѣзкій свистъ, который дѣйствуетъ на него, какъ ударъ хлыста. Юнну слышитъ точно грохотъ и звонъ цѣпей, и ему кажется, что онъ снова въ тюрьмѣ...

Но когда онъ приходитъ въ себя и догадывается, что это свиститъ паровозъ, онъ вспоминаетъ о своей коровѣ и пускается бѣжать черезъ пни и камни прямо по направленію къ полотну желѣзной дороги, точно спѣша предотвратить какое-то надвигающееся несчастіе.

На противоположной сторонѣ стоитъ небольшое стадо, повидимому, собираясь переходить черезъ рельсы. Впереди корова Юнну. Она сейчасъ же узнаетъ своего бывшаго хозяина, поднимаетъ голову, издаетъ мычаніе и, позвякивая колокольчикомъ, бѣгомъ пускается по направленію къ нему.

Въ ту минуту, когда она приближается къ полотну желѣзной дороги, на рельсахъ, свистя и пыхтя, показывается паровозъ.

Корова сразу останавливается и стоитъ неподвижно, глядя на приближающееся невиданное чудовище. Паровозъ поднимаетъ возню, начинаетъ свистѣть, шипѣть, пыхтѣть, но остановиться не можетъ.

Юнну бросается впередъ, машетъ рукой, кричитъ что-то и наконецъ хватаетъ корову за рога. Однако, чѣмъ сильнѣе онъ тянетъ ее къ себѣ, тѣмъ больше она пятится назадъ... Вотъ ему удалось перетянуть ее черезъ половину, — въ эту минуту паровозъ проносится мимо и переѣзжаетъ корову.

Машинисты рутаются и грозятъ ему кулакомъ...

Корова живетъ еще нѣсколько мгновеній, судорожно дергаетъ головой и падаетъ мертвая на откосъ у ногъ Юнну.

IX.

Наступилъ Ивановъ день. Украшенный флагами поѣздъ останавливается у станціи Мусталампи; она вся убрана березками. Это первый поѣздъ на новомъ пути, и строительная комиссія пригласила на увеселительную прогулку въ городъ всѣхъ рабочихъ, участвовавшихъ въ постройкѣ желѣзной дороги, и много почетныхъ гостей изъ сосѣднихъ приходовъ.

Съ того дня, какъ паровозъ раздавилъ корову, Юнну исчезъ безслѣдно, никто не видалъ его, и всѣ думали, что онъ ушелъ навсегда изъ Мусталампи. Однако, рабочіе, возившіе песокъ, поговаривали, что нѣсколько разъ видѣли его въ чащѣ лѣса, гдѣ онъ, крадучись, пробирался вдоль линіи.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ станціи, на полотнѣ желѣзной дороги, проведенной по высокой насыпи черезъ болото, лежитъ человѣкъ и старается оторвать рельсъ отъ шпалы. Весь обливаясь потомъ, онъ чуть ли не каждую минуту съ тревогой посматриваетъ въ сторону станціи и торопливыми, судорожными движеніями то ударяетъ топоромъ по костылю, то подсовываетъ подъ рельсъ березовый колъ и пытается выломать его.

Юнну собрался съ послѣдними силами, чтобы нанести ударъ своимъ врагамъ. Онъ уничтожитъ ихъ всѣхъ — инженеровъ, Тахво, хозяина, этотъ ужасный, отвратительный паровозъ и его машиниста, всѣхъ за разъ!

Вотъ, что онъ надумалъ, бродя голодный и безпріютный по лѣсу, подкрадываясь къ рабочимъ и прислушиваясь къ разговорамъ о предстоящемъ торжествѣ:

Если бы у него былъ желѣзный ломъ, то ему ничего не стоило бы выломать рельсъ... Но костыль не поддается, а за второй онъ даже еще и не принимался.

Онъ долженъ добиться своего! Долженъ!

У станціи паровозъ уже начинаетъ выпускать пары. Всюду толпится народъ, всѣ суетятся, входятъ въ поѣздъ, снова выходятъ на платформу. Слышны громкія крики «ура», гремитъ музыка...

Юнну изо всѣхъ силъ замахивается топоромъ... Костыль выломанъ! Тогда онъ подсовываетъ подъ рельсъ колъ и наваливается на него. Рельсъ чуть-чуть приподнимается, но второй костыль придерживаетъ его, и онъ снова тихо опускается назадъ.

А паровозъ, между тѣмъ, издаетъ одинъ свистокъ за другимъ.

Онъ не успѣетъ выломать второй костыль, и они пройдутъ мимо, спасутся!... Не отложить ли? Нѣтъ, невозможно, больше

ужъ не представится такого удобнаго случая отомстить имъ всѣмъ.

Юнну изо всѣхъ силъ наноситъ одинъ ударъ за другимъ, пока наконецъ со всего размаху не попадаетъ о камень. Вылетаютъ нѣсколько искръ, и лезвеё оказывается совершенно испорченнымъ.

Поѣздъ тронулся.

Юнну бросаетъ топоръ, беретъ колъ, подводитъ его подъ рельсъ и всѣмъ тѣломъ наваливается на него.

Рельсъ медленно поднимается, второй костыль отскакиваетъ.

Наконецъ-то!

Но когда Юнну дѣлаетъ еще одно усиліе, колъ разламывается пополамъ, и онъ падаетъ на рельсы. А грохотъ поѣзда раздается все ближе, ближе...

Юнну въ отчаяніи, въ бѣшенствѣ вскакиваетъ, хватается за рельсъ руками, царапаетъ его, грызетъ, совершенно теряя голову отъ сознанія своего безсилія.

За его спиной раздается пронзительный свистъ.

Они спасутся... раздавятъ его...

Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ дѣлаетъ быстрый прыжокъ въ сторону. По направленію къ нему съ ревомъ и грохотомъ несется поѣздъ, весь разукрашенный флагами и зеленью.

Въ головѣ Юнну съ быстротой молніи зарождается новая идея... Онъ наклоняется къ землѣ, обхватываетъ руками громадный камень, поднимаетъ его, бросается назадъ къ полотну и, зажмуривъ глаза, кидаетъ его навстрѣчу приближающемуся поѣзду... Раздается оглушительный грохотъ, и Юнну безъ чувствъ падаетъ подъ откосъ.

* * *

Черезъ нѣсколько времени онъ приходитъ въ себя. У него такое чувство, будто онъ лежитъ на движущемся полу... Онъ открываетъ глаза и видитъ, что кругомъ суетятся люди, кричатъ, жестикулируютъ. Онъ узнаетъ инженеровъ, ленсмана, хозяина, Тахво. У него невыносимо болитъ голова. Паровозъ злорадно свиститъ. Прямо въ глаза несется ѣдкій дымъ. Тутъ только ему дѣлается ясно, что онъ находится на поѣздѣ, который со стремительной быстротой везетъ его съ собой въ городъ — навсегда.

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

У БЕРЕГОВЪ ПЕЧАЛИ.

Мелкое, окруженное болотистыми берегами, озеро среди пустынной мѣстности. Озеро питаетъ мутная, черная вода, стекающаяся въ него изъ ближайшихъ болотъ. Вдоль отлогихъ береговъ растетъ густой, непроходимый тростникъ, торчащій изъ темной воды, словно жесткая, всклоченная борода. Посреди озера небольшое окошечко чистой воды.

Съ грязнаго, свинцоваго неба падаетъ мелкій дождь. Лугъ, поросшій осокой, залитъ водой до самой опушки лѣса. Лѣсъ — сплошная непроходимая чаща, и остроконечныя верхушки его однорослыхъ елей напоминаютъ гигантское поле колючекъ. На опушкѣ стоитъ сарай и стогъ сѣна. У угла сарая возвышается одинокая вѣтвистая сосна.

Вдали подъ завѣсой дождя смутно выступаетъ надъ лѣсомъ горный кряжъ, на немъ вырисовываются очертанія усадьбы. Я понялъ, что то человѣческое жилье, невдалекѣ отъ берега озера, къ которому меня привела изъ лѣсу грязная тропинка, не что иное, какъ жилище торпаря.

Торпъ состоитъ изъ небольшой конюшни, хлѣва, амбара и жалкой избушки, производящей такое впечатлѣніе, будто ее неуклонно всасываетъ въ землю. Крыша—изъ дерна и бересты, половина единственнаго окна задѣлана берестой, а въ другой половинѣ одно изъ стеколъ замѣняетъ тряпка, которою плотно заткнута дыра.

Ржаное поле скошено и покрыто желтой щетиной, на льняномъ полѣ валяется опрокинутый ушатъ, а на изгороди виситъ побитая морозомъ черная ботва отъ картофеля. Нигдѣ не видно живой души, дверь избушки приперта снаружи.

Къ берегу ведетъ размытая отъ дождей и покрытая липкой грязью дорога. У тинистаго берега вымачивается ленъ и распространяетъ далеко кругомъ отвратительное зловоніе. Тутъ же валяется скамья вверхъ ногами, кадушка безъ обручей и наполовину наполненная водой ветхая лодка, въ которой плаваетъ удилище и обуглившееся полѣно.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ берега двигается какое-то сѣро-рыжее живое существо: это жалкая, взъерошенная, отбившаяся отъ дома собака. Увидя на дорогѣ чужого человѣка, она въ страхѣ приникаетъ къ землѣ. Она не лаетъ и, опустивъ хвостъ, уходитъ въ сторону, держа въ зубахъ гнилую рыбу. На изгородь опустилась ворона, она съ завистью смотритъ на лакомый кусокъ, который достался собакѣ, потомъ тяжело взлетаетъ и съ минуту низко ле-

титъ надъ собакой, но потомъ ее относитъ вѣтромъ къ одинокой соснѣ у сарая.

Начинаетъ смеркаться. Мнѣ надо обойти все озеро, чтобы черезъ лѣсъ пройти къ усадьбѣ на горномъ кряжѣ, а это довольно далекій путь. Платье мое промокло до послѣдней нитки, сапоги наполнены водой, руки закоченѣли. Къ дождю примѣшивается мокрый снѣгъ и бьетъ мнѣ въ лицо, порывы вѣтра сердито потрясаютъ гнилую изгородь, и въ дулѣ моего ружья у самаго моего уха раздается заунывный, печальный напѣвъ.

Я подхожу вплотную къ избушкѣ, чтобы закурить трубку. Въ карманѣ мнѣ подъ руку попадается клочокъ старой газеты. Я не знаю отъ какого числа и мѣсяца газета, но мнѣ бросаются въ глаза первыя слова одной статьи: «Печальныя времена наступили въ Финляндіи. Всѣ души охватило чувство уныния и...» Продолженія нѣтъ, да оно лишнее.

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

1891

МЕСТЬ ПУСТЫНИ.

Дойдя на лыжахъ до полугоры, онъ остановился на открытомъ мѣстѣ, зорко разглядывая внизу подъ собою лѣсныя дали, изрѣзанныя болотами, озерами и проливами. У подошвы горы, гдѣ, между двумя водными пространствами, подъ лучами солнца сверкалъ водопадъ, видитъ онъ крышу своей хаты.

Онъ охотникъ, единственный обитатель этихъ пустынныхъ лѣсовъ на всемъ широкомъ пространствѣ, какое можетъ охватить глазъ съ вершины горы. Всю эту область онъ взялъ въ свое владѣніе, потому что больше некому было ею владѣть. Со времени великой войны, когда одни бѣжали на западъ, другіе насильно были уведены въ чужіе края, здѣсь не бывало слѣда человѣческой ноги.

Пустыня словно дремлетъ съ открытыми глазами подъ блѣднымъ солнцемъ зимы, уже переломившейся къ лѣту. Уже стаялъ снѣгъ съ вѣтвей деревьевъ, но въ лѣсу, на льдахъ озеръ и на болотахъ онъ еще лежитъ супробами, вышиною съ лыжный шестъ. На открытыхъ мѣстахъ почти тепло, но въ тѣни свѣжій холодокъ. Склоны холмовъ освѣщены ярко, хвоя сосенъ и елей оттаяла настолько, что испускаетъ легкій ароматъ, и березовая почка благоухаетъ въ полдень, предчувствуя близость весны.

Охотникъ вдыхаетъ свѣжій ароматъ лѣса, глаза его самодо-

вольно и ласково мерцаютъ изъ-подъ нависшихъ на лобъ волосъ. Ему хорошо оттого, что зима на исходѣ и ея желѣзная длань ослабѣла. И эта зима не принесла съ собой ничего страшнаго. Скоро кончится лыжный путь, снѣгъ начнетъ осѣдать подъ ногами, а никто не приходилъ сюда изъ населенныхъ мѣстъ, не было ни одного охотника. Не случилось и другой бѣды, которой онъ всегда ждалъ, не зная, откуда она явится. Пускай бы ужъ пришла, чтобы отдѣлаться отъ нея сразу. Но его радовало, что она не пришла зимой. Лѣтомъ никто не попадетъ сюда.

Онъ широкоплечъ, но высокъ и строенъ; одѣтъ въ сермягу и кожи. На плечахъ у него охотничьи доспѣхи: лукъ и колчанъ, на спинѣ ворохъ силковъ и замковъ отъ ловушекъ, которыя онъ только-что ходилъ собирать. Заяцъ и лисица уже не идутъ въ западню, не бѣжитъ куропатка въ силокъ... У всѣхъ теперь время течки, — надо дать отдыхъ и звѣрю, — пусть жители лѣса справляютъ свои свадьбы безъ помѣхи.

Маленькая кладовая на берегу водопада уже полна кожъ, добытыхъ за эту зиму. Завтра онъ уложитъ ихъ въ сани и повезетъ на ярмарку. Тамъ купцы станутъ любоваться ими, будутъ говорить: «и у царскаго охотника нѣтъ лучшихъ». Онъ, Сара,житель лѣсовъ, не скажетъ имъ, гдѣ живетъ, гдѣ можно добыть такой товаръ. Онъ всегда наводилъ любопытныхъ на ложный слѣдъ, если замѣчалъ, что они хотятъ пробраться къ его жилищу.

Все веселѣе блестятъ его глаза, осматривая лѣсъ, который не знаетъ никого иного, кромѣ охотника Сара. А что, если разбѣжаться и полетѣть на лыжахъ съ крутой горы вонъ туда, на ледъ, такъ, чтобы воздухъ свистѣлъ въ ушахъ?

Онъ уже подался назадъ, чтобы сдѣлать разбѣгъ, какъ вдругъ снизу, изъ подъ горы, послышался сердитый лай.

Онъ вздрагиваетъ отъ удивленія: лай не такой, какъ обыкновенно — звонкій, но спокойный, когда, напримѣръ, собака лаетъ на бѣлку; и не настойчивый лай собаки, которая преслѣдуетъ убѣгающаго звѣря. Похоже на то, какъ будто собака увидала какое-нибудь большое животное; она сердится на него и боится, не смѣетъ напасть.

Сара свиститъ, лай переходитъ въ вой.

«Волкъ!» — думаетъ онъ, стремглавъ скатываясь съ горы. — «Это волкъ!» — рѣшаетъ онъ, видя собаку, бѣгущую навстрѣчу ему, съ поджатымъ хвостомъ.

Добрая улыбка сбѣгаетъ съ губъ его. Присѣвъ, напрягая всѣ мышцы тѣла, въ бѣшеномъ бѣгѣ онъ стремится настигнуть добычу. Сбодренная присутствіемъ хозяина, собака бѣжитъ по своему слѣ-

ду, подъ гору, исчезая между березами, на берегу озера. Лыжи Сара скользятъ съ прежней скоростью, но перерѣзая слѣдъ собаки, онъ замѣчаетъ слѣды лыжъ. Онъ скрещиваетъ лыжи, прыгаетъ и, по колѣни въ снѣгу, стоитъ съ минуту оторопѣлый, какъ будто молнія сверкнула передъ его глазами. Потомъ онъ становится на лыжи и, согнувъ спину, крадучись, приближается къ слѣду.

Да, это лыжный слѣдъ; онъ идетъ отъ озера, поднимается сюда, въ лѣсъ, и тамъ, дальше, поворачиваетъ опять ближе къ берегу, направляясь къ избушкѣ Сара.

Откуда пришелъ человѣкъ? Кто онъ такой? Это не житель Суоми, не финнъ, пришедшій съ юга — какъ видно по направленію слѣда; это и не бѣломоръ — у тѣхъ лыжи шире. У этого лыжи подшиты оленьей кожей, при подъемѣ на гору она оставила глубокій слѣдъ въ снѣгу. Это никто другой, какъ лопарь.

Онъ не могъ явиться съ юга, потому что туда, въ населенныя мѣста, лопари не смѣютъ ходить. Онъ пришелъ съ сѣвера высмотрѣть мѣсто и, когда увидитъ, что здѣсь живетъ только одинъ человѣкъ, то лѣтомъ все его племя явится сюда по порогамъ ловить рыбу въ озерахъ.

Сара пошелъ рядомъ со слѣдами, которые, сдѣлавъ небольшой поворотъ къ лѣсу, вдругъ повернули прямо къ его избушкѣ.

Избушка — низкая, наполовину ушедшая въ землю, стоитъ на берегу порога, на краю небольшой поляны. Среди поляны амбаръ для добычи, гдѣ у Сара лежатъ кожи, сушеная рыба, вяленое мясо и другіе запасы. Онъ построенъ на сваяхъ отъ нападенія лѣсныхъ хищниковъ: волковъ, лисицъ, хорьковъ и мышей. Они приходятъ къ амбару, чуютъ добычу, но не могутъ добраться до нея. Много лисицъ поймалъ онъ желѣзными капканами около этого амбара, много волковъ и рысей онъ выслѣдилъ, когда они, голодные, приближались сюда, привлекаемые лакомымъ запахомъ.

Судя по слѣдамъ, лопарь остановился на краю поляны, потомъ отошелъ назадъ, подъ покровомъ лѣса прокрался къ избушкѣ, сошелъ съ лыжъ, обошелъ избу и отсюда къ амбару, вокругъ котораго ходилъ много разъ.

Теперь Сара знаетъ безошибочно, для чего косоглазый забрелъ сюда и чего онъ здѣсь ищетъ. Сара знаетъ и то, что ему теперь нужно дѣлать. Если лопарь не вернется отсюда къ своимъ, то другіе будутъ знать, что здѣсь имъ угрожаетъ опасность, и не посмѣютъ притти.

Онъ не могъ еще отойти далеко, этотъ лопарь. Вѣроятно,

онъ ушелъ отсюда около полудня, такъ какъ лыжный слѣдъ тянулся по инею, осыпавшемуся съ деревьевъ. Сара принялъ рѣшеніе и начинаетъ готовиться въ путь.

Наполнивъ котомку провизіей и взявъ самое лучшее оружіе: лукъ, стрѣлы, большой ножъ, топоръ и легкое копье, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служило и лыжной палкой, онъ выбралъ самыя лучшія лыжи, которыя употреблялъ лишь во время большихъ походовъ. Ставъ на лыжи и скользя на нихъ къ лѣсу, начинавшемуся за избушкой, онъ въ своихъ доспѣхахъ имѣлъ такой видъ, какъ будто отправлялся въ погоню за крупнымъ звѣремъ: то же бодрое, вольное чувство въ груди, то же напряженіе въ членахъ. Глаза его горѣли, губы были сжаты, около рта легла суровая складка, и грозно, почти злобно напрягъ онъ всю свою силу, какъ будто готовясь настигнуть добычу на первой же полянѣ.

Слѣдъ лопаря шелъ вдоль порога къ берегу большого озера.

Въ верховьяхъ порога лопарь остановился ловить рыбу. Онъ ловилъ рыбу на донную удочку. Какъ видно, негодяй наловилъ много рыбы, вычистилъ ее и оставилъ чешую и внутренности на снѣгу у проруби.

Гнѣвъ Сара все возрасталъ... «Онъ ловилъ рыбу въ моей водѣ да еще оставилъ тутъ потроха, словно въ насмѣшку... точно хищная птица, которая пожираетъ птицу изъ западни охотника! Или онъ сдѣлалъ это для того, чтобы осквернить мою воду, унести мое счастье»...

Это дало новую пищу его неподованію, и Сара помчался назадъ по слѣдамъ бѣглеца. Посерединѣ озера, гдѣ находилась группа острововъ, слѣдъ измѣнилъ направленіе и подъ защитою острововъ пошелъ черезъ открытое озеро. Достигнувъ противоположнаго берега, онъ вытянулся, какъ по ниткѣ, прямо черезъ лѣсъ къ горѣ, голая, безлѣсная вершина которой еще золотилась вечерней зарей, между тѣмъ какъ долины уже покрыла тѣнь.

«Видно, что онъ новичокъ въ здѣшнихъ мѣстахъ — ищетъ высотъ, чтобы провѣрить направленіе и попасть на вѣрный путь».

Уже и на горѣ было темно, когда Сара, миновавъ болотистый лѣсъ, добрался до ея вершины, все время идя по слѣдамъ лопаря. Тотъ успѣлъ уйти далеко впередъ, и сегодня его не догнать. Пришлось сдѣлать привалъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ тотчасъ же вновь пуститься въ путь.

Ища подходящаго мѣста, гдѣ развести костеръ, Сара услышалъ впереди собачій вой. Всю дорогу слѣды Халли шли за слѣдами лопаря, и собака еще не возвращалась. Навѣрно, это она выла теперь гдѣ-то вдалекѣ. Ужъ не настигла ли она бѣглеца? Но,

такъ какъ лая болѣе не было слышно, то Сара началъ строить догадки. До драки, видно, дѣло не дошло, потому что тогда было-бы больше шуму. Можетъ быть, онъ убилъ ее, застрѣлилъ, прежде чѣмъ Халли успѣлъ броситься на него, или закололъ своимъ копьемъ. Ему становилось не по себѣ, онъ не рѣшался развести большой огонь, какъ бы слѣдовало. А тѣло его отъ быстраго бѣга покрылось потомъ.

«Что, если вдобавокъ ко всему онъ убилъ собаку, моего единственнаго товарища и друга?.. Зачѣмъ я пустился въ погоню за нимъ? Не оставить ли его въ покоѣ и дать ему итти своей дорогой? Что онъ мнѣ сдѣлалъ дурного, что я гонюсь за нимъ? Не слѣдовало бы человѣку убивать другого человѣка...»

Но лопарь не человѣкъ — это завистникъ, оскверняющій лѣса и воды, онъ долженъ быть убитъ, гдѣ бы ни пришлось его настигнуть. То-то была бы добыча! Кто знаетъ, чего только у него нѣтъ: хорошій лукъ, стрѣлы и копья, отличныя лыжи, можетъ быть, золото и серебро, которымъ можно добыть все, что нужно.

Сомнѣнія исчезли, когда подъ утро Халли пришелъ къ костру и визжа и какъ бы прося защиты свалился у ногъ хозяина. Видно было, что его били, — онъ хромалъ на одну ногу. Какъ только начало свѣтать, Сара тронулся въ путь, твердо рѣшивъ, что онъ будетъ преслѣдовать врага, хотя бы пришлось дойти до самой Лопской земли.

Лопарь, какъ видно, не торопился. Углубившись въ чащу лѣса, по ту сторону горнаго хребта, онъ шелъ, дѣлая длинные крюки, все время, однако, держа на сѣверъ. Тамъ и сямъ онъ разрывалъ снѣгъ, чтобы узнать, нѣтъ ли тутъ оленьяго мха.

«Этого-то ему и надо», подумалъ Сара.

Одинъ разъ онъ убилъ зайца, въ другой—застрѣлилъ на деревѣ птицу, судя по примѣтамъ — глухаря. Сдѣлалъ онъ это съ такимъ необычайнымъ искусствомъ, словно былъ лисицей или рысью, которыя уже издали чутьемъ узнаютъ, гдѣ притаилась дичь, и крадутся къ ней напрямикъ, не дѣлая лишнихъ обходовъ. Этотъ лопарь — прекрасный охотникъ. Зависть зашевелилась въ сердцѣ Сара, гложущая зависть охотника.

Съ невысокаго кряжа слѣдъ понемногу сталъ подниматься на гору; на вершинѣ ея находился недогорѣвшій костеръ. Здѣсь лопарь собирался провести ночь, и здѣсь были видны ясные слѣды его встрѣчи съ собакой. Судя по слѣдамъ, онъ старался приманить ее кусками мяса, но, такъ какъ Халли не давался въ обманъ, онъ швырнулъ въ него полѣномъ. Но Халли, — славный Халли, вѣрный

другъ, — онъ устоялъ даже противъ лопарскихъ чаръ, а лопари вѣдь умѣютъ однимъ взглядомъ укрощать звѣрей.

Но, когда собака пошла назадъ искать своего хозяина, бродягѣ пришлось торопиться. Онъ бросилъ свой костеръ и ночлегъ — и давай Богъ ноги... Смѣхъ разбиралъ Сара, когда онъ видѣлъ его безпорядочные слѣды... Лопарь словно пробовалъ улетѣть отъ погони: онъ всполошился, точно линяющій гоголь, который бьется крыльями надъ водой, а дѣваться ему некуда.

Сара изо всѣхъ силъ помчался впередъ и успокоился только тогда, когда увидѣлъ, что встревоженный бѣглецъ понемногу успокаивался и замедлялъ свой шагъ. То ли онъ утомился, то ли подумалъ, что испугался напрасно. Слѣдъ опять ровный и легкій — словно тутъ прошмыгнулъ какой-нибудь лѣсной звѣрь. Весело бѣжалъ онъ по хребтамъ возвышенностей, среди высокаго ельника, иногда ради потѣхи скатываясь съ горъ и легко подымаясь по самымъ крутымъ мѣстамъ.

Мало-по-малу Сара забылъ, зачѣмъ онъ, собственно, преслѣдуетъ его; забылъ, что онъ преслѣдуетъ его, чтобы убить. Теперь онъ гнался за нимъ, словно за рѣзвымъ ребенкомъ, который, расшалившись, убѣжалъ въ лѣсъ и нарочно заставляетъ товарища искать себя, плутишка... и тотъ не знаетъ, когда онъ выглянетъ изъ-за дерева или аукнетъ изъ-за камня. Вотъ здѣсь, на склонѣ горы, бѣглецъ закусывалъ, сидя на высокомъ камнѣ. Тутъ онъ для развлеченія скатывался подъ гору прямо съ крутыхъ обрывовъ — и даже не покачнулся, даже не дотронулся палкой до земли. Сара же пришлось объѣзжать крутизны, держась за деревья и тормозя палкой.

Подъ горой торчала голая скала, настолько высокая, что самыя высокія сосны дремучаго бора не дорастали до нея. Сара пришлось сдѣлать большой крюкъ, чтобы объѣхать эту скалу, лопарь же скатился съ нея прямо по верхушкамъ деревьевъ и тамъ исчезъ. Пролетѣлъ ли онъ по воздуху или остался на деревьяхъ, — трудно было сказать.

Напрасно осматривалъ Сара густой ельникъ, росшій подъ скалой, и вершины елей, и землю у ихъ корней. Онъ уже думалъ, что это навожденіе, и начиналъ подозрѣвать, что онъ преслѣдуетъ священнаго сына владыки лѣсовъ, который, когда ему вздумается, идетъ по землѣ, но нерѣдко сокращаетъ свой путь, летя по воздуху надъ вершинами деревьевъ; онъ уже помышлялъ о томъ, чтобы повернуть назадъ.

Но бѣглецъ не застрялъ въ деревьяхъ, не улетѣлъ, — онъ спустился внизъ на лѣсное озеро, притаившееся подъ скалой въ дре-

весной гущѣ, существованія котораго онъ и не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ, пока не очутился на его берегу. Туда-то вынесло лыжебѣжца съ края скалы черезъ деревья, при чемъ онъ даже не упалъ; только шуба его, когда онъ подогнулъ колѣни, слегка задѣла за снѣжный сугробъ, оставивъ на немъ кругообразный отпечатокъ, — послѣ чего онъ спокойно помчался впередъ.

Озерко была узкое и съ крутыми берегами, и, казалось, нигдѣ не было выхода изъ него. Слѣдъ уходилъ словно въ тупикъ, между двумя скалами; но тутъ было нѣчто въ родѣ каменныхъ воротъ, за которыми открывалось горное озеро, окруженное крутыми скалистыми высотами.

Становилось все темнѣе и темнѣй, солнце уже скрывалось за горами, и прибрежныя скалы становились выше и мрачнѣе. Сара не узналъ мѣстности, раньше онъ не былъ здѣсь; онъ еще разъ подумалъ о томъ, не вернуться ли ему назадъ.

Не зная, какъ быть, онъ, однако, прошелъ еще немного впередъ, какъ вдругъ замѣтилъ прорубь, въ которой лопарь ловилъ рыбу и чистилъ ее. Какъ видно, онъ только что былъ здѣсь, потому что рыбьи внутренности еще не успѣли замерзнуть.

Это разрушило чары, заставивъ охотника вновь погнаться за своей добычей. Лопарь не могъ уйти далеко: судя по мѣстности, онъ расположился гдѣ-нибудь здѣсь на ночлегъ. Озеро было почти круглое, и посрединѣ его находился крошечный островокъ, въ родѣ бугорка. Къ нему-то, какъ было видно, и велъ слѣдъ.

Сара привязалъ собаку, велѣлъ ей молчать и подъ защитою прибрежныхъ скалъ пошелъ кругомъ озера. Возвратившись къ тому мѣсту, откуда вышелъ, онъ убѣдился въ томъ, что лопарь попался въ ловушку. Не видно было никакихъ слѣдовъ, которые шли бы отъ островка. Если только онъ не улетѣлъ, то застигнутъ врасплохъ на ночлегѣ.

Въ это время на островкѣ, между деревьями, блеснулъ огонекъ. Значитъ, лопарь не замѣтилъ своего преслѣдователя... Скоро запылалъ хворостъ, освѣщая густыя ели острова, и густой дымъ клубами поднялся къ небу, сначала черный, а потомъ окрашенный пурпуромъ потухающей зари.

Сара прислонился къ прибрежной скалѣ ожидая. Онъ стоялъ, не шевелясь, весь превратившись въ зрѣніе и въ слухъ, какъ старый охотникъ, подстерегающій дичь. Заря погасла; онъ уже не различалъ дыма, видѣлъ только огонь и отъ времени до времени слышалъ трескъ огня, когда лопарь ворошилъ головешки. Раза два слышно было, какъ онъ что-то напѣвалъ. Потомъ пѣніе смолкло, и костеръ сталъ горѣть ровнымъ, спокойнымъ пламенемъ.

Гдѣ-то за скалой медленно капала вода, да звѣздное небо сверкало надъ головой Сара, отражаясь на днѣ скалистаго озера, какъ въ черномъ котлѣ.

Сара не зналъ, что ему дѣлать. Что-то пугало его, какъ будто оно подстерегало его, и потому онъ стоялъ тихо, почти не смѣя дышать. Ночь становилась все холоднѣе, морозъ началъ пощипывать; Сара представилъ себѣ лопаря, лежащаго на мягкой хвоѣ у костра, — имъ овладѣла внезапная ярость: это онъ его мучитъ, онъ пришелъ выслѣживать его, издѣваться надъ нимъ, онъ заставляетъ его гнаться за собой. Это безстыдный бродяга, лѣсной разбойникъ, разоритель чужихъ кладовыхъ, осквернитель водъ и лѣсовъ.

Сара схватилъ свое копье, сталъ на лыжи и началъ подкрадываться къ мерцающему на островкѣ огню.

Лопарь заснулъ около костра и не слышалъ приближенія своего врага, который на берегу острова снялъ лыжи и, согнувшись, подкрадывался все ближе и ближе.

Это былъ еще юноша. Въ своей шубѣ изъ оленьяго мѣха, оторченной красной каймой, онъ спокойно и безмятежно спалъ, лежа на спинѣ у корня ели, подложивъ руки подъ голову. Пламя костра освѣщало его свѣтлое, невинное лицо.

Сара не видалъ владыки лѣсовъ, но именно такимъ онъ всегда представлялся ему. Можетъ быть, это Нюрикки, сынъ Тапіо; можетъ быть, онъ ходитъ здѣсь по дѣламъ своего отца, высматриваетъ лѣсныя угодья, чтобы въ будущую зиму пригнать сюда свое стадо. Его нельзя убивать, нельзя дѣлать ему ничего дурного; если онъ попадется навстрѣчу, то нужно дать ему дорогу. Уже опустился конецъ копья, которое было поднято, чтобы нанести ударъ, и Сара слегка попятился назадъ.

Вдругъ треснула переломившаяся вѣтка. Спящій проснулся и быстрымъ движеніемъ приподнялся на своемъ ложѣ, протирая сонные глаза... Въ ту же минуту поднялось копье Сара и съ такой силой ударилось въ грудь юноши, что, пронзивъ его тѣло, пригвоздило къ землѣ.

Убитый не успѣлъ даже вскрикнуть — онъ только жалобно застоналъ, какъ подстрѣленный заяцъ, кровь хлынула у него изо рта и изъ ноздрей. Въ предсмертной агоніи тѣло начало корчиться и содрогаться, какъ рыба, проколотая острогой, и древко копья въ рукѣ Сара такъ дрожало, что его нужно было придерживать другой рукой. Но онъ все корчился, сотрясая копье, державшую его руку и все тѣло Сара, потомъ онъ понемногу сталъ затихать и наконецъ свалился на бокъ.

Но, когда убійца попробовалъ вытащить свое оружіе, остріе котораго ушло въ мерзлую землю, его стало трясти, какъ въ лихорадкѣ, неистово, безжалостно, точно кто-то хотѣлъ сорвать съ него одежду... И онъ не можетъ отнять рукъ отъ древка; и его трясетъ все сильнѣе, словно онъ околдованъ. Это злые духи Лопской земли напустили на него дрожь; убитый, какъ-бы тайнымъ ядомъ, отравилъ кровь убійцы.

Тутъ подбѣгаетъ къ нему сорвавшаяся съ привязи собака съ жалобнымъ воемъ, и Сара, наконецъ, пускаетъ изъ рукъ заколдованное копье. Но чары еще не оставили Сара, месть не разжала своей занесенной длани.

Шатаясь, онъ становится на лыжи и идетъ въ конецъ озера,— собака все такъ же жалобно завываетъ на острову. Придя къ мѣсту, откуда вышелъ, Сара хочетъ взяться за топоръ, чтобы у подножія скалы срубить елку для новаго древка. Но топоръ не держится въ рукахъ, какая-то сила вырываетъ его изъ дрожащихъ пальцевъ. Онъ хватаетъ елку, чтобы вырвать ее съ корнемъ, но руки дрожатъ все такъ же.

Безъ палки идетъ Сара домой по старому слѣду, надѣясь, что, выбравшись изъ этого заколдованнаго края, онъ избавится отъ проклятія смерти.

Но не спастись убійцѣ отъ проклятія смерти даже и у себя дома... За что бы онъ ни взялся: за древко копья, за лыжную палку, лукъ, топорище, весло или острогу, — попрежнему все валится у него изъ ослабѣвшихъ рукъ.

Уйти надо Сара отсюда, какъ только наступитъ весна, уйти къ населеннымъ мѣстамъ; оставить свою хату, амбаръ, оставить все богатство лѣсовъ, горы и богатыя рыбой озера, — отдать все свое царство кому-то другому, кто когда-нибудь случайно забредетъ сюда.

Онъ не скажетъ людямъ, откуда пришелъ. Дадутъ ему въ руки кирку и лопату, но уже никогда болѣе не посмѣетъ онъ взяться за охотничьи доспѣхи.

Не умѣетъ Сара глубоко мыслить, и невысоко паритъ его мысль. Но одно стало ему ясно теперь, когда онъ налегаетъ на свою лопату: если бы онъ тогда далъ сыну Тапіо спокойно итти своей дорогой, если бы онъ не умертвилъ такъ коварно духа Лопской земли, — ему не нужно было бы, какъ презрѣнному рабу, взрывать каменистую почву.

Пер. ***О. Вальстремъ.***

ДЛЯ ДРУГИХЪ.

Наконецъ-то онъ окончилъ работу, цѣль всей жизни, наконецъ онъ достигъ того, для чего трудился весь свой вѣкъ: онъ построилъ для себя избушку въ лѣсу.

Всю жизнь пасъ онъ чужія стада, правилъ чужою лошадью, пахалъ чужимъ плугомъ чужую землю. Онъ выжигалъ чужіе лѣса подъ чужую пашню, на сотни саженъ тянулись въ чужихъ владѣніяхъ вырытыя имъ канавы. Онъ ѣлъ всегда за чужимъ столомъ, спалъ на чужой постели и въ чужой банѣ мылся. Даже одежда, которую онъ носилъ, принадлежала другому и была сшита не по его росту; у него не было средствъ обзавестись женой, и его одежду чинили чужія женщины.

Ничего онъ не могъ назвать своимъ, кромѣ пары измученныхъ рукъ, сгорбленной спины, своей слабой груди, своего кашля и постоянной отдышки.

Правда, у него было еще что-то — у него была неподалеку отъ большого села полуготовая изба, срубленная на опушкѣ выжженнаго лѣса.

Десять лѣтъ онъ былъ занятъ своей постройкой, ежегодно клалъ по два вѣнца бревенъ, такъ что нижнія бревна даже посѣрѣли, какъ въ старыхъ избахъ, верхнія же, свѣжія и бѣлыя, блестѣли, какъ новыя. Наконецъ, торфяная крыша настлана, готова печь, двери поставлены на свои мѣста, нижніе ряды бревенъ очищены топоромъ и стали такими же бѣлыми, какъ верхнія. Старикъ напрягалъ послѣднія силы, по временамъ онъ изнемогалъ отъ утомленія; ему, кто всю жизнь помогалъ жить другимъ, некого было позвать на помощь себѣ. Но желаніе умереть подъ собственнымъ кровомъ дало ему силу кончить трудъ жизни.

И вотъ теперь онъ собирался развести огонь въ своей печи — первый разъ за всю жизнь онъ надѣялся увидѣть огонь въ собственномъ очагѣ.

Онъ съ трудомъ доплелся до опушки лѣса, гдѣ съ большимъ усиліемъ накололъ изъ пня высохшей сосны охапку дровъ. Теперь нужно бы отнести дрова домой, но онъ такъ усталъ. И старикъ присѣлъ на стволъ срубленнаго дерева, чтобы немножко отдохнуть. Его взоръ угасъ, глаза слезятся, черты его лица безжизненны, подбородокъ дрожжитъ, ноютъ руки, а сердце работаетъ совсѣмъ слабо. Сквозь обнаженный лѣсъ онъ видитъ въ сумракѣ осенняго вечера, на темномъ фонѣ лѣса бѣлое пятно своей избы и темный квадратъ открытой двери.

Это — его изба, изба, которую онъ самъ выстроилъ... толь-

ко бы собраться съ силой и отнести дрова къ себѣ на дворъ... Онъ пристально разсматриваетъ свою избу, и вдругъ она кажется ему столь далекой, точно кто-то перенесъ ее на другой конецъ свѣта. Онъ потираетъ рукой свои померкшіе глаза, и вотъ изба снова ближе, прячется въ сѣти вѣтвей. За лѣсомъ свѣтится ясное желтое небо. Потныя плечи старика дрожатъ отъ холода. Онъ долженъ протопить свою избу... теперь она снова стоитъ на своемъ мѣстѣ, онъ отчетливо различаетъ ея углы. Быть можетъ, онъ проживетъ въ ней еще нѣсколько лѣтъ. И, быть можетъ, получитъ пособіе отъ общины...

Теплая струя пробѣгаетъ по его тѣлу, но онъ все еще не въ силахъ подняться, долженъ перевести духъ и сидитъ, ни о чемъ не думая. Вдругъ онъ слышитъ стукъ, словно гдѣ-то вдали вбиваютъ молоткомъ гвозди. Въ его сознаніи мелькаетъ мысль:

«Чей-то это гробъ заколачиваютъ». — Немного спустя доносится вечерній звонъ, возвѣщая о концѣ работъ въ имѣніи на другомъ берегу озера.

«По комъ-то это погребальный звонъ».

Все вокругъ начинаетъ потихоньку исчезать въ густомъ сумракѣ, туманъ покрываетъ его избушку. Не раздается болѣе стука, и прекратился звонъ, но теперь какъ будто начинаетъ шумѣть лѣсъ. Старикъ наклоняется, чтобы подобрать дрова, и падаетъ ницъ, тихо скатывается съ вязанки дровъ на землю и лежитъ на боку подъ высохшимъ деревомъ, — сухіе листья служатъ ему ложемъ, а подушкой — корень.

Бѣлая изба красуется среди почернѣвшихъ пней у опушки выжженнаго лѣса, ея черная дверь какъ будто удивленно спрашиваетъ:

— Для кого же ты выстроилъ избу, разъ ты самъ не приходишь? Для другихъ?!

Увы! Даже избу свою, и ту Матти построилъ для другихъ!

Пер. В. Смирнова.

А. ЕРНЕФЕЛЬТЪ.

ДѢТИ ЗЕМЛИ.

Вотъ что говоритъ сказаніе:

Это было давно, давно. Въ страну пришли побѣдители со сверкающими копьями, въ пестрыхъ шлемахъ, неся передъ собой крестъ, сіявшій побѣдной славой. Люди Калевалы поднялись на защиту своихъ боговъ. Запылали села и деревни, и со страшнымъ трескомъ повалились священныя рощи. Побѣдители прошли по странѣ, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Сопротивлявшіеся были изгнаны и обречены умереть въ пустынѣ, слабыхъ крестили, и новые властелины дѣлали ихъ своими подданными.

Народы можно побѣждать и покорять, людей можно изгонять и унижать, но можно ли покорять и изгонять также и боговъ? Если нѣтъ, то гдѣ же скрываются дочери воздуха, дочери дня, гдѣ дочери луны, гдѣ же скрываются богъ моря со своими дѣвами, гдѣ богъ лѣса со своими голубыми подругами, гдѣ, наконецъ, всѣ тѣ существа, чьи голоса доносятся до человѣка изъ широкихъ пространствъ, — эти голоса, которые среди рокота морскихъ волнъ возбуждаютъ въ немъ отвагу, которые въ тишинѣ звѣздной ночи будятъ въ немъ свѣтлыя мысли или на тропинкахъ въ лѣсной чащѣ вдохновляютъ его къ пѣснѣ и превращаютъ въ немъ тоску одиночества въ радостное настроеніе?

Неужели же, когда покоряютъ людей, то вмѣстѣ съ ними покоряютъ и боговъ?

Нѣтъ, ихъ покорить нельзя. Они живутъ еще и по сей день.

Побѣдители не знали, да они и не хотѣли этого знать, что, водружая въ напоенную кровью землю крестъ, они водружаютъ вмѣстѣ съ нимъ и духъ истины, который никогда еще не вступалъ въ союзъ съ огнемъ и мечомъ.

И передъ этимъ-то духомъ истины собрались покинутые народомъ боги и услышали слѣдующія слова:

«Во имя мое однажды освободится все то, что связано огнемъ

и мечомъ: тотъ, кто бралъ — будетъ давать, кто грабилъ — возвратитъ все обратно, кто сдѣлался господиномъ — превратится въ слугу. Но освобожденіе произойдетъ не съ помощью меча и огня, а съ помощью моихъ ангеловъ. Васъ я превращу въ своихъ ангеловъ, и ваши слова снова будутъ раздаваться среди людей, пока все не будетъ окончено, и я не увижу, что разъединенные люди слились воедино».

Такъ говорилъ духъ истины.

И онъ далъ ангеламъ тысячи лѣтъ; и онъ далъ имъ голосъ, который нѣжно, какъ утренній вѣтерокъ, проникаетъ все существо человѣка.

Этотъ голосъ звучитъ и понынѣ.

I.

ВЪ МЫШЕЛОВКѢ.

Это было въ сумеркахъ, въ одинъ пасмурный ноябрьскій день. Въ это время дня въ деревенской лавкѣ на перекресткѣ обыкновенно бывало пусто, и лавочникъ позволялъ себѣ даже маленькій послѣобѣденный отдыхъ въ своей комнатѣ. Вдругъ входная дверь съ шумомъ распахнулась, и колокольчикъ на концѣ длинной согнутой пружины запрыгалъ и задребезжалъ тревожно и суетливо, долго не смолкая:

— Скорѣй сюда, скорѣй сюда, пришелъ Кинтури-Янне, — слышите, Кинтури-Янне, Кинтури-Янне, скорѣй, скорѣй, Кин-кин-кин-тури-Янне, кин-кин-кингеликин-кин-кин . . .

— Ага, ага! — послышалось изъ сосѣдней комнаты, и лавочникъ началъ подниматься съ дивана, на которомъ уже успѣлъ улечься лицомъ къ стѣнкѣ, съ накинутымъ на плечи пиджакомъ и въ однихъ носкахъ на ногахъ.

— Это, навѣрное, Кинтури-Янне! — сказалъ онъ, натягивая на ноги ботинки, — сейчасъ же слышно по звонку; никогда нельзя было бы и подумать, что это только,—онъ гремитъ дверью, какъ не вѣсть какой помѣщикъ.

И хозяинъ ввалился въ лавку. Это былъ румяный человѣкъ съ моргающими глазами, окаймленными свѣтлыми рѣсницами. При видѣ Кинтури онъ сейчасъ же пришелъ въ хорошее настроеніе; онъ весело и дружески поздоровался съ нимъ и спросилъ, нѣтъ ли чего новенькаго.

Кинтури-Янне, торпарь и отецъ девяти человѣкъ дѣтей, выва-

лилъ на прилавокъ цѣлую тушу телятины и три кило самаго свѣжаго масла. Потомъ онъ склонился надъ прилавкомъ и спросилъ почтительнымъ и вѣжливымъ шопотомъ, нельзя ли купить мышеловку.

— Это еще что? Неужели мыши повадились ходить въ зерно? Такъ оно не помѣщается больше въ засѣкѣ? Тебѣ, Кинтури, навѣрное придется держать его въ мѣшкахъ?

— Вотъ именно, вотъ именно, — подхватилъ Кинтури, который хорошо зналъ привычку лавочника вѣчно острить по поводу его богатства.

Между Кинтури и хозяиномъ лавки былъ договоръ, состоявшій въ томъ, что Кинтури по сходной цѣнѣ, разъ навсегда установленной, поставлялъ лавочнику каждыя шесть недѣль отпоеннаго теленка. Онъ долженъ былъ также поставлять въ лавку и все масло, которое только у него дома пахталось, и всѣ вообще деревенскіе продукты, которые у него могли накопиться. Этотъ договоръ казался Кинтури очень выгоднымъ, такъ какъ онъ съ своей стороны пользовался въ лавкѣ извѣстными преимуществами. Ему не надо было выкладывать деньги, когда онъ приходилъ въ лавку за покупками, и хозяинъ лавки никогда не требовалъ отдачи долга, накоплявшагося въ продолженіе года за кофе, муку, соль, сахаръ и табакъ, въ неудобное время, а всегда спокойно ждалъ слѣдующаго теленка. На самомъ дѣлѣ купецъ былъ добрый человѣкъ, и Кинтури охотно посѣщалъ его лавку.

Кинтури очень льстило также близкое знакомство съ хозяиномъ лавки, который принадлежалъ къ числу господъ. Вообще Кинтури испытывалъ горькое чувство по отношенію къ господамъ и старался избѣгать ихъ, какъ это дѣлали съ незапамятныхъ временъ и его праотцы. Но этотъ купецъ съ малыхъ лѣтъ былъ обязанъ только своей собственной энергіи тѣмъ, что сдѣлался бариномъ, а кромѣ того, онъ многихъ господъ провелъ за носъ. Для Кинтури онъ былъ живымъ примѣромъ того, что «и нашъ братъ не дуракъ, — стоитъ лишь захотѣть». Потому-то Кинтури очень цѣнилъ какъ самого купца, такъ и всю его лавку и страшно гордился знакомствомъ съ нимъ. Высшимъ удовольствіемъ для него было притти въ лавку, когда тамъ было много народу, и, съ сознаніемъ этого лестнаго знакомства, самому взять себѣ что-нибудь изъ товара,—напримѣръ, снять съ потолка длинной палкой пучокъ уздечекъ, выбрать себѣ одну изъ нихъ и затѣмъ, какъ бы мимоходомъ, условиться съ хозяиномъ лавки въ цѣнѣ, — и все это въ самую сутолоку. Иногда случалось даже, что онъ на глазахъ у посѣтителей лавки заходилъ за прилавокъ, открывалъ ящикъ съ

гвоздями и отсчитывалъ себѣ въ руку сто штукъ трехдюймовыхъ гвоздей; затѣмъ онъ засовывалъ ихъ себѣ въ карманъ и только слегка кивалъ лавочнику. Тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же: слегка кивалъ головой и моргалъ глазами. Или же случалось къ вящему удовольствію Кинтури, что лавочникъ говорилъ: «Послушай, Кинтури, налейка-ка Саренскѣ керосину, у насъ такой спѣхъ». Въ такихъ случаяхъ всѣ посѣтители лавки, и знакомые, и незнакомые, смотрѣли на Кинтури съ большимъ уваженіемъ. А кудластые парни съ лѣсопилки, такъ важничавшіе своимъ деннымъ заработкомъ, стояли, вытаращивъ глаза отъ удивленія, и тщетно старались выяснить себѣ, какія отношенія могутъ существовать между лавочникомъ и Кинтури.

На этотъ разъ Кинтури-Янне пришелъ покупать мышеловку; въ лавкѣ не было другихъ покупателей.

Лавочникъ выложилъ на прилавокъ нѣсколько сортовъ мышеловокъ и въ то же время продолжалъ шутить насчетъ полныхъ закромовъ торпаря.

— Вотъ какъ, такъ мыши забрались, значитъ, въ твою кладовую и лакомятся сахаромъ и пшеничной мукой? — сказалъ онъ, ласково моргая глазами.

Кинтури тоже заморгалъ ему въ отвѣтъ и сдѣлалъ усиліе, чтобы засмѣяться по своему обыкновенію, какъ того требовали ихъ шутливыя отношенія, которыя еще никогда не нарушались. Но на этотъ разъ это ему какъ-то не удалось. Онъ сталъ серьёзнымъ и началъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ разсматривать мышеловки.

Ни одна изъ нихъ ему не понравилась. Онѣ хлопаютъ слишкомъ громко, — говорилъ онъ. Онъ желаетъ такую, которая захлопывается безъ малѣйшаго шума.

— Я такъ чутко сплю. Надо вамъ сказать, что эти негодныя твари, т. е. мыши, поднимаютъ такую возню у насъ, что не даютъ никакого покоя по ночамъ. А вѣдь вы знаете, старость-то даетъ себя чувствовать. Не такъ-то легко послѣ тяжелой поденщины всю ночь лежать съ открытыми глазами да переворачиваться съ боку на бокъ.

— Да что же гонитъ ихъ въ избу, когда амбары переполнены? — спросилъ купецъ, стараясь опять превратить все въ шутку. — Но подожди, я сейчасъ дамъ тебѣ мышеловку, которая совсѣмъ не хлопаетъ.

И онъ выложилъ на прилавокъ какое-то странное сооруженіе. Возлѣ обыкновенной мышеловки, сбоку, была придѣлана жестяная кружка, а надъ кружкой находилась маленькая клѣтка,

въ которую велъ узкій коридорчикъ изъ проволоки, соединявшій мышеловку съ клѣткой.

— Вотъ смотри, Кинтури. Когда мышь войдетъ въ мышеловку, то за ней сейчасъ же упадетъ маленькая дощечка и закроетъ входъ въ мышеловку. Мышь начнетъ искать выхода и попадетъ въ эту клѣтку. Но едва она попадетъ въ клѣтку, какъ дно въ ней подастся, и мышь свалится въ воду. Послѣ этого дно въ клѣткѣ опять принимаетъ свое прежнее положеніе, а дощечка, заслоняющая входъ, снова поднимается. Такимъ образомъ въ этой мышеловкѣ могутъ утонуть пять-шесть мышей, а ты даже ничего объ этомъ и знать не будешь, и будешь себѣ спать, какъ сурокъ, — все тутъ движется на смазанныхъ ходахъ безъ малѣйшаго звука.

— Вотъ такъ штука! — удивился Кинтури. Онъ подробно осмотрѣлъ это хитроумное изобрѣтеніе, еще разъ выразилъ удивленіе и не могъ не отозваться съ похвалой о человѣческой находчивости. — Сперва сюда, — повторилъ онъ за лавочникомъ,—потомъ въ клѣтку и плюхъ въ воду! А ужъ оттуда и итти некуда, тамъ она крѣпко засядетъ, чортъ возьми! — Онъ перевернулъ мышеловку, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и снова перевернулъ.— Куда отсюда уйти! Некуда! Да, такъ-то, скажу я вамъ, — продолжалъ Кинтури, — бываетъ, что мысли привяжутся къ человѣку и не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Я разсуждаю такъ: человѣкъ думаетъ слишкомъ много.

Повидимому, Кинтури рѣшилъ совершенно оставить шутливый тонъ. Въ носу у него щекотало, и на глаза навертывались слезы. Ему вдругъ захотѣлось посвятить купца во всѣ свои горести. Купецъ былъ добрый человѣкъ, въ этомъ Кинтури самъ убѣдился; онъ видѣлъ, какъ тотъ ласково хлопалъ своего молодого жеребенка, какъ онъ нѣжно ласкалъ свою кошку, какъ онъ ворковалъ со своей женой, — они жили точно новобрачные, — а кромѣ того, разсказывали еще, что онъ выручилъ своего племянника негодяя изъ большого денежнаго затрудненія и выложилъ ради него нѣсколько тысячъ. Какъ же такому знакомому не раскрыть своего сердца и не разсказать, какъ обстоятъ дѣла.

И вотъ Кинтури въ первый разъ оставилъ свой обычный шутливый тонъ и началъ говорить о своей горькой участи. Если и раньше его дѣла шли плохо, то теперь пошли еще хуже: онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Изъ хозяйской риги пропалъ овесъ, и онъ устроилъ обыскъ у своихъ подчиненныхъ.

— «Я не воровалъ у тебя овса», закричалъ я ему, и заодно я выругалъ его за многое другое, старое. Но онъ попросилъ полицію

не обращать на меня вниманія, и вотъ эти черти перерыли у меня въ домѣ все вверхъ дномъ, а на чердакѣ они разбросали платье моей хозяйки—негодяи! Развѣ позволительно дѣлать обыскъ такимъ образомъ? Или, быть можетъ, я имѣю право послать полицію рыться въ его утлахъ, когда это мнѣ только придетъ въ голову? — Ну, никакого овса они у насъ, конечно, не нашли, но хозяинъ обозлился и взялъ полицейскихъ въ свидѣтели, а мнѣ приказалъ убираться изъ торпа*. Скажите, развѣ онъ имѣетъ право меня выгонять?

— А у тебя есть какой-нибудь контрактъ на торпъ?

— Никакихъ бумагъ у меня нѣтъ. Но развѣ недостаточно слова? У меня есть свидѣтели. Торпъ принадлежалъ моему отцу и моему дѣду. Они расчистили лѣсъ и сложили каменную ограду, — неужто же нужны еще какія-нибудь бумаги?

— Такъ это, значитъ, нѣчто въ родѣ обѣщанія. Нѣтъ, это не годится. Все должно быть обусловлено на бумагѣ. Иди-ка, Кинтури, сейчасъ же и помирись съ хозяиномъ.

Кинтури вздохнулъ, съежился и сталъ какъ будто ниже, грудь у него ввалилась, и онъ пристально смотрѣлъ на крошки, валявшіяся на прилавкѣ.

— Да я ужъ попытался было это сдѣлать. Конечно, это было тяжело, но я все-таки попытался. А хозяинъ мнѣ сказалъ: «Если ты заплатишь мнѣ твой долгъ и согласишься на новый оброкъ, то можешь оставаться». Я, видите ли, пристроилъ изъ его бревенъ небольшую горницу къ своей избѣ. Но откуда же мнѣ достать денегъ?

Лавочникъ сталъ подозрѣвать, что Кинтури, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторые виды на его деньги, а потому онъ счелъ за лучшее какъ-нибудь прекратить эти изліянія. Кряхтя, онъ влѣзъ на прилавокъ, чтобы зажечь висячую лампу. Стоя на колѣняхъ на прилавкѣ, онъ сталъ разсказывать, что и ему пришлось пережить тяжелыя времена. Деньги не идутъ, векселя просрочиваются, а день уплаты никогда не заставляетъ себя ждать. Иногда чувствуешь себя, точно въ аду. Кусокъ въ горло не идетъ, и ночью глазъ не закрываешь, а только ворочаешься съ боку на бокъ.

— Да, да, съ боку на бокъ, — повторилъ Кинтури. Сходство ихъ положенія до такой степени обрадовало его, что онъ обѣими руками почесалъ себѣ носъ и вытеръ слезы, навернувшія-

---

* Торпъ — жилое мѣсто съ небольшимъ участкомъ земли, арендуемое безземельнымъ крестьяниномъ-торпаремъ у крупнаго землевладѣльца; аренда выплачивается обыкновенно поденной работой. *Примѣч. перев.*

ся у него на глазахъ. Онъ добрый, очень добрый, этотъ купецъ. Если онъ и выжимаетъ деньги изъ людей, то что же другое и дѣлать купцу.

Лампа разгорѣлась, и ея яркій свѣтъ освѣщалъ малѣйшіе предметы въ лавкѣ.

— Ну, жаловаться-то, собственно, грѣхъ; въ концѣ-концовъ все-таки дѣла пошли хорошо, — сказалъ лавочникъ, стараясь опять перейти на болѣе веселый тонъ. И онъ неуклюже сполз съ прилавка и, повидимому, отбросилъ отъ себя всѣ воспоминанія. Однако, онъ не преминулъ дать Кинтури еще одинъ хорошій совѣтъ.

— Сколько лѣтъ твоей женѣ, Кинтури?

— Тридцать восемь лѣтъ.

— Ого! Ну, такъ у васъ можетъ народиться еще съ полдюжины ребятъ. Сколько ихъ у васъ теперь?

— Девять живыхъ, да трое померло, — отвѣтилъ Кинтури, нѣсколько оживляясь. И онъ самодовольно выпрямился, ожидая отъ лавочника похвалы; но тотъ началъ его бранить.

— Слыханное ли это дѣло, Кинтури! Многіе состоятельные люди обѣднѣли бы, если бы имъ пришлось кормить такую кучу ребятъ. И зачѣмъ ихъ производить на свѣтъ въ такомъ количествѣ? Это прямо безразсудно!

Онъ наклонился къ самому уху Кинтури и началъ шептать, хотя они были одни въ лавкѣ.

Кинтури глазѣлъ на лавочника съ широко открытымъ ртомъ и никакъ не могъ понять, что тотъ ему говоритъ.

Въ эту минуту въ лавку вошла кучка рабочихъ съ лѣсопилки. А такъ какъ лавочникъ закончилъ свои совѣты, громко повторивъ: «Слыханное ли это дѣло, такая куча ребятишекъ!», то и рабочіе начали смѣяться надъ изобиліемъ у него дѣтей. И они начали громко разсуждать о томъ же, о чемъ лавочникъ только что шепталъ Кинтури на ухо. Они выражались очень грубо и цинично.

Кинтури былъ въ страшномъ смущеніи.

Онъ такъ рѣдко выѣзжалъ изъ своего лѣсного угла въ этотъ просвѣщенный свѣтъ, и каждый разъ онъ получалъ тяжелые удары, съ кѣмъ бы ни соприкасался здѣсь. Онъ старался смѣяться и говорить въ томъ же тонѣ, какъ и другіе, но на сердцѣ у него было тяжело, и онъ стремился поскорѣе опять скрыться въ лѣсу, какъ птица, залетѣвшая случайно въ человѣческое жилье.

Къ несчастью, въ лавку вошла еще толстая жена управляющаго, — она пришла покупать телятину и масло. Когда она

услыхала, что лавочникъ упрекаетъ Кинтури въ бѣдности, то и она не пропустила удобнаго случая пустить нѣсколько шпилекъ по адресу торпаря.

— Бѣдный! Лучше бы ужъ и не говорили о бѣдности. Когда обзаводишься такой оравой дѣтей да пьешь, да покупаешь кофе и бѣлый хлѣбъ, то понятно, что и бѣднѣешь. Кто ихъ проситъ пить кофе, разъ они бѣдны!

Въ своемъ раздраженіи она быстро повернулась на каблукахъ.

У Кинтури явилось непреодолимое желаніе привскочить высоко въ воздухѣ и, какъ ястребъ, вцѣпиться ей въ шею, или просто схватить ее за шиворотъ и вышвырнуть за дверь. Этого хотѣла горячая кровь Кинтури, но праотцы совѣтовали: поклонись барынѣ повѣжливѣе и скажи: «такъ-то оно, такъ», и затѣмъ иди своей дорогой въ лѣсъ.

Кинтури всегда слушался праотцовъ. Онъ поклонился барынѣ со словами: «такъ-то оно, такъ». Однако, въ слѣдующую минуту онъ наклонился надъ прилавкомъ, о который опирался обѣими руками, и попросилъ лавочника дѣловымъ и вѣжливымъ тономъ такъ, что барыня слышала, положить ему въ мѣшокъ на три марки лучшаго кофе и столько же сахару кусками — перваго сорта — «и, пожалуй, еще на марку бѣлаго хлѣба, — онъ кажется свѣжій».

На эту месть у него, конечно, не было согласія праотцовъ, но зато онъ успокоилъ свою горячую кровь рабочаго — и его праотцы были удовлетворены.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ купецъ собралъ все, что Кинтури ему заказалъ. Барыня стала разсматривать мышеловку. Кинтури, который придумывалъ, какъ бы еще отомстить, взялъ мышеловку и кивнулъ лавочнику со словами: «Это я тоже беру».

И Кинтури наслаждался своей местью, несмотря на то, что слышалъ въ дверяхъ, какъ лавочникъ запрашивалъ съ барыни за телятину и за масло вдвое больше, чѣмъ самъ заплатилъ. «Повытряси-ка свою мошну, милая моя!» — подумалъ онъ, и у него явилось громадное желаніе самому вывернуть карманы барыни наизнанку.

Поведеніе лавочника ничуть не казалось Кинтури предосудительнымъ. Онъ находилъ, что лавочникъ поступаетъ только такъ, какъ того требуетъ его профессія, стараясь получить какъ можно больше выгоды въ ущербъ ему, Кинтури. Но эта барыня! Чортъ возьми, хорошо было бы вцѣпиться ей въ шею!

Кинтури поѣхалъ домой, но удрученное состояніе не покидало его, такъ какъ онъ продолжалъ думать о тѣхъ совѣтахъ, которые ему давали лавочникъ и рабочіе съ лѣсопилки. Однако, когда онъ свернулъ съ большой дороги, и его глаза, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ лампы, снова привыкли къ темнотѣ, а запахъ керосина и салаки исчезъ изъ его носа, и въ ушахъ пересталъ раздаваться рѣзкій звонъ лавочнаго колокольчика,—его стѣсненное сердце снова расширилось; понемногу успокоясь, онъ сталъ наблюдать, какъ неподвижныя сосны, вырисовывавшіяся въ туманѣ, мало-по-малу превращались въ сплошную стѣну. Въ концѣ-концовъ онъ самъ какъ бы исчезъ въ глубокой тишинѣ этой такъ хорошо ему знакомой пустыни.

И вотъ Кинтури стало казаться, что мышеловка, которую онъ съ собой везъ, представляетъ собою волшебство, при помощи котораго онъ снова встанетъ на ноги. Вѣдь въ концѣ-концовъ, быть можетъ, безсонница и есть причина того упадка силъ, который его такъ испугалъ вначалѣ. Если только мыши перестанутъ мѣшать ему спать по ночамъ, то онъ снова будетъ работать, какъ волъ. Днемъ онъ будетъ исполнять свою обычную работу, но отъ ночи онъ будетъ урывать часика два, когда случается, что подъ утро свѣтитъ мѣсяцъ; и онъ будетъ понемногу вывозить изъ лѣса бревна на большую дорогу, а оттуда около Рождества, когда установится санный путь, онъ легко доставитъ ихъ на лѣсопилку и такимъ образомъ смѣло заработаетъ пятерку въ день. Путте не очень-то разборчивъ на кормъ. Стоитъ ему слегка посыпать сѣчку мукой, и онъ жуетъ ее себѣ всю ночь и не выражаетъ никакого недовольства.

Пріѣхавъ домой, Кинтури вытеръ своего Путте пучкомъ соломы, спребъ въ конюшнѣ навозъ въ сторону, поставилъ сани подъ навѣсъ и вошелъ въ избу.

Семья уже поужинала.

Онъ поставилъ мышеловку на столъ, отдалъ кофе, хлѣбъ и сахаръ своей женѣ Мари, и сѣлъ, не говоря ни слова, ѣсть картофель.

Мари вопросительно взглядывала на него, но молчала, потому что хорошо видѣла, что мужъ не расположенъ къ разговору. Ее очень удивило щедрое приношеніе кофе и другихъ припасовъ. Правда, Кинтури и въ болѣе тяжелыя времена всегда заботился о томъ, чтобы у Мари не было недостатка въ кофе, хотя самъ онъ былъ равнодушенъ къ этому напитку; но такое изобиліе кофе, да еще съ прибавкой бѣлаго хлѣба. — это было нѣчто необыкновенное, и у Мари явилось подозрѣніе, что мужъ хочетъ какъ-нибудь

уколоть ее этимъ. Ее огорчило также и то, что Кинтури сидитъ и ѣстъ въ глубокомъ молчаніи, и никто изъ окружающихъ не знаетъ, о чемъ онъ думаетъ и что его удручаетъ.

Всѣхъ дѣтей въ избѣ было шестеро: пятеро маленькихъ и пятнадцатилѣтняя дѣвочка Ида. Какъ только отецъ пріѣхалъ, Ида сейчасъ же вышла съ дѣловымъ видомъ изъ избы и пошла въ конюшню задать корму Путте.

Кинтури совсѣмъ пропалъ бы безъ своей Иды, — она была его утѣшеніемъ и радостью, и съ такой дѣвочкой, — говорилъ онъ,— не надо и мальчиковъ! Она давала окрикъ на лошадей не хуже стараго конюха, она переѣзжала по льду на островъ и привозила домой возъ сѣна, она колола дрова, держала лошади ноги во время подковыванья, накладывала на дровни жерди и боронила овсяное поле. Эта дѣвочка была зѣницей ока Кинтури. Ее онъ не отпустилъ бы служить въ чужіе люди, если бы даже ему пришлось отдать ради нея послѣднее, что у него было.

Изъ меньшихъ дѣтей только одинъ былъ мальчикъ, остальные были все дѣвочки. Этого единственнаго мальчика звали Яковомъ.

Всѣ дѣти толпились вокругъ мышеловки и старались угадать, что это такое; дотронуться до нея никто не посмѣлъ изъ боязни отца, который былъ въ такомъ молчаливомъ настроеніи, — даже Яковъ, его любимецъ.

Кончивъ ѣсть, отецъ взялъ мышеловку, наполнилъ жестяной сосудъ водой, насыпалъ въ уголъ мышеловки крошекъ, оставшихся отъ ѣды, и, приказавъ дѣтямъ ложиться спать, ушелъ въ смежную горницу, гдѣ и заперся.

Эту горницу онъ самъ пристроилъ къ избѣ года два тому назадъ и съ тѣхъ поръ спалъ тамъ отдѣльно отъ остальной семьи. Мари спала съ дѣтьми въ избѣ.

Войдя въ горницу, Кинтури поставилъ мышеловку въ уголъ между печкой и стѣной, гдѣ у мышей была лазейка, и бросился на постель.

Онъ лежалъ тихо, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ углу заскребла мышь.

Она, навѣрное, разсматриваетъ теперь мышеловку со всѣхъ сторонъ. Вотъ она дотронулась до нея, вотъ затремѣла одна изъ подвижныхъ частей мышеловки.

Потомъ все затихло, и долго ничего не было слышно.

Мысли Кинтури покинули мышеловку и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ. Сперва, какъ и всегда за послѣднее время, онѣ остановились на обыскѣ, который такъ взволновалъ Кинтури и перевернулъ всю его жизнь. Кинтури вспомнилъ сцену съ хозяи-

номъ, съ которымъ онъ вошелъ въ такія рѣзкія пререканія. Потомъ онъ перенесся въ далекія времена, когда онъ только что женился на Мари и принялъ отъ отца этотъ торпъ.

Въ углу опять загремѣло.

Эта шельма гремитъ себѣ только, а въ мышеловку не входитъ!

Вѣроятно, ее поражаетъ блестящая жесть. И Кинтури всталъ съ постели, взялъ изъ печки золы, поплевалъ на нее и замазалъ ею жестяную кружку въ мышеловкѣ.

Потомъ онъ опять тихо улегся въ постель и сталъ ждать. А мысли снова стали тѣсниться въ его головѣ и безпорядочно неслись впередъ, какъ десятокъ деревенскихъ лошадей, впряженныхъ въ треугольникъ для расчистки дороги отъ снѣга. Такъ начинается долгая безсонная ночь.

На подоконникъ упали косые лучи луны. Изъ этого Кинтури заключилъ, что было уже за полночь. До него ясно доносилось изъ избы спокойное храпѣніе Мари — его Мари, съ которой онъ прожилъ вмѣстѣ лучшіе годы своей жизни. Прежде, когда они спали вмѣстѣ въ избѣ въ общей кровати, и когда мысли начинали одолѣвать его, ему стоило только повернуть голову такъ, чтобы она прислонилась къ плечу спящей Мари — и онъ сейчасъ же успокаивался и засыпалъ.

Но вотъ уже два года, какъ они спятъ врозь. Какъ Кинтури, такъ и Мари много думали о томъ, насчетъ чего предостерегалъ лавочникъ, но они не нашли никакого средства выйти изъ затрудненія и только старались отвыкнуть другъ отъ друга. Правда, послѣдній ребенокъ служилъ доказательствомъ того, что Кинтури не обладалъ въ достаточной степени силой воли, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ пристроилъ себѣ горницу, онъ очень скоро привыкъ къ новому положенію вещей. Къ этому разврату много способствовало и то обстоятельство, что Кинтури, во избѣжаніе проявленія какой бы то ни было нѣжности, напустилъ на себя суровость и сварливость. Однако, Мари составила себѣ совсѣмъ иное понятіе о причинѣ его суровости: она увѣрила себя въ томъ, что Кинтури просто разлюбилъ ее. И она зажила своей собственной жизнью въ обществѣ своихъ дѣтей. Конечно, она не могла подозрѣвать, на какія хлѣбородныя поля Кинтури выводилъ ее, на какихъ прекрасныхъ лошадяхъ съ серебряной сбруей онъ ее каталъ и какіе золотые дворцы онъ для нея строилъ... во время безсонныхъ ночей, когда онъ переворачивался въ своей постели съ боку на бокъ.

И вотъ передъ Кинтури снова пронеслась вся исторія его женитьбы и его совмѣстной жизни съ Мари вплоть до этого дня.

Ему было только двадцать два года въ то лѣто, когда онъ въ первый разъ увидалъ Мари. А Мари только что исполнилось восемнадцать лѣтъ; она была высокая, стройная дѣвушка съ узломъ мягкихъ волосъ, завернутыхъ высоко на темени, и въ широкихъ модныхъ рукавахъ. Она пріѣхала съ господами, у которыхъ служила горничной.

Что это были за господа — Кинтури такъ и не зналъ до сихъ поръ хорошенько. Какъ перелетныя птицы, которыя опускаются то тутъ, то тамъ, такъ и эти господа совершенно случайно попали это лѣто въ ту мѣстность. Тогда тамъ появились блѣднолицыя барышни съ разноцвѣтными зонтиками, молодые люди въ блузахъ и короткихъ штанахъ, барыни и баре. Всѣ они говорили по-фински, но, несмотря на это, понимать ихъ было очень трудно. Они ходили осматривать весенніе ручейки, принимали ягнятъ за телятъ и очень нѣжно относились ко всѣмъ живымъ существамъ.

— О, что за великолѣпная сосна! Посмотрите на эти вѣтви, сколько мощи въ нихъ, какъ красиво онѣ извиваются!

Таковъ былъ ихъ разговоръ. А иногда они садились и начинали рисовать эти сосны. Иногда они прислушивались къ ихъ шуму; любовались облаками; протягивали руки къ озеру и говорили о родинѣ. Все имъ нравилось, все ихъ трогало, они даже собирали камешки и оплакивали цвѣточки, когда приближалось время сѣнокоса. Хозяинъ двора, гдѣ они жили, какъ будто понималъ ихъ немного, но остальные совсѣмъ ихъ не понимали. Но потому-то у хозяина и вскружило голову, и отъ этого произошло много зла. Дѣло въ томъ, что и онъ заговорилъ объ отечествѣ, надѣлъ на своихъ дочерей шляпы и отдалъ ихъ въ школу. Мало-по-малу онъ пріобрѣлъ привычки господъ, и его земля должна была приносить ему больше денегъ. Онъ началъ продавать лѣсъ. Для начала онъ продалъ лѣсъ изъ родового торпа Кинтури, тотъ лѣсъ, изъ котораго Кинтури бралъ бревна и другой строевой матеріалъ. Съ этого и начались недовольства между торпаремъ и хозяиномъ. Развѣ допустимо что-либо подобное? Теперь на долю этого торпа выпала новая тягота, такъ какъ весь строевой матеріалъ приходилось покупать. Но этого мало.

Однажды, собирая въ лѣсу грибы, господа подошли къ избѣ Кинтури. Они пришли въ восторгъ отъ живописнаго мыса, на которомъ былъ расположенъ торпъ, и вступили въ переговоры съ хозяиномъ о покупкѣ этого мѣста подъ дачу. Тогда между хо-

зяиномъ и семьей Кинтури произошли большія недоразумѣнія, такъ какъ хозяину очень хотѣлось продать торпъ, а старый Кинтури негодовалъ на хозяина за то, что тотъ посмѣлъ подумать о чемъ-либо подобномъ. Отецъ Кинтури и дѣдъ его воздѣлали этотъ торпъ на берегу лѣсного озера въ пустынномъ мѣстѣ и для вѣрности обнесли его даже каменной оградой, на сооруженіе которой дѣдъ пожертвовалъ лучшими годами своей жизни. Хозяинъ объявилъ тогда, слѣдуя совѣтамъ господъ, что, собственно говоря, такого закона нѣтъ, который защищалъ бы права на извѣстный участокъ земли того, кто обнесъ этотъ участокъ каменной изгородью, и что единственное законное удостовѣреніе въ правахъ собственности представляетъ собою бумага, которой, однако, въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Съ этого началась ненависть всѣхъ Кинтури къ господамъ вообще. Имъ и потомъ не разъ еще приходилось защищать свой торпъ отъ посягательствъ господъ. Но въ тотъ разъ дѣло кончилось бы очень плохо для Кинтури, если бы господская служанка Мари, въ которую влюбился Кинтури, не спасла ему торпъ.

Мари увѣрила своихъ господъ, что поблизости отъ этого мѣста лѣсъ кишитъ змѣями. Это такъ напугало господъ, что всѣ переговоры о покупкѣ торпа сейчасъ же прекратились.

Изъ этого хитроумнаго поступка Мари Кинтури вывелъ то заключеніе, что и она любитъ его, и онъ влюбился въ нее еще больше.

И Кинтури воскресилъ теперь въ своей памяти это время до мельчайшихъ подробностей. Онъ вспомнилъ, съ какимъ трудомъ ему удавалось вначалѣ говорить съ Мари въ кухнѣ, какъ они едва успѣвали обмѣниваться нѣсколькими словами, но уже изъ этихъ словъ поняли, что любятъ другъ друга, какая это была радость для нихъ, какъ онъ потомъ началъ приходить въ кухню въ отсутствіе господъ, и наконецъ позже вечеромъ, когда господа уже спали; какъ Мари отчасти вслѣдствіе этого должна была оставить свое мѣсто, какъ они потомъ поженились, какъ отецъ передалъ ему торпъ, и какъ хозяинъ на это согласился подъ условіемъ, что оброкъ увеличивался почти вдвое противъ прежняго.

Слѣдствіемъ этого новаго оброка было то, что Кинтури сразу пришлось очень туго. Но онъ былъ молодъ и могъ работать, какъ волъ. Дѣти у нихъ появлялись на свѣтъ почти каждый годъ, два раза родились двойни. Мари также было не легко. Узелъ волосъ на ея темени съ каждымъ годомъ, какъ будто, спускался все ниже и ниже; большую уборку въ избѣ она производила все рѣже, посуда не блестѣла больше, какъ прежде, она перестала сажать

цвѣты и завѣшивать свои окна гардинами, а этотъ хорошій обычай она переняла отъ своихъ господъ и старалась какъ можно дольше соблюдать его. Дѣти оборвали украшенія съ полокъ, запачкали обои и наколотили некрасивые знаки на столахъ и стульяхъ. Въ концѣ концовъ, Мари пришла къ тому заключенію, что чистота слишкомъ тяжелая обуза для жены торпаря со множествомъ дѣтей. Мало-по-малу она потеряла свой прежній обликъ и превратилась въ обыкновенную крестьянку; и она забыла бы совершенно всѣ господскія привычки, если бы Кинтури самъ не желалъ, чтобы она ихъ не бросала. Кинтури ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ не доставилъ Мари той жизни, которой она была достойна. И онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы Мари не чувствовала тисковъ бѣдности. А потому-то у Мари всегда долженъ былъ быть кофе съ сахаромъ, и свое платье она должна была шить такъ же нарядно, какъ и прежде.

Самъ онъ уже давно замѣтилъ, къ своему ужасу, что дѣла его становились все хуже и хуже.

По мѣрѣ того, какъ проходила ночь, мысли Кинтури становились все мрачнѣе. Онъ началъ подсчитывать свои долги, сперва съ одного конца, потомъ съ другого, сперва безъ процентовъ, потомъ съ процентами. Въ полумракѣ, въ которомъ смутно выдѣлялось лишь окно на фонѣ луннаго свѣта, пробивавшагося сквозь облака, въ полной тишинѣ, не нарушаемой ни дѣтскимъ пѣньемъ, ни возней Мари, его духовное око раскрылось шире, и ничто не скрывало отъ него грозной дѣйствительности во всей ея наготѣ, и чѣмъ дальше онъ подсчитывалъ свои долги, тѣмъ яснѣе понималъ, что для него нѣтъ никакого спасенія. Сегодня для него угасла послѣдняя надежда. Лавочникъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его, когда Кинтури заговорилъ съ нимъ о своемъ денежномъ затрудненіи; а лавочникъ былъ единственный человѣкъ, къ которому Кинтури могъ обратиться за помощью. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что̀ именно теперь послѣдуетъ. Хозяинъ, конечно, отниметъ отъ него торпъ на томъ основаніи, что Кинтури не можетъ уплатить ему долга, — и торпъ продадутъ какому-нибудь чужому человѣку.

Но это не должно случиться, нѣтъ, никогда, никогда!

Онъ перевернетъ сотни тунландовъ земли и выкопаетъ тысячи саженъ канавы, но позоръ разоренія никогда не падетъ на его голову. Онъ никогда не попадетъ въ богадѣльню и не позволитъ своимъ дѣтямъ разсѣяться по бѣлу-свѣту. Нѣтъ, никогда! Передъ этимъ страшнымъ призракомъ силы Кинтури удесятеряются, и онъ превращается въ сказочнаго богатыря. Но въ то же

время въ головѣ Кинтури проносится другая мысль: послушай, Кинтури, вѣдь ты теперь больше не тотъ, что былъ въ молодости, — человѣкъ съ неизсякаемой силой и стальными нервами. За послѣднее время ты ослабѣлъ, и у тебя явилась потребность въ отдыхѣ. Это была страшная мысль, она покрыла все тѣло Кинтури холоднымъ потомъ, она сдавила ему грудь и стѣснила дыханіе. Ибо если ему измѣнятъ силы, то потухнетъ и послѣдняя искра надежды. И передъ Кинтури встаетъ наводящая ужасъ картина: онъ видитъ, какъ его семья покидаетъ родной торпъ, и его Ида въ послѣдній разъ слышитъ ржаніе Путте. Нѣтъ, никогда!

Мучимый такими мыслями, Кинтури метался по своей постели и возбуждался все больше и больше. Несмотря на то, что онъ не спалъ, его душилъ кошмаръ: грозная картина разоренія росла надъ нимъ, надвигалась на него съ боковъ, онъ чувствовалъ ее подъ собой, на себѣ, — вотъ, вотъ она задушитъ его!

И вдругъ въ его головѣ пронеслась безумная мысль: отворить дверь, войти въ избу, разбудить Мари и лечь рядомъ съ ней, чтобы выплакаться. Мари обовьется своими руками вокругъ его шеи, будетъ утѣшать его и ласкать — и онъ забудетъ съ ней всѣ свои заботы. И Кинтури охватило такое блаженное чувство, его сердце такъ сладко забилось при этой мысли, что онъ дѣйствительно всталъ съ постели и, шатаясь, пошелъ къ двери.

Но въ то же мгновеніе тысячи голосовъ закричали ему:

— Что ты дѣлаешь, Кинтури?! Развѣ ты не принялъ твердаго рѣшенія держаться въ сторонѣ отъ избы?

— Развѣ я не могу выплакать у нея свое горе? Или она больше не *моя* Мари?

И когда онъ при этомъ посмотрѣлъ на свою постель, то ему показалось, что лечь на нее — это все равно, что отправиться на пытку.

— Кинтури, вернись и лягъ! — кричали ему голоса.

Но Кинтури направился невѣрными шагами къ двери. Кровь горячей волной приливала къ его сердцу, и онъ содрогался передъ тѣмъ, что дѣлаетъ. Онъ растворилъ дверь и вошелъ въ избу.

Мари проснулась въ ту же минуту, приподнялась въ постели и, ничего не понимая спросонья, спросила рѣзко:

— Что тебѣ надо?

Кинтури сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то на печкѣ и отвѣтилъ болѣе грубо, чѣмъ обыкновенно:

— Куда, къ чорту, дѣвала ты кружку съ квасомъ?

— Да она на верстакѣ, — отвѣтила Мари и перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ.

Кинтури подошелъ къ верстаку и отпилъ нѣсколькими большими глотками кислой жидкости. Когда онъ кончилъ пить, то по ровному дыханію услыхалъ, что она уже заснула.

Тогда онъ повернулся и пошелъ въ свою комнату.

Глубоко вздыхая и чувствуя изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, онъ бросился на постель и сталъ разговаривать со своими праотцами, стараясь увѣрить ихъ, что онъ дѣйствительно ходилъ въ избу только для того, чтобы напиться. И онъ удостоился отъ своихъ праотцовъ похвалы за свою стойкость.

Потомъ на него вдругъ нашла истома, его глаза закрылись, и, совершенно незамѣтно для него самого, его мысли вдругъ перенеслись въ благодатную страну свободы.

О, что за покой, что за тишина царятъ въ странѣ блаженныхъ! Солнце сіяетъ, раздается пѣніе жаворонковъ. Самъ Кинтури идетъ за плугомъ по плодородной нивѣ Создателя; рыхлая, черная земля мягко разворачивается подъ плугомъ, а въ бороздахъ скачутъ трясогузки. Изгородей нигдѣ не видать, не видно также и межевыхъ камней, а каждый владѣетъ тѣмъ участкомъ земли, который онъ самъ для себя обработалъ. Дѣти не приносятъ съ собой бѣдности и заботы, а одни лишь радость и богатство, потому что они не служатъ обузой. Мальчики ухаживаютъ за молодыми жеребятами, дѣвочки няньчатъ маленькихъ дѣтей, и у каждаго есть своя любимая работа на родномъ дворѣ. Вотъ Августъ уже идетъ къ пашнѣ: «Отецъ, дай мнѣ окончить работу», — говоритъ онъ. «Кончай себѣ!» И сынъ поднимаетъ плугъ съ молодой мощью, трясетъ его, поворачиваетъ и начинаетъ новую борозду. Кинтури садится на край канавы, вытираетъ потъ и съ тихой радостью любуется напряженными мускулами сына. Потомъ онъ встаетъ, набиваетъ свою трубку и медленно направляется къ дому. Уже издали до него доносятся удары ткацкаго станка Мари. На дворѣ онъ беретъ на руки младшаго ребенка и идетъ съ нимъ въ избу. Отворивъ дверь, онъ останавливается на порогѣ. Мари ихъ не замѣчаетъ, она продолжаетъ шумѣть станкомъ и усердно ткетъ. Ея волосы собраны въ мягкій узелъ высоко на затылкѣ, на ней надѣтъ лифъ безъ рукавовъ, а рукава сорочки не доходятъ и до локтей, на ногахъ одни чулки. Однако, ребенокъ не хочетъ въ избу, онъ хочетъ итти опять на дворъ играть, и Кинтури опускаетъ его на полъ. Тогда Мари отворачивается отъ ткацкаго станка и смотритъ на него съ ласковой улыбкой. Одно мгновеніе они смотрятъ другъ на друга и читаютъ другъ у друга въ мысляхъ. Кинтури кажется, будто онъ ей говоритъ: «Хотя въ этой небесной странѣ появленіе на свѣтъ ребенка и при-

носитъ съ собой лишь благословеніе и счастіе, но я все-таки буду держаться вдали отъ тебя, моя милая Марія, потому что я не хочу быть причиной новыхъ страданій для тебя, не хочу еще больше подрывать твои ослабѣвшія силы и давать еще больше работы твоимъ слабымъ рукамъ».

А Мари какъ будто отвѣчаетъ ему съ ткацкаго станка:

«Ты говоришь такъ, словно ты не забылъ еще жалкой земли со всѣми ея заботами. Развѣ ты не видишь, что дочери мои уже выросли, и что онѣ пасутъ ягнятъ и няньчатъ маленькихъ дѣтей? И если бы даже меня ожидали самыя ужасныя страданія и въ днѣ не хватало бы часовъ для моей работы, то я все-таки не оттолкнула бы тебя, если бы ты пришелъ ко мнѣ за утѣшеніемъ. А если бы небо благословило меня, то неужели ты думаешь, что я изъ боязни труда оттолкнула бы его великіе дары?»

Когда Кинтури прочелъ эти мысли у Мари, его охватило чувство такого великаго, ошеломляющаго счастія, что онъ весь затрепеталъ. И онъ сдѣлалъ по направленію къ Мари два шага.

И Мари также встала изъ-за станка и пошла къ нему навстрѣчу.

Но какъ-разъ въ то мгновеніе, когда Мари подошла къ нему и уже протянула руки, чтобы обнять его за шею, что-то хлопнуло, и Кинтури проснулся и сѣлъ въ постели.

Все было по-старому. Блѣдная луна едва свѣтитъ сквозь завѣсу тумана и уже зашла за окно. Буря треплетъ старыя, обнаженныя вѣтви березы передъ окномъ. Августъ на заработкѣ въ городѣ, самъ Кинтури обязанъ отбывать хозяину четыре дня барщины въ недѣлю; лавочнику запродана вся телятина и все масло; Хильда служитъ въ городѣ у господъ, а Ида ходитъ за Путте въ конюшнѣ.

Но что это былъ за стукъ?

Теперь въ комнатѣ царила снова полная тишина. Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ послышалось, какъ мышь грызетъ желѣзную рѣшетку. Тогда Кинтури понялъ, что стукъ, разбудившій его, произошелъ оттого, что мышеловка захлопнулась.

Значитъ, мышь въ концѣ-концовъ попалась-таки въ ловушку. Она безпокойно грызла рѣшетку, потомъ переставала грызть, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, затѣмъ снова грызла. Однако, въ верхнюю клѣтку она такъ и не забралась.

Кинтури всталъ съ постели, пошелъ, согнувшись, въ уголъ и поднялъ съ пола мышеловку. Въ переднемъ отдѣленіи мышеловки, прижавшись въ уголъ, сидѣла мышь. При слабомъ отблескѣ луннаго свѣта можно было ясно различить только ея чер-

ные глазки, которые съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣли на Кинтури изъ-за желѣзной рѣшетки. Очевидно, мышь ждала перваго удобнаго мгновенія, чтобы какъ-нибудь спастись.

— Ты, я вижу, мышиная матка, — заговорилъ Кинтури, — видно также, что ты вовсе и не думаешь, что гибель твоя неизбѣжна, ты и понятія не имѣешь о томъ, какая это удивительная ловушка. А я тебѣ скажу, что теперь тебѣ пришелъ конецъ.

И Кинтури просунулъ сквозь рѣшетку гвоздь, которымъ хотѣлъ заколоть мышь.

— Ишь, какая шельма! Тебѣ хочется вцѣпиться въ гвоздь зубами? Попробуй только! Небось, гвоздя зубами не перегрызешь! А то, быть можетъ, тебѣ пріятнѣе утонуть, а?

Но мышь упорно отказывалась итти въ клѣтку надъ сосудомъ съ водой, какъ Кинтури ее туда ни загонялъ.

— Не все ли равно, бѣдная мышка, какъ умереть: свалиться въ воду или попасть на гвоздь? А? Какъ ты думаешь? Ты все еще смотришь? Можетъ быть, у тебя въ норкѣ остались мышата, и они пищатъ тамъ теперь? Конечно, и на ихъ долю должно было перепасть крошекъ изъ мышеловки? Да, да, они поджидаютъ тебя: «мама скоро придетъ, мама такая умная, она въ мышеловку не попадетъ». А ты все-таки попала въ ловушку. Да и самъ папа когда-нибудь попадетъ сюда. Можетъ быть, онъ умнѣе всей своей семьи, а онъ все-таки попадетъ въ мышеловку. Да, скажу я тебѣ, бываетъ, что и папѣ приходится очень плохо, хотя дѣти и не подозрѣваютъ этого, когда они вечеромъ у очага взбираются къ нему на колѣни, обнимаютъ его и болтаютъ съ нимъ, стараясь научиться у него уму-разуму. Нѣтъ, бѣдная мышка! Намъ съ тобой выхода нѣтъ! Желѣзную рѣшетку зубами не перегрызешь, а спасенія ожидать не отъ кого...

Но вдругъ Кинтури спохватился и замѣтилъ, что сидитъ на полу, и что на глазахъ у него слезы, и ему стало досадно на себя. Онъ пошелъ съ мышеловкой къ наружной двери, растворилъ ее и швырнулъ мышеловку на сугробъ снѣга. При этомъ онъ нарочно далъ раскрыться жестяной задвижкѣ въ мышеловкѣ, такъ что мышь выскочила изъ нея въ то время, какъ она летѣла по воздуху. Видно было, какъ какой-то клубочекъ упалъ на снѣгъ и въ слѣдующее мгновеніе скрылся подъ домомъ.

Кинтури снова заперся въ своей комнатѣ и началъ натягивать на себя штаны. Онъ хотѣлъ воспользоваться луннымъ свѣтомъ въ этотъ ранній утренній часъ, чтобы навозить изъ лѣсу бревенъ къ большой дорогѣ. А оттуда онъ собирался передъ Рождествомъ свезти ихъ на лѣсопилку.

II.

КОРОБЕЙНИКЪ.

Что это за шумъ? — спрашивали другъ друга деревенскіе мальчики, навостряя уши.

— Что тамъ такое везутъ? — удивлялись прачки на берегу.

— Это сюда везутъ что-то, — рѣшили работники, точившіе свои косы на точильномъ камнѣ, и бросились навстрѣчу приближавшемуся громыханію.

А за ними побѣжали всѣ, — мальчики, бабы, мужики, чтобы поскорѣе увидать, откуда происходитъ этотъ необыкновенный шумъ, доносившійся съ дороги, которая вела на кузницу.

Коробейникъ, направлявшійся въ деревню, поднимался какъ разъ со своей тяжелой ношей по крутому береговому косогору, изъ-за котораго онъ видѣлъ только край неба. Обливаясь потомъ, онъ дошелъ до половины горы, и тогда только обратилъ вниманіе на странный шумъ и сталъ оглядываться по сторонамъ.

Навстрѣчу ему съ горы спускалась сѣнокосилка, которую только что купилъ себѣ хозяинъ имѣнія Ваниккала. Теперь сѣнокосилку везли на береговой лугъ; машину тянуло подъ гору, и пара лошадей, впряженныхъ въ нее, съ силою упиралась ногами въ землю. Желтыя колеса, красныя оси и сверкавшія на солнцѣ стальныя части машины бросались въ глаза издали и ослѣпляли своими яркими красками. Кузнецъ, тупоухій и раздражительный человѣкъ, трясся въ корзинкѣ, приспособленной для сидѣнья, и старался успокоить лошадей, пугавшихся громыханья металлическихъ частей. Темные силуэты мальчиковъ, вырисовавшихся на свѣтломъ фонѣ неба, казались коробейнику пляшущими чертенятами. За мальчиками показались мужчины, а за мужчинами бѣжали женщины съ развѣвающимися юбками.

Бородатый коробейникъ съ раздраженіемъ махнулъ рукой. «Ишь, не видали раньше такого дива!» Люди бѣгутъ, какъ сумасшедшіе, и даже не замѣчаютъ его, Михаила. А раньше, бывало, стоило ему только показаться въ деревнѣ, какъ вокругъ него собиралась толпа, и онъ сидѣлъ, словно король, среди своихъ товаровъ, разложенныхъ на пригоркѣ или на полу въ какой-нибудь избѣ. Теперь всѣ бѣгутъ мимо него, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія; никто не спроситъ даже, что новенькаго онъ принесъ въ своемъ коробѣ, какіе у него есть ситцы, ленты, матеріи, пуговицы, бусы, кошельки, записныя книжки, платки, цѣпочки, кольца.

— Противная машина! Чтобъ ей провалиться!

Коробейникъ сталъ снова взбираться на гору, и когда онъ, наконецъ, дошелъ до вершины, то передъ его глазами раскинулась безлюдная деревня. Тяжело дыша, онъ свалилъ со своей спины тяжелую ношу на камень, самъ сѣлъ на землю и, бросивъ фуражку рядомъ съ собой, сталъ вытирать краснымъ клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лысой головы.

Скотина! Сѣнокоса еще нигдѣ не начали, но видно, что машину эту онъ себѣ только что завелъ, разъ у него нѣтъ терпѣнія дождаться настоящаго времени для сѣнокоса, и разъ онъ даже не обращаетъ вниманія на грозовую тучу. А Михаилъ, точно нарочно, постарался выбрать лучшее время для этой деревни, такое время, когда мужчины еще заняты приготовленіемъ граблей на сѣновалахъ, а женщины пекутъ хлѣбъ и заготовляютъ пиво къ сѣнокосу. Никогда еще во всю его жизнь ему не приходилось совершать такого несчастнаго путешествія, какъ въ эту весну, и никогда еще собаки не лаяли на него съ такой яростью. Но, конечно, ничего другого и нельзя было ожидать: вѣдь онъ забылъ поставить свѣчку передъ иконой преподобнаго Михаила, прежде чѣмъ отправиться въ путь!

И вотъ рабъ божій Михаилъ погрузился въ размышленія по поводу превратности судьбы и, главнымъ образомъ, по поводу той странной путаницы, которая происходила въ послѣднее время. Больше десяти лѣтъ онъ странствуетъ по Финляндіи, но никогда еще чувство тоски не овладѣвало имъ съ такой силой, и онъ не зналъ, какъ избавиться отъ него.

Ужъ не вернуться ли домой, къ роднымъ полямъ Карелiи? Но тамъ не ждетъ его наслѣдство послѣ отца, тамъ для него нѣтъ земли, тамъ онъ можетъ быть только батракомъ у чужого человѣка. А въ качествѣ батрака Михаилъ не хочетъ итти за плугомъ, не хочетъ вытаскивать изъ воды неводъ или выслѣживать въ лѣсу дичь. Нѣтъ, лучше Михаилъ будетъ бродить съ коробомъ на спинѣ и пойдетъ, куда глаза глядятъ, но зато онъ останется свободнымъ и самъ будетъ выбирать себѣ работу. Лучше это, нежели въ качествѣ наемника рыть канавы на чужой землѣ или вязать чужой частоколъ. Правда, онъ живетъ бобылемъ, но зато онъ свободенъ.

Встарину, говорятъ, все было иначе.

Покойный отецъ разсказывалъ, что были времена, когда людямъ не надо было уходить изъ родного края, чтобы торговать, а всѣ жили въ насиженныхъ мѣстахъ своихъ дѣдовъ. Братья и сестры, зятья и невѣстки, шурья и золовки—всѣ жили въ одной де-

TAYLOR IN

ревнѣ вокругъ стараго дѣда. Покойный отецъ не разъ разсказывалъ, какъ, бывало, въ его молодые годы всѣ односельчане собирались въ сумерки въ сосновой избѣ, а къ нимъ присоединялись поселяне и изъ чужихъ деревень. Тогда люди находили время собираться вмѣстѣ. Эти чужіе пѣли рука объ руку со старымъ дѣдомъ, а остальные, женщины и мужчины, слушали съ улыбающимися лицами, сидя на длинныхъ лавкахъ вокругъ стѣнъ избы. Пѣвцы пѣли и разсказывали о свободныхъ герояхъ Калевалы, о народѣ, который не былъ въ рабствѣ и на оброкѣ у чужихъ баръ, а подчинялся лишь королю-пѣвцу и учился мудрости у кузнеца Ильмаринена.

Но вотъ пришли чужіе люди, забравшіе въ свои руки власть, и они запретили всякую охоту въ лѣсахъ. Въ странѣ наступили тяжелыя времена. Тогда отецъ сказалъ дѣду: «Оброковъ платить я не буду, я продамъ свое наслѣдство и пойду искать поденной работы на фабрикахъ». Но дѣдъ отвѣтилъ съ печки: «Лѣса у тебя отнять могутъ, но не разумъ; если у тебя и отнимутъ лѣса, то это еще не значитъ, что ты сейчасъ же долженъ итти въ батраки къ господамъ. Нѣтъ, Онтрей, сынъ мой, возьми-ка лучше на плечи коробъ, наполни его мелкимъ фабричнымъ товаромъ и пойди торговать по бѣлу-свѣту! Если здѣсь нѣтъ свободы, то, быть можетъ, она найдется въ другомъ мѣстѣ. Свѣтъ широкъ, границъ ему нѣтъ; тотъ же вѣтеръ дуетъ повсюду, вездѣ то же солнце, та же луна, и люди вездѣ тѣ же. Ахъ, не продавай своей свободы! Карелъ не можетъ служить батракомъ!»

Михаилъ вспомнилъ и то, что его старикъ отецъ сказалъ ему, когда онъ въ первый разъ одинъ отправился за финскую границу: «Тебя встрѣтятъ двѣ непріятности; первая — это финскій ленсманъ, вторая — твоя собственная тоска. Ленсмана ты долженъ стараться избѣгать, тоску не подпускай къ себѣ близко». И чтобы онъ могъ противостоять тоскѣ, его отецъ уже давно, когда онъ еще мальчикомъ ходилъ съ нимъ въ Лиминго и на Кеми, или когда они бродили по окрестностямъ Або и по богатымъ берегамъ Кумо, постарался запечатлѣть въ его памяти старыя пѣсни его родины. Но въ тѣ времена Михаилъ не сумѣлъ оцѣнить этого. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и онъ забылъ родныя пѣсни, потому что онѣ не были ему нужны. Но теперь онъ почувствовалъ въ нихъ потребность. Теперь — теперь онъ хотѣлъ бы припомнить ихъ. Онъ запѣлъ было одну изъ нихъ, слова вертѣлись у него на языкѣ, онъ произнесъ одну или двѣ руны, «но какъ же это было дальше?» и «нѣтъ, это было не такъ», и онъ замолкъ. Михаилъ почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, и тоска все глубже и глубже закрадывалась въ его душу.

Предостереженія его отца относительно ленсмана не имѣли больше значенія. Ленсманы стали теперь друзьями Михаила, — объ этомъ его отецъ едва ли смѣлъ мечтать когда-нибудь, — такъ что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ спокоенъ. Было нѣчто гораздо болѣе непріятное. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде лучше всего торговалъ, теперь къ нему совершенно охладѣли. Куда онъ прежде, избѣгая парадnаго входа, какъ свой человѣкъ входилъ съ кухоннаго крыльца, въ тѣхъ большихъ усадьбахъ, гдѣ прежде, бывало, господа собирались въ кухнѣ вокругъ его короба и, смѣясь, старались скрыть его отъ глазъ ленсмана или мѣстнаго купца, тамъ теперь тѣ же господа выгоняли его изъ кухни и травили на него собакъ. Почему же весь свѣтъ точно перевернулся теперь вверхъ днюмъ? Теперь онъ заходилъ со своимъ коробомъ только въ бѣдныя лѣсныя избушки, гдѣ больше глазѣли на его товары и почти ничего не покупали у него. Чтобы имъ пусто было, этимъ толстолюбымъ финскимъ торпарямъ! Михаилъ не могъ ихъ терпѣть. Эти несчастные утнетенные крестьянскіе рабы представлялись ему слезливыми, забитыми старыми бабами.

И Михаилъ съ досадой махнулъ рукой на всѣ эти непріятныя мысли и попробовалъ было снова запѣть, но не могъ припомнить словъ пѣсни. Тогда онъ перевернулся на животъ, положилъ голову на руки и, уткнувшись бородатымъ лицомъ въ траву, принудилъ себя заснуть.

Между тѣмъ сѣнокосилку привезли къ берегу на самый конецъ длиннаго клевернаго луга.

Всѣ деревенскія дѣти, а также всѣ взрослые, которымъ хоть на минуту удалось оставить работу, прибѣжали къ воротамъ берегового луга, куда въѣхалъ кузнецъ съ сѣнокосилкой.

Ждали только хозяина.

Кузнецъ еще разъ осмотрѣлъ различныя части машины и кое-гдѣ смазалъ масломъ. Мальчики кучками стояли вокругъ, но держались тихо изъ страха передъ сердитымъ кузнецомъ.

Взрослые также стояли молча.

Причиной этому было присутствіе молодого барина изъ Гельсингфорса, который жилъ въ верхнемъ этажѣ въ усадьбѣ Ваникола. Большая часть обитателей деревни въ первый разъ видѣла его вблизи. И ихъ любопытство въ одинаковой степени относилось какъ къ молодому барину, такъ и къ сѣнокосилкѣ. Съ раскрытыми ртами они разсматривали всѣ подробности его внѣшности: его позу, его платье, цѣпочку отъ часовъ, воротникъ, его странные на тонкихъ подошвахъ и пуговицахъ башмаки и его длинную, очень хорошую папиросу.

Всѣ находили, что онъ очень красивъ. Его носъ былъ изящно согнутъ, на верхней губѣ выдѣлялись темные усы, а на подбородкѣ красовалась маленькая бородка.

Правда, что здѣсь же раньше видали много господъ. Но теперь у людей были особыя причины къ любопытству. Объ этомъ важномъ молодомъ баринѣ ходили по деревнѣ странные слухи. Увѣряли, что его отецъ, высокопоставленный военный, послалъ своего сына въ деревню на исправленіе, такъ какъ въ городѣ онъ велъ слишкомъ шумный образъ жизни. Однако, несмотря на всѣ эти слухи, онъ все-таки не обращалъ бы на себя такого вниманія, если бы онъ не былъ такъ красивъ и такъ изященъ. Многіе совсѣмъ забыли, зачѣмъ прибѣжали сюда, и стояли съ широко раскрытыми ртами, пожирая его глазами. Они были поражены тѣмъ, что такого барина послали на исправленіе въ *деревню,* гдѣ не было ни больницъ, ни санаторій, а были только луга и пустынныя болота.

Молодой человѣкъ стоялъ у воротъ, черезъ которыя въѣхала сѣнокосилка. У него было блѣдное и худое лицо со впалыми щеками. Онъ съ увлеченіемъ сосалъ свою папироску, втягивая щеки, и его каріе глаза разсѣянно переходили съ одного предмета на другой. Повидимому, онъ замѣтилъ, что былъ причиной воцарившейся тишины, но онъ не могъ придумать никакого предлога, чтобы подойти къ этимъ людямъ, и онъ давно ушелъ бы отъ перекрестнаго огня любопытныхъ взоровъ, если бы его не останавливало желаніе посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ машина на крестьянъ. Вѣдь эта машина со всѣми ея необыкновенными колесами и зубьями была изобрѣтеніемъ *его* класса, и въ этой мысли онъ находилъ себѣ какъ бы поддержку.

— Вотъ онъ идетъ! — сказалъ Кинтури, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими работниками стоялъ въ концѣ луга, опираясь на косу. Работники только что косили тотъ конецъ луга и, сдвинувъ шапки на затылокъ, они вытирали рукавомъ рубахи потъ со лба.

Хозяинъ Кинтури, обладатель помѣстья Ваниккола, показался на косогорѣ. Его толстое, неуклюжее тѣло переваливалось съ боку на бокъ. При видѣ его, Кинтури насмѣшливо улыбнулся.

По мнѣнію Кинтури, появленіе дачниковъ въ этомъ краю было первой побудительной причиной большого превращенія въ усадьбѣ Ваниккола, чему онъ былъ свидѣтелемъ подъ старость.

А потому, когда онъ пришелъ въ это жаркое лѣтнее утро со своей косой на береговой лугъ и увидалъ сѣнокосилку съ парой лошадей, то онъ сжалъ губы и заморгалъ глазами: «Ну еще бы!—

подумалъ онъ, — какъ же нашему хозяину обойтись безъ этакой штуки? Чортъ бы его побралъ!»

Жизнь хозяина Ваниккола представляла изъ себя непрерывное восхожденіе. И, несмотря на то, что Кинтури былъ равной съ нимъ силы, несмотря на то, что они были ровесники и выросли бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, хозяинъ, съ самаго появленія въ краю господъ, заважничалъ передъ Кинтури. Если бы все осталось по-старому, то Кинтури показалъ бы ему себя, какъ онъ это уже дѣлалъ раза два, но теперь и думать нечего было дотрогиваться до этого барина. Рѣзкая перемѣна въ ихъ отношеніяхъ произошла съ той самой минуты, какъ хозяинъ выговорилъ свои злополучныя слова: «заплати свой долгъ, тогда ты можешь оставаться». Съ тѣхъ поръ у хозяина былъ такой надутый видъ, что Кинтури противно было смотрѣть ему въ глаза. Между ними встала цѣлая гора. Кинтури останавливался въ дверяхъ, когда приходилъ къ нему въ его комнату, гдѣ онъ, сидя на диванѣ, — въ креслѣ-качалкѣ онъ уже больше не помѣщался, благодаря своей тучности, — курилъ папироску, съ Суометаромъ * въ рукахъ.

Всѣ обернулись къ косогору, съ котораго спускался хозяинъ. Крупный щебень катился изъ-подъ его ногъ, и горячая пыль подымалась вокругъ него въ солнечномъ сіяніи, а позади него ложилась длинная тѣнь.

— Онъ такъ надулся отъ важности, что чуть не лопается, — сказалъ Кинтури другимъ работникамъ.

Во всей фигурѣ хозяина было дѣйствительно что-то побѣдоносное и новое.

— Начинай ты первый, — сказалъ онъ кузнецу.

Кузнецъ сѣлъ въ сидѣнье и среди напряженнаго молчанія поѣхалъ по лугу. Шипя, какъ змѣи, вцѣпились зубья въ клеверъ, который только слегка склонялся въ ту минуту, какъ его срѣзала машина.

Хозяинъ съ насмѣшкой смотрѣлъ на косцовъ, которые съ недовѣріемъ поднимали скошенную траву, чтобы удостовѣриться, что машина дѣйствительно скосила все какъ слѣдуетъ. Трава была скошена подъ самый корень, и нигдѣ не было видно ни травинки нескошенной, гдѣ прошла машина.

Пыхтя и ухмыляясь отъ удовольствія, хозяинъ крикнулъ:

— Она работаетъ за шесть человѣкъ!

— Это зависитъ отъ того, какіе это люди, — сказалъ Кинтури, которому, собственно, вовсе не надо было приходить больше

---

* Суометаръ — финская газета, органъ старо-финноманской партіи. *Примѣч. перев.*

на работу, такъ какъ ему уже давно было отказано отъ торпа, и онъ весной долженъ былъ покинуть его. Былъ уже составленъ приговоръ объ его изгнаніи изъ торпа, но Кинтури упорно не хотѣлъ вѣрить, что хозяинъ имѣетъ относительно него серьёзныя намѣренія, и онъ продолжалъ жить въ торпѣ и отбывалъ добросовѣстно свою барщину, хотя за нимъ больше не посылали. Онъ не вѣрилъ, чтобы даже такой человѣкъ, какъ хозяинъ Ваниккала, могъ быть настолько безсовѣстнымъ и выгналъ другого на большую дорогу. Онъ рѣшилъ, что хозяинъ просто хочетъ припугнуть его.

— Вотъ какъ, такъ это зависитъ отъ того, какіе люди! — крикнулъ хозяинъ. — А развѣ мнѣ не поручились, что машина работаетъ за шесть человѣкъ?!

— Надо было бы испытать, правда ли это; а то, быть можетъ, хозяину продали просто дрянь какую-нибудь, — предположилъ Кинтури. — Да не забудьте еще сосчитать, что стоитъ маслу да рабочій, который управляетъ машиной, да еще работа двухъ лошадей.

Это клюнуло. Хозяинъ сталъ подсчитывать въ умѣ. Работники знали, что если съ нимъ сразу разговаривало нѣсколько человѣкъ, то онъ точно глупѣлъ и терялся.

— А къ этому прибавьте еще стоимость машины да проценты, и тогда, конечно, будетъ одинъ только убытокъ, если машина не работаетъ за нѣсколько человѣкъ.

Работники уже заранѣе сговорились подбить хозяина къ состязанію и разъ навсегда доказать, что на силу человѣка можно гораздо больше положиться, чѣмъ на какія бы то ни было машины. Такъ какъ хозяинъ не выражалъ ни отказа, ни согласія на предложеніе, то работники сейчасъ же встали въ рядъ со своими косами.

Когда кузнецъ возвратился съ сѣнокосилкой съ другого конца лута, то четырнадцатилѣтній подростокъ хозяина сталъ приставать къ своему отцу, чтобы тотъ позволилъ ему управлять сѣнокосилкой.

Глаза мальчика сверкали отъ страстнаго желанія сѣсть на машину.

И ко всеобщему удивленію, хозяинъ подхватилъ сына подъ мышки и посадилъ его въ сидѣнье.

— Ну, отваливай!

Онъ сдѣлалъ это только въ насмѣшку. Онъ далъ состязаться мальчишкѣ съ шестью здоровыми мужиками!

Работники взмахнули косами и начали косить.

Кинтури, сильный и ловкій, несмотря на то, что онъ продолжалъ жаловаться на недомоганіе, шелъ впереди всѣхъ. Онъ широко взмахивалъ косой, сгибаясь почти до земли. Другіе слѣдовали за нимъ, работая съ неменьшимъ усердіемъ. И это видно было по ихъ согнутымъ шеямъ и раздвинутымъ ногамъ.

Молодому барину доставляло большое удовольствіе это состязаніе, и главное, онъ видѣлъ, что машина одержитъ блестящую побѣду надъ работниками. Продолжая еще съ большимъ усердіемъ сосать свою папиросу, онъ побѣжалъ съ толпой мальчишекъ и пошелъ по лугу между машиной и работниками.

Его охватило вдругъ какое-то странное радостное настроеніе. Казалось, будто онъ на мгновеніе забылъ свою собственную увѣренность въ томъ, что онъ не болѣе, какъ пушинка, которую безполезно носитъ въ- воздухѣ между небомъ и землей. Неожиданно онъ почувствовалъ нѣчто общее съ людскимъ міромъ. Шумъ машины, которая то приближалась, то удалялась, трели жаворонковъ, пѣніе кузнечиковъ и жужжаніе шмелей въ клеверѣ — все возбуждало въ немъ радостныя чувства и говорило: «Свѣтъ не такъ безнадеженъ, какъ это кажется, будущее свѣтлю и сулитъ счастье. И ты еще перемѣнишься».

Въ то время, какъ онъ въ своемъ увлеченіи перебѣгалъ съ одного мѣста на другое, онъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, которое ему показалось загадочнымъ. Повидимому, люди собравшіеся смотрѣть сѣнокосилку, вовсе не были въ восторгѣ. Помимо нѣсколькихъ мальчишекъ да хозяина, который, засунувъ руки въ карманы, съ гордостью смотрѣлъ на своего сына, всѣ остальные были очень серьёзны и страстно желали, чтобы работники одержали побѣду надъ машиной. Онъ обернулся къ двумъ женщинамъ, стоявшимъ у воротъ и слѣдившимъ за состязаніемъ, и замѣтилъ имъ, что сѣнокосилка уже далеко опередила косцовъ. Правда, одна изъ женщинъ согласилась съ покорной улыбкой, что машина выиграетъ. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ замѣтилъ, что обѣ женщины, блѣдныя отъ волненія, съ такимъ напряженіемъ слѣдили за состязаніемъ, какъ если бы онѣ до послѣдней минуты надѣялись, что машина отстанетъ. Что касается до косцовъ, то они работали съ такимъ остервенѣніемъ, словно ихъ жизнь и смерть зависѣли отъ исхода этого состязанія. Они не смѣялись и казались злыми и взволнованными.

Почему же не всѣ радуются изобрѣтенію такой остроумной машины, которая сберегаетъ силу шести человѣкамъ и переноситъ весь трудъ съ людей на животныхъ?

Для молодого человѣка становилось все яснѣе, что здѣсь про-

исходитъ нѣчто такое, чего онъ не можетъ какъ слѣдуетъ понять, нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ онъ себѣ представлялъ, когда шелъ сюда лишь для своего удовольствія, чтобы посмотрѣть, какъ работаетъ сѣнокосилка.

Послѣ того, какъ работники проработали безъ перерыва полчаса и вернулись къ тому мѣсту, откуда начали, они замѣтили, что машина скосила за это же время слишкомъ вдвое болѣе, нежели они.

Между тѣмъ хозяинъ, пыхтя, влѣзъ самъ на сѣнокосилку и со смѣхомъ проѣхалъ мимо нихъ.

— Довольно съ васъ, что ли? — поддразнилъ онъ ихъ.

Работники тяжело дышали, и потъ катилъ съ нихъ градомъ. Они стояли, опираясь на косы, и закричали, чтобы имъ принесли пить. Одинъ изъ нихъ бросилъ вдогонку уѣзжавшему хозяину громкую ругань. Вся фигура послѣдняго дышала самодовольствомъ, которое видно было даже въ поворотѣ его головы и въ складкахъ его платья.

Постоявъ нѣкоторое время, работники взяли свои куртки и точильные камни и ушли съ луга, сохраняя свою серьёзность.

Молодой баринъ рѣшилъ послѣдовать за ними.

До сихъ поръ онъ еще никогда не вступалъ въ серьёзные разговоры съ крестьянами. А если бы онъ даже и попытался это сдѣлать, то это ему не удалось бы. Онъ представлялся крестьянамъ какимъ-то шутникомъ, на слова котораго они считали своей обязанностью смѣяться, если даже ничего смѣшного въ нихъ не было. Трудно было представить себѣ болѣе безсмысленныя отношенія. Онъ старался перенять у крестьянъ манеру говорить, но онъ самъ чувствовалъ, что это ему не удается. И все-таки, несмотря на это, онъ зналъ хорошо, что между нимъ и крестьянами есть крѣпкая связь, состоявшая въ томъ, что какъ онъ, такъ и крестьяне были дѣтьми одной и той же природы, которую онъ любилъ всѣмъ своимъ сердцемъ. И дѣйствительно, связь эта была крѣпкая, хотя взоры и слова представляли собою лишь одно недоразумѣніе, и хотя тема разговора всегда бывала неудачная. Однако, теперь онъ нашелъ настоящую тему для разговора. Онъ ускорилъ шаги и нагналъ крестьянъ на косогорѣ.

Замѣтивъ это, Кинтури тотчасъ же отдѣлился отъ кучки, такъ какъ онъ не любилъ разговаривать съ господами и предпочиталъ ихъ избѣгать. Но двое изъ крестьянъ остановились, чтобы принять предлагаемыя барономъ длинныя папиросы. Затѣмъ они закурили у него папиросы и, бросивъ по сторонамъ смущенный взглядъ, чтобы убѣдиться, не смѣется ли кто-нибудь надъ ними,

они пошли вмѣстѣ съ молодымъ бариномъ по направленію къ деревнѣ.

Желая найти какую-нибудь общую тему для разговора, молодой баринъ заговорилъ о томъ, что и онъ, собственно, ненавидитъ всѣ эти сѣнокосилки, такъ какъ съ ними пропадаетъ вся поэзія, связанная съ прежнимъ сѣнокосомъ. Произнеся слово «поэзія», онъ сейчасъ же спохватился, что этого слова крестьяне не понимаютъ; а потому онъ сталъ разъяснять, какъ прежде бывало весело смотрѣть на сѣнокосъ, и какъ грустно, что все это уничтожитъ громыхающая машина. Крестьяне старались поддакивать, а онъ радовался, что такъ неожиданно нашелъ общій интересъ съ ними. И вотъ онъ началъ еще поэтичнѣе описывать имъ сѣнокосъ въ прежнія времена. Однако, хотя крестьяне и поддакивали съ разнымъ выраженіемъ въ голосѣ, но своего мнѣнія они, собственно, не выражали. Въ концѣ-концовъ они перешли на другой разговоръ, стали справляться о цѣнахъ на такія машины и спросили, кто лучшіе фабриканты, и какія машины лучше—американскія или англійскія. Но на эти вопросы молодой баринъ не могъ дать отвѣта.

Одинъ изъ крестьянъ сказалъ:

— Если бы у каждаго человѣка былъ кусокъ земли, то тогда такія машины были бы годны.

Изъ этого замѣчанія молодой баринъ понялъ, что ненависть крестьянъ къ машинамъ происходила вовсе не оттого, что они во-что бы то ни стало хотѣли придерживаться старины и поэзіи. Значитъ, они вовсе не понимали другъ друга, какъ онъ только что думалъ.

Другой крестьянинъ замѣтилъ:

— Всякій отлично понимаетъ, что машиной работать лучше, нежели вотъ такой штукой, но когда хозяинъ, чтобы чортъ его побралъ...

— Брось сквернословить при молодомъ баринѣ...

Но молодой баринъ поспѣшилъ вставить:

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говори: когда этотъ хозяинъ, чтобы чортъ его побралъ?..

— Я только хотѣлъ сказать, что когда этотъ чертовскій, — я не могу сказать ничего иного, — начинаетъ со своимъ щенкомъ выполнять всѣ работы, то работникамъ приходится убираться. Они должны искать работы на лѣсопилкахъ и въ городахъ. Но какую работу можетъ найти въ городѣ человѣкъ, который всю свою жизнь только и дѣлалъ, что копалъ землю?

Молодой баринъ подумалъ, что наконецъ-то и онъ можетъ быть полезнымъ:

— Вы сами могли бы начать воздѣлывать себѣ землю. Выберите себѣ какое-нибудь мѣсто и постройте себѣ собственную избу.

Крестьяне вытаращили другъ на друга глаза. Одинъ изъ работниковъ сказалъ:

— Да у насъ вѣдь нѣтъ земли!

На эти слова молодой баринъ хотѣлъ было протянуть руку по направленію къ лѣсу и сказать: «Но тамъ достаточно земли — и тамъ, и тамъ». Ему никогда не приходило въ голову, когда онъ бродилъ по лѣсамъ и по полямъ, — это было его любимымъ занятіемъ, — что земля представляетъ собою чью-нибудь собственность. Его также удивляло всегда, что на живописныхъ мысахъ и въ глубинѣ тихихъ заливовъ не выстроены поэтичныя избушки, которыя онъ не промѣнялъ бы на самые великолѣпные городскіе дворцы. Но въ ту минуту, когда онъ уже хотѣлъ поднять руку, чтобы показать на земли, пригодныя для обработки, его остановила мысль, что онъ скажетъ какую-нибудь глупость, и онъ промолчалъ.

Работникъ продолжалъ:

— И хозяинъ нашъ ни за какія деньги не хочетъ отдавать землю въ аренду. Онъ еще хотѣлъ бы выгнать и тѣхъ торпарей, которые у него есть.

Другой работникъ замѣтилъ:

— Тамъ, у совѣтника земледѣлія хватило бы мѣста для тысячи торпарей, но онъ никому не позволяетъ воздѣлывать свои земли. Пусть лучше все зарастетъ верескомъ и брусничной зеленью! Не стоитъ у него даже и просить земли.

Кинтури, который все время шелъ немного впереди и прислушивался къ разговору, замедлилъ шаги и сказалъ нѣсколько ядовитыхъ словъ по адресу совѣтника земледѣлія, владѣльца громаднаго пространства земли, возбуждавшаго въ немъ жгучую ненависть. Онъ подразумѣвалъ совѣтника земледѣлія, но говорилъ о господахъ вообще:

— Откуда бы господамъ брать рабочихъ, если бы у бѣдныхъ была своя собственная земля? Господа хорошо знаютъ, зачѣмъ они не даютъ людямъ земли!

— Но это было бы ужасно, если бы дѣло обстояло такъ, какъ вы говорите, — замѣтилъ молодой баринъ. — Объ этомъ надо написать въ газетахъ! Такъ вы говорите, что вамъ не хотятъ отдавать землю въ аренду? Такъ, что ли?

— Даже самую несчастную землю въ пустыняхъ.

— И это для того, чтобы вы оставались бѣдными и какъ можно дешевле продавали свою работу? Это вы хотѣли сказать?

— Вотъ именно!

«Да вѣдь это ужасно! — думалъ молодой баринъ. — Значитъ, господа хотятъ, чтобы было какъ можно больше бѣдныхъ и безземельныхъ, которые были бы принуждены работать на фабрикахъ. Объ этомъ я непремѣнно напишу». — И онъ сказалъ, обращаясь къ крестьянамъ:

— Вотъ видите ли, этотъ совѣтникъ земледѣлія мой знакомый, или вѣрнѣе, его дочь моя невѣста, но это ничего не значитъ, я сдѣлаю разоблаченія, если онъ дѣйствительно такой, какимъ вы его представляете.

Кинтури опять пошелъ немного впереди другихъ.

Молодой баринъ сказалъ крестьянамъ, что еще зайдетъ къ нимъ на домъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ этимъ дѣломъ, и затѣмъ разстался съ ними на горѣ.

«Такъ вотъ какъ!»—сказалъ онъ про себя, глядя въ землю и покручивая усики, и направился къ своему дому.

Крестьяне остановились и посмотрѣли ему вслѣдъ.

— Это что за человѣкъ? — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И что такое онъ хотѣлъ написать въ газетахъ?

— Да развѣ такой сумѣетъ написать что-нибудь въ газетахъ?

— Просто болталъ себѣ зря.

— Въ своемъ ли онъ еще умѣ-то?

Крестьяне разошлись въ разныя стороны. Одни пошли по большой дорогѣ, по сторонамъ которой, тамъ и сямъ, были разбросаны избушки. Другіе свернули на лѣсную дорогу. Какъ разъ въ ту минуту, когда эти послѣдніе дошли до перекрестка, гдѣ тропинки направляются къ различнымъ торпамъ, изъ избы Кинтури донесся злой лай собаки. Крестьяне прошли еще нѣсколько шаговъ по направленію къ избѣ Кинтури и увидали коробейника, который какъ разъ въ эту минуту входилъ въ избу Кинтури. Это на него-то собака лаяла.

Тогда вся кучка направилась къ Кинтури. Но крестьяне пошли вовсе не для того, чтобы купить себѣ что-нибудь у коробейника, а просто для того, чтобы поболтать часокъ со знакомымъ разносчикомъ, у котораго за послѣднее время было такъ много чего поразсказать.

И вотъ, въ то время, какъ коробейникъ раскладывалъ передъ Мари свои товары, между мужчинами снова поднялся разговоръ о землѣ.

Разносчикъ разсказалъ имъ, что не вездѣ земля была такъ распредѣлена. Онъ сказалъ, что въ Россіи земля каждые десять лѣтъ дѣлится между крестьянами соотвѣтственно количеству душъ въ семьѣ.

Далѣе онъ объявилъ, что царь-батюшка хочетъ наказать финскихъ баръ, отнять отъ нихъ землю и раздѣлить ее между безземельными. Онъ предостерегъ ихъ, чтобы они не подписывали никакихъ арендныхъ контрактовъ, а кромѣ того, онъ посовѣтовалъ имъ не дѣлать осенью посѣвовъ, такъ какъ — сказалъ онъ — сюда понаѣдетъ множество землемѣровъ и они потопчутъ поля.

Крестьяне вышли изъ избы Кинтури съ пылающими лицами. Въ сердцахъ ихъ зародилась горячая надежда.

Такъ всегда бываетъ съ людьми, когда имъ кажется, что они слышатъ шумъ крыльевъ свободы, и когда въ нихъ просыпается вѣра въ то, что страданія ихъ уже здѣсь на землѣ — не только за могилой — превратятся въ счастье.

Всѣ повѣрили безъ колебанія коробейнику, хотя у Кинтури, быть можетъ, и были свои размышленія по поводу этого разговора.

Между тѣмъ слова коробейника перенеслись въ другую деревню, а на пути они находили себѣ богатую пищу, подобно огню, стелющемуся по землѣ и находящему пищу въ сухомъ хворостѣ. Изъ другой деревни они перенеслись въ третью, гдѣ ихъ встрѣтило извѣстіе, что и тамъ слышали уже о томъ же. А въ четвертой деревнѣ, въ селѣ, слышали нѣчто подобное отъ жандарма, вооруженнаго саблей.

Вездѣ, на всѣхъ дорогахъ и во всѣхъ углахъ собирался народъ въ кучки и устраивалъ тайныя совѣщанія.

Но развѣ огонь можетъ насытиться однимъ мхомъ и хворостомъ? Нѣтъ! Вотъ вдали уже поднимаются языки пламени. Подобно бѣлкѣ, пламя перекидывается съ вѣтки на вѣтку, и раздается трескъ отъ горящихъ сосенъ. Какъ лѣсной пожаръ, распространяются слова по странѣ.

III.

МОЛОДОЙ БАРИНЪ.

Если бы вся земля была объята пламенемъ, если бы загорѣлись людскія сердца, или если бы они совершенно остыли, если бы люди основали новыя государства, пчелы, жужжавшія въ фруктовомъ саду старой усадьбы Ваниккола, все равно ничего не знали

бы объ этомъ. Онѣ жужжали тамъ сотни лѣтъ и будутъ жужжать сотни лѣтъ, подобно голубому небесному своду, который сотни лѣтъ простирается надъ ними, и цвѣтамъ, которые неизмѣнно каждую весну раскрываютъ для нихъ свои медовыя чашечки.

Однако, въ этомъ году пчеламъ вовсе не было такъ хорошо, какъ онѣ бы этого желали — вовсе не такъ хорошо. Полевые цвѣты были уничтожены въ этомъ году въ самую лучшую пору цвѣтенія, и вслѣдствіе этого въ саду появилось множество пчелъ изъ чужихъ ульевъ. Но этого мало. Досаднѣе всего было то, что хозяинъ Ваниккола снесъ старый домъ и на мѣсто него выстроилъ новый двухъэтажный, который обшили тесомъ, покрытымъ такимъ крѣпкимъ лакомъ, что по всему саду стоялъ отвратительнѣйшій запахъ. Этотъ запахъ до неузнаваемости измѣнилъ благоуханіе цвѣтовъ, и изъ-за этого у пчелъ произошло много недоразумѣній. Желтыя стружки повсюду валялись въ травѣ,—и это также производило непріятное впечатлѣніе. Но прямо-таки немилосердно было сносить старый домъ и на мѣсто него возводить новый. Старый одноэтажный домъ, который когда-то былъ выкрашенъ въ красную краску, но отъ старости сталъ сѣрымъ и весь обросъ мохомъ, давалъ подъ своей разсохшейся обшивкой изъ вертикальныхъ досокъ хорошій пріютъ сотнямъ осиныхъ гнѣздъ и прекрасную защиту отъ дождя милліонамъ пчелъ. И вотъ это-то старое уютное строеніе уничтожили и выстроили какую-то отвратительную, блестящую махину, которая могла только отталкивать всякое существо съ тонкимъ чувствомъ.

Хозяинъ имѣлъ намѣреніе выстроить домъ, какіе бываютъ въ большихъ господскихъ усадьбахъ, но когда дошли до второго этажа и вывели окна, то ему начало казаться, что на постройку идетъ слишкомъ много бревенъ, а потому надъ окнами второго этажа онъ вывелъ только два вѣнца. Крыша вслѣдствіе этого была точно нахлобучена на окна. Она напоминала шапку, натянутую на самыя уши, и сплетничала проѣзжавшимъ по большой дорогѣ о томъ, что̀ хозяинъ какъ разъ хотѣлъ бы скрыть, а именно — что усадьба была не господская. По всей вѣроятности, чтобы изгладить это впечатлѣніе, хозяинъ пристроилъ высокое, крытое крыльцо, которое немедленно было выкрашено въ синюю краску.

Но напрасно такъ возмущались пчелы и осы. Приходится иногда привыкать къ вещамъ похуже масляной краски и лака. А кромѣ того, даже и въ доскахъ, покрытыхъ лакомъ, есть трещины и отверстія отъ сучковъ. Дождь выгарбливаетъ доски, а отъ солнца онѣ растрескиваются. Уже въ концѣ лѣта пчелы начали подлетать къ новому дому и разсматривать его. Онѣ летали, жужжа,

вдоль стѣнъ, останавливались, потомъ опускались и снова поднимались или перелетали вдоль стѣны съ одного мѣста на другое. Солнце палило въ это лѣто въ концѣ августа съ такой же силой съ самаго утра, какъ и во время сѣнокоса.

Одна изъ пчелъ взлетѣла въ уровень съ окномъ второго этажа. Она хотѣла уже было влетѣть въ окно, но ее испугала гардина, которая вслѣдствіе сквозняка вырвалась изъ окна наружу. Однако, пчела, покруживши въ воздухѣ, сдѣлала новую попытку и, несмотря на развѣвающуюся гардину, она влетѣла въ комнату. Но отъ страха силы измѣнили ей, и она упала на писменный столъ. Крылья ея дрожали, но у нея не было силъ подняться, и въ то время, какъ заднія лапки ея безсильно волочились, она передними поползла, спотыкаясь, по гладкой бумагѣ. Пчела упала на бумагу какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли слова: *Невѣроятное положеніе вещей*, а ниже начиналась статья. Въ то время, какъ пчела съ трудомъ ползла по бумагѣ, трепеща крыльями, ее обхватилъ надушенный платокъ, и она была выброшена за окно. Затѣмъ молодой баринъ, живший въ этой комнатѣ, снова усѣлся передъ бумагой.

Онъ взялся за «Невѣроятное положеніе вещей» и, сдвинувъ брови, онъ еще разъ перечиталъ написанное, вставилъ нѣсколько сильныхъ словъ, затѣмъ еще нѣсколько болѣе сильныхъ и, раздумывая о продолженіи самаго бичующаго характера, онъ началъ грызть ручку пера. При этомъ его глаза пристально устремлялись то на одинъ предметъ, то на другой. Сперва онъ смотрѣлъ на скотный дворъ, находящійся за стадомъ; потомъ онъ остановилъ свой взоръ на окнахъ каменнаго хлѣва, расположенныхъ другъ противъ друга въ противоположныхъ стѣнахъ; и черезъ эти окна, затканныя паутиной, онъ увидалъ темно-зеленый отлогій лужокъ съ волнующейся по вѣтру кровавой травой. Но взоръ его недолго останавливался на темно-зеленомъ лужкѣ; онъ снова весело вернулся черезъ окна хлѣва на скотный дворъ, оттуда въ садъ, изъ сада онъ поднялся во второй этажъ, проникъ въ окно и устремился черезъ черный зрачокъ въ самую глубину души. Молодой человѣкъ медленно опустилъ перо, и непривычныя складки между его бровями изгладились. На его лицѣ появилось выраженіе душевнаго покоя. Онъ оттолкнулъ отъ себя «Невѣроятное положеніе вещей», взялъ почтовую бумагу и началъ писать: «Дорогой отецъ!», и изъ-подъ его пера быстро выливалась одна строка за другой. Онъ подвернулъ одну ногу подъ себя и сѣлъ на нее. Въ своемъ увлеченіи онъ половиной тѣла почти лежалъ на столѣ. Мухи жужжали вокругъ него, потъ выступилъ у него на лбу, но

онъ не обращалъ вниманія на жару. Отъ времени до времени онъ только вытиралъ лобъ и руки платкомъ и затѣмъ снова продолжалъ писать. Въ комнату забралось множество пчелъ. Одна все стукалась о потолокъ, другая безпомощно билась о стекло, третья носилась по комнатѣ, которая наполнилась безпрерывнымъ жужжаньемъ. Но молодой человѣкъ такъ углубился въ свое письмо, что ничего не слыхалъ и ничего не видалъ.

Онъ не слыхалъ даже, какъ растворилась дверь и какъ кто-то просунулъ въ нее голову и поздоровался съ нимъ.

Такъ какъ привѣтствіе осталось безъ отвѣта, то новоприбывшій перешагнулъ черезъ порогъ и вошелъ въ комнату. Онъ осмотрѣлся кругомъ и подошелъ къ письменному столу. Это былъ человѣкъ съ нѣсколько лысой головой и рыжеватыми жесткими усами. Но покрой его платья былъ такъ элегантенъ, а бѣлизна воротничка и рукавчиковъ такъ ослѣпительна, что жесткіе усы придавали его внѣшности еще болѣе изящества.

— Что ты пишешь, Эдуардъ?

— Ничего особеннаго. А ты откуда, Венделль? Да еще такъ рано?

Есть люди, которыхъ всегда всѣ называютъ по фамиліи, и даже самые близкіе знакомые никогда не поинтересуются узнать ихъ имя. Такіе люди обыкновенно не любятъ говорить о своихъ семейныхъ и частныхъ дѣлахъ. Къ числу такихъ и принадлежалъ господинъ Венделль, молодой докторъ, извѣстный своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ.

Между тѣмъ по буквамъ J. V., вытравленнымъ на его рукѣ рядомъ съ синимъ якоремъ, легко можно было бы вспомнить его имя. Господинъ Венделль всегда старался скрывать эти буквы и стыдился ихъ, такъ какъ онѣ свидѣтельствовали о томъ времени, которое онъ хотѣлъ бы забыть: когда-то въ былыя времена онъ мечталъ сдѣлаться морякомъ. Разсказывали, что какая-то любовная исторія перевернула всю его жизнь и направила его по совершенно иному пути. По всей вѣроятности, эта несчастная любовь и наложила на его черты выраженіе пессимизма, которое совершенно не соотвѣтствовало значку на его рукѣ, или вѣрнѣе, этотъ значокъ рядомъ съ пессимизмомъ производилъ то же впечатлѣніе, что и жесткіе усы рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ: онъ дѣлалъ его еще изящнѣе.

— Я пріѣхалъ только для того, Эдуардъ, чтобы напомнить тебѣ, что тебѣ надо было бы съѣздить въ Раухалахти.

Эдуардъ сморщилъ лобъ и ничего не отвѣтилъ.

— Слышишь, Эдуардъ? Я пріѣхалъ за тобой, и мы поѣдемъ

въ Раухалахти. Дальше откладывать посѣщенія нельзя, а то это становится страннымъ.

Отвѣтомъ было опять молчаніе.

Но, повидимому, Венделль находился въ томъ настроеніи духа, когда онъ, несмотря на всѣ препятствія, проводилъ свою волю. Никто не могъ долго противостоять его добродушной настойчивости.

Онъ подошелъ къ шкапу, выдвинулъ одинъ ящикъ съ бѣльемъ и, вынувъ два различныхъ воротничка, подошелъ съ ними къ письменному столу.

— Который изъ нихъ ты надѣнешь? Мнѣ кажется, что тебѣ больше идетъ стоячій, чѣмъ отложной воротничокъ. Или что ты самъ думаешь, Эдуардъ?

У Эдуарда было большое желаніе схватить товарища за шиворотъ и швырнуть его о стѣну или подмять его подъ ноги. Этотъ Венделль всегда являлся настоящимъ деспотомъ! И, чтобы хоть немного овладѣть собой, Эдуардъ отвернулся отъ Венделля, — онъ боялся въ эту минуту смотрѣть на большія уши товарища. Эти уши часто дѣйствовали на его нервы, а между тѣмъ они служили признакомъ музыкальныхъ способностей Венделля, который дѣйствительно игралъ на фортепіано.

Однако, господинъ Венделль дѣлалъ видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ раздраженія Эдуарда. Онъ хорошо зналъ, что у послѣдняго бывали минуты, когда онъ терпѣть не могъ своего друга. Молча и не двигаясь съ мѣста, онъ упрямо ждалъ, чтобы Эдуардъ ему отвѣтилъ. Тогда Эдуардъ, который отлично зналъ, что если Венделль пристанетъ, то отъ него не такъ-то легко отдѣлаешься, нетерпѣливо всталъ съ мѣста и сказалъ съ раздраженіемъ:

— Ну, поѣдемъ! — и потомъ онъ прибавилъ: — у меня кстати есть маленькое дѣло, которое надо тамъ устроить.

— Маленькое дѣло! — повторилъ Венделль. — Развѣ это маленькое дѣло — день рожденія твоей невѣсты?

Эдуардъ ушелъ въ смежную комнату, чтобы одѣться, и заперъ за собою дверь, какъ бы желая дать этимъ понять, что не хочетъ, чтобы Венделль шелъ за нимъ.

Слышно было, какъ онъ, сердито ворча, вынулъ изъ платянаго шкапа свое визитное платье. Потомъ слышно было, какъ онъ налилъ въ тазъ воды и началъ мыться.

Оставшись въ одиночествѣ, Венделль хотѣлъ было сѣсть, но потомъ его взоръ упалъ на письменный столъ, гдѣ онъ сейчасъ

же увидалъ бумагу со словами: «Невѣроятное положеніе вещей». Этой бумагой Эдуардъ закрылъ письмо, которое онъ писалъ отцу.

Господинъ Венделль не могъ удержаться отъ соблазна и, склонясь надъ письменнымъ столомъ, сталъ просматривать написанное на бумагѣ:

«Это вопіющая несправедливость, что когда есть земля въ избыткѣ, ее преднамѣренно не позволяютъ обрабатывать», читалъ онъ. «Надо предоставить людямъ полную свободу обрабатывать землю», читалъ онъ дальше. «Земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», а ниже онъ прочелъ: «Всѣ мы паразиты»... «Повидимому, кому-то необходимо, чтобы были безземельные и голодающіе, которыхъ можно за нищенское вознагражденіе заставить работать на богатыхъ».

По мѣрѣ того, какъ господинъ Венделль читалъ, глаза его все расширялись. Но когда онъ съ любопытствомъ перевернулъ листокъ, то онъ не нашелъ продолженія. Намѣсто продолженія онъ сейчасъ же увидалъ письмо Эдуарда къ отцу.

Господинъ Венделль вытянулся, не желая больше читать, но потомъ, нервно кусая усы, онъ снова склонился надъ столомъ и началъ читать письмо:

«Я сажусь за письмо, дорогой отецъ, чтобы сообщить тебѣ, что мое пребываніе въ деревнѣ, въ концѣ-концовъ, дѣйствительно принесетъ мнѣ большую пользу. Нѣтъ, болѣе того, оно будетъ имѣть для меня рѣшительное значеніе, хотя я раньше этого и не сознавалъ. Пребываніе въ деревнѣ теперь, когда я сталъ старше, производитъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и въ дѣтствѣ, когда мы весною покидали городъ. Я и теперь еще по-старому могу приходить въ восторгъ отъ ручейковъ и отъ поля, поросшаго верескомъ; я и теперь брожу по лѣсамъ и горамъ. Здѣсь я не могу себѣ даже представить, что значитъ пьянство. Здѣсь я превращаюсь въ такого ребенка, что меня даже стѣсняютъ люди. А когда я вспоминаю, какимъ я былъ въ городѣ, то я прихожу въ такой ужасъ отъ самого себя, котораго, навѣрное, никто изъ васъ не испытывалъ по отношенію ко мнѣ. Природа замѣстила для меня покойныхъ Эллиду и маму. Если бы не было этихъ березъ, этого мха и этихъ сосновыхъ стволовъ, я чувствовалъ бы себя совершенно безпріютнымъ на землѣ, и тогда не было бы ни малѣйшей надежды на мое выздоровленіе.

«Однако, это лѣто и это dolce far niente не могутъ длиться безконечно. Съ возвращеніемъ въ городъ мое положеніе все-таки оставалось бы безнадежнымъ, если бы мнѣ не пришлось сдѣлать

важныхъ наблюденій. Не одиночество подѣйствовало на меня благотворно, какъ вы съ докторомъ надѣялись. Напротивъ, я соприкасаюсь здѣсь съ людьми и обстоятельствами, о которыхъ раньше не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мы живемъ въ городѣ въ полномъ невѣдѣніи обо всемъ этомъ. На свѣтѣ такъ много страннаго, и все въ немъ зиждется на несправедливости. И кто всему этому причиной, какъ не мы сами? Вотъ видишь ли, вѣдь все, собственно говоря, мы получаемъ изъ деревни, начиная съ хлѣба, который мы ѣдимъ. Да и люди всѣ происходятъ изъ деревни. А между тѣмъ никто и не подумаетъ о тѣхъ, кто пашетъ и сѣетъ. Только здѣсь въ деревнѣ у меня раскрылись глаза на то несчастное положеніе, которое занимаетъ громадная часть человѣчества, и та именно, которая и въ другомъ отношеніи несетъ наибольшее бремя. Всѣ вы, поддерживающіе государство, не злые люди, какъ и ты, папа, не злой. И все-таки здѣсь въ деревнѣ кажется, что всѣ мы, образованные, *преднамѣренно* обманываемъ и высасываемъ народъ и съ дьявольской хитростью устраиваемъ все къ нашей выгодѣ. Я не могу больше съ прежнимъ радостнымъ чувствомъ бродить по лѣсамъ. Но я разскажу тебѣ съ самаго начала, какъ со мной это случилось».

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ Эдуарда:

— Я надѣюсь, ты не читаешь моего письма?

Господинъ Венделль быстро поднялся изъ-за стола. Въ своемъ увлеченіи онъ недостаточно тихо перевернулъ листъ.

— Какъ можешь ты думать обо мнѣ нѣчто подобное! — крикнулъ онъ въ отвѣтъ.

Но въ слѣдующую минуту онъ уже опять сидѣлъ, согнувшись надъ письмомъ.

«Весной, когда я только что переѣхалъ сюда, и когда кое-гдѣ еще виднѣлся снѣгъ, а въ другихъ мѣстахъ уже чернѣла земля, я пошелъ однажды вечеромъ гулять и подошелъ по начисто вырубленному лѣсу до торпа, расположеннаго необыкновенно живописно на склонѣ горы и окруженнаго каменной оградой. Не видя нигдѣ людей, я подошелъ ближе и вошелъ въ калитку, гдѣ мнѣ бросился въ глаза красно-желтый стволъ старой сосны, освѣщенной лучами заходящаго солнца. Въ это время изъ-за угла выскочила кучка дѣтей и бросилась отъ меня въ лѣсъ. Я пошелъ посмотрѣть, чѣмъ они занимались, и увидѣлъ на проталинѣ возлѣ сосны нѣсколько крошечныхъ сараевъ, выстроенныхъ изъ щепокъ, и обнесенный прутиками скотный дворъ, а во дворѣ нѣсколько маленькихъ зеленыхъ сосновыхъ шишекъ. Эти шишки, повидимому,

должны были изображать изъ себя коровъ. Я вспомнилъ, что совсѣмъ такъ же мы бывало играли съ Эллидой, когда мама устраивала насъ, наконецъ, въ деревнѣ послѣ всѣхъ хлопотъ съ переѣздомъ, и когда намъ не надо было больше ходить по мощенымъ улицамъ. Какъ хорошо поняла бы Эллида этихъ дѣтей, которыя играли на голой землѣ, еще не совсѣмъ просохшей. Это такъ ясно, что всѣ люди одинаковы, что всѣ они одинаково тонко чувствуютъ, хотя мы и находимъ, что тѣ, другіе, «только мужики».

«Недавно я опять вспомнилъ этотъ торпъ и рѣшилъ пойти туда посмотрѣть на него въ лѣтней обстановкѣ на фонѣ распустившихся деревьевъ. Я пошелъ черезъ тотъ же срубленный лѣсъ; торпъ былъ такъ живописенъ, что трудно выразить это словами. Онъ былъ прекрасенъ не въ обычномъ смыслѣ этого слова, — нѣтъ, это было нѣчто новое: онъ имѣлъ такой невинный и мирный видъ. На лужкѣ передъ домомъ пестрѣли только что распустившіеся цвѣты, а крыша дома совершенно скрывалась за вѣтвями плакучей березы. У меня былъ съ собой ящикъ съ красками, но изъ моего рисованія ничего не вышло. На дворѣ было много народу, и я сейчасъ же понялъ, что тамъ происходило нѣчто необычайное. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Въ избѣ сидѣлъ коронный фохтъ и двое полицейскихъ, — что за отвратительную форму они носятъ теперь, — и потомъ тамъ было еще нѣсколько толстыхъ крестьянъ. Всѣ, повидимому, чувствовали себя, какъ дома. Происходилъ аукціонъ, такъ какъ торпарь оказался несостоятельнымъ. Домашняя утварь валялась на полу. Собравшіеся подумали, что и я пришелъ что-нибудь купить, и меня попросили войти. Со мной всѣ старались быть очень любезны, но я все время смотрѣлъ только на дѣтей торпаря. Они стояли въ дверяхъ, хотя и находились въ своемъ родномъ домѣ; среди нихъ находилась дѣвочка-подростокъ, которая горько плакала, когда продавали лошадь. Я до сихъ поръ не могу простить себѣ, что я не купилъ для нихъ этой лошади или не купилъ всего торпа, чтобы подарить имъ его. Строенія продавались отдѣльно, и ихъ купили различные хозяева. Мнѣ разсказали, что торпаря выселяли изъ-за того, что онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Торпарь старался дѣлать видъ, что поглощенъ дѣлами, но я хорошо видѣлъ, что онъ готовъ разбить себѣ голову о стѣну. Ты представь себѣ, люди говорили, что у него нѣтъ законныхъ бумагъ, и что торпъ переходилъ только по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Но развѣ это возможно, чтобы несчастный человѣкъ, родившійся на свѣтъ, не могъ удержать за собой то мѣсто, которое воздѣлано

его предками и имъ самимъ и вокругъ котораго они вывели каменную ограду изъ собранныхъ на этомъ мѣстѣ камней. Подумай, если бы насъ вздумали выгонять такимъ образомъ. Развѣ это мѣсто не принадлежитъ ему и его дѣтямъ? Вѣдь они знаютъ тамъ каждую тропинку, каждую ель, каждый камень. Развѣ человѣкъ имѣетъ право выгонять другого изъ его собственнаго дома, и развѣ можетъ это зависѣть отъ какой-то бумаги?»

Господинъ Венделль вскочилъ со своего мѣста, такъ какъ ему показалось, что Эдуардъ подошелъ къ двери.

— Я долженъ былъ отослать лошадь, которую взялъ въ Раухалахти, но я надѣюсь, что у твоего хозяина найдется какой-нибудь подходящій экипажъ? — крикнулъ онъ Эдуарду, какъ если бы онъ никогда и не думалъ читать какое-нибудь письмо.

— О, у него найдется все, что угодно. Я думаю даже, что у этого отвратительнаго созданія есть и коляска, — крикнулъ Эдуардъ въ отвѣтъ, и затѣмъ снова послышалось плесканье воды.

Услыша, что Эдуардъ еще продолжаетъ мыться, Венделль нашелъ возможнымъ хотя бы только просмотрѣть конецъ письма. И онъ прочелъ:

«Я нашелъ цѣль жизни, я хочу бороться за права притѣсненнаго класса. Изъ меня еще выйдетъ человѣкъ, милый папа. Вотъ увидишь. И это вовсе не минутное увлеченіе. Я хочу искупить все то прошлое, которымъ я доставилъ тебѣ столько горя. Скоро я еще напишу. Отвѣчай на это письмо».

Господинъ Венделль сдѣлался очень серьёзнымъ, когда онъ прочелъ письмо до конца.

Когда Эдуардъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, чистый и элегантный, господинъ Венделль сказалъ:

— Если тебѣ дѣйствительно не хочется ѣхать сегодня, то...

— Нѣтъ, это хорошо! Сперва ты заставляешь меня одѣться, а потомъ позволяешь не ѣхать.

Черезъ нѣсколько времени оба товарища сидѣли въ удобномъ тарантасѣ.

Помолчавъ немного, господинъ Венделль сказалъ:

— Ты, кажется, немного обидѣлся?

— Я терпѣть не могу такихъ подозрительныхъ визитовъ лѣтомъ.

— Но, другъ мой, слыханное ли это дѣло, чтобы женихъ ѣхалъ въ такомъ настроеніи духа къ своей невѣстѣ, да которую онъ еще къ тому же не навѣщалъ цѣлый мѣсяцъ!

— Развѣ дѣйствительно такъ долго? — спросилъ Эдуардъ равнодушно.

Они проѣхали почти цѣлую милю въ глубокомъ молчаніи, послѣ чего Эдуардъ сказалъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— У меня всегда такое чувство, точно вся эта исторія затѣяна моимъ отцомъ исключительно изъ-за *меня,* чтобы я, видишь ли ты, исправился и сдѣлался человѣкомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Нечего сказать, придумалъ! Но ты подумай, какъ безумно все это по отношенію къ Мартѣ!

— Если бы ты дѣйствительно былъ влюбленъ, то ты не судилъ бы себя такъ строго.

— Такъ ты, значитъ, думаешь, что я не влюбленъ? — спросилъ Эдуардъ, глядя на Венделля и удивляясь, почему тотъ покраснѣлъ.

— А ты самъ что думаешь объ этомъ?

Эдуардъ вздохнулъ и сказалъ послѣ долгаго размышленія:

— Что мнѣ отвѣтить на это? Собственно говоря, можно съ полной увѣренностью сказать, что я восхищаюсь ею, да, восхищаюсь безмѣрно! Но когда дѣло приняло серьёзный оборотъ, то я почувствовалъ, особенно здѣсь въ деревнѣ, что въ моей любви къ ней есть что-то нехорошее, что-то не вполнѣ искреннее.

— Другими словами, ты не любишь ея больше.

— Я, право, не знаю, хочешь ли ты, чтобы я ее любилъ или нѣтъ? — сказалъ Эдуардъ нѣсколько нервно, и, со страдальческой складкой между сморщенными бровями, онъ долго старался найти подходящій отвѣтъ — ... Не то, но, видишь ли, Марта любитъ во мнѣ не то существо, какое я есть на самомъ дѣлѣ, а нѣчто совершенно иное. Если бы она знала меня какъ слѣдуетъ, то она, можетъ быть, совсѣмъ не любила бы меня. У насъ нѣтъ ничего общаго другъ съ другомъ. Тамъ ждутъ, чтобы я исправился. Они надѣются, что все устроится такъ, что я сдѣлаюсь хорошимъ землевладѣльцемъ. Между тѣмъ я совершенно не вѣрю въ ту жизнь, которой они живутъ, я не вѣрю во все ихъ Раухалахти. На что имъ, скажи на милость, такое громадное количество земли? Вотъ уже двѣ мили — и все только Раухалахти и Раухалахти!

Господинъ Венделль разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя, погрузясь въ глубокія мысли, и ничего не отвѣчалъ.

И разговоръ прекратился.

IV.

РАУХАЛАХТИ.

Широко раскинулись лѣса имѣнія Раухалахти, и глубоко и непроходима ихъ темная чаща. Мягкій мохъ этихъ лѣсовъ никогда не видѣлъ синевы небесъ, а старыя деревья, отдаленныя отъ водяныхъ путей сплавленія, валятся подъ напоромъ бури, и дятелъ обклевываетъ ихъ кору. Эти деревья сгнили и похоронили съ собой во мху старыя воспоминанья бранныхъ временъ, когда свободолюбивый народъ былъ загнанъ побѣдителемъ въ пустынные лѣса и обреченъ на погибель, тогда какъ покоренный народъ, прославлявшій побѣдителя, остался въ своихъ родныхъ мѣстахъ, покинувъ вѣру отцовъ, забывъ бога, лѣса и всѣхъ духовъ-покровителей, промѣнявъ свои руны на псалмы, своихъ пѣвцовъ на духовныхъ пастырей и принявъ насажденное мечомъ спасеніе души.

Съ тѣхъ поръ протекли вѣка, и воспоминанія старыхъ гніющихъ стволовъ исчезли вмѣстѣ съ ними. Правнуки побѣдителей уже успѣли забыть окровавленные мечи своихъ предковъ, а побѣжденные забыли, что когда-то были свободны. Какъ одни, такъ и другіе вѣрятъ теперь въ одного и того же бога, по святой волѣ котораго народы, населяющіе землю, подраздѣлились на два лагеря, на господъ и на слугъ. И эта вѣра принесла съ собой умиротвореніе. Расцвѣли законы и уставы, зазеленѣли широкія поля, появились церкви съ золотыми крестами, и покорный народъ, обнаживъ голову, преклоняетъ колѣна передъ священниками въ пестрыхъ одѣяніяхъ.

Нивы зазеленѣли, законы и уставы расцвѣли, но воспоминанія старыхъ временъ погребены во мху, въ непроходимой чащѣ лѣсовъ.

Развѣ духъ свободныхъ старыхъ временъ не живетъ ужъ больше?

Одни лишь деревья шумятъ въ покинутой чащѣ лѣсовъ.

Уйдемъ оттуда, если ты хочешь видѣть радость, счастье и свѣтъ свободы! Ты найдешь ихъ въ человѣческихъ сердцахъ. Покинемъ дикую пустыню и войдемъ въ прекрасное царство образованія!

Если ты пробродишь день или два дня, то, въ концѣ-концовъ, и самый непроходимый хвойный лѣсъ начнетъ рѣдѣть, и настанетъ конецъ и самой обширной пустынѣ. Вотъ уже попадаются пни отъ срубленныхъ деревьевъ, вотъ уже встрѣчаются между елями

стройныя березки, которыя тянутся къ небу за свѣтомъ и за воздухомъ; уже зелень черники уступаетъ мѣсто брусничнику, уже можно различить зимнія дороги, уже сквозь стволы деревьевъ тамъ и сямъ просвѣчиваютъ голубыя воды озеръ, уже почва понижается, образуя склоны, поросшіе ивнякомъ, уже встрѣчаются природныя поляны съ густолиственными рощицами, уже зимнія дороги встрѣчаются съ другими, поросшими травой, но въ которыхъ ясно обозначаются колеи отъ колесъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Дорога извивается между холмами, то появляясь на высокихъ мѣстахъ, то исчезая на склонахъ долинъ. Вонъ уже и человѣческое жилье, а вонъ тамъ на опушкѣ лѣса другое, вонъ третье, четвертое, а вотъ и цѣлая деревня, ютящаяся на склонѣ горы на мѣстѣ лѣсного пожарища. Избушки тѣснятся одна возлѣ другой, словно ласточкины гнѣзда на сѣрой стѣнѣ отвѣсной скалы. Почему люди поселились на такомъ неудобномъ мѣстѣ для жилья? Чего они боялись? Почему не выбрали они болѣе низкихъ мѣстъ? Почему коровы не пасутся на клеверныхъ поляхъ, а довольствуются кислицей, которую они щиплютъ вокругъ обгорѣвшихъ пней? Ужъ не съ барщины ли возвращается этотъ человѣкъ? Почему приходитъ онъ домой съ разбитыми членами и, не говоря ни слова, бросается на свою постель? Не для уплаты ли оброка собираетъ эта дѣвочка ягоды? Не для того же ли вяжетъ въ рощицѣ вѣники молодая дѣвушка, молчаливая и невеселая?

Но развѣ мы пошли отыскивать несправедливость въ положеніи людей относительно другъ друга? Развѣ мы хотѣли изслѣдовать, почему судьба такъ неравномѣрно распредѣлила свои дары? Нѣтъ. Мы пошли отыскивать священный огонь пѣсни и свободы, который никогда не можетъ совершенно потухнуть въ людскихъ сердцахъ. Гдѣ же горитъ этотъ огонь, гдѣ отражается его отблескъ?

На этомъ каменномъ хребтѣ нѣтъ мѣста духу свободы, въ этихъ деревняхъ теперь не время для слаганія рунъ.

А потому уйдемъ и отсюда, если ты надѣялся найти среди этихъ людей свѣтъ свободы и счастье. Прочь отъ этого сѣраго каменнаго хребта, гдѣ царитъ усталость, гдѣ нѣтъ времени для пѣсни, гдѣ мускулы, жилы, руки, ноги, всѣ мысли и заботы — все напрягается къ тому, чтобы уплатить оброкъ, какъ если бы человѣкъ обращался въ бездушную машину!

Но вотъ дороги опять встрѣчаются; тутъ пролегаетъ большая дорога, на которой уже нѣтъ колей отъ колесъ. Она усыпана пескомъ и окаймлена канавами; вдоль дороги идетъ рядъ телефон-

ныхъ столбовъ, и она извивается по равнинѣ подъ веселую пѣсню проволокъ.

Уже начинаютъ попадаться клезерныя поля, принадлежащія къ большой усадьбѣ. Уже попадаются расчищенныя рощи, уже зеленѣютъ хлѣбныя поля, и чѣмъ ближе къ усадьбѣ, тѣмъ глубже становятся канавы, тѣмъ сочнѣе паровыя поля. Посмотри, вонъ тамъ въ извилинахъ залива виднѣется холмъ съ зеленѣющими липами; онъ возвышается въ самой глубинѣ залива среди изумрудныхъ полей и кудрявой листвы. Туда-то и ведутъ всѣ дороги. Тамъ вѣтеръ, стѣсненный горой, вѣетъ тише, тамъ подъ яркими лучами солнца выросли высокія деревья съ темной листвой, тамъ трава сочная и тростникъ на берегу выше, — тамъ подъ гигантскими липами и старыми кленами стоитъ бѣлая усадьба Раухалахти. Она вся бѣлая, но она отражаетъ на себѣ яркую зелень липъ и кажется тоже зеленой; обросшія мхомъ застрѣхи кажутся зелеными, грудки у ласточекъ, сидящихъ подъ крышей въ своихъ гнѣздахъ, тоже зеленыя, какъ и наличники у оконъ, стекла и гардины.

По лужайкѣ разгуливаютъ нарядные люди; они ходятъ и по парку, и по двору, — въ Раухалахти всегда много народу. Тамъ живутъ и свои, и чужіе, зятья и невѣстки, тести и шурья, двоюродные и троюродные братья и сестры, и ихъ друзья. Одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ, потомъ снова пріѣзжаютъ.

Одни пріѣзжаютъ на нѣсколько недѣль, другіе на нѣсколько дней, нѣкоторые заѣзжаютъ проѣздомъ. Дѣтьми кишитъ вездѣ, и вездѣ видны няньки съ бутылками съ молокомъ, съ пеленками и дѣтскими колясками. Нѣкоторыя дѣти играютъ въ пескѣ, другія на лугу, щебеча взапуски съ птицами. Старшіе гуляютъ группами, но всегда молодыя дѣвушки съ молодыми людьми. Они то играютъ въ крокетъ, то въ лаунъ-теннисъ, то отправляются на прогулку съ пѣснями и веселой болтовней; они держатся въ сторонѣ отъ старыхъ тетокъ съ ихъ головными болями, кофепитіемъ и разговорами о добромъ старомъ времени и о недостаткахъ современной молодежи. И все-таки всѣ эти люди принадлежатъ къ одному счастливому кругу, внутреннюю жизнь котораго согрѣваетъ общественная жизнь, а внѣшнюю — теплые солнечные дни, къ тому кругу, который счастливъ своей свободой, счастливъ своей беззаботностью, счастливые уже только потому, что, къ вящей зависти другихъ, непосвященныхъ, они могутъ считаться среди друзей владѣльцевъ Раухалахти.

Въ главномъ зданіи усадьбы на мягкихъ коврахъ въ равномѣрно покачивающемся креслѣ-качалкѣ, со старинной пѣнковой

трубкой въ рукахъ, сидитъ самъ онъ, тотъ человѣкъ, который представляетъ собою центръ всего: центръ для зимнихъ и лѣтнихъ дорогъ, центръ для необозримыхъ хлѣбныхъ полей, центръ для всѣхъ посѣвовъ и жатвъ, центръ для всѣхъ пожеланій добраго здоровья и долгой жизни. Этотъ человѣкъ, окруженный преданностью и любовью близкихъ и родныхъ, и есть совѣтникъ земледѣлія, добрый, благородный владѣлецъ Раухалахти.

Года успѣли уже щедро посыпать его голову и его бороду серебромъ. Онъ сидитъ по большей части въ креслѣ-качалкѣ, покуривая свою трубку. Онъ не ходитъ больше по своимъ землямъ, раздавая приказанія: теперь приходятъ къ нему за приказаніями. На всей его внѣшности лежитъ отпечатокъ легкаго утомленія, его сѣдые усы слегка пожелтѣли отъ куренія, а подъ глазами у него небольшіе мѣшки, свидѣтельствующіе о кротости. Если онъ и выходитъ иногда изъ дому, чтобы осмотрѣть свои земли, то онъ это дѣлаетъ не для того, чтобы провѣрить, какъ идутъ работы, а только для того, чтобы насладиться всѣмъ тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя, насладиться полнымъ порядкомъ и тѣмъ, что все идетъ какъ бы само собой. Онъ можетъ смѣло посвящать свои дни изслѣдованію старыхъ историческихъ писемъ, которыя еще существуютъ въ Раухалахти: прадѣдовская коллекція старинныхъ писемъ — это гордость Раухалахти. Много историческихъ лицъ, если и не находились въ прямомъ родствѣ съ владѣльцами Раухалахти, то во всякомъ случаѣ состояли въ близкой связи съ ними. За исключеніемъ писемъ многихъ героевъ финской войны, тамъ хранились собственноручныя письма Армфельта, Аминова и даже Густава III. Всѣ они были тщательно собраны въ пакеты и уложены въ папки, отдѣланныя кожей; самые драгоцѣнные документы лежали, развернутые, подъ стекломъ. Среди этихъ писемъ совѣтникъ земледѣлія чувствовалъ себя, какъ въ святилищѣ. Онъ зналъ всѣ письма по номерамъ и зналъ содержаніе каждаго изъ нихъ почти слово въ слово, и, несмотря на это, онъ постоянно перечитывалъ ихъ собравшейся семьѣ, роднымъ или друзьямъ, — онъ читалъ серьёзно и съ благоговѣніемъ, какъ если бы онъ исполнялъ какое-нибудь святое дѣло.

У совѣтника семеро дѣтей и множество внучатъ. Уже въ преклонномъ возрастѣ онъ вторично женился на особѣ, которая удивила всѣхъ тѣмъ, что, наперекоръ обычному явленію, она сумѣла установить хорошія отношенія съ дѣтьми мужа отъ его перваго брака. Она стала душой въ большомъ хозяйствѣ помѣстья Раухалахти, но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ уваженіемъ относилась къ правамъ дѣтей мужа, которыя считали Раухалахти своимъ до-

момъ. Она славилась также тѣмъ, что поддерживала добрыя отношенія съ самыми разнообразными людьми, она интересовалась всевозможными вопросами и съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ мыслей своего собесѣдника. И при всемъ этомъ она не забывала о томъ, что происходило въ кухнѣ, какъ чувствуютъ себя маленькія дѣти, находящіяся на ея попеченіи, которыхъ надо укладывать спать, которыхъ пора кормить и которымъ надо итти гулять.

Если все это было прекрасно, то еще прекраснѣе были отношенія между супругами.

Насколько они оба были примѣрны, — она, какъ хозяйка дома, онъ какъ хозяинъ обширнаго имѣнія,—настолько они были идеальной супружеской четой. Даже самые близкіе люди не могли рѣшить, чья воля была рѣшающей. Этого нельзя было выяснить даже при тщательномъ наблюденіи за ихъ дѣйствіями и словами. Обыкновенно они обмѣнивались другъ съ другомъ лишь нѣсколькими словами. Жена приходила и наклонялась къ мужу, сидящему въ креслѣ-качалкѣ, и шептала ему нѣсколько словъ на ухо. Послѣ этого они обмѣнивались взглядомъ и едва слышно произносили нѣсколько словъ. Если они бывали различныхъ взглядовъ, то посторонніе, присутствовавшіе при этой сценѣ, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за выраженіемъ ихъ лицъ, стараясь подмѣтить малѣйшую досаду или хотя бы нетерпѣливое подергиваніе плечъ. Но мужъ только хлопалъ свою жену по рукѣ, а она говорила на это: «хорошо», и уходила. Кто знаетъ, какія важныя дѣла рѣшались такимъ образомъ! Никто не могъ бы сказать, перемѣнилъ ли мужъ свое рѣшеніе, узнавъ мнѣніе жены, или же жена уступила, узнавъ взглядъ мужа.

Иногда случалось, что бѣлыя двери, по обыкновенію закрытыя и находившіяся въ концѣ цѣлой амфилады залъ и гостиныхъ, оставались раскрытыми. Тогда гости, не имѣвшіе права доступа во внутреннія комнаты, могли издали заглянуть въ «святое-святыхъ». Предметы въ этой комнатѣ были видны неясно, такъ какъ гардины тамъ были всегда спущены, и тамъ царилъ полумракъ, но въ этомъ полумракѣ сверкали золотые набалдашники на двухъ, рядомъ стоящихъ кроватяхъ. Виднѣлась также мраморная статуя Христа, который подъ пологомъ протягивалъ свои руки для благословенія.

Если это святое-святыхъ видѣло молодое существо, то его охватывало радостное чувство, и его мечта, его невоплощенный идеалъ нѣжно шепталъ ему: брось безплодныя сомнѣнія, жизнь— это радость; цѣль жизни ясна и близка, и значеніе ея просто и

естественно. То, что неясно обрисовывается тамъ, подъ поломъ, — вѣрная житейская пристань, цѣль человѣческаго существованія. Внѣ домашняго очага и семейнаго счастья — лишь буря, отчаяніе и несчастье.

Нашли ли мы, наконецъ, то обширное и прохладное зданіе, которое возведено свободой и счастьемъ?

Слышишь ли ты звуки музыки, которая раздается въ залахъ этого золотого жилища? Слышишь ли ты мягкіе звуки флейты, нѣжные переливы скрипки и гармоничный аккомпаниментъ фортепіано? Прислушайся также къ веселому гомону, царящему среди беззаботной молодежи; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ встали въ кружокъ и приготовились танцовать.

Пусть необитаемые лѣса шумятъ въ своемъ одиночествѣ! Здѣсь счастье, здѣсь та свобода, безъ которыхъ люди не могутъ дышать. Здѣсь живутъ дочери искусства и пѣсни, которыя превращаютъ негостепріимную землю въ жилище радости для людей.

V.

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Однако, и у счастливыхъ владѣльцевъ Раухалахти были свои заботы.

У совѣтника земледѣлія было семь дочерей и ни одного сына. Кому передать имѣніе?

Всѣ дочери, кромѣ самой младшей, фрекенъ Марты, были замужемъ. И всѣ онѣ были счастливы въ супружествѣ. Ихъ мужья, всѣ безъ исключенія, были значительными людьми или, по крайней мѣрѣ, подавали несомнѣнную надежду сдѣлаться таковыми въ ближайшемъ будущемъ. Двое изъ нихъ были военными, другіе двое — чиновниками, одинъ — директоромъ банка и, наконецъ, послѣдній былъ приватъ-доцентомъ университета. Но никто изъ нихъ не былъ способенъ взять на себя управленіе Раухалахти.

А потому завѣтнымъ желаніемъ совѣтника земледѣлія было выдать свою младшую дочь, любимую Марту, за человѣка, который былъ бы въ состояніи взять на себя управленіе имѣніемъ.

Но желаніе это не осуществилось, что мы и увидимъ дальше.

У совѣтника былъ старый другъ, занимавшій высокій военный постъ въ Россіи и извѣстный своей храбростью, а также своей любезностью и своимъ необыкновенно громкимъ голосомъ — онъ всегда кричалъ такъ, какъ если бы необходимо было перекри-

чать бурю. Кромѣ того, онъ отличался своей полной безпомощностью во всемъ, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ военному дѣлу. Если, напримѣръ, приходилось касаться какого-нибудь вопроса изъ области чувствъ, то воинъ окончательно терялся. Глаза его дѣлались круглыми, и на лицѣ появлялось испуганное выраженіе. Къ его великому несчастью, онъ остался въ жизни одинокимъ, такъ какъ его умная и добрая жена умерла рано, оставивъ на рукахъ своего безпомощнаго, шумливаго мужа ихъ единственнаго сына Эдуарда. Безпредѣльно любя своего сына, но не имѣя ни малѣйшаго понятія о воспитаніи дѣтей, отецъ не жалѣлъ денегъ, стараясь при помощи ихъ пополнить то, чего не хватало въ воспитаніи сына. Онъ пригласилъ къ сыну лучшихъ учителей какъ въ области науки, такъ и искусства. Кромѣ того, при сынѣ находился воспитатель, имѣвшій надзоръ за ученьемъ. И при всемъ этомъ оказалось, что въ воспитаніи сына какъ будто было что-то неправильное. Послѣ своего поступленія въ университетъ, молодой человѣкъ, повидимому, утратилъ всякое желаніе совершенствоваться въ наукахъ и началъ вести разгульную жизнь со своими товарищами. Его поведеніе съ каждымъ годомъ становилось все хуже, пока онъ не дошелъ, наконецъ, почти до полной гибели. Онъ не обращалъ больше ни малѣйшаго вниманія на приличія, бравировалъ своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій и безвозвратно погубилъ свою репутацію необузданнымъ поведеніемъ.

Отецъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы противодѣйствовать этому несчастію. Самъ онъ, конечно, не могъ вліять на сына; если даже онъ и напрягалъ для этого всѣ свои мысли, то онъ ничего не могъ придумать, кромѣ простого увѣщанія, состоявшаго изъ словъ: «брось пить!» Его отеческіе совѣты не шли дальше этого. Въ своей безпомощности онъ обратился за совѣтомъ къ духовнымъ пастырямъ, которыхъ онъ еще помнилъ по старому знакомству. Онъ даже написалъ самому архіепископу, желая узнать его мнѣніе. Послѣдній отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ высказывалъ надежду, что Господь когда нибудь приведетъ юношу на его, епископа, путь, и рекомендовалъ пока назидательное чтеніе. Другіе совѣтывали заграничное путешествіе или вообще перемѣну мѣстожительства. Нашъ воинъ добросовѣстно слѣдовалъ всѣмъ совѣтамъ; онъ послалъ своему сыну книги духовнаго содержанія, устроилъ для него поѣздку за границу въ обществѣ хорошаго попутчика и всѣми силами старался уговорить его посѣтить архіепископа и лично познакомиться съ нимъ.

Но ни епископы, ни священники, ни книги духовнаго содержанія, ни заграничное путешествіе не имѣли никакого воздѣйствія.

Въ этого-то юношу, который, за исключеніемъ своего благороднаго имени, ничѣмъ не могъ похвастаться въ глазахъ свѣта, и была влюблена фрекенъ Марта — та самая Марта, которая была любимицей отца, любимицей управляющаго и всѣхъ слугъ, любимицей береговъ и воды, лѣсовъ, горъ, цвѣтовъ и всего, къ чему она только прикасалась, на чемъ останавливался ея взоръ.

Когда старый воинъ замѣтилъ отношенія между Мартой и своимъ сыномъ, — а не замѣтить этого было трудно, такъ какъ Марта постоянно краснѣла, — то онъ пришелъ въ восторгъ. Онъ совѣтовался относительно своего сына также и съ медицинскими свѣтилами, которыхъ онъ лично зналъ, и тѣ сказали ему, что женитьба могла бы повліять на его сына благотворно и успокоительно. Важное открытіе, что Марта любитъ Эдуарда, и что Эдуардъ можетъ жениться на дочери его стараго друга, обрадовало его чрезвычайно. И онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ прокричать объ этомъ на весь свѣтъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было обрученіе молодой четы.

Старый воинъ былъ въ восторгѣ, но никакъ нельзя было сказать того же про совѣтника земледѣлія и про остальныхъ обитателей усадьбы.

Это обрученіе создало въ Раухалахти напряженную атмосферу. Оно составляло тайное горе совѣтника и его зятьевъ. Оно было предметомъ печалованій для всѣхъ тетокъ и всѣхъ знакомыхъ, считавшихъ себя въ числѣ близкихъ друзей владѣльцевъ Раухалахти. Никто не рѣшался говорить объ этомъ откровенно, но во всемъ, что говорилось, звучала извѣстная нотка, которая какъ бы служила отличительнымъ признакомъ того, насколько то или другое лицо принадлежитъ къ кругу друзей Раухалахти.

Если бы совѣтникъ не держалъ такъ крѣпко въ своихъ рукахъ бразды правленія, то навѣрное эти нѣмые, но краснорѣчивые взоры и осторожный шопотъ превратились бы въ откровенный ропотъ, который не прекратился бы до тѣхъ поръ, пока обрученіе не было бы расторгнуто.

Но совѣтникъ не ослаблялъ туго натянутыя бразды.

Воля Марты была для него закономъ, а слѣдовательно, и для всѣхъ обитателей усадьбы.

Совѣтникъ ничѣмъ не показалъ, что онъ что-нибудь имѣетъ противъ выбора своей дочери или хоть сколько-нибудь недоволенъ этимъ, а соотвѣтственно этому относились къ обрученію Марты и остальные домочадцы.

Конечно, Марта не могла оставаться въ невѣдѣніи относительно скрытыхъ мыслей окружавшихъ ее людей. Стоило ей только, хотя бы вскользь, съ похвалой отозваться о наружности какого-нибудь мужчины, какъ всѣ спѣшили наперерывъ выразить свое восхищеніе этимъ господиномъ: лучше, красивѣе, элегантнѣе его нѣтъ на всемъ свѣтѣ! Замѣчательно также было то усердіе, съ которымъ мачеха Марты, конечно, съ согласія самого совѣтника, начала устраивать всевозможныя празднества, на которыя приглашалось избранное молодое общество изъ столицы.

На одинъ изъ такихъ праздниковъ и теперь собралось общество въ Раухалахти. Мартѣ исполнилось двадцать лѣтъ.

За цѣлую недѣлю до этого въ усадьбѣ начались приготовленія: пекли, жарили, варили пиво. Задолго начали клеить фонарики, плести гирлянды и разучивать новые танцы и пѣсни.

Когда Марта, разбуженная выстрѣлами и пѣніемъ, вышла утромъ на веранду, всѣ колонны которой были сверху донизу увиты гирляндами изъ зелени и розъ, то ее встрѣтило множество гостей. Всѣ окружили ее, предлагая ей цвѣты и букеты.

Тетки, которыя цѣлую недѣлю писали пригласительныя письма и разсылали ихъ во всѣ стороны, какъ бы сговорясь, обратили ея вниманіе на большое собраніе гостей. «Вотъ видишь, Марта, какъ тебя любятъ,—всѣ безъ особаго приглашенія вспомнили тебя въ этотъ день!» При этомъ взоры ихъ какъ будто прибавляли: «Посмотримъ, вспомнитъ ли этотъ день т о т ъ г о с п о д и н ъ!»

Прошло полъ-дня. Всѣ были увѣрены, что «тотъ господинъ» не пріѣдетъ больше, и дѣлали видъ, что возмущаются этимъ, тогда какъ въ глубинѣ души радовались. Каково же было ихъ удивленіе, когда ворота раскрылись, и въ нихъ въѣхалъ господинъ Венделль въ спровожденіи Эдуарда.

Всѣ гости, сидѣвшіе на верандѣ, перегнулись черезъ перила; многіе произнесли имя Эдуарда со вздохомъ разочарованія. Въ это мгновеніе казалось, словно всѣ яства напрасно приготовлены, всѣ вѣнки и гирлянды напрасно сплетены, всѣ разноцвѣтные фонарики напрасно склеены и пригласительные билеты напрасно разосланы.

А что можно было подумать о господинѣ Венделлѣ? Чѣмъ объяснить, что онъ самъ привезъ сюда Эдуарда? Кто-то утромъ вспоминалъ про господина Венделля. Теперь было ясно, что онъ ѣздилъ за Эдуардомъ и напомнилъ ему о днѣ рожденія Марты. Какъ объяснить все это?

Такъ, значитъ, господинъ Венделль не считаетъ себя больше въ кругу близкихъ къ семьѣ совѣтника? Значитъ, онъ не раз-

дѣляетъ ихъ чувствъ? А онъ до сихъ поръ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто лучше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ положеніе вещей въ семьѣ совѣтника. Хотя онъ и не былъ родственникомъ, но его принимали въ этой семьѣ, какъ родного, и онъ подолгу гостилъ въ Раухалахти. И развѣ это не было бы къ выгодѣ господина Венделля, если бы Эдуардъ прозѣвалъ этотъ день и показалъ бы себя въ настоящемъ свѣтѣ? И, наконецъ, развѣ господинъ Венделль не былъ тѣмъ человѣкомъ, котораго Марта считала хорошимъ другомъ и который, какъ многіе надѣялись, когда-нибудь займетъ въ сердцѣ Марты мѣсто Эдуарда?

И этотъ-то самый господинъ Венделль, — стоило бы ему дать хорошую встрепку, — тащитъ сюда Эдуарда, точно всѣмъ на зло!

Эдуардъ выпрыгнулъ изъ экипажа, оставилъ Венделля и, съ недовольнымъ лицомъ, приподнявъ шляпу передъ гостями, пошелъ здороваться съ хозяевами.

Марта стояла между двумя подругами. Отъ волненія она сперва поблѣднѣла, а потомъ у нея на щекахъ выступили два красныхъ пятна, которыя рѣзко выдѣлялись на блѣдномъ лицѣ.

У жениха не было ни букета, ни единой розы для нея.

Въ ту минуту, когда Эдуардъ, стоя среди благоухающихъ цвѣтовъ, замѣтилъ свою оплошность и почувствовалъ на себѣ неодобрительные взгляды, онъ услыхалъ вдругъ позади себя голосъ Венделля:

— Послушай, Эдуардъ, возьми же вотъ это. Главное-то ты и забылъ!

И Венделль передалъ Эдуарду круглую картонку. Послѣдній открылъ ее и вынулъ изъ нея такой изящный и съ такимъ вкусомъ подобранный снопъ розъ, что у дамъ невольно вырвался крикъ восторга.

Откуда Венделль досталъ эти цвѣты, Эдуардъ не могъ понять. Онъ смутно помнилъ только, что когда они выѣзжали изъ Ваниккола, то Венделль поставилъ подъ сидѣнье какой-то ящикъ.

Фрекенъ Марта была въ такомъ восторгѣ отъ цвѣтовъ, что глаза ея засіяли; красныя пятна разлились по щекамъ и превратились въ нѣжный румянецъ.

— Спасибо, Эдуардъ! Что за прелесть! Спасибо! — проговорила она, и на глазахъ у нея навернулись слезы; она должна была уйти изъ комнаты.

Всѣ поняли, что это были слезы радости.

Но Эдуарду показалось, что общество нашло благодарность Марты чрезмѣрной, и что оно осуждаетъ ее за то, что она такъ

открыто показала, что попрежнему любитъ Эдуарда. Когда Марта ушла, всѣ начали превозносить ее, и многіе повернули Эдуарду спину, какъ бы желая дать ему почувствовать его ничтожество по сравненію съ Мартой, этой обожаемой младшей дочерью помѣщика.

Эдуарда представили пожилымъ мужчинамъ, но тѣ поспѣшили снова занять свои удобныя мѣста на верандѣ и продолжали разговоръ, касавшійся политическаго состоянія страны. Вдругъ Эдуардъ выпрямился и сказалъ громко и рѣзко:

— Это прямо невѣроятно, какое громадное количество невоздѣланной земли находится въ этомъ имѣніи. Я смотрѣлъ, пока мы ѣхали сюда, такъ ей конца не было.

Всѣ обернулись къ Эдуарду. Молодые люди и дамы, которые хотѣли уйти, остановились, когда услыхали голосъ Эдуарда. Всѣ удивлялись способности Эдуарда заводить новый разговоръ. Его смѣлость въ этомъ отношеніи многимъ нравилась, въ другихъ она порождала надежду срѣзать его.

— Это значитъ, — сказалъ одинъ изъ зятьевъ, директоръ банка, съ коротко подстриженными свѣтскими усами,—это значитъ, что вы намекаете на лѣса Раухалахти?

Этотъ господинъ всегда обращался къ Эдуарду на *вы*, такъ какъ онъ не хотѣлъ признавать въ немъ жениха Марты.

— Я намекаю на такую землю, которую можно было бы обрабатывать, но которую въ этомъ имѣніи не обрабатываютъ и такимъ образомъ не даютъ возможности другимъ обрабатывать. Это несправедливо!

Эти слова произвели впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Всѣ переглянулись. Одинъ шутникъ состроилъ примасу, при чемъ нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ, стоявшихъ у дверей, фыркнули и съ шумомъ выбѣжали изъ комнаты.

Наступило долгое молчаніе.

Такъ какъ политическіе вопросы, составлявшіе тему для разговора до прибытія Эдуарда, были очень интересны, то директоръ банка, ни единымъ словомъ не отвѣчая Эдуарду и какъ бы желая этимъ уколоть его, продолжалъ совершенно спокойно излагать свой взглядъ на форму правленія 1772 года.

Онъ былъ юристомъ до мозга костей и страстнымъ защитникомъ основныхъ законовъ. Для всѣхъ обитателей Раухалахти онъ былъ авторитетомъ во всемъ, что касалось политики. Особенно краснорѣчивы и убѣдительны были тѣ доводы, которые онъ приводилъ, чтобы доказать, почему обѣщаніе Александра I, данное

Боргоскому сейму, о сохраненіи основныхъ законовъ должно оставаться въ силѣ и для всѣхъ послѣдующихъ правителей.

Однако, какъ ни интересны были жгучіе вопросы дня, любопытство общества было возбуждено и тѣмъ вопросомъ, который затронулъ Эдуардъ. Въ то время, какъ часть общества разсуждала о пассивномъ сопротивленіи и о «Fria Ord» *, другая часть потихоньку передвинулась къ Эдуарду и завела съ нимъ разговоръ о землевладѣніи.

Теперь разговоръ шелъ на двухъ различныхъ концахъ веранды. Какъ ни старался директоръ банка затмить своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ разговоръ въ противоположномъ углу, онъ скоро замѣтилъ, что его слушаютъ разсѣянно и все вниманіе удѣляютъ другому разговору. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что вся молодежь, а также и дамы, собрались вокругъ Эдуарда, — это подѣйствовало на его нервы. Когда онъ замолчалъ на мгновеніе, чтобы перевести дыханіе, то между нимъ и его слушателями рѣзкимъ диссонансомъ ворвался голосъ Эдуарда.

— Неужели же нѣчто подобное можетъ зависѣть отъ какой-то бумаги? Торпъ принадлежалъ ихъ отцу, ихъ дѣду и даже ихъ прадѣду, и каждую пядь земли они обработали сами. Но вотъ появляется новый владѣлецъ земли, которому принадлежитъ и торпъ, и говоритъ: «Убирайся вонъ! У тебя нѣтъ никакихъ бумагъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, что тебѣ обѣщали другіе!» Да развѣ это не возмутительно?!

— Это очень грустно, — замѣтилъ благочинный. Когда-то и онъ по просьбѣ отца Эдуарда старался привести блуднаго сына на путь истинный. — Это очень грустно, но, съ другой стороны, святость права собственности...

Эдуардъ не далъ ему договорить:

— Какое право имѣетъ человѣкъ на землю, которую обрабатываетъ другой? Это право узурпатора. Но по закону природы земля должна была бы принадлежать всѣмъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ.

— Дорогой другъ, — возразилъ на это благочинный, — это было бы противъ человѣческихъ законовъ и противъ порядка; это привело бы людей къ борьбѣ другъ съ другомъ и вернуло бы насъ къ тѣмъ временамъ, когда не было никакихъ общественныхъ законовъ, когда царила полная анархія.

— Позвольте вамъ сказать, что именно теперь царитъ от-

---

* Запрещенная въ то время въ Финляндіи газета „*Свободное Слово*“ *Примѣч. переводч.*

крытая анархія, потому что то, что творится теперь, это беззаконіе, это узурпаторство, это грабежъ.

— Подождите, — остановилъ его благочинный, но ему такъ и не удалось вернуть слово.

— И я хорошо знаю, — продолжалъ Эдуардъ, — почему землю не позволяютъ обрабатывать. Это потому, что вы хотите, чтобы были бѣдные, которыхъ можно было бы заставить работать на васъ за нѣсколько пенни въ день. Вотъ въ чемъ вся штука!

Снова наступило молчаніе, во время котораго присутствовавшіе какъ бы взвѣшивали значеніе словъ, сказанныхъ Эдуардомъ.

Директоръ банка нашелся первый. Онъ всталъ и приготовился уйти съ веранды. Другіе послѣдовали его примѣру, и черезъ нѣсколько мгновеній всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Такимъ образомъ всѣ безъ предварительнаго соглашенія показали Эдуарду свое мнѣніе о немъ.

Эдуардъ принялъ вызывающую позу и со скрещенными на груди руками спокойно смотрѣлъ, какъ общество понемногу оставляло веранду. Онъ понялъ, что уходятъ, чтобы отдѣлаться отъ него.

Эдуардъ искалъ глазами только Марту.

Марта осталась стоять въ дверяхъ и смотрѣла прямо ему въ глаза. Она была блѣдна, и ея большіе испытующіе глаза выражали въ одно и то же время и удивленіе, и страхъ, какъ у ребенка, который слушаетъ страшную сказку.

Эдуарду показалось, что онъ читаетъ въ этихъ глазахъ свой приговоръ: «Такъ вотъ какой ты! Я думала увидать тебя покорнымъ и раскаивающимся, а ты только дерзокъ! Прощай!»

Какъ ни былъ Эдуардъ влюбленъ въ ея глаза, но ему казалось невозможнымъ измѣнить ради нихъ свои убѣжденія. Это значило бы обмануть и себя, и ее. А потому онъ отвернулся отъ Марты, гордо встряхнувъ головой и какъ бы отвѣчая ей такимъ же рѣшительнымъ: прощай!

Наконецъ, ушла и Марта. Остался одинъ совѣтникъ земледѣлія.

По всей вѣроятности, ушелъ бы и онъ, если бы не замѣтилъ выраженія глазъ Марты, и если бы онъ не придалъ этому выраженію совсѣмъ другое значеніе. Онъ понялъ, что Марта проситъ его не разрывать съ Эдуардомъ, а потому онъ рѣшилъ изъ любви къ дочери поговорить съ молодымъ человѣкомъ, чтобы заставить его послушаться голоса разсудка.

Совершенно неожиданно для себя Эдуардъ, который уже думалъ, что всѣ дружескія связи съ этой семьей порваны, вдругъ услыхалъ голосъ совѣтника, который заговорилъ съ нимъ ласково и дружелюбно, продолжая спокойно покачиваться въ своемъ креслѣ-качалкѣ.

— Я такъ хорошо знаю всѣ эти разговоры, дорогой Эдуардъ, — каждое слово мнѣ хорошо знакомо. И какъ это ни странно, но и я самъ когда-то задумывался надъ всѣми этими вопросами. Какъ хорошо я помню то время, когда я только-что вернулся изъ Мюнхена, гдѣ я слушалъ лекціи Риля. И еще теперь звучатъ въ моихъ ушахъ могучія слова великаго учителя, обращенныя къ намъ, его ученикамъ: «Обнажите сердце вашей родины, идите въ народъ, работайте, просвѣщайте, поднимайте, будите!» Проникнутый его великими идеями, горя желаніемъ принести пользу, я вернулся на родину. Я готовъ былъ отдать свою жизнь ради того, чтобы слѣдовать совѣту учителя. Но скоро слишкомъ скоро я замѣтилъ, что все, чѣмъ я такъ увлекался, было по большей части лишь миражемъ. Оказалось, что многое въ дѣйствительной жизни было совсѣмъ иначе, чѣмъ это представилъ Риль, многое, многое. «Будь къ мужику справедливъ, но никогда не будь къ нему добръ», — говоритъ пословица, и въ словахъ этихъ много правды.

— А землю вы имъ дали? — спросилъ Эдуардъ тѣмъ же тономъ, хотя ласковый голосъ совѣтника уже успѣлъ произвести на него извѣстное дѣйствіе.

— Я чувствовалъ себя въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится докторъ, который долго занимался приготовленіемъ укрѣпляющаго питья, и котораго отталкиваютъ тѣ, для кого онъ готовилъ это питье, въ тотъ моментъ, когда онъ подноситъ имъ его. И вотъ я очутился среди народа съ протянутой ложкой въ рукахъ, но никто не обращалъ вниманія на мое лѣкарство.

Эдуардъ хотѣлъ было еще разъ спросить, не состояло ли лѣкарство въ надѣленіи землей безземельныхъ, но онъ не хотѣлъ обидѣть совѣтника, намекавшаго своимъ сравненіемъ на школы, которыя онъ когда-то хотѣлъ устроить для простого народа. Совѣтникъ самъ вернулся къ его вопросу.

— Ты спрашивалъ, далъ ли я земли? Неужели ты думаешь, я не попыталъ и этого? Дай имъ только землю, и они высосутъ изъ нея всѣ соки, вырубятъ лѣсъ и продадутъ его. Или, можетъ быть, ты хотѣлъ, чтобы я отдалъ имъ землю даромъ? Раздѣлилъ бы Раухалахти на участки и отдалъ бы ихъ имъ? Это было бы вполнѣ по-христіански, это безспорно, но позволь мнѣ усо-

мниться въ пользѣ такого мѣропріятія. Слѣдствіемъ этого было бы то, что торпари превратились бы въ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но что же дальше? Эти землевладѣльцы въ свою очередь обзавелись бы торпарями, которыхъ они высасывали бы гораздо болѣе основательно, чѣмъ мы умѣемъ это дѣлать. Богатый мужикъ — есть ли что-нибудь болѣе отвратительное? Вотъ это настоящіе пауки!

Выраженіе тяжелаго разочарованія появилось на лицѣ Эдуарда, какъ если бы его вѣра поколебалась — его вѣра во все то, о чемъ писалъ своему отцу и что одно лишь могло возбудить въ немъ желаніе къ моральному возрожденію.

Но онъ не хотѣлъ уступить сразу. Ему захотѣлось разсказать о сценѣ, свидѣтелемъ которой онъ былъ и которая дала извѣстное направленіе его мыслямъ. Онъ нарисовалъ картину изгнанія Кинтури изъ его торпа.

— Я никогда не забуду этого — это было тяжелое зрѣлище: коронный фохтъ и всевозможные полицейскіе сидѣли на скамьяхъ и громко разговаривали, дѣти плакали, — вѣдь этотъ торпъ былъ для нихъ роднымъ домомъ, какъ и наши дома для насъ; подумайте, если бы и насъ выгнали такимъ образомъ изъ нашего собственнаго дома!

Совѣтникъ земледѣлія покачалъ головой.

— Знаешь, дорогой Эдуардъ, мнѣ кажется, что ты все это сильно преувеличиваешь. Конечно, я не хочу сказать, что народъ не умѣетъ чувствовать, но, насколько я его знаю, онъ никогда не привязывается къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту, напримѣръ, вслѣдствіе его красиваго мѣстоположенія. Напротивъ, крестьяне охотно перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, если они предвидятъ отъ этого матеріальную выгоду. Къ сожалѣнію, я замѣтилъ, что они истощаютъ свою собственную землю и потомъ зарятся на чужіе лѣса. Ты не знаешь народа, Эдуардъ, и, прости мнѣ, не знаешь положенія вещей въ нашей странѣ.

Послѣ этихъ словъ совѣтника Эдуардъ почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Онъ глубоко вздохнулъ.

Теперь и совѣтникъ замѣтилъ тоскливое выраженіе на лицѣ Эдуарда, но это только обрадовало его, такъ такъ, по его мнѣнію, это было хорошимъ признакомъ и подавало надежду на перемѣну въ Эдуардѣ. А потму въ голосѣ его было нѣчто ободряющее, когда онъ сказалъ, весело вставая съ кресла:

— Но если тебя такъ интересуетъ крестьянскій вопросъ, то я могу рекомендовать тебѣ множество книгъ, которыя разсма-

триваютъ этотъ вопросъ всесторонне. Вся моя библіотека къ твоимъ услугамъ. Пойдемъ, я тебѣ покажу.

И онъ повелъ Эдуарда въ библіотеку, обширную комнату съ высокими окнами и стѣнами, заставленными книжными полками съ потолка до пола.

— Посмотри вотъ это и вотъ это, — сказалъ онъ, вынимая одинъ томъ за другимъ. Онъ разложилъ на столѣ передъ Эдуардомъ цѣлую кучу статистическихъ таблицъ. Это были тяжеловѣсныя разсужденія относительно безземельнаго населенія и, главнымъ образомъ, относительно торпарей. О каждой книгѣ онъ говорилъ нѣсколько пояснительныхъ словъ.

— Какъ видишь, много сдѣлано для того, чтобы выяснить этотъ вопросъ, но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется.

Эдуарду казалось, что онъ становится все меньше и меньше.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ оживленіи, съ которымъ говорилъ совѣтникъ, Эдуардъ почувствовалъ преднамѣренность. Казалось, точно помѣщикъ раскидываетъ невидимыя сѣти, чтобы поймать въ нихъ Эдуарда.

А потому Эдуардъ почувствовалъ громадное облегченіе, когда нѣсколько гостей вошло въ библіотеку, и ему можно было уйти. Такимъ уничтоженнымъ онъ еще никогда не чувствовалъ себя.

Когда онъ проходилъ по большой залѣ, то мимо него пробѣжала кучка молодыхъ дѣвушекъ. Хлопая въ ладоши, перебивая другъ друга и крича, онѣ съ хохотомъ ворвались въ библіотеку, чтобы сообщить совѣтнику о новомъ планѣ относительно какой-то прогулки. Но вдругъ все стихло. Повидимому, съ ними заговорилъ совѣтникъ. И если Эдуардъ и не слышалъ, что онъ говорилъ, то онъ почувствовалъ, что совѣтникъ сказалъ нѣсколько словъ въ его защиту. Эдуардъ поспѣшно вышелъ изъ залы.

Онъ прошелъ черезъ веранду, гдѣ уже снова успѣло собраться цѣлое общество мужчинъ. Онъ хотѣлъ было пройти въ садъ, но потомъ свернулъ направо и подошелъ къ красной изгороди, которая отдѣляла дворъ отъ службъ и строеній, въ которыхъ жили работники. Казалось, точно онъ хотѣлъ уже выйти въ ворота и незамѣтно покинуть усадьбу, но потомъ онъ замедлилъ шаги и остановился передъ изгородью. Облокотясь о перекладину и мрачно вздыхая, онъ смотрѣлъ передъ собой, нервно грызя травинку. По другую сторону изгороди по сухой раскаленной скалѣ разгуливала одинокая курица и клевала упавшія зерна. Она изрѣдка издавала грустные звуки, какъ бы тоскуя въ своемъ одиночествѣ. Безконечно назойливыми казались вечерніе солнечные

лучи, которые падали на выжженную траву и на отполированную людскими ногами блестящую скалу.

Черезъ нѣсколько минутъ на лицѣ Эдуарда появилась ироническая улыбка. Онъ отбросилъ травинку, обернулся и, протирая глаза, какъ бы для того, чтобы прогнать сонъ, онъ направился, посвистывая, къ дому.

Но это былъ уже совсѣмъ другой Эдуардъ.

Увидя на верандѣ молодыхъ дѣвушекъ, онъ остановился, перевязалъ галстукъ и провелъ рукой по волосамъ. Его глаза, которые незадолго передъ тѣмъ выражали удрученное состояніе и дѣтскую грусть, были теперь полны задора.

Онъ вошелъ въ самую середину веселой ватаги и снова превратился въ самаго внимательнаго свѣтскаго молодого человѣка. Онъ былъ снова красивъ, въ его обращеніи съ дамами появилась очаровательная смѣлость, онъ пилъ ихъ здоровье и волновалъ ихъ молодое воображеніе своими идеями относительно свободной любви. Послѣ того, какъ онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, онъ громко высказалъ мысль, что обрученіе само по себѣ нѣчто неестественное и позорное, потому что оно ставитъ любовь и природу въ зависимость отъ доходовъ и положенія.

Это была тема для безконечныхъ споровъ!

Все общество отправилось на прогулку, но каждую минуту всѣ останавливались и продолжали спорить. Прошло много времени, прежде чѣмъ усѣлись въ лодку, такъ какъ и на пристани продолжались еще споры.

Изъ танцевъ, которые предполагались послѣ прогулки, также ничего не вышло, хотя молодые люди уже побороли первоначальную застѣнчивость и просили начать танцы. Уже дрозды запѣли свою вечернюю пѣсню въ вершинахъ осинъ, уже начало смеркаться, и пестрые фонарики засвѣтились среди деревьевъ парка и среди перилъ веранды, и музыка уже не разъ приглашала къ танцамъ. Дрозды пѣли, музыка играла, фонарики горѣли, но никого не было, кто бы видѣлъ и слышалъ все это. Стоялъ гулъ голосовъ, слышались остроумныя замѣчанія, и въ воздухѣ звенѣли молодые голоса и разносились по землѣ. Кучка спорящихъ людей напоминала муравейникъ, въ который бросили горящій смоляной факелъ. Факеломъ былъ вопросъ о *свободной любви*.

Это Эдуардъ зажегъ смоляной факелъ, и его звонкій голосъ покрывалъ всѣ остальные голоса и разносился далеко кругомъ.

Онъ много выпилъ, и какъ его душевныя силы, такъ и физическая красота выступали во всемъ блескѣ.

— Говорите, что хотите, — послышался вдругъ молодой

женскій голосъ, принадлежавшій дѣвушкѣ, извѣстной своими современными взглядами, — я согласна съ нимъ! — И молодая дѣвушка, говоря это, зажала уши, какъ бы не желая слушать никакихъ возраженій.

Это было сигналомъ, котораго только и ждали.

«И я также, и я также!» — закричали въ одинъ голосъ всѣ молодыя дѣвушки, хлопая въ ладоши.

Но Эдуардъ со своими идеями былъ далеко впереди нихъ. Онъ помолчалъ немного, какъ бы стараясь еще больше опьянить себя. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы кто-нибудь въ этомъ обществѣ могъ быть одного съ нимъ мнѣнія. И съ презрѣніемъ въ голосѣ онъ продолжалъ свои нападки.

— Вотъ какъ, вы становитесь на мою сторону!

И онъ обрушился на женщинъ безъ всякой пощады. Онъ глумился надъ этими нравственными молодыми дѣвушками въ легкихъ открытыхъ платьяхъ, единственной цѣлью которыхъ было заручиться обѣщаніемъ на христіанскій бракъ въ будущемъ. Но что касается до него, то онъ въ эту ловушку не попадетъ! Если его боятся брать такимъ, каковъ онъ есть, то и онъ ни къ кому не подойдетъ. Женщины для него не болѣе, какъ рыночный товаръ, выставляемый напоказъ благоденствующимъ мѣщанамъ. Онъ насмѣхался надъ всей современной культурой съ ея электричествомъ и усовершенствованными путями сообщенія. Наука для него — звукъ пустой, а надъ искусствами онъ смѣется. Онъ объявилъ, что за весь день онъ не слыхалъ въ этомъ большомъ Раухалахти ни одного исполненія, достойнаго искусства, хотя человѣкъ десять пытались изображать что-то на различныхъ инструментахъ. Онъ смѣялся надъ выраженіемъ чувствъ, которыя были заучены и всецѣло зависѣли отъ нотъ. Все подвергалось его уничтожающей критикѣ—все было не болѣе, какъ подражаніе и пошлое мѣщанство.

Послѣ этой выходки многіе отошли отъ Эдуарда, недоумѣвая, какъ отнестись къ его дерзкимъ словамъ.

Двое зятьевъ совѣтника стояли въ дверяхъ и разговаривали другъ съ другомъ.

— Что за странное сочетаніе образованія и грубости!

Они старались припомнить родословную Эдуарда, но какъ со стороны его отца, такъ и со стороны матери они нашли только аристократовъ, которые были гораздо чистокровнѣе ихъ самихъ.

Марта сидѣла блѣдная и дрожащая между своими двумя сестрами. Послѣднія были возмущены поведеніемъ Эдуара. Онѣ наклонились другъ къ другу передъ Мартой и совѣщались о томъ,

что дѣлать. Одна изъ сестеръ шепнула Мартѣ на ухо, что, по всей вѣроятности, Эдуардъ хотѣлъ своими словами дать понять, что онъ открыто разрываетъ обрученіе съ Мартой. Марта отъ волненія не могла произнести ни слова; она также была почти увѣрена въ томъ, что Эдуардъ своими словами намекалъ именно на ихъ отношенія другъ къ другу.

Сестры чувствовали себя глубоко оскорбленными за Марту. Одна изъ нихъ сказала:

— На твоемъ мѣстѣ я встала бы и заявила бы въ присутствіи всѣхъ: «Что касается меня, то ты свободенъ»!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — сказала Марта, крѣпко сжимая руку сестры и ни на минуту не отрывая глазъ отъ Эдуарда.

Но теперь поблѣднѣла и вторая сестра, которая до сихъ поръ еще не вполнѣ была увѣрена относительно смысла словъ Эдуарда:

— Но вѣдь это совершенно ясно. Онъ хочетъ устроить скандалъ. Ты должна предупредить его. Лилли права: встань и брось ему перчатку въ лицо.

Къ двумъ зятьямъ, стоявшимъ въ дверяхъ, присоединились еще двое другихъ, которые говорили:

— Надо было бы дать ему выспаться, чтобы хмель прошелъ.

— Надо его просто выгнать. Уведи куда-нибудь Марту, чтобы она ничего не замѣтила, — посовѣтовалъ другой.

Вокругъ Эдуарда стало собираться тѣсное кольцо мужчинъ, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ выкрикивать свои сужденія.

Мартѣ дѣлали знаки, чтобы она ушла:

— Иди-ка сюда на минутку!

Теперь только Марта поняла, что происходило; она поднялась въ волненіи и спросила: «Гдѣ господинъ Венделль?» — и бросилась вонъ изъ залы разыскивать его. Въ то время, какъ она бѣгала изъ комнаты въ комнату, она услыхала, что шумъ въ залѣ все увеличивается, и что опрокинули какую-то мебель. Марта едва держалась на ногахъ.

— Гдѣ господинъ Венделль?

И всѣ повторяли одно и то же: «Что за несчастный день! Да гдѣ же, гдѣ господинъ Венделль?»

VI.

ГОСПОДИНЪ ВЕНДЕЛЛЬ.

По пріѣздѣ въ Раухалахти господинъ Венделль сейчасъ же отправился на берегъ залива къ сараю, гдѣ строили лодки.

Тамъ управляющій заканчивалъ отдѣлку новой лодки, которую онъ самъ выстроилъ изъ осиноваго дерева.

На помостѣ среди стружекъ красиво выдѣлялась покрытая коричневымъ лакомъ изящная лодка съ мѣдными уключинами. Господинъ Венделль вколачивалъ въ одну изъ досокъ на носу гвоздики съ бронзовыми шляпками, которые уже образовали буквы: М. А. Р. Т....

Такую лодку, какую построилъ управляющій, не удалось бы построить и спеціалисту въ этомъ дѣлѣ. Никакой мастеръ не могъ бы найти болѣе ровныхъ досокъ, въ которыхъ совсѣмъ не было сучковъ, никто не пригналъ бы такъ тщательно гвозди, не выстрогалъ бы такъ чисто доски. Старикъ работалъ всегда съ большими круглыми очками на носу и дѣлалъ самымъ тщательнымъ образомъ всевозможныя вычисленія и измѣренія.

Онъ началъ строить лодку уже съ ранней весны, но исполнялъ свою работу съ такой точностью и такъ добросовѣстно, что на это пошло много времени. Другая причина замедленія была та, что съ очками онъ могъ видѣть только на далекомъ разстояніи, а потому онъ долженъ былъ поминутно отходить отъ своей работы, чтобы судить о ней. Все это требовало времени. Но управляющій находилъ удовольствіе въ этой работѣ.

Всю эту возню съ постройкой лодки онъ затѣялъ только изъза того, что Марта сказала однажды въ присутствіи управляющаго: «Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть собственную, совсѣмъ свою собственную лодку!»

Эти слова упали на благодатную почву, такъ какъ управляющій любилъ младшую барышню больше, чѣмъ кого бы то ни было изъ многочисленныхъ обитателей усадьбы. Она выросла на его глазахъ. Когда она была маленькой дѣвочкой, то она часто приходила къ нему смотрѣть, какъ онъ работаетъ. Иногда она бѣгала и играла возлѣ него, а иногда садилась и задавала ему вопросы. Уже будучи старше, она сохраняла дѣтскую привычку и гуляла за руку со старикомъ. Она не подозрѣвала, какъ это согрѣвало сердце стараго управляющаго.

Господинъ Венделль и управляющій проработали уже три часа, но они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Венделль сказалъ только въ самомъ началѣ, когда онъ пришелъ на берегъ, что онъ привезъ въ усадьбу жениха Марты. Послѣ этого они работали въ глубокомъ молчаніи. Господинъ Венделль былъ въ дурномъ настроеніи духа. Онъ разучилъ ко дню рожденія Марты сочиненную имъ фантазію для фортепіано, озаглавленную «Скорбь души». Онъ хотѣлъ сыграть ее Мартѣ утромъ, какъ только она встанетъ.

Но Марта была такъ нервно настроена и такъ взволнована неувѣренностью въ томъ, что Эдуардъ пріѣдетъ въ Раухалахти, что объ игрѣ и думать было нечего. Венделль бросился сломя голову въ Ваниккола за Эдуардомъ.

Прошло почти три часа въ глубокомъ молчаніи, когда управляющій сдвинулъ очки на лобъ и сказалъ, отрывая глаза отъ работы:

— Гдѣ онъ, собственно, служитъ?

Господинъ Венделль очнулся отъ своихъ мыслей, посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ:

— Онъ еще нигдѣ не служитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ управляющій опять сказалъ:

— Люди разсказываютъ про этого господина всякую всячину.

— Что люди разсказываютъ? — спросилъ господинъ Венделль, оживляясь. Но не успѣлъ онъ получить отвѣта на свой вопросъ, какъ оживленіе его уже прошло, и онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Мало ли, что люди болтаютъ.

— Ну, конечно, конечно, — согласился управляющій, — мало ли, что болтаютъ.—И онъ такъ же вздохнулъ, какъ и господинъ Венделль.

Наступило опять долгое молчаніе.

Между тѣмъ начало смеркаться, такъ что трудно было различать предметы. Управляющій поднялся съ колѣнъ и вышелъ изъ-подъ лодки, гдѣ онъ работалъ. Онъ еще разъ подробно осмотрѣлъ всю лодку, нѣсколько разъ склонялъ голову то на одинъ бокъ, то на другой и, наконецъ, сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Теперь она готова.

Итакъ, лодка все-таки была готова въ день рожденія Марты. Управляющій сейчасъ же захлопоталъ о томъ, чтобы немедленно спустить лодку въ воду. Онъ пошелъ запрягать лошадь въ сани, на которыхъ предполагалось свезти лодку къ берегу, а господинъ Венделль взялъ на себя устроить такъ, чтобы Марта на минуту оставила гостей и пришла къ берегу посмотрѣть на спускъ лодки.

Но какъ разъ въ ту минуту, когда Венделль послѣ ухода управляющаго стоялъ и стряхивалъ со своего платья стружки, чтобы итти за Мартой, дверь растворилась, и въ сарай поспѣшно вошла Марта.

— Я бѣгала и искала тебя повсюду, какъ сумасшедшая. Пойдемъ скорѣе со мной, сію минуту.

— Что случилось?

— Не спрашивай, самъ увидишь; они хотятъ связать его и

увезти; о, онъ такъ пьянъ, что не держится больше на ногахъ. Это ужасно!

Вначалѣ Венделль какъ будто не слушалъ, что ему говорила Марта; онъ стоялъ и проводилъ обѣими руками по своимъ жидкимъ волосамъ. Но минуту спустя онъ сталъ выспрашивать Марту о томъ, что произошло, и сейчасъ же былъ готовъ сдѣлать все, что бы она ни пожелала. Быстро побѣжалъ онъ къ усадьбѣ, оставляя позади себя Марту.

Когда Марта, измученная отъ волненія и страха, подошла, наконецъ, къ дому, то Венделля и Эдуарда уже больше не было въ Раухалахти.

Гости сейчасъ же начали разъѣзжаться.

Съ ледяной холодностью принимала Марта болѣе или менѣе замаскированныя соболѣзнованія гостей, почему соболѣзнованія эти были весьма немногосложны. Не говоря ни слова, прошла она мимо своихъ шурьевъ и едва слышнымъ голосомъ пожелала спокойной ночи своимъ родителямъ. И опять разрывъ Марты съ женихомъ остался открытымъ вопросомъ, а его считали уже рѣшеннымъ.

Только когда Марта очутилась одна въ своей комнатѣ, она разразилась слезами. Но она плакала не отъ горя изъ-за того, что произошло. Въ этихъ слезахъ она находила нѣкоторое облегченіе, кромѣ того, она плакала изъ чувства благодарности къ Венделлю, который взялъ на себя и это непріятное дѣло и устроилъ все такъ деликатно, безъ лишняго шума. Такого друга, какого она имѣетъ въ немъ, навѣрное, нѣтъ ни у кого больше на землѣ. Она знала такъ же, какъ дважды два — четыре, что Венделль, угадывая ея настроеніе, еще въ этотъ же вечеръ, по возвращеніи изъ Ваникала, придетъ къ ней разсказать, какъ все произошло, какъ Эдуардъ успокоился и заснулъ на своей кровати, и какъ все снова будетъ хорошо. Она была въ этомъ увѣрена и ждала.

Надъ спокойнымъ заливомъ опустилась тихая ночь, фонари вокругъ усадьбы были погашены, денной шумъ и суета улеглись. Зеленыя лужайки опустѣли, развѣсистыя березы вокругъ усадьбы казались покинутыми, и ихъ густыя вѣтви съ удивленіемъ озирались на опустѣвшіе газоны и дорожки.

На зеркальной поверхности залива не было ни малѣйшей ряби, глубокая ночная тишина не нарушалась ни единымъ звукомъ, лишь изъ темнаго тростника изрѣдка доносилось тихое плесканье воды — это плавали и ныряли дикія утки. На серединѣ залива отражались еще послѣдніе отблески вечерней зари и блѣдныя краски ночного небосклона. Недалеко отъ берега медленно скользи-

ла лодка и, наконецъ, совсѣмъ остановилась. Человѣкъ, сидѣвшій на кормѣ, вынулъ изъ воды весло, которымъ правилъ. На носу, на днѣ лодки сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ; она прижалась лбомъ къ рукѣ, которой опиралась о бортъ лодки.

Лодка была та самая, которую выстроилъ управляющій. На кормѣ сидѣлъ господинъ Венделль, на носу сидѣла Марта. Оба молчали — они только что окончили разговоръ.

Но вдругъ Марта подняла голову и сказала:

— Подумать, что и ты такъ говоришь, — этого я никогда отъ тебя не ожидала! Какъ могъ ты мнѣ говорить нѣчто подобное!

— Марта, но вѣдь я желаю тебѣ только добра.

— Ты совсѣмъ такой же, какъ и другіе.

И Марта вытерла глаза единственнымъ сухимъ уголкомъ своего носового платка.

Когда слезы позволили ей говорить, она продолжала:

— Ты, повидимому, такъ глубоко вникаешь во все, — вотъ относительно брака ты говорилъ, — какъ это было? — что главное, это быть совершенно свободнымъ. Но что изъ этого, если ты не можешь помочь другимъ? Вѣдь съ *нимъ* ты ни разу не говорилъ объ этомъ! Ты такъ же равнодушно относишься къ этому, какъ и всѣ остальные, или, можетъ быть, ты также не хочешь, чтобы изъ этого что-нибудь вышло.

— Ты забываешь, что я привезъ его.

— Ты это сдѣлалъ потому, что *я* просила тебя, а вовсе не ради *него*.

— Признаюсь откровенно, я думалъ, что ты бросишь его послѣ того, какъ ты видѣла своими глазами, какой онъ, — кромѣ того, я еще не разсказалъ тебѣ всего.

— И если бы ты разсказалъ мнѣ нѣчто въ десять разъ худшее, то и это ничуть не подѣйствовало бы на меня.

— Такой любви я не понимаю.

— Ты этого не понимаешь, потому что ты вообще не понимаешь *любви;* можетъ быть, ты никогда и не любилъ?

Голосъ Венделля дрожалъ, когда онъ сказалъ:

— Этого ты не можешь знать.

— Я сказала: *можетъ быть.*

Голосъ Венделля задрожалъ еще больше:

— Я любилъ и люблю и теперь.

Но Марта не слушала и сейчасъ же перебила его:

— Для меня не существуютъ тѣ, кто не любятъ его, — мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла! Если даже онъ, — да, если даже онъ укра-

детъ или убьетъ кого-нибудь — все равно кого, хотя бы моего родного отца, — то я и тогда не брошу его!

Сказавъ это, она выпрямилась и прибавила, сверкая глазами:

— И знаешь что — вѣдь онъ былъ правъ во всемъ, что онъ говорилъ: и относительно земли, и относительно обрученія. Ну, чего мы, собственно говоря, ждемъ? Вѣдь мы любимъ другъ друга, а кромѣ того, дѣло идетъ о его благополучіи! Ужъ не думаешь ли ты, что я такая удивительно хорошая? Ничуть не бывало! Ты знаешь, я могла бы, когда угодно, бросить эту жизнь и начать жить, какъ онъ, — да, я могла бы, пожалуй, сдѣлаться «такой женщиной»!

— Марта!

— Нѣтъ, именно такъ, именно такъ! И иногда мнѣ даже кажется, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного, по крайней мѣрѣ, это было бы хорошо ради *него*.

Такъ какъ Венделль ничего не возразилъ на это, то Марта снова разразилась слезами.

Долго-долго царило глубокое молчаніе.

Между тѣмъ лодка тихо подплыла къ темному берегу.

Когда они проходили по песчаному берегу и шли мимо сарая, то они услыхали шорохъ. Они оглянулись, но все было снова тихо, и они ничего не могли различить въ темнотѣ. Между тѣмъ это былъ старый Виландеръ, управляющій, который спрятался за угломъ сарая, чтобы подслушать, что они скажутъ про его лодку, надъ которой онъ работалъ все лѣто. Но какъ старикъ ни напрягалъ своего слуха, онъ такъ и не услыхалъ ни одной похвалы. Не сказавъ ни слова, онъ медленно направился тяжелыми шагами къ усадьбѣ.

Немного спустя въ окнѣ комнаты Венделля появился свѣтъ.

Онъ попрощался съ Мартой, такъ какъ уже давно было рѣшено, что онъ уѣдетъ сейчасъ же послѣ дня рожденія Марты. Лошадь была уже заказана къ утру.

Тяжело вздыхая, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ. Онъ то садился, то сгибался надъ раскрытымъ чемоданомъ, бросалъ въ него какую-нибудь книгу, потомъ снова погружался въ тяжелое раздумье и затѣмъ клалъ въ чемоданъ рядомъ съ книгой манжеты или воротничокъ и опять задумывался. Ему было больно и непріятно собираться въ путь въ такомъ состояніи. Онъ былъ дѣйствительно влюбленъ и продолжалъ любить. И кого онъ любилъ, какъ не Марту.

Глаза господина Венделля лихорадочно горѣли.

Онъ не могъ примириться съ мыслью, что не увидится больше съ Мартой. Не могъ онъ также понять самого себя.

Что заставило его молчать? Почему не разсказалъ онъ того, что зналъ про Эдуарда? Не потому ли, что онъ боялся, что Марта подумаетъ, что онъ говоритъ дурно про Эдуарда, потому что самъ любитъ ее!.. «Потому что она подумаетъ, что я подумаю, что она подумаетъ!.. Что за несчастье вѣчно анализировать свои побужденія! Это безысходное горе моей жизни! Да, именно: горе, погибель — это хорошо сказано, и я не возьму своихъ словъ обратно!

Что такое любовь?

Если бы я дѣйствительно любилъ Марту, развѣ я могъ бы допустить, чтобы она, очертя голову, бросилась въ пропасть?

Когда во время разговора съ ней у меня сжалось сердце и задрожали губы, я подумалъ: это означаетъ, что ты не долженъ разсказывать. Но я былъ просто жалкимъ трусомъ, который не могъ совладать съ самимъ собой. Я долженъ былъ высказать все! Вѣдь я желаю ей только добра! Конечно, конечно, конечно! Но я это еще сдѣлаю! Я оставлю на этомъ столѣ письмо, въ которомъ я представлю этого человѣка такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, — ничуть не лучше, ни на іоту!»

И господинъ Венделль быстро зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Глаза его горѣли, и все лицо пылало.

«И изображу его, какъ самое отвратительное, самое жалкое существо! Какъ нечистое, противное созданіе! Я нарисую его чернымъ, совершенно чернымъ!»

И онъ потрясъ надъ головой крѣпко сжатыми кулаками, какъ бы давая клятву. При этомъ на его рукахъ между надутыми жилами ясно выступили синія буквы G. V., напоминая о той профессіи, которой посвятилъ бы себя Венделль, если бы онъ не зналъ Марты и не проникся сознаніемъ важности науки.

Въ этомъ крайне возбужденномъ состояніи онъ сѣлъ за столъ, чтобы писать письмо.

Но даже и въ этомъ состояніи онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ выбору бумаги и пера. Не могъ онъ также сѣсть за пыльный столъ, не испытывая непріятнаго чувства, что рукава могутъ запачкаться.

А потому онъ предварительно вытеръ столъ, положилъ передъ собою бумагу наискось, открылъ чернильницу и поднесъ перо къ свѣчкѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ волоска. Только послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ расположился писать. Однако, онъ еще разъ поднялъ перо, приложилъ его ко лбу и заду-

мался надъ началомъ письма. Вдругъ его широкія ноздри задрожали, и глаза наполнились слезами. Онъ быстро опустилъ перо на бумагу и началъ писать:

«Я беру назадъ все, что я тебѣ говорилъ сегодня вечеромъ объ Эдуардѣ. Главнымъ образомъ я сожалѣю, что разсказалъ тебѣ о его выходкѣ, которая возбудила въ Гельсингфорсѣ такое негодованіе, а именно, что онъ въ три часа дня прогуливался съ размалеванной женщиной по Эспланадѣ. Я изобразилъ все совершенно иначе, нежели я это раньше понималъ, да и теперь понимаю. Я знаю, что онъ держалъ пари по поводу этого. Я сейчасъ, тогда же, когда мнѣ разсказали о его поступкѣ, понялъ, что съ его стороны это былъ вызовъ, брошенный мѣщанскому двуличію, въ которомъ живетъ нарядный, достаточный классъ, самодовольно фланирующій по Эспланадѣ. Я даже вижу въ его поступкѣ нѣчто мужественное, симпатичное, свидѣтельствующее о широтѣ его натуры, нѣчто такое, что гораздо выше того, что присуще высшему цивилизованному животному. Разъ такія женщины нужны, — такъ вотъ онѣ, зачѣмъ имъ прятаться! Конечно, онъ устроилъ этотъ скандалъ въ пьяномъ видѣ. Но я даже и его пьянство ставлю ему въ заслугу. У него несравненно болѣе чувствительная натура, нежели у другихъ людей, а потому онъ и пьетъ. Онъ слишкомъ глубоко сознаетъ ту ложь, въ которой живетъ наше образованное общество, чтобы переносить ее въ трезвомъ состояніи. У него нѣтъ достаточно силъ, чтобы освободиться отъ унаслѣдованныхъ нами условностей, наполняющихъ жизнь, но онъ не въ состояніи также и примириться съ подобной жизнью и проникнуться желаніемъ жить. Вотъ это-то отвращеніе къ жизни онъ и заглушаетъ пьянствомъ. Какъ несравненно выше стоитъ онъ тѣхъ мѣщанскихъ мѣрокъ, по которымъ распредѣлена жизнь другихъ людей; самодовольные и трезвые, они взбираются по ступенямъ лжи и притворства, не подозрѣвая, что подъ ними одна лишь пустота.

«Я хочу разсказать тебѣ еще нѣчто, что доставитъ тебѣ утѣшеніе. Сегодня утромъ, когда я пріѣхалъ за нимъ въ Ваниккола, то совершенно случайно и безъ его вѣдома я заглянулъ въ самую глубину его души. Я увѣренъ, что ему необходимы только помощь и поддержка, и что все еще можетъ перемѣниться. Главное, надо устроить такъ, чтобы онъ самъ не замѣчалъ, что на него стараются вліять. Конечно, и я, съ своей стороны, постараюсь сдѣлать все, что возможно, и не только ради тебя, но также и ради него и, пожалуй, еще ради удовлетворенія моего любопытства, потому что онъ всегда очень меня интересовалъ.

«А теперь прощай, Марта! Когда ты будешь читать это

письмо, то я уже буду далеко. Мое предполагаемое путешествіе черезъ Атлантическій океанъ теперь осуществляется».

Окончивъ письмо, онъ всталъ изъ-за стола, — это былъ прежній Венделль: со спокойными, размѣренными движеніями, съ изящными манерами, всегда изысканно одѣтый, какимъ его всегда видѣли окружающіе его люди. И иниціалы G. V. поблѣднѣли и ихъ едва можно было различить по неяснымъ синимъ слѣдамъ. На лицѣ остался лишь спокойный и ровный румянецъ. Его жесткіе усы снова казались мягкими рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ стоячимъ воротникомъ.

Одинокая свѣча догорѣла, и маленькая комнатка погрузилась во мракъ, который сейчасъ же слился съ темнымъ небосводомъ, на которомъ тихо мерцали звѣзды.

VII.

ПОДЗЕМНЫЯ СИЛЫ.

Видѣлъ ли ты когда-нибудь обвалъ? Сосны, ели, камни, можжевельникъ нагромождены другъ на друга; высоко въ воздухѣ торчатъ голые корни, а верхушки засыпаны землей. Эта картина разрушенія представляетъ собою мрачное зрѣлище.

Подпочвенная вода образуетъ понемногу пустоту подъ нижними слоями земли. Цѣлыми столѣтіями это пространство земли порастаетъ растительностью. Появляется трава и мохъ, цвѣтетъ вересклъ, можжевельникъ питается влагой изъ трещинъ въ камняхъ, столѣтняя сосна разрастается все шире и шире. Какъ сосна, такъ и ель, и можжевельникъ, не прислушиваясь къ своимъ корнямъ, цѣлыми столѣтіями шептали другъ другу, что основаніемъ для нихъ служитъ скала, которая несокрушима.

Но наступаетъ время, когда почва не можетъ больше сопротивляться таинственной силѣ разрушенія. Сначала скатывается одинъ камень, но онъ влечетъ за собой другіе. Это первый признакъ грозящей опасности. И вотъ вдругъ въ одно мгновеніе обваливается все,—все, что выросло въ продолженіе сотенъ лѣтъ, рушится и летитъ внизъ со страшнымъ грохотомъ. Старыя сосны, гигантскія ели нагромождаются другъ на друга, и ихъ темные узловатые корни съ силой выбрасываются изъ земли.

Не приходилось ли тебѣ встрѣчаться съ подобнымъ бѣдствіемъ и въ жизни людей?

Конечно, дѣло идетъ не о какой-нибудь жалкой избушкѣ на лѣсномъ пригоркѣ, построенной на основаніи устнаго договора;

дѣло идетъ не о томъ, какъ ленсманъ и полицейскіе входятъ въ низкую лачугу, разсаживаются на лавкѣ и продаютъ съ молотка маленькое, нехитрое имущество — лошадь, пару коровъ и трехъ барановъ, какъ нѣсколько босоногихъ ребятишекъ выбрасываются на улицу, какъ отецъ и мать подъ старость идутъ наниматься въ господскія усадьбы.

Нѣтъ, дѣло идетъ о самой господской усадьбѣ, которую постигло великое бѣдствіе. Никто не подозрѣвалъ, что подземныя силы подкапываютъ почву подъ этой усадьбой, крѣпостной актъ которой былъ ясенъ и былъ составленъ по всѣмъ правиламъ и законамъ на вѣчныя времена и подкрѣпленъ присягой. Несчастье разразилось надъ усадьбой, надъ которой работали тысячи мозолистыхъ рабочихъ рукъ въ продолженіе столѣтій, то перестраивая ее, то расширяя; надъ которой трудились сотни торпарей, — забывая свои собственныя бѣдныя лачуги, они рыли канавы, воздѣлывали поля, выкорчевывали пни на лугахъ. Дѣло идетъ о той усадьбѣ, гдѣ жило счастье, гдѣ цвѣло искусство, гдѣ раздавались звуки скрипокъ, гдѣ молодежь пѣла и танцовала, гдѣ старые наслаждались отдыхомъ. И это-то жилище мира разрушилось, подобно песчаному холму, подъ которымъ понемногу образовалось пустое пространство.

Эта участь постигла усадьбу Раухалахти.

Надъ усадьбой разразился непредвидѣнный ужасный ударъ!

Какъ и всегда раньше, когда на землю спускались осеннія сумерки, когда лѣсъ скрывался за завѣсой густого тумана, и дворъ понемногу погружался во мракъ, какъ и всегда раньше, лампа распространяла свой спокойный свѣтъ въ кабинетѣ совѣтника земледѣлія. Эта комната, устланная толстыми коврами, казалась еще теплѣе и уютнѣе рядомъ съ холоднымъ туманомъ, разстилавшимся на дворѣ. Какъ и всегда раньше, совѣтникъ надѣлъ на зажженную лампу абажуръ, и зеленый свѣтъ, какъ всегда, освѣтилъ его крутлое, довольное лицо съ морщинками вокругъ глазъ, свидѣтельствующими о добродушіи. Какъ всегда, онъ усѣлся въ креслѣ-качалкѣ, въ этомъ старомъ креслѣ изъ краснаго дерева, въ которомъ сидѣли его праотцы. Онъ раскрылъ книгу съ крупной печатью и широкими полями въ кожаномъ переплетѣ съ разрѣзнымъ ножикомъ между страницами въ видѣ закладки. Теперь, какъ и всегда раньше, жена посумерничала съ нимъ въ его кабинетѣ. Когда лампа была зажжена, она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла, и подошла къ угловой полкѣ, чтобы набить табакомъ большую пѣнковую трубку. Эту трубку курилъ еще одинъ изъ предковъ совѣтника, герой финской войны, и онъ курилъ ее ко-

гда-то въ этой же самой комнатѣ. Она набила трубку, положила ее на столъ, поцѣловала своего мужа со спокойной улыбкой и пожелала ему спокойнаго вечера. Въ эту минуту вдругъ послышались шаги служанки въ залѣ; на порогѣ она встрѣтилась со своей хозяйкой и подала ей открытую бумагу.

— Это тебѣ, Рафаэль, — сказала жена, не разобравъ содержанія бумаги и передавая ее мужу.

Едва совѣтникъ взялъ въ руки бумагу и бросилъ на нее взглядъ, какъ въ глазахъ у него потемнѣло, и по лицу его разлилась мертвенная блѣдность, которая какъ бы углубила морщины у угловъ рта.

Жена увидала это, и сердце ея сильно забилось, но она сохранила наружное спокойствіе и спросила:

— Что это такое, Рафаэль?

Совѣтникъ всталъ и отвернулся немного въ сторону. И теперь старая лампа освѣщала его лицо своимъ зеленымъ свѣтомъ, но теперь на этомъ лицѣ не было ни кровинки. Онъ постарался улыбнуться, чтобы успокоить жену, но губы не повиновались ему, и эта жалкая улыбка скорѣе выдала его, нежели скрыла его состояніе. Жена замѣтила, что бумага дрожитъ въ его обыкновенно твердыхъ рукахъ.

— Что это, Рафаэль?! — воскликнула она, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала служанка исказала испуганно:

— Двое вошли, а нѣсколько другихъ остались снаружи.

— Да кто же? — спросила пораженная совѣтница.

— Барыня, тамъ мужики и ленсманъ, и полицейскіе, одинъ офицеръ, — онъ вошелъ, — и солдаты.

— Рафаэль! — воскликнула барыня, — да вѣдь это обыскъ. — И она едва удержалась на ногахъ, такъ она была потрясена.

— Повидимому, это такъ, — сказалъ совѣтникъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобы выпрямиться и овладѣть собой. Долгая, спокойная жизнь, которую онъ прожилъ въ креслѣ-качалкѣ въ ароматной асмосферѣ домашняго свѣжеиспеченнаго хлѣба и подъ сѣнью закоптѣлыхъ гербовъ, разслабила его, и хотя его дворянская кровь сейчасъ же сказалась въ немъ, но тѣло его не могло такъ скоро послушаться его воли. Онъ хотѣлъ было выпить воды, но стаканъ такъ задрожалъ въ его рукѣ, что половина воды пролилась на полъ. Да вода и не могла возвратить силу его ногамъ, онъ долженъ былъ сѣсть; и онъ закрылъ лицо руками.

— Гдѣ у тебя «Fria Ord»?

— На своемъ обычномъ мѣстѣ. Ради Бога, не говори никому, что я... что я такъ слабъ; проклятыя ноги!..

Онъ напрягъ свои силы до крайности, всталъ и, опираясь на спинку дивана, пошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, на которой висѣли револьверы.

— Я перестрѣляю всѣхъ!

— Успокойся, Рафаэль, умоляю тебя! Рафаэль, тебѣ дурно, сядь сюда.

— Я имъ покажу, къ кому они пришли! Я буду стрѣлять!

— Ты не помнишь, что ты говоришь, Рафаэль! Рафаэль! Будь же благоразуменъ! Ты боленъ, я позову управляющаго.

И увидя, что мужъ, послѣ тщетныхъ усилій нащупать на стѣнѣ револьверъ, безсильно свалился на диванъ, жена рѣшилась на мгновеніе покинуть его и бросилась вонъ изъ комнаты за помощью.

Она побѣжала черезъ залъ и растворила дверь въ переднюю, — эта дверь въ болѣе холодное время года всегда была закрыта. Едва она раскрыла дверь, какъ наткнулась въ темной передней на жандарма, который звенѣлъ длинной саблей съ ручкой въ мѣдной оправѣ. Нѣмымъ жестомъ онъ запретилъ ей выйти въ наружныя двери.

Въ первую минуту она не могла опомниться и не знала, что и думать.

—Они не позволяютъ мнѣ выходить, Рафаэль! — крикнула она взволнованно въ кабинетъ, и губы ея дрожали отъ гнѣва за нанесенное оскорбленіе. — Что все это значитъ, господинъ ленсманъ? — спросила она, обращаясь къ человѣку въ чиновничьемъ мундирѣ съ золотыми пуговицами, который вошелъ черезъ кухню въ столовую и теперь стоялъ такъ величественно въ большой залѣ Раухалахти.

Ленсманъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ, какъ бы желая сказать: печальная обязанность. Однако, онъ не произнесъ ни слова. Даже въ эти непріятныя минуты онъ не могъ побороть въ себѣ чувства удовлетворенія отъ сознанія, что онъ теперь въ качествѣ довольно важной персоны стоитъ въ этой самой залѣ, гдѣ онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ безъ всякаго мундира, застѣнчивый и незамѣтный, всего лишь въ качествѣ короннаго фохта, или почти какъ слуга совѣтника, сидѣлъ въ отдаленномъ углу залы у самыхъ дверей позади другихъ гостей и, стѣсняясь до боли, рѣшалъ мучительный вопросъ относительно того, можно ли разложить на колѣняхъ хлѣбъ въ виду того, что на блюдечко онъ налилъ чай, чтобы остудить его.

«Печальная обязанность», говорили вертикальныя морщины на его лбу, но въ носу онъ чувствовалъ нѣжное, едва замѣтное щекотаніе, гораздо болѣе пріятное, нежели то, которое производила въ его носу понюшка табаку.

— Моему мужу дурно, я должна позвать управляющаго. Скажите, чтобы этотъ человѣкъ сейчасъ же отперъ мнѣ двери! — сказала барыня.

Ленсманъ опять отвѣтилъ однимъ пожатіемъ плечъ и подошелъ къ незнакомому офицеру въ синемъ мундирѣ, передъ которымъ стоявшій въ передней жандармъ раскрылъ двери въ залъ.

Офицеръ пошелъ вмѣстѣ съ двумя штатскими въ кабинетъ совѣтника. Ленсманъ показывалъ имъ дорогу.

Тогда совѣтница бросилась къ телефону въ столовой и позвонила.

Отвѣта нѣтъ.

Она опять звонитъ: «Халло! Халло!»

Отвѣта нѣтъ.

Два жандарма, оставленные караулить дверь, ведущую въ кухню, засмѣялись, глядя на нее, и старались на непонятномъ ей языкѣ объяснить что-то.

Но она не понимала ихъ.

— Эхъ, барыня! — говоритъ, размахивая руками, одинъ жандармъ, черноглазый и смуглый обитатель степей, и онъ старается при помощи жестовъ объяснить ей что-то. Повидимому, ему жаль барыню. Онъ представляетъ, какъ будто онъ обѣими руками ломаетъ что-то и затѣмъ отбрасываетъ отъ себя. «Да, да», — говоритъ онъ и опять какъ будто ломаетъ что-то и бросаетъ.

Въ то время, какъ барыня опять начинаетъ звонить, къ ней подбѣгаетъ служанка и говоритъ, что изъ кухоннаго окна видѣли, какъ какіе-то чужіе люди перерѣзали телефонную проволоку.

Барыня отбрасываетъ отъ себя телефонную трубку, какъ если бы это была змѣя. Она еще не хочетъ вѣрить, что всѣ двери передъ нею заперты, и она бѣгаетъ, какъ во время пожара, изъ залы въ переднюю, изъ передней въ кухню.

Но вдругъ она хватается за голову и бросается въ залъ, чтобы оттуда пройти въ кабинетъ мужа. Но передъ дверьми кабинета стоитъ ленсманъ, который снова пожимаетъ плечами и объявляетъ, что ему поручено смотрѣть за тѣмъ, чтобы обыску никто не мѣшалъ.

— Развѣ я не въ моемъ собственномъ домѣ? Какое право имѣете вы входить сюда безъ моего вѣдома? — крикнула совѣт-

ница задыхающимся голосомъ. И она продолжала почти съ бѣшенствомъ: — Развѣ вы не понимаете, что это мой, *мой* домъ?! И что *вы* мѣшаете *мнѣ* въ моемъ собственномъ домѣ?! За кого вы себя считаете — вы, *Пекка Хентуненъ?*

— Я чиновникъ!

— Ага, чиновникъ! А кто снялъ тебя съ козелъ и отдалъ въ школу? И школу какой страны ты посѣщалъ? Отвѣчай! Ты не отвѣчаешь? Тебѣ стыдно, жалкое созданіе! Ты долженъ былъ бы сгорѣть со стыда! Сейчасъ раскрыть дверь!

Это приказаніе, сопровождаемое повелительно вытянутой рукой, подѣйствовало на ленсмана, и онъ осторожно пріотворилъ дверь въ кабинетъ совѣтника. Потомъ онъ раскрылъ ее совсѣмъ, но не позволилъ совѣтницѣ войти въ кабинетъ.

Она увидала потрясающее зрѣлище.

Всѣ ящики письменнаго стола были выдвинуты, и ихъ содержимое было разбросано по полу въ страшномъ безпорядкѣ. Въ раскрытомъ шкапу также всѣ ящики были выдвинуты, и даже тотъ, въ которомъ хранились историческія письма предковъ Раухалахти. Покрышка на диванѣ была разодрана. Передъ книжными полками, занимавшими всю стѣну, стояло двое людей, которые безъ всякаго милосердія швыряли на полъ книги цѣлыми охапками. Замѣтки, касающіяся безземельныхъ крестьянъ, сельское хозяйство и исторія — все смѣшалось въ какомъ-то хаосѣ. Нѣкоторыя книги передавались приземистому офицеру, который сидѣлъ, окруженный со всѣхъ сторонъ книгами, и съ очками на носу спокойно и съ видимой привычкой къ этой работѣ перелистывалъ книги. При этомъ, вслѣдствіе его близорукости, почти каждый листъ задѣвалъ его за носъ.

Среди этой картины разрушенія стоитъ старый, сѣдой владѣлецъ Раухалахти. Блѣдный и неподвижный, какъ мраморное изваяніе, онъ опирается обѣими руками о столъ.

Ленсманъ замѣтилъ, что совѣтница вслѣдствіе чрезмѣрнаго душевнаго напряженія опустилась въ полномъ изнеможеніи на диванъ. У нея не было больше силъ сопротивляться или спорить, и, не говоря ни слова, она только смотрѣла застывшимъ взглядомъ въ кабинетъ. Ленсманъ подошелъ къ ней, какъ бы желая объясниться.

— Поймите же, вѣдь я давалъ присягу при поступленіи на службу; что же я могу сдѣлать?

Совѣтница не шевельнулась, она даже не повернула головы.

Ленсманъ продолжалъ:

— Вы на это, конечно, скажете: уходи въ отставку. Но

это легко сказать. Вѣдь у меня семья, жена, дѣти. Откуда мнѣ достать кусокъ хлѣба?

Такъ какъ совѣтница продолжала молчать, то онъ прибавилъ:

— Вѣрьте, для меня этотъ обыскъ такъ же отвратителенъ, какъ и для васъ. Да и не я его затѣялъ. Совѣтникъ окруженъ врагами. И ихъ гораздо больше, чѣмъ онъ думаетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? — спросила совѣтница рѣзко.

— Вы окружены врагами. Ваши собственные торпари.

— Вы лжете! — закричала совѣтница, вскакивая съ мѣста, но она сейчасъ же снова опустилась на диванъ въ полномъ изнеможеніи.

— Ваши собственные торпари, сударыня. Они написали доносъ и удостовѣряли, что совѣтникъ грозилъ выгнать тѣхъ торпарей, сыновья которыхъ пойдутъ на призывъ. Вотъ какіе они! Я хорошо знаю этихъ неподяевъ.

— Это неправда! Это возмутительная ложь! Они не могли этого сдѣлать. Быть можетъ, мой мужъ обращался со своими служащими строго, но онъ никогда не былъ къ нимъ несправедливъ. У кого изъ нихъ могло бы хватить духу на такую низость, какъ эта?!

— Знаете, что я вамъ скажу? Вы не знаете крестьянъ. Имъ не надо никакой причины. Между ними распространился слухъ, что они получатъ собственную землю, лишь бы выгнать господъ. Вотъ отчего все происходитъ. Обѣщайте крестьянину землю, и онъ пойдетъ на все, и обманетъ кого угодно. Вотъ какіе они, я хорошо ихъ знаю. Все дѣло въ кускѣ хлѣба!

— Рафаэль! Рафаэль! — крикнула совѣтница въ кабинетъ. Она была внѣ себя и крѣпко прижимала руки къ сердцу, какъ бы моля о помощи.

Совѣтникъ оглядѣлся крутомъ и, увидя свою жену, протянулъ къ ней руки.

— Рафаэль, онъ говоритъ, что на насъ донесли наши торпари.

Совѣтникъ приподнялъ было голову, но сейчасъ же безсильно опустилъ ее.

— Къ сожалѣнію, это, кажется, правда. Вотъ этотъ сказалъ то же самое — онъ говоритъ по-нѣмецки.

— Ахъ, Рафаэль, чѣмъ все это кончится?! Ты будешь изгнанъ. Рафаэль, Рафаэль, все кончено!

— Изгнанъ! Пусть я буду изгнанъ, но подумать, что мои

собственные торпари — этому я никогда не повѣрилъ бы, — мои собственные люди — это самое ужасное изъ всего! Эта мысль сводитъ меня съ ума.

Онъ подошелъ къ совѣтницѣ, и она притянула его рядомъ съ собой на диванъ. И забывя все то ужасное, что происходило вокругъ нея, она нѣжно обвила шею старика своими руками.

Ленсманъ не сдвинулся со своего мѣста и съ тупымъ любопытствомъ смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, на этого надломленнаго человѣка, на владѣльца Раухалахти. Онъ никакъ не могъ понять, что именно *это* было «самое ужасное изъ всего». Онъ опомнился только, когда замѣтилъ, что совѣтникъ, который ждалъ, чтобы онъ ушелъ, пристально смотрѣлъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей. Онъ невольно вздрогнулъ, но въ то же мгновеніе спохватился, что такая слабость въ его положеніи неумѣстна, и, собравъ послѣдніе остатки самообладанія, онъ повернулся и съ большимъ достоинствомъ перешагнулъ черезъ порогъ кабинета.

Потребовалось цѣлыхъ долгихъ четыре часа для того, чтобы пересмотрѣть всѣ книги въ кабинетѣ. Послѣ этого начался обыскъ въ большой библіотекѣ.

Свѣчи почти догорѣли, и стало уже свѣтать, когда, наконецъ, окончился обыскъ. Ни одна комната не избѣгла разгрома. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Была разломана даже шкатулка, въ которой хранились письма совѣтницы — воспоминанія того времени, когда она была дѣвушкой и невѣстой. Тусклое пламя свѣчей трепетало отъ движенія воздуха въ настежь раскрытыхъ комнатахъ, освѣщенныхъ сѣрымъ разсвѣтомъ.

Прежде чѣмъ покинуть усадьбу, всѣ производившіе обыскъ собрались въ залѣ, и офицеръ при помощи ломанаго нѣмецкаго языка какъ бы попрощался съ совѣтникомъ и его женой, которые стояли бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ. Онъ сказалъ, что при обыскѣ, дѣйствительно, было найдено много такого, что служило тяжелой уликой и вполнѣ подтверждало справедливость доноса. Доносъ, какъ извѣстно совѣтнику, обвиняетъ его въ государственной измѣнѣ, и наказаніе изгнаніемъ за такое преступленіе, по словамъ офицера, было бы почти помилованіемъ. Однако, какъ свое личное мнѣніе, офицеръ выразилъ надежду, что все это дѣло можно было бы еще и совсѣмъ затушить, если бы совѣтникъ согласился дать обѣщаніе подлежащимъ властямъ въ томъ, что впредь призывъ на этомъ мѣстѣ будетъ происходить безъ всякой помѣхи. Такой поворотъ дѣла, по его мнѣнію, былъ бы весьма желателенъ

для обѣихъ сторонъ, и онъ въ этомъ случаѣ предлагаетъ свои личныя услуги.

Нѣсколько мгновеній совѣтникъ молчалъ, и передъ его внутреннимъ взоромъ прошли былые счастливые годы.

Нѣсколько мгновеній его жена стояла съ крѣпко прижатыми къ сердцу руками, и ея взоръ переходилъ по разгромленному дому, изъ комнаты въ комнату, и остановился на послѣдней. Тамъ видна была надъ разрытыми постелями статуя Христа съ вытянутыми для благословенія руками.

Одно мгновеніе у обоихъ мелькнула мысль: одинъ лишь нѣмой кивокъ въ знакъ согласія этимъ чужимъ людямъ, которые ждутъ, — и все снова будетъ по-старому. Множество прилежныхъ рукъ поставитъ снова все на свое старое мѣсто, приведетъ все въ порядокъ, и все приметъ свой прежній видъ, и утреннее солнце, появляющееся изъ-за старой липы на дворѣ, не найдетъ ни малѣйшихъ признаковъ ночного разгрома. Все Раухалахти проснется, чтобы начать свою обычную жизнь; тяжелый ударъ, разразившійся надъ мирнымъ домашнимъ очагомъ, начнетъ понемногу забываться, рана заживетъ.

— Рафаэль! — сказала жена дрожащимъ голосомъ и облокотилась о руку мужа.

Но чувства совѣтника уже пришли въ равновѣсіе. Его голосъ былъ твердъ, слова ясны и взоръ спокоенъ. Крѣпкимъ и несокрушимымъ, какъ старый дубъ, стоялъ онъ передъ этимъ чужимъ человѣкомъ. Тѣ нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ въ отвѣтъ, были произнесены спокойно и съ достоинствомъ:

— Не знаю, есть ли въ вашей странѣ дворянство. Въ нашей странѣ оно есть. И оно еще никогда не гнуло спины передъ несправедливостью.

Сказавъ это, онъ поднялъ голову жены, чтобы посмотрѣть ей прямо въ глаза, и прочелъ сквозь застилавшія ихъ прозрачныя слезы: такъ, Рафаэль, такъ, именно такъ!

— Ну да, ну да, — сказалъ офицеръ, какъ бы желая дать понять, что этого и надо было ожидать, и, холодно поклонившись, онъ вышелъ.

Остальные не понимали по-нѣмецки, но они поняли все-таки, что тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь переговорахъ изъ-за куска хлѣба. Смущенные и неловкіе, они столпились въ дверяхъ и, толкая другъ друга, торопливо вышли за своимъ начальникомъ и исчезли въ сумракѣ ранняго утра.

Два дня спустя пришелъ приказъ объ изгнаніи.

На обитателей Раухалахти посыпались письми и телеграммы.

Съѣхались родственники, чтобы выразить свое участіе. Поднялась страшная возня и хлопоты, всѣ торопились и все перепуталось.

По мѣрѣ того, какъ приближался день отъѣзда, вопросъ о передачѣ управленія имѣніемъ и о веденіи всѣхъ дѣлъ вообще представлялся все болѣе и болѣе труднымъ.

Совѣтникъ совершенно пересталъ спать по ночамъ, и будущее представлялось ему все мрачнѣе и безотраднѣе. Хотя онъ въ рѣшительную минуту и сохранилъ самообладаніе, да и послѣ того, какъ пришла бумага объ изгнаніи, ему удавалось сохранить передъ окружающими его людьми свой гордый видъ, имъ все-таки овладѣлъ упадокъ духа. Когда онъ оставался наединѣ со своей женой и ему не надо было сдерживать себя, его охватывало такое нервное возбужденіе, что онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству. Тогда онъ въ тоскѣ ходилъ по своей комнатѣ и бился головой о стѣны.

Такъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, когда его изгоняютъ изъ насиженнаго гнѣзда. Все начинаетъ рушиться вокругъ него, мысли меркнутъ, онъ не видитъ ничему ни начала, ни конца; онъ перестаетъ понимать, зачѣмъ свѣтитъ солнце. Когда человѣкъ лежитъ на смертномъ одрѣ, то онъ не ропщетъ, хотя и знаетъ, что глаза его никогда не увидятъ больше родного дома. Но когда его живымъ отрываютъ отъ родныхъ мѣстъ, отъ тропинокъ, по которымъ онъ ходилъ ребенкомъ, отъ луговъ, которые покрывались цвѣтами на его глазахъ, — этого онъ не можетъ перенести, это выше его силъ. Съ нимъ дѣлается то же самое, что и со старой сосной при обвалѣ: верхушка зарывается въ землю, а черные корни, которые сотни лѣтъ впивалась въ почву, вырываются изъ нея.

VIII.

ДѢЯНІЕ АНГЕЛОВЪ.

Гдѣ бываютъ ангелы въ то время, когда все гибнетъ, все рушится и разлагается на свои составныя части?

Развѣ ангелы не боги древнихъ временъ, которые приняли отъ Создателя повелѣніе снова соединить раздѣленное на двѣ части человѣчество?

Такъ гдѣ же бываютъ бои во времена раздоровъ и бѣдствій?

О, горе,что въ рукахъ у нихъ нѣтъ мечей!

О, горе, что они лишь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуновеніе!

Велики города, населенные людьми, и они полны суеты и шума. Голосовъ ангеловъ тамъ нельзя разслышать, и разъединенные люди лишь собираются тамъ, но не соединяются. Тамъ побѣдители катаются въ коляскахъ, тогда какъ побѣжденные ходятъ пѣшкомъ, склонившись къ землѣ подъ тяжестью ноши. Тамъ побѣдители живутъ во дворцахъ, а побѣжденные ютятся въ подвалахъ. Тамъ люди живутъ подъ одной крышей и ничего не знаютъ другъ о другѣ; они не сидятъ за однимъ столомъ; они не протягиваютъ другъ другу руку въ знакъ благодарности, несмотря на то, что одни стелютъ каждый день другимъ постели; стираютъ и гладятъ на нихъ бѣлье, метутъ и прибираютъ за ними комнаты и безъ устали работаютъ съ утра до вечера, тогда какъ другіе никогда даже и не задумаются надъ тѣмъ, что это за люди живутъ бокъ-о-бокъ съ ними, какая мать баюкала ихъ на своихъ рукахъ, въ какомъ домѣ они выросли, что ихъ встрѣтило въ жизни. Они знаютъ ихъ только по имени, которымъ и называютъ ихъ, когда отдаютъ имъ свои приказанія.

Такъ неужели же ангеламъ не удалось гдѣ-нибудь на широкомъ свѣтѣ, хотя бы за чертой города, соединить побѣдителей съ побѣжденными?

На окраинѣ города стоитъ старый домъ, сѣрый и запущенный. Онъ стоитъ немного въ сторонѣ отъ другихъ строеній и выдвигается на улицу, портя такимъ образомъ прямую линію остальныхъ домовъ. Это неправильное положеніе дома побудило ближайшихъ сосѣдей требовать, чтобы этотъ домъ, какъ только это будетъ возможно, былъ сравненъ съ землей, что и рѣшили сдѣлать блюстители порядка, а также и отцы города. Но арендный контрактъ такъ хорошо составленъ, что даже самые ловкіе толкователи законовъ не были въ состояніи выгнать обитателей изъ этого дома. Пока стоитъ городъ, пока побѣдители катаются въ коляскахъ и живутъ во дворцахъ, пока побѣжденные одѣваются въ лохмотья и живутъ въ подвальныхъ норахъ, до тѣхъ поръ и этотъ домъ будетъ стоять невредимъ. И если даже люди сравняютъ его съ землей, то онъ снова возродится изъ своихъ развалинъ, потому что онъ построенъ на незыблемомъ основаніи арендnаго контракта.

Посмотри, какъ занимается морозное зимнее утро, какъ царица утра цѣлыми снопами разсыпаетъ золотые лучи по широкому небосводу, какъ веселыя феи лѣсовъ и воздушныя дѣвы, поки-

нувъ на время мирные лѣса и безпредѣльное воздушное пространство, толпятся, рѣзвясь и играя, вокругъ сѣраго дома на окраинѣ города.

Это единственное мѣсто на всей широкой землѣ и единственное во всемъ большомъ городѣ, гдѣ дѣти побѣдителей и дѣти побѣжденныхъ соединяются вмѣстѣ.

Этотъ домъ не дворецъ побѣдителя и не жалкая лачуга побѣжденнаго. Онъ безвкусно разукрашенъ внутри съ видимой претензіей на сходство съ дворцомъ. Но все въ немъ поддѣльно: и шелкъ на драпировкахъ, и бархатъ на креслахъ, и позолота на высокой кровати. Поддѣленъ и румянецъ на щекахъ молодой женщины, которая спитъ на мягкой постели; и этотъ румянецъ при утреннемъ свѣтѣ не скрываетъ блѣдности лица.

Было врмея, когда на этихъ щекахъ игралъ естественный румянецъ. Это было, когда она маленькой дѣвочкой, выросшей въ торпѣ, собирала своими ручками ягоды на лѣсныхъ пригоркахъ, и когда въ торпѣ для нея не хватало больше хлѣба, и когда ее, совсѣмъ молоденькой, послали въ широкій свѣтъ. Когда насталъ часъ разлуки съ домомъ, она обхватила свою мать такъ крѣпко, что нельзя было ее оторвать отъ нея. Отецъ плакалъ, но онъ все-таки старался оторвать ее отъ матери. Но едва ему удалось это, какъ она бросилась къ нему самому на шею и еще крѣпче обвила его руками. Только соединенными усиліями удалось отцу и матери оторвать ее и усадить въ сани. Сперва она поступила на службу къ булочнику, потомъ получила мѣсто въ городѣ, а тамъ она забыла и ягоды на пригоркахъ, и лѣсныхъ духовъ.

Но кто этотъ пьяный человѣкъ, который спитъ рядомъ съ ней, положивъ свою голову къ ней на плечо? Черты его лица тонки, и вся его внѣшность носитъ отпечатокъ благородства; онъ прекраснѣйшее и любимое дитя дворцовъ и онъ заблудился, слѣдуя за ангелами, и тропинка привела его къ дѣвушкѣ изъ торпа. Было время, когда и въ его глаза заглядывали лѣсные духи; это было, когда онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ одинъ жаркій лѣтній день и грызъ ручку пера, переворачивая мысленно весь свѣтъ; когда онъ разрушилъ всѣ преграды, освободилъ изъ рабства народъ и далъ ему для обработыванія обширные лѣса и земли. Тогда ангелъ заглядывалъ ему прямо въ глаза. Ангелъ долженъ былъ бы дать ему мудрость змѣя и кротость голубя, какъ всѣмъ тѣмъ, кто слушаетъ голосъ боговъ.

О, почему у ангеловъ въ рукахъ нѣтъ мечей?! О, почему они лишь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуновеніе?!

IX.

МУДРЪ, КАКЪ ЗМѢЙ, И КРОТОКЪ, КАКЪ ГОЛУБЬ.

Такъ вотъ гдѣ я тебя нахожу, Эдуардъ! Средь бѣла дня въ обществѣ женщинъ и бутылокъ.

— А ты кто?

— Кто *я?* Труднѣе было бы узнать *тебя:* безсмысленные глаза, всклоченные волосы, платье въ табакѣ! Который день ты проводишь здѣсь?

— Ты Вен-делль!

— И что у тебя за чудный басъ! Великолѣпно!

— Послушай, Венделль, ты славный малый, но не вздумай угощать меня проповѣдями! Вотъ видишь, и епископъ, и архіепископъ напрасно прибѣгали къ этому средству. Ну, а ты-то что изъ себя представляешь?

— Маленькая проповѣдь тебѣ не повредила бы, но, къ сожалѣнію, у меня теперь на это нѣтъ времени. У меня къ тебѣ совѣмъ другое дѣло. Твое здоровье!

— Ну, въ такомъ случаѣ отыщи себѣ самъ подходящее мѣсто и садись. А, ты боишься поставить куда-нибудь цилиндръ, даже на фортепіано, такъ оставь его на головѣ! Повидимому, тебѣ трудно начать, Венделль. Дай я сдѣлаю это за тебя: Эдуардъ, ты знаешь, что въ Раухалахти теперь нѣтъ хозяина, и что...

— Хорошо, хорошо, но ты ошибаешься... Неужели ты дѣйствительно не знаешь до сихъ поръ, что я самъ люблю Марту? А, наконецъ-то клюнуло? Понимаешь ли ты теперь, что у меня, собственно, никогда не было особаго желанія вытащить тебя изъ тины. По правдѣ сказать, меня это и теперь не очень-то интересуетъ. Ну, вотъ, теперь ты знаешь все!

— Венделль, голубчикъ, ты влюбленъ въ Марту. Вотъ этого я никогда не подозрѣвалъ, бѣдняга ты...

— Теперь, когда между вами все кончено, по крайней мѣрѣ, съ твоей стороны, или какъ?

— Венделль, не говори объ этомъ.

— Ну, хорошо. Теперь, когда между вами все кончено, и когда необходимо, чтобы Раухалахти управлялъ мужчина, — ты, конечно, понимаешь, что Мартѣ не по силамъ долго справляться съ большимъ имѣніемъ, хотя сама она и увѣряетъ въ противномъ.

— Она увѣряетъ, что справится?

— Ну, конечно. «Дайте мнѣ попытаться, — говоритъ она, — хотя бы одинъ годъ!» Но не прерывай меня! Такъ вотъ, разъ

всѣ родственники поощряютъ меня къ этому, по крайней мѣрѣ, никто меня не отговаривалъ, то я и рѣшилъ посвататься къ ней.

— А-а-а...

— А что? Это тебя непріятно удивляетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я всегда желалъ, чтобы Марта нашла себѣ хорошаго мужа.

— Это радуетъ меня. Итакъ, я рѣшилъ посвататься къ Мартѣ, но... тутъ мѣшаетъ большое «но». Вотъ видишь ли, если я приму Раухалахти, то это поведетъ за собой нѣкоторыя затрудненія: я долженъ буду взять большую сумму денегъ подъ залогъ имѣнія, чтобы выдѣлить часть наслѣдства зятьямъ.

— Я помогу тебѣ. Ты получишь отъ меня столько, сколько тебѣ нужно, тогда тебѣ совсѣмъ не надо закладывать имѣнія.

— По правдѣ сказать, я въ глубинѣ души на это и разсчитывалъ. Давай твою руку! Спасибо!

— Итакъ, Венделль, ты сдѣлаешься хозяиномъ Раухалахти, будешь курить трубку и сидѣть въ креслѣ-качалкѣ, какъ старый совѣтникъ!

— Да, если всѣ мои предположенія оправдаются, то я сдѣлаюсь хозяиномъ Раухалахти. Но дѣло обстоитъ такъ, что надо торопиться. Дѣло въ томъ, что Мартѣ *нельзя* позволить самостоятельно управлять имѣніемъ цѣлый годъ, какъ она этого хочетъ. Она погубитъ все имѣніе. Представь себѣ, что это за дѣвушка! Она вбила себѣ въ голову, что все имѣніе въ видѣ небольшихъ участковъ должно понемногу перейти въ собственность торпарей и другихъ безземельныхъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, слыханное ли это дѣло? Кто ей это посовѣтовалъ или гдѣ она вычитала что-либо подобное, я такъ и не узналъ. «Земельная собственность, — говоритъ она, — страшная несправедливость».

— Какъ, какъ, повтори-ка!

— Вотъ видишь ли, оказывается, что владѣть землей страшно несправедливо.

— Да ты не понимаешь! Она подразумѣваетъ владѣніе чрезмѣрнымъ количествомъ земли, которая обрабатывается наемными руками, вотъ что она подразумѣваетъ.

— Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? Но она только и знаетъ, что твердитъ: «земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», «мы паразиты, притѣснители народа», «народъ надо освободить». Короче сказать, она совсѣмъ потеряла голову и готова на какое угодно безуміе, лишь бы ей давали время и позволили дѣйствовать

самостоятельно. Отецъ находится вполнѣ подъ ея вліяніемъ, она пишетъ ему, и онъ согласенъ на все, чего она только ни пожелаетъ. Хочешь знать, что онъ пишетъ ей изъ Норвегіи? Вотъ послушай: «Намъ живется очень хорошо въ свободной. . .» — впрочемъ, начало къ дѣлу не относится.

— Читай все.

— «Намъ живется очень хорошо въ свободной Норвегіи, — да, такъ хорошо, что если бы мнѣ сказали: ты можешь возвратиться на родину, то я, право, не знаю, что я сдѣлалъ бы. Это вовсе не означаетъ, что я уже забылъ свою дорогую родину, нѣтъ, дѣло въ томъ, что для меня уже не существуетъ больше моего собственнаго дома. Что однажды порвалось въ моемъ сердцѣ, то не можетъ больше зажить. Но съ этимъ я уже примирился, и это меня больше не угнетаетъ. Что касается твоихъ плановъ относительно Раухалахти, мое милое дитя, то все зависитъ отъ того, насколько тебѣ удастся выдѣлить твоихъ сонаслѣдниковъ при условіи, что ты раздѣлишь Раухалахти на маленькіе участки и продашь ихъ подъ долгосрочную расплату безземельнымъ крестьянамъ. Однако, я вовсе не хочу тебя разочаровывать и отъ всего сердца надѣюсь, что представится какая-нибудь возможность осуществить твое завѣтное желаніе. Надо тебѣ сказать, что теперь и я смотрю на свѣтъ иными глазами. Прежде я не сознавалъ той пустоты, на которой всѣ мы строимъ нашу жизнь. Теперь я сознаю это. Многое должно было бы быть совсѣмъ иначе, все должно было бы измѣниться въ самомъ корнѣ, съ этимъ я согласенъ. Но я не могу себѣ представить себя въ роли преобразователя, — для этого я слишкомъ старъ. Но ты, моя милая дѣвочка, ты такъ полна жаждой дѣятельности, и твой будущій мужъ — я тебѣ его желаю, какъ и раньше». Ты не думаешь, Эдуардъ, что онъ намекаетъ на меня? Итакъ: «ты и твой будущій мужъ» — и такъ далѣе — «вы можете осуществить то, что вы находите справедливымъ и благороднымъ. Для этого я желаю вамъ много силъ и долгой жизни». Ну, что ты скажешь? Дѣвочка совсѣмъ вскружила голову старику своими глупостями.

— Оселъ! Ты настоящій оселъ, Венделль!

— Это почему?

— Человѣкъ проявляетъ умъ, а ты называешь это глупостью. Ну, скажи, пожалуйста: станетъ ли свѣтъ лучше отъ того, что ты въ свою очередь сядешь въ кресло-качалку въ Раухалахти и начнешь сосать свою трубку? Развѣ мы не приходили съ тобой сто разъ къ заключенію, что жизнь — какою она теперь является — безуміе, что наше искусство — не искусство, культура —

не культура? И вотъ является человѣкъ, который проникся всѣмъ этимъ и хочетъ освободить народъ, чтобы хоть сколько-нибудь дать смысла жизни, а ты говоришь: глупости! Въ тебѣ есть все-таки много мѣщанскаго, бѣдняга Венделль!

— Не стѣсняйся, продолжай, — я принимаю все.

— А Марта, я это теперь вижу, все-таки такая дѣвушка, что никто изъ васъ, зятьевъ, по уму не годится ей и въ подметки.

— Вотъ какъ ты *теперь* разсуждаешь!

— Вы должны были бы помочь ей и всѣми силами поддержать ее въ ея стремленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, вы могли бы радоваться, что между вами есть хоть *одна* ясная голова.

— Развѣ ужъ она такъ умна? Въ такомъ случаѣ, она какое-то высшее существо, потому что умъ не наиболѣе преобладающее качество въ ней. Обращалъ ли ты когда-нибудь какъ слѣдуетъ вниманіе на ея глаза?

— Не говори о ея внѣшности! Нѣтъ, Венделль: красивыхъ и хорошихъ дѣвушекъ встрѣчаешь на каждомъ шагу, да и богатыхъ помѣщичьихъ дочекъ найти не трудно, но чтобы кто-нибудь изъ нихъ сказалъ: «мы паразиты» — вотъ это нѣчто особенное! Хотя она и ребенокъ, но она головой выше всѣхъ. Я скажу тебѣ, Венделль, что эта дѣвушка — алмазъ среди булыжниковъ, — да, эта самая Марта, говорю я, эта самая Марта...

— Да не кричи же ея имени въ такомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ мѣстѣ?

— Въ такомъ, какъ это. Или ты забылъ, гдѣ мы находимся? Осмотрись кругомъ!.. Ну, ну, полно, Эдуардъ, не принимай этого такъ близко къ сердцу. Да что съ тобой? Подожди, куда ты идешь? Эдуардъ, послушай! Эдуардъ, подожди, я иду съ тобой!

Но Эдуардъ уже исчезъ.

Венделль долго сидѣлъ неподвижно и мысленно слѣдилъ взоромъ и слухомъ за Эдуардомъ, какъ часовщикъ, которому удалось снова привести въ движеніе сломанный механизмъ.

Потомъ онъ поднялъ голову и, не видя никого въ комнатѣ, сѣлъ за фортепіано, съ цилиндромъ на головѣ.

Дисканты были страшно разстроены, но зато басы были въ хорошемъ состояніи.

Та фантазія, которую Венделль сочинилъ ко дню рожденія Марты и которая должна была изображать «Скорбь души», не требовала дискантовъ. Теперь онъ началъ играть эту фантазію — и онъ игралъ ее не только съ тѣмъ вдохновеніемъ, съ которымъ игралъ бы въ день рожденія Марты, но съ несравненно большимъ

увлеченіемъ и экспрессіей. Да и пальцы его еще никогда не обладали такой бѣглостью, какъ теперь. Онъ говорилъ Мартѣ свое послѣднее прости. А потому игра его была проникнута скорбью, глубокой скорбью. Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, все явственнѣе слышалось — и наконецъ взяло перевѣсъ — другое чувство, болѣе высокое, нежели скорбь. Оно разрасталось все шире и шире и понемногу совершенно измѣнило характеръ фантазіи, и, наконецъ, вдохновенные звуки такъ ясно передали то мгновеніе, когда душа, освобожденная отъ оковъ, возносится на недосягаемую вышину.

Венделль очнулся отъ своего вдохновенія только тогда, когда въ комнату вошла горничная. Она отворила окно, въ которое ворвался чистый морозный воздухъ, и начала подбирать съ пола осколки стекла. Венделль поднялся изъ-за фортепіано, вытеръ рукавомъ пальто свой цилиндръ, счистилъ щеткой пепелъ съ платья, одернулъ на себѣ сюртукъ и поправилъ воротничокъ, послѣ чего онъ пошелъ домой приготовляться къ путешествію черезъ Атлантическій океанъ.

X.

СМЕРТЬ КИНТУРИ.

Но вотъ настала пора, когда изгнанникамъ можно было вернуться на родину, когда родныя гавани раскрыли свои объятія для нихъ, когда берега отчизны забѣлѣли отъ множества платковъ, которыми имъ махали въ знакъ привѣтствія, когда двери ихъ родныхъ домовъ разукрасились гирляндами изъ цвѣтовъ и зелени, а крыши расцвѣтились развѣвающимися флагами въ честь возвращенія хозяевъ.

Изгнанные изъ своихъ имѣній помѣщики получили обратно свои лѣса и поля. Одна лишь семья Кинтури не получила обратно своего клочка земли.

Да, для Кинтури и не было смысла возвращаться на старое мѣсто: его избы уже больше не существовало, той избы, вокругъ которой его праотцы выложили каменную ограду, гдѣ онъ самъ въ первый разъ увидалъ свѣтъ, гдѣ онъ выросъ, куда ввелъ свою молодую жену, и гдѣ онъ прислушивался къ лепету своихъ дѣтей. Поля, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе воздѣлывали Кинтури, были присоединены къ большимъ землямъ имѣнія Ваникколa. Однако, каменная ограда осталась на своемъ мѣстѣ, тропинки еще не

вездѣ заросли травой, сосна со своими кривыми вѣтвями все еще шумитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были ворота, но отъ избы не осталось и слѣда, и земля, на которой она стояла, вспахана подъ пашню. Бревна изъ-подъ старой избы сожгли въ ригѣ, а изъ пристройки, которую сдѣлалъ Кинтури, сложили свиной хлѣвъ на скотномъ дворѣ въ Ваниккола.

Хозяинъ Ваниккола, который сдѣлался, наконецъ, членомъ сейма, требовалъ, какъ и всѣ другіе члены, самымъ рѣшительнымъ образомъ возвращенія изгнанныхъ изъ страны и возстановленія основныхъ законовъ. Онъ такъ невѣроятно разжирѣлъ, что, не говоря уже о томъ, что онъ совсѣмъ не помѣщался больше въ креслѣ-качалкѣ, самая большая газета не могла его закрыть, когда онъ сидѣлъ и читалъ ее. И чѣмъ больше онъ жирѣлъ, тѣмъ онъ глубже вѣрилъ въ то, что существуетъ громадная разница между тѣми, кто владѣетъ землей, и тѣми, кто ее обрабатываетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тотъ, кто владѣетъ землей, не долженъ ее обрабатывать, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, не долженъ ею владѣть. Было бы такъ же трудно заставить его отказываться отъ этого убѣжденія, какъ заставить его похудѣть. Кинтури стало противно смотрѣть ему въ глаза, и онъ поселился съ Мари въ другой деревнѣ, въ одной старой, заброшенной избушкѣ на краю дороги. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что и другіе хозяева не лучше его стараго хозяина; и его ненависть, которую онъ питалъ къ хозяину Ваниккола, смягчилась настолько, что онъ приходилъ иногда въ Ваниккола наниматься на работу. Его смягчило также и то, что распространился слухъ, будто его старый хозяинъ совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе своихъ барышень-дочекъ, и запилъ,— особенно послѣ своего возвращенія съ сейма. Кинтури было жалко его, и онъ подумалъ: навѣрное онъ раскаивается въ своихъ поступкахъ.

Кинтури работалъ понемногу то тутъ, то тамъ, не отказываясь ни отъ какого труда, за который ему платили: кто живетъ тѣмъ, что продаетъ свой трудъ, не выбираетъ хозяевъ. Случилось однажды, что онъ попалъ на работу и въ Раухалахти, гдѣ онъ долженъ былъ оштукатурить снаружи каменный фундаментъ стараго телячьяго хлѣва. Старикъ работалъ, согнувшись, и замазывалъ щели; иногда онъ прерывалъ свою работу и устремлялъ въ одну точку неподвижный взоръ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Заслышавъ чьи-нибудь шаги, онъ отбрасывалъ свои мысли и принимался за работу съ дѣловитымъ видомъ, чтобы не подумали, что онъ лѣнится.

Онъ еще не успѣлъ окончить штукатурной работы, какъ его

послали въ огородъ полоть клубнику и обрывать оставшіеся съ осени усы.

Здѣсь онъ встрѣтилъ и узналъ молодого барина, который когда-то жилъ въ Ваниккола, и про котораго говорили, что онъ будетъ хозяиномъ Раухалахти. Съ сіяющими отъ восторга глазами молодой баринъ сталъ разсказывать Кинтури, — можетъ быть, онъ говорилъ слишкомъ быстро, — что право собственности на землю скоро совершенно измѣнится, что невоздѣланная земля будетъ обложена налогомъ, и что землевладѣльцы вслѣдствіе этого будутъ принуждены уступить свою землю тѣмъ, кто желаетъ обрабатывать ее. Кинтури сознавалъ хорошую сторону этихъ плановъ, но что касается до ихъ осуществленія, то онъ былъ равнодушенъ къ этому, потому что у *него* не было земли, которая подлежала бы налогу.

Изъ уваженія къ молодымъ господамъ, Кинтури всегда старался въ ихъ присутствіи казаться веселымъ и бодрымъ, а иногда онъ такъ шутилъ и смѣялся, что обѣими руками теръ себѣ глаза. Но молодые господа хорошо видѣли, что Кинтури не по себѣ.

— Развѣ вы не скучаете по дѣтямъ, Кинтури? — спросила его однажды Марта.

При этихъ словахъ Кинтури быстро отвернулся; онъ нагнулся надъ грядкой, чтобы хорошенько разобрать, изъ какого кустика клубники идетъ длинный усъ. Но Марта успѣла замѣтить, что лицо его покраснѣло, точно кирпичъ. Разница въ томъ, какъ онъ относился ко всѣмъ господамъ вообще и въ частности къ Мартѣ и Эдуарду; состояла въ томъ, что онъ передъ послѣдними не представлялся глупымъ и непонимающимъ, какимъ онъ всегда притворялся передъ другими господами. Но не могло быть и рѣчи, чтобы онъ даже передъ этими молодыми господами обнаружилъ свои чувства. Что онъ не могъ спасти дома для своихъ дѣтей, не могъ оставить имъ никакого наслѣдства, и что даже самый младшій долженъ былъ итти служить — это было его больнымъ мѣстомъ, горемъ его жизни. Прикосновеніе къ этой ранѣ было для него невыносимо.

«Ужъ не обидѣлся ли онъ? Почему онъ не отвѣчаетъ?» — подумала Марта.

Въ эту минуту Кинтури открылъ, откуда шелъ длинный усъ.

— Развѣ есть время по нимъ скучать? — сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ и взглянулъ на Марту своими круглыми глазами, и онъ готовъ былъ снова шутить. — Да и нашему мальчику Якову живется недурно.

— Вотъ какъ, — отвѣтила Марта, немножко стыдясь, что она не знаетъ, который изъ дѣтей Кинтури Яковъ.

Кинтури разсказалъ ей, что Якова взялъ въ мальчики лавочникъ. Онъ спросилъ, не замѣтила ли его барышня въ лавкѣ.

— Онъ тамъ летаетъ, точно стрѣла, между кладовой и лавкой. Это и есть нашъ Яковъ.

И онъ разсказалъ ей и про остальныхъ дѣтей, про каждаго отдѣльно, украшая свои слова шутками и прибаутками.

Тѣмъ же нѣсколько шутливымъ тономъ онъ отклонилъ предложеніе господъ выбрать по своему усмотрѣнію любой участокъ земли въ Раухалахти. Они не могли ничѣмъ оказать помощи, и имъ не оставалось ничего другого, какъ только отдать ему поденную плату за его работу. Было ясно, что Кинтури не хотѣлъ казатья нуждающимся въ какой-либо матеріальной помощи. Сердца же своего онъ не открывалъ никому.

Нѣсколько времени спустя Кинтури началъ сильно кашлять. Онъ быстро окончилъ свою штукатурную работу и ушелъ изъ Раухалахти.

Недѣли черезъ двѣ послѣ его ухода въ Раухалахти пришла женщина и спросила, гдѣ Кинтури. Это была Мари.

Никто не могъ сказать ей, куда онъ ушелъ. Знали только, что онъ пошелъ искать работы.

Тогда жена стала подозрѣвать, что случилось что-то недоброе. Кинтури никогда раньше не исчезалъ на такой долгій срокъ. Онъ всегда черезъ короткіе промежутки времени являлся домой, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ благополучно, и чтобы оставить женѣ денегъ. И вотъ Мари отправилась въ поиски за нимъ. Она ходила изъ деревни въ деревню, изъ одного мѣста въ другое; она избѣгала весь приходъ, пока не нашла его, наконецъ, въ одной отдаленной деревнѣ въ маленькой каморкѣ, гдѣ онъ лежалъ больной. Одинъ крестьянинъ сжалился надъ нимъ и позволилъ ему занять эту каморку на время болѣзни. Здѣсь Кинтури лежалъ уже цѣлую недѣлю безъ всякаго ухода. Онъ былъ такъ плохъ, что не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы его перевезти домой. Члены его такъ одеревенѣли, что Мари съ большимъ трудомъ удалось надѣть на него чистую рубашку, которую она, къ счастью, захватила съ собой. Она достала для него также чистое одѣяло; затѣмъ, повернувъ на спину, она разложила его руки вдоль тѣла. Послѣ этого она сняла паутину съ угловъ, вытерла полъ мокрой тряпкой и посыпала его рубленымъ можжевельникомъ. Сдѣлавъ все это, она стала осматриваться кругомъ, желая найти какую-нибудь работу, чтобы скоротать время, но въ этой чужой комнатѣ не бы-

ло ни самопрялки и ничего другого, чѣмъ она могла бы занять свои руки, которыя не привыкли оставаться въ бездѣйствіи. Единственное, что ей было хорошо знакомо въ этой комнатѣ, было лицо Кинтури, и она остановила свой взоръ на немъ. Но ей было слишкомъ тяжело смотрѣть на его изможденныя черты, и она перевела глаза на его руки, лежавшія поверхъ одѣяла, и она долго разсматривала ихъ. Подъ бѣлыми рукавами рубашки ясно обозначались выпуклые мускулы его рукъ, изгибъ которыхъ былъ такъ хорошо знакомъ Мари; эти руки, казалось, готовы были въ каждую минуту мощнымъ движеніемъ ухватиться за что-нибудь. Потомъ Мари перевела свой взглядъ на кисти его рукъ, и она удивилась, что никогда раньше не обращала на нихъ вниманія. Сколько силы было въ надутыхъ, узловатыхъ жилахъ! Много, много работъ исполнили эти руки, много заступовъ иступили онѣ, много рукоятокъ онѣ перемѣнили. Кожа на рукахъ была коричневая, грубая и заскорузлая; ладони были въ мозоляхъ, а пальцы были крючковатые, какъ бы созданные для того, чтобы браться за плугъ. Глядя на эти крючковатые пальцы, Мари въ первый разъ почувствовала горькую обиду за то, что такія сильныя руки должны были за послѣдніе годы исполнять всякую мелкую работу. И только теперь она поняла упорное молчаніе и суровость Кинтури, длившіяся цѣлые годы, — только теперь она поняла все, и она заплакала, тихо покачиваясь взадъ и впередъ на краю кровати.

Мучимый кашлемъ и лихорадкой, Кинтури могъ сказать только, что онъ умираетъ, и при этомъ онъ указалъ на кошелекъ, въ которомъ Мари нашла маленькій ключикъ и три марки шестнадцать пенни. Ключикъ былъ отъ углового шкапа Кинтури, въ которомъ, какъ сказалъ Кинтури, онъ припряталъ для Мари маленькія сбереженія. Съ большимъ трудомъ отдавъ эти распоряженія, онъ велѣлъ Мари сварить кофе.

Мари хорошо знала, что Кинтури, въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, не будетъ пить кофе, но она поняла, что онъ только желалъ, чтобы она сама выпила кофе. Для Кинтури и теперь, какъ бывало раньше, кофе былъ предметомъ хвастовства. Если бы было возможно достать гдѣ-нибудь бѣлаго хлѣба, то онъ навѣрное пожелалъ бы и имъ угостить Мари. Мари сварила кофе и, горько плача, выпила у него на глазахъ четыре чашки. Кинтури отъ времени до времени, мигая глазами, смотрѣлъ на нее, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она исполняетъ его послѣднее желаніе. Но когда Мари кончила пить кофе, онъ закрылъ глаза и больше ужъ ихъ не открывалъ.

Его дыханіе было прерывисто и неровно: то онъ вздыхалъ глу-

боко и рѣдко, то дыханіе совсѣмъ прерывалось, то онъ дышалъ коротко и часто, какъ если бы ему не хватало воздуха. Но вдругъ кашель прекратился, жаръ оставилъ его тѣло, и на его лицо легла смертельная блѣдность. Теперь Мари поняла, что смерть дѣйствительно приближается. Она давно уже отвыкла отъ надежды на помощь доктора. Одинъ изъ ея дѣтей умеръ, когда она везла его къ доктору, а другой умеръ, потому что она не имѣла средствъ пригласить доктора на домъ. Остальныхъ дѣтей она вылѣчивала сама своими домашними средствами. Но здѣсь у нея не было подъ рукой никакихъ средствъ, а между тѣмъ она надѣялась, что если только нашлась бы возможность согрѣть тѣло Кинтури, то онъ былъ бы спасенъ. И вотъ въ своемъ отчаяніи она не нашла никакого иного способа, какъ, заперевъ дверь, раздѣться и лечь въ постель къ Кинтури, крѣпко прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ. Стараясь согрѣть его, она проводила руками по его тѣлу и при этомъ хорошо знакомыя очертанія его тѣла и въ особенности глубокая впадина подъ ложечкой напомнили ей то время, когда они еще не стали чужими другъ для друга, — и она горько плакала. Потомъ она приложила ухо къ его груди и услышала біеніе его сердца, и это вызвало у нея новый потокъ слезъ.

Кинтури не проснулся больше и не открылъ больше глазъ, но, согрѣтый объятіями Мари, онъ увидалъ сонъ. Онъ увидалъ во снѣ небеса. Ему казалось, что онъ смотритъ внизъ на землю.

Какъ и раньше бывало, къ его радости, Царствіе Небесное представилось ему не въ видѣ большого торжественнаго зала со множествомъ народа, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя неловко среди «чистой» публики, среди господъ и тому подобныхъ людей. Онъ увидалъ во снѣ, что гуляетъ передъ вратами Царствія Небеснаго; вдругъ врата немного пріотворились, и его глазамъ представилась картина самой чистой, самой дѣвственной природы съ изумрудными лугами, на которыхъ паслись телята, и лучи солнца съ высоты небесъ ложились яркими полосами на ихъ спины. Потомъ онъ увидалъ другой сонъ: ему казалось, что онъ идетъ со всѣми своими дѣтьми, чтобы показать имъ землю для обработки. Здѣсь все было ясно: не надо ни малѣйшаго клочка бумаги, ничего похожаго на контрактъ. О, какъ, у него стало радостно на душѣ и какой благодарностью наполнилось его сердце! Теперь онъ снова соберетъ вокругъ себя разсѣянныхъ по бѣлу-свѣту дѣтей, онъ будетъ снова любоваться на сильныя и такія милыя для него движенія Иды, онъ снова будетъ водить за ручку своего маленькаго Якова! И онъ дастъ своимъ дѣтямъ большую плодородную землю и скажетъ имъ: «Вся земля, которую вы сами обрабаты-

ваете, принадлежитъ вамъ». И дѣти будутъ расти и жениться, и потомство ихъ будетъ множиться изъ рода въ родъ. Самъ онъ будетъ только сверху смотрѣть на нихъ и руководить ими и будетъ имъ еще ближе, чѣмъ прежде у себя дома въ лѣсу.

Сны чередуются одинъ за другимъ, и передъ нимъ проходятъ новыя видѣнія.

И вотъ онъ снова стоитъ передъ вратами Царствія Небеснаго, и что же, онъ слышитъ голосъ Божій, который спрашиваетъ ангеловъ:

— Достоинъ ли Кинтури войти въ Царствіе Небесное?

Ангелы отвѣчаютъ:

— Достоинъ! Ибо въ земной жизни онъ былъ лишенъ своихъ полей, своего скота, своего дома и своихъ дѣтей. И сверхъ того, онъ научился работать на тѣхъ и служить тѣмъ, кто отнимали у него все это.

Кинтури плачетъ, и изъ его сердца исчезаютъ послѣдніе остатки злобы противъ «господъ».

Но и этотъ сонъ прерывается, и онъ на мгновеніе приходитъ въ себя отъ боли, причиняемой ему дыханіемъ.

Послѣдній сонъ снова уноситъ его къ земнымъ страданіямъ. Ему кажется, что онъ слышитъ, какъ мышь грызетъ желѣзный прутъ мышеловки. Онъ видитъ за прутьями черные глазки мыши, которые глядятъ на него съ невыразимымъ ужасомъ. «Все погибло — никогда я больше не увижу своихъ дѣтенышей!» — думаетъ Кинтури, который въ бреду принимаетъ себя самого за мышь и испытываетъ весь ужасъ положенія мыши, попавшей въ мышеловку. Кинтури пересталъ дышать, открылъ глаза и безсознательно осмотрѣлся вокругъ себя; тихая дрожь прошла по его тѣлу.

Но вотъ раздался ласковый голосъ, который сказалъ ему:

— Будь спокоенъ въ послѣдній часъ. *Я* открою мышеловку и дамъ тебѣ свободу!

О, какое блаженство! Такъ, значитъ, нашлось все-таки существо, которое, наконецъ, поняло, что никакія крохи и ничто другое не поможетъ, — поможетъ лишь возвращеніе свободы!

И правда — вотъ онъ выходитъ изъ мышеловки, вотъ онъ слышитъ приближающійся шумъ крыльевъ свободы, уже раскрываются голубыя врата Царствія Небеснаго... И Кинтури смотритъ внизъ и видитъ мать-землю и всѣхъ ея дѣтей въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ, какого еще никто не видалъ изъ живыхъ существъ. Но на порогѣ въ Царствіе Небесное онъ чувствуетъ все-

таки сладкую истому, какъ послѣ долгаго рабочаго дня, и онъ говоритъ:

— Скоро я приду къ вамъ, но если можно, то я сперва отдохну немного...

— Дайте Кинтури отдохнуть! — раздался у вратъ Царствія Небеснаго голосъ, громкій и ясный.

И съ блаженной улыбкой на устахъ Кинтури испускаетъ глубокій вздохъ и закрываетъ глаза.

Мари ждетъ и думаетъ, что онъ проснется и снова начнетъ дышать. Но онъ не дышитъ больше. И сердце его перестало биться. Мари не можетъ больше теплотой своего тѣла помѣшать Кинтури остывать.

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

САНТЕРИ ИНГМАНЪ.

БЕЗХВОСТЫЙ ТЕЛЕНОКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Уѣздный городокъ П. принадлежалъ къ числу далеко не послѣднихъ городовъ въ нашей странѣ. У него была даже своя собственная газета и собственная типографія. А вѣдь есть еще у насъ города, въ которыхъ нѣтъ ни того, ни другого.

Да, въ этомъ городѣ была типографія, совсѣмъ новая, устроенная по образцу заграничныхъ типографій новѣйшаго типа. Однако, эта типографія обладала однимъ недостаткомъ — въ ней нечего было печатать. Для газеты она была занята всего лишь два вечера и два утра въ недѣлю, а въ остальное время машины стояли безъ всякой пользы и покоились сладкимъ сномъ, обильно смазанныя масломъ. Что же касается наборщиковъ, молодыхъ парней, то они шлялись безъ всякаго дѣла, хотя и получали приличное жалованье. Отъ бездѣлья они пили, возбуждая всеобщее недовольство и пересуды.

Ну, развѣ это не ужасно?

Акціонерное общество, которому принадлежала типографія, уже два раза устраивало засѣданія, по поводу бездѣйствія типографіи. Судили да рядили такъ и этакъ, дѣлали тѣ и другія предложенія, обсуждали уже ранѣе сдѣланныя предложенія, отвергали ихъ, но такъ ни къ какому результату и не пришли. Фактъ оставался налицо: четыре дня въ недѣлю типографія бездѣйствовала.

Снова акціонеры собрались на засѣданіе, но, повидимому, и это должно было окончиться такъ же плачевно, какъ и предыдущія. Никто не могъ найти для типографіи такой работы, которая могла бы удовлетворить всѣхъ акціонеровъ, — каждое предложеніе встрѣчало то или иное возраженіе. Наконецъ, поднялся кожевенникъ Нійраненъ,—онъ также состоялъ акціонеромъ, но до сихъ поръ не считалъ себя достаточно просвѣщеннымъ для

тото, чтобы принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ, касающихся литературы. Онъ сказалъ:

— Какой смыслъ имѣетъ типографія, которая стоитъ безъ работы, и какая польза отъ такого правленія, которое собирается два раза въ мѣсяцъ и никогда не приходитъ ни къ какому рѣшенію? Я никакъ не могу понять, почему не годится всякая работа для типографіи? Тѣмъ не менѣе я дѣлаю одно предложеніе, которое не должно было бы, кажется, встрѣтить никакихъ возраженій. Я предлагаю начать съ самаго начала и напечатать азбуку.

Азбуку?.. Это было нѣчто новое! Мысль кожевенника встрѣтила, дѣйствительно, полное сочувствіе среди засѣдавшихъ.

— Что касается меня, — заявилъ почтмейстеръ, который обыкновенно на все возражалъ и все браковалъ, — то я усердно поддерживаю это предложеніе. Я только позволю себѣ прибавить, что было бы желательно иллюстрировать эту азбуку картинками, выписанными изъ Германіи.

— Я также не могу не выразить сочувствія этой удачной мысли, — замѣтилъ купецъ Рихканенъ. — Предпріятіе это никоимъ образомъ не можетъ быть убыточнымъ. Напротивъ, со временемъ оно принесетъ хорошій доходъ. Расходы же по печатанію не будутъ велики, если даже заказать картинки въ Германіи. Да и гонораръ авторамъ не составитъ большой суммы. Ну, а спросъ на такой товаръ будетъ не меньше, чѣмъ на листовой табакъ.

Учитель народной школы Посіо, смотрѣвшій на все съ болѣе высокой и идеалистической точки зрѣнія, чѣмъ кто-либо другой изъ засѣдавшихъ, тоже выразилъ свое одобреніе.

— Я нахожу, — сказалъ онъ, — что всѣ мы должны быть глубоко благодарны уважаемому господину Нійранену за его удачную мысль. Теперь намъ остается только энергично приступить къ осуществленію ея. Вѣдь мы еще новички въ дѣлѣ распространенія свѣта среди народа, а потому вполнѣ естественно, что мы должны быть непритязательными и начать дѣло съ самаго начала. Однако, предпріятіе это вовсе не такое маленькое, — напротивъ, оно такого свойства, что...

Онъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ и говорилъ долго. Потомъ сочувственныя рѣчи произнесли также и директоръ школы, и фискалъ, и даже докторъ, хотя послѣдній и ухмылялся себѣ въ бороду.

Предсѣдатель правленія, единственный коммерціи-совѣтникъ въ городѣ, спокойно и терпѣливо слушалъ всестороннее обсу-

жденіе вопроса, а секретарь усердно заносилъ все въ протоколъ. Наконецъ, когда въ обсужденіи наступилъ маленькій перерывъ, предсѣдатель, поспѣшившій воспользоваться имъ, всталъ и сказалъ:

— Намъ было сдѣлано весьма цѣнное предложеніе, къ которому всѣ отнеслись сочувственно. Повидимому, никто ничего не имѣетъ возразить на него. А потому я позволю себѣ задать слѣдующіе вопросы: рѣшено ли начать съ самаго начала?

— Да, съ самаго начала.

— Значитъ, рѣшено печатать азбуку? Азбуку съ картинками?

— Да.

— И картинки закажемъ въ Германіи?

— Въ Германіи.

Предсѣдатель стукнулъ по столу молоткомъ и вытеръ потъ съ лысины. Въ концѣ концовъ, было принято единогласное постановленіе, и всѣ почувствовали облегченіе, такъ какъ началу въ этомъ трудномъ дѣлѣ было сдѣлано. Всѣми овладѣло бодрое настроеніе, всѣ испытывали чувство удовлетворенія отъ сознанія, что они на что-нибудь да годятся, и это сознаніе родило смѣлыя упованія на будущее. А потому, — послѣ того, какъ была избрана комиссія изъ пяти членовъ и двухъ замѣстителей, — было единогласно рѣшено отправиться въ ресторанъ, чтобы тамъ выпить стаканъ вина за процвѣтаніе новаго предпріятія.

Прошелъ мѣсяцъ, прошло два мѣсяца. Текстъ для азбуки былъ написанъ, — къ старому подмѣшали кое-что новаго, картинки, заказанныя въ Германіи, были присланы. И снова собрались на совѣщаніе члены правленія акціонернаго общества. На этомъ засѣданіи комиссія предполагала сдѣлать докладъ, и затѣмъ правленіе должно было вынести окончательное постановленіе.

Были получены уже штукъ десять готовыхъ формъ для картинокъ — такъ называемыя клише, — оставалось только ихъ напечатать. На эти-то картинки члены правленія и обратили сейчасъ же свое вниманіе и начали высказывать по поводу нихъ свое мнѣніе. Между прочимъ, одна изъ картинокъ изображала Іосифа, пасущаго стадо.

— Посмотрите-ка, тутъ рогатый скотъ — бараны и коровы.

— Да. А вотъ и теленокъ, онъ скачетъ по лугу, и хвостъ у него стоитъ дыбомъ.

— Вѣрно, вѣрно! Хвостъ стоитъ дыбомъ, только слегка изогнутъ.

— Собственно говоря, лишнее изображать теленка въ такомъ неблагопристойномъ видѣ, съ задраннымъ хвостомъ. Нельзя сказать, чтобы эта картинка была красива.—Это мнѣніе высказалъ почтмейстеръ, обладавшій склонностью все осуждать.

— Это, дѣйствительно, совершенно неумѣстная шутка въ серьёзномъ дѣлѣ, — добавилъ директоръ школы.

— Это не только неумѣстно, это прямо-таки неприлично!— замѣтилъ Посіо. — Это оскорбляетъ не только чувство прекраснаго, но также и чувство стыдливости.

«Есть чего оскорбляться», подумалъ кожевенникъ Нійраненъ. «Велика бѣда, если хвостъ у теленка повернутъ такъ или сякъ». Онъ передалъ картинку директору и сказалъ:

— По-моему, картинка хороша, да и хвостъ также хорошъ.

— Ну, а я придерживаюсь совершенно противоположнаго мнѣнія. И, откровенно говоря, я не могу даже понять, какъ могли послать такую безнравственную картинку для дѣтской книжки!— сказалъ директоръ и, съ раздраженіемъ положивъ картинку на столъ, ткнулъ пальцемъ какъ-разъ въ то мѣсто, гдѣ былъ изображенъ хвостъ теленка. — Мы никоимъ образомъ не можемъ допустить, чтобы что-либо подобное было напечатано въ нашей азбукѣ. А потому я предлагаю вовсе не печатать эту картинку.

— Нѣтъ, такъ нельзя, — возразилъ купецъ Рихканенъ.— Мы заказали картинки въ Германіи, заплатили за нихъ наличными деньгами, и неужели же все это только для того, чтобы выбросить ихъ? Ну, на что это было бы похоже?! Разъ картинки куплены, ихъ слѣдуетъ продать. Что же касается телячьяго хвоста, то мы его выкинемъ вонъ и вовсе не напечатаемъ, разъ ужъ онъ такъ плохъ. Чего же проще?

— Тогда у насъ въ книжкѣ будетъ безхвостый теленокъ,— замѣтилъ учитель, не поднимая головы.

— Ну, да. Такъ что же изъ этого? По крайней мѣрѣ, въ этомъ нѣтъ ничего непристойнаго.

— Въ томъ, что мы изобразили безхвостаго теленка?

Предсѣдатель недоумѣвалъ, въ какой формѣ предложить вопросъ на голосованіе. Но тутъ всталъ докторъ.

— Да вѣдь это какое-то навожденіе! Вполнѣ естественно, что теленокъ изображенъ съ поднятымъ хвостомъ. Не надо забывать, что это молодая жизнерадостная скотинка, которая рѣзво скачетъ по лугу. Было бы неправдоподобно изображать рѣзваго теленка иначе. Нельзя не отдать должное вниманію и тонкой наблюдательности художника. Было бы форменнымъ безуміемъ только изъ-за этого бросать картинку, а отрубать теленку хвостъ и

глупо, и смѣшно! Въ настоящемъ видѣ картинка красива и естественна.

— Естественна? О, да, она, конечно, естественна, — сказалъ директоръ, раздражавшійся все больше и больше. — Но умѣстна ли тутъ естественность? Вѣдь, кажется, вполнѣ естественно, когда собака чешетъ себѣ бокъ лапой, или когда свинья валяется въ помояхъ, но развѣ задача искусства заключается въ томъ, чтобы изображать это? И развѣ такое искусство можно предлагать дѣтямъ и простонародью? Я позволяю себѣ только спросить это.

— Ну, ну, — произнесъ успокоительно почтмейстеръ — главный виновникъ вопроса о телячьемъ хвостѣ. Онъ никакъ не думалъ, что къ этому вопросу отнесутся такъ серьёзно, а, кромѣ того, онъ вообще былъ непостояненъ въ своихъ сужденіяхъ. — Совсѣмъ не-зачѣмъ видѣть въ этомъ нѣчто некрасивое или непристойное. Да и дѣти не увидятъ въ этомъ, конечно, ничего такого. И ужъ если на то пошло, то не надо забывать, что дѣти каждое лѣто видятъ телятъ, которые вотъ такъ же скачутъ и прыгаютъ по лугамъ и на скотномъ дворѣ. Ну, а едва ли имъ повредитъ, если они увидятъ такого теленка и на картинкѣ.

— Едва ли повредитъ! — воскликнулъ Посіо, подчеркивая слова. — Я нахожу, что мы ложно поняли нашу задачу... И вообще было бы гораздо лучше, если бы мы не принимались за печатаніе азбуки и какихъ бы то ни было книгъ, разъ мы собираемся распространять такое неприличіе! И среди кого? — спрашиваю я. Среди простонародья! Среди этихъ неиспорченныхъ душъ мы собираемся распространять всякую мерзость и грязь! Такъ неужели же мы, дѣйствительно, поставили себѣ цѣлью испортить этимъ дѣтямъ ихъ чистое и счастливое дѣтство, а этимъ самымъ всю будущность нашего народа, и поколебать его нравственные устои?

— Конечно, нѣтъ ничего хорошаго или похвальнаго въ томъ, что теленокъ такъ задираетъ свой хвостъ, — согласился и кожевенникъ Нійраненъ. — Но мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ это не такъ ужъ опасно, потому что это вѣдь просто теленокъ, какой-то двухнедѣльный сосунокъ, отъ котораго нельзя ожидать большого жизненнаго опыта. Другое дѣло, если бы это былъ здоровый быкъ или если бы это была старая корова... Ну, а теленку это простительно, и мы можемъ отнестись къ нему снисходительно...

— О-го! — воскликнулъ фискалъ Спетсъ. — Развѣ это порядокъ? Развѣ благопристойно, когда какой-то теленокъ позво-

ляетъ себѣ задирать хвостъ? Чего же послѣ этого ожидать отъ другихъ? А если еще это показывать дѣтямъ, то какое представленіе составятъ они себѣ о порядкѣ и о благопристойности?

— Я только-что сказалъ и повторяю, что это настоящее навожденіе, — заявилъ докторъ. — Серьёзные люди сидятъ здѣсь и разсуждаютъ часами о какомъ-то телячьемъ хвостѣ! И къ этой чепухѣ приплетаютъ порядокъ и благопристойность! А вѣдь у насъ есть дѣла и посерьёзнѣе, дѣла, не терпящія отлагательства. Бросимте же, наконецъ, этого несчастнаго теленка!

— Теперь вопросъ идетъ не объ одномъ только телячьемъ хвостѣ, а о тѣхъ основахъ, на которыхъ построено наше общество и согласно съ которыми мы должны дѣйствовать въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и культуры, — заявилъ промогласно директоръ, приходившій все въ болышее и большее возбужденіе. — Мало того, вопросъ идетъ о гораздо болѣе важныхъ принципахъ, изъ-за которыхъ уже началась междоусобная борьба даже и на Финскомъ полуостровѣ. Съ одной стороны, борятся за благородныя идеи и за служеніе свѣту и истинѣ, съ другой стороны—отстаиваютъ мракъ и испорченность и, подъ прикрытіемъ идеи невиннаго подражанія природѣ и естественности, стараются внести заразу и въ наше мирное, невинное акціонерное общество. А потому я считаю своей обязанностью предостеречь наше общество отъ этой отравы, она можетъ погубить всю нашу прекрасную работу!

Докторъ неспокойно зашевелился на своемъ мѣстѣ. Предсѣдатель замѣтилъ это. Онъ и такъ находилъ, что пренія приняли нежелательную форму и размѣры. А потому онъ рѣшилъ положить этому конецъ.

— Я позволяю себѣ напомнить собранію, что не слѣдовало бы придавать преніямъ слишкомъ широкій характеръ и уклоняться въ сторону, потому что такимъ образомъ мы никогда не дойдемъ въ нашихъ преніяхъ до какого-нибудь результата. Вопросы должны быть рѣшены каждый по очереди. Насколько я понимаю, въ первую очередь мы должны рѣшить вопросъ относительно картинки, относительно этого... какъ его... телячьяго хвоста. Не такъ ли?

— Совершенно вѣрно.

— По этому пункту было сдѣлано два предположенія: во-первыхъ, вовсе не печатать этой картинки, а во-вторыхъ, — не печатать только хвостъ теленка. Но, насколько я понялъ, послѣднее предложеніе не нашло сочувствія.

Фискалъ Спетсъ попросилъ слова.

— А я какъ-разъ хотѣлъ отстаивать это предложеніе, — заявилъ онъ, — но не успѣлъ высказать своего мнѣнія. Вѣдь, въ сущности, хвостъ-то и представляетъ собой неприличный пунктъ въ картинкѣ. Такъ неужели же изъ-за этого хвоста выбрасывать также и Іосифа со всѣмъ его стадомъ?

На это кожевенникъ Нійранень возразилъ, что онъ вообще противъ безхвостыхъ телятъ и всякихъ другихъ убогихъ скотовъ. Почтмейстеръ былъ того же мнѣнія. И снова вспыхнули пренія. Учитель народной школы опять вознесся на высокую точку зрѣнія и съ этой высоты сталъ разъяснять, какія опасности грозятъ народу и родинѣ, если бы эти пренія привели къ нежелательному результату. Въ пылу разгорѣвшагося спора директоръ высказался въ томъ смыслѣ, что тѣ, кто защищаетъ грубость и безнравственность въ мелочахъ, какъ нѣчто естественное и повседневное, не заслуживаютъ довѣрія въ болѣе серьёзныхъ вопросахъ, потому что ихъ понятія о приличіи и стыдливости весьма смутны.

Эти слова окончательно вывели изъ себя доктора.

— Да, а такая стыдливость, — воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ, — которая краснѣетъ отъ телячьяго хвоста, въ высшей степени подозрительна! Для чистаго — все чисто. Но, оказывается, что для грязнаго тоже все грязно. Ибо, какимъ грязнымъ воображеніемъ долженъ обладать человѣкъ, видящій нѣчто безнравственное въ томъ, что теленокъ, скачущій по лугу, поднялъ хвостъ! Такого представленія никоимъ образомъ не можетъ составить себѣ дитя народа. До этого можетъ дойти только человѣкъ, который, благодаря своей безнравственности, развратилъ свое воображеніе и потому видитъ то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Это было слишкомъ! Предсѣдатель остановилъ оратора и попросилъ его не касаться личностей, а также не распространяться дальше. Однако, директоръ уже всталъ и взялъ свою шляпу и палку. Уходя, онъ сказалъ упавшимъ, надломленнымъ голосомъ, что съ горечью въ сердцѣ видитъ, какъ дѣло, которое должно было приносить благословеніе, превратилось въ проклятіе. Но онъ умываетъ руки и заявляетъ, что выходитъ изъ числа акціонеровъ, разъ въ этомъ обществѣ позволяютъ себѣ оскорблять человѣка, который корректно и безъ всякой злобы высказываетъ свои взгляды. Оскорбленія эти таковы, что продолжать пренія по поднятому вопросу можно только... въ судѣ.

Онъ ушелъ. Вслѣдъ за нимъ покинули собраніе учитель народной школы и фискалъ. Остальные остались. Но на всѣхъ тя-

желымъ гнетомъ легло сознаніе, что надеждамъ на дружную совмѣстную работу не суждено осуществиться. Всѣ чувствовали мучительную неувѣренность въ будущемъ.

И во всемъ этомъ былъ виноватъ телячій хвостъ.

Да и вопросъ-то этотъ такъ и остался открытымъ. Налицо оставались два — или вѣрнѣе, три — настолько противорѣчащихъ другъ другу мнѣнія, что предсѣдатель не рѣшился еще разъ предложить ихъ на голосованіе, потому что это могло бы нанести обществу смертельный ударъ. А потому окончательное рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, тѣмъ болѣе, что было уже далеко за полночь и надо было расходиться. Только Нійранень настоялъ еще на томъ, чтобы были запрошены другія лица, не имѣющія отношенія къ ихъ акціонерному обществу, и чтобы они высказались по вопросу, вызвавшему разногласія.

Между прочимъ, были запрошены бургомистръ и пробстъ. Черезъ нѣсколько времени отъ нихъ пришли письменные отвѣты.

Бургомистръ отвѣтилъ, что если бы когда-нибудь по улицамъ города бѣгалъ теленокъ, поднявъ хвостъ кверху, и если бы кто-нибудь посторонній, пріѣхавшій изъ широкаго свѣта, увидалъ его, то это, конечно, было бы не къ чести города. Но такая картинка въ дѣтской книжкѣ, предназначенной для простого народа, едва ли можетъ быть вредна.

Что касается пробста, то онъ отвѣтилъ, что не нашелъ въ библіи такого мѣста, гдѣ говорилось бы съ неодобреніемъ о чемъ-либо подобномъ, а потому онъ думаетъ, что такая картинка допустима. Ибо, если бы это было запрещено, то объ этомъ гдѣ-нибудь упоминалось бы.

Послѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій азбука была, наконецъ, напечатана и выпущена въ свѣтъ для распространенія просвѣщенія и культуры. Такимъ образомъ, хвостъ остался при теленкѣ. Однако, директоръ, учитель народной школы и фискалъ позаботились о томъ, чтобы на нихъ не пало и тѣни какой-либо отвѣтственности: они продали свои акціи тѣмъ, кто больше всего за нихъ далъ.

Въ то время, какъ происходило затянувшееся до ночи засѣданіе, на которомъ боролись изъ-за телячьяго хвоста, жены засѣдавшихъ томились дома въ ожиданіи мужей. Онѣ недоумѣвали, почему тѣ такъ долго не возвращаются. Лишь бы они не вздумали опять пойти въ ресторанъ, чтобы тамъ отпраздновать какое-нибудь удачное рѣшеніе. Ахъ, ужъ эти мужья! Докторша подумала

про себя, что теперь вотъ такъ же сидитъ дома директорша и ждетъ мужа. Что, если ее спросить по телефону, — вѣдь въ городѣ П. существовалъ даже телефонъ, — что если спросить ее, не возвратился ли уже ея мужъ? Бѣдняжка, въ своемъ волненіи она не подумала о томъ, что не всегда бываетъ удобно говорить по телефону, и не всегда получаешь отвѣтъ! Да и не подозрѣвала она, что добрыя отношенія между ихъ семьями порывались или даже были уже порваны.

Однако, очень скоро она, какъ и всѣ другіе, узнала это, а рано утромъ эта вѣсть разнеслась по всему городу. Но почему произошелъ разрывъ между докторомъ и директоромъ — этого никто достовѣрно не зналъ. Правда, говорили, что причиной ихъ ссоры былъ телячій хвостъ, но люди серьёзные предполагали, что тутъ крылась какая-нибудь болѣе глубокая причина.

Еще меньше другихъ знали объ этомъ служанки въ городѣ П., и тѣмъ не менѣе онѣ часами простаивали на рынкѣ и у колодцевъ и болтали о замѣчательномъ происшествіи. Онѣ знали только, что причиной ссоры былъ безхвостый теленокъ. Эти два слова постоянно слышались во время ихъ болтовни. Впрочемъ, эти два слова всю осень пользовались необычайной популярностью въ городѣ П., ихъ повторяли и старъ и младъ, а это и неудивительно, потому что они-то и были причиной великаго переворота во внутренней жизни города.

Подобно тому, какъ поссорились директоръ съ докторомъ, поссорились и другіе сосѣди. Такъ, кожевенникъ Нійраненъ вступилъ во вражду съ фискаломъ Спетсомъ, хотя сами они и не знали истинной причины своей вражды. Такъ пришлось, и тутъ ужъ ничего нельзя было подѣлать. Дворы ихъ были смежные, и ихъ раздѣлялъ только низкій заборъ, и раньше ихъ дѣти всегда играли вмѣстѣ то на одномъ дворѣ, то на другомъ. Теперь же и между дѣтьми была объявлена война, и они часто ссорились на улицѣ у воротъ и кричали другъ другу черезъ заборъ: «Безхвостый теленокъ!» Даже маленькій четырехлѣтній карапузъ Нійранена, Эро, вскарабкивался на боченокъ у забора и, размахивая палкой, кричалъ:

— Безхвостый теленокъ! Безхвостый теленокъ!

Пер. съ финскаго ***М. П. Благовѣщенской.***

КАЗИМИРЪ ЛЕЙНО.

ДИТЯ НАРОДА.

Я родился въ пустынномъ краю, я былъ выкормленъ лѣсомъ глухимъ,
Я сроднился съ народомъ своимъ, и съ народомъ жилъ чувствомъ однимъ;
Я убогую знаю толпу, что дрожала въ холодные дни,
Я измученныхъ видѣлъ людей, какъ отъ голода блѣдны они.

Было рубищемъ платье на нихъ, заскорузлою — кожа ихъ рукъ,
И молочнымъ отливомъ лицо не блистало отъ тысячи мукъ;
Не дышало на грубыхъ щекахъ обаяніе розъ и лилей:
Черный дымъ эти щеки изъѣлъ, ихъ обвѣтрили вихри полей!

Жизнь убога въ пустынной глуши, и народъ безнадежно убогъ,
Онъ блуждаетъ въ духовной ночи, и отъ голода онъ изнемогъ
Вотъ морозъ по полямъ пробѣжалъ, истребилъ яровые хлѣба,
И питаться сосновой корой — вотъ голоднаго люда судьба!

Да! работая въ потѣ лица, эти люди ѣдятъ лишь кору.
Но жесточе подходитъ бѣда: строгій сборщикъ идетъ ко двору.
Надо во-время подать платить! Если жъ денегъ не сыщешь, — и домъ,
И имущество все онъ продастъ, да, пожалуй, и землю при томъ!

Все исчезнетъ, все прахомъ пойдетъ, всѣ плоды многолѣтнихъ трудовъ!
Безъ надеждъ остается бѣднякъ, если проданъ единственный кровъ.
И, какъ плевелы, въ міръ упадетъ куча нищихъ дѣтей бѣдняка:
Пріютитъ одного кто-нибудь, а другого возьмутъ съ молотка!

Жизнь убога, убога въ глуши, и народъ удрученный убогъ;
Но мучительнѣй жизнь и клюка перехожихъ дорогъ!
Кровъ родной! хоть ты бѣденъ и малъ, ты родной намъ и дорогъ намъ ты!
Тяжело по чужбинѣ бродить и томителенъ путь сироты!

Е. Сырейщикова.

Т. ПАККАЛА.

ЧУДО.

Когда Ваппу посылали по какому-нибудь дѣлу — она непремѣнно его забывала. Это, конечно, происходило отъ безпечности. И такъ какъ ни выговоры, ни шлепки не помогали, то матери Ваппу совѣтовали принять самыя крайнія мѣры.

Въ однихъ дѣтяхъ зло коренится глубже и крѣпче, чѣмъ въ другихъ, но его надо вырвать безъ пощады — да, безъ пощады! Кто жалѣетъ розогъ, тотъ не любитъ своего дитяти.

Ваппу посылали по дѣламъ и не жалѣли розогъ. И мать, и дочь знали это наперед. Изо дня въ день повторялось одно и то же.

Послали Ваппу къ сосѣду, черезъ дорогу, за мотовилкой. Черезъ нѣсколько времени Ваппу вернулась и остановилась передъ матерью, смотря на нее большими голубыми глазами.

— Конечно, забыла! — сказала мать и, давъ ей розогъ, спросила: — Теперь будешь помнить?

— Буду. Мотовилку изъ Куролы: мама послала попросить васъ, тетя, будьте добры, одолжите мамѣ мотовилку.

— Видно, что розги проясняютъ твою память.

Но сердце у матери болѣло: Боже милостивый, что, если это не безпечность, а какой-нибудь душевный изъянъ? Кто знаетъ, кто пойметъ, въ чемъ корень зла?

Для своего успокоенія мать старалась сама справлять свои дѣла. Но за недосугомъ не всегда это ей удавалось. И съ другой стороны, вѣдь такимъ путемъ ребенокъ пріучается къ лѣности и безпечности.

— Ваппу, поди, купи въ общественной лавочкѣ на 10 пенни патоки.

Комната закружилась въ глазахъ Ваппу.

Мать сунула ей монету. Ваппу зажала ее въ кулачокъ и повѣсила кружку за ушко на палецъ другой руки.

— Смотри только, не оброни денегъ и не разбей кружки.

Ваппу вся съежилась и задвигала ногами, словно полъ подъ ней горѣлъ.

— Не торопись! — сказала мать. — Помни только, за чѣмъ послали. Если же забудешь, то сама принеси розги, когда вернешься.

Мать открыла окно и крикнула еще на улицу:

— На десять пенни патоки!

Услышавъ голосъ матери, Ваппу остановилась, какъ вкопанная. Но не слыша ничего болѣе, она пустилась дальше, повторяя: «на десять пенни патоки, на десять пенни патоки».

Руки у ней окостенѣли, — въ одной рукѣ она сжимала въ кулачкѣ монету, а другою держала, слегка приподнявъ, боясь разбить, кружку. Вся она какъ-то странно скорчилась и безсознательно смотрѣла себѣ подъ ноги, словно на каждомъ шагу боялась споткнуться о камень.

Строгій наказъ не терять денегъ, не разбить кружки, угроза, — если она забудетъ, за чѣмъ ее послали, — на этомъ были сосредоточены всѣ ея мысли и чувства.

Вдругъ она остановилась и осторожно, словно ей приходилось брать высокій и опасный барьеръ, шагнула черезъ двѣ ноги, такія же маленькія, какъ у ней самой. Она не сознавала, что это ноги и не замѣчала Фанни Никола, которая сидѣла на панели. Только когда Фанни подала голосъ, Ваппу какъ бы очнулась отъ сна и остановилась.

Фанни сидѣла съ куклою на колѣняхъ и стала показывать ее Ваппу. Это была кукла, какую еще Ваппу никогда не видала. Она умѣла говорить и закрывала глаза. Она походила на настоящаго живого маленькаго человѣка.

— Когда придешь къ намъ, я дамъ тебѣ подержать ее на рукахъ.

Ваппу шевелила ногами, повторяя: «на десять пенни патоки».

— Можешь и теперь подержать ее, — сказала Фанни.

И она поспѣшно сунула куклу въ руки Ваппу. Она думала, что Ваппу не сумѣетъ по-настоящему оцѣнить куклу, если не подержитъ ее въ рукахъ. И, кромѣ того, ей самой хотѣлось посмотрѣть, какой видъ имѣетъ ея кукла на рукахъ у другой дѣвочки.

Она сложила руки Ваппу такъ, чтобы кукла держалась на нихъ, а потомъ смотрѣла со стороны, радостная и счастливая тѣмъ, что кукла, которую Ваппу держала на рукахъ, — ея собственность.

Ваппу все это казалось сновидѣніемъ. Широко улыбаясь, свѣтлымъ взоромъ смотрѣла она на куклу, лежащую у нея на рукахъ, и перебирала ногами, словно стояла на горячихъ угольяхъ. Склонивъ голову на бокъ, она звонкимъ убаюкивающимъ голосомъ, какъ бы напѣвая, повторяла:

— На десять пенни патоки, на десять пенни патоки, на десять пенни...

Когда Фанни взяла свою куклу и пригласила Ваппу къ себѣ поиграть послѣ того, какъ она сходитъ за патокой, Ваппу пустилась тихонько бѣжать. Руки и туловище ея еще болѣе напряглись, и еще громче она твердила то, что ей было поручено.

Изъ однихъ воротъ погнались за ней дѣвочки; онѣ окружили ее, и всѣ въ одинъ голосъ стали разсказывать ей, что онѣ отправляются на Исоласскій лугъ, за 3 километра отъ города. Ихъ повезутъ туда на лошадяхъ, и онѣ пробудутъ тамъ до вечера, и обратно ихъ также привезутъ на лошадяхъ. У нихъ есть и съѣстное на дорогу. И тамъ будетъ очень весело!

— Поѣдемъ съ нами, Ваппу!

Ваппу покачала головою:

— На десять пенни патоки...

— Да ну тебя, съ патокой!

И дѣвочки стали упрашивать Ваппу отправиться съ ними, объясняя, что она поспѣетъ, если живо сбѣгаетъ по своему дѣлу и съ одного разу запомнитъ его.

— У тебя же ровно десять пенни; значитъ, на десять пенни ты и купишь патоки, — совѣтовала одна. — А патоку вспомнишь.

— Патоку вспомнишь, — продолжала другая, — когда подумаешь, что слаще всего. Или вспомни паточные леденцы!

Когда Ваппу была уже на порядочномъ разстояніи, ей еще кричали:

— На десять пенни патоки! Бѣги скорѣе!

Ваппу бѣжала такъ, что ея голыя икры сверкали. Но вдругъ она замедлила шагъ. Она испугалась, вспомнивъ слова матери, что не надо торопиться! Страхъ напалъ на нее при мысли, что она могла упасть, разбить кружку, потерять деньги и забыть порученіе. Ужасъ!

У нея было такое чувство, какъ будто она на время забыла все, что ей было наказано. Руки и туловище опять сильно напряглись. Даже переводя духъ, она все твердила:

— На десять пенни патоки...

И еще усерднѣе она повторяла это, входя въ рощу, черезъ которую ей надо было проходить. Она намѣревалась итти дру-

гимъ путемъ, но забыла объ этомъ. Проходя мимо густой березы, на которой было вихорево гнѣздо, она наклонила голову, боясь, что если она будетъ смотрѣть на гнѣздо, то забудетъ о своемъ дѣлѣ. Она только разъ взглянула наверхъ, чтобы убѣдиться, тамъ ли еще это гнѣздо. Зажмуривъ глаза, прошла она по мостику черезъ ручей, протекавшій сквозь рощу. Съ мостика она часто возвращалась назадъ, чтобы на минуту посмотрѣть на маленькій пѣнящійся водопадъ, гдѣ было столько красивыхъ мѣстечекъ, и гдѣ какъ будто кто-то жилъ и игралъ... На этотъ разъ Ваппу хотѣла только узнать, слышенъ ли шумъ, и быстро пробѣжала остальную часть рощи, гдѣ ровная лужайка зеленымъ бархатомъ разстилалась между деревьями. Лужайка представлялась ей заманчивымъ прелестнымъ лѣсомъ, гдѣ жила въ цвѣтахъ дѣвочка Пальчикъ и на бабочкахъ перелетала съ цвѣтка на цвѣтокъ. Она однимъ глазкомъ только взглянула на нее.

Выйдя на улицу, Ваппу увидѣла вывѣску общественной лавочки, которая ярко сверкала на солнцѣ.

— На десять пенни патоки... — повторила она уже болѣе низкимъ голосомъ, и хотя все тѣло ея было попрежнему напряжено, но ей стало словно легче и уже не такъ страшно. Она осмѣлилась уже поглядѣть и по сторонамъ и передъ собою, но дѣлала это все-таки украдкой.

Вдругъ дѣвочка замѣтила передъ собою пестрое перышко, взвивающееся на воздухѣ, на уровнѣ ея глазъ. Оно кружилось на одномъ мѣстѣ и такъ красиво пестрѣло. Долетѣвъ до стѣны, оно тотчасъ же начало медленно подниматься къ стрѣхѣ, оттуда понеслось на середину улицы, а тамъ стало было спускаться на землю, но вдругъ снова полетѣло наверхъ.

Ваппу стояла, углубившись въ созерцаніе перышка; она все твердила про свою патоку, но мысли ея витали уже далеко.

Перышко поднималось все выше и выше, унося въ сторону города. Вотъ оно мелькаетъ уже совсѣмъ маленькой точкой и, наконецъ, совсѣмъ исчезло.

Куда то оно улетѣло?

Ваппу отправилась дальше; въ рукахъ уже не чувствовалось напряженія, она шла выпрямившись, со взоромъ, устремленнымъ въ то мѣсто на небѣ, куда улетѣло перышко.

Далеко ли оно полетитъ?

Навѣрно, за границу.

А что, если бы Ваппу была совсѣмъ маленькая, меньше, чѣмъ кукла Фанни, и сѣла бы на большое перышко?! Она полетѣла бы куда-нибудь далеко... на какой-нибудь островъ въ Великомъ

океанѣ, гдѣ живутъ маленькіе люди. И тамъ былъ бы хрустальный дворецъ, который сверкаетъ всѣми цвѣтами... И красивый садъ... Всѣ животныя были бы ручныя... Она изрѣдка прилетала бы сюда на перышкѣ... Перышко спускалось бы на ихъ дворъ...

Тутъ дѣвочка даже вздрогнула, вспомнивъ что-то, и оглянулась, какъ бы чего-то ища. Ей опять стало страшно. Она содрогнулась.

Казалось, что она заблудилась, и не знала куда итти. Она прислушивалась, не сказала ли она чего-нибудь? Нѣтъ, ничего! Всѣ ея мысли пріостановились, и голова кружилась.

Она побѣжала такъ быстро, словно смерть гналась за нею, ничего не сознавая, пока не добѣжала до дому. Вошла въ сарай, выдернула изъ метлы пучокъ розогъ, поспѣшила домой и, довѣрчиво смотря большими голубыми глазами на мать, подала ей розги и сказала:

— На десять пенни патоки.

Мать устремила долгій взглядъ на Ваппу. На глазахъ у нея выступили слезы.

Прежняя строгость показалась ей жестокостью.

Вѣдь Ваппу была послушная. Всегда была готова итти, куда ее посылали, не выказывая ни малѣйшаго неудовольствія. Даже если ей приходилось прерывать игру... Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ она не прибѣгнетъ больше къ розгамъ!

Мать взяла розги.

По тѣлу Ваппу пробѣжала дрожь. Она ждала послѣдняго приказанія матери. Щеки ея горѣли, и въ ушахъ звенѣло. Ей стало трудно дышать, и думать.

Мать разломала розги и бросила въ печку.

Ваппу была поражена. Она не успѣла ни ясно обдумать, ни сдѣлать какого-нибудь заключенія; но она чувствовала и вѣрила, что мать уже никогда не станетъ ее бить! Ей хотѣлось плакать и смѣяться; она бросилась на шею матери.

— Теперь я, мама, всегда буду помнить.

— Все равно, дорогая моя, будешь ты помнить или нѣтъ.

И — о чудо! Ваппу всегда все помнила.

Пер. съ финскаго ***О. Вальстремъ.***

МАЛЕНЬКАЯ ПРЕСТУПНИЦА.

Жестянка съ жаренымъ кофе стояла на столѣ, а Мари была дома одна.

Обычно мать прятала эту жестянку куда-нибудь подальше и, зная пристрастіе Мари къ жаренымъ кофейнымъ зернамъ, строго-настрого запрещала ей трогать кофе.

Тяжелое настало для Мари время.

Незадолго передъ этимъ у нея отняли право молоть кофе и поручили это младшей сестрѣ — Сусаннѣ. И когда та молола, то Мари не позволялось даже подбирать вылетавшія изъ мельницы кофейныя крошки... Иногда она все-таки порывалась сдѣлать это и притомъ съ самымъ похвальнымъ намѣреніемъ — всыпать крошки обратно въ воронку мельницы, но каждый разъ Сусанна принималась кричать, а маленькій Юсси ей вторилъ:

— Мама, мама, Мари опять беретъ кофе.

Собираніе крошекъ стало теперь привилегіей Юсси, а Мари не смѣла даже протянуть къ нимъ руку. Дѣйствительность была столь печальна, что Мари ничего не оставалось, какъ только предаваться сладкимъ грезамъ о томъ времени, когда ей минетъ 15—16 лѣтъ и она начнетъ готовиться къ конфирмаціи.

Тогда, — мечтала Мари, — она постоянно будетъ молоть кофе, а другимъ не позволитъ даже подбирать крошки. Тогда она будетъ ѣсть кофе, сколько ея душѣ угодно. Цѣлыми горстями...

Но мечты доставили ей нѣкоторое утѣшеніе только вначалѣ, а потомъ она снова съ великой грустью невольно слѣдила, какъ Сусанна мелетъ кофе, и отъ зависти у нея текли слюнки.

Такъ вкусно трещатъ въ мельницѣ кофейныя зернышки!

«Хоть бы одно единственное получить, одну бы только малюсенькую крошечку, — думала она, — и я бы никогда въ жизни, даже взрослою, не стала бы больше ѣсть кофе, да и пить его не стала бы».

Однако, время шло, и мало-по-малу страсть ея успокоилась, а черезъ нѣкоторый срокъ она даже забыла вкусъ кофе.

И вотъ, однажды, совсѣмъ неожиданно, она осталась одна въ комнатѣ, а передъ ней на столѣ, чего никогда раньше не бывало, преспокойно стояла кофейная жестянка.

Увидѣвъ ее, Мари вздрогнула отъ радости. Во рту почувствовался пріятный вкусъ, а на зубахъ какъ будто уже хрустѣло что-то вкусное.

«А вдругъ жестянка пуста!»

Она бросилась къ столу и рванула крышку.

Ура! Жестянка оказалась доверху наполненной темно-коричневыми зернами душистаго кофе. Щеки Мари разгорѣлись, и она сіяющими глазами стала разсматривать содержимое жестянки, мысленно выбирая самыя лучшія, самыя вкусныя зерна. Ахъ, какія они были вкусныя, — такъ сами и просились въ ротъ! Мари готова была кончикомъ пальца тронуть одно изъ нихъ, но потомъ раздумала, проворно закрыла жестянку, поставила ее на столъ и подбѣжала къ окну: не видать ли на улицѣ матери, Сусанны или Юсси?

Возвратившись на цыпочкахъ къ столу, она стиснула зубы, осторожно подняла крышку, какъ будто боялась, что кто-нибудь можетъ ее услышать, и, не помня себя, запустила руку въ жестянку. Второпяхъ ей не удалось ее закрыть какъ слѣдуетъ. Крышка вдругъ заупрямилась, а между тѣмъ Мари ясно слышала, какъ мать входитъ въ ворота. Въ испутѣ она оттолкнула отъ себя жестянку и поскорѣе усѣлась на диванѣ, спрятавъ подъ передникъ руки.

Сердце ея сильно колотилось. Было ужасно жарко, она почти задыхалась. Глаза пристально слѣдили за входной дверью, а голова кружилась со страху, что вотъ-вотъ явится мать. Но ни изъ сѣней, ни съ крыльца не доносилось ни малѣйшаго звука. Мари немного успокоилась и, подбѣжавъ къ столу, быстро закрыла жестянку.

Теперь на душѣ ея стало легче, но все же брала жуть при одной мысли, что мать могла войти какъ-разъ въ минуту, когда она брала кофе.

«А вдругъ мама, Санка * или Юсси все это время были въ задней комнатѣ», мелькнуло у нея въ головѣ. Это было совершенно невозможно, но все же на нее напалъ страхъ. Потомъ ей представилось, что тамъ, въ задней комнатѣ, могъ быть какой-нибудь чужой, совсѣмъ незнакомый человѣкъ. Она вздрогнула, и морозъ пробѣжалъ у нея по спинѣ. Страшно было пойти удостовѣриться, и нельзя было этого не сдѣлать. Въ нѣсколько прыжковъ она очутилась на порогѣ задней комнаты и только теперь убѣдилась, что тамъ никого не было. Войдя въ комнату, она, однако, на всякій случай, заглянула подъ столъ и кровать.

Въ задней комнатѣ было гораздо пріятнѣе. Никому вѣдь и въ голову не могло прійти, что она, сидя здѣсь, такъ далеко отъ жестянки, могла ее трогать. Мари усѣлась въ уголокъ за изголо-

---

* Санка — уменьшительная форма отъ „Сусанна".

вьемъ кровати, гдѣ лежали ея кукла и другія игрушки. Здѣсь она чувствовала себя въ полной безопасности. Кто бы теперь ни вошелъ, всякій подумаетъ, что она играла здѣсь все время.

«Наконецъ-то можно будетъ попробовать кофе!»

Эта мысль привела ее въ восхищеніе, но все же было какъ-то боязно разжать руку съ зернами. На нее снова напало сомнѣніе, и, какъ бы кому-то объясняя свой поступокъ, она стала увѣрять слушателя, что никогда больше не станетъ она брать кофе, что это въ послѣдній разъ ... А вѣдь одинъ разъ не идетъ въ счетъ ... Ну, что жъ, если она даже отнесетъ теперь зерна обратно, — мать вѣдь можетъ застать ее какъ-разъ на мѣстѣ преступленія и, все равно, подумаетъ, что она беретъ тайкомъ кофе.

Она осторожно разжала руку.

Тамъ лежало всего-на-все три зернышка.

«Только-то! — подумала Мари, — ну, тогда не бѣда!» Несмотря на эти утѣшительныя мысли, она все же очень нерѣшительно взяла одно изъ зеренъ, откусила отъ него половинку, разжевала и тотчасъ же выплюнула. Даже въ дрожь ее бросило, — такой противный вкусъ былъ у этой гадости!

Въ самомъ плачевномъ настроеніи посмотрѣла она на свою ладонь. Казалось, что число зеренъ стало больше. И зачѣмъ это она взяла такъ много? И почему не отнесла тотчасъ же обратно? Теперь уже нельзя было этого сдѣлать! Мать сейчасъ же замѣтитъ, что половинка зерна откушена. Мари совсѣмъ упала духомъ и даже потихоньку захныкала:

«Ахъ, хоть бы мама поскорѣе приходила, чтобы можно было покаяться!»

Эта мысль на минуту утѣшила дѣвочку, но какъ только со двора послышался шумъ, она такъ испугалась, что едва не оцѣпенѣла отъ страха. Схвативъ цвѣтную бумажку, она поскорѣе завернула въ нее кофейныя зерна, засунула бумажку за печку и проворно усѣлась на прежнее мѣсто, притворяясь, что занята куклами.

Но никто не вошелъ.

Мари съ минуту сидѣла неподвижно, держа въ рукахъ куклу и напряженно прислушиваясь, потомъ швырнула куклу на полъ и въ ужасѣ бросилась въ переднюю комнату, захлопнувъ за собою дверь. Ей послышалось, что бумажка, которую она сунула за печку, вдругъ стала шелестѣть.

Дрожа, какъ осиновый листъ, она забилась въ уголъ дивана, закрывъ лицо передникомъ. Ея фантазія разыгралась во всю. Теперь ей уже казалось, что за печкой не три зернышка, а цѣлая

груда кофе, въ то время какъ въ жестянкѣ на столѣ оставалось только на донышкѣ. Какіе-то маленькіе волшебники все время перетаскивали кофейныя зерна изъ жестянки за печку.

Когда же она выглянула изъ-подъ края передника, ей почудилось, что жестянка на столѣ зашевелилась. И хотя дверь въ заднюю комнату была плотно закрыта, тѣмъ не менѣе Мари ясно слышала, какъ тамъ за дверью кто-то возится и обижаетъ ея куколъ. Вотъ-вотъ дверь распахнется, и изъ нея выскочитъ кто-то страшный!

Не отрывая глазъ отъ дверного замка, она съ минуты на минуту ждала, когда онъ щелкнетъ. Теперь она уже почти молилась, чтобы мать скорѣе вернулась домой. Она сознается ей во всемъ и впредь уже никогда-никогда больше не будетъ брать кофе и даже взрослой не станетъ его пить.

Наконецъ со двора послышался голосъ матери. Мари почувствовала такое облегченіе, какъ будто освободилась отъ кошмара. Она сбросила съ лица передникъ, и всѣ созданія ея фантазіи мигомъ разсѣялись. Страхъ ея прошелъ.

— Мари была совсѣмъ паинька! — сказала она матери, но тотчасъ же по ея глазамъ догадалась, что мать не очень-то ей вѣритъ.

— Вотъ какъ! — отвѣтила мать.

Мари покраснѣла, забезпокоилась и спрятала руки подъ передникъ, какъ будто боясь, что онѣ ее выдадутъ.

Мать спросила, гдѣ — Сусанна, Юсси, и, ничего не подозрѣвая, занялась своимъ обычнымъ дѣломъ. Мари зорко слѣдила за ея движеніями, ежеминутно ожидая, что мать возьметъ жестянку съ кофе и откроетъ ее.

Когда мать пошла въ заднюю комнату, Мари подумала, что мать услышитъ тамъ шуршаніе бумаги, и побѣжала за нею, чтобы поскорѣе во всемъ сознаться. Но мать и тамъ ничего не замѣтила, ничего не услышала. Такъ стоитъ ли послѣ этого сознаваться, тѣмъ болѣе, что она вѣдь «рѣшила никогда больше не трогать кофе»!

Но едва мать вернулась назадъ, Мари снова почувствовала страхъ, достигшій высшей степени въ тотъ моментъ, когда мать подошла къ столу.

Но и на этотъ разъ все обошлось благополучно.

«Ахъ, если бы только она поставила жестянку въ шкапъ, — тогда все было бы шито-крыто!»

Но мать, какъ нарочно, не дѣлала этого.

— Съ этого дня, мама, я буду совсѣмъ пай-дѣвочка! — сказала вкрадчиво Мари.

— Очень пріятно это слышать.

— Мама, ты бы поставила лучше жестянку въ шкапъ, — попросила торопливо Мари.

— А что, развѣ тебѣ кофейныхъ зеренъ захотѣлось?

— Нѣтъ, нѣтъ, вовсе нѣтъ! — закричала Мари и вдругъ разрыдалась, — я вовсе не хочу кофе!

— Чего же ты кричишь! Я и такъ слышу, — сказала мать.

Но Мари все же продолжала плакать, горячо увѣряя, что она вовсе не хочетъ кофе. Въ комнату вошли Сусанна и Юсси, и на ихъ вопросъ, почему она плачетъ, Мари со слезами начала увѣрять, что она не трогала кофе, хотя была одна дома, а жестянка съ кофе стояла на столѣ.

Какъ-разъ въ эту минуту мать открыла наконецъ жестянку. Мари вздрогнула, густо покраснѣла. На мгновеніе ей снова пришло въ голову сознаться. Да, но что бы тогда сказали Санка и Юсси? Ей такъ живо представилось, какъ хорошо было бы въ томъ случаѣ, если бы она вовсе не трогала кофе, что она почти увѣрила себя въ томъ, что она дѣйствительно его не трогала. Какъ бы то ни было, но когда мать вопросительно взглянула на нее, Мари поспѣшила сказать:

— Я не брала.

Но, сказавъ это, она въ тотъ же мигъ съ поразительной ясностью представила себѣ лежащія за печкой, завернутыя въ бумажку два съ половиной зернышка и то, какъ она брала ихъ изъ кофейницы. То краснѣя, то блѣднѣя, смотрѣла она на мать, ни на мигъ не отводя отъ нея взора.

— Кто-нибудь изъ васъ трогалъ кофе? — спросила мать.

— Да! — отвѣтила Мари такимъ тономъ, какъ будто сама видѣла, какъ брали кофе.

— Кто же изъ васъ трогалъ? Санка, ты, что ли?

Когда мать такимъ образомъ начала спрашивать другихъ, Мари почувствовала нѣкоторое облегченіе. Но Санка, которая корчила изъ себя взрослую, съ такимъ презрѣніемъ отнеслась къ вопросу, что повернулась спиною къ матери, перешла на другую сторону комнаты и тогда только сказала:

— Очень мнѣ нуженъ вашъ кофе! Подумаешь, невидаль какая! Никогда въ жизни я не портила себѣ еще языка такой дрянью!

По сравненію съ Сусанною Мари почувствовала себя настоящею преступницею.

— Юсси, ты, что ли, бралъ кофе? — допытывалась мать.

— Какъ будто больше некого спросить! — отвѣтила за него Санка, а Юсси съ вызывающимъ видомъ повторилъ то же самое. хотя не понималъ толкомъ, о чемъ шла рѣчь.

Долгимъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣла мать на Мари. Та вдругъ бросилась въ сѣни и черезъ щелку двери, обливаясь слезами, позвала:

— Мама, мама, иди, да иди же сюда!

Пер. ***Оскара фонъ-Шульцъ.***

„СТИГНАФОЛІЯ“.

Невеселое было воскресенье! Отецъ и мать съ самаго обѣда не обмѣнялись ни словомъ. Дѣти тоже притихли. Они сидѣли врозь — Ійкка на стулѣ у дивана, откуда былъ виденъ въ окно мѣсяцъ, а Майя у окошка; она глядѣла на улицу, гдѣ катались ребятишки на лыжахъ и салазкахъ. Они не смѣли даже шопотомъ попроситься, чтобы ихъ отпустили на дворъ. И такая тишина стояла въ домѣ весь этотъ вечеръ, что когда раздался, наконецъ, голосъ матери, которая посылала ихъ на дворъ, то оба они даже вздрогнули.

Они пошли, не говоря ни слова, Майя даже на цыпочкахъ. Даже на дворѣ она еще говорила шопотомъ, совѣщаясь съ Ійккой на какую бы горку имъ отправиться. По-настоящему, у нихъ ни къ чему не было охоты. Но, когда они очутились на улицѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ слышались веселые крики дѣтей, они оживились. Майя посадила Ійкку въ санки и бѣгомъ пустилась по улицѣ. Скуки какъ не бывало. На одной изъ улицъ, на углу, стояла большая толпа мальчишекъ. Рѣшено было завернуть туда, посмотрѣть, что такое тамъ дѣлается.

Тамъ бѣгали взапуски. Состязанія были устроены мальчиками Топпи. Нужно было обѣжать перекрестокъ, а призомъ служило безплатное катанье съ горы Топпи въ теченіе одного вечера. Побѣдителемъ былъ до сихъ поръ Вилле Телинъ—всѣ три раза онъ прибѣгалъ первымъ. За нимъ были три безплатныхъ вечера на горкѣ Топпи. Но не это было дорого — дорога была честь! На третій разъ онъ побѣдилъ даже самого Калле Топпи, который оказалъ ему честь потягаться съ нимъ. Теперь не было никого, кто бы рѣшился съ нимъ соперничать!

Вилле хвастался своей побѣдой. Онъ сейчасъ же разсказалъ о ней Майѣ и глумился надъ своими провалившимися конку-

рентами, а еще больше надъ тѣми, которые даже не посмѣли и тягаться съ нимъ. Себя онъ восхвалялъ до небесъ. Онъ — настоящій мужчина!

Но это былъ слишкомъ скромный титулъ; мужчина — это такъ обыкновенно, такъ ничтожно. И онъ придумалъ себѣ новый громкій титулъ.

— Я стигнафолія!

Стигнафолія? Мальчики остолбенѣли. Никто не зналъ, на какомъ это языкѣ и что это означаетъ. Но въ этомъ словѣ чувствовалась сила. Если бы Вилле сказалъ, что онъ первый во всемъ городѣ, то можно было бы спорить и опровергнуть его утвержденіе. Но что можно было сказать противъ такого слова, котораго никто никогда не слыхалъ? Вилле замѣтилъ, что никто не смѣетъ и рта разинуть, и съ еще болѣе надменнымъ видомъ началъ вертѣться въ толпѣ мальчишекъ. Задравъ голову и выпятивъ грудь, онъ еще разъ произнесъ:

— Стигнафолія!

Онъ сказалъ это такимъ тономъ, какъ будто это было высшее изъ всего, что только можно себѣ представить, и что нельзя передать никакимъ другимъ словомъ. То же самое чувствовали и остальные.

Но Майя не слушала хвастливыхъ рѣчей Вилле. Она думала только о томъ, какъ бы хорошо было, если бы и ей можно было принять участіе въ бѣгахъ, взять призъ и прокатиться съ горки Топпи! Гора Топпи была выше всѣхъ прочихъ, и прокатиться съ нея было всегдашней мечтой Майи. Нѣсколько разъ она съ Ійккой просили у матери денегъ, 5 пенни, — это была плата за два вечера, — но мать не давала. И когда Майя услыхала, что мальчики Топпи позволили Ээту Курола кататься даромъ, такъ какъ Ээту катался стоя, то и она стала учиться на другихъ горкахъ кататься стоя. Но ей не хотѣлось просить Топпи. И теперь она стѣснялась спросить, можно ли ей бѣжать, — стѣснялась потому, что она была дѣвочка. Она полагала, что можетъ тягаться съ Вилле, потому что разъ уже состязалась съ нимъ въ прошлое лѣто. Вилле встрѣтился имъ на большой дорогѣ, разсыпалъ ягоды у нѣкоторыхъ изъ дѣвочекъ и убѣжалъ, а она погналась за нимъ. Бѣжать имъ пришлось почти километръ, но, въ концѣ концовъ, она таки догнала Вилле. Ахъ! какъ бы ей хотѣлось попробовать. Подумать только: взять призъ и имѣть право кататься съ горки Топпи!

Майя едва слышно произнесла:

— А можно и мнѣ бѣжать?

— Бабамъ не разрѣшается, — поспѣшилъ отвѣтить Вилле.

Но Калле Топпи былъ другого мнѣнія, и мальчики съ нимъ согласились. Всѣ они горѣли желаніемъ, чтобы Вилле былъ побѣжденъ, хотя и не очень-то надѣялись на Майю.

Майя сбросила съ себя пальто, осмотрѣла шнурки у сапогъ, крѣпко ли они завязаны, и смѣло стала рядомъ съ Вилле. Калле Топпи сосчиталъ: «разъ, два, три!»

Мальчики разразились смѣхомъ. Очень ужъ смѣшно было видѣть Майю бѣгущей рядомъ съ Вилле. Но когда Майя благополучно добѣжала до перваго угла, откуда гонщики свернули на другую улицу, то ихъ смѣхъ смѣнился радостной надеждой. Они должны были признать, что Майя вообще молодчина, если даже и не окажется побѣдительницей. Этимъ признаніемъ они хотѣли какъ бы ослабить престижъ Вилле, чтобы онъ не могъ хвастаться, что онъ стигнафолія. Вдали показались гонщики. Первымъ шелъ Вилле; но только что онъ проворно обогнулъ уголъ, какъ въ то же самое мгновеніе, словно изъ ружейнаго дула, вылетѣла и Майя. Она наверстала то, что потеряла при поворотѣ, и оба пришли къ мѣсту въ одно время.

Мальчики начали кричать, что Вилле проигралъ. То-то была радость! Теперь ужъ Вилле не можетъ называть себя стигнафоліей! Вилле же утверждалъ, что онъ опередилъ Майю на пять сантиметровъ. Такъ какъ это вызвало горячій протестъ со стороны мальчиковъ, то Вилле сбавилъ немного и началъ увѣрять, что былъ впереди ровно на четыре сантиметра. Но мальчики не уступили и миллиметра, и такъ какъ нѣкоторые находили даже, что Майя пришла первая, то Вилле призналъ, наконецъ, что они пришли въ одно время. Онъ сваливалъ вину на свои новые сапоги, которые будто бы мѣшали ему бѣжать. Кто-то замѣтилъ, однако, что сапоги эти у Вилле были уже съ осени.

— Съ осени? — не то переспросилъ, не то передразнилъ Вилле мальчика.

— Съ осени! — утверждалъ тотъ. — Развѣ не помнишь? Эти сапоги были на тебѣ въ первый разъ, когда ты свалился въ колодецъ у Тириля. Ты еще плакалъ и боялся, что скажутъ дома, когда узнаютъ, что ты замочилъ новые сапоги, и потомъ мы пошли къ Пюхтиненъ сушить ихъ.

Вилле не могъ ничего сказать противъ этого, а объяснилъ только, что послѣ того онъ обувалъ эти сапоги только въ канунъ Рождества, да вотъ теперь. Но этому тоже не повѣрили, стали разсматривать сапоги всѣмъ міромъ и нашли, что они и не по-

хожи на новые, а, напротивъ, такъ изношены, что изъ одного даже торчали пальцы.

Чтобы замять всю эту исторію съ сапогами, которая подавала поводъ къ злымъ насмѣшкамъ, Вилле началъ громко хвастаться, что если бы бѣжали босикомъ, такъ онъ обогналъ бы Майю: ей нечего и думать тягаться съ нимъ — это все равно, что бѣжать въ другую сторону. Майя моментально разулась, отдала свои сапоги и чулки Калле Топпи и стала на свое мѣсто, вызывая Вилле на состязаніе. Вилле началъ отвиливать, ссылаясь на то, что будетъ слишкомъ холодно бѣжать босикомъ. Тогда стали раздаваться голоса, что такъ какъ Вилле труситъ, то не онъ, а Майя должна называться теперь стигнафоліей. Вилле поспѣшно началъ снимать сапоги. У него явилась тайная мысль, что на дальней улицѣ, гдѣ никто ихъ не увидитъ, онъ толкнетъ и опрокинетъ Майю.

Онъ сталъ рядомъ съ Маей, ударилъ въ грудь кулакомъ и крикнулъ: «Стигнафолія!» И ему удалось поколебать увѣренность мальчиковъ въ побѣдѣ Майи. Это слово проникло до мозга костей. Они уже раскаивались, что затѣяли новое состязаніе.

Уже на виду у публики Майя летѣла впереди. Неописуемый восторгъ охватилъ толпу мальчиковъ. Болѣе нетерпѣливые уже говорили, что титулъ стигнафолія по праву принадлежитъ Майѣ. И когда гонщики пришли къ мѣсту, при чемъ Майя была на много впереди, толпа завопила на всю улицу:

— Стигнафолія! Стигнафолія!

У Вилле заскребло на сердцѣ. Такое хорошее слово, имъ же самимъ придуманное, и досталось другому!

Онъ принялся усердно объяснять мальчикамъ, что такого слова нѣтъ ни на какомъ языкѣ, ни на русскомъ, ни на американскомъ. Стараясь презрительно смѣяться, онъ говорилъ, что стигнафолія — ничего не значащее слово. Но всѣ его объясненія и увѣренія были напрасны. Что за важность, что такого слова нѣтъ ни въ какомъ языкѣ? Важно то, что теперь оно пріобрѣтало значеніе и такое глубокое значеніе. Вилле не могъ убѣдить даже самого себя. Это слово рѣзало ему ухо и грызло сердце, въ то время какъ онъ, сидя на сугробѣ, молча, понуривъ голову, надѣвалъ сапоги, а мальчики хоромъ повторяли: «Стигнафолія! Стигнафолія!»

Майя сидѣла на салазкахъ, и Калле Топпи съ нѣжной заботливостью обувалъ ее. Такъ какъ Калле разрѣшилъ ей съ Ійккой два вечера подъ рядъ кататься со своей горы, то Майя от-

важилась спросить, нельзя ли еще и третій вечеръ, если она скатится разъ стоя.

Этотъ вопросъ возбудилъ удивленіе и восторгъ въ толпѣ мальчиковъ. Кромѣ Ээту Куролы, никто не рѣшался спуститься стоя съ горы Топпи. У нѣкоторыхъ явилась уже полная вѣра въ Майю во всемъ, и они уже наперед утверждали, что Майя спустится стоя; другіе еще сомнѣвались. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, что выйдетъ изъ этого смѣлаго предпріятія. Вся ватага послѣдовала за Майей. Ее вмѣстѣ съ Ійккой посадили въ салазки и, оспаривая другъ у друга мѣсто и даже легко перебраниваясь, впряглись въ нихъ и торжественно повезли къ горѣ. Съ шумомъ и гамомъ привезли ее на дворъ Топпи. Но все мгновенно стихло, лишь только она взошла на гору. Недолго думая, она покатилась съ горы, крѣпко держась на ногахъ, но въ самомъ низу упала и большое разстояніе прокатилась на спинѣ. Вилле разразился хохотомъ на весь дворъ. Всѣ остальные даже не пикнули. Майя не побоялась, и это уже была великая заслуга на ихъ взглядъ. Они отъ всего сердца желали ей удачи. Когда Майя снова взбѣжала на гору и покатилась другой разъ, то у зрителей былъ напряженъ каждый мускулъ, словно они старались поддержать ее, и каждый боялся, чтобы Вилле опять не пришлось посмѣяться. Но вслѣдъ за тѣмъ раздался неудержимый, восторженный крикъ:

— Стигнафолія! Стигнафолія!..

Немного застыдившись, пробралась Майя сквозь толпу, въ которой были уже и дѣвочки. Она съ застѣнчивымъ и праздным видомъ усѣлась на санкахъ, которыя держалъ Ійкка. Ей было весело. И всего пріятнѣе было то, что Калле Топпи разрѣшилъ ей съ Ійккой кататься съ его горы сколько душѣ угодно.

Ійкка все время и на улицѣ и здѣсь ходилъ съ разинутымъ ртомъ. Теперь, послѣ такого обѣщанія, ротъ его раскрылся еще шире, и глаза готовы были выкатиться изъ орбитъ. Все было такъ удивительно. Весь этотъ вечеръ, когда ему удалось покататься съ этой головокружительной горы, представлялся ему какою-то сказкой. Онъ былъ въ безграничномъ восторгѣ, когда по дорогѣ домой сидѣлъ въ санкахъ и думалъ обо всемъ случившемся, особенно же о томъ, что ему теперь можно кататья съ горы Топпи и завтра, и послѣзавтра, и когда только вздумается. Это было нѣчто такое, о чемъ стоило разсказать дома! Даже и денегъ не нужно. Такъ Майя все устроила. Теперь Майя для него была уже не просто Майя, а какое-то особенное существо — стигнафолія. Что-то скажутъ отецъ съ матерью, когда узнаютъ про это!

Майя шла, понуривъ голову. Ею овладѣло уныніе. Дома было

такъ безжизненно-тихо. Эта тишина и рядомъ съ нею весь этотъ веселый шумъ и гамъ, который еще раздавался у нея въ ушахъ, раздражали ее. Ею овладѣло безпокойство. Придя на дворъ, она увидѣла въ окнѣ свѣтъ, и у нея блеснула радостная надежда; но лишь только она вообразила себѣ отца и мать, молчаливыхъ, важныхъ, ей тотчасъ же опять стало тяжело. Она потихоньку убрала санки и почти на цыпочкахъ стала подниматься по лѣстницѣ, унимая Ійкку, который громко стучалъ, суетливо карабкаясь по ступенькамъ.

Когда они вошли въ комнаты, отецъ лежалъ на диванѣ, а мать сидѣла въ качалкѣ подъ висячей лампой, съ какой-то книгой въ рукахъ. Мать посмотрѣла на нихъ долгимъ взглядомъ, встала съ мѣста, еще разъ посмотрѣла, покачала головой и тихо присвистнула.

— Это, кажется, Ійкка, — сказала она наконецъ.

— А ты кто такая? — показала она на Майю.

Майя стояла молча, оглядывая себя, чтобы понять, почему спрашиваютъ, кто она такая.

Она вся, отъ головы до пятъ, была въ снѣгу; чулки спустились, башмаки развязались, платокъ съѣхалъ на затылокъ, волосы, намокшіе отъ пота, а потомъ заиндевѣвшіе, торчали коломъ. На одной щекѣ была длинная царапина, юбка разорвана.

— Ты кто такая?

Ійкка собирался что то сказать, но Майя успѣла отвѣтить, что она — Майя.

— А, Майя! Такъ погоди же — я тебѣ покажу!

Майя не успѣла и опомниться, какъ мать стояла передъ ней съ пучкомъ розогъ въ рукахъ.

— Мама! — закричалъ Ійкка такъ громко, что мать остолбенѣла и воззрилась на него. Даже отецъ, который смѣялся себѣ въ бороду, глядя на Майю, застылъ, съ любопытствомъ ожидая, что хочетъ сказать Ійкка.

Поднявъ руку, на которой была безнадежно обледенѣвшая рукавица, предостерегающимъ тономъ, словно хотѣлъ сказать: «Не трогай ея!» — онъ произнесъ:

— Стигнафолія!

— Что? — спросила мать удивленнымъ голосомъ и морща лобъ.

Какъ можно отчетливѣе и словно удивляясь, что она не понимаетъ съ перваго раза, Ійкка повторилъ:

— Настоящая стигнафолія!

Мать отвернулась, и плечи у нея затряслись отъ смѣха. Стараясь казаться серьёзной, она опять повернулась и сказала:

— Ужъ именно что стигнафолія! Да и ты тоже хорошъ...

Отецъ, который все время крѣпился, до того, что даже слезы выступили у него на глазахъ, разразился громкимъ смѣхомъ. Мать подошла къ нему и, замахиваясь розгами, сказала:

— Ты тоже... стигнафолія!

— А ты всѣмъ стигнафоліямъ стигнафолія!—сказалъ отецъ, привлекая жену, какъ она была, съ розгами въ рукѣ, къ себѣ и сажая ее рядомъ съ собою.

Майя не помнила себя отъ изумленія и радости и съ улыбкой глядѣла на отца и мать. Ей было такъ хорошо, что хотѣлось и плакать и смѣяться. Но Ійкка, разинувъ ротъ, глядѣлъ на Майю, ошеломленный, словно все это было выше его пониманія. Наконецъ онъ самымъ серьёзнымъ тономъ сказалъ отцу и матери:

— Стигнафолія бываетъ только одна!

Пер. съ финскаго ***О. Вальстремъ.***

КАУПИСЪ-ХЕЙККИ.

СЧЕТЪ ЗЕМЛЕКОПА ДАВИДА.

авидъ Хюнюненъ былъ извѣстенъ среди своихъ односельчанъ подъ прозвищемъ Землекопа Давида, хотя онъ вовсе не исключительно рылъ только канавы, — онъ кололъ также дрова, городилъ изгороди и расчищалъ луга. Во всѣхъ этихъ работахъ Давидъ былъ настоящимъ мастеромъ. При рытьѣ канавъ онъ не употреблялъ досокъ для выравниванія краевъ, а рылъ по глазомѣру, и канава выходила ровная и прямая. Съ такимъ же совершенствомъ онъ складывалъ полѣнницы дровъ и городилъ изгороди. Да и луга онъ расчищалъ безукоризненно.

Что касается оцѣнки своего труда, то Давидъ былъ чрезвычайно скроменъ. Конечно, и рѣчи быть не могло о томъ, чтобы ему платили за его работу деньгами, — ему всегда платили только зерномъ. Полторы каппы * ржи за день работы на своихъ харчахъ, — такова была обычная такса Давида. И стоило ему только разъ пройти по полю, которое надо было выкорчевать, какъ онъ могъ уже съ точностью опредѣлить, сколько именно каппъ ржи онъ заработаетъ на этомъ полѣ. По окончаніи работы всегда оказывалось, что предварительный подсчетъ Давида былъ совершенно вѣренъ.

Многіе крестьяне настолько довѣряли Давиду, что сами не измѣряли поля, а безусловно полагались на слова Давида. И никогда въ этихъ случаяхъ не происходило какихъ-нибудь недоразумѣній.

Съ нѣкоторыхъ поръ Давида стала все больше и больше одолѣвать старческая немощь. Уже нѣсколько зимъ онъ былъ такъ слабъ, что не могъ ходить въ лѣсъ и долженъ былъ лежать дома. Когда онъ былъ помоложе, то обычно лѣчилъ себя отъ маленькихъ болѣзней дегтярной настойкой, однако, на этотъ разъ старое средство не помогло, ему становилось все хуже.

---

* Мѣра сыпучихъ тѣлъ — 30-я часть куля.

Многіе изъ сосѣдей Давида думали уже, что дни его сочтены, да и самъ онъ такъ думалъ.

Въ это время въ сосѣдней усадьбѣ было назначено домашнее испытаніе *. По старому обычаю, священника попросили навѣстить больного. Такъ какъ Давидъ былъ человѣкъ искренній, то онъ и не прикинулся болѣе слабымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ всталъ, вѣжливо поздоровался со священникомъ и затѣмъ снова усѣлся и началъ постукивать своей трубкой.

— Ты хотѣлъ поговорить со мной, Хюнюненъ? — спросилъ священникъ, обрадованный тѣмъ, что состояніе больного не внушаетъ серьёзныхъ опасеній.

— Да, такъ у насъ тутъ рѣшили, — отвѣтилъ Давидъ, отвертывая чубукъ трубки.

«Ужъ не послали ли за мной другіе?» — подумалъ священникъ и спросилъ:

— Пожалуй, грѣхи начали очень мучить твою совѣсть?

— Нѣтъ, не особенно, — отвѣтилъ Давидъ такъ же просто, какъ если бы дѣло шло о ломотѣ въ ногахъ.

Священникъ чуть не расхохотался, но онъ сохранилъ на лицѣ серьёзное выраженіе и замѣтилъ:

— Ну, да у тебя, чего добраго, и грѣховъ-то никакихъ нѣтъ?

— Нельзя сказать, чтобы ихъ было особенно много, — отвѣтилъ старикъ, какъ бы припоминая что-то.

— Вотъ какъ! Такъ, значитъ, у тебя найдутся-таки кое-какіе грѣхи?

— Да, кое-какіе найдутся, — согласился Давидъ, опуская глаза, но сейчасъ же поднялъ голову и прибавилъ: — Да и хорошія дѣла найдутся также.

— Ну, разъ это такъ, — отвѣтилъ священникъ со смѣхомъ,— то бѣда еще не велика. Пожалуй, добрыхъ-то дѣлъ окажется больше грѣховъ, если произвести подсчетъ?

На лицѣ Давида появилась маленькая усмѣшка, и онъ сказалъ:

— Это не такъ-то легко узнать.

— Да и не такъ ужъ трудно, — отвѣтилъ священникъ, стараясь сохранить серьёзность. — Сосчитай сперва грѣхи, а потомъ добрыя дѣла, и тогда мы посмотримъ.

Давидъ задумался и сталъ припоминать.

---

* Въ Финляндіи, какъ и въ Швеціи, деревенскіе священники устраиваютъ разъ въ годъ нѣчто въ родѣ экзамена для всѣхъ своихъ прихожанъ, чтобы провѣрить познанія ихъ въ грамотѣ и, главнымъ образомъ, въ священной исторіи и катехизисѣ.

— Что-то не припомнить мнѣ никакого другого грѣха, кромѣ одного, — сказалъ онъ, — который я совершилъ, когда былъ еще совсѣмъ молодымъ. Я разъ какъ-то укралъ у купца изъ боченка водки.

— Вотъ какъ! — замѣтилъ священникъ. — Такъ во сколько же ты оцѣниваешь этотъ грѣхъ?

— Что же, этотъ грѣхъ стоитъ около двухъ каппъ ржи, потому-что за такую цѣну купецъ продалъ бы водку.

— А проценты за все это время? — напомнилъ священникъ.

— Стоитъ ли еще говорить о процентахъ, — возразилъ Давидъ. — Вѣдь, купецъ не понесъ никакого убытка, потому что я влилъ въ боченокъ воды. Ну, да ужъ пусть идетъ за двѣ каппы.

— Хорошо, пусть будетъ такъ. А развѣ не грѣхъ было напиться?

— Какой же тутъ грѣхъ, разъ я не безобразничалъ и не ругался.

— Ладно. Такъ, значитъ, двѣ каппы. Есть еще и другіе грѣхи?

— Да, разъ я обманулъ покойнаго хозяина Алапиха на восемьдесятъ саженей изгороди.

— Сколько же это составляетъ каппъ?

— Да не такъ ужъ много... Въ то время цѣна на рожь стояла высокая... Ну, скажемъ, четыре каппы.

— Вотъ у насъ набралось грѣховъ уже на шесть каппъ. Есть еще что-нибудь?

— Нѣтъ, больше ничего нѣтъ, — рѣшительно отвѣтилъ Давидъ. — Да и на этотъ обманъ я никогда не пошелъ бы, если бы мнѣ тогда до смерти не были нужны деньги для уплаты казенныхъ податей.

— Такъ, значитъ, все? — спросилъ священникъ.

— Да, больше ничего не припомню... если только не считать за грѣхъ, что я разъ какъ-то далъ по уху пьяному, да еще выругался?

— А что ты самъ думаешь на этотъ счетъ?

Давидъ съ минуту подумалъ и потомъ сказалъ:

— Пожалуй, прибавить еще одну каппу за ругань, такъ, для вѣрности, хотя пьяный-то первый началъ.

— Итакъ, у тебя набралось грѣховъ уже не семь каппъ... Но, скажи, ты никогда не грѣшилъ противъ седьмой заповѣди?

— Да, разъ какъ-то моимъ товарищамъ удалось заманить меня съ собой, да по дорогѣ я свалился въ ручей и вернулся назадъ.

— Догадался ли ты возблагодарить Господа за то, что Онъ спасъ тебя отъ зла?

— Да я думаю, что это мои товарищи въ шутку столкнули меня въ ручей, — отвѣтилъ невозмутимо Давидъ.

Священникъ пришелъ въ нѣкоторое смущеніе, увидя, что всѣ его поученія пропадаютъ даромъ. Онъ прервалъ перечень грѣховъ и спросилъ:

— Ну, а какъ обстоитъ дѣло съ добрыми поступками?

— Да, да, добрые поступки... Когда я служилъ еще батракомъ, я подарилъ пару сапогъ одному нищему. А въ другой разъ я нарубилъ даромъ три сажени дровъ для одной бѣдной вдовы.

— Въ самомъ дѣлѣ? — удивился священникъ. — Пожалуй, у тебя наберется столько добрыхъ дѣлъ, что ихъ и не пересчитать?

— Ну, ихъ не такъ ужъ много. Да и сапоги-то были уже въ заплатахъ... А дрова я рубилъ не въ лѣсу, а на дворѣ.

— Во сколько же каппъ ты оцѣниваешь эти добрыя дѣла?

— Что же, пожалуй, пару-то каппъ придется сосчитать за сапоги: вѣдь я проносилъ бы ихъ еще ползимы . . . Да и за рубку дровъ тоже надо поставить пару каппъ.

— Вотъ видишь, ты уже и расквитался съ половиной грѣховъ, — сказалъ священникъ. — Сколько же за тобой числится еще добрыхъ дѣлъ?

— Да штуки двѣ найдется еще, — припомнилъ Давидъ. — Разъ какъ-то, когда я расчищалъ лугъ, я вытащилъ изъ трясины барана, который безъ меня навѣрное околѣлъ бы. А въ другой разъ я спасъ старую цыганку, которая весною провалилась на льду.

— Сколько же каппъ ты считаешь за эти добрыя дѣла? — спросилъ священникъ съ улыбкой.

— Баранъ-то стоилъ добрыхъ пять каппъ. Ну, а старая цыганка ничего не стоила, только я все-таки считаю одну каппу за то, что я промочилъ сапоги и потерялъ полдня, пока просушивалъ ихъ.

— Хорошо, будемъ считать за это одну каппу. Теперь все?

— Да, должно быть, все.

— Итакъ, добрыхъ дѣлъ всего на десять каппъ, — началъ подводить итогъ священникъ. — Изъ этого надо вычесть семь каппъ, падающихъ на грѣхи. Такимъ образомъ, Господу Богу остается три каппы.

— Это не такъ-то много, — замѣтилъ Давидъ такимъ тономъ, точно просилъ снисхожденія.

— Да, не такъ много, — согласился священникъ, раздумывая, какъ ему закончить свою бесѣду.

— А что сказалъ бы ты, — началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, серьёзно посмотрѣвъ на Давида, — если бы Господь Богъ пренебрегъ твоими тремя каппами и бросилъ бы тебя въ геенну огненную?

Давидъ поднялъ на священника испуганные глаза и спросилъ взволнованно:

— Неужели Онъ и вправду это сдѣлаетъ?

Серьёзное выраженіе вдругъ исчезло съ лица священника, и онъ отвѣтилъ съ улыбкой:

— Ты такъ простъ душой, бѣдный старикъ, что не мнѣ тебя судить. Я совѣтую тебѣ только не предъявлять никакихъ требованій за эти три каппы, а смотрѣть на себя, какъ на бѣднаго грѣшника, тогда, быть можетъ, Богъ и смилостивится надъ тобой.

Давидъ обѣщалъ священнику послѣдовать его совѣту, и они разстались, дружески попрощавшись другъ съ другомъ.

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

МАЙЛА ТАЛВІО.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Лишь два дня тому назадъ владѣлецъ усадьбы Харсіа привезъ въ свой домъ молодую жену. Пріѣздъ новой хозяйки не праздновали, такъ какъ старая хозяйка дома была очень больна. Выпили кофе въ кругу своихъ людей и принялись за обычныя работы по хозяйству.

Разумѣется, отношенія хозяина къ молодой хозяйкѣ дали прислугѣ обильную пищу для шутокъ; особенно шутили по поводу того, что руки хозяина какъ-то ужъ слишкомъ часто обнимали талію хозяйки, и, конечно, ни одно движеніе молодой женщины не оставалось безъ критики. Замѣтили, что она молчалива, но признали возможнымъ оправдать эту молчаливость тоской по родному дому. Въ общемъ молодуха показалась очень пригожей женщиной, этого нельзя было отрицать.

Разница въ лѣтахъ жены и мужа была значительна, однако, годы еще не легли тяжелымъ бременемъ на хозяина: съ виду онъ былъ молодцоватъ и румянъ не по лѣтамъ. Женою онъ, видимо, гордился и былъ вполнѣ счастливъ. Многое въ домѣ было заново отдѣлано для хозяйки. Комнату за кухней оклеили обоями, поставили въ ней новую двухспальную кровать, а въ гостиной появилась плюшевая мебель.

Прежде порядкомъ въ домѣ завѣдывала съ должною строгостью сестра хозяина, а теперь она переселилась на половину старой хозяйки и — померкла. Понятно, что для нея, больной женщины, было крайне важно всегда имѣть около себя близкое лицо. Она то и совѣтовала хозяину жениться, жалуясь на усталость; она была на двадцать лѣтъ старше брата и полагала, что молодая здоровая женщина внесетъ въ домъ новую жизнь. И, дѣйствительно, ожиданія ея сбывались, — братъ послѣ женитьбы пребывалъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, да и жена его со временемъ станетъ веселѣе — ей нужно было только привыкнуть къ порядкамъ дома.

Такъ вотъ — два дня прошло съ того часа, когда въ домѣ появилась новая хозяйка. Сидѣли за завтракомъ. Разговоръ вращался около темы, которая все еще не переставала интересовать жителей дома — вспоминали о свадьбѣ. Свадьба была пышная: двѣсти человѣкъ званыхъ гостей и большая толпа незваныхъ. Одной только свадебной каши было приготовлено нѣсколько котловъ, а кофе подавалось цѣлыми ведрами.

По временамъ въ теченіе разговора у мужчинъ вырывались возгласы удивленія, дѣвушки на дальнемъ концѣ хранили завистливое молчаніе, жадно внимая каждому слову. Хозяйка все время молча подавала чашки, наполняя ихъ по мѣрѣ надобности. Каждый разъ, когда говорили о домѣ ея отца и о свадьбѣ, ея спокойное лицо жарко вспыхивало. Напрасно старалась она подавить свое волненіе, напрасно опускала рѣсницы, когда, приближаясь къ столу, садилась возлѣ мужа. Пылающія щеки и влажность глазъ все время выдавали ее.

Вдругъ старшій работникъ, уже нѣсколько разъ выглядывавшій во время ѣды въ окно, пересталъ ѣсть и уставился глазами на облако дыма вдали надъ лѣсомъ. За нимъ стали смотрѣть и другіе.

— Ты что же думаешь, Анти, что это дымъ не спроста?— освѣдомился хозяинъ.

— То-то что не спроста, — отвѣтилъ Анти.

— И мы такъ полагаемъ, — сказали остальные работники.

По знойному небу едва замѣтно плыло сѣрое дымное облако. Если бы оно не двигалось, то, навѣрно, на него никто не обратилъ бы вниманія, но его движеніе и ростъ явно указывали, что дѣло было неладно.

Столкнувшись головами, какъ овцы, работники нѣкоторое время слѣдили за облакомъ, не спуская съ него глазъ, дѣвушки тоже перестали ѣсть.

— Пожаръ, по всей вѣроятности, въ «Новой Пустоши», — сказалъ хозяинъ.

— Кто бы это могъ подпустить тамъ краснаго пѣтуха, вѣдь туда никто не ходилъ? — промолвилъ конюхъ.

— Кто-нибудь уронилъ искру изъ трубки.

— А что жъ, въ такую засуху и этого достаточно!..

Глаза всѣхъ опять уставились въ окно. Настала глубокая тишина. Слышно было лишь, какъ трещатъ еловыя дрова въ очагѣ и бьется муха о стекло окна.

— Или поджогъ, — вдругъ проговорила молодая хозяйка.

Всѣ разомъ повернулись къ ней. Ея глаза были широко от-

крыты, и люди замѣтили въ ихъ блескѣ страшный испугъ, точно она видѣла что-то не видимое никому.

— Дыма, какъ будто, меньше, — послышался голосъ старшаго работника, и хозяинъ, ласково коснувшись плеча жены, успокоилъ ее. Угрожающее облако на горизонтѣ дѣйствительно таяло, смѣшавшись съ влагой воздуха.

Люди продолжали завтракать, хозяинъ съ женою ушли въ свою комнату, ихъ провожали усмѣшками, подмигиваніемъ...

Какія нѣжности!

Хозяинъ притянулъ жену къ себѣ на край кровати, еще неубранной, — со сбитыми въ кучу новенькими простынями и одѣяломъ. Рѣсницы хозяйки опустились; отмахиваясь отъ назойливыхъ мухъ, она смущенно усмѣхалась.

— Ну, развѣ можно такъ пугаться?! — уговаривалъ ее мужъ, точно ребенка, чувствуя волненіе отъ близости краснваго женскаго тѣла.

— Вѣдь ты не боишься больше, нѣтъ? Рауха... Рауха, ну, развѣ можно такъ?!. Не болитъ ли у тебя голова?

Хозяйка смотрѣла на свои здоровыя руки, перебиравшія утолъ передника.

— Я не могу понять, что со мной случилось. Ахъ, какъ много мухъ!.. Я не понимаю... Какъ будто предчувствіе какое-то.

Мухи, дѣйствительно, носились тучами. Хозяйка размахивала передникомъ.

— Никакихъ предчувствій не должно быть, дорогая, — говорилъ ей на ухо хозяинъ, вдыхая запахъ ея волосъ. — Не будешь больше пугаться? Скажи, что не будешь!

Въ эту минуту послышался за дверью голосъ работника.

— Хозяинъ, а хозяинъ! А вѣдь это пожаръ, лѣсъ горитъ!

Они быстро отскочили другъ отъ друга. Мужъ вышелъ въ кухню, жена осталась, и снова на лицѣ ея ярко вспыхнуло волненіе. Она начала ощипывать пожелтѣвшія листья цвѣтовъ на окнахъ, потомъ, прибирая постель, слышала, какъ голоса въ кухнѣ звучатъ все громче, слышала быстрые шаги въ кухнѣ, въ сѣняхъ. Хозяинъ громко отдавалъ приказаніе конюху.

— Запрягай скорѣй!

Дверь въ комнату порывисто отворилась. Вошелъ хозяинъ.

— Горитъ «Новая Пустошь», — объяснялъ онъ, садясь и натягивая высокіе сапоги. — Къ счастью, нѣтъ вѣтра. Тамъ по близости два нашихъ торпа, изъ нихъ пожаръ, вѣроятно, уже замѣтили. Во всякомъ случаѣ, мы идемъ туда. Къ обѣду, надо

думать, вернемся. Однако, ты не должна тревожиться, если мы нѣсколько замѣшкаемся. Теперь ужасно сухо вездѣ!

Онъ дотронулся до плеча хозяйки и почти бѣгомъ выскочилъ изъ комнаты.

А хозяйка, проводивъ его за ворота, остановилась точно пригвожденная около угла дома, подлѣ шиповника, наблюдая за дымомъ. — Изъ незначительнаго облачка онъ скоро превратился въ громадную тучу. Поднимаясь отъ опушки лѣса, дымъ то шелъ густыми султанами, то разрывался исполинскими хлопьями, то вставалъ надъ землею, какъ парусъ, раздуваемый вѣтромъ. Знойное солнце пекло немилосердно, даже птички пріумолкли отъ жары. Въ листвѣ шиповника закопошился майскій жукъ и вдругъ улетѣлъ. Со двора доносились стоны и оханье больной старухи. Отъ нея надо было скрывать все, что могло ее взволновать, но она уже заразилась общей тревогой и почувствовала себя хуже обыкновеннаго.

Молодая хозяйка прижала рукою свое тревожное сердце. Она не могла освободиться отъ гнетущаго чувства страха, отъ предчувствія какой-то бѣды.

Да и брачное сожительство старой хозяйки было вѣдь несчастливо!..

Хозяинъ съ работниками гналъ во всю мочь на пожаръ. Желѣзные лопаты и ломы на рабочей телѣгѣ тряслись и гремѣли, мѣшая разговаривать. Надо было кричать, чтобы слышать другъ друга. Впрочемъ, и говорить было не о чемъ. Каждый перебиралъ въ памяти всѣ случаи лѣсныхъ пожаровъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть на своемъ вѣку. Въ то же время всѣ слѣдили глазами за тучей. Поднимаясь на пригорокъ, ѣхавшіе почувствовали запахъ гари, а съ пригорка можно было видѣть уже все пожарище.

Стройный сосновый лѣсъ, гордость и краса усадьбы Харсіа, пылалъ яркимъ огнемъ. Красные языки пламени, извиваясь по суходолу, подобно змѣямъ, быстро поднимались вверхъ по стволамъ деревьевъ, перебирались на верхушки и перебрасывались съ дерева на дерево, шипя и взвизгивая на пути. Огонь, повидимому, начался у сарая и отъ него по кратчайшему направленію перекинулся по вереску въ лѣсъ.

«Отъ сарая, отъ сарая!» — думалъ хозяинъ. — «Конечно, иначе быть не могло. И какъ это я не могъ сразу сообразить! Сарай необходимо снести. Давно слѣдовало снести, давно».

Размышляя объ этомъ, онъ видѣлъ всю запоздалость и ненужность своихъ мыслей и билъ вожжей лошадь, которая и безъ

того съ раздутыми ноздрями, вся въ мылѣ напрягала послѣднія силы, возбужденная шумомъ пожара.

Прежде всѣхъ къ мѣсту пожара прибѣжали торпари, жилищамъ которыхъ угрожала опасность. Потомъ сталъ прибывать народъ изъ села, и къ вечеру дружной работой людей сила огня была сломлена. Люди Харсіа поблагодарили постороннихъ за помощь и остались на мѣстѣ еще нѣкоторое время, затаптывая тамъ и сямъ вспыхивающіе огоньки. Выгорѣло на версту самаго хорошаго лѣса.

Усталые и черные отъ дыма и копоти люди медленно двигались по пепелищу пожара обутлившихся деревьевъ, отъ времени до времени высказываясь вслухъ о размѣрахъ несчастья, догадываясь о причинѣ его. Какъ могъ начаться пожаръ? Очевидно, кѣмъ-то былъ разведенъ костеръ у сарая. Хозяинъ крѣпко выругался, что съ нимъ случалось очень рѣдко.

— Сломать надо! — сказалъ онъ, бросивъ черной головней въ дверь сарая.

Усталые люди сѣли на телѣгу и поѣхали домой, оборачиваясь по временамъ назадъ и окидывая глазами мѣсто пожара.

— Я думаю, что жители торповъ примутъ мѣры къ тому, чтобы огонь снова не пошелъ гулять по лѣсу, — проговорилъ хозяинъ, стараясь спокойною рѣчью поправить впечатлѣніе, произведенное недавнимъ раздраженіемъ.

Послѣ этого никто не говорилъ уже ни слова до самаго дома. Голодные и усталые, они не замѣчали даже тряски телѣги по каменистой дорогѣ. Къ вечеру становилось нѣсколько прохладнѣе. Солнце горѣло надъ церковкой села огненнымъ кружкомъ безъ дневного сіянія. Цвѣтъ его былъ такой же, какъ въ холодные мѣсяцы зимы.

Съ пригорка былъ виденъ домъ Харсіа. И хозяинъ, и работники тотчасъ же замѣтили у куста шиповника на углу дома молодую хозяйку въ бѣломъ платьѣ. Досаду хозяина какъ рукой сняло. Онъ забылъ даже свою усталость. Что значили всѣ матеріальныя потери въ сравненіи съ тѣмъ, что у него была молодая красивая жена и могли быть дѣти! Его душу вдругъ наполнило чувство умиленія, и ему хотѣлось чѣмъ-нибудь особеннымъ выразить свою благодарность людямъ, которые работали для него до самозабвенія.

— Баня топится! — крикнулъ радостно конюхъ.

— Ну, ужъ, конечно, это хозяйка... — началъ было хозяинъ, но отъ нахлынувшихъ чувствъ не могъ докончить своей мысли.

Хозяйка, дѣйствительно, велѣла истопить баню, между тѣмъ какъ сама готовила горячую похлебку. Ей казалось, что она за этотъ одинъ день состарилась на нѣсколько лѣтъ.

Не разъ въ теченіе ближайшихъ дней обитатели усадьбы Харсіа съ тревогой посматривали въ сторону спорѣвшаго лѣса. Но тамъ уже ничего нельзя было замѣтить, — и они успокоились.

Знойные дни тянулись одинъ за другимъ безъ малѣйшей надежды на дождь. Даже вода изъ колодцевъ, и та утрожала исчезнуть. Но вотъ не прошло и недѣли со дня пожара, какъ старшій работникъ Анти опять замѣтилъ дымъ надъ «Новой Пустошью». На этотъ разъ всѣ разомъ соскочили со своихъ мѣстъ и прижались къ окну. Видъ дыма вызвалъ общее раздраженіе.

— Они плохо слѣдили за пепелищемъ!

— Удивительная вещь! Что они дѣлаютъ? Вѣдь огонь грозитъ ихъ собственнымъ жилищамъ!

— Никакъ опять придется запрягать?!

— Подождемъ немного!

— А вѣдь и теперь горитъ у сарая.

— Да что можетъ горѣть у сарая? Покосъ? Овесъ?

— А быть можетъ, горитъ сарай?

— Нѣтъ, это дымъ отъ можжевельника.

— Какая бѣда! Вдобавокъ сегодня вѣтрено, не то что намедни.

— Калле, иди запрягать! — сказалъ, наконецъ, хозяинъ конюху.

Всѣ вышли на дворъ.

Когда хозяинъ натягивалъ сапоги, жена спросила у него съ тревогой:

— А ты увѣренъ, что у тебя нѣтъ враговъ?

— Да что ты, Рауха? Ты все продолжаешь думать, что это дѣло недоброжелателей.

— Я въ этомъ убѣждена. Ты, навѣрное, съ кѣмъ-нибудь въ ссорѣ.

— Нѣтъ, Рауха. А, впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, въ этомъ сказывается тайная месть? — Нѣтъ, нѣтъ. Скорѣе всего тутъ небрежность. Пожалуйста, Рауха, не бойся, это главное. Пожаръ потушатъ, прежде чѣмъ мы успѣемъ туда пріѣхать. Будь же спокойна!

Хозяинъ улыбнулся ободряюще и обнялъ жену за талію. Однако, у него на сердцѣ кипѣла досада, и онъ рѣшилъ не пощадить виновника, кто бы онъ ни былъ.

На пожаръ ѣхали такъ же, какъ и въ первый разъ. Впрочемъ, теперь не чувствовалось напуганности, какъ тогда, — вмѣстонея царили раздраженіе и досада, особенно, когда ѣхавшіе на пожаръ замѣтили, что огонь идетъ на убыль. Видно было, что съ нимъ боролись успѣшно, и хозяинъ отпустилъ работниковъ домой съ полдороги, а дальше поѣхалъ одинъ. Съ пригорка онъ увидѣлъ, что передъ злополучнымъ сараемъ стояла толпа мужчинъ и женщинъ. На вересковой полянѣ между воздѣланнымъ полемъ и сгорѣвшимъ лѣсомъ дымилось нѣчто похожее на костеръ. Хозяинъ подъѣхалъ къ толпѣ въ крайнемъ раздраженіи. Ему не надо было просить людей разсказывать: они разсказывали и кричали всѣ вмѣстѣ, перебивая другъ друга. Оказалось, что кто-то преднамѣренно натаскалъ хворосту и можжевельника къ сараю и развелъ огонь. Искры отъ костра достигли было лѣса, и лѣсъ принимался кое-гдѣ горѣть, но пожаръ, къ счастью, успѣли предотвратить. Будь вѣтеръ съ другой стороны, сарай непремѣнно сгорѣлъ бы. Хворостъ былъ приготовленъ за ночь, поджогъ же совершенъ уже утромъ, послѣ того какъ высохла роса. И сколько дерзости обнаружилъ злоумышленникъ! Вѣдь торпари еще передъ тѣмъ, какъ уйти спать, осматривали все пожарище. Жены ихъ выходили даже ночью, боясь поджога, — все было напрасно. Огонь замѣтили только, когда пламя поднималось вверхъ выше сарая. Одинъ изъ торпарей только-что взялся было отбивать косу, а другой вставлялъ зубья въ грабли, — оба тотчасъ же побѣжали къ сараю и потушили огонь.

Потомъ пошли догадки. Кто былъ виновникомъ злодѣйства? Пастухи? — Но нельзя было винить пастуховъ, потому что они не пригоняли сюда своихъ стадъ. Перебравъ всѣхъ почему-либо подозрѣваемыхъ лицъ, назвавъ нѣкоторыхъ даже по имени, разсказчики, однако, не рѣшались настаивать на комъ-либо опредѣленно. Одно было ясно — злоумышленникъ былъ крайне дерзкій и ловкій человѣкъ. Кончили тѣмъ, что рѣшили зорко слѣдить всѣ послѣдующія ночи, особенно за сараемъ и прилегающей къ нему мѣстностью. Хозяинъ пріѣхалъ домой въ мрачномъ настроеніи.

— У тебя есть тайные недоброжелатели, — сказала ему жена тихимъ голосомъ, когда онъ разсказалъ ей о вторичномъ покушеніи.

На слѣдующее утро все село было разбужено тревожнымъ набатомъ съ церковной колокольни. Вскочивъ со сна и подбѣжавъ къ окнамъ, поселяне увидѣли, что вся восточная часть неба заволакивалась огромными клубами дыма. Ѣдкій запахъ гари проникалъ даже въ избы. Теперь дѣло не ограничивалось лѣсомъ

Харсіа и его арендными угодьями. Огонь угрожалъ всему селу. Съ мѣста пожара летѣли искры тысячами; подхватываемыя сильнымъ вѣтромъ, онѣ неслись на село, огненнымъ дождемъ падая на землю и на колокольню, откуда раздавались тревожные звуки набата.

Все село зашевелилось, даже женщины и подростки побѣжали кто съ чѣмъ къ мѣсту пожара, а оставшіеся дома, старые да малые, собирались кучами на околицахъ, облѣпили изгороди и плетни, слѣдя за страшнымъ зрѣлищемъ. По дворамъ завыли собаки.

Въ домѣ Харсіа стонала больная старуха-хозяйка.

Съ помощью пожарныхъ парусовъ огонь удалось остановить за службами приходской богадѣльни. Люди страшно утомились, и вызванное дерзкимъ поджигателемъ общее негодованіе достигло крайнихъ предѣловъ.

Харсіа пріѣхалъ домой на взмыленной лошади, платье его было изодрано, лицо въ копоти, но онъ не думалъ объ отдыхѣ и не пошелъ въ баню. Онъ хлебнулъ двѣ-три ложки варева и положилъ въ карманъ кусокъ хлѣба.

— Я хочу знать, кто мой тайный недругъ и что ему надо отъ меня — сказалъ онъ. — Неужели же я не увижу его ночью?

Говоря это, онъ не замѣтилъ, что жена его была ужасно блѣдна. Онъ не увелъ ее съ собою въ комнату и не утѣшалъ ее. Глаза его горѣли, а движенія путали жену. Она, однако, не замѣтила, какъ хозяинъ подошелъ къ комоду, вынулъ оттуда револьверъ и засунулъ его въ боковой карманъ пиджака, — и хорошо, что не видѣла, а то перепугалась бы еще сильнѣе.

Харсіа отправился на пожарище не на лошади и не по дорогѣ. Перейдя паровыя поля, онъ перескочилъ изгородь и исчезъ въ лѣсу.

Воздухъ былъ полонъ гарью, которая медленно расползалась по лѣсу. Вѣтра почти не было. Царила полная тишина, нарушаемая только хриплымъ крикомъ дергача и трескомъ валежника подъ ногами идущаго. На землю садилась обильная роса.

Харсіа шелъ лѣсомъ, прислушиваясь къ треску хвороста подъ ногами, и думалъ все объ одномъ. Онъ не могъ уяснить себѣ, — кто это осмѣлился на подобное злодѣяніе? Былъ ли онъ несправедливъ къ кому-нибудь? Нѣтъ. Н-да, положимъ, что совѣсть его не была совсѣмъ чиста, но здѣсь въ этихъ краяхъ никто не могъ обижаться на него. Онъ вспомнилъ о револьверѣ. Конечно, онъ не собирается стрѣлять — Боже упаси! — но предосторож-

ность — дѣло не лишнее. Кто знаетъ, — можетъ быть, злоумышленниковъ было нѣсколько человѣкъ? Приближаясь къ роковому мѣсту, онъ пошелъ осторожнѣе. А подъ конецъ сталъ красться, притаивъ дыханіе и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Временами ему казалось, что сердце его останавливается, а голова готова разлетѣться на части отъ напряженія.

Онъ дошелъ до лѣсочка у поляны и осмотрѣлъ, таясь за деревьями, мѣстность. Бѣлый, какъ серебро, стоялъ овесъ въ полумракѣ лѣтней ночи, дымъ и роса покрывали поле толстой мокрой вуалью.

«Ни шагу дальше!» — подумалъ Харсіа и впился глазами въ злополучный сарай, который на фонѣ мертваго лѣса казался исполинскимъ гробомъ, вызывая своимъ видомъ безотчетный страхъ.

Недалеко отъ Харсіа болотный багунъ распространялъ свой сильный запахъ, въ овсѣ хрипло кричалъ дергачъ, издали доносились крики сторожей, обходившихъ пепелище. Ихъ было нѣсколько человѣкъ, такъ какъ выгорѣвшая площадь была довольно значительна. Вдругъ Харсіа показалось ужасно глупымъ его пребываніе здѣсь.

«Зачѣмъ я пришелъ? Развѣ можетъ поджигатель, кто бы онъ ни былъ, рисковать собою въ такомъ опасномъ дѣлѣ? Не лучше ли прійти когда-нибудь въ другой разъ. Рауха, должно быть, очень безпокоится и не спитъ. А, можетъ, и плачетъ. Да и я хорошъ — пошелъ и даже не простился. Лучше всего пойти домой. — Но, впрочемъ, почему бы не остаться на нѣкоторое время, коли ужъ пришелъ?» — Такъ думалъ Харсіа и, рѣшившись остаться, нащупалъ въ карманѣ револьверъ. Потомъ онъ опустился на колѣни въ овесъ и сталъ выжидать.

Дергачъ не переставалъ оглашать воздухъ своимъ непріятнымъ крикомъ. Сторожа отошли дальше. По землѣ, подобно легкой ткани, которую тянутъ за края, разстилался дымъ.

Вдругъ въ овсѣ послышался шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ въ дыму появилось что-то плотное и быстро задвигалось. Существо, которое передвигалось по полю, было слишкомъ нѣжное и призрачное, чтобы быть человѣкомъ. Будь Харсіа суевѣренъ, онъ подумалъ бы, что это была русалка. Тѣмъ не менѣе его охватила жуть. Скоро существо вышло изъ овса, обогнуло сарай и остановилось недалеко отъ него. Потомъ Харсіа видѣлъ, какъ человѣческая фигура нагнулась къ землѣ и стала что-то дѣлать. По тѣлу Харсіа пробѣжала дрожь, а глаза, казалось, были прикованы къ одному мѣсту. Онъ всталъ было, но потомъ нагнулся и началъ

подкрадываться. Овесъ прикрывалъ его. Вдругъ загадочное существо выпрямилось и пошло прямо на него.

— Боже мой! Дѣвочка!

Подъ мышкой у нея была береста и сухой хворостъ. Она утиралась подоломъ рубашки, которая хлестала ее на ходу по тощимъ ножкамъ. Дѣвочка плакала и шла точно во снѣ или съ завязанными глазами. Подойдя къ грудѣ хвороста, который былъ, повидимому, заранѣе собранъ, она нагнулась, достала спички и принялась разводить огонь.

«Неужели эта дѣвочка и есть поджигательница? — Ну, была не была, а все-таки мнѣ удалось поймать ее. Ужъ теперь не уйдешь, хотя бы мнѣ пришлось стрѣлять».

Эти мысли мелькнули въ головѣ Харсіа, когда онъ всталъ и вышелъ изъ прикрытія. Дѣвочка взвизгнула, уронила горящую бересту и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Стой! — грозно крикнулъ Харсіа.

Крикъ его раздался въ лѣсу звонкимъ эхомъ. «Стой!» — повторили Харсіа и лѣсъ.

— Если не остановишься, буду стрѣлять.

Дѣвочка скользнула между обуглившимися деревьями, какъ быстроногій звѣрекъ, не обращая вниманія на крики.

Грянулъ выстрѣлъ. Дѣвочка упала ничкомъ. До этого момента Харсіа дѣйствовалъ точно въ бреду. Теперь его сознаніе прояснилось, и онъ понялъ случившееся.

«Вѣдь я убилъ человѣка, — пронеслось у него въ головѣ. — Господи, спаси и помилуй!»

Онъ долженъ былъ бѣжать къ дѣвочкѣ на помощь, но не могъ сдвинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ пересилилъ себя и подбѣжалъ къ дѣвочкѣ. Онъ обхватилъ руками худенькое тѣльце, покрытое мокрымъ платьемъ.

— Тебѣ больно, малютка, скажи, не бойся, больно? —

Онъ поставилъ дѣвочку на ноги.

Изъ темноты на него смотрѣли два испуганныхъ глаза, какъ у птички, попавшей въ руки человѣка. Харсіа быстро ощупалъ руки, ноги, тѣло. — Слава Богу! Дѣвочка была невредима. Все тѣло ея содрогалось отъ испуга и холода.

— Скажи, милая, что это ты только что дѣлала? Скажи!

Дѣвочка чуть слышно, сквозь слезы пропищала:

— Поджигала.

— Поджигала? Что же ты поджигала?

— Лѣсъ.

— Такъ это ты подожгла и вчера?

— Я.

— А кто тебѣ велѣлъ это сдѣлать?

— Мама.

Харсіа остановился, чтобы перевести духъ.

— А кто твоя мама?

Дѣвочка всхлипнула.

— Скажи, малютка, скажи, не бойся, я тебѣ зла не сдѣлаю.

— Мама...

— Развѣ ты не знаешь, кто твоя мама?

— Мама... — безпомощно повторяла дѣвочка, какъ будто не понимая, что у нея спрашивали.

— Да ты же знаешь, какъ зовутъ твою маму! — чуть не прокричалъ Харсіа, съ трудомъ сдерживая возбужденіе, и сжалъ крѣпко руку дѣвочки.

Дѣвочка вскрикнула отъ боли и сдѣлала попытку вырваться, но Харсіа удержалъ ее. Онъ рѣшилъ взять дѣвочку на руки и снести домой. «На слѣдующій день выяснится, — думалъ онъ, — кто мать этой дѣвочки». Однако, онъ не успѣлъ сдѣлать и нѣсколько шаговъ со своей ношей, какъ изъ-за сарая вышла какая-то женщина. «Ага! Должно быть виноватая мать.» — пронеслось въ головѣ Харсіа. Онъ направился къ ней бѣгомъ, боясь, какъ бы она не убѣжала. Но страхъ его былъ напрасенъ: женщина шла прямо на него и остановилась посреди почернѣвшей отъ копоти поляны. На рукѣ у нея былъ красный платокъ. Остановившись, она сухо разсмѣялась. Харсіа выпустилъ дѣвочку, и та боязливо подошла къ матери.

— Что, тебѣ больно гдѣ-нибудь? — спросила женщина у дѣвочки звучнымъ голосомъ, который показался Харсіа знакомымъ. — Поди, садись вонъ тамъ на порогѣ сарая! Тебѣ не надо больше поджигать. Не плачь, я приду скоро и тогда пойдемъ домой.

Харсіа все время зорко слѣдилъ за женщиной, готовый каждую минуту схватить ее за руку, если бы она вздумала бѣжать. Удаливъ дѣвочку, женщина посмотрѣла въ упоръ на Харсіа. За алыми губами ея выдѣлялись бѣлые, какъ мраморъ, зубы.

— Развѣ забыли?

Харсіа узналъ ее въ ту же минуту. Уже тогда, когда онъ замѣтилъ у нея на рукѣ красный платокъ, у него пробудились неясныя воспоминанія. Впрочемъ, онъ и такъ долженъ былъ до гадаться, кто у этого сарая потребовалъ его къ отвѣту.

— Я служила когда-то въ вашемъ домѣ. Давно то было.

Иногда меня присылали сюда на покосъ съ обѣдомъ. Помните, сюда, къ сараю?

Харсіа провелъ машинально рукой по головѣ.

— Я припоминаю, — прервалъ онъ ея слова. — Когда вы появились здѣсь?

— Я пріѣхала нѣсколько дней тому назадъ. Говорятъ, видите ли, что человѣка тянетъ на родину желаніе умереть тамъ.

Однако, по виду, она вовсе не собиралась умирать. Ея смѣхъ звучалъ жизнью и силой.

— И теперь вы пришли сюда, чтобы жечь мой лѣсъ?

— Что подѣлаешь. Идя на медвѣдя, охотникъ разводитъ огонь у входа въ берлогу, чтобы вызвать его оттуда.

— Неужели меня нельзя было вызвать на разговоръ иными средствами?

Женщина снова разсмѣялась.

— Да, я сперва подумала было, что могла бы встрѣтить васъ на дорогѣ. У васъ, говорятъ, въ домѣ молодая жена? Хороша она?

— Вамъ какое дѣло до этого! — вскрикнулъ Харсіа точно ужаленный. — Если вы хотите мнѣ что-либо сказать, то говорите скорѣе, не то эта игра кончится для васъ плохо. Я донесу, и вы угодите въ пожизненную.

— Пожалуйста, сдѣлайте милость, донесите! — она утрожающе выпрямилась и разсмѣялась. Лѣсъ отвѣтилъ эхомъ.

— Говорите, что же вамъ отъ меня надо?

— Я нуждаюсь въ денежной помощи.

— Сколько вы хотите при условіи, что вы уѣдете отсюда навсегда?

— Вы, вѣроятно, не слышали, что я только что сказала. Вѣдь я собралась на родину, чтобы умереть здѣсь. Для этого я купила недалеко отсюда избушку и прошу у васъ денегъ именно на это.

Харсіа провелъ рукой по головѣ.

— Вы должны уѣхать отсюда!

— Ни за что!

— Такъ, по-вашему, лѣсу выгорѣло еще недостаточно?

— Не безпокойтесь, я до лѣса уже не дотронусь.

Харсіа взялся за револьверъ. Смѣющееся лицо женщины было ему до того ненавистно, что онъ готовъ былъ стрѣлять въ нее. Но потомъ онъ вспомнилъ, что уже стрѣлялъ, и что револьверъ не былъ снова заряженъ. Женщина, однако, напугалась, пошла къ сараю и стала звать дѣвочку.

— Пойдемъ домой, дочка! Этотъ... Этотъ дядя очень не въ духѣ нынче.

Видя, что руки Харсіа безпомощно опустились, она остановилась и сказала:

— Когда же мнѣ прійти? Завтра, пожалуй, рановато! А послѣзавтра! Конечно, у васъ всегда найдется сотенка-другая лишнихъ. Такъ вотъ — послѣзавтра... вечеромъ, передъ заходомъ солнца...

Она схватила дѣвочку за руку и, увлекая ее за собою, пошла отъ сарая къ лѣсу.

Въ полумракѣ лѣтней ночи со всѣхъ сторонъ виднѣлись слѣды недавняго пожара. Харсіа стоялъ точно въ забытьѣ и смотрѣлъ передъ собою въ темное пространство. Мысли его безпокойно метались, но о чемъ бы онъ ни думалъ, вездѣ и повсюду онъ видѣлъ лишь одно разореніе.

Пер. Г. І. Тюнни.

МИКАЭЛЬ ЛЮБЕКЪ.

ВОСХОДЪ СОЛНЦА.

Въ небѣ — ни тучки;
Въ морѣ волна не плеснетъ.
Ночь, довершая обходъ,
Пологъ свой съ міра снимаетъ.
Мгла исчезаетъ,
Беретъ изъ мрака встаетъ.

Рѣзвыя нимфы
Всплыли изъ глуби морской,
Любо имъ плавать гурьбой!
Тамъ задремала малютка,
Прочія чутко
Слухъ напрягаютъ порой.

Вотъ надъ землею,
Блескомъ кровавымъ горя,
Медленно встала заря.
Нимфы бѣгутъ торопливо.
Рдѣя стыдливо,
Небо встрѣчаетъ царя.

Солнце, ты встало,
Міръ свой привѣтъ тебѣ шлетъ.
Радостенъ всѣмъ твой приходъ.
Въ грустномъ молчаньѣ природа
Вплоть до восхода
Спитъ и лучей твоихъ ждетъ.

Солнце, ты гордо
Смотришь на міръ съ высоты.

Богомъ земнымъ было ты,
Свергнутый міромъ владыка!
Какъ ты велико!
Сколько въ тебѣ красоты!

Б.

УСТАЛЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Ночь, тебя мы ждали долго, одиноко.
Окружи насъ тьмою въ этотъ часъ!
Вѣтры не стихаютъ,
Волны не стихаютъ,
Завтра день настанетъ не для насъ.
Мы среди прибоя, берегъ такъ далеко!

Ахъ, сломай насъ, буря! Корни пусть не тщатся
Глубже въ землю врыться въ этотъ разъ!
Сумракъ все покроетъ,
Буря воетъ, воетъ,
Завтра день настанетъ не для насъ.
Нѣтъ, мы не согнемся: нашъ удѣлъ — сломаться.

Волны, бейте въ берегъ, ройте намъ могилы.
Волны, славьте нашъ послѣдній часъ!
Вѣтеръ дуть устанетъ,
Завтра день проглянетъ, —
Этотъ день настанетъ не для насъ.
Съ бурями бороться больше нѣтъ въ насъ силы.

В. Ходасевичъ.

I. В. НЮЛАНДЕРЪ.

ПРИВѢТЪ МАТЕРИ.

РАЗСКАЗЪ.

Разъ какъ-то въ читальной залѣ большого дома моряковъ «Mariners House» въ Бостонѣ я случайно обратилъ вниманіе на большой четырехугольный плакатъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ въ темномъ углу подъ портретомъ проповѣдника Бичера.

Листъ пожелтѣлъ отъ времени и былъ порядочно потрепанъ, благодаря неосторожнымъ прикосновеніямъ метелокъ служанокъ, но красиво написанный текстъ все еще выдѣлялся ясно и отчетливо. Это былъ одинъ изъ списковъ, который нерѣдко встрѣчается въ читальняхъ такихъ домовъ и въ церквахъ. Въ этихъ спискахъ каждая строка говоритъ о горѣ и слезахъ, о зловѣщемъ предчувствіи и, можетъ быть, объ исчезающей, едва теплящейся надеждѣ... Это былъ списокъ пропавшихъ безъ вѣсти моряковъ, которыхъ разыскивали родные и знакомые:

«Эліасъ Матсонъ изъ Брэндё — не имѣется извѣстій въ теченіе 15 лѣтъ, справляется престарѣлая мать».

«Іонъ Хелльманъ изъ Або — въ послѣдній разъ писалъ изъ Калькутты въ 1878 году, справляются сестры».

Все то же горе, все тѣ же поиски пропавшихъ безъ вѣсти! Все та же престарѣлая мать, или престарѣлый отецъ, или сестра, братъ, невѣста, ожидающіе и надѣющіеся.

Я съ тѣмъ большимъ интересомъ просматривалъ списокъ, что каждое слово въ немъ, каждое названіе мѣстности были для меня такія знакомыя, такія родныя. Повидимому, списокъ былъ составленъ какимъ-нибудь финскимъ священникомъ въ Гуллѣ. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ этотъ списокъ попалъ въ уголъ за дверь въ это убѣжище моряковъ въ далекомъ краю за океаномъ.

Разсказываютъ много интересныхъ случаевъ о томъ, какъ, благодаря такимъ спискамъ, возобновлялись на много лѣтъ пре-

рванныя отношенія между сыномъ и родителями, между братомъ и сестрой и даже между мужемъ и женой. Нерѣдко случалось, что какой-нибудь морякъ, читая такой списокъ, узнавалъ среди разыскиваемыхъ своего товарища, если даже онъ и мѣнялъ свое имя. Названіе его родной деревни, его усадьбы наводили его на слѣдъ. Возрастъ также совпадалъ. Значитъ, это былъ онъ. Часто случалось, что тотъ, кого разыскивали, самъ находилъ въ спискѣ свое имя.

Я прочиталъ длинный списокъ отъ слова до слова, чуть ли не съ чувствомъ благоговѣнія. Меня поразило, что большую часть пропавшихъ безъ вѣсти разыскиваютъ матери: «престарѣлая мать», «удрученная горемъ мать», «тоскующая мать», «мать, у которой еще не угасла надежда» — всегда мать, мать...

Я старался припомнить, не подходятъ ли нѣкоторыя изъ именъ на спискѣ къ одному изъ моихъ соотечественниковъ, которыхъ судьба закинула сюда и съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться; но тщетно. Да и позже на мою долю ни разу не выпало счастья послать одной изъ несчастныхъ матерей радостную вѣсточку о ея сынѣ: «твой сынъ живъ».

А потому не слѣдуетъ ожидать, что то, что я разскажу ниже, будетъ представлять собою интересную исторію о потерянномъ и вновь обрѣтенномъ сынѣ. Я хочу передать только одинъ привѣтъ. Привѣтъ отъ кого? Я даже и этого не знаю. Привѣтъ отъ мертваго. Кому? Одной изъ скорбящихъ матерей, имени которой я не знаю.

* * *

Невдалекѣ отъ города Бостона побережье Сѣверной Америки образуетъ отлогую песчаную косу, на нѣсколько миль выдающуюся въ Атлантическій океанъ. Эта коса на картѣ напоминаетъ серпъ или клыкъ какого-то сказочнаго чудовища. Одни только очертанія этой косы наводятъ на мысли о смерти и гибели. Съ незапамятныхъ временъ мысъ былъ ужасомъ для парусныхъ судовъ, идущихъ по этому фарватеру. Во время шторма и тумана суда легко относитъ теченіемъ нѣсколько ближе къ берегу, и тогда ихъ какой-то необъяснимой силой притягиваетъ къ роковымъ песчанымъ рифамъ, окружающимъ конечность мыса. Бывали и такіе случаи, что судно даже въ ясную ночь, измѣнивъ нечаянно курсъ лишь на одинъ волосокъ, на полномъ ходу наскакивало на предательскіе рифы и потибало.

На оконечности косы, Капъ-Годъ, стоитъ высокій, оштукатуренный бѣлой известью, маякъ, который привѣтливо мигаетъ по вечерамъ. Сколько несчастныхъ при видѣ его въ отчаяніи восклицали: «Слишкомъ поздно!» Сколько потухающихъ взоровъ было обращено на него въ смертельномъ ужасѣ, а можетъ быть, въ тщетной надеждѣ на спасеніе!

Почти на каждой рыбачьей хижинѣ вдоль песчанаго побережья прикрѣплена надъ дверью доска съ именемъ какого-нибудь погибшаго судна. Говорятъ, что находящійся посреди косы маленькій, вполнѣ благоустроенный городокъ построенъ исключительно изъ того матеріала, который капризное море выбросило на берегъ.

На кладбищѣ за городомъ привлекаетъ вниманіе цѣлый рядъ «фамильныхъ могилъ». Быть можетъ, въ первую минуту не всякій, остановившійся передъ простымъ бѣлымъ деревяннымъ крестомъ, пойметъ странную надпись на немъ:

«Здѣсь покоится
экипажъ барки Іоланта».

«Здѣсь ожидаютъ воскресенія
десять человѣкъ экипажа съ потерпѣвшаго
крушеніе корабля
«Сидней Холль» изъ Ливерпуля».

Рѣдко на этихъ кресахъ встрѣчаются имена и никогда нѣтъ даты рожденія.

Если бы эти доски съ именами судовъ на хижинахъ и кресты могли говорить, они, навѣрное, разсказали бы много печальныхъ исторій. Но они хранятъ свою тайну, а людямъ остается только ждать и надѣяться.

Однажды въ морозное январское утро я былъ свидѣтелемъ необыкновенныхъ похоронъ, происходившихъ на окраинѣ рыбацкаго поселка невдалекѣ отъ Капъ-Года: въ широкую братскую могилу опускали девятнадцать длинныхъ четырехугольныхъ ящиковъ. Острый леденящій вѣтеръ кружилъ снѣгъ вокругъ могилы, и грубые ящики на днѣ ея быстро покрывались прозрачной бѣлой пеленой. Священникъ стоялъ надъ могилой, съежившись отъ холода и засунувъ руку съ молитвенникомъ подъ полу узкаго пальто, съ надвинутой на уши мѣховой шапкой, и произносилъ благословеніе усопшимъ. Завываніе вѣтра и глухой рокотъ моря за-

глушали его слова. Люди, пришедшіе на похороны, служащіе при спасательной станціи и рыбаки, собрались въ тѣсную кучку у могилы. Нѣсколько человѣкъ съ лопатами стояли, опираясь о нихъ, и ждали момента, когда имъ можно будетъ зарывать могилу. Время отъ времени кто-нибудь изъ присутствующихъ бросалъ пытливый взоръ на море, поверхность котораго мѣстами точно вспыхивала ярко-зеленымъ пламенемъ, когда изъ разорванныхъ тучъ на воду падалъ лучъ свѣта. Хоронили погибшихъ изъ экипажа англійскаго фрегата «Язонъ», которыхъ море выбросило на берегъ.

За шесть дней до этого, въ ночь съ 28-го на 29-е декабря, «Язонъ» потерпѣлъ крушеніе.

Это была ужасная ночь. Я помню, что уже съ вечера началась вьюга, и снѣгъ съ силой ударялъ въ окна читальни въ домѣ моряковъ, гдѣ мы сидѣли у камина и слушали разсказы Джонса. Окна дрожали подъ напоромъ вѣтра, и можно было каждую минуту ожидать, что они разобьются.

Джонсъ прервалъ свой разсказъ.

— Вѣтеръ все болѣе и болѣе переходитъ на востокъ, — сказалъ онъ. — Да поможетъ Богъ тѣмъ, кто слишкомъ близко подойдутъ къ берегу въ эту ночь!

Газовые рожки горѣли неровнымъ пламенемъ, то вспыхивали, то трепыхались, готовые погаснуть. Мы сидѣли молча, погруженные въ свои думы.

Въ эту минуту возвратился изъ города Битъ Чарли, мой старый товарищъ. Стоя передъ каминомъ и растирая свои закоченѣвшія руки, онъ разсказалъ, что едва добрался домой, такъ какъ трамвай застрялъ въ сугробѣ снѣга на углу Тремонтъ-Рода и Милькъ-Стрита. Оттуда онъ долженъ былъ итти пѣшкомъ, перебираясь черезъ сугробы, вышиною въ локоть. Памятникъ въ Сколлей-Скверѣ напоминалъ собою ледяную гору, а въ Ганноверъ-Стритѣ онъ на каждомъ шагу спотыкался о телефонные провода.

Ночью разразился настоящій ураганъ.

На слѣдующее утро было совершенно остановлено всякое желѣзнодорожное сообщеніе. Телеграфное и телефонное сообщеніе было также прервано. Наиболѣе важныя биржевыя телеграммы пускались по кабелю черезъ Атлантическій океанъ въ Европу, а оттуда назадъ по сѣверному кабелю въ Бостонъ. Этотъ «крюкъ» представлялъ собою разстояніе не болѣе, не менѣе, какъ въ десять тысячъ морскихъ миль, т. е. въ десять разъ больше того разстоянія, которое составилъ бы «крюкъ», если бы послать те-

леграмму изъ Борго въ Гельсингфорсъ via Петербургъ, Парижъ и Стокгольмъ.

Съ ранняго утра въ кварталѣ моряковъ на окраинѣ города распространился слухъ о томъ, что у Капъ-Года потерпѣлъ крушеніе большой корабль. Говорили, что никто изъ экипажа не спасся.

За обѣдомъ въ домѣ моряковъ разсказывали, что по надписи на спасательномъ кругу, выброшенномъ на берегъ, стало извѣстнымъ, что имя погибшаго корабля «Язонъ», и что онъ изъ Кардифа. Въ офиціальномъ спискѣ кораблей, дѣйствительно, находился англійскій большой парусникъ съ этимъ именемъ, водоизмѣстимостью въ 2.400 тоннъ, выстроенный всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вскорѣ мы узнали также, что корабль шелъ съ грузомъ сахара изъ Остъ-Индіи въ Нью-Брунсвикъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути онъ потерпѣлъ крушеніе за нѣсколько дней до прибытія въ мѣсто назначенія, чуть ли не въ виду самой гавани! Что за необъяснимый злой рокъ!

На слѣдующій день послѣ крушенія можно было еще видѣть сквозь завѣсу снѣжнаго бурана смутныя очертанія мачтъ затонувшаго корабля, но на второй день не было уже больше ни слѣда погибшаго судна, даже во время отлива. Судно въ буквальномъ смыслѣ слова разсыпалось на мелкіе куски.

Страховое общество, въ которомъ былъ застрахованъ «Язонъ», выслало немедленно спасательный пароходъ къ мѣсту крушенія. Но, разумѣется, это было сдѣлано больше для того, чтобы на мѣстѣ разслѣдовать обстоятельства крушенія, чѣмъ для того, чтобы спасти что-нибудь. Штурманъ спасательнаго парохода былъ моимъ хорошимъ другомъ, а потому онъ разрѣшилъ мнѣ отправиться на пароходѣ къ мѣсту катастрофы.

Мы сошли на берегъ въ маленькомъ городкѣ посреди косы, а оттуда надо было пройти пѣшкомъ еще добрую милю до мѣста крушенія. Берегъ былъ пустынный и плоскій, только мѣстами земля была покрыта снѣгомъ. За невысокимъ песчанымъ валомъ, саженяхъ въ ста отъ берега, ютился маленькій рыбацкій поселокъ съ низкими домиками и церковью съ остроконечной колокольней. Ближе къ берегу на пригоркѣ выдѣлялась спасательная станція съ длиннымъ сараемъ для лодокъ, сторожевой башней и сигнальнымъ шестомъ.

Когда мы шли по дорогѣ, ведущей изъ деревни къ спасательной станціи, мы повстрѣчали фуру, нагруженную четырьмя длинными четырехугольными ящиками. Взъерошенная кляча медленно

тащила возъ, и ящики то и дѣло встряхивало на неровной дорогѣ. Въ дверяхъ большого сарая, невдалекѣ отъ сарая для лодокъ, стояло нѣсколько женщинъ и дѣтей. Мы зашли въ сарай и увидали, что тамъ какъ-разъ укладывали послѣдніе трупы съ «Язона» въ деревянные ящики. Зрѣлище было мрачное.

Ящикъ съ судовыми документами тоже выбросило на берегъ. Я взялъ длинный списокъ, на которомъ были обозначены имена погибшихъ, еще только нѣсколько дней тому назадъ полныхъ жизни и съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ скораго отдыха въ гавани. И вдругъ я вспомнилъ списокъ, который я незадолго передъ тѣмъ видѣлъ на стѣнѣ въ домѣ моряковъ. Что, если среди погибшихъ находится кто-нибудь изъ тѣхъ, кого разыскиваютъ по списку въ домѣ моряковъ? Что, если это крушеніе положило конецъ ожиданіямъ и надеждамъ одной изъ опечаленныхъ матерей или какого-нибудь любящаго сердца?

Но ни одно изъ двадцати именъ не дало мнѣ отвѣта. Здѣсь я нашелъ только такія имена, какъ Броунъ, Джонсонъ, Смитъ, Мёрфи, Дэвисъ, Томсонъ, Джонсъ и тому подобныя, которыя неизбѣжно можно найти въ спискѣ экипажа любого англійскаго или американскаго судна. По платью на покойникахъ можно было бы еще различить капитана и штурмана, но знать, кого именно изъ двадцати восьми погибшихъ укладываютъ въ эти девятнадцать деревянныхъ ящиковъ, было невозможно.

Въ ту минуту, когда я повернулся, чтобы уходить, у дверей подняли послѣдняго изъ выброшенныхъ на берегъ погибшихъ и начали укладывать его въ ящикъ. Мой взоръ упалъ случайно на его лицо... и я застылъ на мѣстѣ отъ неожиданности. Гдѣ видѣлъ я эти черты? Гдѣ мы встрѣчались съ этимъ человѣкомъ? Эти вопросы, которые я задавалъ себѣ мысленно, остались безъ отвѣта. Быть можетъ, меня вводило въ заблужденіе случайное сходство погибшаго съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ знакомыхъ? Какъ бы ни было, но чѣмъ дольше я смотрѣлъ на лицо и на всю фигуру покойника въ тѣсномъ, жалкомъ гробу, тѣмъ больше я проникался увѣренностью въ томъ, что это близкій мнѣ человѣкъ, братъ, соотечественникъ. Быть можетъ, онъ былъ родомъ изъ Эстерботтніи, или съ Аландскихъ острововъ, а то и изъ Нюландской губерніи, или Выборгской, или изъ западной Финляндіи. Я былъ только непоколебимо увѣренъ въ томъ, что передо мной мой соотечественникъ, мой землякъ — изъ десяти тысячъ людей я узналъ бы въ немъ своего, я не ошибся бы. И это не было съ моей стороны ни предположеніемъ, ни гаданіемъ. Я былъ твердо и непоколебимо увѣренъ въ этомъ. Ничего типичнаго не было во внѣшности

погибшаго, ничего особеннаго въ его одеждѣ. А между тѣмъ я не могъ быть увѣреннѣе въ томъ, что не ошибаюсь.

Мое сердце сжалось отъ состраданія. Я вдругъ почувствовалъ, что незнакомецъ въ гробу безконечно близокъ мнѣ, что оба мы среди всѣхъ этихъ живыхъ и мертвыхъ людей соединены узами родства...

— Его выбросило на берегъ вблизи Беверли, — сказалъ одинъ изъ служащихъ на спасательной станціи. — Это я нашелъ его. Похоже на то, что онъ выбрался на берегъ еще живымъ и легъ на берегу.

— Бѣдняга! — проговорила тихо одна изъ женщинъ. — Какъ знать, можетъ быть, его можно было бы еще спасти, если бы его нашли немного раньше.

— Онъ подложилъ себѣ руки подъ голову и лежалъ въ снѣгу въ спокойной позѣ, точно спалъ, — продолжалъ служащій.

Женщины смахнули рукавомъ слезы, навернувшіяся у нихъ на глазахъ.

— И такой молодцеватый парень... И какіе у него красивые волосы, — сказалъ кто-то въ толпѣ, глядя, какъ другой изъ присутствующихъ бережно складывалъ руки покойника.

Въ эту минуту тонкій разодранный рукавъ рубашки мертваго слегка отвернулся и обнажилъ часть руки выше кисти, и тутъ всѣ увидали какую то надпись, выжженную у него на рукѣ.

— Что это такое?.. Ужъ не имя ли его? — спрашивали въ толпѣ, и всѣ стали тѣсниться къ гробу.

Одна изъ женщинъ произнесла поочередно всѣ буквы, но только въ недоумѣніи покачала головой. — Это на какомъ-то чужомъ языкѣ, — сказала она.

Я протѣснился впередъ и склонился надъ мертвымъ. На жилистой рукѣ были выжжены пять большихъ буквъ съ дюймъ величиной. — «Мать», — произнесъ я громко. И въ кучкѣ женщинъ и мужчинъ, столпившихся вокругъ гроба, пронесся шопотъ: м а т ь!

Пер. со шведскаго ***М. П. Благовѣщенской.***

ІОГАННЕСЪ ЛИННАНКОСКИ.

ЧѢЛОВѢКЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

Словно это было вчера, — такъ отчетливо помню я день, когда впервые увидѣлъ тебя, человѣкъ древняго Рима!

Была весна. Виноградная лоза развертывала листья.

Я, человѣкъ Сѣвера, только что прибылъ изъ великихъ городовъ, каждый нервъ которыхъ заряженъ электрическимъ токомъ культуры и сверхъ-культуры XX вѣка.

Весенней ночью я мчался по направленію къ спокойной, мирной провинціи, чувствуя въ своихъ нервахъ шумъ міровыхъ городовъ. И вотъ предо мною всталъ ты, человѣкъ древняго Рима, покинувъ свою многовѣковую могилу. Ты явился какъ привидѣніе, титанъ и богъ, о которомъ я много читалъ, слышалъ, думалъ.

* * *

Вотъ что пережилъ я въ этотъ день.

Милый городокъ Прованса весь утопалъ въ золотыхъ лучахъ утренняго солнца, когда я, пришлецъ изъ чужой страны, направлялъ свои шаги по главной улицѣ на площадь города, наблюдая чужой мнѣ народъ и его жизнь.

Какъ ты прекрасна, женщина Прованса! Ты величественна, точно королева въ своей благородной прическѣ, въ изящныхъ складкахъ плаща, и я затрудняюсь сказать, что ярче: блескъ твоихъ очей или солнечный лучъ?

О тебѣ, провансальскій мужчина, я также не хочу сказать чего-либо дурного; ты веселъ, твои добродѣтели — общительность и любезность.

Такъ наблюдалъ я до самаго полудня — горожанъ въ ихъ ежедневныхъ хлопотахъ, сельскихъ жителей, ѣдущихъ съ добродушной улыбкой въ маленькихъ повозкахъ, запряженныхъ осли-

ками, — людей большого свѣта и ремесленниковъ, взрослыхъ и дѣтей.

Я садился съ ними за столъ, радуясь ихъ веселью, любуясь изяществомъ, которое украшало каждый жестъ ихъ рукъ.

Потомъ я пошелъ за ними туда, гдѣ они играли, и наблюдалъ, какъ радостные крики наполняли паркъ, какъ старцы гонялись за мячомъ наравнѣ съ подростками, какъ гибкость юноши и грація дѣвушки соперничали въ плавномъ ритмѣ фарандолы.

«Счастливый народъ! — думалъ я, дитя мрачнаго Сѣвера, — тебѣ знакомы радость и веселье, ты сумѣлъ такъ устроить свою жизнь, что посторонній не вѣдаетъ, гдѣ кончается трудъ и гдѣ начинается игра».

* * *

И вотъ предсталъ предо мною ты, человѣкъ древняго Рима.

Я шелъ по улицѣ, всей душой утопая въ яркой сутолокѣ дня.

И вдругъ на поворотѣ, предъ моимъ взоромъ, встала часть почернѣвшей каменной стѣны.

Стѣна поднималась, какъ привидѣніе изъ могилы, и, глядя на могучія плечи этого привидѣнія, на вѣковые шрамы его мрачныхъ висковъ, я понялъ, что предо мною не творчество вчерашняго дня, не сооруженіе нѣжныхъ, хрупкихъ рукъ провансальца, предъ моими глазами — твой мощный трудъ, человѣкъ древняго Рима!

Самъ Цезарь проходилъ этими улицами, тяжелые шаги его легіоновъ потрясали эти равнины.

Я быстро иду вдоль стѣны Амфитеатра, иду и вижу, понимаю, что ты — исполинъ, и что въ твоихъ рукахъ, римлянинъ, скалы были не тяжелѣе маленькихъ камней, которыми играютъ дѣти.

Слава о твоей архитектурѣ, человѣкъ древняго Рима, вѣками разносилась по свѣту въ рѣчахъ, книгахъ и картинахъ, но только сейчасъ, посреди арены, вмѣщавшей десятки тысячъ зрителей, мнѣ становится ясно, что ты былъ выше своей славы, что даже зрѣлища твои были зрѣлищами не человѣка, а титана.

Я хожу вдоль и поперекъ города и всюду на своемъ пути встрѣчаю возведенные тобою стѣны, ворота, колонны и тріумфальныя арки. Я ступаю по камнямъ улицъ, — они на четверть аршина протоптаны ногами безчисленныхъ поколѣній.

И когда я, послѣ всего видѣннаго, снова озираю городъ съ возвышеннаго мѣста, — люди, которые еще такъ недавно вызывали у меня восхищеніе, мужчины и женщины Прованса, сморщились, кажутся странно маленькими: я вижу, что они и по сей

день живутъ, какъ зяблики, подъ защитою твоихъ стѣнъ, исполинъ!

Восхищеніе и любопытство побуждаютъ меня выйти за городъ, — я чувствую, что не видѣлъ всего, что долженъ увидать.

Я иду по дорогѣ шириною не менѣе самой широкой улицы современнаго города, по ровной, вѣковѣчной дорогѣ, недоступной сокрушительной силѣ временъ. И чѣмъ дальше я иду, тѣмъ чуднѣе становится она, дорога титановъ.

Она тянется прямо, какъ туго натянутая струна. Еще немного — и я вижу себя идущимъ на вышинѣ двухъэтажнаго дома по віадуку черезъ обширную долину по направленію къ дальнимъ деревнямъ на горизонтѣ.

Я останавливаюсь, пораженный видомъ милліонныхъ полчищъ камней, которые ты, человѣкъ древняго Рима, собралъ здѣсь.

Въ эту минуту восхищенія я вижу провансальцевъ; широко улыбаясь, они ѣдутъ мимо меня. Глядя, какъ спичечныя ножки ихъ осликовъ семенятъ по твоей исполинской дорогѣ, которая кажется дорогою боговъ къ безсмертію, я не знаю, долженъ ли я плакать или смѣяться; я понимаю, что ты создалъ эти мощныя артеріи не дляословъ, я понимаю, что твои мускулы напрягались и горѣли силою и пламенемъ великой идеи. И желая понять, увидѣть ее воочію, я обращаю свой взоръ на долину.

Словно огромная змѣя, блистая серебряными чешуйками, прочизываетъ долину водная артерія. И это не природная рѣка, а твореніе человѣческихъ рукъ: я вижу, какъ далеко, на горизонтѣ она беретъ свою влагу изъ мощнаго русла Роны и исчезаетъ за областью зрѣнія въ противоположной сторонѣ.

Я начинаю подозрѣвать тайну этой серебристой змѣи и, устремляясь въ долину, вижу, какъ отъ береговъ главнаго канала, по обширной равнинѣ, къ ея краямъ тянутся тысячи оросительныхъ каналовъ. Но теперь эти каналы пусты, русла ихъ засорились, желѣзные шлюзы, вдѣланные въ камень, лежатъ опрокинутые, снѣдаемые ржавчиной, а жаждущая равнина взываетъ запекшимися устами: куда ушелъ ты, человѣкъ древняго Рима?

Мнѣ грустно, я поворачиваю назадъ, въ жаркія улицы города, полныя солнца. На обратномъ пути, встрѣтивъ дѣвушку, нѣжный цвѣтокъ Прованса, пасущую на обширной равнинѣ пару жалкихъ козъ, — я чувствую, что кровь въ моихъ жилахъ начинаетъ обиженно кипѣть, и я отвѣчаю на ея привѣтливую улыбку лишь суровымъ кивкомъ головы.

Въ моей груди пылаетъ огонь, и мнѣ думается, что этотъ огонь — сродни тому, который двѣ тысячи лѣтъ назадъ жегъ

твою душу, человѣкъ древняго Рима, жегъ твою грудь жаждой дѣянія . . .

Почти бѣгомъ спѣшу я чрезъ долину на холмъ, чтобы послѣднимъ взоромъ окинуть творенія твоихъ рукъ во всей полнотѣ, чтобы понять идеи, которыя воодушевили твои желѣзныя руки на титаническій трудъ въ Галліи.

Взоромъ души я вижу легіоны, которые ты привелъ въ эту долину, вижу, какъ водружаешь ты свои орлы на самомъ высокомъ холмѣ ея, какъ сверкаетъ надъ головами галльскихъ племенъ твой короткій мечъ, завоевавшій міръ.

Но мечъ для тебя оружіе только двухъ первыхъ дней: уже на третій ты влагаешь его въ ножны и взамѣнъ его поднимаешь орловъ — божественныхъ птицъ труда и культуры.

Глаза благодарно ласкаютъ склоны садовъ, которыми ты украшалъ края дикихъ обрывовъ, и я понимаю, что ты хотѣлъ сдѣлать изъ этой галльской долины рай, что ты уже видѣлъ душою, какъ на мѣстѣ болотъ волнуются колосья пшеницы, сотни тысячъ скота пасутся въ высокой, до головы человѣка, травѣ, зерно и всякая живность тянется безконечными обозами по исполинскимъ дорогамъ на радость людямъ и во славу боговъ.

Я разумѣю теперь, что твое появленіе было самымъ могучимъ переворотомъ, который когда-либо переживало человѣчество, и что твоя идея завоеванія міра была идеей труда, а не меча.

Спускаясь медленнымъ шагомъ съ возвышенности, я не могу воздержаться отъ мысли о нѣкоторыхъ современныхъ завоевателяхъ міра, не могу не спросить:

Гдѣ тѣ дороги, тѣ мосты, тѣ сады и каналы орошенія, та жгучая идея творчества и созиданія, которыми они, завоеватели, содѣйствовали культурѣ завоеванныхъ ими народовъ?

* * *

Солнце опустилось за лѣса и горы на западѣ; его послѣдніе лучи еще золотили вершины холмовъ, когда я возвращался въ городъ по римской дорогѣ, такой же вѣчной, какъ та, по которой я вышелъ изъ города.

Здѣсь, на дорогѣ, возлѣ самаго города, меня поразило еще одно видѣніе.

Аллея могучихъ деревьевъ стоитъ почетнымъ карауломъ, — я чувствую, какъ вѣетъ на меня покоемъ вѣчной ночи. Между деревьями, одна за другой, двумя безконечными рядами виднѣются гробницы. Сдѣланныя изъ большихъ каменныхъ глыбъ, эти

усыпальницы имѣютъ угрюмый, внушительный видъ. Я не могу подавить чувство, которое меня охватываетъ, порывистымъ движеніемъ обнажаю свою голову и, дитя пигмеевъ, почтительно кланяюсь гробницамъ исполиновъ.

* * *

Вечеромъ того же дня я сижу въ комнатѣ провансальскаго отеля, чувствую, какъ теплый токъ возбужденія проходитъ по моему тѣлу, и мнѣ хочется крикнуть дальнему Сѣверу:

«Ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ, кромѣ труда! Кто служитъ богамъ труда, тотъ стоитъ, окруженный вихрями вѣчнаго времени, съ высоко поднятой головой! И пусть колесница разрушенія раздавитъ его, — онъ будетъ жить въ своемъ творчествѣ и даже изъ руинъ созданнаго имъ гордо провозгласитъ міру:

— Я существовалъ и творилъ великое!»

Пер. ***Г. І. Тюнни.***

ПОБѢДИТЕЛЬ ВОДОПАДОВЪ.

ГЛАВА X.

(„ПѢСНЯ ОБЪ ОГНЕННО-КРАСНОМЪ ЦВѢТКѢ".)

Водопадъ Кохисева — знаменитый водопадъ, потому что онъ величественнѣе и шире всѣхъ водопадовъ пятнадцатимильной рѣки Нуоли.

Усадьба Мойсіо — знаменитая усадьба, потому что ея хозяева съ незапамятныхъ временъ славились богатствомъ и силой и отличались такимъ высокомѣріемъ, какое можно сравнить развѣ только съ высокомѣріемъ самого водопада Кохисева.

Дочь Мойсіо — знаменитая дѣвушка, потому что ни у какой другой дѣвушки не падаетъ коса такъ горделиво, какъ у нея, и потому что ни одинъ юноша не можетъ похвастать тѣмъ, что на него палъ хоть единый лучъ изъ ея сіяющихъ глазъ.

Кюлликки — имя дочери Мойсіо, — такого имени нѣтъ ни у кого другого, да нѣтъ его и въ календарѣ. Такъ увѣряютъ люди.

* * *

Въ деревню Кохисева прибыла послѣдняя запоздавшая партія сплавщиковъ лѣса. Они пришли ночью и въ первый же день

принялись за работу. Одни продолжали еще сплавлять лѣсъ, другіе очищали берега отъ оставшихся на нихъ бревенъ.

Наступилъ вечеръ. Сплавщики расходились по своимъ квартирамъ въ крестьянскихъ усадьбахъ.

Въ саду Мойсіо молодая дѣвушка поливала капустную разсаду.

По дорогѣ, тянувшейся мимо сада, шелъ юноша.

Онъ уже издали замѣтилъ молодую дѣвушку и смотрѣлъ на нее пытливымъ взоромъ.

«Такъ вотъ она, — подумалъ юноша, — та, о которой такъ много говорятъ, — спѣсивая!»

Дѣвушка выпрямила свой стройный станъ, откинула на спину косу, и ея изящная головка слегка склонилась съ дѣвическимъ сознаніемъ своей силы.

«Да она хоть куда!» — подумалъ юноша и невольно пошелъ медленнѣе.

«А, такъ вотъ тотъ, о которомъ дѣвушки болтали весь день, — подумала молодая дѣвушка, исподтишка осматривая юношу. — И нашли тоже! Будто въ немъ есть что-то необыкновенное!»

И она склонилась, чтобы зачерпнуть свѣжей воды.

«Заговорить, что ли, съ ней? — спрашивалъ себя въ нерѣшительности юноша. — А что, если тебѣ дадутъ по носу? . . . Это было бы, во всякомъ случаѣ, въ первый разъ!» — И юноша улыбнулся своимъ мыслямъ.

Молодая дѣвушка снова принялась за работу. Юноша подходилъ все ближе.

«Неужели у него хватитъ наглости заговорить со мной? — подумала дѣвушка. — Это было бы похоже на него . . . Но пусть только попробуетъ!»

«Нѣтъ, отъ спѣсивыхъ людей лучше всего держаться подальше!» — рѣшилъ мысленно юноша и зашагалъ быстро впередъ, неудостоивъ больше молодую дѣвушку ни единымъ взглядомъ.

«Вотъ какъ! — удивилась она и выплеснула нечаянно много воды изъ лейки. — Подумаешь тоже! . . .»

Она посмотрѣла вслѣдъ юношѣ долгимъ взглядомъ. Пожалуй, ее больше обидѣло то, что онъ прошелъ мимо такъ равнодушно, чѣмъ если бы онъ осмѣлился заговорить съ ней.

* * *

На слѣдующій вечеръ дѣвушка снова стояла въ саду.

На этотъ разъ юноша остановился.

— Добрый вечеръ! — сказалъ онъ, снимая шляпу не столько вѣжливо, сколько гордо.

— Добрый вечеръ! — бросила ему молодая дѣвушка черезъ плечо.

При этомъ она едва-едва повернула голову, такъ что съ дороги былъ виденъ одинъ только ея глазъ.

Молчаніе.

— А у васъ красивыя розы! — раздалось снова съ дороги.

Это была любезность, но она прозвучала вызовомъ. И юноша хорошо сознавалъ это самъ.

— Ничего себѣ! — отвѣтила дѣвушка, но въ тонѣ ея слышалось: «Что же, я готова, жду только, что будетъ дальше».

— Я хотѣлъ попросить одну изъ нихъ на память прохожему... Вонъ, съ того куста... темно-красную... Если только это не слишкомъ смѣло съ моей стороны?..

Дѣвушка выпрямилась и отвѣтила:

— Въ усадьбѣ Мойсіо не принято подавать розы черезъ изгородь, хотя бы это и было принято гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

«Хотя бы это и было принято въ другомъ мѣстѣ!» — повторилъ про себя юноша и почувствовалъ, какъ ему въ голову бросилась кровь. По тону, которымъ дѣвушка произнесла эти слова, онъ хорошо понялъ, что̀ именно она хотѣла сказать. И хотя онъ заранѣе зналъ, что ихъ первая встрѣча произойдетъ приблизительно такъ, его все-таки ошеломилъ ея первый ударъ.

— Я не прошу цвѣтовъ у каждой изгороди, — отвѣтилъ онъ гордо. — И у меня нѣтъ привычки просить по два раза... хотя бы это и было принято въ другомъ мѣстѣ... Прощайте!

Дѣвушка остолбенѣла отъ удивленія. Она обернулась и посмотрѣла на юношу. Ничего подобнаго она не ожидала!

Юноша сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но потомъ вдругъ остановился, легко перепрыгнулъ черезъ канаву и положилъ руки на изгородь.

— Мнѣ хотѣлось бы еще сказать кое-что, если только вообще разрѣшается говорить, — произнесъ онъ медленно и пристально посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Каждый воленъ разрѣшить самому себѣ все, что угодно! — отвѣтила она.

— Я хотѣлъ только сказать, — проговорилъ юноша такъ тихо и сдержанно, что слова его скорѣе напоминали шопотъ, — что если вы такъ высоко цѣните ваши розы, то сорвите цвѣтокъ, который у васъ попросили, и приколите его къ вашей собственной груди. Это вовсе не унизило бы васъ, это служило бы только

знакомъ того, что вы и прохожаго способны считать за человѣка.

— Я настолько цѣню свои розы, — отвѣтила дѣвушка, глядя юношѣ прямо въ глаза, — что тотъ, кто осмѣливается надѣяться на нихъ, долженъ отважиться и на что-нибудь другое... А попросить цвѣтокъ можетъ всякій бродяга... на это особой смѣлости не надо.

Съ минуту они пристально смотрѣли другъ на друга, не моргая.

— Такъ и запомнимъ! — сказалъ наконецъ юноша съ особымъ удареніемъ. — Прощайте!

— Прощайте! — раздалось изъ сада.

Дѣвушка проводила его долгимъ взглядомъ.

— Онъ и вправду какой-то особенный, это люди вѣрно говорятъ, — сказала она, снова принимаясь за работу.

* * *

Въ воскресенье, въ послѣобѣденное время, на мосту, что перекинутъ черезъ пороги Кохисева, тѣснилась пестрая толпа. Однако, всѣ не помѣстились на мосту, и по берегамъ рѣки также толпился народъ.

Молва разнесла далеко кругомъ странную вѣсть, — этимъ и объяснялось небывалое сборище.

«Въ слѣдующее воскресенье, въ четыре часа пополудня, — протрубила молва, — на Кохисева произойдетъ состязаніе въ умѣніи спускаться по порогамъ».

— Что такое? — спрашивали люди, вытаращивъ глаза отъ изумленія, потому что никогда еще никто не спускался по порогамъ Кохисева на бревнѣ. Правда, лѣтъ десять тому назадъ одинъ отважный юноша, — откуда-то изъ окрестностей Іоэнсу, — рѣшился пренебречь смертельной опасностью и спустился по болѣе спокойному нижнему водопаду. Онъ спустился, но его выбросило на берегъ мертвымъ.

«Теперь случится невѣроятное, — увѣряла молва. — Въ обѣихъ артеляхъ на этотъ разъ на рѣдкость хорошіе сплавщики. Между старостами обѣихъ артелей произошелъ споръ относительно того, чьи сплавщики лучше, и вотъ споръ этотъ долженъ разрѣшиться состязаніемъ. Старосты побились объ закладъ. Рѣшено, что проигравшій угоститъ кофе съ булками всѣхъ сплавщиковъ обѣихъ артелей».

Вся деревня Кохисева была на ногахъ. Даже изъ сосѣднихъ деревень пришли любопытные. Вотъ до чего изумительнымъ представлялся для всѣхъ спускъ по порогамъ Кохисева!

Люди бродили взадъ и впередъ по мосту, болтали и спорили.

— И какъ это ихъ дернула нелегкая биться объ закладъ?

— Да говорятъ, пьяные они были, — пояснилъ кто-то.

— Не, иначе. Трезвый или умный человѣкъ такой шутки не придумаетъ!

— Ну, а сплавщики-то сами о чемъ думаютъ? Вѣдь ближе всего это ихъ касается? — спросилъ одинъ любопытный.

— Одинъ, говорятъ, полусумасшедшій бездѣльникъ, который готовъ хоть въ огонь броситься, если только его подзадорятъ.

— Вотъ какъ! Да человѣкъ въ полномъ разумѣ на это и не пойдетъ.

— О томъ, что онъ не въ своемъ умѣ, лучше подождите говорить. Про него ходитъ молва, будто онъ знаменитый сплавщикъ!— замѣтилъ одинъ изъ говорившихъ.

— Ну, чего тамъ! Кохисева, во всякомъ случаѣ, еще знаменитѣе!... А другой?

— Развѣ вы его не знаете? Это десятникъ Олави, — вонъ тотъ!

— Который похожъ на барина?

— Онъ самый.

— Что это за человѣкъ? Онъ и одѣтъ не такъ, какъ одѣваются сплавщики.

— Вотъ и разузнай о немъ всю подноготную, если можешь. А такъ про него извѣстно только то, что видно снаружи. Говорятъ, будто онъ образованный и знаетъ иностранные языки, а зовутъ его просто только Олави.

— Вотъ и разбери, кто онъ такой!

— Да, какого только народа нѣтъ среди нашего брата! Я скажу только одно: если ужъ кто сможетъ спуститься по этимъ порогамъ, то только онъ, и никто другой.

— Нечего пророчить — для этого ты слишкомъ большой грѣшникъ, — пробормоталъ одинъ изъ сплавщиковъ.

* * *

Зачѣмъ это старикъ Мойсіо пробрался къ старостамъ, да еще съ такимъ озабоченнымъ лицомъ?

Старосты обѣихъ артелей стоятъ посрединѣ моста. Одинъ изъ нихъ, Фалыкъ, перегнулся черезъ перила; онъ потягиваетъ изъ своей длинной, украшенной красными кисточками, трубки, ухмыляется и пускаетъ дымъ. Другой староста, Вэнтти, — здоровый, коренастый старикъ, онъ всегда ходитъ, широко разставляя

ноги, съ засунутыми въ карманы штановъ руками и съ сигарой во рту. Да и важничаетъ этотъ старикъ, важничаетъ своимъ карельскимъ говоромъ и еще больше своими, домашняго производства, мягкими сапогами, съ загнутыми кверху носками и голенищами, доходящими чуть ли не до самыхъ бедръ.

— Я слышалъ, что вся эта каша заварилась изъ-за того, что двое старостъ побились объ закладъ, — говоритъ Мойсіо съ особеннымъ удареніемъ. — И вотъ я пришелъ посовѣтовать вамъ сейчасъ же прекратить это. На моей памяти водопадъ сгубилъ уже пять человѣческихъ жизней, и мнѣ кажется, что этого вполнѣ достаточно для нашей деревни.

— Успокойтесь, Мойсіо, — говоритъ Вэнтти, вынимая изо рта сигару и выплевывая узкую струю слюны изъ угла сжатыхъ губъ. — О человѣческихъ жизняхъ тутъ и рѣчи быть не можетъ: мы просто хотимъ доставить маленькое развлеченіе деревенскимъ жителямъ.

— Это ужъ ваше дѣло, чего вы хотите, — возразилъ Мойсіо рѣзко, — я же заявляю вамъ въ присутствіи всѣхъ, что если случится какое-нибудь несчастіе, то, въ качествѣ старосты этой деревни, я привлеку васъ къ отвѣтственности за то, что вы бились объ закладъ на человѣческую жизнь.

— Мойсіо правъ! — раздается нѣсколько голосовъ изъ толпы.

Старосты поворачиваются другъ къ другу и переговариваются вполголоса.

— Ну, ладно, пусть будетъ такъ! — говоритъ Вэнтти немного спустя и протягиваетъ Фальку руку.

— Ну, вотъ, мы при всѣхъ отказываемся биться объ закладъ, — объявилъ Фалькъ. — Пусть насъ никто ни въ чемъ не обвиняетъ. А захотятъ ли отказаться отъ состязанія сами сплавщики — это ужъ ихъ дѣло.

Взоры всѣхъ устремляются на храбрецовъ, вызвавшихся состязаться. Они стоятъ другъ противъ друга, окруженные каждый своими товарищами.

— Нѣтъ, я не изъ трусливыхъ, да и тонуть не собираюсь, — говоритъ заносчиво одинъ изъ состязателей, одѣтый въ ярко-красную куртку.

— Откажитесь, — проситъ Мойсіо Олави. — Если вы откажетесь, то одинъ онъ не рѣшится на это. Вѣдь вы сами знаете, что никто еще не вышелъ живымъ изъ этого водопада. Не стоитъ даже и пытаться.

Съ минуту Олави пытливо смотритъ на водопадъ. Столпившіеся кругомъ люди съ нетерпѣніемъ ждутъ, что онъ скажетъ.

— Вы правы, я признаю это передъ всѣми, — говоритъ онъ наконецъ. — Но дѣло въ томъ, что сегодня я долженъ отважиться на нѣчто такое, на что способенъ не всякій, а потому я не могу отказаться.

Онъ проговорилъ это такъ громко и ясно, что его слова услышали всѣ стоявшіе на мосту.

Мойсіо отходитъ въ сторону, не произнося больше ни слова.

— Кто спустится первый? — спрашиваетъ Фалькъ.

— Я, — заявляетъ красная куртка.

— Ничего противъ этого не имѣю, — говоритъ Олави.

— Поставьте, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ вонъ на томъ берегу, чтобы они были наготовѣ на всякій случай, — совѣтуетъ Мойсіо старостамъ.

— Только не для меня! — кричитъ надменно красная куртка. — Другое дѣло, если придется выуживать изъ воды моего сосѣда!

— Такъ пусть это сдѣлаютъ для меня! — заявляетъ Олави коротко. — Это, во всякомъ случаѣ, не помѣшаетъ.

Парни берутъ багры. Толпа на мосту съ напряженіемъ смотритъ на водопадъ.

* * *

Великолѣпенъ водопадъ Кохисева въ пѣнящейся красѣ весенняго половодья! Черезъ его крутую шею перекинулъ свои мощные своды мостъ. Подъ самымъ мостомъ потокъ какъ бы дѣлаетъ разбѣгъ и затѣмъ низвергается въ прямое русло, по которому и течетъ, бурля и пѣнясь, ровными волнами. Прямое въ началѣ, русло потомъ дугой сворачиваетъ вправо, и здѣсь потокъ разбивается о крутую скалу Экеэнлинна. Словно гигантскій замокъ, возвышается темная скала среди бушующаго потока, въ одной изъ ея разсѣлинъ выросла развѣсистая черемуха, и ея густая листва колышется, какъ пукъ перьевъ на шлемѣ. Скала дѣлитъ потокъ на два рукава: налѣво пѣнящаяся масса воды уходитъ прямо въ мельничное русло, направо — въ крутое, высѣченное въ горѣ ущелье, предназначенное для сплава лѣса. Дикъ и необузданъ бѣгъ воды, пламенна пляска пѣны въ этомъ узкомъ ложѣ, но и коротка, какъ радость жизни: съ двухсаженнаго порога потокъ стремительно низвергается въ котлообразный «водоворотъ Эвы». Здѣсь онъ наконецъ утихаетъ и затѣмъ продолжаетъ свой путь по гораздо болѣе спокойнымъ нижнимъ порогамъ.

Вотъ каковъ водопадъ Кохисева. Одинокой стояла бы скала среди бурлящей стремнины, если бы сплавщики во время сплава

не давали лѣвому рукаву заполняться бревнами, которыя, нагромождаясь другъ на друга, образовали нѣчто въ родѣ моста между скалой и лѣвымъ берегомъ. На этотъ мостъ со страшной силой наталкивались сплавляемыя бревна, и только послѣ этого ихъ всасывало въ узкій правый рукавъ.

Задача смѣльчаковъ-сплавщиковъ состояла въ томъ, чтобы спуститься по верхнему водопаду и спрыгнуть на груду бревенъ у Экеэнлинна, — если только это имъ удастся, потому что въ узкомъ правомъ рукавѣ, предназначенномъ для сплава лѣса, невозможно устоять на бревнѣ, и никогда никто не спускался живымъ въ «водоворотъ Эвы».

* * *

Нѣсколько человѣкъ, вызвавшихся стоять на берегу, чтобы въ случаѣ надобности оказать помощь, отправились на свои мѣста. Соперники начали приготовляться къ состязанію.

Олави бросилъ мимоходомъ взглядъ на группу дѣвушекъ, стоявшихъ на мосту. Одна среди нихъ стояла съ опущенными глазами и блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ.

— Не спустить ли намъ сперва для пробы пару бревенъ, чтобы опредѣлить, гдѣ водовороты и гдѣ подводные камни? — предложилъ Олави.

— Ну, въ такомъ случаѣ, ужъ лучше взять землемѣра, чтобы онъ начертилъ карту и обозначилъ всѣ камни, а потомъ мы будемъ дѣйствовать, сообразуясь съ настоящей морской картой, — отвѣтилъ со смѣхомъ сплавщикъ въ красной курткѣ.

Его товарищи расхохотались. Всѣ взоры устремились на Олави.

Онъ слегка покраснѣлъ, но ничего не сказалъ и только закусилъ губу, потомъ повернулся и сталъ внимательно смотрѣть на водопадъ, какъ бы изучая его теченіе.

Соперникъ посмотрѣлъ на Олави съ усмѣшкой и, взявъ свой багоръ, быстро направился къ плоту, привязанному къ берегу въ двадцати саженяхъ отъ моста вверхъ по теченію.

Онъ спрыгнулъ на плотъ и вскорѣ выбралъ себѣ бревно, — короткій и толстый, очищенный отъ коры, сосновый стволъ, легко плавающій на водѣ.

По лицу Олави промелькнула странная улыбка.

— Эй, берегись! — крикнулъ сплавщикъ въ красной курткѣ, выталкивая бревно изъ плота.

Затѣмъ онъ сталъ быстро вертѣть бревно ногами, «точить», такъ что вокругъ него забурлила вода.

— Ну и молодецъ! — раздались ободряющіе крики съ моста.

Красная куртка съ гордымъ видомъ посмотрѣла на мостъ, свистнула, вонзила багоръ въ бревно, подбоченилась, отступила шага на два назадъ и стала насмѣшливо читать «Отче нашъ».

— Ребята, видали ли вы раньше что-либо подобное? — спросилъ одинъ изъ сторонниковъ красной куртки.

— Нѣтъ, никогда!... Смотрите! Смотрите!

— Брось это! Грѣшно читать «Отче нашъ» зря, — раздался серьёзный голосъ съ моста.

— А тебѣ-то что за дѣло, пою я или молюсь?! — отвѣтилъ сплавщикъ, но онъ все-таки замолкъ и снова взялъ въ руки багоръ: бревно приближалось къ мосту.

Вотъ оно уже подъ мостомъ, оно вошло въ стремнину.

Злой потокъ уже лижетъ бревно, вода заливаетъ сапоги сплавщика. Но онъ стоитъ, какъ вкопанный.

Бревно движется все быстрѣе, вотъ его захлестнуло стремниной... Зрители на мосту притаили дыханіе...

Но бревно снова всплыло на поверхность. Задній конецъ ударило волной съ такой силой, что его отбросило, словно рыбій хвостъ. Сплавщикъ зашатался, взмахнулъ багромъ и снова твердо сталъ на ноги.

Въ толпѣ, на мосту, пронесся вздохъ облегченія.

— Тра-ла-лала! — запѣлъ сплавщикъ, приплясывая на бревнѣ.

— Да, видно, что это мастеръ своего дѣла! — крикнули съ моста.

Нѣкоторые изъ зрителей посмотрѣли на Олави: какъ онъ относится къ тому, что его соперника хвалятъ?

Но Олави не обращаетъ ни на кого вниманія, онъ только внимательно смотритъ на стремнину, на его лицѣ написано напряженное ожиданіе.

Вдругъ бревно ударилось о подводный камень и съ трескомъ отскочило назадъ. Быстрые, невѣрные, прыгающіе шаги по бревну... Багоръ шлепается въ пѣнящуюся воду, тѣло сгибается, но потомъ выпрямляется... Сплавщикъ снова твердо стоитъ на ногахъ, онъ дѣлаетъ въ припрыжку нѣсколько шаговъ назадъ... Бревно благополучно проносится мимо опаснаго мѣста.

— Тутъ ужъ не до шутокъ больше!

— Надо только удивляться, какъ онъ не упалъ!

Бревно несется впередъ. Сплавщикъ стоитъ крѣпко и увѣренно.

Новый толчокъ. Передній конецъ бревна поднимается высоко въ правую сторону. «Чортъ!» — раздается изъ самой пучины. Красная куртка виднѣется далеко среди пѣны.

На мосту волненіе. Зрители на берегу задвигались.

Но вотъ красная куртка снова вынырнула изъ водоворота. Нѣсколько сильныхъ взмаховъ рукъ, и она выплываетъ на спокойное мѣсто у берега.

До зрителей доносятся проклятія. Сплавщикъ сидитъ на берегу и выливаетъ воду изъ своихъ сапогъ. Одинъ изъ сторожившихъ у Экеэнлинна приноситъ ему его багоръ, который туда прибило. Шапку унесло. Сплавщикъ идетъ по берегу, вверхъ по теченію.

— Не пора ли покончить съ этимъ? — предлагаетъ кто-то на мосту.

— Не суйся со своими совѣтами, когда тебя не спрашиваютъ! — пробурчалъ сплавщикъ сквозь зубы.

— Вотъ теперь, пожалуй, карта-то и пригодилась бы! — говоритъ кто-то вполголоса.

— Разъ нѣтъ шапки, такъ и куртка не нужна!

Красная куртка летитъ на берегъ, на плоту виднѣется синяя рубаха. Новое бревно выталкивается изъ-за загороженнаго мѣста и плыветъ къ мосту.

— Ну, теперь хорошенько таращите на меня глаза, чтобы узнать меня въ слѣдующій разъ!

На это съ моста не отвѣтили ни звука.

Бревно проносится подъ мостомъ и благополучно минуетъ перекрестокъ. Нѣсколько сильныхъ взмаховъ багромъ вправо — и бревно сворачиваетъ налѣво. Первый подводный камень остался позади, хотя сплавщикъ и покачнулся на бревнѣ.

— Ого, ого, посмотрите-ка на этого молодца! Чего добраго, онъ еще благополучно вылѣзетъ изъ этой исторіи!

— Не даромъ онъ попросилъ васъ хорошенько смотрѣть на него, чтобы вы узнали его въ другой разъ, — замѣтилъ съ гордостью одинъ изъ пріятелей сплавщика.

Бревно несется впередъ, сплавщикъ легко балансируетъ на немъ при помощи багра, который онъ держитъ въ горизонтальномъ положеніи.

Вотъ онъ приближается ко второму камню, онъ весь съежывается, наклоняется и слегка отступаетъ назадъ. Бревно съ силой налетаетъ на камень, сплавщикъ дѣлаетъ прыжокъ впередъ, раздается трескъ: багоръ ломается, — и синяя рубаха исчезаетъ въ пѣнящейся стремнинѣ.

— Поминай, какъ звали! Пожалуй, на этотъ разъ ему не выбраться на берегъ!

Толпа на мосту заволновалась.

Синяя рубаха снова появилась среди бурлящаго потока.

— Нѣтъ, ему не сдобровать! Онъ попалъ въ самую стремнину!

— Эй, ребята, не зѣвайте!

— Какъ бы его не нанесло на скалу Мэлли!

— Нѣтъ, нѣтъ, его пронесетъ стороной!

И его, дѣйствительно, проноситъ мимо опаснаго мѣста. Съ моста видно, какъ синяя рубаха плыветъ прямо по направленію къ кучѣ бревенъ между лѣвымъ берегомъ и Экеэнлинна, надъ водой поднимается кулакъ и грозитъ караульнымъ, которые стоятъ наготовѣ, чтобы помочь ему, — онъ не хочетъ ихъ помощи.

Однако, они не обращаютъ на это вниманія. Едва сплавщикъ приблизился къ грудѣ бревенъ, какъ одинъ изъ караульщиковъ зацѣпляетъ его багромъ, а другой хватаетъ за шиворотъ.

Они изо всѣхъ силъ стараются вытащить его, но его засасываетъ теченіемъ подъ бревна. Очень медленно, дюймъ за дюймомъ, вытаскиваютъ изъ воды синюю рубаху.

Опираясь на двухъ человѣкъ, выходитъ сплавщикъ на берегъ. Изъ его колѣнъ сочится кровь.

— Простому смертному не справиться съ этимъ водопадомъ! — кричитъ надтреснутый голосъ, и сжатый кулакъ грозитъ по направленію къ мосту.

Обезсиленный сплавщикъ прислоняется къ периламъ.

* * *

На мосту сдержанно переговариваются. Всѣ въ напряженномъ ожиданіи. Олави беретъ свой багоръ. Позади него блѣдная молодая дѣвушка въ волненіи дергаетъ за полу куртки старика, стоящаго невдалекѣ отъ нея, и говоритъ ему что-то очень тихо. Она почти шепчетъ, но очень горячо.

— Я еще разъ прошу васъ прекратить состязаніе, — говоритъ Мойсіо, обращаясь къ Олави. — Вы сами видите, чего добился вашъ товарищъ.

— Я это видѣлъ, но я д о л ж е н ъ попытаться! — говоритъ Олави такъ ясно и ромко, что слова его прозвучали, словно звонъ стали, и внушаютъ всѣмъ необъяснимое довѣріе.

Онъ опускается на плотъ и пробуетъ бревна, тщательно испытывая, какъ они держатся на водѣ. Наконецъ онъ останавли-

вается на длинномъ, не очищенномъ отъ коры, необыкновенно глубоко сидящемъ въ водѣ еловомъ бревнѣ.

— Ну, этотъ выбралъ себѣ, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ другую лошадь!

— Да и возница другой!

Между тѣмъ юноша успѣлъ уже стать на бревно и приближается къ мосту — спокойно, не произнося ни слова, не отрывая внимательнаго взора отъ стремнины. Только у самаго моста онъ поднимаетъ глаза и встрѣчается со взоромъ блѣдной дѣвушки. Глаза его улыбаются, и онъ едва замѣтно киваетъ головой въ знакъ привѣта.

— Счастливаго пути! — кричатъ зрители доброжелательно, тронутые его непритязательнымъ привѣтомъ.

Бревно подошло подъ мостъ, и его потянуло въ опасному перекрестку... Всѣ съ напряженіемъ смотрятъ и ждутъ.

Глубоко сидящее въ водѣ бревно медленно прокладываетъ себѣ путь, разсыпая кругомъ брызги. Сплавщикъ стоитъ на немъ твердо и спокойно, какъ на полу.

— Вы видѣли? Вы видѣли? Этотъ знаетъ, какого жеребца пустить въ такую схватку!

Бревно все быстрѣе несется впередъ, стройная фигура изгибается влѣво, юноша балансируетъ багромъ.

— Но что съ нимъ? Почему онъ не старается обогнуть камень?

Мускулы сплавщика напрягаются, онъ перестаетъ двигать багромъ, его глаза вперяются въ водовороты вокругъ камня, колѣни медленно сгибаются...

Ударъ и легкій прыжокъ въ воздухъ. Тяжелый стволъ отталкивается приблизительно на локоть назадъ, и юноша опускается на него, словно на полъ, и снова стоитъ такъ же увѣренно, какъ на полу.

— Вотъ такъ! Вотъ такъ! Ловкій парень! Такого еще никто не видывалъ!

Дальше впередъ! Три быстрыхъ, сильныхъ взмаха багромъ,— и бревно проносится мимо камня, который погубилъ соперника.

— Ему удастся! Молодчина! — слышится гулъ голосовъ съ моста.

Бревно несется все быстрѣе и быстрѣе, стройная фигура красиво изгибается то въ одну сторону, то въ другую. Новый толчокъ сбоку — сплавщикъ приплясываетъ, какъ на пружинахъ.

Снова сгибаетъ онъ туловище, багоръ неподвижно замираетъ

у него въ рукахъ, колѣни низко сгибаются... Зрители на мосту съ напряженіемъ вытягиваютъ шеи.

Ударъ бревна о невидимое препятствіе слышенъ даже на мосту, онъ гораздо сильнѣе предыдущаго. Сплавщикъ дѣлаетъ нѣсколько скачковъ впередъ, удерживается отъ паденія... Затѣмъ онъ, какъ бы приплясывая, снова пятится назадъ и уже спокойно разрѣзаетъ багромъ бурлящія волны.

— Что за чортъ! Видѣлъ ли кто-нибудь такого плясуна?!

— Берегись скалы Мэлли! Посмотримъ, какъ онъ справится съ нею!

Скала Мэлли стоитъ насторожѣ какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ потокъ дѣлаетъ поворотъ.

Бревно летитъ прямо на крутую, отполированную водой скалу.

Юноша чуть-чуть наклоняется вправо и высоко подпрыгиваетъ среди пѣнящейся пучины. Скала дѣлаетъ свое дѣло и подбрасываетъ бревно вверхъ. Сплавщикъ опускается на самую середину бревна и несется дальше... Задній конецъ бревна выцарапываетъ на груди утеса свой прощальный привѣтъ.

— Да это змѣя, а не человѣкъ! Ну, вотъ онъ и спустился по Кохисева!

На мосту раздаются громкіе крики «ура!».

Юноша несется среди стремнины. Потокъ дѣлаетъ поворотъ, онъ приближается къ грудѣ бревенъ у Экеэнлинна.

— Ну, осталось послѣднее!...

— Но зато самое худшее!

Сплавщикъ дѣлаетъ два-три короткихъ прыжка назадъ, и бревно ударяется о груду бревенъ.

Прыжокъ, трескъ, нѣсколько скачковъ почти на самый конецъ бревна, — только тамъ сплавщикъ заставилъ себя остановиться.

Бревно успѣло уже отбросить сажени на двѣ въ самую стремнину, и оно все содрогается, какъ отъ смертельнаго удара. Послѣ этого его начинаетъ всасывать въ узкій рукавъ въ скалѣ.

Караульщики на грудѣ бревенъ стоятъ неподвижно съ широко раскрытыми глазами. Одинъ изъ нихъ начинаетъ кричать, другой рветъ на себѣ волосы и тоже издаетъ громкій крикъ.

Старый мостъ содрогается.

— Господи, ему уже не выбраться больше на бревно!

Одни кричатъ, другіе бѣгутъ, нѣкоторые стоятъ, словно окаменѣлые. Зрители, стоявшіе на берегу, бѣгутъ къ грудѣ бревенъ.

Юноша бросаетъ послѣдній взглядъ на груду бревенъ у Экеэнлинна. Онъ взмахиваетъ багромъ, дѣлаетъ рѣшительный поворотъ

всѣмъ тѣломъ, быстро перебѣгаетъ на противоположный конецъ бревна и начинаетъ изо всѣхъ силъ грести багромъ.

— Онъ хочетъ подплыть къ другому берегу!

— Туда ему не добраться, и тамъ никто не встрѣтитъ его!

— Ахъ, его сейчасъ втянетъ въ водоворотъ Эвы!

Происходитъ отчаянная борьба. Юноша напрягаетъ всѣ силы, чтобы приблизиться къ другому берегу. Узкій рукавъ уже всасываетъ въ себя конецъ бревна, водоворотъ уже разверзъ свою пѣнящуюся пасть...

Юноша яростно загребаетъ багромъ, быстро пробѣгаетъ нѣсколько шаговъ... Высоко поднявъ багоръ, онъ взлетаетъ въ воздухъ... и опускается на берегъ. Багоръ съ трескомъ ударяется о какой-то предметъ... Съ моста ничего больше не видно, куча бревенъ заслоняетъ юношу.

Толпа бросается къ нему... Всѣ кричатъ и говорятъ что-то за разъ...

Минуту спустя караульщики на Экеэнлинна начинаютъ, какъ безумные, махать шапками, и по берегу разносятся крики. Что это такое? Одни останавливаются, другіе бѣгутъ еще быстрѣе.

Вдругъ на берегу показывается стройная фигура; она радостно размахиваетъ шапкой. Всѣ останавливаются, какъ вкопанные. Въ воздухѣ машутъ шапками, платками, и крики радости разносятся по обоимъ берегамъ.

Олави быстро идетъ по берегу, но въ лицѣ у него нѣтъ ни кровинки. Первое, что бросается ему въ глаза, это блѣдное лицо взволнованной и дрожащей дѣвушки.

Она стоитъ одна, другіе не успѣли подбѣжать, они далеко

Юноша останавливается. Подойти ему или пройти мимо? Дѣвушка опускаетъ глаза.

Юноша приближается. Дѣвушка поднимаетъ голову и встрѣчаетъ его взглядъ глубокимъ и нѣжнымъ взоромъ. Потомъ она снова опускаетъ глаза. На ея щекахъ алѣютъ розы.

Глаза юноши сіяютъ, онъ радостно снимаетъ шапку, проходя мимо нея. Послѣ этого его поглощаетъ ликующая толпа.

— Побѣдитель Кохисева! Ура! Ура! Король всѣхъ сплавщиковъ! Равнаго ему нѣтъ на свѣтѣ!

Толпа тѣснится вокругъ него.

— Ну, надо сознаться, ты парень хоть куда! — говоритъ Вэнтти, хлопая Олави по плечу.

Старикъ весь цѣликомъ со своими высокими сапогами и неизбѣжной сигарой — одна широкая улыбка.

— Вотъ теперь у тебя и фамилія есть, — прибавляетъ Фалькъ. — Теперь ты не только просто Олави...

— О-го!

— Теперь тебя зовутъ «Побѣдитель водопадовъ»... Ну, что, годится?

— Ничего, годится. Не забудьте записать въ книгѣ, — отвѣчаетъ юноша со смѣхомъ.

— А теперь мы идемъ къ мельнику и выпьемъ обѣщанный кофе, — продолжаетъ Фалькъ. — Теперь не мѣшаетъ выпить кофе хоть два раза подъ рядъ.

* * *

Когда Олави шелъ въ этотъ вечеръ домой, то онъ замѣтилъ въ окнѣ дома Мойсіо молодую дѣвушку, которая напряженно смотрѣла на дорогу.

Къ изгороди у дороги была прикрѣплена пунцовая роза. Юноша перепрыгнулъ черезъ канаву... Голова дѣвушки спряталась за занавѣской.

Юноша прикрѣпилъ розу къ груди. Его благодарный взглядъ пытливо пробѣжалъ по саду, но никого не нашелъ.

Въ комнатѣ за занавѣской кудрявая головка склонилась на руки, сложенныя на столѣ. Молодая дѣвушка разразилась тихими слезами...

Пер. ***М. П. Благовѣщенской.***

ЭЙНО ЛЕЙНО.

ИЛЕРМИ.

Баллада.

Илерми, суровый воинъ,
На конѣ въ храмъ Божій въѣхалъ
И сказалъ, средь храма стоя:
«Не таковъ я, какъ другіе!
Во грѣхахъ моихъ не каюсь,
Не нуждаюсь въ силахъ Неба!»

Со стѣны онъ слышитъ голосъ, —
Молвилъ слово образъ Дѣвы:
«Ты покаешься, увидѣвъ,
Какъ твой домъ пожретъ огонь!»

Илерми, упрямый рыцарь,
Звякнулъ, брякнулъ мѣдною броней,
Поспѣшилъ изъ храма въ поле, —
А на мѣстѣ дома пепелъ!
Крикнулъ Илерми упрямый:
«Я воздвигну здѣсь домъ новый,
Лучше прежняго гораздо!»

Илерми, безстрашный рыцарь,
Въѣхалъ къ самому амвону,
Дерзко хвалится во храмѣ:
«Не таковъ я, какъ другіе!
Не склоню главу покорно
Предъ неправымъ наказаньемъ!»

Со стѣны онъ слышитъ голосъ, —
Говорятъ уста Іисуса:

«Ты падешь во прахъ, увидѣвъ
Въ саванѣ твою жену!»

Илерми, смѣльчакъ безумный,
Бьетъ коня тяжелой плетью,
Быстро скачетъ вонъ изъ храма,
Видитъ: умерла супруга!
Онъ вскричалъ у ложа смерти:
«Я найду жену другую,
Лучше этой, краше этой!»

Илерми, суровъ и гнѣвенъ,
Къ алтарю отважно скачетъ,
Говоритъ безстрашный рыцарь:
«Не таковъ я, какъ другіе!
Не жалѣю я о прошломъ,
Я несусь впередъ, какъ буря!»

И въ отвѣтъ ему съ угрозой
Златоризый образъ молвилъ:
«Ты узнаешь жалость, воинъ,
Какъ твой сынъ ума лишится!»

Илерми, безумно храбрый,
Бьетъ копьемъ о камень пола,
Мчится бурей въ чисто поле,
Видитъ: сынъ его безуменъ!
Онъ схватилъ свою сѣкиру,
Поразилъ сѣкирой сына,
Распласталъ его средь поля,
Дикимъ голосомъ воскликнулъ:
«Я рожу другого сына,
Лучше будетъ, чѣмъ погибшій».

Илерми, орлу подобный,
Чрезъ окно во храмъ ворвался,
Конь его на богомольцевъ
Дышитъ огненнымъ дыханьемъ,
Очи молніями брызжутъ,
Но еще страшнѣй самъ рыцарь,
Въ стременахъ стоитъ желѣзныхъ.
«Не таковъ я, какъ другіе!

Не прошу пощады Неба!
Пусть желѣзо насъ разсудитъ!»

И тогда суровый голосъ
Грянулъ съ неба голубого:
«Воинъ, ты убавишь спеси,
Какъ войдешь въ предѣлы смерти!»

Илерми, суровый воинъ,
Слышитъ: треснулъ полъ во храмѣ;
Видитъ — пламя подъ ногами . . .
Тутъ кровавою сѣкирой
Отрубилъ себѣ онъ руку
И ее, съ перчаткой вмѣстѣ,
Гнѣвно бросилъ въ стѣну храма.
И сказалъ, ввергаясь въ пламя:
«Раньше годы храмъ разрушатъ,
Чѣмъ сойдетъ перчатка съ камня.
Стѣны эти пылью станутъ,
Не истлѣетъ кость руки —
До тѣхъ поръ, пока на смѣну
Не придутъ иные люди,
Что предъ смертью не отступятъ,
Не робѣютъ предъ могилой!»

Шпоры бьютъ коня по ребрамъ,
Пламя шлемъ златой скрываетъ . . .
Но блеститъ на сѣромъ камнѣ
Сталь перчатки и понынѣ.

Г. І. Тюнни.

СИНІЙ КРЕСТЪ.

Были странныя видѣнья
Дѣвѣ юной Катеринѣ, —
Что пасла стада у рѣчки.
Въ небеса она глядѣла,
Слушала деревьевъ говоръ,
И однажды превратились
Передъ нею тучи въ башни;
Въ заревѣ зари вечерней,

Надъ густыми облаками,
Златоглавые воздвиглись
И сіяющіе храмы.
Разсказала Катерина
Про свое видѣнье людямъ:
Сномъ сочли они видѣнье,
Помолиться ей велѣли
И пойти къ причастью въ церковь.
Но запомнилось видѣнье
Катеринѣ... А однажды
На холмѣ шептались ели:
«Не клубится дымъ священный
Въ вѣковыхъ корельскихъ дебряхъ,
Не звонятъ въ церквахъ къ обѣднѣ,
Не святятъ во храмахъ воду.
Дымные горятъ пожары,
Кровь алѣющая брызжетъ,
Да звенитъ топоръ военный
Возлѣ рѣкъ, журчащихъ тихо,
Въ некрещенныхъ темныхъ странахъ».
И запомнила тѣ рѣчи
Катерина. Помолилась,
Причастилась, предъ иконой
День и ночь клала поклоны, —
Не стихаетъ въ сердцѣ пламя.
И пошла она однажды,
Силой чуждою влекома,
Странствовать по дальнимъ землямъ.
По лѣснымъ брела дорогамъ:
Сосны выше, домъ все дальше,
И казалось Катеринѣ,
Что столбы святыхъ часовенъ
Возникаютъ въ отдаленьи,
Что звучатъ моленій хоры,
Что напѣвомъ златогласнымъ
Колоколъ звучитъ надъ лѣсомъ.
Такъ, ведомая видѣньемъ,
Шла она навстрѣчу звукамъ,
Шла куда манило сердце, —
И пришла на берегъ моря,
Къ голубымъ широкимъ водамъ.
На морѣ виднѣлся островъ,

Сто церквей на немъ стояло,
Золотомъ горѣли крыши.
Челнъ у берега качался, —
Дулъ попутный легкій вѣтеръ.
Скоро съ острова монахи,
На песчаномъ стоя мысѣ,
Увидали Катерину
И спросили: «Кто ты, дѣва,
И зачѣмъ на островъ ѣдешь?»
И донесъ отвѣтъ имъ вѣтеръ:
«Я — зачавшая отъ Бога,
На Господень ѣду островъ».
Тотчасъ съ берега монахи
Убѣжали; поскорѣе
Крѣпко заперли ворота
И цѣпныхъ собакъ спустили.
И затихъ надъ моремъ островъ,
Сталъ похожъ на городъ мертвыхъ.
Дѣва на берегъ ступила —
Всѣ колокола запѣли;
Вотъ стучитъ она въ ворота —
Съ гроходомъ упали цѣпи;
Вотъ на дворъ она приходитъ —
Злые псы ей лижутъ руки;
Въ Божій домъ она вступила —
Преклоняются иконы.
Удивляются монахи:
«Кто же дѣва эта, если
Злые псы предъ ней смирились
И запѣли колокольни?»
Говоритъ ей самъ игуменъ:
«Какъ нашла ты къ намъ дорогу?»
— Солнце мѣтило деревья,
Бѣлый мѣсяцъ ставилъ вѣхи:
Вотъ какъ я нашла дорогу. —
Сталъ разспрашивать игуменъ:
«А вкушала ли ты мяса?»
— О страстяхъ Христовыхъ мысля,
Я деревъ внимала говоръ,
Тѣмъ мои крѣпились силы. —
И еще спросилъ игуменъ:
«Отдыхала ли ты, дѣва,

У кого-нибудь подъ кровомъ?»
— Слезы я лила о душахъ
Некрещеныхъ да смотрѣла
Въ небо: это былъ мой отдыхъ. —
И воздѣлъ игуменъ руку:
«О, зачавшая отъ Бога!
Прочь ступай, оставь нашъ островъ.
Да родится цвѣтъ прекрасный,
Да падетъ благое сѣмя».
Отвезли ее на берегъ,
Провожатаго ей дали
Изъ мірянъ; въ густыя дебри
Побрела съ нимъ Катерина.
Лѣсъ все гуще, рѣки шибче;
Водопады льются съ громомъ;
Все мрачнѣй и выше горы,
Все прохладнѣе овраги,
А въ лѣсу рычатъ медвѣди.
Вотъ пришли они къ озерамъ.
Воспылалъ къ ней страстью спутникъ,
Обнимать онъ сталъ дѣвицу,
Соблазняя льстивой рѣчью.
И воскликнула дѣвица:
— Господи, меня Ты слышишь!
Велико мое несчастье,
Но Твои заботы больше.
Обо мнѣ Ты не заботься,
Помни темныхъ, некрещеныхъ! —
Услыхалъ Господь тотъ возгласъ,
Обратилъ онъ Катерину
Въ синій крестъ, стоящій тихо
Средь бушующаго бора,
Между двухъ озеръ глубокихъ, —
Да обниметъ крестъ тотъ грѣшникъ,
Да обниметъ покаянно.
Время шло, смѣнялись годы,
Измѣнился міръ Господень.
Заклубился дымъ священный,
Колокольни зазвонили,
Полилась вода святая
Въ вѣковыхъ корельскихъ дебряхъ.
Долго сказывали люди,

Будто синій крестъ явился
На пустынномъ, дикомъ мѣстѣ,
Средь густыхъ лѣсовъ шумящихъ,
Между двухъ озеръ глубокихъ.
Но хранилась память дольше
О святомъ и мудромъ мужѣ,
Что часовню тамъ построилъ
И крестилъ народъ водою,
Поучая вѣрѣ Божьей.
Но запомнили навѣки
Люди крестъ, что надъ проливомъ
У моста стоялъ когда-то,
У часовни деревенской, —
Синій крестъ воспоминали,
Внемля колоколъ вечерній,
Глядя, какъ покойны воды,
Какъ вдали проходитъ путникъ.

В. Ходасевичъ.

* * *

Она надъ цвѣтами скользитъ какъ туманъ,
На крыльяхъ мелодій плыветъ горделиво.
Какъ сладостно гибкій колеблется станъ,
Когда я встрѣчаю ее молчаливо!

Покуда я силенъ и вѣренъ мечтамъ,
И вольныя пѣсни несутся волнами,
Она будетъ плыть по пѣвучимъ волнамъ
И легкимъ туманомъ скользить надъ цвѣтами.

Е. Сырейщикова.

ПѢСНЯ О СЧАСТІИ.

Счастливецъ, счастье спрячь! Не говори:
«Богатъ я, кладъ нашелъ». Свой кладъ запри,
Любуйся послѣ имъ наединѣ
И счастливъ будь въ глубокой тишинѣ.

Не терпитъ счастье взоровъ злыхъ людскихъ.
Счастливецъ, въ лѣсъ иди: онъ, глухъ и тихъ,

Тебѣ навѣетъ сладкія мечты,
И тихимъ счастьемъ счастливъ станешь ты.

Е. Сырейщикова.

СЕРДЦЕ.

1.

— Сердце! что пилишь,
Или четыре
Пилишь доски?
Будетъ межъ ними
Сладостно мнѣ почивать!

— Рѣжу желѣзо,
Цѣпи ломаю,
Чтобы твой духъ,
Воленъ, вознесся,
Воленъ, — несчастный твой духъ!

2.

— Сердце! что шепчешь,
Или о дивной
Къ солнцу тропѣ,
Той, надъ горами,
Къ звѣздамъ далекихъ небесъ?

— Пѣсню пою я
Пропастей мрачныхъ,
Смерти и мукъ,
Мукъ несказанныхъ,
Пѣсню о счастіи гордыхъ!

В. Брюсовъ.

ПѢСНЯ ТОРПАРЯ.

Прочь изъ села перебрался въ пустыню я,
Въ боръ, гдѣ колышется озеро синее.
Домикъ рѣшилъ я построить безъ плотниковъ,
Самъ по себѣ, безъ друзей и работниковъ.

Я на поклонъ не отправился къ пастору,
Не захотѣлъ подольщаться я къ кистеру.
Односельчанъ я помочь не упрашивалъ
И богатѣя-купца не обхаживалъ.

Цѣлое лѣто топоръ погромыхивалъ:
Самъ я и мохъ между бревенъ запихивалъ,
Самъ и отесывалъ доски сосновыя;
Къ осени — вотъ она, хижина новая!

Спрятался домикъ мой въ чащѣ за ельникомъ,
Такъ и живу — бобылемъ и отшельникомъ.
Свадьба ль въ селѣ, или праздникъ — все дома я,
Но и ко мнѣ не приходятъ знакомые.

Вечеромъ лѣтнимъ, отъ всѣхъ удалившійся,
Долго смотрю я на колосъ налившійся,
Долго стою надъ водой вечерѣющей,
Вьется надъ баней дымокъ голубѣющій.

Съ грустью смотрю на дорогу я длинную,
Вѣчно безъ путника, вѣчно пустынную...
Что жъ не идетъ онъ на счастье позариться,
Въ жарко натопленной банѣ попариться?

Долго стою я, гляжу озабоченно.
Гостя не видно, пустынна обочина...
Нѣтъ, не простятъ: вся деревня обижена
Тѣмъ, какъ счастливая строилась хижина.

В. Ходасевичъ.

Л. КІЭСТИ.

МИТИМАРЬЯ*.

Вѣетъ фея Митимарья,
Чуть скользитъ подъ ночь Купалы...
Взоръ мечтами озаренъ,
Говоръ бусъ, застежекъ звонъ.
Весь въ мамурахъ — поясъ алый.

Блещутъ глазки Митимарьи,
Тайной думой пламенѣя;
Въ волосахъ ея — вѣнокъ.
Только дѣвамъ невдомекъ,
Если встрѣтится имъ фея.

Что же дѣетъ Митимарья?
Ворожитъ она и судитъ.
Дѣвы выйдутъ на ячмень
Въ часъ, когда ложится тѣнь,
И гадаютъ, что-то будетъ.

Чародѣйно вяжутъ нити,
Воедино стебли вяжутъ,
И потомъ глядятъ въ траву:
Чьей быть свадьбѣ къ Покрову?
Про любовь чей снопъ разскажетъ?

Вѣетъ фея Митимарья,
Мимо всѣхъ скользитъ, — глядите!
Съ грустью крадется въ глазахъ
Смотритъ въ травы, на стебляхъ,
Снявъ узлы, мѣняетъ нити.

---

* Митимарья — фея Иванова дня.

Шелъ однажды чрезъ болото
Парень, полночью унылой,
Митимарью увидалъ, —
Все забылъ, затосковалъ,
Отъ своей отрекся милой.

Для объятій Митимарьи —
Онъ весь Божій міръ покинулъ . . .
Но невѣсту разъ, во снѣ,
Онъ позвалъ: «Приди ко мнѣ!»
И въ трясинѣ утромъ сгинулъ.

Митимарья, дѣва грусти,
Помнитъ взоръ его счастливый!
Улыбнется разъ — другой
И опять, полна тоской,
Въ лѣсъ уходитъ, черезъ нивы.

По росѣ луговъ проходитъ,
Чуть ногой цвѣтовъ касаясь,
Палецъ къ губкамъ приложивъ,
И глядитъ на дали нивъ,
Какъ огонь вдали качаясь.

И, прозрачной лѣтней ночью,
Слышенъ тихій плачъ съ болота . . .
Но заря съ небесъ блеснетъ,
Зыбкій призракъ пропадаетъ,
Лишь кукушка крикнетъ что-то . . .

В. Брюсовъ.

МЕСТЬ ВЪ ЛѢСУ.

Уртти жилъ въ утодьяхъ дальнихъ,
Тамъ, гдѣ Каллу * гладь сверкала,
И гора, бросая тѣни,
Путь къ полознику на окнахъ
Свѣту солнца закрывала.

* Каллу — озеро.

Изъ округи дальней, Уртти
Взялъ жену — красу деревни.
Но боялась Марья лѣса,
Гдѣ, что полночь, воютъ волки,
Гдѣ хохочетъ филинъ древній.

Корчевалъ деревья Уртти,
Распахалъ, гдѣ лѣсъ былъ, поле,
Опускалъ въ глубины сѣти,
Истопталъ лѣсныя дебри,
За звѣрьемъ бродя на волѣ.

А за озеромъ угрюмымъ
Тура жилъ, поближе къ горамъ.
И съ сосѣдомъ Уртти въ лодкѣ
Бороздилъ нерѣдко воды;
Чаще — съ нимъ былъ занятъ споромъ.

На словахъ былъ ласковъ Тура,
Но смотрѣлъ на Марью странно.
Молчаливъ былъ добрый Уртти,
Но съ какой онъ нѣжной лаской
Помогалъ женѣ желанной!

Разъ пошли друзья на лыжахъ.
Былъ на вѣткахъ иней свѣжій,
На горѣ снѣга сверкали.
Дѣльный Уртти, хитрый Тура
Услѣдили слѣдъ медвѣжій.

Звѣрь поднялся изъ берлоги,
Навалилъ ступней на лыжи.
Какъ прикованъ бѣдный Уртти,
А медвѣдь хватаетъ лапой,
Подступаетъ грудью ближе.

— «Бей! Въ меня попасть не бойся!
Цѣлься звѣрю подъ лопатки! —
Крикнулъ Уртти. — Коль погибну,
Передай ты Марьѣ вѣстку:
Уртти сгибъ съ медвѣдемъ въ схваткѣ!»

Оглядѣлся Тура хитро,
Вспомнилъ, какъ онъ безнадежно
Тосковалъ по бѣлобровой
Милой Марьѣ, — сталъ вдругъ веселъ.
Побѣжалъ по тропкѣ снѣжной.

Одинокъ, въ лѣсу пустынномъ,
Уртти все жъ боролся смѣло;
Руку всунулъ въ пасть медвѣдю;
Кровь съ лица струилась Уртти.
Рвалъ медвѣдь когтями тѣло...

Послѣ боя, лежа навзничь,
Видѣлъ Уртти лѣсъ угрюмый,
Видѣлъ небо, видѣлъ струйку
Дыма изъ родного дома...
Лишь о Марьѣ были думы!

Тура въ сумеркахъ на лыжахъ
Проскользнулъ къ избушкѣ малой.
Тамъ въ мечтахъ сидѣла Марья.
Небо сѣвернымъ сіяньемъ
И созвѣдьями блистало.

Говоритъ коварно Тура:
— «Что задумчивъ взоръ твой синій?
Духъ лѣсовъ здѣсь грозно вѣетъ,
Здѣсь и мысль и сердце гибнутъ,
За горой грозятъ пустыни!

Какъ безъ друга, одинокой,
Жить? Вѣдь ты себя погубишь!
И не то еще узнаешь!
Опустѣлымъ домъ увидишь!
Иль еще ты мужа любишь?»

Отвѣчаетъ Марья: — «Здѣсь я,
Но мечты несутся въ дали!
Ахъ, не знаю я дороги
Ни къ себѣ домой, ни въ сердце.
Умереть я здѣсь должна ли?»

— «Входитъ счастье и уходитъ.
Но, подъ сводами лѣсными,
Здѣсь, мужчинъ крушится сила,
Здѣсь нужна подпора! Слушай:
Уртти нѣтъ между живыми!»

Залилась слезами Марья,
Трауръ вынула изъ клѣти,
Чтобъ борца лѣсовъ оплакать...
Застыдясь, обратно Тура
Побѣжалъ при лунномъ свѣтѣ.

Плачетъ Марья, ночью плачетъ,
О своей груститъ потерѣ.
Ей мерещатся видѣнья:
Кто-то шепчетъ у порога,
Шевелитъ щеколду двери.

Содрогаясь, встала Марья.
Словно призракъ передъ нею:
На порогѣ виденъ Уртти,
Кровь съ лица течетъ изъ раны,
Заливаетъ грудь и шею.

Глазъ одинъ почти-что вырванъ,
Язва страшная надъ бровью...
На постель склонился Уртти,
И, безъ силъ, лежалъ недѣлю,
За женой слѣдя съ любовью.

И съ постели всталъ онѣ страшенъ,
Словно горный духъ ужасный:
Все лицо въ глубокихъ шрамахъ...
Но смолчалъ объ томъ, какъ другомъ
Былъ онъ преданъ въ часъ опасный.

Онъ опять работалъ, молча,
И рыбачилъ вмѣстѣ съ Турой,
Но ему онъ не повѣдалъ,
Какъ медвѣдь, борьбой измученъ,
Въ лѣсъ ушелъ въ крови и ранахъ.

Вотъ живутъ они, какъ жили.
Дымъ изъ печки вьется въ стужу.
Марья стряпаетъ пугливо,
Но порой, въ невольномъ страхѣ,
Подойти не смѣетъ къ мужу.

Дикій ужасъ лѣса смотритъ
На нее его глазами,
Если онъ слѣдитъ за Марьей
Иль знакомый голосъ Туры
Слышитъ съ лодки подъ кустами.

Этотъ взоръ какъ будто давитъ
Въ глубь, подъ воду, увлекая...
Избѣгаетъ Марья мужа,
Тайно плачетъ и томится,
Дни дѣвичьи вспоминая.

Тайно всходитъ на вершину,
Смотритъ въ сторону родную.
Но не мчитъ вѣстей касатка!
Ночь — какъ годъ, а утро будитъ
Ту же думу роковую!

Иногда, подъ крикъ гагары,
Лѣтнимъ вечеромъ, сквозь слезы,
Марья слушала, какъ Тура
Пѣлъ вдали, и оживала...
Что жъ тогда ей пѣли грёзы?

Приходилъ веселый Тура,
Говорилъ безпечно что-то
И манилъ, ласкалъ словами...
Уртти, какъ всегда, работалъ,
Ползалъ гдѣ-то у болота.

Такъ дожили до Купалы.
Приходилъ порою Тура,
Говорилъ глазами бойко,
Предвкушалъ уже побѣду,
А однажды такъ ей молвилъ:

TAYLOR INST. OXFORD

— «Ухожу въ чужія страны.
Тамъ куплю я домикъ скоро...
Ты жъ не знаешь, что свершила,
Заключивъ союзъ съ пустыней:
Смертью мститъ пустыня бора!

«Твой же мужъ — страшнѣе смерти!
Умереть ему судили
Судьбы — словно волку въ схваткѣ.
Здѣсь ты съ голода погибнешь,
Скроешь всѣ мечты въ могилѣ!

«Дай, и на рукахъ тебя я
Понесу! Насъ къ югу тянетъ:
Тамъ видны деревни, церкви,
Солнце тамъ для насъ заблещетъ,
Счастье тамъ для насъ настанетъ!»

Смотритъ Тура въ очи Марьѣ,
Смолкнувъ, ждетъ ея отвѣта,
Станъ ея рукою обнялъ.
Изъ избы выходитъ Уртти,
Ликомъ теменъ, безъ просвѣта.

Оттолкнулъ жену съ дороги,
Взялъ топоръ, глядитъ такъ чудно:
— «Ты въ бѣдѣ меня покинулъ,
Увести жену задумалъ, —
Такъ усни же безпробудно!»

Молвилъ, разъ—другой ударилъ,
Туры лобъ разсѣкъ глубоко;
Какъ медвѣдь, свою добычу
Поволокъ въ глухія дебри,
Скрылъ въ могилѣ одинокой.

Возвратясь въ избушку, Уртти
Былъ суровъ и полонъ думы:
Дѣло страшное свершилъ онъ
Изъ-за Марьи бѣлобровой, —
Отомстилъ коварство Туры.

Но жены ужъ не нашелъ онъ,
Скрылась Марья незамѣтно.
И искалъ напрасно Уртти,
Всѣ лѣса кругомъ избѣгалъ,
Звалъ красу округи тщетно.

Забралась далеко Марья,
Заблудилась въ чащѣ темной;
Ужасъ душу ей измучилъ;
Испугавшись своей тѣни,
Она бросилась въ болото.

Утонула, гдѣ надъ топью
Черной ночью волки воютъ...
Лѣсъ укрылъ тоску и тайну,
Какъ созвѣздія ночныя
Безотвѣтно вѣчность кроютъ.

В. Брюсовъ.

ДѢДЪ И ЧАСЫ.

Всхлипы кукушки въ часахъ монотонны,
Старому дѣду живется надиво,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — живется надиво, —
Есть при немъ трубка, да есть и огниво,
Котъ въ уголкѣ полусонный.

Въ утреннихъ сумракахъ пляшутъ пылинки,
Солнечный лучъ ихъ ласкаетъ и множитъ,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — ласкаетъ и множитъ;
Тихаго дѣда ничто не тревожитъ,
Вяжетъ онъ сѣть безъ заминки.

Стараго всякъ изъ людей приголубитъ:
Пищу приносятъ въ обѣдъ, да и въ ужинъ,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — въ обѣдъ, да и въ ужинъ.
Впрочемъ, старикъ молодежи не нуженъ, —
Молодость старыхъ не любитъ.

Время считаютъ часы на досугѣ,
Вертятъ колеса, цѣпляясь зубцами,

Тикъ-таки, тикъ-такъ — цѣпляясь зубцами;
Дѣдъ ихъ заводитъ и чинитъ ночами,
Словно заботясь о другѣ.

Дѣду ровесники камни ограды,
Старше часы, что достались отъ тяти,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — достались отъ тяти;
Пестрый рисунокъ на ихъ циферблатѣ:
Въ яркихъ цвѣточкахъ наряды.

Былъ на часахъ самострѣлъ нарисованъ,
Онъ потемнѣлъ, какъ ихъ бѣлыя щеки,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — ихъ бѣлыя щеки.
Время, шутя, исполняетъ всѣ сроки, —
Старому гробъ утотованъ.

Ларчикъ отнятъ у него всѣ мечтаютъ,
Дѣда засыпать землею могильной,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — землею могильной,
Спрятать часы на чердачищѣ пыльной, —
Вишь, они дни сокращаютъ!

Веселъ батракъ и батрачка смѣется...
Только стемнѣетъ (да, право, пустое!),
Тикъ-таки, тикъ-такъ (да, право, пустое!) . . .
Вѣдаютъ —дѣдка и котъ, только двое:
Кто-то въ часахъ шевельнется.

Слыхивалъ дѣдъ, какъ ночною порою,
Тихо подкравшись, духъ въ шкапикѣ шаритъ,
Тикъ-таки, тикъ-такъ — духъ въ шкапикѣ шаритъ,
Снявъ съ пояска молоточекъ, ударитъ,
Маятникъ правитъ рукою.

Въ туфелькахъ мягкихъ чуть слышно топочетъ,
Словно паукъ, онъ сплетаетъ свѣтелку,
Тикъ-таки, тикъ-такъ, — сплетаетъ свѣтелку,
И на телѣжкѣ въ подпольную щелку
Ѣдетъ, чуть выкрикнетъ кочетъ.

Дни пробѣгаютъ, спѣша, рядъ за рядомъ;
Волосы снѣгомъ годовъ серебрятся,

Тикъ-таки, тикъ-такъ, — что снѣгъ, серебрятся;
Только часы по ночамъ ему снятся;
Сердце стучитъ съ ними ладомъ.

Хриплю кукушки напѣвъ оборвался;
Стали часы, и не слышно кукушки,
Тикъ-таки, тикъ-такъ, — не слышно кукушки.
Смерть свою жатву пожала въ избушкѣ...
Дѣдъ что-то слишкомъ заспался.

Н. Ашукинъ.

БЕРТЕЛЬ ГРИПЕНБЕРГЪ.

ПРЕКРАСНѢЙШІЙ КРАЙ.

Нѣтъ края милѣй необъятной глуши,
Гдѣ лѣсомъ смѣняется поле,
Гдѣ почва сухая, не зная сохи,
Вѣками лишь дремлетъ на волѣ,
Гдѣ древнія сосны-гиганты стоятъ
Высокою темной стѣною,
Орлы надъ безмолвной пустыней парятъ,
И тучи плывутъ надъ землею.

Нѣтъ края прекраснѣе края лѣсовъ,
Въ нѣмыя мечты погруженныхъ,—
Тому, кто позналъ ихъ, не сбросить оковъ
Желаній, въ душѣ пробужденныхъ.
Зовутъ они насъ непрестанно къ себѣ,
Манятъ красотою великой
И шопотомъ тихимъ о сладостномъ снѣ,
Мелодьей печальной и дикой.

Душѣ безпріютной даруешь покой
Ты, царство мечты одинокой,
Ты, сѣвера дальняго лѣсъ вѣковой,
Окутанный тайной глубокой.
Нѣтъ края милѣй необъятной глуши,
Гдѣ сердце плѣненное внемлетъ
Чарующимъ звукамъ, дрожащимъ въ тиши,
Гдѣ пѣснь нерожденная дремлетъ.

Лангеншельдъ.

ТОМЛЕНІЕ ВЕСНОЙ.

Шумитъ весна въ сіяньѣ солнечномъ,
Смолистый хвойный лѣсъ дымитъ,
И сумракъ жаркій въ чащѣ елочной
Загадкой вечеромъ томитъ.

Я зачарованъ, и не прежній я,
Я для себя загадкой сталъ,
Я смерть зову, а жизнь безбрежная
Въ душѣ кипитъ, какъ мощный валъ.

Хотѣлъ бы въ битву, въ поле брани я,
Гдѣ блещутъ острые мечи,
Иль послѣ долгаго скитанія
Пѣснь о тоскѣ слагать въ ночи.

Хотѣлъ бы впиться въ губы яростно,
Когда отъ страсти задрожатъ,
И приложиться съ дрожью благостной
Къ рукамъ холенымъ былъ бы радъ.

А солнце клонится за озеро,
Шумятъ весенніе ручьи,
И въ вечеръ свѣтлый бѣло-розовый
Печаль и радость, какъ ключи.

В. Аренсъ.

КРЫЛО.

Сонетъ.

Пустыню моря сумракъ блѣдно-сѣрый
Покрылъ; померкъ въ молчаньи мглистомъ свѣтъ.
Игра цвѣтовъ исчезла какъ химеры,
Ладья въ водѣ чертила желтый слѣдъ.

Гдѣ, словно слезы, пѣна крыла шхеры,
Крыло на мигъ мелькнуло, какъ привѣтъ,
Бѣлѣя въ небѣ... Мигъ — видѣнья нѣтъ:
Все скрыла тѣнь, безъ грани и безъ мѣры.

О, милая! Къ лучамъ звала меня
Не ты ль, когда на землю тьма сходила,
Послѣднимъ зовомъ гаснущаго дня?

О, бѣлое крыло! Прекрасно было
Ты, отблескъ солнца, въ часъ, когда повлекъ
Я къ блѣдиымъ чарамъ ночи свой челнокъ!

В. Брюсовъ.

МЁРНЕ.

ПОСЕЛОКЪ.

Теменъ нашъ поселокъ. Въ глинѣ
Колеи такъ глубоки!
Сѣрой нѣтъ конца пустынѣ...
Дни весны, вы далеки!
Изъ корчмы — напѣвы пьяныхъ.
Никнетъ лѣсъ въ густыхъ туманахъ
И сырые ивняки.

Теменъ край нашъ онѣмѣлый...
И весной, чтобъ пѣть, нѣтъ словъ, —
Пѣть побѣгъ березки бѣлой,
Зелень первую луговъ,
Рѣчку въ ласковыхъ изломахъ
И, въ тѣни ольхъ и черемухъ,
Дрожь и всплески челноковъ!

Сердце мнѣ оледенилъ ты,
Край нашъ, сердцемъ ледянымъ!
Духъ увелъ и закружилъ ты
По своимъ тропамъ сырымъ!
Какъ рабочихъ шагъ усталый,
Думы сумрачны и вялы:
Оживить тебя — не имъ!

В. Брюсовъ.

* * *

Я этотъ край люблю. На отмели нагой,
На низкой отмели — песчинокъ милліоны!
И каждую изъ нихъ люблю съ такой тоской,

Что за нее отдамъ всѣхъ странъ холмы и склоны!
Боготворю его, какъ стягъ полка — герой,
Какъ руку бѣлую монахъ своей Мадонны!

Я тотъ языкъ люблю, что тысячи годинъ
Пѣлъ славу, подвиги и нынѣ такъ же звученъ
Тамъ, гдѣ находитъ миръ зеленый валъ пучинъ.
Кому онъ милъ, какъ другъ, со мной тотъ неразлученъ.

Такъ почему же я, какъ странникъ, одинокъ,
И, славя родину, мои живыя саги
Лепечутъ, какъ волна, взбѣгая на песокъ,
Что солнце свѣтится въ ея холодной влагѣ?

В. Брюсовъ.

НИНО РУНЕБЕРГЪ.

МАРШЪ МЕРТВЕЦОВЪ.

Упорной колонной мы строимся тамъ,
Гдѣ гибнутъ живые толпами.
Все новые воины къ нашимъ рядамъ
Идутъ, примыкаютъ съ годами.

Пробитая грудь, окровавленный лобъ —
Такъ рать наша бьетъ изъ гроба,
Ея не пугаютъ опасность и гробъ,
Не трогаютъ зависть и злоба.

Слабѣетъ въ сраженьи живая рука,
Оружіе можетъ сломаться,
А наши дѣянья не знаютъ врага,
Не могутъ ничѣмъ запятнаться.

Да, новые воины къ нашимъ рядамъ
Идутъ, примыкаютъ съ годами,
Побѣдной колонной мы держимся тамъ,
Гдѣ гибнутъ живые толпами.

А. Блокъ.

ЯКОВЪ ТЕГЕНГРЕНЪ.

ЗЕМЛЯ ЕСМЬ.

Мечтать о небесномъ царствѣ
Не надо душѣ моей.
Вонъ жаворонокъ трепещетъ —
Его крыло мнѣ милѣй,
Слѣдъ вальдшнепа на пригоркѣ,
И солнечный лучъ въ травѣ —
Все, все, что звенитъ и блещетъ
И радуется землѣ.

Найду ль въ неизвѣстномъ небѣ
Замѣну земныхъ отрадъ?
Земля пробудила къ жизни,
Земля возвратитъ назадъ,
Въ тотъ уголъ любимой персти,
Гдѣ отдыхъ узнаю я.
Травѣ и свѣтлой былинкѣ —
Родная душа моя.

Душа — родная пылинкѣ
На крылышкахъ мотылька,
Росѣ прозрачной и чистой
Въ раскрытой чашѣ цвѣтка.
Мечусь я съ мятежнымъ вѣтромъ,
Съ печальной птицей кричу.
Земля я, я — персть земная,
И въ персть отойти хочу.

А. Блокъ.

ЯЛМАРЪ ПРОКОПЕ.

МЕЧТАТЕЛЬ.

Мнѣ снилось: посланникъ небесъ Гавріилъ
Явился мнѣ ночью въ сіяніи крылъ
И къ Господу, въ небо со мной воспарилъ.

И было два трона въ чертогахъ покоя,
И Богу подобенъ, возсѣлъ высоко я,
И сталъ я всевидящъ, взирая какъ Богъ
На міръ, у моихъ распростершійся ногъ.

И все я увидѣлъ въ единственный мигъ —
Съ начала временъ до свершенія ихъ:
Въ пустынѣ — источника жизни кипѣнье,
Восточнѣй востока, въ странѣ зарожденья,
Гдѣ замокъ всесолнца стоитъ;
И смерти предѣлъ я увидѣлъ воочью,
Гдѣ свѣту преграда положена ночью,
Гдѣ вѣчности сумракъ царитъ.
И міръ созерцалъ я со всѣмъ, что есть въ немъ,
Что дышитъ, что первымъ прозябло росткомъ,
И понялъ: огроменъ его окоемъ.

И въ мірѣ, что Бога воздвигла рука,
Въ разверзтую вѣчность мелькали вѣка,
Какъ ласточки, мимо, все мимо, легко, —
Ихъ было число безъ конца велико.
Что было, что будетъ, я зрѣлъ въ то мгновенье —
До міра кончины отъ грѣхопаденья,
И все, что Зиждитель воздвигъ, —
И былъ этотъ міръ безпредѣльно великъ.
Но все же, когда я на міръ тотъ взглянулъ,

И взоръ до предѣловъ его досягнулъ,
Когда мнѣ предстали всѣ души, вся плоть, —
Спросилъ я: «Ужель это все, мой Господь?»

О, какъ мірозданье казалось мнѣ мало,
Предъ тѣмъ, что въ мечтѣ затаенно дремало!
Великаго міра великій предѣлъ
Мечтою раздвинуть я все жъ бы сумѣлъ.
Нѣтъ! Снова хочу я искать и томиться!
Гдѣ міръ, что по волѣ моей воплотится —
Съ мученьемъ загадокъ, съ границами тайны,
Безмѣрный, безвѣстный и необычайный?

В. Ходасевичъ.

ПРИ УСТЬѢ РѢЧКИ.

1.

Надъ рѣчкой душа безмятежна,
Подъ вербой и старой ольхою,
Въ тотъ часъ, когда сумерки нѣжно
Плывутъ къ берегамъ синевою.

Какъ будто подъ парусомъ, лаской
Свѣжитъ вѣтерокъ, пролетая,
И тучки проходятъ, какъ сказка,
Надъ зеркаломъ воднымъ мелькая.

И шумъ, въ тростникахъ затаенный,
И ропотъ по камнямъ пѣвучій —
Сливаются въ бредъ полусонный
Въ дрожаньи березы плакучей.

И, слухъ преклоня, чуть стемнѣетъ,
Чуть день убаюкаетъ воды,
Я, кажется, слышу, какъ рѣетъ
Духъ Божій надъ лономъ природы.

2.

Вотъ въ зеркалѣ водъ остаются
Лишь блѣдные отблески свѣта:

То нити послѣднія рвутся,
Былъ сонъ, будетъ смерть безъ отвѣта . . .

Пульсъ рѣчки какъ будто не бьется,
Струи незамѣтно движенье,
Но листикъ, что съ зыбью несется,
Еще обличаетъ теченье.

Вода этотъ листикъ колышетъ,
Вотъ быстро помчала, качнула . . .
Да! движется что-то и дышитъ,
Гдѣ замерлю все и заснулю.

3.

Подъ солнцемъ ты плещешь такъ звонко,
Ты пляшешь весь день межъ камнями,
Бѣжишь чрезъ луга вперегонку
Съ гурьбою дѣтей, съ пастухами.

Потомъ отстаютъ молодые . . .
Мужая, тамъ льешься ты кротко,
Гдѣ арки висятъ мостовыя,
Гдѣ грузно качается лодка.

Проходишь ты волости, села,
Вдоль, зеленью скрытыхъ, калитокъ;
Что день, ты дорогой тяжелой
Проносишь свой водный избытокъ.

4.

Ты вся — чистота и безгрѣшность:
Зеркальность твоя — такъ прозрачна!
Но знаю: обманчива внѣшность,
На днѣ твоемъ жутко и мрачно.

Тамъ — тина да илъ; всѣ отбросы
Ты тянешь съ залива и съ мыса;
Къ тебѣ, вдоль нагого откоса,
Во тьмѣ пробирается крыса.

Но тины изъ глуби не хлещутъ
До гладей зеркально-чудесныхъ,

И звѣздъ не пятнаютъ, что блещутъ,
Подъ вечеръ, межъ тучекъ небесныхъ.

Такъ занавѣсъ дѣлитъ безстрастно,
Что низменно въ насъ и высоко,
И оба сливаются ясно
Въ одно миротворное око.

5.

Чистѣйшій напитокъ сквернится,
Платъ бѣлый становится грязнымъ.
Чей ротъ слишкомъ чистъ, чтобъ склониться
Къ источникамъ мутнымъ, съ соблазномъ?

Кто долженъ въ грязи по колѣно
И въ подлости жить каждодневно,
Мирится съ своей перемѣной,
Простясь съ чистотою душевной.

Быть можетъ, онъ къ грязи привыкнетъ,
Но будетъ, въ душѣ сбереженный,
Тайникъ, куда муть не проникнетъ,
Огнями небесъ озаренный!

6.

Ты, рѣчка родная, близка мнѣ!
Я видѣлъ, какъ, въ облакѣ пѣны,
Крушила ты твердые камни,
Препятствіемъ вставшія стѣны.

Межъ рѣкъ не была ты титаномъ,
Альпійскимъ потокомъ сердитымъ:
Но, карликъ приниженнымъ станомъ,
Ты мѣрилась мощью съ гранитомъ!

Была ты равна исполинамъ
Въ бореньи съ громадой застылой,
Объята порывомъ единымъ,
Направя къ побѣдѣ всѣ силы!

Такъ! Должно свое назначенье
И карлику знать, какъ титану!

Путь легокъ иль трудно теченье:
Ихъ общая цѣль — къ океану!

7.

Вотъ дѣти, одѣтыя бѣдно,
Пришли позабавиться къ устью;
Въ рукахъ ихъ букетики — блѣдны,
Цвѣты — словно клонятся съ грустью.

Съ черникой въ корзинкахъ и въ кружкахъ,
Блуждаютъ средь ивъ по дорогамъ;
Блескъ солнца на русыхъ макушкахъ,
Вотъ — все, что даровано Богомъ!

Бродя у крестовъ наклоненныхъ,
Гдѣ имя разыскивать — тщетно,
Подходятъ, средь липъ полусонныхъ,
Съ ведеркой къ могилѣ завѣтной.

Тамъ голосъ, печальный и строгій,
Звучитъ изъ глухого жилища
Во мглѣ: «Три проѣзжихъ дороги
Сошлись за оградой кладбища.

«По нимъ вы пойдете; не мало
Часовъ пронесется чредою;
Когда же, подъ вечеръ, устало
Придете къ земному покою, —

«Увидите входъ тотъ же самый,
Гдѣ дремлютъ десятки столѣтій,
И ласково, бѣлы и прямы,
Кресты закиваютъ вамъ эти!»

В. Брюсовъ.

МАРІЯ ІОТУНИ.

ЛЮБОВЬ.

Что жъ, это устроилось хорошо. Онъ было началъ не съ того конца. Мужчины вѣдь не всегда понимаютъ, откуда слѣдуетъ начать...

— «Гдѣ же имъ!» — сказала я. — Вотъ именно. Хочешь, я разскажу, какъ это произошло?

— Да, разскажи...

— Сперва онъ освѣдомился: «Могу я васъ спросить: любили вы?»

— Что жъ ты отвѣтила?

— Что? Я сказала: «Зачѣмъ вы, купецъ, говорите о такихъ пустякахъ? Если въ молодости и пришлось побаловаться, — не станемъ вспоминать объ этомъ!»

— Вѣрно!

— Онъ положилъ руку вотъ сюда, на колѣни мои, и сказалъ, что хотѣлъ бы научиться любить.

— А ты чѣмъ отвѣтила на это?

— Чѣмъ я отвѣтила? Ничѣмъ. Сперва мнѣ захотѣлось отбросить его руку, но потомъ я подумала, что, пожалуй, лучше подождать, какъ дѣло пойдетъ дальше, и терпѣливо ждала.

«Онъ замѣтилъ, что я пополнѣла.

«— Глупости, купецъ! — сказала я.

«— Да, пополнѣли, — повторилъ онъ, дотрагиваясь другою рукой до моей спины, и прибавилъ: — Позволите любить васъ?

«— Что? — спросила я.

«— Не позволите ли приблизиться къ вамъ?

«— А потомъ?

«— Любить, какъ принято у людей...

«— А для чего это, позвольте узнать? Нѣтъ, купецъ, подумайте сперва. Нельзя же больше въ такіе годы... Еще — въ дѣтствѣ, изъ любопытства и такъ далѣе... или если увлечешься и

прочее... Но если вы, купецъ, хотите серьёзно спросить меня о чемъ-нибудь, — спрашивайте прямо, безъ обиняковъ, чтобы я могла отвѣтить честно. Не такъ ли?

«Да, онъ думалъ именно такъ, но онъ, видишь ли, не разсчитывалъ вступать въ окончательную сдѣлку. Ему хотѣлось любить сперва немножко...

«— Нѣтъ, мы поговоримъ о любви послѣ свадьбы, — сказала я: — дѣло въ томъ, что я предпочитаю любовь въ законномъ порядкѣ.

«— Ну, конечно, — сказалъ онъ.

«Онъ вѣдь и не думалъ о порядкѣ незаконномъ. Его мысли идутъ именно по законному пути. Онъ всегда полагалъ, что если у него накопится столько средствъ, чтобы содержать жену, — онъ будетъ ее содержать хорошо. Вѣдь надо пользоваться удобствами и удовольствіями, если имѣешь на это средства, — не правда ли?

«— О, да! — замѣтила я.

«Потомъ прибавила, что могла бы и безъ брака обойтись. Конечно, могла бы. Я получаю въ конторѣ семьдесятъ пять марокъ въ мѣсяцъ, въ банкѣ у меня лежитъ около пятисотъ на старость. Но что лучше, то всегда лучше. Главное дѣло — ноги. Онѣ не выносятъ сквозняка, потому что въ нихъ ревматизмъ. Я считаю нужнымъ сообщить ему это, чтобъ онъ потомъ не могъ сказать: «Я не зналъ, что̀ бралъ, когда бралъ тебя!» Другихъ недостатковъ у меня нѣтъ, и если онъ истратитъ въ будущее лѣто марокъ двѣсти на лѣченіе моихъ ногъ, то можно ихъ вылѣчить ваннами, чтобъ послѣ ужъ не было расходовъ на ноги.

«— Да, — сказалъ онъ: онъ дастъ денегъ, если поженимся. Да и что подѣлаешь, если нужно жениться, и если онъ нашелъ какъ-разъ такую надежную женщину, которая не будетъ мѣшать его жизни. Онъ готовъ израсходоваться немножко, ибо по опыту знаетъ, что чѣмъ дешевле купишь товаръ, тѣмъ онъ хуже.

«— Это ваше дѣло. Поступайте, какъ знаете, — сказала я.

«— Домъ у меня готовъ.

«— А бѣлье я сама куплю.

«— И деньги есть, если нужно.

«— Нѣтъ, спасибо, деньги — послѣ свадьбы: это обычная такса.

«— Значитъ, — въ этомъ отношеніи, — все кончено!

«Пусть будетъ, что будетъ, — подумала я. — Особенно плохо не будетъ. То, что нужно дѣлать,—нужно дѣлать во-время. А къ мужчинѣ можно привыкнуть, спустя нѣкоторое время.

Кстати, этотъ богатъ и уравновѣшенъ. Съ этой стороны — нѣтъ ничего особенно плохого, а съ остальнымъ я справлюсь. Не то, чтобъ я не могла быть женою бѣднаго человѣка. Я даже создана для бѣднаго, кажется мнѣ. Я была бы хорошей женой бѣдняка, понимала бы его долю и, безропотно работая, старалась бы улучшить ее. Да, конечно... Но случилось иначе. Тотъ, о которомъ я думала, не обращалъ на меня вниманія. Навѣрно, онъ не зналъ, какія мысли жили въ моей головѣ, не давая годами покоя моему сердцу. «Не думай, — сказала я себѣ, — не думай глупостей, онъ тебя не любитъ!»... — «А вдругъ любитъ?» — думалось иногда. Но если пришлю время выходить замужъ, — нужно выходить. Чего нѣтъ, — такъ нѣтъ. Вотъ именно: нѣтъ, — такъ нѣтъ. Да и мужчинъ много. Никто изъ нихъ не лучше другого. И онъ, тотъ, былъ бы, вѣроятно, тоже не лучше другихъ. Видѣла я, каковъ онъ. Но все же это вспоминается и оставляетъ въ душѣ грусть.

«...И вотъ, я сказала этому, что мужчина долженъ обладать ясной мыслью, долженъ понимать порядокъ жизни, которому онъ подчиненъ. Такъ, напримѣръ, женщина, которую онъ беретъ себѣ, — не требуетъ годового жалованья за свой трудъ; работа, которую жена приноситъ въ домъ мужа, является какъ бы добровольной. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о жалованьѣ. И *это* можно, пожалуй, тоже назвать *любовью*. Понимаетъ ли онъ?

«— Понимаю, вполнѣ понимаю, — отвѣтилъ онъ. Онъ будетъ свободно давать деньги и не станетъ придираться къ мелочамъ. И это тоже можно назвать любовью...

«— Конечно, можно, — сказала я.

«На этомъ дѣло и кончилось. На слѣдующій день мы пошли и купили обручальныя кольца».

Пер. ***Э. Торніайненъ.***

СМЕРТЬ.

Баба Пярскю стояла, подбоченившись, передъ очагомъ, на которомъ, клокоча, кипѣлъ черный кофейникъ. Бобылка Кайса сидѣла на лавкѣ у дверей, причитывала и вздыхала. Самъ Пярскю лежалъ на соломѣ въ углу и боролся со смертью. Его ослабѣвшіе члены дрожали. Уже второй мѣсяцъ онъ почти ничего не пилъ и не ѣлъ. Временами онъ впадалъ въ продолжительную дремоту, и хриплое дыханіе иногда совсѣмъ прекращалось. Ду-

малось — вотъ-вотъ кончится. Но не тутъ-то было. Живучъ бываетъ подчасъ человѣкъ.

Баба, подбоченившись, съ важнымъ видомъ подходила къ умирающему и прислушивалась.

— Еще не кончился. Ну, да пусть себѣ живетъ на здоровье. Успѣетъ еще помереть-то. Тоже вотъ не ѣстъ ничего.

Впрочемъ, втайнѣ она все же хотѣла, чтобы конецъ уже наступилъ. — «Умиралъ бы, что ли, — думала она:—совсѣмъ вѣдь плохъ, маета одна съ нимъ. Прибралъ бы Господь: какой ужъ съ него работникъ».

Такъ думала она теперь, но раньше у нея были и другія мысли. Вначалѣ ей было жалко больного. Съ прискорбнымъ видомъ разсказывала она тогда всѣмъ и каждому, что Пярскю-то все хвораетъ.

— Что же такое съ нимъ?

— Нутромъ что-то недужится.

— Къ доктору не возили?

— Не возили, да и что толку! Коли Богу угодно его прибратъ, такъ противъ рожна не попрешь. А коли дастъ Богъ вѣку, такъ тутъ нечего и докторовъ спрашивать.

Но всему есть мѣра. И баба Пярскю устала отъ жалостныхъ мыслей, когда болѣзнь все затягивалась. Теперь она уже стала ждать того времени, когда коса смерти срѣжетъ изсохшій стебель его жизни. Хорошо, если бы это случилось во-время. У нея осталась бы хорошая память и о мужѣ, и о добротѣ ея собственнаго сердца. Но смерть все не приходила, и этимъ была испорчена мечта о хорошей развязкѣ. Ну, что жъ? Ничего не подѣлаешь.

Съ тайнымъ чувствомъ превосходства здороваго и остающагося въ живыхъ человѣка, стояла баба Пярскю, подпершись бока руками, передъ очагомъ, и смотрѣла, какъ кипѣлъ кофейникъ. Полной грудью вдыхала она ароматный паръ кофе.

— У добрыхъ людей, — толковала она, поджимая губы, — у добрыхъ людей мужъ приноситъ богатство въ домъ. А у меня — коли гдѣ случаемъ сама не ухватишь, такъ и сиди съ пустыми руками.

— Бываетъ, — вздохнула Кайса.

— Кабы не сама, такъ прямо сказать — собачья жизнь была бы.

— Что и говорить.

— Чисто собачья жизнь. Да и теперь не многимъ лучше.

Такъ она говорила, а про себя думала, что дѣло не такъ ужъ

плохо, еще жить можно — она таки скопила себѣ малую толику. Шутка сказать — сотни съ четыре наберется. Она всегда знала, что старикъ умретъ раньше ея. Не припаси она, откуда потомъ возьмешь денегъ, какъ мужа не станетъ? Потому-то у нихъ весь домъ бабой держался: черезъ ея руки шли деньги, у нея и мошна была. Всѣ дѣла баба справляла. Старику и горя было мало—сиди себѣ да точай сапоги; все готовое—и пища, и одежда. Немного ему и надо было, по его работѣ.

Старикъ заворочался и заметался на соломѣ.

— Чего это онъ? Никакъ, мухи заѣли? Али ужъ кончается?

Старикъ потянулся и слегка застоналъ.

— Видно, плохо дѣло, — сказала Кайса.

— И прежде было не лучше.

Однако, она медленно подошла къ больному и наклонилась надъ нимъ.

— Ну что? Никакъ, конецъ приходитъ? Крѣпко же тебя пришибло. Нечего дѣлать — молись Богу да кайся въ грѣхахъ.

Старикъ зашевелилъ губами, намѣреваясь что-то сказать, но не могъ выговорить ни слова.

— Что? Али деньги какія есть, спрятаны гдѣ-нибудь? Ну, говори, говори же толкомъ. Есть?

Она видѣла, что конецъ уже недалеко, и начинала опасаться, что если у мужа были припрятаны кое-какія деньги, то какъ бы онѣ не пропали даромъ. Только бы добиться отъ него, гдѣ онѣ спрятаны, — вѣдь теперь ужъ не-зачѣмъ скрывать.

Она стала трясти умирающаго за плечи, стараясь привести его въ сознаніе и заставить говорить; но онъ не подавалъ голоса. Женщина продолжала его трясти.

Тѣло старика вдругъ окостенѣло и тяжело повисло у нея на рукахъ. Ротъ и глаза остались полуоткрытыми. Онъ былъ мертвъ. Баба спустила его съ рукъ.

— Кончился нашъ Пярскю. О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. Давай-ка, Кайса, осмотримъ его одежду — нѣтъ ли тамъ чего. Навѣрно, что-нибудь да было у него.

Она сняла съ мужа чулки и вывернула ихъ наизнанку. Обшарила нижнее бѣлье, перерыла вмѣстѣ съ Кайсой солому, распорола тряпичную подушку и искала тамъ. Нигдѣ ничего не было. Потъ выступилъ у нея на лбу и струился по ея жирному лицу. Но она все продолжала искать.

— Вонъ его сапоги, — сказала Кайса, указывая подъ лавку.

Подъ лавкой, въ темномъ углу, лежали старые коты. Баба вытащила ихъ оттуда. Пошарила въ одномъ — ничего, пошарила въ другомъ—и тамъ, въ грязной портянкѣ, оказался узелокъ. Она обтерла потъ съ лица и, затаивъ дыханіе, развязала узелокъ.

— Вотъ видишь! Говорила я тебѣ, что у него были деньги. Да и дуракъ бы онъ былъ, коли бы не копилъ. Гляди-ка: цѣлая пятишница да серебра марки двѣ. Ахъ ты идолъ! Вишь ты — покойникъ-то былъ не такъ глупъ, какъ я думала. Тоже, видно, не зѣвалъ.

— Не успѣлъ, чай, и отмолить грѣховъ-то, милая?

— Отмолилъ, небось; какъ не отмолить?

— И то сказать...

— Видно, Богу было такъ угодно, что подумала про эти деньги. А ну, какъ я сожгла бы тряпки-то, али кто чужой ихъ подобралъ бы? Долго ли до грѣха? Ну, да слава Богу—все обошлось благополучно. Однако, снимай-ка, Кайса, кофейникъ съ огня — мы и позабыли про него; какъ бы не перекипѣлъ. Надо же помянуть покойника. И, расправляя скомканную пятимарковую бумажку, она усѣлась на лавку, отерла рукавомъ потное лицо, переводя духъ.

Ея мысли все еще были заняты счастливой находкой. Она съ благодарностью думала о томъ, что покойникъ Пярскю, если и не былъ изъ лучшихъ мужиковъ, то не былъ и изъ худшихъ. Да, вотъ и то времячко прошло, какъ вмѣстѣ жили, — прошло, не воротишь. А мы, Богъ дастъ, и еще поживемъ. Теперь остается только похоронить Пярскю да молиться за его грѣшную душу.

Кайса поставила на столъ чашки, и онѣ принялись за кофе. Ароматная теплота кофе еще болѣе увеличила ихъ благодушное настроеніе. Онѣ вмѣстѣ подняли тѣло на скамью, и Кайса приготовила воду и принялась обмывать покойника, за что ей уже давно была обѣщана марка.

Подпершись бока руками, стояла баба Пярскю и смотрѣла, какъ Кайса суетилась около покойника. Странно ей было видѣть тѣло старика, такое желтое и маленькое, сморщенное и высохшее, точно вяленая щука.

«Ну, и хорошо, что Господь прибралъ наконецъ его. Почивай теперь мирно и благодари Бога, что избавилъ тебя отъ лишней муки,—обращалась она мысленно къ мужу.—Спи себѣ спокойно, Пярскю. Теперь ужъ не болитъ ничего. — Видишь самъ, что хорошее дѣло смерть, когда она приходитъ въ свое время».

Пер. съ финскаго ***О. Вальстремъ.***

СОСѢДИ.

Хорошо созданъ этотъ свѣтъ — слава Создателю! Лучше и не надо. Взять хоть Эсалу. Были тамъ озера подъ горой; рыбы въ нихъ — знай только закидывай неводъ. Были лѣса, старые, высокіе — уходили подъ самое небо, что царскія палаты на столбахъ. По берегамъ рощи густыя, прохладныя. А посрединѣ, по скату горы, луга пышные и пышныя нивы. Взрылъ кое-какъ землю да бросилъ горсть сѣмянъ — и нарастетъ у тебя хлѣба, сколько душѣ угодно.

Мастеръ, большой мастеръ своего дѣла былъ Тотъ, Кто устроилъ этотъ свѣтъ. Надо сказать правду, все къ своему мѣсту приладилъ. Чѣмъ не житье въ этакихъ мѣстахъ? Всего тебѣ вдоволь — не знаешь, какая и нужда бываетъ.

Да и откуда взяться нуждѣ — знай только работай; откуда взяться невзгодамъ — умѣй только жить въ ладу съ людьми.

Да и какъ не ужиться — держись только отъ грѣха подальше. И какіе грѣхи, когда лѣто на дворѣ!

Вотъ и теперь на диво грѣетъ солнышко. Небо ясное, только тамъ и сямъ лѣниво ползетъ небольшое облачко. Грѣетъ-таки. ужъ такъ-то горячо грѣетъ солнышко мать-сыру землю.

Рожь поспѣла — бери серпъ да и рѣжь хлѣбъ Божій.

Эсаія Хуттуненъ пашетъ паровое. Онъ остановилъ свою лошадь на откосѣ горы, отеръ съ лица потъ и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стояла его усадьба.

Среди полей, на пригоркѣ, виднѣлись выкрашенныя въ красный цвѣтъ постройки. Это его владѣнія. На другомъ пригоркѣ, тутъ же рядомъ, находился дворъ брата Петтера.

Брату Петтеру достались ужъ не тѣ поля, что ему: земля у него будетъ покаменистѣе.

Хуттуненъ поторопилъ лошадей — недосугъ застаиваться — и опять пошелъ пахать, то поднимаясь вверхъ по косогору, то спускаясь внизъ. Плугъ пластами выворачивалъ землю, и крѣпкій духъ шелъ отъ чернозема, такъ и дышалъ онъ могучей силой.

Нѣтъ, у брата пашня не такова!

Земли ихъ лежали такъ близко, что поля вплотную подходили одно къ другому. Между дворами была лишь небольшая ложбинка; при покойномъ отцѣ и послѣ они составляли одну усадьбу. Да и теперь было бы такъ, кабы не Петтеръ. Надо же ему было жениться на этой Серафимѣ. Изъ-за нея и вышелъ у нихъ раздѣлъ съ Петтеромъ. Отъ бабы вѣдь пошелъ весь раздоръ на семъ свѣтѣ, это ужъ извѣстно.

Эсаія опять остановилъ лошадь — не могъ онъ не взглянуть еще разъ на Пеккалу.

Тоже окруженныя полями, на такомъ же пригоркѣ, виднѣлись постройки Петтера, выкрашенныя въ тотъ же красный цвѣтъ. Тамъ тоже топили избу, дымъ кольцами поднимался изъ трубы: видно, тамъ, какъ и въ Эсалѣ, хлѣбы пекутъ. Вонъ Серафима тащитъ изъ амбара въ избу кадку съ молокомъ — не иначе, какъ хлѣбы пекутъ. На дворѣ возились ребятишки, кудахтали куры. Хорошъ пѣтухъ у Серафимы! Не худо бы и Софьѣ завести такого.

Съ его двора слышался такой же шумъ. Только что же это такое? Никакъ, Софья опять бранитъ ребятъ.

Вдругъ оттуда послышался неистовый крикъ:

— Эсаія! Эса-аія!

— Чего вамъ? — закричалъ онъ въ отвѣтъ.

— Свиньи изъ Пеккалы залѣзли въ нашъ картофель.

Эсаія оставилъ мерина на бороздѣ, подтянулъ свои холщевые штаны и съ прутомъ въ рукѣ пустился бѣжать по мягкому полю ко двору.

Софья съ ребятами метались по картофельнику, гоняясь за свиньями.

— Я вамъ покажу, какъ по чужимъ огородамъ лазать!

— Вонъ отсюда, поганыя!

Софья гонялась за ними съ хлѣбной лопатой. Руки у ней по самые локти были въ тѣстѣ. Все ея тучное тѣло колыхалось, когда она, въ платкѣ, холщевой рубахѣ и красной юбкѣ, тяжело пыхтя, бѣгала за свиньями.

Свиньи визжали и хрюкали. Эсаія и Софья крякали и пыхтѣли, дѣти кричали отъ радости и напряженія, прыгая въ однѣхъ рубашёнкахъ черезъ картофельныя грядки и гоняясь за большими неповоротливыми животными.

Наконецъ свиньи были окружены, но ихъ не прогнали со двора, а загнали въ хлѣвъ и тамъ заперли.

— Посидите-ка тутъ, сосѣдушки, — сказалъ Эсаія, задвигая засовъ.

— Да поучитесь, какъ ходить по чужой землѣ, — прибавила Софья.

— Не мѣшало бы и людямъ знать, какъ жить въ ладу съ сосѣдями, а не только что свиньямъ, — сказалъ Эсаія, подтягивая штаны.

— Проучи-ка ты, Эсаія, хорошенько этихъ пеккалайскихъ.

— Слѣдовало бы.

— Пошли Тійну сказать имъ пару словъ.

— Слышишь ли, Тійна, — сказалъ Эсаія прислугѣ, которая, съ кочергой въ рукахъ, стояла у дверей избы, — сбѣгай-ка сейчасъ въ Пеккалу.

Тійна бросила кочергу.

— Поди скажи Петтеру, что если онъ сейчасъ же не возьметъ своихъ свиней и не заплатитъ, что слѣдуетъ, за потраву, такъ я его притяну.

— Да спроси, — прибавила Софья, — не видали ли тамъ кошекъ.

Эсаія былъ доволенъ, что ему опять удалось насолить Петтеру.

Онъ зашелъ въ кладовую — благо, было по дорогѣ — и хлебнулъ полкружки кислаго молока.

И весело было у него на душѣ, когда онъ опять вернулся къ своей пашнѣ. Эхъ, хороши стоятъ денечки! Вотъ это лѣто, такъ лѣто! Солнечный свѣтъ, словно чистое золото, лился на землю и несъ съ собой богатство. Досталось и на ихъ долю, нельзя жаловаться.

Досталось и сосѣду, хоть и не такъ много.

Эсаія опять глянулъ въ ту сторону, гдѣ была Пеккала, и увидѣлъ идущую оттуда Тійну.

«Посмотримъ-ка, что теперь скажетъ Петтеръ. Небось, задѣло за живое? Ага, забѣгалъ! Вотъ ужъ и на ребятъ раскричался. Ага, сердишься!»

Эсаія видѣлъ, какъ хозяинъ Пеккалы сейчасъ же пошелъ въ ихъ сторону. Видно, хочетъ на мировую.

Эсаія, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ пахать свою пашню. Не-зачѣмъ торопиться — подождетъ.

Придя во дворъ Эсаіи, Петтеръ принесъ повинную, обѣщалъ дать двѣ каппы * за потраву.

Но Эсаія не соглашался на такую малую плату, требовалъ четыре каппы.

Это было для Петтера слишкомъ много; онъ торговался, давалъ три, но Эсаія не уступалъ.

Такъ какъ не сошлись, то Эсаія ушелъ въ избу и не обращалъ никакого вниманія на Петтера.

Петтеръ сидѣлъ на колодцѣ, курилъ и ждалъ. Торопиться было некуда, потому что день уже клонился къ вечеру. Невелика бѣда. Поспѣть бы только въ баню.

---

* Каппа = $1^2/_3$ гарнца. *Прим. пер.*

Тамъ, въ Пеккалѣ, уже дымилась баня, дымилась баня и въ Эсалѣ. Обѣ бани стояли близко одна отъ другой, подъ горкой, на берегу одного и того же заливчика. Дымъ поднимался дрожащими султанами и таялъ въ неподвижномъ воздухѣ.

Пекка ждалъ Эсаію, но тотъ какъ сквозь землю провалился. Ничего, посидимъ, торопиться некуда: давненько я не бывалъ въ родномъ домѣ. Наврядъ ли и теперь пришелъ бы, если бы не Серафима: она меня уговорила итти уладить ссору да заодно и свое дѣло справить. И то сказать — отчего не уступить, когда нужда заставляетъ; при случаѣ и мы покуражимся.

* * *

Вначалѣ они жили душа въ душу, и жена Эсаіи не показывала своего характера, пока Петтеръ не женился на Серафимѣ. Тутъ и пошло. У бабъ было разное понятіе о жизни: Софья любила кошекъ, Серафима ихъ терпѣть не могла.

Случилось, что Софьинъ котъ забрался въ кладовую Серафимы и вылакалъ сливки изъ кадки, а другую кадку опрокинулъ. То-то была потѣха, когда Серафима на другое утро открыла дверь въ кладовую!

Само собой разумѣется, Серафиму это разсердило. Злая, она велѣла потихоньку извести кота.

Съ этого и началось.

Разсердилась Софья, и когда Серафима спала въ сараѣ, она стала шарить кочергой подъ сараемъ и кричать: кись! кись!

Конецъ миру—пошли безпрестанныя ссоры, всѣмъ стало невтерпежъ. Когда бабы начнутъ ссориться, нѣтъ конца выдумкамъ. Софья теперь звала Петтера не иначе, какъ Картавымъ, Петтеръ — на то была воля Божья — не могъ выговорить «р». А Софьины ребятишки, когда Петтеръ шелъ по двору, принимались жужжать, словно прялка: ррр . . .

Пришлось Пеккѣ со своей семьей уходить, и они свили себѣ гнѣздо въ Пеккалѣ.

Потомъ понадобилось поставить межевую изгородь между сосѣдями, и каждый изъ братьевъ при свидѣтеляхъ грозилъ другому, что если къ такому-то дню изгородь не будетъ готова, то онъ притянетъ его къ суду. И такъ оба въ сердцахъ принялись за работу: одинъ съ одного конца, другой съ другого. И когда посрединѣ они сошлись, то отъ злости ни словомъ не обмѣнялись другъ съ другомъ. Они нарочно прошли мимо, и ни тотъ, ни другой не прервалъ своей работы. Явились рядомъ двѣ изгороди

изъ молодого ельника, отъ одного межевого столба до другого, такъ близко другъ къ дружкѣ, что и поросенокъ насилу прошелъ бы между ними. У дороги каждый сдѣлалъ ворота; одинъ выкрасилъ ихъ въ красную краску, другой въ синюю.

Но рыбы въ озерахъ попрежнему плавали вмѣстѣ. Разъ весной кто-то изъ пеккалайскихъ нашелъ свою мережу на берегу. На другой день мережи эсалайцевъ оказались на вершинѣ самой высокой ели и были биткомъ набиты хворостомъ. Потомъ однажды Эса привелъ самого засѣдателя на овсяное поле, вытоптанное овцами Петтера, и Петтеру пришлось заплатить цѣлый гектолитръ штрафу.

Теперь вотъ эта новая исторія. Подавай ему четыре каппы за свиней, а тѣ не только что ничего не поѣли, даже камушка рыломъ не тронули.

А что, если бы напомнить Эсаіѣ про тотъ свѣтъ? Что бы онъ на это сказалъ? Разсердился бы, небось.

Надо сказать, что разъ Эсаія захворалъ; боялся онъ, что помретъ, и отошло у него сердце со страху. Позвала Софья попа, и попъ сказалъ за вѣрное, что это конецъ приходитъ. Самъ Эсаія не вѣрилъ и спорилъ съ попомъ. Но попъ стоялъ на своемъ и велѣлъ Эсаіѣ, пока не поздно, вспомнить свои грѣхи и покаяться. Эсаія сказалъ, что не помнитъ никакихъ особенныхъ грѣховъ; но тутъ вмѣшалась Софья и принялась пересчитывать всѣ эти исторіи съ мережами и прочее. Пришлось Эсаіѣ обѣщать попу, что онъ будетъ просить прощенія у пеккалайскихъ. Позвали потомъ Петтера и Серафиму въ Эсалу, къ Эсаіѣ въ комнату, гдѣ онъ готовился къ смерти и покаянію. Бабы плакали о немощахъ человѣческихъ и о скверны грѣховной, а Эсаія просилъ у всѣхъ прощенія, просилъ, чтобы не поминали его лихомъ, — вѣдь всего бывало, нечего грѣха таить; чего бы лучше, коли бы съ самаго начала въ ладу жили.

— Чего бы лучше, коли бы въ ладу, — соглашался Петтеръ.

— Кабы вотъ знать напередъ-то, — сказалъ Эса.

— Какъ тутъ узнаешь, — подхватилъ Петтеръ. — Не надобно было тебѣ дѣлать этой изгороди. Одна глупость изъ этого вышла. На прошлой недѣлѣ пропала у насъ овца. Ужъ мы искали-искали ее, жалѣли-жалѣли. Вчера — глядь — лежитъ мертвая между изгородями.

— Чортъ ли вамъ велѣлъ оставить ворота открытыми? — Не дѣлать изгороди! Ишь ты! Вѣдь не я же твою овцу укокошилъ. — Я и кошки-то чужой не тронулъ, а не только что овцы.

— Ишь ты, — зашипѣла Серафима. — Тоже умирать собрался.

— И не думалъ; кто вамъ сказалъ?

Эса поднялся со своего мѣста.

Пришлось пеккалайскимъ уйти. Такъ ничего и не вышло изъ всей этой половской затѣи — одна глупость. А Пекка потомъ смѣялся, и это сердило Эсу.

* * *

Пекка все сидѣлъ на колодцѣ да курилъ свою трубку, а Эса словно сквозь землю провалился. Вотъ ужъ Софья прошмыгнула мимо съ подойникомъ въ рукѣ и даже не взглянула на Петтера. Тійна развела огонь въ коровникѣ, и оттуда послышалось мычанье коровъ.

Вотъ ужъ и въ Пеккалѣ задымился коровникъ, видно, какъ Серафима идетъ доить коровъ, а ребятишки бѣгутъ за ней слѣдомъ.

Во дворъ вошелъ засѣдатель и поздоровался съ Петтеромъ.

— Какими судьбами? — спросилъ засѣдатель.

— Да вотъ свиньи залѣзли въ огородъ.

— А ты бы ихъ хворостиной.

— Да свиньи-то мои.

— Ага!

— Лишнее хочетъ взять за нихъ, будь свидѣтелемъ.

Эсаія увидѣлъ засѣдателя и подошелъ поздороваться.

— По службѣ никакъ?

— По службѣ. Зашелъ на перепутьѣ.

— Разсуди-ка заодно насъ съ Петтеромъ: его свиньи, вишь...

— Заплачу и такъ.

— Будто бы?

— Хочешь три каппы?

— Безъ четырехъ не помирюсь.

— Ну, ладно, такъ и быть. Посылай хоть сейчасъ Тійну, получай свою картошку.

— Эй, Софья! — крикнулъ весело Эсаія въ коровникъ, — пошли-ка Тійну въ Пеккалу — получить четыре каппы картошки. Да свари-ка ты намъ къ ужину картофельной каши.

— Свиней-то выпустишь?

— Отчего не выпустить? Выпущу.

— Будь свидѣтелемъ, — сказалъ Петтеръ засѣдателю. — А тебѣ, другъ любезный, скажу при томъ же свидѣтелѣ: подавай-ка

пять марокъ за мерина, что забрался на наше поле. Не заплатишь — отвѣтишь по закону.

— Ахъ ты, чортъ побери!

Петтеръ засмѣялся, набилъ трубку и затянулся такъ, что даже носъ у него зашевелился. Эсаія чесалъ за ухомъ, плевался, семенилъ ногами. Экая досада!

— Охъ ужъ мнѣ эта скотина! — простоналъ онъ.

— Не дай Господи! Одна мука съ ней, — подтруниваль Петтеръ.

— А?

— Вотъ тоже ихній котъ бѣгаетъ черезъ заборъ къ чужимъ кошкамъ.

Эсаія еще пуще разозлился и сказалъ:

— А какъ ваше вороньe по ночамъ пойдетъ каркать на нашихъ поляхъ, такъ только трескъ идетъ — всю ночь глазъ не сомкнешь. Ага!

— А какъ у тебя совѣсть затрещитъ, такъ ничего спишь, небось.

— Что?

— Однако, разъ такъ затрещала, что прощенья сталъ просить.

— Вретъ онъ все. Будь свидѣтелемъ. Чтобы я у васъ сталъ просить прощенія! Вотъ еще! Вотъ ужо отвѣтишь за этотъ поклепъ. Спроси-ка засѣдателя, — хрипѣлъ Эса.

Но Петтеръ поднялся съ мѣста и отправился домой.

Былъ уже вечеръ, когда Петтеръ, не спѣша, шелъ къ своему дому, покуривая трубку.

Солнце опускалось за заливъ, золотя спѣлую рожь на поляхъ Пеккалы; снопъ яркихъ лучей изъ окна пеккальскаго дома шелъ къ Эсалѣ. Изъ окошекъ обѣихъ бань курился тонкій паръ, подымаясь къ ясному вечернему небу.

Тихо было все кругомъ; безмолвно стояли лѣса и острова, отражаясь въ гладкой поверхности озеръ.

Да, хороши, хороши мѣста! Лучше и желать нельзя.

Пер. ***О. Вальстремъ.***

О. МАННИНЕНЪ.

МИНУВШІЙ ДЕНЬ.

Сѣрыя сумерки мглою
Окна закрыли.
Тамъ, за рѣкою
Говоръ и топотъ застыли.
Вижу, въ вечернюю пору
Путникъ усталый
Скрылся за гору.
Гдѣ же платочекъ мой алый?
Кто и куда исчезаетъ?
Слѣдъ придорожный
Не отвѣчаетъ.
Тайну узнать невозможно.
Сердце томительно бьется,
Словно больное.
Можетъ, вернется
Алый платочекъ весною?
Вижу сквозь слезъ покрывало
Полосу свѣта.
Въ душу запало
Горе давно безъ просвѣта.
Скрылось свѣтило дневное,
День уже дожитъ,
Какъ бы его я
Ни звалъ, вернуться не можетъ.
Красный платочекъ чудесный
Вечеромъ яснымъ
Въ сини небесной
Скрылся мгновеньемъ прекраснымъ.
Знаю, навѣки ушла ты,
Вмѣстѣ съ тобою
Многое взято
Неумолимой судьбою.

В. Аренсъ.

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ ЛѢСОВЪ.

Человѣкъ, дубравъ населникъ, —
Чащъ хозяинъ непробудныхъ.
Знаетъ лѣсъ, куда отшельникъ
Отъ селищъ уходитъ людныхъ.
Безпредѣленъ путь зеленый
По дремучимъ цѣлинамъ,
И мелькаетъ челнъ долбленый
По зыбучимъ быстринамъ.

Лѣсовикъ бы въ тѣхъ трущобахъ
Заблудился, гдѣ кочуетъ
Тотъ, что въ дѣвственныхъ чащобахъ
Ставитъ срубъ и пни корчуетъ.
Безъ опаски, безъ оглядки,
Гость нехоженыхъ путей,
Вѣритъ онъ своей догадкѣ,
Волей водится своей.

По рѣкѣ многоозерной
Поплыла щепа да стружки:
Завелись, гляди, сосѣди, —
Забирайся далѣ въ глушь!
Глубже, глубже въ боръ просторный!
Утони въ дубравномъ бредѣ —
До поры, какъ изъ опушки
Выйдетъ Смерть, вожатый душъ!

Вяч. Ивановъ.

В. А. КОСКЕННІЕМИ.

У КОСТРА.

Мнѣ видится Каіафы темный дворъ,
Ночь въ Іудеѣ, говоръ суетливый...
Среди толпы — пылающій костеръ
И нѣкій мужъ угрюмый, молчаливый.

Приблизивъ руки къ огненнымъ углямъ,
Онъ тщетно душу грѣетъ человѣчью,
Отвѣтствуя докучливымъ рѣчамъ
Испорченною іудейской рѣчью:

«Не галилеянинъ я, люди, нѣтъ!»
Плащомъ покрыта голова сѣдая;
Костеръ на камни стелетъ желтый свѣтъ,
И медлитъ ночь, какъ будто выжидая...

«Не галилеянинъ я, люди, нѣтъ!»
Пропѣлъ пѣтухъ. Зари пылаютъ розы...
Старикъ встаетъ, уходитъ, слабъ и сѣдъ,
Вотъ оглянулся и глотаетъ слезы.

Отчаянье! Ты человѣку въ грудь
Палящее свое вонзаешь жало
О, чья душа хоть разъ, когда-нибудь,
Своихъ святынь въ слезахъ не предавала?

О, галилеянинъ! Къ чужимъ кострамъ
Кто въ холодѣ ночномъ не приближался?
Мы—плоть и кровь твоя, второй Адамъ!
Кто въ оный часъ съ тобой не отрекался?

В. Ходасевичъ.

NOCTURNE.

Смолкли птицы, тихо спитъ равнина,
Солнце медлитъ у черты заката,
Чуть дрожатъ стыдливыя осины,
Грезами блаженными объяты.

Стихъ работы шумъ неутомонный,
Спятъ поля въ дали необозримой, —
Только флюгеръ бодрствуетъ, безсонный,
Надъ тоской минутъ, идущихъ мимо.

Въ прошлое глядитъ пытливо, строго,
Заодно съ душой моей усталой...
Предано забвенію такъ много...
Ночь подходитъ. А сбылось такъ мало.

Т. Кладо.

Л. ОНЕРВА.

НЕ СТРАШУСЬ.

Не страшусь, пускай могила
Надо мной простерла сводъ:
Знаю — мощной мысли сила
Изъ могилы путь найдетъ.

Не страшусь, пусть вечеръ алый
Озаряетъ небосклонъ:
Тѣнь улыбки самой малой
Въ книгу впишется временъ.

И замолкшій духъ изъ бездны
Зазвучитъ издалека,
Упадая ливнемъ звѣзднымъ
На грядущіе вѣка.

А. Блокъ.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРЕДЪ РОДОМЪ.

Отвѣтственность предъ родомъ! — ты
Всегда — моя забота!
Я знаю: обо мнѣ въ глуши
Далеко плачетъ кто-то,
И труженикъ сѣдой ведетъ
Свой плугъ среди болота.

Тамъ бѣдный, блѣдный людъ сидитъ
Во мглѣ, въ сырой избушкѣ.
За вѣкомъ вѣкъ, предъ нимъ все то жъ:
Ночь, холодъ, скалъ верхушки,
Лучъ солнца (золото его),
Да нѣжный крикъ кукушки.

О, Боже! сжалься, наконецъ,
Надъ этой жизнью бѣдной,
Которой властвуетъ — Морозъ,
Подъ вой волковъ побѣдный.
Храни меня, какъ первый цвѣтъ
Изъ рода ночи блѣдной!

Шаги мои оберегай,
Отцовъ стѣна святая!
Мнѣ сердце возвеличь, Господь,
Мой разумъ просвѣтляя!
Души гдѣ корни — отнесу
Все, что сберу, туда я!

Все отнесу назадъ, туда,
Гдѣ родъ мой терпитъ горе,
Гдѣ бродитъ у глухихъ озеръ
Бѣднякъ, съ тоской во взорѣ!
Онъ отдохнетъ, когда свое
Мнѣ передастъ онъ горе!

В. Брюсовъ.

Р. ЭКЕЛУНДЪ.

ТЕМНАЯ СТРАНА.

Чуть видный дождь надъ кровлей капли сѣетъ,
Все гуще мракъ, унылый вечеръ мглистъ.
Я у окна внимаю вѣтра свистъ;
А за листомъ, какъ снѣгъ, летитъ, крутится листъ...
Унылъ и нагъ, осенній паркъ сѣрѣетъ.

Но вотъ изъ тьмы бредутъ воспоминанья,
И вотъ въ душѣ толпа ихъ расцвѣла.
Я вижу край, гдѣ царствуетъ молчанье,
Гдѣ жизнь застыла, словно умерла.
Я вижу топь и негустыя сосны,
Гдѣ эхо не пошлетъ отвѣтъ звонкоголосный;
Замерзшій фьордъ подъ вѣтромъ леденящимъ;
Рядъ карликовъ-березъ на берегу,
И солнце зимъ, что мигъ лучамъ блестящимъ,
Чтобъ вновь уйти, играетъ на снѣгу;
Огромный боръ, гдѣ соснамъ пригибаться
Приходится въ уборѣ снѣговомъ,
И жизнь тѣхъ селъ, гдѣ зимы вѣчность длятся,
Съ морозомъ лютымъ, съ инеемъ и льдомъ.
И вижу я народъ неутомимый,
Въ борьбѣ со тьмой и съ сумракомъ нужды,
Въ нѣмомъ отчаяньи... Проходятъ мимо, мимо,
Всѣ радости, и лишь — одна, неумолимо,
Приходитъ: — Смерть, награда за труды!

Да, вижу я народъ, живущій жаждой
Весны, весны, что все не настаетъ!
И горше жизнь и годъ труднѣе каждый,
Съ неслабнущей и безнадежной жаждой
Весны, — что никогда не расцвѣтетъ!

ЯРЛЪ ХЕММЕРЪ.

ПОДЪ ЧЕРЕМУХОЙ.

Вѣтви склоняютъ близко,
близко
Къ намъ бѣлоснѣжный свой букетъ,
Вѣтры качаютъ низко,
низко
Нѣжныхъ душистыхъ кистей расцвѣтъ.
Вѣтеръ овѣялъ ласковый ликъ
И къ черемухѣ онъ приникъ,
Къ свѣтлой невѣстѣ юной,
юной.
Крылья блестятъ голубыхъ стрекозъ,
Вѣтви бѣлыя шумно,
шумно
Вьются по вѣтру, какъ пряди косъ.
Счастье мое, обнимаю тебя.
Радость и жизнь восхваляю, любя!

В. Аренсъ.

I. СИЛЬЕ.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ.

Какъ много листьевъ осени, какъ много,
Съ печатью горькой, скорбной красоты,
Оборвано тобой забавы ради!
И вотъ по нимъ ступаешь ты, не глядя:
Играя, ты спѣшишь своей дорогой,
Играя, на смерть ранишь ты.

Но эти листья легче и вольнѣе,
Чѣмъ шагъ твоей побѣды. Часъ пробьетъ, —
Не поспѣшишь, дитя земного гнета,
Къ осеннимъ играмъ, а они, безъ счета,
Придутъ къ твоей могилѣ, чтобъ надъ нею
Вести веселый хороводъ.

Т. Кладо.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СОСТАВИЛЪ В. М. СМИРНОВЪ.

Прилагаемый библіографическій указатель отнюдь не претендуетъ на полноту: онъ ограничивается, главнымъ образомъ, толстыми журналами и отдѣльными изданіями послѣднихъ 30—40 лѣтъ и оставляетъ въ сторонѣ какъ газетную, такъ и всю тенденціозную, враждебную Финляндіи, литературу, при чемъ рѣдкія исключенія сопровождаются оговорками *. Подробный, но неполный перечень литературы о Финляндіи на русскомъ языкѣ (главное мѣсто въ немъ занимаетъ наша реакціонная печать) даетъ „Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи, собранныя М. Бородкинымъ. Спб. 1902", 333 стр. и продолженіе „Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи. 1901—1913. Петроградъ. Государственная Типографія", 823 стр.

Въ перечнѣ финляндской изящной литературы, которая занимаетъ въ нашей „библіографіи" первое мѣсто, отмѣчаются, по возможности, всѣ переводы и изданія даже однѣхъ и тѣхъ же вещей, отчасти для того, чтобы читатель могъ судить, какія произведенія имѣли у насъ наибольшій успѣхъ.

СОКРАЩЕНІЯ.

„В. Е." — „Вѣстникъ Европы".
„В. И. Л." — „Вѣстникъ Иностранной Литературы".
Г. Т. — Государственная Типографія **.
„Ж. М. Н. П." — „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія".
„М. Б." — „Міръ Божій".
„Р. М." — „Русская Мысль".
„Р. Б." — Русское Богатство".
„Совр." — „Современникъ".
„С. М." — „Современный Міръ".
Прочія сокращенія не требуютъ особыхъ объясненій.

I. ФИНЛЯНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Алкіо. Изъ-за короба. Разсказъ. Перев. съ финск. В. Фирсова. „М. Б." 1896, № 2, 77—81. То же. „В. И. Л." 1898, № 4, 199—204. Отецъ. въ Америкѣ. Разсказъ. Перев. В. Фирсова. „М. Б." 1896, № 2, 81—86.

---

* Мелкія замѣтки, рецензіи, упоминанія о финляндскихъ дѣлахъ (во „внутреннихъ обозрѣніяхъ") и т. п. въ журналахъ, также не вошли въ указатель.

** Въ Государственной Типографіи печатались изданія Комиссіи для систематизаціи финляндскихъ законовъ, ставившей своею цѣлью полнѣйшее уничтоженіе финляндской автономіи и обрусеніе всей страны.

Аренбергъ, Яковъ. Въ шхерахъ. Картины изъ жизни восточной Финляндіи. Перев. Л. Г. „Р. М." 1900, IX, 155—164. Лѣсной барышникъ. Разсказъ изъ финскаго быта. „Трудъ" 1894, №№ 10, 11, 12; 164—172, 420—438, 606—668. 1895, №№ 1, 2, 160—192, 416—442 Семья Хапакоски. „Рус. Бесѣда" 1906.

Ахо, Юхани. Въ глуши Финляндіи. Романъ въ двухъ частяхъ. Пер съ финск. В. Фирсова. „Русск. Вѣстн." 1895, V—VIII (Приложеніе), 280 стр. (соединены два романа: „Дочь пастора" и „Жена пастора"). То же. Приложеніе „Свѣта", 1895, № 10. Изъ страны тысячи озеръ. Выселокъ. Повѣсть. Перев. М. К. Аргамаковой. Спб., 1896. 18 стр. — Отверженный, разсказъ, перев. съ финск. П. Морозова. „М. Б." 1897, №№ 6, 7; 78—92, 119—137. — Ю. Ахо. Одинокій. Пер. А. Койранскаго. М., 1908. Изд. В. М. Саблина. 199 стр. 2-ое изд. М., 1909. Разсказы. Пер. съ финск. И. М. Питкенена. Изд. П. Ѳ. Пантелѣева. Спб., 1901 (4-й сборникъ „Стружекъ". Ю. Ахо, 94 стр. Въ ту же книгу входятъ Гейерстамъ: „Комедія брака" и А. Стриндбергъ: Разсказы). — Старикъ съ косы. Пер. Л. Г. „Р. М." 1900, VIII, 83—90. — Не измѣнилъ. Ib. 1900, XI, 124—134. — Гаси свѣтъ, а я снова буду зажигать его! Мать. Ib. 1901, XII, 155—159. — Любовное письмо. Перев. В. Фирсова. „В. И. Л." 1898, № 3, 213—221. — Весна весны. Одни. Ib. 1905, № 4, 153—156, 164—168; № 11. — 5 разсказовъ. Пер. О. Тернквистъ. Ib. 1911, № 11, 171—194. — Когда бъ чиновникомъ я былъ! Ib. 1913, № 9, 152—155. — Еще разсказы: „Дѣло" 1887, № 3; „М. Б." 1896, № 2, 73—76. — „Финляндія", 1909, №№ 5, 12. — Перев. В. Смирнова: „Пет. Жизнь", 1899, № 355 1901, № 572; „Жив. Обоз." 1899, № 28, 31, 49; 1900, № 8, 10, 12; „Сѣверъ", 1902, № 4; „Сѣв. Кур." 1899, № 8 (Прилож.); сборн. „Отечество", П-градъ, 1916. Т. I, 67—71. — „Рус. Вѣд." 1895, № 164, 175. — Юха. Повѣсть. Сокращен. перев. съ финск. Е. Благовѣщенской „Соврем." 1914, нояб., дек., 30—63, 43—78. Совѣсть. Повѣсть Перев. съ финск. М. Благовѣщенской. „Р. М." 1916, XI (129—180) и XII. (43—82).

Бергъ, Джонъ. — Олафъ Грэнъ. Картины изъ студенческой жизни въ Гельсингфорсѣ. Пер. со шведск. А. А. Соколовой. „В. И. Л." 1907, № 6, 185—206; № 7, 89—112; № 8, 204—229; № 9, 189—212.

Бергъ, Н. — Пѣсни разныхъ народовъ. М., 1854. (Нѣсколько финскихъ пѣсенъ.)

Векселль, Іосифъ. — Даніель Йуртъ. Трагедія. Пер. со швед. І. Ш—ко. Спб., 1883. 87 стр.

Вилькуна, Кіэсти. — Приговоръ приведенъ въ исполненіе. Съ финск. Вяч. Б. „В. Е." 1908, № 12, 653—658.

Грипенбергъ, Бертель. — У вратъ мрака. Повѣсть. Пер. со шведск. Е. Благовѣщенской. „С. М." 1911, № 12, 127—159.

Ернефельтъ (Гернефельдъ, Іернефельтъ, Ярнефельтъ), *Арвидъ.* — Родина. Романъ. Пер. съ финск. П. Морозова. „М. Б." 1894, №№ 8—12; стр. 114—142, 90—122, 46—65, 73—98, 47—73. — Три судьбы. Повѣсть. Пер. съ финск. М., 1904. 136 стр. — Дѣти земли. Пер. съ финск. М. Благовѣщенской. „Р. М." 1906. XI, 103—190. Отдѣльно. — Чада земли. Изд. „Посредника". 1908. 110 стр. То же. Пер. съ финск. Ад. Пулькиненъ. „С. М." 1906, №№ 1—2 (окт., нояб.), 207—

238, 155—194. — То же. Пер. съ финск. Эд. В. „В. И. Л." 1908, №№ 1—4; стр. 272—281, 175—191, 249—264, 155—172. — Титъ. Драма въ 5 дѣйств. Берлинъ. Изд. И. Ладыжникова. 90 стр. — Въ мірѣ безмолвія и мрака. Сынъ свѣта и счастія. Пер. съ финск. Э. Торніайнена. „М. Б." 1904, № 9, 97—104. — Послѣдняя трапеза. „Нива" 1908. Прилож. № 3, 429—436. — Дѣти свѣта и счастья. Пер. съ финск. Б. К. Леонтьевой. „В. И. Л." 1911, № 8, 274—277. — Странствованіе ангела. Ib. 1905, № 12, 76—83.

Ингманъ, Сантери. — Жиличка. Разсказъ. Пер. В. Фирсова. „В. И. Л." 1898, № 3, 221—224. — 1. Безхвостый теленокъ. — 2. Ржаной кофе. Пер. съ финск. П. Морозова. „М. Б." 1901, № 11, 233—235.

Кантъ, Минна. — Въ воскресный день. Разсказъ. Пер. В. Фирсова. „В. И. Л." 1898, № 4, 189—194.

Калевала. — Финская народная эпопея. Пер. Л. Бѣльскаго. Спб. 1888. 614 стр.

Калевала. — Финскій народный эпосъ. Пер. Л. Бѣльскаго (Памятники міровой литературы). М., 1915. Изд. 2-ое, М. и С. Сабашниковыхъ. XXX + 428 стр.

Калевала. — Финскія народныя былины. Перев. Л. П. Бѣльскаго. Избранныя мѣста для юношества. Въ стихахъ. Изд. Ступина. М., 1905. 300 + II стр. съ рис.

Калевала. — Финская народная эпопея. Русская классная библіотека подъ ред. Чудинова, вып. XXIV. Изд. Глазунова. Спб. 1902. 150 стр. 1 рис.

Калевала. — Финская народная эпопея. Передалъ Э. Грантстремъ. Изд. 3-е. Спб., 1910. VI + 384 стр. Съ 40 рис.

Калевала. — Финскія народныя былины для юношества. Пересказалъ Н. А. Борисовъ. Изд. 2-е, Луковникова. Спб., 1898. 139 стр. Съ рис.

Калевала. — Финскій народный эпосъ. Пѣсни о Куллервѣ. Перев. С. В. Гельгренъ. М. 1880. IV + 72 + II стр.

О книгѣ: Главныя черты древней финской эпопеи „*Калевалы*" Морица Эмана. Г—форсъ, 1847. *В. Бѣлинскій*: Сочиненія, т. XI, 283—291. Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Каупись, Хейкки. — Послѣ смерти матери. Пер. В. Фирсова. „В. И. Л." 1898, № 4, 205—213.

Киви, А. — Отрывокъ изъ романа „Семь братьевъ", сборн. „Отечество" т. I, 49—67. Перев. В. Я.

Кіанто, Ильмари. — Малышъ-бѣдняга. Съ финск. Вяч. Б. „Финляндія" 1909, № 18. 587—593.

Коринфскій, А. А. — Изъ поэтовъ Финляндіи. Сборн. стихотвор. „Поздніе огни", стр. 596—613. Спб., 1912. (Стихотворенія Рунеберга, Оксанена, Топеліуса, Эркко, Стенбека, Ларинъ Кіэсти, Нервандера, Э. Лейно, Линда, Тавастшерны.)

Koskenniemi, V. A. — Лѣтняя ночь на кладбищѣ. Пер. съ финск А. Куприна. „С. М." 1912, № 5, 32.

Кэркэйненъ, Вики. За годъ. Стихотворенія въ прозѣ. Съ финск., Вяч. Б. „Финляндія", 1909, №№ 8, 9; 153—157, 193—196.

Лейно, Эйно. — Яна Рёнтю. Романъ. Съ финск. Вяч. Б. „В. Е." 1908, №№ 11, 146—191.

Линнанкоски, Іоганнесъ. — Огненно-красный цвѣтокъ. Пер. съ финск. А. Богенгардта. М., 1912. К-ство „Сфинксъ". 354 стр. Отрывки изъ этого произведенія. Пер. Вяч. Б. „Финляндія", 1909, №№ 5, 6, 11. 20. — „Драма крестьянина". Повѣсть. Пер. съ финск. М. П. Благовѣщенской. „Сѣвер. Зап.", №№ 1—3, 48—84, 65—97, 38—71. Отдѣльно: „Универс. Библ." М., 1916.

Новичъ, Н. — Поэты Финляндіи и Эстляндіи. Спб., 1898, 159 стр., (Стихотворенія Рунеберга, Франсена, Топеліуса, Стенбека, Таваствшерны, Векселля, Любека, Суоніо, Каяндера и др.).

Пейверинта (Пэйверинта), Піэтари. — Картинки изъ жизни и разсказы. Пер. Е. М. „В. Е." 1884, № 10, 731—776. — Деревенскіе разсказы. Очерки изъ быта Финляндіи. Пер. со шведск. Изд. В. И. Веселовскаго. М., 1886. 117 стр. — Попутчикъ. Разсказъ. Изд. „Посредника". М., 1887 и 1895. 34 стр. — Разсказы изъ финляндскаго житья-бытья. М., 1892. 89 стр. — Старая нищенка. Разсказъ. Перев. А. И. „М. Б." 1892, № 10, 54—73, и отдѣльно: М., 1893. 36 стр. — Нѣсколько разсказовъ въ сборникѣ „Новости Иностр. Лит." 1895, № 6. — Загубленная жизнь или исповѣдь пьяницы. Разсказъ изъ жизни финскихъ крестьянъ. М., 1912. Изд. „Посредника", 2-е. 63 стр. — Выселокъ. Разсказъ. М., 1911. Изд. „Посредника". 32 стр. — *Päivärinta, Pietari.* — Финскія новеллы. Пер. А. Б. Головина, съ иллюстраціями. Изд. Столичнаго К-ства. Спб., 64 стр.

Рейоненъ, Юхо. — Какъ посватался Каапери. Разсказъ. Перев. съ финск. С. Г. „Русск. Обозр.", 1894, № 3, 319—327. — Въ голодный годъ. Разсказъ. Перев. В. Фирсова. „В. И. Л." 1898, № 3, 225—231.

Рудневъ, Я. И. — Родная страна въ родной поэзіи. Сѣверный край. Финляндія. Спб., 1908. 44 стр. (О Финляндіи стр. 29—44. Стихотворенія Рунеберга, Топеліуса, Квантена, Оксанена, Стенбека, Любека).

Рунебергъ, І. Л. — Стихотворенія въ переводахъ В. Головина и Я. Грота печатались въ періодическихъ изданіяхъ. — Мелкія стихотворенія изъ Рунеберга. Перев. со шведск. В. Головина. Спб., 1862. 30 стр. — 4 пѣсни изъ „Разсказовъ Фенрика Столя" въ переводѣ В Головина. Подъ редакціей Георгія Фрасера. Гельсингфорсъ, 1905. Изд. Г. В. Эдлунда. — Кульневъ. Скальдъ. Вечеръ на Рождество. Поэмы: „Стрѣлки лосей" и „Надежда" (изложеніе содержанія и переводъ). Ст. „О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народовъ во внутренности края". Я. К. Гротъ: „Труды", т. I. — Сочельникъ въ лоцманской избѣ. Разсказъ. „В. И. Л." 1895. № 12, 89—93. — Изъ „Разсказовъ прапорщика Столя". Братъ тучи. Со шведск. В. Лебедевъ. „В. Е." 1905, № 6, 558—566. — Много стихотвореній въ сборн. „Поэты Финляндіи и Эстляндіи" (см. выше). — Король Фьяларъ, поэма въ V пѣсняхъ. Пер. Д. Садовникова. „Огонекъ" 1881, №№ 12—16. — Двѣ поэмы Рунеберга. „Нива", прилож. 1898, № 4, 657—663. — „Нашъ край", пер. Л. Крижицкаго. Рождественскій вечеръ (3-я пѣсня), пер. Г. Я. въ сборн. „Отечество", т. I, 34—49.

Сетеле, Хельми. — Дитя горя. Перев. съ финск. М Благовѣщенской. „Р. М." 1906, VI, VII; 37—64, 45—69. То же отдѣл. „Универс. Библ."

М., 1911, 76 стр., изд. 2-е М., 1911, изд. 3-е М., 1915. — Юноша и смерть. Съ финск. Вяч. Б. „Финляндія", 1909, № 7, 262—265.

Тавастшерна (Тавастьерна). — Мать и сынъ. Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ. Пер. со шведск. В. Фирсова. Спб., 1897. 288 стр. — Импрессіонистъ. Разсказъ. Пер. А. Линдегрена. „Трудъ", 1893. № 6, 627—653. — Безъ словъ. Новелла. — Сказка объ утренникѣ. „Р. М." 1900, VIII, 62—69. — „Марія". Ib. 1901, XII, 149—155.

Тегенгренъ, Я. — Ночь. Пер. со шведск. М., 1909. Изд. Н. Н. Семенова, 7 стр.

Топеліусъ, З. — Юнгарсы. Историческій романъ. Пер. со шведск. А. Полтарацкой. Изд. А. Мамонтова. М., 1898. 30 стр. — Регина фонъ Эмериць. Драма. Орелъ. 1898. 124 стр. (Пер. со шведск. А. Полторацкой). — Разсказы фельдшера. Пер. со шведск. М. Благовѣщенской. Съ рис. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. 305 стр. — Сказки Пер. со шведск. М. Гранстремъ и А. Гурьевой. Спб., 1882. 108 стр. Изд. 2-е 1886. 158 стр. — Сказки. Пер. М. Гранстремъ. Изд. 4-е. Спб., 1908. 237 стр. Съ рис. — Сказки. Изд. Аскарханова. Спб., 1897. 254 стр. съ рис. (Отдѣльно изданы нѣкоторыя сказки). — Сказки. Пер. М. Благовѣщенской. Изд. М. Вольфа. 226 стр. съ рис. — Избранныя сказки. Пер. М. Благовѣщенской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Съ рис. Книжка 1-я. 1909. 97 стр. Изд. 2-е. 1912. Книжка 2-я. 1909. 101 стр. Изд. 2-е. 1913. (Нѣкоторыя сказки изданы отдѣльно). — Сказки и разсказы въ пер. В. Смирнова: „Родникъ". 1900. Сент.; „Жив. Об." 1898, № 11; „Сѣверъ" 1899, № 18, 26; „Сынъ От." 1899, прилож., №№ 10—14: „Мір. Отголоски" 1897, № 349. „Нива" 1901, № 51 — Стихотворенія въ сборн. „Поэты Финляндіи и Эстляндіи". — Битва подъ Варшавой. Изъ „Разсказовъ фельдшера". Пер. М. Благовѣщенской, „Свобод. Журн." 1915, № 1, 71—96.

Туоми, Отто. — На небо. Разсказъ. Пер. съ финск. В. Фирсова „В. И. Л." 1898, № 4, 213—216.

Хаггренъ-Іотуни, Марія. — Луиза Эманъ. Разсказъ. Съ финск. Вяч. Б. „Финляндія" 1909, № 7, 124—126.

Худяковъ, И. А. — Матеріалы для изученія народной словесности. Санктъ-Петербургъ, 1863: Образцы финскихъ сказокъ, 50—127.

Циліакусъ, К. — Изъ жизни финскихъ переселенцевъ. „Трудъ" 1893, № 9, 587—604.

II. ОБЩІЕ ТРУДЫ О ФИНЛЯНДІИ.

Финляндія въ XIX столѣтіи, изображенная въ словахъ и картинахъ финляндскими писателями и художниками. Главный редакторъ Л. Мехелинъ. Гельсингфорсъ, 1894 г., in folio, 405 стр.

(Чрезвычайно роскошное изданіе со множествомъ иллюстрацій и портретовъ. Въ немъ приняли участіе самые выдающіеся финляндскіе ученые и общественные дѣятели. Эта книга охватываетъ всѣ стороны финляндской культуры и жизни, и каждая статья написана лучшимъ знатокомъ даннаго вопроса. Въ числѣ сотрудниковъ обращаютъ на себя вниманіе такіе корифеи финляндской литературы и науки, какъ: З. Топеліусъ, Л. Мехелинъ, профессора Г. И. Рейнъ, К. Т. Эстландеръ, Р. Даніельсонъ, М. Г. Шиберг-

сонъ, Э. Г. Пальменъ, Л. Линделевъ, Э. Н. Сетеле, І. Я Тикканенъ, В. Седергельмъ, д-ръ А. Лилле и мн. др.).

Финляндія. Изд. О. Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб., 1898. 480 стр. Ц. 3 р. 50 к.

(Эта книга также обнимаетъ всѣ стороны финляндской жизни, и каждая глава въ ней написана спеціалистомъ. Въ этомъ сборникѣ приняли участіе Д. Протопоповъ, В. Скалонъ, И. Андреевъ (А. В. Игельстромъ), О. Грундстремъ, Т. Форселль, г-жа Т. Хультинъ, г-жа М. Фрибергъ, Э. Эркко, В. Валинъ, К. Лейно, проф. І. Тикканенъ и др. Множество портретовъ и снимковъ съ картинъ финляндскихъ художниковъ. Но, къ сожалѣнію, обѣ эти книги въ значительной степени уже устарѣли.)

Финляндія. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Полут. 70, 905—960, полут. 71, 1—6, 13—20, 23—28. Спб., 1902. (Статьи Д. Рихтера, А. В. Игельстрома, В. Скалона, П. Морозова, Э. Вольтера и др; тамъ же указана литература о Финляндіи. Кромѣ того, въ Энц. Словарѣ и Нов. Энц. Словарѣ статьи о важнѣйшихъ финляндскихъ дѣятеляхъ).

Финляндія. Журналъ, Спб., 1908. №№ 1—4, 1909, 1—4, подъ ред. П. В. Гусева; 1909. №№ 5—20, 1910. №№ 1—10, подъ ред. А. В. Игельстрома. (Статьи А. В. Игельстрома, Д. Д. Протопопова, барона С. А. Корфа, проф. І. Е. Мандельштама, Л. Мехелина, проф. Э. Н. Сетеле, проф. А. Погодина и др. финляндскихъ и русскихъ ученыхъ и публицистовъ.)

Арефинъ, С. А. — Пояснительный текстъ къ серіи „Финляндія". Составленъ подъ руководствомъ А. Игельстрома, подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина. Библ. стереографич. издательства „Свѣтъ". Спб., 1908. 99 стр.

Лезинъ, А. — Финляндія. Культурно-историко-географическіе и естественно-историческіе очерки. Подъ ред. Географич. Комиссіи при учебн. отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Со многими рисунками въ текстѣ и картой. Москва, 1906 и 1907. 150 стр. (Предназначена для юношества.)

Мечъ, Сергѣй. — Финляндія. М., 1912. 8-е изд. 136 стр. (новое изд. 1915 г.).

Сементовскій, Н. В. — Въ странѣ скалъ и озеръ. Съ 40 рис. и 8 картинами въ краскахъ. 40 стр. „Знаніе для всѣхъ", 1914, № 4.

Топеліусъ, Захарій. — Путешествіе по Финляндіи. Перев. со шведскаго Ѳ. Хеурена. Г-форсъ, 1875.

Изъ путеводителей по Финляндіи наиболѣе полные и заключаютъ много культурно-историческаго матеріала:

1) *Грэнхагенъ, К. Б.* — Спутникъ по Финляндіи. Спб 1914. Изд. X-е. 355 + XXXVIII стр. — Спутникъ на Иматру, Пунка-Харью и Нюслотъ. Спб., 1911. Изд. 5-е. 115 + XXIV стр.

2) *Тимоѳеевъ, Л. К.* — Путеводитель по Финляндіи. Изд. Финл. Общества туристовъ. Г-форсъ, 1915. XII + 405 стр. (Обширное культурно-историческое введеніе.) — Путеводитель по Гельсингфорсу. Г-форсъ, 1916. 95 стр.

3) *Гусевъ, П.* — Великое Княжество Финляндія. Путеводитель по городамъ, курортамъ и живописнымъ мѣстностямъ. Спб., 1911. Изд. 6-е. 234 стр.

III. О ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ И КУЛЬТУРѢ.

Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета, изданный Я. Гротомъ. Г-форсъ. 1842. 303 стр. (Сборникъ статей Я. Грота, Франсена, Плетнева (тоже сочин. и перев. Плетнева, Спб., 1885, I, 433—444), Кастрена, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Эмана, Рунеберга, гр. В. А. Соллогуба, Ленрота.)

Андреевъ, И. (А. В. Игельстромъ). — Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Финляндіи. „Образов." 1897, №№ 10—11; 40—56, 35—58.

Берендтсъ, Э. — Императорскій Александровскій университетъ въ Финляндіи. Очеркъ его организаціи и значенія въ общественной жизни Финляндіи. (На правахъ рукописи). Спб., 1902. Г. Т. 263 стр. Приложенія 112 стр.

Больдтъ, Р. — Организація изученія родины въ Финляндіи. Спб., 1910. 32 стр.

Введеніе всеобщаго обязательнаго обученія въ Финляндіи. „Ж. М. Н. П." 1909, № 4, 113—139.

Водовозова, Е. — Финляндія. Страна и народъ. „М. Б." 1892. №№ 9—11; 1—51, 1—43, 1—34.

Л. Г. — Современная финляндская литература и отношеніе къ ней западно-европейской критики. „Р. М." 1900. VII—IX; 71—99, 62—90. 155—164. (Переводы произведеній финляндскихъ писателей перечислены въ отд. II.)

Гордлевскій, Вл. — Домъ Рунеберга въ Борго. „Р. М." 1901. № VI, 54—66. — Памяти Эліаса Ленрута. (Страничка изъ культурной исторіи Финляндіи). Ib. 1903. № V. 79—108.

К. Гр. — Высшія народныя школы въ Финляндіи. „М. Б." 1901. № 11, 111—121.

Гротъ, Я. К. — Труды. Т. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Спб., 1898. 1071 стр. (Статьи о Финляндіи: Знакомство съ Рунебергомъ, некрологъ Рунеберга, Гельсингфорсъ, о финнахъ и ихъ народной поэзіи, литературныя новости въ Финляндіи, воспоминанія Александровскаго университета — очеркъ исторіи университета, напечатанный впервые въ „Альманахѣ Александр. У-та", — переѣзды по Финляндіи и др. (Переводы изъ Рунеберга перечислены выше.) Т. V. Спб., 1903. 628 стр. (Переводы изъ Рунеберга, Франсена и пр.). — Переписка *Я. К. Грота* съ П. А Плетневымъ. Т. I, 702 стр., т. II, 966 стр., т. III, 849 стр. Спб., 1896. (Эта переписка (1840—1853) обнимаетъ все время финляндской службы Грота; въ ней первенствующую роль играютъ Финляндія и вообще мотивы финскіе и скандинавскіе.)

Д. — На сѣверѣ Финляндіи. „Новое Слово". 1897, сент.

Джаншіевъ, Гр.—Среди баловней и пасынковъ природы. М., 1890. (О Финляндіи, 175—263.)

Г. З. — Очерки финской литературы. Г. Пейверинта. „Жизнь" 1897, № 2, 236—245.

Э. З. — По Финляндіи. (Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.) „Р. Б." 1901. №№ 1—2; 147—189, 101—125.

Зотовъ, Вл. — Исторія всемірной литературы. Спб., 1882, т. IV (о финляндской литературѣ нѣсколько страницъ).

Ирье Коскиненъ, И. К. Народная школа въ Финляндіи, въ городѣ и деревнѣ. „В. Е." 1898, № 8, 755—799.

Корфъ. С. А. баронъ.—Гельсинг. Александр. университетъ. „Русск. Энцикл.", т. V.

Крилль, Т. — Финляндская высшая народная школа. „М. Б." 1896. №1, 198—204.

Купринъ, А. — Немножко Финляндіи. Масленица въ Финляндіи. Собр. сочин., т. VI (Изд. 3-е, 1911), 195—208; XI, 45—52. Московск. книгоиздат.

М. Л. (Майковъ). — О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка. „Ж. М. Н. П." 1877, №№ 6, 7, 12; 260—282, 165—198; 240—280. Отдѣльно. Спб., 1877. 107 стр. (Составлено по труду д-ра А. Алквиста).

Левинсонъ, А. — Аксель Галленъ. Изд. „Пропилеи". Спб., 1908.

Мандельштамъ, І. Е. — Рунебергъ и его поэзія. „В. Е." 1904, № 3, 223—258. — „Садко Вейнемейненъ". „Ж. М. Н. П." 1898. № 2, 328—338.

Мансикка, В. — Алеша Поповичъ и Иванъ Годиновичъ въ Финляндіи. „Этн. Обозр." 1907. № 3. 28—41. — K. Krohn. Исторія рунъ Калевалы. Ib. 1909. № 4. 108—119.

Морозовъ, П. О. — Финская литература, въ ея прошломъ и настоящемъ. „В. Е." 1902. №№ 7—8; 187—228, 571—620.

Николаевъ, А. — Три мѣсяца въ финской деревнѣ. „Р. Б." 1910, № 6. 36—56.

Песковскій, М. — Въ странѣ, гдѣ тысячи озеръ. „Р. М." 1887, №№ II—III; 47—74, 26—49.

Петровъ, Г. С. — Страна болотъ (финляндскія впечатлѣнія). М., 1910. 63 стр.

Полонскій, Л. А. — Нѣсколько дней въ Финляндіи. „В. Е." 1872. № 4, 766—802.

Сетеле, Э. Н., проф. — Изъ исторіи каѳедры финскаго языка и литературы въ Гельсингфорскомъ университетѣ. „Р. М." 1902, VIII, 127—141.

Скалонъ, В. — Народное образованіе въ Финляндіи, въ сборн. Э. Левассера: „Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ". Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899, т. II, 229—263. — Сельскія школы и вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ Финляндіи. „Рус. Школа" 1896, №№ 5—8, 199—213, 208—230.

Смирновъ, И. — Наброски изъ исторіи финской культуры. „Этн. Обозр." 1891. № 2, 59—73.

Смѣлова, Е. Б. — Изъ жизни средней школы въ Финляндіи. „Ж. М. Н. П." 1909. №№ V и XI, 81—103, 82—101.

Тальгренъ, А. М.—Родиновѣдѣніе въ Финляндіи. Пер. Л. К. Тимоѳеевъ. Спб., 108 стр.

Тіандеръ, К. — Шведскій фольклоръ въ Финляндіи. „Ж. М. Н. П.", 1898, № 8, 442—467. Матіасъ Кастренъ — основатель финнологіи. Ib. 1904, № 5, 1—68. Гимнастика въ финляндскихъ школахъ. „Вѣстн. Воспит." 1910, № 8, 207—215. — Юхани Ахо. „С. М." 1911, № 9, 266—273. — Арвидъ Ернефельтъ. Ib. 1912, № 7, 260—270. — Литература Фянляндіи. „Отечество. Сборникъ національныхъ литературъ Россіи". Т I, 3—27. Изд. б. М. В. Попова. П-градъ, 1916. (Д-ръ

К. Ф. Тіандеръ — выдающійся изслѣдователь исторіи и литературы сѣверныхъ странъ).

Фирсовъ, В. — Новѣйшіе финскіе писатели (крит. этюдъ). „М. Б." 1897, № 2, 85—101. — Народная школа въ Финляндіи. Ib., 1897, № 8, 61—80. — Причины культурнаго роста Финляндіи. Ib. 1898, № 12, 1—23. — Литература „Пасынковъ природы" (финскіе беллетристы въ характеристикахъ и образцахъ), „В. И. Л." 1898, №№ 3—4; 203—231, 188—220. (Вошедшіе въ эту статью переводы перечислены въ отд. I. подъ авторами). — Финскій писатель. Критич. очеркъ. „Книжки Недѣли", 1898, №№ 3, 4; 211—229 (объ Ю. Ахо). — Финляндскій національный поэтъ. Ib. 1898, № 9, 145—158.

Харузинъ, Н. Н. — Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. М., 1895. 99 стр. (Изъ „Этногр. Обозр.", XXIV—XXV).

Якубовъ, К. — Э. Ленротъ, основатель національной литературы въ Финляндіи. „В. Е." 1882, № 8, 751—758.

IV. ИСТОРІЯ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ, СОЦІАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ *.

Аренбергъ, Я. — Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Пер. подъ ред. К. Ф. Тіандера. „Гол. Мин." 1916, №№ 5—6, 7—8, 9, 10; 340—371, 289—331, 147—170, 155—183.

Арсеньевъ, К. К. — За четверть вѣка. (1871 — 94). Сборникъ статей П-градъ, 1915. 615 стр. (О Финляндіи: стр. 213—218, 223—226, 416—422, 426—435).

Берендтсъ, Э. (Д-ръ финансоваго права.) — Финансовое право В. К. Финляндскаго въ XIX столѣтіи. Спб., 1900. — Краткій обзоръ финансовъ и финансоваго управленія В. К. Финляндскаго. Спб., 1900. 196 стр.

Бореніусъ, Г. — Акты для выясненія политическаго положенія В. К. Финляндскаго. Изд. 2-е. Спб., 1908. 56 стр.

Брусянинъ, В. В. — Въ странѣ озеръ. Очерки изъ финляндской жизни. П-градъ, 1916. Изд. „Жизнь и Знаніе". 233 стр. (Въ полубеллетристич. формѣ о сеймовыхъ выборахъ и пр.).

Быховскій, Н. — Партіи въ Финляндіи. „Соврем." 1811, № 10, 254—282. — Финляндія и Россія (сравн. очерки культуры). „Жизнь для всѣхъ". 1911, III—IV.

Внѣшняя торговля Финляндіи. Сводъ данныхъ финляндской статистики за 1902—1912 г.г. Министерство финансовъ. Спб., 1914. XXVIII + 160 + IV стр.

Бородкинъ, М. — Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Спб., 1910. 337 стр. — Время Елизаветы Петровны. Спб., 1910. 312 стр. — Время Екатерины II и Павла I. (Посвящается памяти П. А. Столыпина.) Спб., 1912. 446 стр. — Время императора Александра I Спб., 1909. 635 стр. — Время Императора Николая I. П—градъ, 1915. 716 стр. — Время Императора Александра II. Спб. Г. Т. 1908. 571 стр. — (Пере-

* Къ сожалѣнію, значительная часть указанныхъ въ этомъ отдѣлѣ трудовъ принадлежитъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Дѣло въ томъ, что царская цензура всячески преслѣдовала распространеніе политической литературы о Финляндіи, за исключеніемъ „офиціальной" (т. е. тенденціозной).

численные труды — съ многочисленными иллюстрац. и картами — даютъ много историческаго матеріала, но чрезвычайно тенденціозны, т. к. авторъ ярый бобриковецъ.)

Вреде, Р., проф. — Будущее русское народное представительство и Финляндія. „Право", 1905, № 22.

Вреде, Р. А., Стольбергъ, К. І., Эстландеръ, Лиліусъ, Ф. О. — Права русскихъ въ Финляндіи. Г—форсъ, 1910. 89 стр.

Гебгардъ, Ганнесъ, Д-ръ. — Исторія кооперативнаго движенія въ Финляндіи. Спб., 1911. 80 стр. — Финляндскіе торпари. Спб., 1914. Г. Т. 18 стр.

Германсонъ, Р., — Письмо въ редакцію. По вопросу о законахъ Финляндіи. „В. Е." 1890, № 6, 776—798. — Государственно-правовое положеніе Финляндіи. Перев. со шведск. Спб., 1892. Вып. I и II. — По вопросу о положеніи Финляндіи. Въ поясненіе и защиту. Гельсингфорсъ, 1909. 167 стр. — Къ финляндскому вопросу. Матеріалы. Спб., 1908. 87 стр. — Мнѣніе М. М. Сперанскаго о конституціи Финляндіи. „Право" 1908, № 24, 1414—1419. — Статья 2-я россійскихъ основныхъ законовъ и финляндская конституція. Ib. 1908, № 16, 899—911.

Германъ, И. Я. — Организація всеобщаго правила голосованія и ея осуществленіе въ избирательной системѣ Финляндіи. „Вѣст. Знанія" 1911, № 12, 1115—1126.

Гецъ, Б. — Государ. правовое отношеніе между Финляндіею и Россіею. Перев. съ норвежск. Стокгольмъ, 1902. 57 стр.

Грипенберъ, Л. — Торговыя сношенія между Имперіею и Финляндіею за послѣднія 25 лѣтъ. Спб., 1911. 23 стр.

Даніельсонъ, Рих. — Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою. По поводу сочин. К. Ордина „Покореніе Финляндіи". Борго и Спб., 1890. 172 стр. — Внутренняя самостоятельность Финляндіи. — Отвѣтъ на новыя нападки. Борго, 1892. 106 стр.

Ельтъ, Авг. — Страхованіе рабочихъ въ Финляндіи. „Русск. Эконом. Обозр." 1901, № 12, 56—96.

Игельстромъ, А. В. — Поземельныя отношенія въ Финляндіи. „В. Е." 1900. № 12. 687—706. — Экономическій прогрессъ Финляндіи, „Нар. Хоз." 1902, № 1, 1—33. — Новый законъ объ арендѣ земель въ Финляндіи. „Право" 1909, № 13, 815—820. Рядъ статей въ журн. „Финляндія" 1909, 1910. — Финляндія. Въ сборн. „Нормы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ". Подъ ред. А. И. Кастелянскаго. 625—653.

Игнаціусъ, К. Э. Ф. — Вел. Княжество Финляндское. Статистич. замѣтки. Г—форсъ 1882. 49 стр.

Ковалевскій, Максимъ. — Финляндскій вопросъ. „В. Е." 1910, № 7. 253—257. — Равноправіе въ Финляндіи. Ib. 1912, № 2, 428—442.

Кокошкинъ, Ѳ. — Одна изъ современныхъ попытокъ разрѣшенія финлянд. вопроса. „Р, М." 1909, VI, 125—138.

Кокъ, І. — Всеобщая забастовка въ Финляндіи. Пер. съ финск. Спб., 1907. 64 стр.

Коллонтай, А. — Земельный вопросъ въ Финляндіи. „Научн. Обозр." 1902, №№ 2, 3, 4; 46—54, 292—210, 124—136. — Сплавщики лѣса въ Финляндіи. Ib. 1902, № 9, 69—78. — Жилища финляндскихъ рабочихъ. „Р. Б." 1902, № 7, 126—144. — Жизнь финляндскихъ рабочихъ. Экономическое изслѣдованіе. Спб., 1903. 8 + 335 стр. —

(Рецензіи: „Нар. Хоз." 1903, іюль — авг., 192—197. „Образ." 1903, № 9, 102—105. „Право" 1903, № 23, 1609—1613. „Рус. Экон. Обозр." 1903, іюль, 163—170). — Финляндія и соціализмъ. Спб., 1906. 80 стр. — Новый финляндскій парламентъ. „Образ." 1907, № 4, 72—90, № 5, 54—69, № 7, 20—47. — Общественное движеніе въ Финляндіи. Въ сборн. „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка". Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. IV, ч. 2-ая. 247—300. Спб., 1911. — Въ книгѣ „Общество и Материнство", П—градъ, 1916. Глава XXIII — Финляндія, 515—542 *.

Корфъ, С. А., баронъ (проф.). — Россія и Швеція, финляндскія дѣла. Сборникъ „Отечественная война и русское общество". 1812—1912. Юбилейное изд. Истор. комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. М. 1911—1912, II, 71—92. — Финляндія и отношеніе финляндцевъ къ русскимъ. „Право" 1909, № 4, 290—298. — Вліяніе роспуска палаты на правовое значеніе принятыхъ ею законопроектовъ. Ib., № 14, 861—882. — Статьи въ „Финляндіи" 1909. №№ 8, 10, 12. — Некрологъ Мехелина въ „Юридич. Вѣстн." 1914, V, „Вѣст. Мира" 1914, № 8. „Новое Звено" 1914, № 5.

Краткій очеркъ государств. устройства и правленія В. К. Финляндскаго. Г-форсъ, 1885, 66 стр.

Лангъ, І. К., проф. — Промысловое право В. К. Финляндскаго Пер. Э. Н. Берендтса. Ярославль, 1905. 372 + VIII стр.

Мехелинъ, Л. — Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Перевед. съ франц. яз. и дополнена примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ф. Ординымъ. Спб., 1888. 152 стр. Переводъ труда Мехелина: „Précis du droit public du grand-duché de Finlande", 1886 — снабженъ тенденціозными комментаріями. — Отвѣтъ г-ну Ордину. „В. Е." 1888. № 3, 383—390. — Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи? Гельсингфорсъ, 1890. 58 стр. — Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи. Перев. Гельсингфорсъ, изд. Эдлундъ. 1898. 96 стр. — Новая книга г. Ѳ. Еленева и поправки къ ней. „В. Е." 1898, № 12, 808—831. — Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Критика брошюры Н. Д. Сергѣевскаго. Берлинъ, 1903. 170 стр. — Къ вопросу о ближайшемъ опредѣленіи правовыхъ отношеній между Россіею и Финляндіею. Перев. со шведск. Гельсингфорсъ, 1909. 142 стр. — Законъ 17 (30) іюня 1910 г. о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Критическій разборъ. Гельсингфорсъ, 1910. 206 стр. — Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ. Критическій обзоръ. Перев. со швед. Спб., 1908. Изд. автора. 157 стр. — 1809—1909. „В. Е." 1909. № 4, 606—620. Рядъ статей въ журн. „Финляндія" 1909, 1910 г.г.

Мировичъ, Н. — Побѣда женскаго движенія въ Финляндіи. „Р. М." 1907, № VII, 118—136.

Морозовъ, П. — Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи. Мин. Фин. Спб., 1895. 91 стр.

Неовіусъ, Фрит. — Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею. По поводу таможеннаго вопроса. Пер. со швед. Гельсингфорсъ, 1890. 50 стр.

---

* Капитальные труды А. М. Коллонтай по экономическому и соціальному вопросамъ въ Финляндіи не имѣютъ подобныхъ себѣ и въ финляндской литературѣ.

Нюгольмъ, К. В. — Положеніе Финляндіи въ Россійской державѣ Пер. съ датскаго. Берлинъ, 1901. 125 стр.

Оленинъ, Р. — Аграрный вопросъ въ Финляндіи. „Р. Б." 1906. № 6, 110—116. Аграрный вопросъ въ программѣ финляндской с. д. партіи. Ib. 1904, № 8, 69—62.

Отчеты органовъ объединенія агрономическихъ силъ въ Финляндіи. Изд. Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Пер. подъ ред. Н. Л. Скалозубова. М., 1916. 8 + I — VI + 111 + 17 стр.

Посторонній наблюдатель *(В. Головинъ).*—Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Нынѣшнее политическое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго. Историко-полемическій очеркъ. Изданіе Георгія Фразера. Спб., 1891. XXIV, 192 стр.

Программы финляндскихъ партій. Спб., 1909. Г. Т. XXVII, 105 стр. (Обстоятельное изложеніе, переводъ. Предислов. тенденц.).

Протопоповъ, Д. — Изъ Финляндіи о Финляндіи. „Р. М." 1907, X, 50—62.

Расчлененіе Финляндіи. (Къ вопросу объ отдѣленіи отъ Выборгской губ. приходовъ Кивинебъ и Новая Кирка.) Гельсингфорсъ, 1912. 102 стр.

Рейнъ, Т. — Іоганнъ Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біограф. очеркъ Сокращенный пер. со шведск. Спб., 1903. Г. Т. 186 + II + 335 стр. Рец. „В. Е." 1903. № 11, 422—431.

Руссобтовскій, М. — Историч. освѣщеніе финляндскаго вопроса. 2 изд. Спб., 1912. 218 стр.

Сеймовый уставъ В. К. Финляндскаго 7/20 іюля 1096. Г. Т. Спб., 1906.

Сеймъ. 1910—1914 г.г. Протоколы. Гельсингфорсъ. (Издавались финляндскимъ сенатомъ.)

Финляндскій сеймъ. Законопроектъ общегосударств. законодательства. (Пренія о передачѣ въ комиссію.) Спб.

Статистическій ежегодникъ Финляндіи. Годы 1903—1915. Изд. Центральнаго Статистич. бюро. Гельсингфорсъ.

Съверцевъ-Полиловъ, Г. Т. — Проснулась женщина! Повѣсти и разсказы. Спб. Изд. „Прогрессъ". 1910. 235 стр. (О женскомъ движеніи въ Финляндіи.)

Т--на, А. — Возсоединеніе старой Финляндіи съ новою въ 1811 г. „В. Е." 1901. № 7, 317—346.

Торговля и промышленность Россіи и Финляндіи. Юридическо-экономическій справочникъ. 1912—1913. Часть I — Финляндія. Изд. Г. А. Гриневскаго. Гельсингфорсъ, 1912. 224 + XXII стр. (Сборникъ статей финляндцевъ-спеціалистовъ.)

Трюксъ-Хеленіусъ, Алли и *Хеленіусъ, Матвѣй.* — Вліяніе алкоголя. Изд. жур. „Рус. Школа". Спб., 1905. 59.

Фирсовъ, В. — Хлѣбопашество и скотоводство въ Финляндіи. Изд. „Посредника". М., 1902. 32 стр.

Хеденгренъ І. — Лео Мехелинъ. Біограф. очеркъ. Прилож. „Окраины Россіи". Спб., 1908 Г. Т. V + 20 стр. (Предислов. тенденц.)

Шараповъ, Сергѣй. — Что дѣлать съ Финляндіей. М., 1910. 77 стр.

Шибергсонъ, М. — Исторія финскаго народа. „Вѣст. Всемір. Истор.". 1901. (Сокращенное изложеніе, по Шибергсону и др.).

Шибергсонъ, Э.—Финляндскій банкъ 1811—1911. Пер. А. Игельстрома Г-форсъ, 1914. 380 стр.

Эрихъ, Э. (Докторъ правъ.) — Государственно-правовое положеніе Финляндіи въ освѣщеніи иностранныхъ юристовъ. Перев. со шведскаго. Изданіе автора. Спб., 1908. 95 стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Э. Неванлинна.	Обзоръ политическаго, общественнаго и экономическаго развитія Финляндіи въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ	1
В. Тарніайненъ.	Очеркъ исторіи финляндской литературы XIX и XX вв. Пер. О. Вальстремъ	32
Іоганъ-Людвигъ-Рунебергъ.	Нашъ край. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ.	91
»	Умирающій воинъ. Стихотвореніе. Пер. В. Бакулинъ	93
»	Вѣрный сынъ Финляндіи скалистой... Пер. В. Бакулинъ	95
»	* Разъ изъ рощи воротилась дочка .. Стихотвореніе. Пер. В. Авенаріусъ.	96
»	* Разъ тайкомъ Ивановскою ночью... Стихотвореніе. Пер. В. Головинъ	97
»	Лебедь. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ	98
»	У ручья. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ. . . .	99
Ларсъ Стенбекъ.	Родина. Стихотвореніе. Пер. Е. Сырейщикова.	100
Е. фонъ - Квантенъ.	Финская пѣснь. (Пѣсня Суоми.) Стихотвореніе. Пер. Е. Сырейщикова	102
З. Топеліусъ.	Млечный Путь. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ . .	103
»	Лѣтній день въ Кангасала. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ.	104
»	Рабочая пѣсня. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ .	106
»	Имя Финляндіи. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ.	—
»	Разсказы фельдшера. (Второй циклъ.) Пер. М. П. Благовѣщенская	108
І. Ю. Векселль.	Есть ли доблесть въ тебѣ. Стихотвореніе. Пер. И. Каншинъ	135
»	Брилліантъ на мартовскомъ снѣгу. Стихотвореніе. Пер. Д. Семеновскій	—
А. Оксаненъ.	* Невѣста кормчаго. Стихотвореніе. Пер. Н. Новичъ.	137
Суоніо.	Разсказы мѣсяца. (Второй вечеръ.) Пер. М. П. Благовѣщенская	140
А. Киви.	Качели. Стихотвореніе. Пер. Д. Семеновскій .	142
»	Лѣсъ вдали. Стихотвореніе. Пер. В. Аренсъ . .	143
»	Тоска. Стихотвореніе. Пер. Д. Семеновскій . .	144
»	Семь братьевъ. (Глава четырнадцатая.) Пер. Н. К. Ядрышевъ.	145
»	Сговоръ. (Комедія въ одномъ дѣйствіи). Пер. Г. І. Тюнни	166

---

* Стихотворенія и статьи, отмѣченныя звѣздочкой, печатались ранѣе въ другихъ изданіяхъ. *Редакція.*

		Стр.
К. Крамсу.	Якко Илькка. Стихотвореніе. Пер. В. Венгровъ.	179
„	Несчастный. Стихотвореніе. Пер. В. Аренсъ . .	180
И. Каяндеръ.	Страна лѣсовъ. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ.	182
„	Родина. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ . . .	183
А. Іеннесъ.	Проснись, Финляндія. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ	184
„	Карелія. Стихотвореніе. Пер. В. Бакулинъ . . .	185
И. Эркко.	Пѣсня Вуоксы. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ.	187
„	Третья. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ	188
Минна Кантъ.	Нянька. Пер. М. П. Благовѣщенская	190
К. Тавастшерна.	Съ того берега Стикса. Стихотвореніе. Пер. Т. Кладо	198
„	Рождественское утро. Пер. В. М. Смирновъ . .	—
П. Пейверинта	Матти-Горемыка. Пер. О. Вальстремъ	209
Ю. Ахо.	Преслѣдуемый судьбою. Пер. М. П. Благовѣщенская	220
„	У береговъ печали. Пер. М. П. Благовѣщенская.	248
„	Месть пустыни. Пер. О. Вальстремъ	249
„	Для другихъ. Пер. В. Смирновъ	258
А. Ернефельтъ.	Дѣти земли. Пер. М П. Благовѣщенская . . .	260
Сантери Ингманъ.	Безхвостый теленокъ. (Разсказъ.) Пер. М. П. Благовѣщенская	350
Козимиръ Лейно.	Дитя народа. Стихотвореніе. Пер. Е. Сырейщикова	359
Т. Паккала.	Чудо. Пер. О. Вальстремъ	360
„	Маленькая преступница. Пер. Оскаръ фонъ-Шульцъ	365
„	„Стигнафолія". Пер. О. Вальстремъ	370
Каутисъ-Хейкки.	Счетъ землекопа Давида. Пер. М. П. Благовѣщенская	377
Майла Талвіо.	Лѣсной пожаръ. Пер. Г. І. Тюнни	382
Микаэль Любекъ. *	Восходъ солнца. Стихотвореніе. Пер. Б. . . .	395
„	Усталыя деревья. Стихотвореніе. Пер. В. Ходасевичъ	396
І. В. Нюландеръ.	Привѣтъ матери. (Разсказъ.) Пер. М. П. Благовѣщенская	397
Іоганнесъ Линканкоски.	Человѣкъ древняго міра. Пер. Г. І. Тюнни . .	404
„	Побѣдитель водопадовъ. (Гл. X. „Пѣсня объ огненно-красномъ цвѣткѣ"). Пер. М. П. Благовѣщенская	408
Эйно Лейно.	Илерми. (Баллада.) Стихотвореніе. Пер. Г. І. Тюнни.	423
„	Синій крестъ. Стихотвореніе. Пер. В. Ходасевичъ.	425
„	Она надъ цвѣтами... Стихотвореніе. Пер. Сырейщикова	429
„	Сердце. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ	430
„	Пѣсня торпаря. Стихотвореніе. Пер. В. Ходасевичъ.	—
А. Кіэсти.	Митимарья. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ . .	432
„	Месть въ лѣсу. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ.	433
„	Дѣдъ и часы. Стихотвореніе. Н. Ашукинъ . .	439

		Стр.
Бертель Грипенбергъ.	Прекраснѣйшій край. Стихотвореніе. Пер. Лангеншельдъ	442
„	Томленіе весной. Стихотвореніе. Пер. В. Аренсъ.	443
„	Крыло. (Сонетъ.) Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ.	—
Мёрне.	Поселокъ. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ	445
„	Я этотъ край люблю... Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ	—
Нино Рунебергъ.	Маршъ мертвецовъ. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ.	447
Яковъ Тегенгренъ.	Земля есмь. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ	448
Ялмаръ Прокопе.	Мечтатель. Стихотвореніе. Пер. В. Ходасевичъ.	449
„	При устьѣ рѣчки. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ.	450
Марія Іотуни.	Любовь. Пер. Э. Торніайненъ	454
„	Смерть. Пер. О. Вальстремъ	456
О. Манниненъ.	Минувшій день. Стихотвореніе. Пер. В. Аренсъ.	467
„	Пустынножитель лѣсовъ. Стихотвореніе. Пер. В. Ивановъ	468
В. А. Коскенніеми.	У костра. Стихотвореніе. Пер. В. Ходасевичъ.	469
„	Nocturne. Стихотвореніе. Пер. Т. Кладо	470
Л. Онерва.	Не страшусь. Стихотвореніе. Пер. А. Блокъ	471
„	Отвѣтственность передъ родомъ. Стихотвореніе. Пер. В. Брюсовъ	—
Р. Экелундъ.	Темная страна. Стихотвореніе. Пер. ***	473
Ярлъ Хеммеръ.	Подъ черемухой. Стихотвореніе. Пер. В. Аренсъ.	474
І. Сильё.	Осенніе листья. Стихотвореніе. Пер. Т. Кладо	475
Библіографія.	Составилъ В. М. Смирновъ	476
Оглавленіе		488

69703729

Цѣна 6 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПАРУСЪ“.